ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

IX.

ВЫПУСКЪ 1—2.

СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1904.

GRAD
DR
20
.A1
I87
v. 9
pt. 1-3
Bunr

Печатано на основаніи § 4 Устава Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Директоръ Ѳ. Успенскій.

GRAD
CASS
42546
12-12-03
Bain

Оглавленіе.

В. А. Пашченко, Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій Законъ и монастырскіе документы . . . . . 1—234
Р. Х. Лемеръ, Нѣсколько греческихъ и римскихъ надписей . . . . . 235—260
J. Pargoire, Les Saint-Mamas de Constantinople . . . . . 261—316

Б. А. Панченко.

Крестьянская собственность въ Византіи.

Земледѣльческій Законъ и монастырскіе документы.

I.

Крестьянскій Законъ и общинное землевладѣніе.

I.

Важность Крестьянскаго Закона, стр. 1. Недостаточность изученія какъ обычной редакціи (при Арменопулѣ), такъ особенно древнѣйшихъ текстовъ безъ титуловъ, стр. 2. Труды русскихъ ученыхъ и Московскіе списки, стр. 4. Эксцерпты сербскаго перевода въ компиляціи „Цара Јустиніана Закон", уклоненія отъ греческаго оригинала, стр. 5. Полный славянорусскій переводъ въ компиляціи „Книги Законныя", стр. 7. Сравненіе двухъ древнѣйшихъ редакцій: Миланской, изданной Ферриии, Московской, изданной Павловымъ, и русскаго текста „Книгъ Законныхъ", относительно состава и числа статей, стр. 9. Древнѣйшая Миланская редакція и интерполяціи въ текстѣ отдѣльныхъ статей въ позднѣйшихъ редакціяхъ и въ древне-русскомъ переводѣ, стр. 12. Дополнительныя статьи изъ Юстиніанова права въ позднѣйшихъ изводахъ, особенно въ редакціи 14 титуловъ, стр. 16. Четыре ряда статей въ древнѣйшемъ текстѣ, стр. 19. Отсутствіе слѣдовъ оффиціальной редакціи въ древнѣйшихъ текстахъ, стр. 21. Предположеніе Цахаріэ и другихъ о принадлежности Крестьянскаго Закона къ иконоборческому законодательству: повелѣвающій тонъ, обращеніе къ судьямъ, стр. 22. Сравненіе памятника съ Эклогою Льва и Константина, стр. 24. Статьи изъ Крестьянскаго Закона въ титулѣ Эклоги περὶ ποινῶν, интерполяціи въ составѣ этого титула, стр. 25. Крестьянскій Законъ не долженъ быть отнесенъ къ законодательству императоровъ иконоборцевъ, и могъ быть записанъ какъ въ VIII, такъ и въ VII вѣкѣ, стр. 27.

Въ сложномъ вопросѣ о происхожденіи и судьбахъ крестьянской общины, о характерѣ крестьянской собственности въ Византіи Крестьянскій Законъ (Νόμος γεωργικός), приписанный императорамъ иконоборцамъ, занимаетъ первенствующее положеніе.

Единственный памятникъ Византійскаго права, кромѣ нѣкоторыхъ новеллъ меньшаго объема и спеціальнаго назначенія, посвященный отношеніямъ въ быту свободнаго крестьянства, Крестьянскій Законъ и по времени своего происхожденія стоитъ на первой очереди въ названномъ вопросѣ, относясь къ первому періоду Византійскаго законовѣдѣнія послѣ Юстиніановой редакціи римскаго права.

Этотъ первый, иконоборческій періодъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый оригинальный. Крестьянскій Законъ въ своей древнѣйшей и подлинной редакціи представляетъ изъ себя памятникъ независимый отъ Юстиніанова права. Тогда какъ Сирійскій Законникъ V вѣка является частною компиляціею изъ римскихъ источниковъ съ нѣкоторыми добавленіями автора на основаніи сирійскихъ юридическихъ

обычаевъ [1]), Крестьянскій Законъ даетъ намъ запись сложившагося обычнаго права для практическаго руководства.

Оригинальное содержаніе Крестьянскаго Закона обусловило то, что съ нимъ преимущественно, при разработкѣ Византійской внутренней исторіи, оказались связанными двѣ крупныя проблемы: о происхожденіи свободной крестьянской общины и о Славянскомъ вліяніи на преобразованіе сельскихъ классовъ и характера собственности въ Византіи.

Громадный интересъ, съ которымъ въ виду вышесказаннаго естественно приступать къ изученію Крестьянскаго Закона, однако не оправдывается въ значительной мѣрѣ при ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ этого источника. На оба означенные вопроса объ общинѣ и о Славянскомъ на нее вліяніи Крестьянскій Законъ не можетъ дать рѣшающихъ отвѣтовъ; но его анализъ съ устраненіемъ предвзятыхъ идей представляетъ единственно правильную постановку вопроса о характерѣ Византійской общины и направляетъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

При такомъ историческомъ интересѣ Крестьянскаго Закона для его изученія сдѣлано недостаточно. Прежде всего несовершенно выясненъ его текстъ. Первыми изданіями памятника являются: Сваллемберга (при Арменопулѣ, Парижъ 1540 г.), Балдуина (при Новеллахъ Юстиніана, Lovanii 1542, латинскій переводъ), Шардія (Leges rusticæ, militares, navales . . ed. S. Schardius Basileæ, 1561) и Леунклавія (Leunlavius, Juris Græco-Romani tomi duo, ed. cura M. Freheri, Francofurti 1596, t. II, p. 256—265 (позднѣйшая редакція съ рубриками пятнадцати титуловъ, но безъ нумераціи титуловъ и статей, по одному изъ Парижскихъ списковъ, „ex Fr. Pithoei bibliotheca editæ“, *Ritter).*

Печатныя изданія Крестьянскаго Закона представляютъ этотъ памятникъ въ той его редакціи съ добавленіями и измѣненнымъ порядкомъ статей, которая обыкновенно помѣщается вслѣдъ за Appendix къ „Шестикнижію“ Арменопула. Важнѣйшими изданіями Арменопула и приложеній къ его „Шестикнижію“, сильно подвинувшими критику текста, являются изданіе *Рейца,* напечатанное вмѣстѣ съ примѣчаніями *Риттера* въ Supplementum Novi Thesauri juris civilis et canonici . . . ex collectione et museo Meermanniano, ed. J. L. B. de Meermann, Hagæ Comitivæ 1780, fol. 386—398, съ раздѣленіемъ на десять титуловъ, и изданіе Густава Геймбаха, C. Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos cum appendicibus et legibus agrariis, ed. G. F. Heimbach, Lipsiæ 1851, съ раздѣленіемъ тоже на десять титуловъ.

Изданія Леунклавія, Рейца и Геймбаха представляютъ vulgata Крестьянскаго Закона, позднѣйшій текстъ съ добавленіями и съ рубриками титуловъ. Въ этомъ видѣ Крестьянскій Законъ сохранился въ многочисленныхъ спискахъ „Шестикнижія“ Арменопула, обыкновенно послѣ т. н. Appendix трехъ или четырехъ титуловъ, принадлежащаго вѣроятно самому Арменопулу; въ нѣкоторыхъ же спискахъ между

[1]) О составѣ Сирійскаго Законника см. теперь *C. Ferrini,* въ Zeitschr. f. Rechtsgesch. XXIII (1902), Roman. Abth., p. 101—143.

концомъ Шестикнижія и названнымъ Appendix, или же въ серединѣ Шестикнижія; но въ древнѣйшихъ рукописяхъ, почти современныхъ составленію „Шестикнижія", Крестьянскій Законъ или совершенно отсутствуетъ (cod. Ottobonianus 1345 г.), или по его положенію среди другихъ статей замѣтно, что онъ не занялъ опредѣленнаго мѣста въ составѣ дополненій къ „Шестикнижію". Поэтому слѣдуетъ принимать вмѣстѣ съ Геймбахомъ, что Крестьянскій Законъ былъ присоединенъ къ Шестикнижію не самимъ его авторомъ, но вскорѣ послѣ него [1]).

Рукописное преданіе для этой позднѣйшей редакціи Крестьянскаго Закона весьма обильно, оно обнаруживаетъ варіанты и колебанія въ числѣ дополнительныхъ статей. Число списковъ „Шестикнижія" съ дополненіями еще не приведено окончательно въ извѣстность, и приближается къ пятидесяти. Не всѣ изъ нихъ однако содержатъ Крестьянскій Законъ [2]).

Въ Московской Синодальной Библіотекѣ насчитывается шесть списковъ Крестьянскаго Закона [3]), изъ которыхъ въ трехъ случаяхъ Крестьянскій Законъ слѣдуетъ за судебникомъ Арменопула послѣ статьи о хиротоніяхъ (№№ 329 и 330) и Θέσπισμα Κωνσταντίνου (№ 331), входящихъ въ составъ приложеній къ „Шестикнижію". Всѣ три списка относятся къ XV вѣку, а № 329 датированъ 1450-мъ годомъ, представляя такимъ образомъ одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Шестикнижія. Въ первыхъ двухъ спискахъ авторъ каталога насчиталъ по 91 статьѣ, въ третьемъ 94.

Весь рукописный матеріалъ для позднѣйшей, распространенной до 90 слишкомъ статей, редакціи Крестьянскаго Закона, носящей въ рукописяхъ наименованіе Закона изъ книгъ Юстиніана и сопровождающей Шестикнижіе Арменопула, далеко еще не использованъ, и въ изданіяхъ Геймбаха и Рейца дѣйствительно привлечена лишь часть извѣстныхъ списковъ.

Для возстановленія первоначальной редакціи Крестьянскаго Закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ могъ быть изданъ, какъ полагаютъ, императорами Львомъ и Константиномъ, сдѣлано еще менѣе.

Цахаріэ фонъ Лингенталю было извѣстно существованіе древнѣйшаго текста Крестьянскаго Закона въ 83 по его счету статьи, безъ дополненій изъ Юстиніанова права, безъ раздѣленія на титулы и съ значительно иною послѣдовательностью въ размѣщеніи статей. Ему были знакомы по крайности два списка древнѣйшей редакціи, Парижскій и Венеціанскій [4]), и онъ имѣлъ въ виду критическое изданіе древнѣйшей редакціи. Продолжатель трудовъ его Феррини положилъ начало возстановленію подлиннаго закона, напечатавъ текстъ Миланскаго списка древнѣйшей

[1]) *G. E. Heimbach*, Harmenopuli manuale legum, p. XV—XVI. Не такъ *Zachariæ*, Geschichte des griech.-röm. Rechts, 3 Aufl. p. 249.

[2]) *Heimbach*, o. c. p. II—XIII. *Mortreuil*, Histoire du droit byzantin, III 363—365.

[3]) *Арх. Владиміръ*, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (Патріаршей) Библіотеки. Ч. I. Рукописи греческія. Москва 1894. №№ 318. 322. 326. 329. 330. 331.

[4]) Paris. Græc. 1367. Marcian. 579. *Zachariæ von Lingenthal*, Geschichte des griech.-röm. Rechts, 3 Aufl., 249.

редакціи съ варіантами и дополненіями другого нѣсколько позднѣйшаго списка изъ той же самой библіотеки[1]).

Такимъ образомъ до самаго послѣдняго времени не было обнародовано ни одного списка древнѣйшаго текста; лишь было извѣстно, что порядокъ статей въ ней иной, число ихъ 83, и нѣсколько отдѣльныхъ параграфовъ были изданы Цахаріэ. Кромѣ изданія Миланскаго текста, сдѣланнаго Феррини, на дополненіяхъ и разночтеніяхъ другого списка, присоединенныхъ имъ же, можно наблюдать примѣръ промежуточной редакціи между древнѣйшимъ текстомъ и обычнымъ позднѣйшимъ при Арменопулѣ. Во второмъ Миланскомъ спискѣ прибавлено всего восемь статей и всѣ онѣ взяты, какъ показалъ издатель, изъ Юстиніановыхъ сборниковъ или изъ греческихъ парафразъ законовъ, вошедшихъ въ Corpus juris. Въ древнѣйшемъ текстѣ нельзя указать ни одной статьи, которую возможно было бы возводить къ Юстиніанову праву.

Какъ ни цѣненъ вкладъ, сдѣланный Феррини въ исторію византійскаго законодательства, критическимъ изданіемъ Крестьянскаго Закона наука еще не обладаетъ. Остаются ненапечатанными знакомые Цахаріэ списки древнѣйшей редакціи Парижскій и Венеціанскій, которыхъ Феррини не привлекъ, хотя ихъ копіи должны остаться между бумагами Цахаріэ.

Затѣмъ для западныхъ ученыхъ, по крайности для Феррини, остались неизвѣстными работы выдающихся русскихъ ученыхъ, посвященныя Крестьянскому Закону. Интересъ къ этому памятнику былъ обнаруженъ въ русской наукѣ живой и глубокій, отчасти подъ вліяніемъ древнерусскаго полнаго перевода памятника, практически примѣнявшагося на земляхъ церковнаго владѣнія; и во главѣ литературы вопроса стоятъ работы В. Г. Васильевскаго. Въ трехъ своихъ статьяхъ онъ касался какъ внутренней, такъ и внѣшней исторіи памятника. Въ первой изъ нихъ, „Законодательство иконоборцевъ“, онъ между прочимъ изслѣдовалъ составъ древне-русскаго перевода по печатному изданію Башилова; въ статьѣ о Синодальномъ спискѣ Эклоги онъ описалъ и оцѣнилъ два древнихъ греческихъ списка Московской Синодальной Библіотеки, изъ коихъ одинъ, въ составѣ пергаменнаго кодекса XI вѣка, представляетъ древнѣйшій списокъ, другой же XV в. (№ 445 по каталогу Саввы, № 322 у Владиміра) наиболѣе близокъ къ древнерусскому переводу; наконецъ, въ разборѣ изданія А. С. Павлова онъ остановился весьма глубоко на нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ греческаго и славяно-русскаго текста. Проф. А. С. Павловъ напечаталъ въ приложеніи къ древне-русскому переводу въ компиляціи „Книги Законныя“ (о чемъ ниже) подлинный текстъ Крестьянскаго Закона по вышеупомянутому, изученному Васильевскимъ, Синодальному списку XV вѣка, съ варіантами пергаменной рукописи XI в. (№ 467 Саввы, № 318 Владиміра) изъ той же Синодальной библіотеки. Цѣнными являются нѣсколько замѣчаній Ѳ. И. Успенскаго въ рецензіи на это изданіе. Наконецъ, проф. Т. Д. Флоринскій, собиравшійся также дать

[1]) *C. Ferrini*, Edizione critica del νόμος γεωργικός: Byzantinische Zeitschrift VII (1898), p. 558–571.

критическое изданіе Крестьянскому Закону, напечаталъ, въ трудѣ о законодательствѣ Душана, подлинники статей, вошедшихъ въ сербскую компиляцію „цара Іустиніана закон", отчасти по двумъ Вѣнскимъ спискамъ, отчасти по изданію Павлова. Еще больше интереса было удѣлено русскими учеными вопросу объ исторической цѣнности памятника.

Лишь по привлеченіи по крайности четырехъ извѣстныхъ списковъ древнѣйшей редакціи 82—85 статей возможнымъ станетъ приступить къ критикѣ послѣдовательныхъ наслоеній и интерполяцій первоначальнаго текста, при чемъ должны обнаружиться нѣсколько редакцій памятника, и тогда лишь станетъ возможнымъ говорить о критическомъ изданіи Крестьянскаго Закона . . . Для настоящей нашей цѣли приходится ограничиться уже обнародованными текстами.

Не только для выясненія судебъ и вліянія Крестьянскаго Закона въ славянской письменности и въ славянскихъ законодательствахъ, но и въ качествѣ матеріала для критическаго изданія греческаго подлиннаго текста имѣютъ значительную цѣнность славянскіе переводы и эксцерпты Крестьянскаго Закона. Разработка вопроса о славянскихъ редакціяхъ этого памятника двинута впередъ русскими учеными.

Въ сербскихъ рукописяхъ юридическаго содержанія рядомъ съ законникомъ царя Стефана Душана помѣщаются Синтагма Властаря въ славянскомъ переводѣ и статья, озаглавленная: „Благовѣрнаго и христолюбиваго цара Іустиніана закон". Эта послѣдняя компиляція, уже изданная Ромуальдомъ Губе[1]) и проф. Зигелемъ[2]), а въ распространенной позднѣйшей редакціи Джорджевичемъ[3]), но на основаніи единственныхъ копій, находившихся въ ихъ распоряженіи, — получила критическое изданіе въ трудѣ проф. Флоринскаго[4]).

Названная сербская компиляція византійскихъ законовъ, въ значительной части (именно 13 статей изъ общаго числа 33, при двухъ рубрикахъ: „О виноградѣхь и нивахь" и „Закон дѣлателемь") составлена изъ отдѣльныхъ параграфовъ Νόμος γεωργικός, который, какъ извѣстно, въ кодексахъ греческихъ и славянскихъ обычно приписывается Юстиніану. Въ виду того, что кромѣ тринадцати статей изъ Крестьянскаго Закона, вошедшихъ въ обычный текстъ краткаго извода компиляціи, еще три другихъ того же происхожденія наблюдаются отчасти въ особомъ спискѣ краткой, отчасти въ позднѣйшей распространенной редакціи, возможно, что въ сербской письменности существовалъ полный переводъ Крестьянскаго Закона.

Притомъ, такъ какъ до краткой редакціи, относимой проф. Флоринскимъ къ царствованію Душана, существовалъ болѣе полный текстъ компиляціи, до насъ

---

[1]) *Hube*, Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples slaves. Paris 1880 (переводъ польскаго подлинника, вышедшаго въ Варшавѣ въ 1868 г.).

[2]) *Ѳ. Зигель*, Законникъ Стефана Душана. С.-Петербургъ 1872.

[3]) Љетопис матице српске. В Новом Саду. 1859.

[4]) *Флоринскій*, Т. Д. Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Кіевъ 1888.

недошедшій, то предполагаемый полный славянскій (сербскій) переводъ Крестьянскаго Закона, послужившій источникомъ для разбираемой компиляціи, могъ появиться значительно ранѣе XIV вѣка. Съ другой стороны, позднѣйшая, распространенная редакція сербскаго „Закона Юстиніана" своими дополненіями и переработкою нѣкоторыхъ статей указываетъ на практическое значеніе компиляціи во времена турецкаго господства, такъ что постановленія Крестьянскаго Закона, поскольку они вошли въ названную компиляцію, имѣли силу закона на всемъ протяженіи сербской исторіи до недавнихъ временъ.

Выяснить статьи, взятыя изъ Крестьянскаго Закона въ нашу компиляцію, не трудно, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ сосредоточены подъ двумя рубриками: „О виноградѣхь и нивахь. Закон" и „Закон дѣлателемь", заключающими всего 13 статей, то-есть приблизительно седьмую часть греческой позднѣйшей редакціи. Всѣ онѣ взяты изъ начала Крестьянскаго Закона. Еще Губе указалъ источники заимствованныхъ параграфовъ между статьями подлиннаго Закона и напечаталъ ихъ en regard; и проф. Флоринскій (предполагавшій дать критическое изданіе Νόμος γεωργικός) сопоставилъ ихъ съ греческими статьями подлинника по двумъ Вѣнскимъ кодексамъ (къ сожалѣнію недостаточно описаннымъ въ каталогѣ Несселя), а также съ текстомъ извѣстной русскимъ византинистамъ Московской Синодальной рукописи, № 445 Саввы или № 322 Владиміра, по изданію Павлова: „Книги Законныя".

Затрудняясь войти въ ближайшее разсмотрѣніе ряда болѣе и менѣе обоснованныхъ гипотезъ относительно компиляціи „Іустиніана закон", предложенныхъ въ названномъ изслѣдованіи проф. Флоринскаго, прибавимъ слѣдующее.

Какъ въ сирійскомъ законникѣ V в. римскіе источники, такъ въ нашей сербской компиляціи подлинникъ Крестьянскаго Закона передается редакторами въ вольномъ пересказѣ: такъ напримѣръ, § 15 компиляціи передаетъ слова оригинала „μηνύσῃ τῷ κυρίῳ ἀγροῦ ὡς μὴ ἰσχύων" черезъ слѣдующую перифразу: „пошлеть господару глаголе: не мощно ми есть направити виноград. нь прѣжде врѣмене пріими си виноград".

Но есть болѣе существенныя отличія отъ подлиннаго текста. Въ этой же самой статьѣ и въ слѣдующей ἀγρός подлинника передано черезъ „виноградъ", въ статьѣ 20-ой слова ἐν ἀγρῷ переведены „о нивѣ или о виноградѣ", хотя въ текстѣ говорится о самовольной уборкѣ поля, являющагося предметомъ тяжбы. Во главѣ принятыхъ въ компиляцію статей Крестьянскаго Устава помѣщена рубрика „о виноградѣхь и нивѣхь", и на первое мѣсто выдвинуты четыре §§ говорящіе объ арендѣ виноградниковъ, при чемъ въ текстѣ двухъ изъ нихъ допущена указанная выше интерполяція.

Статьи объ огражденіи личной собственности на *нивы* отодвинуты на второстепенное мѣсто. Первый параграфъ Крестьянскаго Закона, о нарушеніи межей сосѣда, занимаетъ въ компиляціи мѣсто послѣ означенныхъ четырехъ и является безъ начала и конца. Опущена первая фраза, содержавшая положеніе о неприкосно-

венности сосѣдской собственности для крестьянина, обработывающаго собственное поле; и въ сохранившейся части параграфа слово μερίς или удѣлъ, полученный въ собственность, замѣнено черезъ слово, соотвѣтствующее греческому αὖλαξ: „бразду". Второй § подлинника о нарушеніи чужой собственности на землю отодвинутъ на *послѣднее* мѣсто и сокращенъ на половину, при чемъ содержаніе его съужено, и онъ редактированъ какъ дополненіе къ статьѣ о расчисткѣ чужой лядины (ἔνυλος χώρα [1]).

Далѣе пропущена статья подлинника *пятая,* гдѣ идетъ рѣчь о передачѣ крестьянами другъ другу, по соглашенію, своихъ участковъ на срокъ или безсрочно, причемъ статья эта принята лишь въ особый списокъ краткой редакціи (ср. Флоринскій, 481), и слова подлинника „πρὸς καιρὸν εἴτε εἰς τὸ διηνεκές" переведены: „на время или на полех(?)". Не принята статья о повтореніи раздѣла въ случаѣ претензіи одного изъ дольщиковъ (Νόμ. γ., 8) [2]), равно какъ послѣдніе параграфы первой рубрики обычнаго текста Крестьянскаго Закона, гдѣ сказано объ оставляющихъ собственныя нивы и объ огражденіи собственнаго лѣса (§ 18—20 Νόμ. γ.).

Нельзя не отмѣтить эти существенныя уклоненія сербской компиляціи отъ греческаго оригинала. Въ подборѣ статей и въ измѣненіи ихъ порядка, въ неслучайныхъ уклоненіяхъ при переводѣ проступаетъ ослабленіе личной собственности на *нивы,* упрощеніе договоровъ (пропускъ ἀρραβών и ἀξία τιμή въ § 13 компиляціи или въ § 16 Νόμ. γ.), преимущественное огражденіе труда, соглашеній объ исполненія работы, и собственности квалифицированной, каковы виноградники. Вслѣдствіе ограниченнаго числа заимствованныхъ статей, взятыхъ исключительно изъ перваго титула Крестьянскаго Закона, а также вслѣдствіе свободы славянскаго переложенія, мы не находимъ дальнѣйшихъ данныхъ о развитіи общинныхъ началъ въ сравненіи съ эпохою возникновенія Νόμος γεωργικός; равно какъ нельзя, повидимому, отвѣтить на вопросъ, какая редакція греческаго подлинника легла въ основу славянскаго перевода, послужившаго источникомъ для сербской компиляціи.

Полный переводъ Крестьянскаго Закона сохранился въ древне-русской письменности, именно въ качествѣ первой части компиляціи, озаглавленной: „Книги законныя, ими же годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ". Эта компиляція, помѣщаемая въ рукописяхъ вслѣдъ за Церковнымъ, т. н. Ярославовымъ, уставомъ, издана для своего времени исправно по копіи XVI вѣка Башиловымъ въ дополненіи къ Царскому Судебнику [3]), затѣмъ менѣе удовлетворительно (и только Крестьянскій Законъ) Максимовичемъ, усвоившимъ изданному имъ тексту

---

[1]) Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ 25 § компиляціи (Νόμ. γ., 2), равно какъ и въ § 17 (Νόμ. γ., 1) выпущено постановленіе объ утратѣ нарушителемъ чужой собственности ἐπικαρπία, приплода или жатвы съ его посѣва; въ § 14 (§ 13 Νόμ. γ.) ἐπικαρπία передано черезъ другое понятіе — „трудъ". (Ср. ἐργάτας въ Νόμ. γ., 2 Моск., мл. Мил.).

[2]) Не принятъ параграфъ, дающій опредѣленіе мортѣ какъ одной десятой сбора (Νόμ. γ., 10); хотя въ предыдущемъ параграфѣ встрѣчаемъ „спопіе десетное" мортита.

[3]) Судебникъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, указы дополнительные къ Судебнику и Таможенный уставъ . . . . Ивана Васильевича. Въ Санктпетербургѣ . . . 1768 года.

ошибочное заглавіе Устава о земскихъ дѣлахъ в. кн. Ярослава. Въ настоящее время наука обладаетъ критическимъ изданіемъ Законныхъ Книгъ, исполненнымъ проф. Павловымъ по рукописи XV вѣка съ варіантами по двумъ другимъ (неполнымъ) спискамъ; къ славянскому тексту присоединенъ греческій, по изслѣдованному В. Г. Васильевскимъ Синодальному Московскому списку XV вѣка (№ 445 арх. Саввы, № 322 арх. Владиміра) съ варіантами пергаменнаго, XI вѣка, кодекса той же библіотеки, содержащаго древнюю редакцію Крестьянскаго Закона (№ 467 Саввы, № 318 Владиміра [1]).

Славянорусскій переводъ Крестьянскаго Закона занималъ въ этой компиляціи, какъ сказано, первое мѣсто; за нимъ слѣдовали отрывки изъ Прохирона Македонскихъ императоровъ, съ дополненіями изъ иконоборческой Эклоги. Такъ какъ переводъ этихъ послѣднихъ статей Книгъ Законныхъ былъ исполненъ въ XII—XIII вѣкахъ, то вѣроятно и переводъ Крестьянскаго Закона относится къ тому же времени, принимая во вниманіе одинаковость языка и даже слога во всѣхъ частяхъ „Законныхъ Книгъ" [2]).

В. Г. Васильевскій [3]) останавливался передъ вопросомъ, — соотвѣтствуетъ ли текстъ русскаго перевода древнѣйшей редакціи подлиннаго Крестьянскаго Закона, и отвѣчалъ отрицательно, хотя ему въ то время были доступны лишь тѣ свѣдѣнія о рукописяхъ древней редакціи, которые сообщилъ Цахаріэ. Теперь у насъ для сравненія съ древне-русскимъ переводомъ имѣются тексты Миланскій, изданный Феррини, и Московскій, съ варіантами Московской пергаминной рукописи XI в., въ изданіи А. С. Павлова. Всѣ три текста отличаются отъ печатаемаго при Арменопулѣ и въ числѣ статей, и по ихъ расположенію. Порядокъ въ трехъ текстахъ для большинства статей одинъ и тотъ же, такъ что редакція при Арменопулѣ выдѣляется на особое мѣсто, какъ позднѣйшая перестановка; но и между собою эти три текста представляютъ столь значительныя уклоненія по составу и по расположенію части статей, что всѣ три текста приходится признать за различныя редакціи памятника. Между славянорусскимъ текстомъ „Книгъ Законныхъ" и Синодальнымъ спискомъ XV вѣка (№ 445 или 322) обнаруживается наибольшая близость. Въ виду того, что между неизданными списками Крестьянскаго Закона можетъ найтись оригиналъ для русскаго перевода „Книгъ Законныхъ", еще болѣе непосредственный, чѣмъ Синодальный списокъ, значеніе русскаго перевода для критики памятника можетъ уменьшиться. Непоколебленной останется, конечно, его цѣнность для исторіи рецепціи Крестьянскаго Закона.

---

[1]) *А. С. Павловъ*, „Книги Законныя", содержащія въ себѣ, въ древнерусскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные. Спб. 1885.

[2]) *А. С. Павловъ*, ук. соч., стр. 16. Ср. рецензію *В. Г. Васильевскаго* на книгу Павлова, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 233 (1886), стр. 326 сл., и рецензію *Ѳ. И. Успенскаго* на ту же книгу, въ Юридическомъ Вѣстникѣ, 1886 № 4, стр. 702.

[3]) Законодательство иконоборцевъ. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 200 (1878 г.), стр. 113.

Мы оставимъ въ сторонѣ, по возможности, редакцію печатаемую при Арменопулѣ, какъ позднѣйшую передѣлку, очевидно удаляющуюся отъ первоначальнаго текста, и сопоставимъ, насколько для нашей цѣли требуется, три текста: Московскій списокъ, текстъ Феррини и „Книги Законныя". Разсмотримъ сначала различія въ составѣ статей, дополняя сравнительную таблицу, сообщенную В. Г. Васильевскимъ [1]). Поставимъ себѣ прежде всего два вопроса: 1) какія статьи подлинника не были приняты въ текстъ „Книгъ Законныхъ" и по какой возможной причинѣ; 2) какія статьи въ оригиналѣ для перевода, поступившаго въ составъ „Книгъ Законныхъ", отсутствуютъ въ древнѣйшей редакціи по списку Феррини.

Отвѣчая на первый вопросъ, упомянемъ прежде всего статью 13-ую о неисправномъ арендаторѣ-половникѣ, снявшемъ виноградникъ и не окопавшемъ лозъ: статья эта не имѣла примѣненія въ русскомъ хозяйствѣ. По той же причинѣ была опущена статья (35 по изданію Павлова) о кражѣ хвороста [2]). Неприложимой къ русской жизни оказалась далѣе статья (58 Павл., 57 Ферр.) объ отсѣченіи руки пожегшему изгородь виноградника. Опущена статья о бросившемъ въ домъ зажженное сѣно или солому (§ 65 Павл., 64 Ферр); о вознагражденіи за псовъ пастушьихъ, затравленныхъ другими (79 Павл., 75 Ферр.); статья о порчѣ виноградниковъ (81 Павл., отсутствуетъ у Ферр.); и наконецъ статья объ увѣчьѣ скота, произведшаго потраву въ виноградникѣ (87 Павл., 82 Ферр.). Изъ нихъ статья о поджигательствѣ могла быть признана излишней въ виду предшествующей 64-ой, сходной по содержанію и назначающей бо́льшее наказаніе; прочія не подходили къ условіямъ русской жизни. Послѣдней изъ статей, непринятыхъ въ русскій переводъ, заканчивается древнѣйшій списокъ Феррини; Московскій же имѣетъ еще пять пунктовъ, изъ коихъ русская редакція восприняла три, притомъ въ томъ же порядкѣ. Слѣдуютъ именно три дополнительныя сентенціи, взятыя изъ Юстиніанова права и носящія характеръ схолій Василикъ (изъ нихъ первая [3]) принята въ русскій текстъ, другія двѣ отсутствуютъ). Тоже слѣдуетъ сказать объ источникахъ статей 89 и 90 Моск. списка по изданію Павлова.

Переходимъ ко второму поставленному вопросу: какія статьи изъ состава Московскихъ греческаго и славянскаго текстовъ не оказываются въ древнѣйшей извѣстной редакціи Крестьянскаго Закона, изданной Феррини. Въ текстѣ „Книгъ Законныхъ" оказывается всего пять статей, отсутствующихъ въ старшемъ Миланскомъ спискѣ. Всѣ эти пять статей находятся въ греческомъ текстѣ по Синодальному списку XV вѣка. Сюда относятся три статьи объ уголовныхъ преступленіяхъ, заим-

---

[1]) Законодательство иконоборцевъ, Ж. М. Н. Пр. ч. 200, стр. 114.

[2]) Въ старшемъ спискѣ Феррини вмѣсто καλάμιν стоитъ ἀλάμιν, каковаго слова мы въ лексиконахъ не нашли.

[3]) 81 кн. Зак. (88 Моск. изд. Павл.): Иже отъ дерева падаяи плодъ на *землю моея доли* (εἰς τὴν ἐμὴν γῆν) побравъ непогиненъ есмь. В. Г. Васильевскій не могъ найти источникъ этой статьи, таковой и остался не отысканнымъ до сихъ поръ, несмотря на привлеченное А. С. Павловымъ мѣсто Basil. XV 4, 9 (возстановлено Цахаріэ по Константинопольскому палимпсесту, Supplementum editionis Basilicorum Heimbachianæ, ed. Zachariæ, Lipsiæ 1846).

ствованныя вѣроятно, изъ Прохирона [1]). Затѣмъ, ст. 18 „Книгъ Законныхъ“ о плодѣ падающемъ съ дерева, упомянутая выше, представляетъ собою одну изъ трехъ дополнительныхъ сентенцій, заимствованныхъ въ редакціи Московскаго списка, повидимому, изъ схолій къ Василикамъ или изъ источника части этихъ схолій.

Наконецъ, послѣдняя 83-статья о пасущихъ овецъ на чужой землѣ уже своимъ мѣстомъ въ славянскомъ переводѣ и въ греческомъ Синодальномъ спискѣ указываетъ на свое позднѣйшее происхожденіе. Она отсутствуетъ въ древнѣйшемъ спискѣ Феррини, но является уже въ другомъ спискѣ той же Миланской библіотеки; она стоитъ на первомъ мѣстѣ среди дополненій, включенныхъ въ первоначальный текстъ Крестьянскаго Закона (считая за таковой старшую редакцію у Феррини) изъ Юстиніанова права въ его греческой обработкѣ. Источникъ этой статьи указанъ Феррини [2]); но и его ссылка указываетъ на источникъ, не на оригиналъ статьи; и редакція при Арменопулѣ ближе къ подлиннику, чѣмъ редакція второго миланскаго списка [3]).

Изъ предыдущаго намъ выяснилось, какъ близокъ, по составу статей, текстъ „Книгъ Законныхъ“ къ греческой редакціи Московскаго списка XV вѣка. Это было, впрочемъ, совершенно убѣдительно доказано В. Г. Васильевскимъ, въ его изслѣдованіи о Синодальномъ спискѣ Эклоги, въ подтвержденіе предположенія въ его первой статьѣ, что въ составѣ русскаго текста нашего памятника въ „Книгахъ Законныхъ“ нѣтъ ни одного пармграфа, который не былъ бы заимствованъ изъ греческаго подлинника Νόμος γεωργικός. Самостоятельность русскаго переводчика выразилась въ томъ, что вышеуказанныя статьи греческаго оригинала, извѣстнаго намъ по Московскому Синодальному списку 445/322, были опущены вслѣдствіе ихъ неприложимости къ русскому хозяйству. Сами отъ себя русскіе переводчики ничего не внесли изъ другихъ источниковъ, насколько рѣчь идетъ о выборѣ статей. Заимствованія изъ Эклоги или Прохирона имѣются налицо въ греческой редакціи по Московскому списку XV вѣка. Въ отношеніи состава статей русскій текстъ „Книгъ Законныхъ“ теряетъ значеніе, являясь текстомъ производнымъ отъ греческой редакціи, сохраненной Московскимъ спискомъ.

Если же сравнить Московскую греческую редакцію по списку XV в. съ древнѣйшимъ текстомъ Феррини, то найдется 10 статей лишнихъ въ Московскомъ спискѣ, изъ которыхъ только двѣ могутъ быть встрѣчены въ варіантахъ младшаго

---

[1]) Prochiron Basilii, XXXIX 73—75. Ср. *Павловъ*, ук. соч., стр. 3 и *Васильевскій*, рец. на книгу Павлова (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 243, 1886 г., отд. 2), стр. 323.

[2]) Схолія комментатора Θеодора, Basilica, ed. Heimbach V, 324; cf. const. ult. Cod. de lege Aquilia (III, 35).

[3]) В. Г. Васильевскій полагалъ (Законодательство иконоборцевъ 113, 114), что и ст. 52 Книгъ Зак. составляетъ самостоятельное дополненіе русскаго редактора, такъ какъ статья эта отсутствуетъ въ печатныхъ изданіяхъ при Арменопулѣ; но теперь оказывается, что она находится, кромѣ Московскаго списка XV в., и въ текстѣ, изданномъ Феррини. И Цахаріэ зналъ эту статью, повидимому, лишь черезъ Ecloge ad Prochiron mutata (Jus Græco-Romanum, IV 124).

Миланскаго списка[1]). Въ позднѣйшей редакціи безъ титуловъ, сохраненной въ Московскомъ спискѣ XV вѣка, вставлено семь статей изъ Юстиніанова права въ греческой ближе намъ неизвѣстной перифразѣ, входящей въ составъ той литературы, изъ которой были извлечены схоліи къ Василикамъ. Кромѣ того, три статьи самостоятельно внесены позднѣйшими переписчиками, представляя дополненіе сосѣднихъ статей; менѣе вѣроятно, чтобы онѣ были случайно опущены въ нашемъ древнѣйшемъ текстѣ, изданномъ Феррини: только одна изъ нихъ является въ младшемъ Миланскомъ спискѣ, представляющемъ копію старшаго съ дополненіями и съ варіантами.

Переходимъ къ слѣдующему вопросу: каковы различія въ порядкѣ статей между дошедшими редакціями памятника? Всѣ три привлеченные текста: Миланскій, Московскій и „Книгъ Законныхъ" даютъ въ общемъ одинаковый порядокъ расположенія своихъ статей. Этимъ всѣ три рѣзко отличаются отъ обычной печатной редакціи, извѣстной по Epimetron къ Арменопулу, и образуютъ подлинную систему памятника, до распредѣленія статей по титуламъ[2]).

Чтобы не возвращаться къ вопросу о составѣ Крестьянскаго Закона въ его трехъ нами привлеченныхъ редакціяхъ безъ титуловъ, замѣтимъ, что все содержаніе древнѣйшей редакціи, изданной Феррини, было принято въ обѣ позднѣйшія (и въ обычный печатный текстъ 10 титуловъ). Лишь русскій переводъ въ „Книгахъ Законныхъ" выбросилъ нѣсколько статей, указанныхъ выше, и у Арменопула выпущены статьи 52 и 81 Кн. Зак. (54 и 88 Павл., 53 Ферр., и cf. Zachariæ Supplem. Basilic. p. 56). Дополнительныя статьи, какъ увидимъ ниже, взяты изъ Юстиніанова права въ его греческихъ перифразахъ, не тожественныхъ съ вошедшими въ составъ схолій къ Василикамъ; и дополнительныя статьи различны въ Московскомъ текстѣ по списку XV в. и въ младшемъ Миланскомъ спискѣ, котораго варіанты сообщены Феррини. Въ этомъ отношеніи младшій Миланскій списокъ представляетъ главную часть дополненій имѣющихся на лицо, хотя распредѣленныхъ по титуламъ, въ обычной печатной редакціи при Арменопулѣ; тогда какъ Московскій Синодальный списокъ XV в., съ варіантами древнѣйшей пергаминной того же собранія, даетъ тотъ составъ дополнительныхъ статей, и вообще ту редакцію памятника, на которой основанъ славянорусскій переводъ „Законныхъ Книгъ".

---

[1]) Передъ параграфомъ о недобросовѣстномъ пастухѣ (33 Кн. Зак., 34 Моск. Павл.) вставлена тожественная статья о недобросовѣстномъ сторожѣ бахчи; затѣмъ три статьи о тяжкихъ преступленіяхъ (64—66 Кн. Зак., 68—70 Павл.), взятыя изъ Прохирона или Эклоги; далѣе постановленіе о рабѣ, ворующемъ съ вѣдома своего господина (70 Кн. Зак., 74 Моск., Ferr. Suppl.); статья о потравѣ виноградника въ дополненіе къ предыдущей статьѣ о потравѣ нивъ (81 Моск.); три статьи изъ Юстиніанова права, взятыя изъ литературы схоліастовъ Василикъ (81 Кн. Зак. и 88—90 Моск.); наконецъ, послѣдняя статья о пасущихъ на чужой землѣ (82 Кн. Зак., 92 Моск., есть въ Ferr. Suppl.) — того же происхожденія.

[2]) Отмѣтимъ колебанія въ положеніи двухъ статей: о раздѣлѣ, гдѣ уклоняется лишь русскій переводъ въ „Книгахъ Законныхъ" (10 Кн. Зак., 8 Ферр. и Павл.), и предпослѣдней статьи о разрушающихъ чужія постройки, которая въ старшемъ Миланскомъ спискѣ внесена въ середину памятника (82 Кн. Зак., 91 Моск., 65 Ферр.).

Относительно древнѣйшей извѣстной редакціи, изданной Феррини, является вопросъ, насколько она представляетъ содержаніе свободное отъ вліянія законодательства Юстиніана. Феррини высказывается весьма рѣшительно за полную оригинальность древнѣйшаго, подлиннаго текста[1]).

Самъ онъ колеблется по поводу § 55 о неосторожномъ поджогѣ сосѣдней лядины и сопоставляетъ fr. 30 § 3 Dig. IX. 2; но еще Цахаріэ замѣтилъ также родство статьи о сосѣдскомъ деревѣ (30 Кн. Зак., 31 Моск. и Ферр.) съ interdictum de arboribus cædendis[2]).

Болѣе этихъ двухъ сближеній заслуживаетъ вниманія статья 52 Кн. Зак. (53 Ферр., 54 Моск.), которая основана на фрагментѣ изъ Кодекса Юстиніана, сосѣднемъ съ источникомъ статьи о пасущихъ на чужой землѣ, составляющей очевидное дополненіе изъ Юстиніанова права и отсутствующей въ древнѣйшемъ Миланскомъ текстѣ (Кн. Зак. 83, Моск. 92, Suppl. Ferr. 83)[3]).

Эти сближенія однако не достаточны, чтобы поколебать положеніе объ оригинальности Крестьянскаго Закона. Три постановленія спеціальнаго содержанія, основанныя на народной практикѣ, могли явиться не заимствованіемъ, не реминисценціей редакторовъ Крестьянскаго Закона, но и самостоятельнымъ творчествомъ или записью народнаго обычая. При существующихъ данныхъ мы должны считать Крестьянскій Законъ памятникомъ не правительственнымъ. Для его позднѣйшихъ дополненій и интерполяцій слѣдуетъ предполагать не подлинные законодательные источники, но греческія парафразы Юстиніановыхъ книгъ, summæ или indices профессоровъ-юристовъ; часть этой литературы была эксцерпирована въ схоліяхъ къ Василикамъ.

Обращаясь къ ближайшему знакомству съ особенностями изданнаго Феррини старшаго Миланскаго списка, замѣтимъ слѣдующее. Первая статья Закона наблюдается въ значительно болѣе краткой редакціи. Содержаніе статьи — огражденіе сосѣдской собственности — является въ чистомъ видѣ[4]), безъ объясненія сосѣдской собственности словами μερίδα τὴν ἔγγιστα αὐτοῦ, которыхъ и въ младшемъ Миланскомъ спискѣ не оказывается. Упоминаніе о ближайшей μερίς вставлено въ другихъ редакціяхъ, какъ въ Московской, такъ и въ позднѣйшей редакціи съ титулами.

Текстъ важной статьи 8 (или 10) о повтореніи раздѣла въ случаѣ претензіи одного изъ дольщиковъ устанавливается теперь съ достовѣрностью для сомнительнаго мѣста ἐν σκαρφίοις ἢ ἐν τόποις. Первый Миланскій списокъ, древнѣйшій извѣстный текстъ, имѣетъ вмѣсто приведенныхъ словъ иное чтеніе: ἐν σκαρφίοις γεγονὼς ἔν τισιν. Слова ἢ ἐν τόποις представляютъ собою глоссу для объясненія σκαρφίον и устанавливаютъ для послѣдняго значеніе отдѣльнаго поля, внутри кото-

---

[1]) E notevole come in tutta la parte che secondo l'autorevole testimonianza del codice ambrosiano risulta genuina non si trovi alcuna traccia di diritto giustinianeo.

[2]) Ср. Synopsis Basilicorum, rubr. περὶ δένδρων καὶ δενδροτομιῶν и указанныя тамъ мѣста Василикъ.

[3]) Cod. Just. 3, 35 de lege Aquilia, 5. Ср. Prochir. 39, 51 и Eclog. 17, 8.

[4]) Ἴδιον ἀγρὸν — αὔλακες τοῦ πλησίον.

раго совершается раздѣлъ, вродѣ нѣм. Gewann. Слова μερισμός или μερισία передаются въ русскомъ текстѣ черезъ „раздѣленіе“ или „раздѣлъ“, а не передѣлъ; слова же „ἐν σκαρφίοις“ переведены: „въ жеребьи“.

Въ 14 статьѣ (13 Кн. Зак.) древнѣйшій текстъ говоритъ объ арендѣ исполу. Позднѣйшія редакціи считаютъ нужнымъ вставить, что земля принадлежитъ отсутствующему крестьянину (τοῦ ἀποδημήσαντος γεωργοῦ), а редакція при Арменопулѣ прибавляетъ еще ἀπόρου. Древнѣйшій текстъ говоритъ о свободномъ соглашеніи, позднѣйшіе вносятъ условіе отлучки со своей земли и податной неисправности.

Статьи 18 и 19 о платежѣ съ земли, оставленной ея собственникомъ и о правѣ ея обработки и эксплоатаціи представляютъ нѣсколько затрудненій. Въ древнѣйшей редакціи Феррини онѣ имѣютъ цѣлью выясненіе владѣльческихъ правъ на оставленную землю, и вторая изъ нихъ, въ частности, огражденіе правъ собственника:

если не платитъ податей, то пусть землей владѣютъ тѣ, кто вноситъ за нее подать (ст. 18);

если же собственникъ платитъ подати, то никто на его землю не имѣетъ права, и нарушители наказываются вдвойнѣ — обычное возмездіе за нарушеніе собственности (ст. 19)[1].

Какъ замѣтилъ В. Г. Васильевскій, въ этихъ статьяхъ мы имѣемъ дѣло съ ἐπιβολή, sterilium adjectio, извѣстнымъ институтомъ императорскаго законодательства[2]. Объ этихъ статьяхъ будетъ идти рѣчь ниже; теперь же замѣтимъ, что древнѣйшая редакція занята выясненіемъ *правъ* на землю. Позднѣйшія редакціи, Московская и при Арменопулѣ, переносятъ центръ тяжести на вопросъ административно-податного содержанія: какъ быть съ землею и кому за нее вносить подати? Онѣ выражены слѣдующимъ образомъ: если крестьянинъ сбѣжитъ со своей земли, то пусть пользуются (τρυγείτωσαν Harmen., ἐπιτρυγάτωσαν Mosqu. pergam., ἐπιτρυγείτωσαν Ferr.) или пусть блюдутъ (τηρείτωσαν Mosqu. chart.) тѣ, кто платитъ казенныя подати (ст. 18); при этомъ же случаѣ, подати съ оставленной земли должны вноситься тѣми, кто пользуются и владѣютъ ею (ст. 19). Позднѣйшіе переписчики или редакторы не представляли себѣ возможности, чтобы убѣжавшій крестьянинъ сохранялъ за собой права собственности. Ихъ занимало не то, но вопросъ: какъ возстановить порядокъ, нарушенный уходомъ крестьянина. Они хотѣли подтвердить, что другіе должны платить за него, и въ тоже время представляли себѣ ἐπιβολή не въ первоначальной строгости и ясности, не на основѣ правъ юридически ближайшихъ собственниковъ, но на основѣ фактическаго завладѣнія, они сдѣлали 19-ую статью излишней и допустили логически неправильное построеніе: пусть владѣетъ, кто платитъ (ст. 18) — пусть платитъ, кто владѣетъ (ст. 19).

Цѣлью обѣихъ статей въ ихъ древнѣйшей редакціи было огражденіе личныхъ правъ, цѣлью интерполяторовъ — соблюденіе податныхъ интересовъ. На

[1]) Ср. *Mitteis*, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs, Leipzig 1891, 511.

[2]) *В. Г. Васильевскій*, рецензія на книгу Павлова, 338.

различныхъ редакціяхъ этихъ двухъ статей наблюдаемъ перемѣну въ идеяхъ, которой отвѣчало преобразованіе института ἐπιβολή, утратившаго прежнюю юридическую основу[1]). Русскій текстъ Книгъ Законныхъ замѣняетъ привлеченныхъ къ платежу и пользованію словомъ *волостель*, и τὰ ἐξτραόρδινα черезъ *десятину*. Много важныхъ для русской исторіи замѣчаній сдѣлано Васильевскимъ и Павловымъ по поводу этихъ отличій древне-русскаго перевода.

Далѣе въ статьяхъ 31 и 32, весьма важныхъ для вопроса о характерѣ владѣнія, опять встрѣчаемъ отличія древнѣйшей редакціи. Обѣ статьи дополняютъ одна другую: если дерево взрощено на нераздѣленной землѣ, которая потомъ, послѣ дѣлежа, поступила въ частную собственность другого хозяина, то права взрастившаго дерево сохраняются, и собственникъ земли можетъ лишь предложить взамѣнъ такое же дерево на другомъ мѣстѣ. Содержаніе этихъ статей, весьма важныхъ для характера землевладѣнія, будетъ еще разбираться ниже; теперь же намъ нужно установить, каково было древнѣйшее чтеніе въ двухъ сомнительныхъ мѣстахъ ихъ текста.

Раздѣленная земля, находящаяся въ частной собственности, обозначена въ Миланской редакціи словами ἐν μερίδι χωρίου, въ Московскомъ XV в. кодексѣ ἐν μερίδι χωριδίου, въ Московскомъ пергам. XI в. и въ общепринятомъ печатномъ текстѣ при Арменопулѣ словами ἐν μερίδι χωραφίου. Χωράφιον означаетъ особое поле (пахотное), кусокъ земли, находящійся (или бывшій первоначально) въ рукахъ одного собственника. Въ такомъ значеніи оно является множество разъ въ документахъ. Въ текстѣ Крестьянскаго Закона ему соотвѣтствуетъ τόπος, ἀγρός, въ русскомъ переводѣ селище, село; слово же χωράφιον встрѣчается въ нашемъ памятникѣ всего три раза, изъ нихъ въ двухъ случаяхъ въ соединеніи αὐθένται τῶν χωραφίων, „господаре нивь". (Νόμ. γ. 37, 80, 81 Ferr.). Мы бы находились въ затрудненіи: съ одной стороны чтеніе большинства рукописей, въ томъ числѣ Московскихъ, съ другой стороны авторитетъ Миланской редакціи и рѣдкость слова χωράφιον въ текстѣ Закона; но затрудненіе ослабляется тѣмъ фактомъ, что въ статьѣ 8 говорится о раздѣлѣ: ἐν σκαρφίοις γεγονὼς ἔν τισιν по Мил. сп.; это обстоятельство примиряетъ съ чтеніемъ χωραφίοις въ нашей 31 статьѣ, впредь до разрѣшенія представляющейся трудности критическимъ изданіемъ памятника[2]).

Въ слѣдующей 32 статьѣ безспорно не подлинно обычное чтеніе ἐν τόπῳ συμμερίστῳ, вмѣсто ἀμερίστῳ, какъ стоитъ въ старшемъ Миланскомъ и обоихъ Московскихъ спискахъ, какъ и въ русскомъ текстѣ Книгъ Законныхъ: „на мѣстѣ нераздѣленѣ".

---

[1]) Текстъ § 19 вызвалъ въ литературѣ вопросъ меньшей важности: читать ли τὰ ἐξτραόρδινα или ἐξόρδινα (τοῦ δημοσίου λόγου). Въ обоихъ спискахъ Феррини читается просто ἀνήκοντα. Затрудненіе, связанное съ чтеніемъ ἐξτραόρδινα, разрѣшено В. Г. Васильевскимъ (рецензія на книгу Павлова, 338—339), къ сожалѣнію не имѣвшимъ текста, изданнаго Феррини, для разъясненіяхъ другихъ трудностей, связанныхъ съ этими статьями. Прибавимъ, что въ Ecloga ad Prochirum mutata читается τὰ ἐξτρὰ ὀρδινεμ (25, 14). Ѳ. И. Успенскій (Юрид. Вѣстн. 1886, стр. 710—712) видитъ въ ἐξτραόρδινα указаніе на особую систему обложенія, имѣвшую мѣсто въ самоуправляющихся общинахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ Славянской колонизаціи.

[2]) Μερίδι χωρίου могло быть употреблено въ томъ же смыслѣ, какъ μερισθείσης τῆς τοῦ χωρίου γῆς въ ст. 79 Ferr., 84 Моск.

Продолжая выбирать изъ числа разночтеній наиболѣе интересныя для нашей общей задачи, обратимся къ статьямъ о мельницахъ, привлекавшимъ къ себѣ особое вниманіе изслѣдователей памятника: на нихъ основано въ значительной степени ученіе объ общинномъ землевладѣніи по Крестьянскому Закону.

Прежде всего замѣтимъ, что старшій списокъ Феррини въ ст. 78-ой говоритъ объ ἐργασία ἢ ἐργαστήριον вообще, какимъ могло быть всякое сельскохозяйственное предпріятіе вродѣ φοῦρνος. Можно впрочемъ предположить пропускъ въ рукописи, такъ какъ въ слѣдующей, опять параллельной, статьѣ слово *мельница* упомянуто. Въ младшемъ спискѣ Феррини наблюдаемъ другую редакцію статьи, другой пересказъ одного и того же, впрочемъ, содержанія. Много разночтеній, хотя незначительныхъ, и въ Московскихъ спискахъ. Обиліе варіантовъ при тожественности содержанія указываетъ на интересъ статьи для редакторовъ или переписчиковъ.

Сопоставимъ прежде всего старшій списокъ Феррини, какъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ, съ редакціей статьи въ Ecloge ad Prochiron mutata, гдѣ текстъ наиболѣе измѣненъ (Ecl. ad Proch. mut. 25, 20). Въ этой послѣдней редакціи вставлена сообразно съ условіями позднѣйшаго времени клауза о построившемъ мельницу на землѣ *хозяина села,* т. е. на территоріи вотчиннаго, частновладѣльческаго села, притомъ на terra indominicata, на той части села, которая оставлена въ непосредственномъ хозяйствѣ вотчинника. Весьма возможно, что здѣсь мы считаемся съ мѣстными, западнымъ явленіями сеньеріальнаго строя на югѣ Италіи, гдѣ памятникъ былъ редактированъ въ сравнительно позднее время господства феодализма на Западѣ. При этомъ, Ecloga установляетъ и девятнадцатилѣтній срокъ владѣнія, послѣ котораго мельница переходитъ въ собственность сеньера. Всѣ прочія редакціи имѣютъ въ виду только сельское общество, не зная сеньера. Сельское общество названо въ лучшихъ, древнѣйшихъ спискахъ Крестьянскаго Закона, именно въ Московскомъ и Миланскомъ словами: τοῦ χωρίου κοινότης (въ латинскомъ переводѣ было бы commune vici). Въ Измѣненной Эклогѣ читаемъ вмѣсто того: τοῦ χωρίου κοινωνοί.

Далѣе, въ древнѣйшемъ Миланскомъ спискѣ читается: καὶ ἔστω κοινὸν τὸ.. ἐργαστήριον, а въ другихъ — въ Московскомъ, у Арменопула, въ Ecloge mutata — видимъ вмѣсто того: καὶ ἔστωσαν κοινωνοί. Итакъ, въ древнѣйшей редакціи мы имѣемъ отвлеченный терминъ κοινότης, обладавшій видимо не книжнымъ, но реальнымъ значеніемъ для тѣхъ временъ; въ позднѣйшихъ спискахъ, переработавшихъ статью, находимъ κοινωνοί, socii. Существуетъ тонкая, но глубокая и много говорящая разница между κοινότης и κοινωνοί, между общей собственностью и собственностью общниковъ или товарищей (socii). Мы не утверждаемъ, чтобы κοινωνοί означало въ Ecloge mutata товарищей, socii въ духѣ римскаго права; но желаемъ привлечь къ этимъ варіантамъ вниманіе изслѣдователей, которымъ знакомо, какія измѣненія въ исторіи общественности сопровождали на средневѣковомъ Западѣ всеобщее смѣшеніе юридической личности съ совокупностью ея членовъ.

Слѣдующій § 73, 79 Ferr., запрещаетъ всякое вмѣшательство общиннаго союза во владѣніе мельницею, возведенной на собственной землѣ: „ἐν τῇ ἰδίᾳ μερίδι“ стоитъ въ древнѣйшихъ текстахъ, „ἐν τῷ ἐπιλαχόντι αὐτῷ μέρει“ въ редакціи при Арменопулѣ.

Въ интерполяціяхъ позднѣйшей редакціи Крестьянскаго Закона мы усматриваемъ общую черту — затемненіе идеи личной и полной собственности, которая въ древнѣйшемъ текстѣ являлась отчетливой и неприкосновенной. Съ этой точки зрѣнія славяно-русская редакція въ „Книгахъ Законныхъ“ не представляетъ интересныхъ отступленій. Русскіе варіанты отмѣчены наиболѣе полно Павловымъ во введеніи къ его изданію „Законныхъ Книгъ“; они сводятся къ замѣнѣ отдѣльныхъ словъ или терминовъ и къ опущенію нѣсколькихъ, вышеотмѣченныхъ пунктовъ; ни одной оригинальной статьи не внесено русскими переводчиками или переписчиками Крестьянскаго Закона. Прежде всего, что касается терминовъ, означающихъ категоріи недвижимостей, то русскій текстъ опускалъ виноградники и вставлялъ нивы. Термины подлинника ἀγρός и χώρα передаются въ „Книгахъ Законныхъ“ словомъ *село* (14, 17 Кн. Зак.) и *селище:* 7, Кн. Зак.; 2, χώρας — земли или селещю; 54, ἐγκάρπους ἀγρούς — плодовитыя селища; 62, въ рѣвъ пріемшіе селища (ἀγρούς); въ одномъ случаѣ, ст. 78, селище передаетъ χωρίον подлинника. Интересно слово *стернище* для перевода καλάμην (ἀλάμην Ferr.), дающее для термина въ подлинникѣ смыслъ соломы, оставшейся на корню послѣ жатвы (66 Кн. Зак., стернище своея нивы, καλάμην τοῦ ἰδίου χωραφίου). Но въ другомъ случаѣ стернище означаетъ лядину, лѣсъ, выжигаемый подъ пашню: 54 Кн. Зак., въ свое стернище или селище, ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ. Терминъ *нива* употребляется „Книгами Законными“ для перевода χώρα (Кн. Зак. 3, 4, 5 и др.) и въ двухъ случаяхъ для перевода слова χωράφια, встрѣчающагося дважды въ Законѣ (ст. 79, 80 Кн. Зак.).

Что касается новаго содержанія, привнесеннаго дополнительными статьями позднѣйшихъ редакцій, то оно разнообразно. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что дополнительныя статьи въ Московскомъ спискѣ XV в. и въ „Книгахъ Законныхъ“ не тѣ, что въ редакціи при Арменопулѣ и также во второмъ спискѣ Феррини. До ближайшаго изученія всѣхъ списковъ памятника возможно выдѣлить эти двѣ группы. Составъ дополнительныхъ статей въ Московской группѣ нами былъ уже разсмотрѣнъ. Дополненія въ обычномъ текстѣ, извѣстномъ по изданіямъ Арменопула, состоятъ изъ 14 статей. Онѣ давно указаны Цахаріэ. Прежде всего *prooemium* другого содержанія, чѣмъ prooemium Московской группы, взято изъ предисловія къ Эклогѣ. Происхожденіе prooemium Арменопуловой группы не выяснено, оно носитъ характеръ схолій къ Василикамъ. Изъ статей перваго титула редакціи при Арменопулѣ позднѣйшимъ заимствованіемъ оказывается 17-ая, запрещающая землевладѣльцамъ принимать чужихъ колоновъ. Статья эта, отличающаяся рѣзко отъ прочаго содержанія Закона, отсутствуетъ какъ въ старшемъ текстѣ Феррини,

такъ и въ Московскихъ рукописяхъ. Первоисточникъ ея, epitome эдикта епарха Зотика, напечатанъ въ собраніи edicta præfectorum prætorio у Цахаріэ, Anecdota Lipsiæ 1843, но встрѣчается въ кодексахъ и отдѣльно. Не понятна ссылка Феррини на Cod. Just. XI 48, 12. Включеніе эдикта Зотика, появляющагося уже въ младшемъ Миланскомъ спискѣ, весьма знаменательно, указывая на конечное торжество отношеній крѣпостной зависимости и въ той средѣ, для которой предназначался Законъ его интерполяторами. Включеніе эдикта Зотика однако должно было состояться значительно позже первоначальной редакціи, такъ какъ въ Московскихъ спискахъ его не оказывается.

Далѣе для ст. IV, 2 Армен. о пораженіи животнаго, производящаго потраву, отсутствующей въ древнихъ редакціяхъ, мы указываемъ источникъ: Bas. LX 3, λθ' (Dig. IX 2, ad l. Aquiliam, 39).

Статья 8 того же титула подобнаго же содержанія считается Цахаріэ за позднѣйшее дополненіе, но она стоитъ во всѣхъ извѣстныхъ древнихъ спискахъ, хотя и на послѣднемъ мѣстѣ (82 Ferr., 87 Моск. XV в., 85 Моск. XI в. и Paris. gr. 1367 ult.).

Далѣе Цахаріэ указываетъ на статью V 3 Heimb. о пасущихъ на чужой землѣ. Статья эта имѣется въ Московской редакціи и въ Книгахъ Законныхъ на послѣднемъ мѣстѣ, и составляетъ первое изъ дополненій младшаго Миланскаго списка къ старшему. Взята она опять изъ scholia Basilicorum V p. 324, ed. Heimb.

Двѣ слѣдующихъ дополнительныхъ статьи о животныхъ, Νόμ. γ. VI 6 и 7 изд. Феймб., заимствованы изъ Bas. LX 1, α' (Heimb. V p. 258—259, cf. fr. 1 § 8 и 11 Dig. IX, 1). Еще двѣ слѣдующія статьи, Νόμ. γ. VII 5 и 6, о порубкахъ, также заимствованы изъ Василикъ, или имѣютъ общій источникъ съ слѣдующими параграфами Василикъ: Basil. LX 16, β', γ' и ς', для Νόμ. γ. VII 5, ср. fr. 2 и 3 Dig. XLVII, 7; Bas. LX 16, ζ' для Νόμ. γ. VII, 6, ср. Dig. cit. fr. 7 § 4. Обѣ эти статьи имѣются въ младшемъ Миланскомъ спискѣ, и ихъ источники указаны Феррини.

Для слѣдующей статьи VIII 6 ed. Heimb. о поджогѣ первоначальнымъ источникомъ послужили не Василики (ср. Basil. LX 51 κζ'), но Эклога, tit. περὶ ποινῶν 21. Такъ какъ этотъ титулъ Эклоги воспринятъ Прохирономъ (Proch. Basilii XXXIX 13, отсюда Книги Законныя, Законъ о казнѣхъ, ст. 17) и Prochiron auctum (Proch. auctum XXXIX, 34, Zachariæ, Jus Gr.-Rom. v. VI) и у Арменопула (VI 12, 4), — то и эта статья, отсутствующая въ Московскомъ греческомъ спискѣ XV в. и въ пергаменномъ XI в., была внесена въ Крестьянскій Законъ, вѣроятно, въ Македонскій періодъ или позже.

Болѣе всего оказывается статей позднѣйшаго происхожденія между вошедшими въ составъ послѣдняго титула Крестьянскаго Закона въ его новой редакціи, получившаго рубрику περὶ καινοτομιῶν, заимствованную изъ Прохирона.

Вторая статья этого титула о строющемъ и сѣющемъ на чужой землѣ (cf. Basil. XV 1, 90 и Cod. Just. III 32, 11) имѣется въ младшемъ Миланскомъ спискѣ, но отсутствуетъ въ обоихъ Московскихъ, равно какъ въ славянорусскомъ переводѣ. Она вмѣстѣ со статьями X 3 и X 5 выражаетъ строгое примѣненіе римскаго понятія о земельной собственности и начала superficies cedit solo, тогда какъ въ безспорно подлинныхъ статьяхъ Крестьянскаго Закона проводится смягченіе упомянутаго начала, черезъ допущеніе возмѣщенія затраченнаго труда и капитала (ἀντιτοπία, 17 Ferr. и др., 32 о посаженномъ деревѣ, 78 о мельницѣ), за исключеніемъ нарушенія чужихъ межей.

По этому послѣднему, слѣдующая (X 3 Арм.) статья, представляющая спеціальное примѣненіе къ посадкамъ на чужой землѣ, хотя согласная со статьями 2 и др. Кр. Зак., является излишнимъ добавленіемъ. Статья эта имѣетъ источникъ общій съ предыдущей — Cod. Just. III 32, de rei vindicatione, 11.

Статья же пятая X титула Арменопуловой редакціи представляетъ собою перифразу упомянутаго положенія superficies cedit solo, о которомъ говорится въ Дигестахъ, въ титулѣ объ интердиктѣ uti possidetis (Dig. 43, 17), fr. 8 § 7. Отъ этого титула уцѣлѣли лишь жалкіе отрывки въ Василикахъ (LIII, 17); и если искать въ Василикахъ источникъ статьи, вошедшей въ составъ Крестьянскаго Закона, на что мы имѣемъ право по аналогіи съ другими добавленіями къ нашему памятнику, то слѣдуетъ предполагать его въ утраченномъ титулѣ Василикъ, слѣдовавшемъ за упомянутымъ uti possidetis, получившимъ рубрику: εἰς τὸ κατασχεῖν νομήν. Этотъ утраченный титулъ Василикъ имѣлъ своимъ источникомъ Dig. tit. de superficiebus (XLIII, 18), и отъ него сохранились лишь рубрики въ рукописныхъ индексахъ Василикъ, изъ которыхъ древнѣйшій имѣетъ περὶ ὑπερῴων ἤτοι περὶ τοῦ κατὰ ἀλλοτρίου ἐδάφους σουπερφίκιον ἔχοντος. Хотя въ подлинномъ титулѣ Дигестъ de superficiebus нѣтъ подлинника нашей статьи, включенной въ Крестьянскій Законъ, но въ виду значительныхъ измѣненій, допущенныхъ редакторами Василикъ для сосѣднихъ титуловъ, возможно предположить близкое ея родство съ утраченнымъ титуломъ Василикъ и разсматривать даже ее какъ матеріалъ для его возстановленія.

Наконецъ, двѣ послѣднія статьи, X 10 и 11 Heimb., о насильственно входящихъ на чужую землю, отсутствуютъ въ главномъ спискѣ Геймбаха, но имѣются, между прочимъ, въ младшемъ Миланскомъ спискѣ. Взяты онѣ изъ Basil. LX 18 κε′ и κζ′ (cf. const. 6 и 7 Cod. Just. IX, 12) или имѣютъ общій источникъ. Интерполяторы должны были заимствовать изъ греческой перифразы, а не изъ латинскаго подлинника, живя позднѣе того времени, когда выдѣлилась Московская редакція, въ которой эти статьи отсутствуютъ.

Если между интерполяціями въ составѣ отдѣльныхъ статей мы могли наблюдать такого рода измѣненія, которыя имѣютъ между собою связь и указываютъ на важную для насъ эволюцію въ идеяхъ о собственности; то относительно

статей, присоединенныхъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ, сказать того не можемъ. Это добавленія изъ Юстиніанова права въ его греческой ученой обработкѣ, безъ вліянія реальной жизни и обычая; присоединенныя по разному поводу и въ разное время, дополнительныя статьи къ Крестьянскому Закону вѣроятно очень рано получили различный составъ, выдѣляющій на особое мѣсто Московскую редакцію и подобные же списки, которые обнаружатся по приведеніи въ извѣстность всего рукописнаго преданія.

Поставимъ себѣ еще одинъ вопросъ изъ области критики текста: какова была первоначальная система Крестьянскаго Закона, и не являются ли нѣсколько статей рано сдѣланными дополненіями, имѣющими свое мѣсто уже во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ, въ томъ числѣ и въ Миланскомъ старшемъ.

Первыя 21 статьи по изданію Феррини посвящены огражденію правъ собственности на землю, на жатву и практикѣ аграрныхъ договоровъ. Далѣе стоитъ одиноко статья 22 о кражѣ земледѣльческихъ орудій, которой мѣсто было бы рядомъ съ 61 статьей и слѣдующими сходнаго содержанія. Возможно было бы предположить, что этотъ параграфъ стоитъ не на своемъ мѣстѣ въ Миланскомъ спискѣ, подобно тому какъ ст. 65 Ferr. о ломающихъ чужія постройки стоитъ не на томъ мѣстѣ въ Миланскомъ спискѣ, на которомъ она является въ Московской редакціи.

Далѣе статьи 23—54 Ferr., 22—53 Книгъ Зак. и 23—53 Московской редакціи посвящены мелкимъ случаямъ изъ крестьянскаго быта, относящимся къ животнымъ и потравамъ. Внутри такого длиннаго ряда статей, составляющихъ болѣе трети всего Закона, вставлены ст. 31 и 32 Мил. и Моск. о деревѣ взрощенномъ на нераздѣленной землѣ и послѣ новаго раздѣла попавшемъ на чужой участокъ. Эта пара статей стоитъ не на своемъ мѣстѣ, но такъ какъ ея положеніе въ Миланскомъ и Московскомъ спискахъ одинаково, то слѣдуетъ думать, что она внесена первыми интерполяторами Закона. Такъ какъ по своему содержанію статьи эти должны быть сопоставлены съ извѣстными статьями о мельницахъ сооруженныхъ на нераздѣленномъ и раздѣленномъ мѣстѣ, то можно предположить для всѣхъ этихъ четырехъ статей одновременное появленіе въ текстѣ Крестьянскаго Закона; и ихъ мѣсто должно было бы быть сосѣдящее, именно въ концѣ первоначальнаго текста.

Статьи 31 и 32, впрочемъ, не единственныя вѣроятныя интерполяціи между параграфами о животныхъ. Въ Миланскомъ и Московскомъ спискахъ слѣдуетъ статья о пастухѣ, крадущемъ молоко. Эта статья стоитъ на мѣстѣ; но вслѣдъ за нею въ младшемъ Миланскомъ, передъ нею въ Московскомъ спискахъ (и Кн. Зак.) очевидно позднѣе вставлена статья подобнаго же содержанія о садовомъ сторожѣ, крадущемъ плоды. Ея мѣсто было бы около статей 59—60 о кражахъ плодовъ. Далѣе слѣдуетъ параграфъ о крадущемъ чужой тростникъ (καλάμην). Мы не считаемъ ее за интерполяцію, такъ какъ она значится во всѣхъ изводахъ и по содержанію подходитъ къ своему мѣсту, если принимать, что подъ словомъ καλάμην разумѣется подстилка для скота. Въ старшемъ Миланскомъ спискѣ стоитъ ἀλάμιν,

слово нами не отысканное въ лексиконахъ; въ русскомъ переводѣ стоитъ *стернище*, слово обозначающее не только сжатое поле, но и остатки соломы, которые конечно могли имѣть означенное употребленіе.

Вслѣдъ за статьями о животныхъ идутъ постановленія о крупныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, имѣющихъ мѣсто спеціально въ сельскомъ быту. Начинаются онѣ со статьи 55 по изданію Феррини о неосторожномъ поджогѣ при расчисткѣ собственной лядины; кстати замѣтить, въ этой статьѣ наблюдается одна изъ возможныхъ реминисценцій Юстиніанова права (cf. Dig. IX 2, 30 § 3). Возможно даже, что съ этой статьи начинались приписки. Слѣдующіе параграфы, изъ которыхъ первый имѣетъ непосредственную близость къ вышеозначеннымъ, трактуютъ о поджигательствахъ и кражахъ. Онѣ редактированы in personam, начинаясь не со словъ „ἐάν τις . . .“, но съ обозначенія преступника: ὁ καίων . . ., ὁ κλέπτων . . . и т. п. Это замѣчательно, что изъ всѣхъ предшествующихъ 55 статей лишь одна редактирована подобнымъ же образомъ, да и та (20 Ferr.) говоритъ о рубящихъ чужое запущенное мѣсто или чужіе кусты, такъ что ея мѣсто рядомъ со ст. 58 о рубящихъ чужіе виноградники, для которой нѣтъ обычнаго парнаго параграфа. Среди статей о поджогѣ и кражѣ мы видимъ постановленіе о рушащихъ чужія постройки, которое имѣетъ различное мѣсто въ двухъ нашихъ древнѣйшихъ редакціяхъ (65 Ferr., ср. 82 Кн. Зак. = 91 Моск.); и постановленіе о берущихъ поля за долгъ, оригинальность котораго обратила на себя вниманіе изслѣдователей, см. *Zachariæ*, Geschichte des griech.-röm. Rechts, 3 Aufl., Anm. 823 и др. Заканчивается означенный третій рядъ статей постановленіями о кражѣ животныхъ и объ убійствѣ (ст. 70—75 Ferr., 69—74 Кн. Зак., 76—79 Моск.).

Слѣдуютъ въ старшемъ Миланскомъ спискѣ еще семь статей, изъ коихъ четыре о мельницахъ. Передъ послѣдними имѣемъ постановленіе о сжавшемъ свою ниву раньше сосѣдей и пустившемъ на нее свой скотъ. Статья эта дополняется въ Московскомъ спискѣ подобной же относительно виноградника. За нею слѣдуетъ статья о рубящемъ лозы спорнаго виноградника; эта статья представляется дополненіемъ къ ст. 58 (56 Кн. Зак., 59 Моск.). Далѣе идутъ четыре статьи о мельницахъ.

Онѣ находятся во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ, и мы не желаемъ доказывать ихъ неподлинность. Но есть въ нихъ признаки, выдѣляющіе ихъ изъ статей безусловно перваго состава Крестьянскаго Закона. Мы уже замѣтили, что первыя двѣ изъ нихъ по своему смыслу ближе къ статьямъ о деревѣ на общей землѣ, которыя находятся не на своемъ мѣстѣ, но интерполированы между статьями о животныхъ. Въ первой статьѣ изъ нихъ, гдѣ единственный разъ въ памятникѣ попадается ἡ τοῦ χωρίου κανότης, мы наблюдаемъ большія редакціонныя различія для извѣстныхъ списковъ, при чемъ въ старшемъ Миланскомъ мы читаемъ объ ἐργαστήρια вообще. Въ послѣднихъ двухъ о мельничной водѣ читаемъ слово χωράφιον, обычное въ среднегреческихъ документахъ, но (кромѣ ст. 25) отсутствующее въ предыдущихъ параграфахъ Закона, обозначающаго тоже самое понятіе другими тер-

минами, именно χώρα, ἀγρός и τόπος. Относительно четвертаго изъ параграфовъ о мельницахъ и Цахаріэ замѣтилъ, что онъ считаетъ его позднѣйшей вставкой благодаря словамъ δεσπόται τῶν χωραφίων, не встрѣчающимся въ текстѣ Закона. Слово δεσπόται находится, однако, въ печатныхъ изданіяхъ по спискамъ при Арменопулѣ, а въ Миланскихъ и Московскихъ спискахъ находимъ αὐθένται; но и оно не отвѣчаетъ словоупотребленію Закона, имѣющаго повсюду κύριος.

Между шестью статьями — двумя о взрощенномъ деревѣ и четырьмя о мельницахъ — существуетъ внутренняя связь: онѣ посвящены jus in re aliena при двухъ спеціальныхъ случаяхъ сельскохозяйственной практики, при чемъ три послѣднія статьи отвергаютъ таковое право на чужую вещь, равно какъ, косвеннымъ образомъ, и первая 31 ст. о деревѣ при усадьбѣ, двѣ же остальныя имѣютъ нѣчто схожее съ сельскохозяйственными сервитутами, признавая одинаково какъ права собственника земли, такъ и интересы предпринимателя. Хотя мы сомнѣваемся, чтобы эти 6 статей, принадлежали къ первоначальному составу памятника, но мы должны считаться съ тѣмъ фактомъ, что онѣ присутствуютъ во всѣхъ спискахъ Крестьянскаго Закона, привлекая изслѣдователей интересомъ своего содержанія, и заимствованы, повидимому, изъ обычнаго права.

Итакъ мы наблюдаемъ въ составѣ редакціи 82—83 статей безъ титуловъ три ряда статей: 1) объ огражденіи земельной собственности и правъ на плоды, въ связи съ практикою аграрныхъ договоровъ; 2) объ огражденіи другой важнѣйшей категоріи сельско-хозяйственной собственности — животныхъ; 3) объ уголовныхъ преступленіяхъ, имѣющихъ мѣсто спеціально въ сельскомъ быту. Наконецъ, сюда же въ качествѣ 4-го ряда, вѣроятно позднѣйшаго происхожденія, можно сопоставить 6 статей о предпринимателяхъ на общинной землѣ.

Кромѣ того въ текстъ памятника даже въ древнѣйшихъ его спискахъ включено нѣсколько дополнительныхъ статей различнаго содержанія. Разновременныя дополненія въ болѣе ранней своей части общи всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, а отчасти имѣютъ разнородный составъ, позволяя раздѣлить позднѣйшія редакціи на двѣ группы, изъ которыхъ одна извѣстна лишь по Московскому Синодальному списку XV в. и по переводу древне-русской компиляціи „Книгъ Законныхъ“.

Ни въ одномъ спискѣ Законъ не носитъ имени иконоборческихъ императоровъ, и это очень важно, такъ какъ иконоборческая Эклога опредѣленно называется закономъ Льва и Константина. Далѣе, существующія вступленія — позднѣйшаго происхожденія: въ Арменопуловой редакціи является вступленіе изъ нѣсколькихъ параграфовъ, отсутствующее во всѣхъ древнихъ спискахъ; въ Московской рукописи читаемъ экспертъ изъ proœmium къ Эклогѣ. Извѣстные древнѣйшіе списки и русскій переводъ начинаются съ одной и той же статьи и ничѣмъ не обличаютъ, чтобы начало памятника не уцѣлѣло случайно. Памятникъ представляется намъ не иначе, какъ записью болѣе 80 отдѣльныхъ положеній, среди которыхъ мы можемъ различать три или четыре указанные ряда статей; далѣе идутъ разнородныя допол-

ненія, при чемъ не только эти дополненія, но и позднѣйшіе ряды 3-и 4-ый интерполировались, включались въ составъ двухъ первыхъ, древнѣйшихъ, повидимому, группъ. Только это, въ общихъ чертахъ, намъ извѣстно о составѣ первоначальнаго Νόμος γεωργικός; и ничего сверхъ этого, именно: подлиннаго общаго титула, proemium, никакого заключенія, никакого опредѣленнаго конца нашъ памятникъ не имѣетъ ни въ одной извѣстной редакціи. Какихъ-нибудь рубрикъ въ текстѣ, единства первоначальнаго плана мы даже и предполагать не имѣемъ достаточнаго основанія.

Что же заставляетъ изслѣдователей принимать Νόμος γεωργικός за памятникъ одной, притомъ оффиціальной редакціи и приписывать его иконоборцамъ? Мнѣніе это было высказано Цахаріэ, и существенныхъ аргументовъ, кромѣ имъ предложенныхъ, намъ не извѣстно [1]).

На томъ фактѣ, что не имѣется внѣшнихъ признаковъ единой и цѣлостной редакціи памятника, Цахаріэ не останавливался. Но онъ указалъ, что на всемъ его протяженіи господствуетъ оффиціальный, повелѣвающій тонъ законодателя. Это указаніе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что вмѣсто разъясняющаго и опредѣляющаго изъявительнаго наклоненія, которое употребляются юристами Дигестъ и Василикъ — памятниковъ также оффиціальнаго происхожденія — въ Крестьянскомъ Уставѣ повсюду (кромѣ нѣкоторыхъ дополненій, заимствованныхъ изъ Юстиніанова права) встрѣчаемъ повелительное наклоненіе. Исключеніемъ является опредѣленіе μορτή въ ст. 10. Этотъ способъ выраженія сближаетъ Крестьянскій Законъ съ иконоборческою Эклогою.

Указанное стилистическое различіе особенно ясно сказывается въ текстѣ морскихъ законовъ, помѣщенныхъ въ 53 книгѣ Василикъ, для которой въ недавнее время Феррини и Цахаріэ издали болѣе полный текстъ. Въ тѣхъ титулахъ этой книги, которые заимствованы изъ Дигестъ, мы встрѣчаемъ изъявительное наклоненіе; а какъ только начинается Эклога изъ Родосскаго устава, запись обычнаго права, то появляется повелительное наклоненіе. Возьмемъ далѣе т. н. Νόμος στρατιωτικός или Солдатскій законъ. Составъ этой компиляціи крайне недостаточно изученъ, и критическаго изданія ея различныхъ редакцій до сихъ поръ нѣтъ. Въ послѣднее время Цахаріэ напечаталъ ея текстъ по древнему списку Ecloga ad Prochiron mutata [2]), но извѣстно, что „Измѣненная Эклога“ передаетъ свои источники свободно. Въ статьяхъ Солдатскаго Закона, ведущихъ начало изъ Тактики Льва, котораго, слѣдуя Цахаріэ (l. c. 439), слѣдуетъ отожествлять именно съ императоромъ иконоборцемъ, мы находимъ повелительное наклоненіе или равнозначныя ему формы; въ статьяхъ же, заимствованныхъ изъ Юстиніанова права въ греческой, намъ ближе неизвѣстной обработкѣ, мы находимъ такое же смѣшеніе повелѣвающаго способа выраженія съ разъясняющимъ, какъ въ Прохиронѣ Василія Македонянина; и тамъ,

[1]) О прежнихъ мнѣніяхъ по поводу Эклоги ср. *Mortreuil*, Histoire du droit Byzantin, I 363 s.

[2]) Въ Byzantiniche Zeitschrift, III (1894), 450—454.

гдѣ македонскій законодатель повелѣваетъ, онъ также часто говоритъ отъ себя: θεσπίζομεν или κελεύομεν.

Лаконическая повелѣвающая форма, въ которой редактированы статьи Крестьянскаго Закона, не является общей принадлежностью византійскаго оффиціальнаго законодательства, но свойственна юридическимъ памятникамъ извѣстной эпохи и извѣстнаго происхожденія: на основаніи трехъ во многомъ сходныхъ и близкихъ памятниковъ, именно Крестьянскаго Закона, Родосскихъ морскихъ статей и Солдатскаго устава въ его оригинальной части, приписываемой Руфу, можно предполагать, что такъ были редактированы записи обычнаго или народнаго права (Volksrecht), относящіяся къ эпохѣ упадка Юстиніанова права и юридической науки, къ VII и VIII столѣтіямъ.

Была указана одна редакціонная особенность, приближающая Крестьянскій Законъ къ Эклогѣ: обращеніе къ судьямъ (ἀκροαταί), представляющее оборотъ дѣла ихъ благоусмотрѣнію. Нужно замѣтить, что въ текстѣ Крестьянскаго Закона ни о какихъ властяхъ, ни о формѣ разбирательства не упоминается: въ противоположность западнымъ правдамъ, (ср. *Sohm,* Process der Lex Salica) въ Крестьянскомъ Законѣ не видимъ указанія на спеціальные органы для разбирательства крестьянскихъ дѣлъ, коихъ само содержаніе предполагало бы наличность особыхъ нисшихъ судебныхъ органовъ. Кто разбираетъ эти мелкія дѣла о потравахъ и порубкахъ, изъ Крестьянскаго Устава заключить не можемъ. Дважды упоминаются провинціальные архонты, но именно въ статьяхъ не принадлежащихъ къ первоначальному тексту и взятыхъ изъ Юстиніанова права, именно въ epitome эдикта Зотика и въ статьѣ о тяжбѣ изъ-за земли (tit. X, ult. Heimb.). Въ этой же послѣдней статьѣ архонтъ называется иначе δικαστής; въ подлинномъ Законѣ нѣтъ рѣчи ни о какомъ δικαστής.

При такомъ характерѣ памятника, говорящаго лишь о виновныхъ и потерпѣвшихъ и объ ихъ правахъ, мы встрѣчаемъ въ текстѣ Закона три раза упоминаніе объ ἀκροαταί, 7 и 36 Ferr., и ψηφισάτωσαν οἱ ἀκροαταί, 66 Ferr. Въ статьѣ 36 это обращеніе можетъ быть выпущено безъ всякаго синтаксическаго или логическаго ущерба для смысла статьи, представляющей къ тому же большую аналогію съ Eclog. 17, 7 по содержанію; первый изъ трехъ случаевъ имѣетъ мѣсто въ статьѣ о спорѣ между двумя селами. Это единственная статья, гдѣ не о личной собственности идетъ рѣчь, но о правахъ двухъ обществъ, и ея положеніе среди древнѣйшихъ текстовъ памятника нѣсколько неожиданно. Третій случай имѣемъ въ статьѣ, которая по своему положенію и по оригинальности своего содержанія можетъ быть предположена интерполяціей, хотя бы весьма ранней. Эти ἀκροαταί не являются терминомъ, взятымъ изъ сельской жизни, ни реальнымъ административнымъ терминомъ, слово не подходитъ къ характеру памятника, это терминъ юридическій изъ области судебнаго процесса. Рядомъ съ δικασταί, терминъ этотъ составляетъ самое обычное явленіе на пространствѣ Эклоги, куда онъ подходитъ, откуда оба термина нельзя было бы выкинуть безъ ущерба содержанію. Въ текстѣ

Крестьянскаго Закона ἀκροαταί производятъ неожиданное и странное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, эти три фразы, или лучше сказать, одна фраза, повторенная трижды на пространствѣ памятника, не стоютъ результатовъ сопоставленія Эклоги съ Νόμος γεωργικός, которые говорятъ не въ пользу общности ихъ происхожденія. Цахаріэ и другіе ученые обращали вниманіе на сходства Эклоги съ Крестьянскимъ Закономъ, желая пріурочить послѣдній къ извѣстной эпохѣ; на отличіяхъ ученые не останавливались, а они очевидны.

Эклога есть оффиціальный судебникъ, со всѣми внѣшними признаками таковаго, съ заглавіемъ и введеніемъ, съ раздѣленіемъ на титулы, съ цѣльнымъ и постояннымъ содержаніемъ; изъ каждой его статьи видно, кто и къ кому обращается. Юридическимъ отношеніямъ дается часто отвлеченное опредѣленіе, объемъ отдѣльныхъ параграфовъ въ большинствѣ случаяхъ значителенъ и содержаніе систематическое и законченное. Если во многихъ институтахъ Эклога вноситъ новое изъ области обычая, то измѣненія ложатся на старую римскую основу, масса содержанія остается прежняя, не теряется изъ вида, что Эклога есть памятникъ императорскаго законодательства.

Крестьянскій же Законъ не только имѣетъ содержаніе спеціальное, не позволяющее для большинства статей даже искать непосредственныхъ источниковъ въ императорскомъ законодательствѣ: но онъ не имѣетъ, какъ сказано, внѣшнихъ признаковъ единаго устава для земледѣльцевъ. Насколько намъ извѣстенъ его древнѣйшій видъ, онъ представляется какъ запись нѣсколькихъ группъ статей изъ области быта свободныхъ крестьянъ. Кто стоитъ надъ ними, каково ихъ отношеніе къ другимъ классамъ, не извѣстно изъ памятника, о государствѣ вспоминается лишь по поводу взноса податей съ ἄπορα. О формахъ самоуправленія мы не читаемъ, однажды говорится о κοινότης τοῦ χωρίου въ статьѣ, не принадлежащей къ основнымъ группамъ вошедшимъ въ составъ памятника; и смыслъ этого термина, какъ увидимъ, во всякомъ случаѣ спорный. Нѣтъ никакого опредѣленія предполагаемой основѣ общиннаго быта, какъ вообще опредѣляется лишь μορτή въ томъ смыслѣ, что это есть десятый снопъ. Содержаніе памятника убогое, какъ ни важны случайныя подробности; положительная сторона права отсутствуетъ; передъ нами отдѣльные случаи правонарушенія; законодатель, давая памятникъ въ руки, не могъ бы думать, что крестьянинъ проживетъ безъ помощи другихъ законниковъ, онъ могъ бы разсматривать Νόμος γεωργικός какъ спеціальное дополненіе къ Эклогѣ. Крестьянскій Законъ могъ стать дополненіемъ къ Эклогѣ, происхожденіе же имѣлъ онъ иное. Въ древнѣйшихъ спискахъ мы находимъ уже статьи объ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ поджогъ и кража: крестьянамъ было важно знать наказаніе за преступленіе случающееся въ ихъ быту, но законодатель не сталъ бы помѣщать въ дополненіи то, что составляетъ прямой предметъ пенальнаго титула Эклоги. Или эти статьи были записаны впервые въ качествѣ живого народнаго права, или были внесены позднѣйшими переписчиками, народныя потребности имѣвшими въ виду.

Содержаніе Крестьянскаго Закона съ одной стороны слишкомъ неполно, съ другой слишкомъ разнородно, чтобы оно являлось дополненіемъ къ Эклогѣ. Если за этой послѣдней нельзя не признать значенія правительственнаго изданія, работы императорскихъ юристовъ, лишь считавшихся съ народнымъ правомъ и внесшихъ измѣненія въ Юстиніаново законодательство подъ вліяніемъ жизненныхъ потребностей, то Крестьянскій Законъ могъ быть не болѣе какъ оффиціальной записью народныхъ крестьянскихъ обычаевъ; дополненіемъ къ Эклогѣ нашъ памятникъ хотя и сдѣлался, при томъ не позже IX в., когда образовался постоянный Appendix Eclogæ, но не есть памятникъ однороднаго происхожденія, и о времени его первой редакціи можно судить лишь приблизительно.

Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить внутреннее родство обоихъ памятниковъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ, указанныхъ Цахаріэ и Васильевскимъ [1])? Найти эти статьи Эклоги не трудно, онѣ всѣ находятся въ титулѣ de poenis (ποινάλιος), и посвящены уголовнымъ преступленіямъ, имѣющимъ мѣсто въ сельскомъ быту.

Пенальный титулъ Эклоги изъ всего ея состава имѣлъ наибольшее вліяніе, чрезъ посредство македонскаго Прохирона опредѣлилъ собою все византійское уголовное законодательство и дошелъ не только до нашихъ Книгъ Законныхъ, но въ составѣ Кормчей до уложенія Алексѣя Михаиловича. То, что имѣло наибольшее практически жизненное значеніе, наиболѣе должно было подвергаться интерполяціямъ. Мы не желаемъ злоупотреблять крайними пріемами критики текста, хотя теорія интерполяцій такъ много сдѣлала для изученія Дигестъ. Нельзя однако не обратить вниманіе на составъ титула de poenis.

Пенальный титулъ Эклоги разбираетъ тягчайшія преступленія: а) противъ церкви: нарушеніе jus asyli и клятвопреступленіе, ст. 1 и 2; б) противъ царя: заговоръ или возмущеніе, ст. 3; в) оскорбленіе священника дѣйствіемъ, ст. 4; г) самоуправство помимо обращенія къ властямъ, ст. 5; д) отреченіе отъ христіанства въ плѣну, ст. 6; и затѣмъ находимъ три статьи о какихъ-то коняхъ и баранахъ! Пропускаемъ ихъ и возстановляемъ связь: идутъ е) статьи о кражѣ, причемъ первая изъ нихъ говоритъ о кражѣ въ походѣ, слѣдующая — о кражѣ внутри страны, третья — о кражѣ рабомъ; и къ нимъ приставлена статья о кражѣ спеціально стада (ст. 13). Далѣе начинаются постановленія о тяжкихъ преступленіяхъ: ж) святотатство (ст. 14 и 15); з) похищеніе людей (ст. 16 и 17); и) поддѣлка монеты (ст. 18); і) рядъ параграфовъ о прелюбодѣяніи и пр. (ст. 19—39). Затѣмъ к) слѣдуютъ двѣ статьи о поджигательствѣ (40 и 41). Изъ нихъ первая содержитъ частное постановленіе о поджогѣ лѣса, хотя за нею слѣдуетъ общій законъ о поджогѣ по злобѣ, и притомъ угрожаетъ штрафомъ вдвойнѣ. Статья же 41 имѣетъ наибольшій объемъ, но происхожденіе такихъ ея размѣровъ ясно. Сказано кратко, что за поджогъ въ городѣ сжигать живымъ, за поджогъ

[1]) *Zachariæ*, Geschichte der griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl. S. 250, Anm. 821. *Васильевскій*, Законодательство иконоборцевъ, Ж. М. Н. Пр. ч. 200 (1878), отд. 2, стр. 97—98.

внѣ города казнить мечемъ, и далѣе продолжается многословно: если кто подожжетъ свой тростникъ неосторожно и повредитъ чужой виноградникъ, то возмѣститъ убытки, если же принялъ предосторожности, то не повиненъ .... Далѣе опять идутъ крупныя преступленія: л) отравленіе и колдовство (ст. 42—44); м) убійство (45—50); н) ложный доносъ (ст. 51); и о) тяжкая ересь (ст. 52).

Удивительно, что ученые не замѣтили такого явнаго искаженія подлиннаго титула de poenis внесеніемъ неподходящаго, притомъ однороднаго элемента. Между статьями о тягчайшихъ уголовныхъ преступленіяхъ, каравшихся суровыми личными наказаніями, вставлены статьи о преступленіяхъ изъ сельской практики, наказываемыхъ штрафомъ и возмѣщеніемъ убытковъ.

Интерполяціи совершены неумѣло: статьи 7—9 нарушаютъ послѣдовательность изложенія, 40-ая могла бы помѣститься въ составѣ интерполяцій 41-ой статьи. Источникомъ вставокъ могъ быть только отчасти Крестьянскій Законъ, было вѣроятно и самостоятельное творчество. Именно статья 7-ая о конѣ, павшемъ не на той работѣ, для которой онъ былъ ссуженъ, не можетъ считаться когда либо принадлежавшей Крестьянскому Закону, на протяженіи котораго не встрѣчается имени коня. Изъ этого послѣдняго обстоятельства возможно заключить, что Крестьянскій Законъ возникъ въ той странѣ, гдѣ конь былъ не употребителенъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, напр. въ Греціи, но не ведетъ свое начало ни отъ Исавровъ, имѣвшихъ въ виду потребности солдатъ, ни созданъ подъ вліяніемъ сѣвернаго славянскаго элемента. Возможно, что редакторъ ст. 7 замѣнилъ конемъ вола статьи 36-ой Кр. З., и тогда для нея найденъ источникъ. Для Ecl. XVII 8 источникомъ является ст. 53 Кр. З. (изд. Ферр.), для слѣдующей 9-ой о дракѣ животныхъ источника въ Мил. и Моск. редакціяхъ нѣтъ, но въ редакціи при Арменопулѣ статья эта помѣщена въ тит. VI-мъ. Нельзя пока рѣшить, который изъ двухъ памятниковъ заимствовалъ у другого. Затѣмъ Ecl. XVII 40 имѣетъ своимъ оригиналомъ N. γ. 56 изд. Ferr., замѣняя ὅρος черезъ ὕλη; для дополненій къ ст. 41 de poenis особенно яркую параллель представляетъ Моск. ред. Крест. Закона, гдѣ эти дополненія являются 70-й статьей, слѣдуя за параграфами объ уголовныхъ преступленіяхъ, заимствованными изъ Эклоги (или изъ Прохирона); и въ самомъ Прохиронѣ или Эклогѣ статьи эти помѣщены почти рядомъ. Въ Мил. спискѣ Кр. З. статьи этой нѣтъ, но источникъ ея можетъ быть указанъ въ ст. 55, такъ что на примѣрѣ этой статьи наблюдается взаимное послѣдовательное вліяніе одного памятника на другой. Вставленная статья 40-ая противорѣчитъ подлинному началу 41-ой статьи, разсматривая поджогъ какъ нанесеніе матеріальнаго ущерба, наказываемое двойнымъ штрафомъ (т. е. возмѣщеніемъ убытковъ и πρόστιμον въ такомъ же размѣрѣ); тогда какъ поджогъ въ основномъ текстѣ Эклоги разсматривается какъ уголовное преступленіе, караемое смертной казнью.

Языкъ подлинной части 41 статьи нѣсколько иной, чѣмъ языкъ интерполированнаго текста, употребляя ἀγρός тамъ, гдѣ интерполяторъ имѣетъ χωράφιον и

говоря о постройкахъ на ἀγρός, различая ἀγρός отъ χωρίον[1]). Языкъ интерполяцій въ текстѣ титула περὶ ποινῶν позднѣйшій въ сравненіи съ терминологіей древнѣйшей редакціи Крестьянскаго Закона, употребляя въ ст. 13 δεσποτεία, которое отсутствуетъ какъ въ соотвѣтственной статьѣ Закона, такъ и во всемъ текстѣ послѣдняго памятника; слово χωράφιον встрѣчается въ Законѣ въ ст. 25 и во второй парѣ статей о мельницахъ, опредѣляемыхъ какъ позднѣйшее добавленіе. Положеніе отмѣченныхъ статей въ текстѣ титула de poenis, содержаніе ихъ и стиль, какъ въ статьѣ 41-ой, указываютъ, что онѣ являются вставками и интерполяціями. Источникъ ихъ не можетъ быть указанъ ближайшій чѣмъ Крестьянскій Законъ, гдѣ статьи эти являются у мѣста и въ болѣе древней редакціи. Онѣ представляютъ свободную передѣлку соотвѣтственныхъ статей Крестьянскаго Закона и въ свою очередь повліяли на текстъ позднѣйшихъ редакцій Закона, именно ст. 9 и 41.

Сопоставимъ Νόμος γεωργικός не съ Эклогою, но съ болѣе близкими къ нему Νόμος ναυτικός и Νόμος στρατιωτικός. Между этими тремя уставами или между тремя компиляціями, носящими имя законовъ крестьянскаго, морскаго или матросскаго, воинскаго или солдатскаго, замѣчается много существеннаго сходства. Всѣ они, во первыхъ, появляются впервые въ постояннаго состава Appedix къ Эклогѣ Льва и Константина[2]), компиляціи, появившейся до IX вѣка.

Происхожденіе всѣхъ трехъ законовъ темное, оно было не извѣстно и византійскимъ переписчикамъ, которые усвоили имъ ихъ неоффиціальныя названія, по классамъ, для которыхъ они предназначены, пріурочивая ихъ къ знаменитымъ именамъ, — къ Юстиніану крестьянскій, къ Руфу воинскій, къ lex Rhodia, упоминаемому въ Дигестахъ, — морской. Всѣ три закона хотя написаны въ повелѣвающемъ тонѣ, но не имѣютъ внѣшнихъ признаковъ цѣльной подлинной редакціи, не имѣютъ полныхъ вступленій, эпилоговъ и рубрикъ, которыя мы могли бы считать принадлежащими къ первоначальному тексту. Составъ всѣхъ трехъ памятниковъ распадается на статьи содержанія новаго, неизвѣстнаго, основаннаго на обычаѣ и практикѣ, и на дополненія изъ Юстиніанова права въ греческихъ парафразахъ, притомъ отличающихся отъ послужившихъ для Василикъ. Наиболѣе литературный характеръ носитъ Солдатскій Законъ, наиболѣе обычноправового содержанія въ Крестьянскомъ, наиболѣе постояннымъ текстомъ обладаетъ, повидимому, морской Родосскій уставъ.

Ни одного изъ нихъ мы не имѣемъ права приписывать иконоборцамъ. Извѣстно только то, что они появляются въ приложеніяхъ къ Эклогѣ, получившихъ устойчивый составъ до IX вѣка; слѣдовательно, всѣ три устава въ своемъ древнѣйшемъ видѣ существовали въ VIII вѣкѣ или ранѣе въ VII-мъ.

Ихъ появленіе, далеко не одновременное, относится ко времени Исаврійской династіи или же дома Ираклія, въ темный періодъ упадка книжнаго права. Солдатскій Законъ можетъ имѣть болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ оба другіе, если

[1]) Cf. Ecl. XIII 1: χωρίων, ἀγρῶν ἢ καὶ λοιπῶν.

[2]) На основаніи изслѣдованій Цахаріэ, особенно въ Prochiron Basilii, собраны рукописныя данныя у *Mortreuil*, Histoire du droit byzantin, I 375—405.

признать, что источникомъ его первыхъ статей послужила Tactica Leonis, и послѣднюю приписывать Льву Исавру. Относительно Крестьянскаго Закона въ его древнѣйшей записи не понятно, почему его должно приписывать временамъ Исаврійской династіи, а не VII вѣку. Потребность въ немъ могла явиться и въ VII вѣкѣ, характеръ памятника, варварскій и наивно-эмпирическій, ближе подходитъ во временамъ наибольшаго упадка образованности, чѣмъ ко временамъ составленія Эклоги. Указываютъ, что Крестьянскій Законъ долженъ быть отнесенъ во временамъ иконоборцевъ вслѣдствіе новизны своего содержанія, дающаго новое право: точно со вступленіемъ иконоборцевъ началась враждебная реакція противъ Юстиніанова права, а не собираніе расшатанныхъ силъ государства, приспособленіе къ послѣдствіямъ варварскаго вѣка; и точно памятники вродѣ Крестьянскаго Закона могутъ составить гордость реформатора законодателя.

Мало того, указываютъ въ содержаніи спеціально на общинные порядки Крестьянскаго Закона, на предполагаемое Славянское происхожденіе таковыхъ порядковъ, и приписываютъ памятникъ законодательству Исаврійскаго дома, котораго торжество было дѣломъ Малой Азіи, послѣ упорной борьбы именно съ сѣверными и славянскими элементами, предполагаемыми носителями общинныхъ началъ; указываютъ на сильное передвиженіе населенія какъ на причину появленія Закона, регулирующаго жизнь крестьянъ на новыхъ мѣстахъ: но временемъ наибольшаго движенія народныхъ массъ былъ VII вѣкъ.

II.

Критическій обзоръ вопроса о содержаніи Крестьянскаго Закона и о присутствіи въ немъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія. Теоріи Цахаріэ, стр. 31, и В. Г. Васильевскаго, стр. 45. Замѣчанія А. С. Павлова, стр. 54 Ѳ. И. Успенскаго, стр. 57, Феррини, стр. 57.

При разсмотрѣніи содержанія Крестьянскаго Закона нашей главной цѣлью будетъ выяснить: существуютъ ли въ немъ слѣды общиннаго землевладѣнія и каково можетъ быть происхожденіе наблюдаемыхъ въ этомъ источникѣ формъ крестьянской собственности. Несмотря на живѣйшее наше нежеланіе затемнять положительное изложеніе полемикой, въ виду господства взглядовъ, съ коими согласиться нельзя, мы вынуждены начать съ изложенія исторіи вопроса въ общихъ чертахъ.

Цахаріэ, которому не удалось критически издать Законъ и выяснить его внѣшнюю исторію, предложилъ въ своей Исторіи права нѣсколько руководящихъ страницъ, которыя легли въ основу всего послѣдующаго изученія содержанія памятника, всей литературы объ исторической его цѣнности. Главнѣйшія особенности крестьянскаго состоянія по Νόμος γεωργικός были замѣчены этихъ ученымъ, и главныя гипотезы въ объясненіе этихъ особенностей были высказаны имъ же[1]).

„По своему содержанію, говоритъ Цахаріэ, Крестьянскій Законъ можетъ быть разсматриваемъ какъ сельскій полицейскій уставъ (ländliche Polizeiordnung)“. Это

[1]) *Zachariae*, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl. (1892), 250 ff.

опредѣленіе было бы удачно, если бы памятникъ въ древнѣйшемъ своемъ видѣ не представлялъ изъ себя ряда статей безъ единства редакціи. „Онъ то повторяетъ съ большими или меньшими измѣненіями постановленія Юстиніанова права, то даетъ совершенно новое право". Мы видѣли, что текстъ, изданный Феррини, содержитъ только три случая, гдѣ можно сомнѣваться, не имѣемъ ли мы дѣло съ Юстиніановымъ правомъ въ качествѣ источника, а первоначальный текстъ, вѣроятно, былъ совершенно независимъ отъ Юстиніановыхъ изданій. „Тамъ и здѣсь, особенно въ началѣ, помѣщены законоположенія, которыя мы вправѣ считать основаніями (Grundzüge) своеобразнаго крестьянскаго права". Не ясно, почему статьи Закона могутъ быть названы *основаніями* какого либо крестьянскихъ права, имѣя столь спеціальное назначеніе. При этомъ Цахаріэ ссылается на постановленіе о берущихъ земли за долгъ (ст. 66 Ferr.), которая не свободна отъ интерполяцій и можетъ представлять собою библейское заимствованіе.

Далѣе, Цахаріэ замѣтилъ, что нашъ памятникъ хотя и знаетъ рабовъ, но не упоминаетъ о прикрѣпленіи къ землѣ, ни о барщинѣ (Frohnpflicht) свободныхъ лицъ въ пользу земледѣльца. Совершенно очевидно, что ничего этого Крестьянскій Законъ не знаетъ, но не вѣрно слѣдующее утвержденіе Цахаріэ о свободѣ перехода: „Auch der Gutsbauer kann das ihm verliehene Land verlassen, wenn er den Grundherrn entschädigt". Справляемся съ статьей, на которую Цахаріэ ссылается (I 11 Heimb. = 16 Ferr. и Павл.): намъ интересно знать, какіе Gutsbauer и Grundherr, подъ которыми самъ Цахаріэ разумѣетъ крестьянина и землевладѣльца, господина не крестьянскаго имѣнья, встрѣчаются въ текстѣ Закона. И какое состояніе земли обозначено словомъ verliehen? Ἐὰν γεωργός, читаемъ текстъ Феррини, ἐκλαμβανόμενος γεωργίαν ἀμπελῶνος ἢ χώρας στοιχήσας μετὰ τοῦ κυρίου αὐτῆς (l. αὐτοῦ) καὶ ἀρραβῶνα λαβὼν διαστρέψας ἀφήσει αὐτόν, τὴν τιμὴν τοῦ ἀγροῦ (ἀξίαν add. Mosqu.) δότω καὶ τὸν ἀγρὸν ἐχέτω ὁ κύριος αὐτῆς (l. αὐτοῦ). Передъ нами формальный договоръ объ арендѣ виноградника или нивы, съ неустойкой, между крестьяниномъ и собственникомъ земли. Кто бы этотъ послѣдній ни былъ, отношенія между ними имѣютъ всю форму свободнаго соглашенія и дѣло идетъ не о правѣ арендатора отказаться отъ снятаго участка земли, но объ огражденіи правъ собственника въ случаѣ нарушенія крестьяниномъ договора. Собственникъ, ὁ κύριος τῆς χώρας, не кто иной какъ подобный же крестьянинъ, въ этомъ можно убѣдиться хотя изъ слѣдующей статьи, гдѣ слова (ἀποδώσει . . τὴν χώραν) τῷ κυρίου αὐτῆς относятся къ ἑτέρου γεωργοῦ. Какъ ниже увидимъ, на всемъ пространствѣ Закона крестьяне называются господами (κύριοι) своей недвижимой собственности (ἴδιος), и нигдѣ въ Законѣ, кромѣ интерполированнаго эдикта Зотика, не идетъ рѣчь о землевладѣльцѣ высшаго состоянія. Объ этомъ послѣднемъ Цахаріэ здѣсь же прибавляетъ, что этотъ эдиктъ (собственно его epitome), запрещающій принимать чужихъ колоновъ, есть позднѣйшая вставка.

„Поэтому (daher), продолжаетъ Цахаріэ, можно обозначить характернымъ для законодательства исаврійскихъ императоровъ . . отмѣну барщины и введеніе свободы перехода (die Aufhebung der Dienstpflicht und die Einführung der Freizügigkeit)“.

Слова эти представляются намъ непонятнымъ недоразумѣніемъ (и вреднымъ, такъ какъ приняты на вѣру позднѣйшими изслѣдователями). Изъ того, что эдиктъ Зотика, изъ области иныхъ отношеній зависимаго крестьянства, не былъ въ составѣ нашего памятника, не говорящаго о зависимомъ крестьянствѣ, но появился въ его позднѣйшихъ редакціяхъ; а также на основаніи статьи Закона, по которой крестьянинъ-землевладѣлецъ долженъ быть вознагражденъ крестьяниномъ-арендаторомъ, нарушившимъ арендный договоръ, Цахаріэ выводитъ, что иконоборцы отмѣнили крѣпостничество.

Изъ того, что памятникъ не говоритъ о зависимомъ крестьянствѣ (интерполяція эдикта Зотика имѣетъ такое значеніе) не слѣдуетъ, что зависимаго крестьянства не существовало въ VII и VIII вв., но лишь то, что Крестьянскій Законъ къ парикамъ церковнымъ и частновладѣльческимъ не относится, не для нихъ онъ писанъ. Но если бы и слѣдовало такое сдѣлать заключеніе, то какое право имѣемъ приписывать отсутствіе зависимаго крестьянства императорскому законодательству; гдѣ сохранились слѣды столь крупныхъ законодательныхъ реформъ и ихъ позднѣйшаго устраненія; и можетъ ли вообще какой нибудь актъ измѣнить столь глубоко соціальныя отношенія, чтобы законъ приблизительно того же времени, предназначенный для практики, спокойно считался съ измѣненными общественными отношеніями; и не естественно ли искать упоминанія о таковыхъ реформахъ въ одновременномъ памятникѣ, спеціально посвященномъ крестьянству; гдѣ эти слѣды въ нашемъ памятникѣ? И какъ мы видѣли, нѣтъ вообще основанія приписывать Νόμος γεωργικός не только законодательству, но даже и времени иконоборцевъ.

„Также“, продолжаетъ Цахаріе, „Крестьянскій Законъ ничего не знаетъ о патронатѣ и зависимости крестьянскихъ общинъ.“ Это очевидно, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы патроната и зависимыхъ селъ не существовало во времена записи памятника.

Указавъ на терминъ μερίς и его синонимы, какъ на участокъ, полученный членомъ сельскаго союза въ личную собственность послѣ раздѣла, Цахаріэ продолжаетъ: пока раздѣла не состоялось, члены общины живутъ въ полной общинности, лишь фактически имѣютъ мѣсто частныя пользованія. „So lange eine solche Theilung nicht stattgefunden hat, leben die Gemeindeglieder in voller Gemeinschaft (τοῦ χωρίου κοινότης): nur thatsächlich finden Einzelbenuzungen statt (ἐὰν δένδρον ἀνατραφῇ ὑπό τινος ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ)“. Интересно знать, какъ представлялъ себа Цахаріэ такое состояніе volle Gemeinschaft: какъ вполнѣ коммунальное хозяйство или какъ владѣніе участками на срокъ. Ни на то, ни на другое пред-

положеніе Крестьянскій Законъ не даетъ никакого права: какъ увидимъ ниже, въ памятникѣ упоминаются крестьяне собственники или арендаторы (мортиты, половники), которые сами могли быть собственниками. Огражденію личной и безсрочной собственности посвящена половина Крестьянскаго Закона, притомъ древнѣйшая. Что означаетъ ἡ τοῦ χωρίου κοινότης, мы увидимъ не много ниже: оно имѣетъ смыслъ не юридическаго состоянія, но юридической личности.

Статья 32 Ferr. 31 Павл., доказывающая существованіе нераздѣленныхъ земель (ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ, нераздѣленѣ Кн. Зак.), становящихся личной собственностью послѣ раздѣла, какъ мы видѣли, хотя находится во всѣхъ спискахъ, но по мѣсту своему вмѣстѣ съ ей предшествующей должна считаться частью того наслоенія къ первоначальному составу Закона, которое принесло и статьи о мельницахъ съ терминомъ κοινότης. Считаясь съ ея содержаніемъ, мы хотя должны признать существованіе нераздѣленныхъ земель, но рядомъ и одновременно съ раздѣленными, съ μερὶς τοῦ χωρίου, о которой говоритъ 31 (30), ей корреспондирующая статья. Обѣ категоріи уже по своему названію другъ друга предполагаютъ и дополняютъ, и не относятся къ двумъ стадіямъ въ судьбахъ сельской общинности, какъ приходится понимать слова Цахаріэ. Существованіе нераздѣленныхъ угодій рядомъ съ надѣлами въ собственность самое обычное явленіе: таковы были села всего германскаго Запада и почти на любомъ планѣ, приложенномъ къ извѣстному труду *Мейцена* наблюдаются нераздѣленные выгоны и угодья рядомъ съ наслѣдуемыми гуфами хозяевъ.

Такого состоянія, когда *земледѣльцы* нашего памятника не имѣли никакихъ надѣловъ, а лишь такого рода Einzelnbenuzungen, какъ взращенное дерево, мы представить себѣ не можемъ, и отказываемся понять мысль Цахаріэ. Если бы еще онъ предполагалъ пахоти и нивы на положеніи своевольнаго пользованія нераздѣленной землею, какъ въ заимочномъ владѣніи, то это имѣло бы свой смыслъ, но не оправдываемый содержаніемъ многихъ статей въ Законѣ, и не засвидѣтельствованный ни одною. Прежде всего оно противорѣчило бы собственнымъ словамъ Цахаріэ о господствѣ полной общинности, volle Gemeinschaft: состояніе самовольнаго захвата есть противоположность общинности и обыкновенно приводитъ къ личной собственности.

Переходимъ вслѣдъ за Цахаріэ къ краеугольному камню общинныхъ началъ въ текстѣ Закона — къ статьѣ (78 Ferr., 83 Павл., X 6 Heimb.) о жителѣ села, поставившемъ мельницу (ἐργαστήριον Ferr.) на нераздѣленной землѣ села, и о правѣ собственника земли, именно ἡ τοῦ χωρίου κοινότης, выкупить мельницу. Текстъ статьи 78-ой, какъ мы видѣли, представляетъ столь значительные варіанты, что на отдѣльныхъ выраженіяхъ, именно на словахъ ἡ κοινότης τοῦ χωρίου, нельзя основывать многозначительныхъ построеній. Слова эти для ясности замѣнены позднѣйшими переписчиками и редакторами черезъ κοινωνοί, socii, такъ что во времена бо́льшаго развитія общинности слова эти понимались иначе.

Слова κοινότης τοῦ χωρίου, съ соотвѣтственнымъ прилагательнымъ κοινόν (ἐργαστήριον), стоящія въ древнѣйшей извѣстной редакціи, обозначаютъ не болѣе латинскаго commune vici, подобно тому какъ выраженіе δμάς есть переводъ юридическаго термина universitas. Κοινότης не указываетъ на коммунальный характеръ владѣнія, но означаетъ юридическое лицо, село какъ владѣльца территоріи, не поступившей въ собственность, полную и наслѣдственную, отдѣльныхъ членовъ сельскаго общества. Такого рода земельная собственность существовала всюду, гдѣ при селахъ имѣлись выгоны и угодья, именно и въ римскихъ колоніяхъ, гдѣ нераздѣленная земля носила имя ager.

Положеніе, являющееся предметомъ статьи 78-ой, могло имѣть мѣсто въ любой изъ римскихъ колоній, о которыхъ трактуютъ Gromatici veteres, и въ любой нѣмецкой Gemeinde. Статья 78-ая Крестьянскаго Закона вноситъ новое сравнительно съ римскими порядками лишь постольку, поскольку она, въ связи съ 79-ой, ограждаетъ личный трудъ и издержки предпринимателя противъ правъ села какъ собственника земли, предоставляя ему, притомъ именно члену сельскаго общества, ожидать возмѣщенія убытковъ; тогда какъ римское право его не защищало, по положенію superficies cedit solo, выраженному непослѣдовательно въ текстѣ позднѣйшей редакціи Закона, именно въ двухъ параграфахъ, заимствованныхъ изъ Юстиніанова права.

Статьи 78 и 79 (83 и 84 Моск.) редактированы такимъ образомъ: на нераздѣленной землѣ село можетъ вступиться, а на не раздѣленной не имѣетъ права. Можно было бы думать, что Крестьянскій Законъ подъ вліяніемъ общинныхъ началъ вводитъ новую прерогативу сельскаго общества (ἡ κοινότης τοῦ χωρίου). Этому послѣднему выраженію соотвѣтствовало бы латинское commune vici. Оно не содержитъ въ себѣ указанія на общинный характеръ землевладѣнія, въ противоположность личному: оно означаетъ юридическое лицо, корпорацію, въ данномъ случаѣ являющуюся собственникомъ земли, пока не поступившей въ собственность отдѣльныхъ членовъ. Въ любой римской колоніи можно было бы имѣть такое положеніе[1]. Статья постольку вноситъ новое въ сравненіи съ римскими порядками, что въ связи съ слѣдующей за нею ограждаетъ личный трудъ и издержки предпринимателя. Если мы примемъ во вниманіе, что до Крестьянскаго Закона, по римскому праву, то же самое общество могло отобрать постройку безвозмездно, то увидимъ, что статья 78 создаетъ защиту для предпринимателя. То же начало выражено яснѣе въ содержаніи статьи 32 (VII, 1 Heimb.) о деревѣ взрощенномъ на нераздѣленномъ мѣстѣ: вознагражденіе предпринимателя является очевидною цѣлью статьи.

При этомъ такой памятникъ, какъ Крестьянскій Законъ, не могъ руководиться филантропическими побужденіями, которыя сознавали въ себѣ законодатели Эклоги: запечатлѣнное въ немъ обычное право уклонялось отъ римскаго законодательства въ силу упадка культуры и законности, въ данномъ случаѣ вслѣдствіе

[1]) Ager sic dictus est relictus ad pascendum communiter vicinis.

запустѣнія земель и практики своевольнаго пользованія собственностью, прежде строго охранявшейся. Начала, которымъ Крестьянскій Законъ дѣлаетъ уступку, или выраженныя въ немъ явленія народнаго греческаго права, въ своемъ логическомъ развитіи привели бы не къ торжеству общинности, но къ системѣ личнаго захвата. Съ этой стороны цѣнны добавленія къ ст. 78, наблюдаемыя въ Ecloge ad Prochiron mutata (XXV, 20. Zachariæ, Jus Gr.-Rom, IV). Выстроившій мельницу на частновладѣльческой землѣ безъ вѣдома ея собственника, владѣльца села, можетъ владѣть ею 19 лѣтъ.

Другимъ дополненіемъ къ § 78 Крестьянскаго Закона является 21 статья тит. XXV Измѣненной Эклоги, гдѣ идетъ рѣчь о правѣ братьевъ выкупить мельницу, возведенную однимъ изъ нихъ въ отсутствіе другихъ. Желая объяснить эту статью общинными порядками, Цахаріэ предлагаетъ понимать ἀδελφοί въ смыслѣ членовъ общины. Помимо затрудненія допустить подобный смыслъ для слова ἀδελφοί, въ толкованіи Цахаріэ статья получаетъ смыслъ ненужнаго прибавленія къ предыдущей, тѣмъ болѣе, что ст. 20 говоритъ о возведеніи постройки при наличности жителей села на ихъ территоріи. Между тѣмъ статья 21, вставленная Эклогой измѣненной по Прохирону, относится къ значительной группѣ постановленій византійскаго законодательства о нераздѣльномъ имуществѣ братьевъ, которыя преимущественно опредѣляли имущественныя права братьевъ, поступавшихъ на военную службу.

Статья о мельницѣ, устроенной на нераздѣленной землѣ села, и подобная ей статья о деревѣ, взрощенномъ на таковой же землѣ, не только должны быть поставлены въ связь съ ихъ парными, логически ихъ дополняющими статьями; но и сами по себѣ не даютъ права предполагать коммунальный или общинный характеръ владѣнія. Этотъ послѣдній предполагаетъ прежде всего признаніе всей сельской территоріи собственностью села, участковъ же, отведенныхъ хозяевамъ для обработки, лишь временнымъ и условнымъ ихъ владѣніемъ, поскольку село таковое допуститъ. Выражается общинный характеръ владѣнія во вмѣшательствѣ общины въ хозяйство, въ установленіи обязательныхъ и одновременно одинаковыхъ для него формъ, равно какъ во вмѣшательствѣ въ самое владѣніе путемъ передѣловъ. Статьи же 78 и 32 Кр. Зак. стоятъ рядомъ и въ логической связи съ другими, признающими полное невмѣшательство общины въ разъ отведенные участки (79-ая) и только тѣ права сосѣдей, какія допускало римское право (ст. 31, 80, 81).

Вслѣдъ за Цахаріэ мы подошли къ вопросу: каковы были права крестьянъ на отведенную имъ землю и какія имѣются въ Законѣ данныя о происхожденіи крестьянскихъ участковъ, т. е. о раздѣлахъ? Цахаріэ не могъ не замѣтить, что памятникъ посвященъ огражденію правъ крестьянъ-собственниковъ, онъ и говоритъ, что памятникъ о нихъ упоминаетъ по многимъ поводамъ. Онъ конечно видѣлъ, что Крестьянскій Законъ во всѣхъ своихъ статьяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о земельномъ имуществѣ, говоритъ о крестьянскихъ участкахъ (или подразумѣваетъ ихъ), и при-

водитъ ихъ названіе μερίς, не разъясняя значенія этого слова; онъ сопоставляетъ съ нимъ σκαρφίον безъ оговорокъ, въ какой связи это слово употреблено въ текстѣ, и не упоминаетъ, что эти участки называются собственностью (ἴδιος) и притомъ являются собственнымъ полемъ или нивою (ἀγρός), собственною землею (χώρα), собственнымъ виноградникомъ, садомъ съ большими деревьями, лядиною, рощею (ἔνυλος χώρα, ὕλη) и лѣсомъ на горахъ (ὄρος, ср. лат. saltus). Онъ оставляетъ впечатлѣніе, будто упоминаются крестьяне владѣющіе полосами или жеребьями въ общемъ полѣ, тогда какъ передъ нами такія категоріи недвижимости, которыя образуютъ полное хозяйство собственника, притомъ въ южной странѣ съ долговременными культурами. Разъ упоминаются участки, μερίδες, Цахаріэ не могъ не высказать, что они отведены хозяевамъ въ личную собственность: онъ даже употребилъ многоговорящее слово Sondereigenthum; но не опредѣлилъ ближе, что крестьянинъ могъ распоряжаться своею долею какъ ему угодно, засаживать деревьями и возводить мельницы (подъ условіемъ не наносить ущерба сосѣдямъ, какъ въ римскомъ селѣ); могъ оставлять свою землю, и общество не смѣло ее трогать, если онъ вносилъ свои подати; и если Законъ умалчиваетъ о продажѣ и наслѣдованіи крестьянскихъ участковъ, что объясняется характеромъ памятника, не опредѣляющаго общихъ гражданскихъ правъ, то во всякомъ случаѣ — и для насъ достаточно — Крестьянскій Законъ говоритъ объ арендѣ участковъ, притомъ именно нивъ (χώρα), не только на срокъ, но и безсрочно, εἰς τὸ διηνεκές, „до конца" по выраженію „Законныхъ Книгъ". Этого Цахаріэ не поставилъ на видъ своему читателю.

Вмѣсто того Цахаріэ привлекаетъ ст. 8 о раздѣлахъ въ такой связи и въ такой формѣ, что она должна доказывать возможность передѣловъ. Мы стояли бы передъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ: какъ это возможно, что бы не при основаніи села, но во время его существованія, крестьяне, называемые Закономъ господами (κύριοι) своихъ (ἴδια) собственныхъ не только нивъ, но и садовъ, виноградниковъ и рощъ, могли лишаться ихъ по требованію одного члена; при чемъ передѣлъ долженъ случиться вслѣдствіе несправедливаго раздѣла; и все это какимъ-то непонятнымъ образомъ должно имѣть мѣсто среди населенія, прочно сидящаго на своихъ участкахъ, отчасти занятыхъ долговременными и цѣнными культурами, отчасти сданными въ аренду, даже безсрочную, притомъ относиться ко всей сельской территоріи, ибо памятникъ говоритъ одинаково объ участкахъ (μερίδες) и пашень, и виноградниковъ, объ арендѣ тѣхъ и другихъ. О какомъ *раздѣлѣ* (μερισμός) всей территоріи вообще можетъ идти рѣчь послѣ того, какъ оно основано [1]).

Допустимъ на время, что μερισμός ст. 8 имѣлъ значеніе раздѣла уже раздѣленной земли, а не акта первоначальнаго и окончательнаго, какъ того требуетъ содержаніе §§ объ охранѣ крестьянской недвижимости. Такой повторительный раздѣлъ или передѣлъ могъ имѣть мѣсто по поводу перемѣнъ въ составѣ населенія.

[1]) „Ist eine Theilung erfolgt, so kann dieselbe angefochten werden, wenn ein Gemeindeglied bei der Theilung verkürzt worden ist, worauf ein neue Theilung stattfindet. S. 252.

Если поводомъ являлось вступленіе новыхъ членовъ, то они занимали положеніе низшее въ сравненіи со старыми (accolæ, πάροικοι, inquilini), и не могли ожидать, чтобы измѣнялись всѣ земельныя отношенія по ихъ требованію. Естественный приростъ населенія вызывалъ дробленіе участковъ путемъ наслѣдованія, могли отводиться новые участки и отдаваться выморочные; по многимъ основаніямъ мы должны полагать, что крестьяне наслѣдовали согласно обычаю и гражданскимъ законамъ, выраженнымъ хотя въ Эклогѣ. Еслибы каждый выросшій сынъ одного изъ хозяевъ могъ требовать общаго передѣла, то никакая собственность, ни аренда не могли бы имѣть мѣста.

Относительно участковъ, утратившихъ своихъ хозяевъ хотя бы на нѣсколько лѣтъ, извѣстно изъ самого Закона, что они не вызывали передѣла, но давали поводъ примѣненію ἐπιβολὴ τῶν ἀπόρων, привлеченію ближайшихъ къ повинностямъ и обработкѣ. Относительно выморочныхъ участковъ нашъ памятникъ не говоритъ; изъ постороннихъ, но наилучшихъ и близкихъ по времени источниковъ, какъ Πεῖρα XV 10, мы знаемъ, что они переходили къ оставшемуся крестьянину села въ силу ἐπιβολή.

Въ виду вышесказаннаго мы полагаемъ, что всеобщихъ раздѣловъ сельской территоріи или той ея части, которая предназначалась для отвода подъ отдѣльные участки, не бывало въ нормальной жизни села той эпохи, къ которой относится Крестьянскій Законъ, съ его основными статьями объ огражденіи недвижимости.

Попробуемъ приглядѣться къ тексту ст. 8-ой. Приведемъ его по старшей Миланской редакціи:

Ἐὰν μερισμὸς γενόμενος ἠδίκησέ τινας ἐν σκαρφίοις γεγονὼς ἔν τισιν, ἄδειαν ἐχέτωσαν ἀναλύειν τὴν γενομένην μερισίαν.

Слово σκαρφίοις представляетъ безспорно подлинное чтеніе (vulgo σκαφαῖς), будучи засвидѣтельствовано какъ Миланскимъ спискомъ, такъ и обоими лучшими Синодальной библіотеки. Вмѣсто словъ γεγονὼς ἔν τισιν другіе списки, въ томъ числѣ Московскіе и младшій Миланскій имѣютъ ἢ τόποις. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что чтеніе ἢ τόποις позднѣйшее, представляющее собою объясненіе къ слову σκαρφίοις, ставшему не для всѣхъ понятнымъ.

Между тѣмъ въ немъ главный интересъ статьи. Раздѣлъ или μερισμός, μερισία, согласно всѣмъ редакціямъ текста имѣетъ примѣненіе къ этимъ σκαρφίοις. Тогда какъ позднѣйшая и обычная редакція говоритъ собственно, что нѣкоторые изъ участниковъ дѣлежа были обижены ἐν σκαρφίοις, въ древнѣйшемъ Миланскомъ спискѣ находится болѣе ясное чтеніе, указывающее, что самъ раздѣлъ состоялся ἐν σκαρφίοις, — вставляя именно причастіе γεγονώς; различіе однако мало мѣняетъ дѣло, остается несомнѣннымъ, что раздѣлъ имѣлъ мѣсто не по отношенію ко всей территоріи села, но лишь къ какимъ то σκαρφίοις, являющимся частью таковой территоріи. Статья 8-ая говоритъ о частичномъ раздѣлѣ или надѣлѣ сельской территоріи.

Слова ἐν σκαρφίοις необходимо имѣютъ мѣстное значеніе. Какъ старшая Миланская рукопись своимъ чтеніемъ „ἐν σκαρφίοις γεγονὼς ἔν τισιν“, такъ и обычная редакція статьи добавленіемъ глоссы ἤ ἐν τόποις указываютъ на этотъ терминъ, какъ на опредѣляющій мѣсто дѣйствія. Нельзя понимать приведенныя выраженія въ смыслѣ напр. образа дѣйствія, вродѣ: при опредѣленіи σκαρφία, черезъ отмежеваніе σκαρφία: грамматическій смыслъ обоихъ варіантовъ того не допускаетъ.

Основнымъ значеніемъ σκαρφίον является жребій, sors. Такъ и переведено въ Книгахъ Законныхъ: „въ жеребьихъ“. Если понимать въ жребіяхъ въ томъ смыслѣ, что раздѣлъ случился внутри отдѣльныхъ sortes, то получилось бы, что доля извѣстнаго хозяина дѣлится между нѣсколькими другими: на такомъ толкованіи остановиться, очевидно, нельзя. Смыслъ σκαρφίοις дается глоссою ἤ τόποις. Мы уже высказались, что раздѣлу должна была подлежать часть территоріи и статья 8-я относится къ частичному раздѣлу. Слова ἐν σκαρφίοις нужно понимать въ смыслѣ частей территоріи, предназначенныхъ къ раздѣлу. Нужно предполагать, что территорія или кусокъ земли, предназначенный подъ σκαρφία, самъ получилъ въ крестьянскомъ обиходѣ названіе σκαρφία.

Статья 8-ая говоритъ о совмѣстной оккупаціи сельскимъ обществомъ части невоздѣланной и нераздѣленной сельской территоріи, и о раздѣлѣ ея между хозяевами на равныя доли. Она имѣетъ своимъ предметомъ тотъ фактъ перехода территоріи въ частную собственность, какой предполагаетъ 32-ая статья о деревѣ взрощенномъ на нераздѣленномъ мѣстѣ и попавшемъ послѣ раздѣла на участокъ, доставшійся въ собственность другому хозяину.

Понявъ превратнымъ образомъ ст. 8 Крестьянскаго Закона, Цахаріэ въ подтвержденіе ей [1]) приводитъ текстъ административнаго распоряженія судьи, т. е. губернатора Космы, рекомендующаго податнымъ чиновникамъ производить передѣлъ земель между тяглыми мѣстечка или посада, образующаго единую группу по податнымъ книгамъ, при чемъ доля каждаго изъ нихъ занесена въ книги не отдѣльно, но для всѣхъ нихъ поставленъ одинъ общій итогъ. Цахаріэ же смѣло переводитъ этотъ текстъ въ томъ смыслѣ, что Косма признаетъ такого рода податную операцію, рекомендуемую его сентенціей, за существующую аграрную практику. Впрочемъ, въ настоящее время намъ нѣтъ дѣла до этого текста, относящагося къ X вѣку и характерному для позднѣйшаго развитія общинныхъ порядковъ въ Византійскомъ государствѣ. Съ текстомъ Крестьянскаго Закона эта сентенція общаго не имѣетъ. При томъ ее можно понимать совершенно въ иномъ смыслѣ (τόπος значитъ ἀγρός) [2]).

Съ этимъ текстомъ Цахаріэ вступаетъ на короткое время въ область вліянія податной системы на развитіе общинныхъ порядковъ и общинной зависимости. Онъ

---

[1]) „Aber auch sonst scheint, so lange nicht 30-jährige Verjährung eingetreten war, der Antrag auf neue Theilung zulässig gewesen zu sein“.

[2]) *Leunclavius*, Jus Græco-Romanum, II p. 167. *Zachariæ*, o. c., p. 253.

находитъ особенно удивительнымъ, что и въ сентенціи Космы, и въ упомянутой статьѣ Крестьянскаго Закона, и наконецъ въ одномъ текстѣ Пиры (36, 23) говорится о дѣлежѣ на равныя доли. Впрочемъ, онъ самъ же приводитъ и другія четыре мѣста Пиры, гдѣ утверждается обратное. Спрашивается, гдѣ дѣлежъ послѣ совмѣстной оккупаціи происходилъ не по равнымъ долямъ, исключая народовъ съ господствомъ родового строя, какъ германцы Тацита, дѣлившіе secundum dignationem. Самъ Цахаріэ признаетъ, что равный дѣлежъ напоминаетъ и порядки при основаніи римскихъ колоній, и пресловутое славянское общинное право, „slavisches Gemeinderecht"; и полагаетъ, будто и то, и другое вліяніе — не совмѣстно, но каждое въ своей сферѣ, — могли повести къ образованію юридической теоріи, что сельская территорія принципіально должна разсматриваться какъ совмѣстная (gemeinschaftliches) собственность равныхъ по правамъ членовъ общины, и что личная собственность является правовымъ послѣдствіемъ дѣлежа общинной территоріи. Присоединяясь къ важной въ исторіи вопроса мысли Цахаріэ, что теорія общиннаго землевладѣнія воспиталась въ Византіи постепенно, не можемъ не пожалѣть, что ученый юристъ не остановился обстоятельнѣе на участіи римскихъ вліяній въ образованіи имъ обозначенной византійской теоріи, на воздѣйствіи податного обложенія, и не указалъ, что въ Gromatici veteres можно найти тотъ дѣлежъ сообща занятой территоріи на равныя доли, котораго отсутствіе онъ констатировалъ въ ученіи о земляхъ δμόχηνσα. Продолжая уклоняться въ сторону отъ разбора Крестьянскаго Закона, Цахаріэ высказалъ свой основной взглядъ на образованіе общиннаго владѣнія въ Византіи, приписывая его появленіе сильному передвиженію населенія въ VII вѣкѣ, благодаря вторженію многочисленныхъ варварскихъ, особенно славянскихъ массъ и правительственной колонизаціи: повсемѣстные случаи общей окупаціи цѣлыми селами новыхъ земель повели къ образованію взгляда, что эти группы крестьянъ, поселившихся вмѣстѣ, являются совмѣстными собственниками ими заселенной территоріи (war nichts natürlicher, als die neu angesiedelten Bauernschaften als gemeinschaftliche Eigenthümer der besiedelten Flur zu betrachten). Въ этихъ словахъ субъектомъ являются Bauernschaften, а предикатомъ gemeinschaftliche Eigentümer. Если онъ разумѣетъ села какъ corpora или юридическія лица въ качествѣ собственниковъ, то такого рода взглядъ существовалъ и въ римской древности; если же онъ разумѣетъ членовъ села какъ совмѣстныхъ собственниковъ, то такая эволюція идей о не одиночной собственности, повсемѣстная въ Средніе Вѣка, отразилась лишь на позднѣйшей редакціи Крестьянскаго Закона въ Ecloge ad Prochiron mutata (ср. 78 — Ecl. mut. 25,20), и въ древнѣйшемъ текстѣ нашего памятника является еще κοινότης. Здѣсь же Цахаріэ допускаетъ неправильность, утверждая, что по 13 и 14 ст. Крестьянскаго Закона γεωργοί были связаны круговой порукой. Таковою крестьяне могли оставаться связанными еще со временъ комментаторовъ преторскаго эдикта (Gothofr. ad l. 6 Cod. Theod. III, 1), а изъ привлеченныхъ статей Крестьянскаго Закона явна лишь ихъ подчинен-

ность системѣ ἐπιβολή, на что и указалъ В. Г. Васильевскій въ рецензіи на книгу Павлова.

Какъ бы то ни было, заключаетъ Цахаріэ свои мысли о происхожденіи общинности въ Византіи, уже внѣ рамокъ разбора Крестьянскаго Закона, воззрѣніе, что сельскія общества (Dorfgemeinden) заключали въ себѣ извѣстную общинность (eine gewisse Gemeinschaftlichkeit) своихъ членовъ, осталось господствующимъ и позже. Нельзя не согласиться съ утвержденіемъ, выраженнымъ столь неопредѣленно, но приводимые имъ далѣе два аргумента мало говорятъ намъ: именно термины ὁμάδες и ἀναχοινώσεις, помимо своего книжнаго, отчасти техническаго смысла и происхожденія, указываютъ на села какъ на земскую и административную единицу или совокупность, ничего не выражая относительно характера владѣнія; приводимые имъ тексты о привлеченіи оставшихся въ селѣ крестьянъ къ несенію повинностей ушедшихъ относятся къ вопросу объ ἐπιβολή и не имѣютъ родства съ общиной на основѣ совмѣстной оккупаціи, ни съ теоріей объ общинномъ владѣніи, поскольку ἐπιβολή существовала ранѣе византійской общины и ранѣе новыхъ идей въ византійской юридической литературѣ по этому предмету.

Мы имѣемъ основанія сомнѣваться въ присутствіи круговой поруки и равенства обложенія въ эпоху записи Крестьянскаго Закона именно въ той средѣ, для которой онъ предназначался. Существованіе ἐπιβολή не совмѣстно съ круговою порукою: это два различныхъ финансовыхъ учрежденія, съ различнымъ порядкомъ привлеченія и съ неодинаковою тягостью ложащихся повинностей. Ἐπιβολή сама устанавливаетъ такую неравномѣрность, тогда какъ круговая порука необходимо приводитъ къ установленію равенства обложенія. Поэтому впослѣдствіи круговая порука, развиваясь параллельно съ уравненіемъ тяголъ, рекомендуемымъ судьей Космою, вытѣсняютъ собою ἐπιβολή; и она же, будучи примѣнена къ лицамъ различнаго состоянія, оказалась невыносимымъ гнетомъ для населенія. Крестьянскій Законъ считается съ ἐπιβολή и тѣмъ самымъ не можетъ знать круговую поруку, и въ немъ отразившіеся явные признаки полной крестьянской собственности не могли бы стоять рядомъ съ однимъ изъ существенныхъ условій позднѣйшей общинности. Равенство обложенія не имѣетъ родства съ равенствомъ долей при совмѣстной оккупаціи, о чемъ говоритъ нашъ памятникъ. Привлеченные Цахаріэ тексты Пиры, также какъ сентенція Космы, представляются не совмѣстными съ данными Закона.

Заканчивая свой анализъ памятника, Цахаріэ переходитъ къ обзору упоминаемыхъ въ немъ арендныхъ формъ. Рядомъ съ крестьянами, говоритъ онъ, упоминаются арендаторы. При этихъ словахъ Цахаріэ нужно имѣть въ виду, что арендаторами были тѣ же самые крестьяне, при томъ не впавшіе въ бѣдность и находившіеся соціально ниже своихъ земледателей, но наоборотъ болѣе сильные и достаточные; не довольствовавшіеся своей землей и снимавшіе еще у другихъ хозяевъ. Земледателями упоминаются, наоборотъ, захудавшіе крестьяне, въ ст. 11 и 13.

Замѣтилъ ли Цахаріэ опредѣленныя и явственныя выраженія первыхъ параграфовъ Закона или ими пренебрегъ, руководясь посторонними данными, но изображеніе арендныхъ отношеній по нашему памятнику получается у него существенно ложнымъ.

Прежде всего онъ полагаетъ, что Крестьянскій Законъ не знаетъ арендпаго договора съ опредѣленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ собственника земли, о каковыхъ сдѣлкахъ говоритъ Эклога, тит. 13.

Оставляя въ сторонѣ Эклогу, должно отмѣтить, что и древнѣйшимъ, и позднѣйшимъ текстамъ Крестьянскаго Закона извѣстны подобныя сдѣлки двухъ сторонъ на срокъ, съ извѣстною цѣлью и съ извѣстнымъ, въ договорѣ (устномъ) означеннымъ вознагражденіемъ собственника земли, и съ соблюденіемъ гарантій таковыхъ, какъ задатокъ, выдаваемый собственникомъ арендатору. Если договоръ, обозначаемый тѣми же терминами στοιχῆσαι, σύμφωνα, какъ въ Эклогѣ, имѣетъ въ виду раздѣлъ жатвы пополамъ, то статьи Закона упоминаютъ о томъ: λαβὼν и т. п. ἐφ' ἡμισείᾳ; тамъ же, гдѣ этихъ словъ нѣтъ, нельзя предполагать половинный раздѣлъ.

Сравнимъ для убѣдительности ст. 14 и 16 изд. Ферр. Въ первой идетъ рѣчь о несоблюденіи договора половникомъ и постановлено, что онъ платитъ двойной сборъ:

ἐὰν ὁ τὴν ἡμίσειαν λαμβάνων τοῦ ἀγροῦ μεταμεληθῇ καὶ οὐκ ἐργάσηται αὐτήν, ἐν διπλῇ ποσότητι τὰς ἐπικαρπίας ἐπιδιδότω.

Статья же 16 имѣетъ въ виду договоръ иного рода:

ἐὰν γεωργὸς ἐκλαμβανόμενος γεωργίαν ἀμπελῶνος ἢ χώρας στοιχήσας μετὰ κυρίου αὐτῆς καὶ ἀρραβῶνα λαβὼν διαστρέψας ἀφήσει αὐτόν, τὴν τιμὴν τοῦ ἀγροῦ (τὴν ἀξίαν add. Mosqu.) δότω καὶ τὸν ἀγρὸν ἐχέτω ὁ κύριος αὐτῆς (l. αὐτοῦ).

Въ этой статьѣ не говорится о раздѣлѣ ἐφ' ἡμισείᾳ. Вмѣсто того употреблены термины арендпаго договора ἐκλαμβανόμενος и στοιχήσας, которые не стоятъ въ статьяхъ о половничествѣ, употребляющихъ λαμβάνειν ἐφ' ἡμισείᾳ (ст. 12, 13, 14 и 15). Обычное Эклогѣ выраженіе στ(ο)ιχήσας стоитъ въ нашемъ памятникѣ, кромѣ ст. 16, еще въ 11-ой, гдѣ говорится о различныхъ условіяхъ договора. Далѣе въ нашей 16-ой статьѣ указана опредѣленная цѣль соглашенія, имѣющаго мѣсто между свободнымъ крестьяниномъ и собственникомъ, тоже крестьяниномъ (ср. слѣд. ст. 17 и др.), съ соблюденіемъ такого формальнаго условія, которое указываетъ на договоръ свободный и юридически полный — съ выдачею задатка подрядившемуся. При несоблюденіи договора арендатору угрожаетъ иное наказаніе, чѣмъ половнику ст. 14-ой: не двойной сборъ онъ долженъ уплатить владѣльцу, но τιμὴν (ἀξίαν) τοῦ ἀγροῦ — стоимость поля. Что разумѣется подъ этимъ, оставимъ пока въ сторонѣ; достаточно убѣдиться, что ст. 16 имѣетъ въ виду договоръ совершенно иной, чѣмъ статьи о половничествѣ.

Перейдемъ къ арендѣ изъ части сбора, на условіяхъ десятины или исполу, каковыя формы Цахаріэ считаетъ исключительно господствующими въ содержаніи Закона.

О мортитахъ и десятинѣ, привлекшихъ особое вниманіе Цахаріэ, приводящаго для нихъ и новогреческія, и древнія аналогіи, говорятъ собственно лишь два параграфа Крестьянскаго Закона, 9 и 10 изд. Ферр., и можетъ быть еще 11. Первый изъ нихъ постановляетъ, что γεωργὸς μορτιστής — слово μορτιστής, какъ и ἡμισειαστής ст. 15, можетъ означать не особый классъ земледѣльцевъ, но лишь отношеніе арендатора къ земледателю собственнику — въ случаѣ сбора безъ вѣдома другой стороны лишается всей своей доли.

Вслѣдъ за этой слѣдуетъ странная по своей формѣ статья, опредѣляющая, что мортиту идетъ одинъ снопъ изъ десяти, и нарушающій такое раздѣленіе да будетъ Богомъ проклятъ. Такого рода статья носитъ церковный характеръ и содержитъ вердиктъ, совершенно исключительный среди постановленій Крестьянскаго Закона. Она же стоитъ вслѣдъ за статьею, имѣющей форму сходную съ древнѣйшими параграфами памятника, и назначающей за большее преступленіе наказаніе иного рода. Однако, если статья эта представляетъ вставку, быть можетъ въ виду господства морты на церковныхъ земляхъ, то вставка эта древняя, и статья находится во всѣхъ редакціяхъ.

Наиболѣе говорится въ Законѣ не о мортѣ, но объ арендѣ исполу, которой посвящены статьи 12—15. Опять половниками являются тѣ же крестьяне, снимающіе чужую землю вслѣдствіе того, что своей земли имъ оказывалось мало; и наоборотъ земледателемъ въ ст. 15 названъ крестьянинъ захудавшій, не могущій обработать свое поле. Нѣтъ въ Законѣ класса партіаріевъ, половниковъ нисшаго сельскаго состоянія, какъ во Франціи при Капетингахъ; упоминается свободный договоръ двухъ равноправныхъ сторонъ.

Между тѣмъ Цахаріэ опредѣляетъ ἡμισειαστής какъ арендатора работающаго на средствахъ земледателя, т. е. на его волахъ и плугѣ, другими словами какъ на батрака, работающаго изъ-за половины сбора. Въ противоположность тому онъ же опредѣляетъ мортита какъ арендатора, воздѣлывающаго чужую землю своими средствами и берущаго себѣ не половину, но $^{9}/_{10}$ сбора. На этихъ двухъ опредѣленіяхъ Цахаріэ строитъ многое, но они не оправдываются нашимъ памятникомъ. Нѣтъ тамъ никакого указанія на то, чтобы аренда исполу предполагала работу на средствахъ земледателя; наоборотъ, ст. 13 говоритъ объ арендѣ исполу у крестьянина захудавшаго (ἀπορήσαντος), который и самъ не могъ воздѣлать поле, и конечно не могъ снабжать таковыми арендатора. Правда, ст. 13 относится спеціально къ винограднику, гдѣ и ἀπορήσας могъ дать орудія обработки; но нѣтъ основанія дѣлать различіе между ст. 13 и 12-ой, гдѣ говорится то же самое о нивѣ, и ст. 11, терминъ которой — μερίσασθαι — ближе подходитъ къ понятію равной доли (μερίς) или половины, чѣмъ μορτή.

Существованіе двухъ различныхъ условій землепользованія объясняется не наличностью средствъ обработки у арендатора, такъ какъ этотъ моментъ по даннымъ Закона не можетъ быть выясненъ; но различной трудностью или выгодностью различныхъ культуръ, на что указываетъ самъ Цахаріэ.

Полагая далѣе, что опредѣленіемъ морты, какъ десятой доли, Крестьянскій Законъ ввелъ облегченіе для мортитовъ, отдававшихъ когда-то шестую часть жатвы, и черезъ это понизилъ земельную доходность или ренту, Цахаріэ допустилъ рядъ гипотезъ, приведшихъ его къ выводу, будто Крестьянскій Законъ вводилъ пониженіе ренты, какъ мѣру иконоборцевъ противъ крупнаго землевладѣнія... (стр. 257). Библейская статья о десятомъ снопѣ конечно защищала мортита, но почему онъ именно нуждался въ защитѣ, обладая по опредѣленію Цахаріэ собственными орудіями производства, тогда какъ арендаторы исполу таковыхъ будто бы не имѣли? Если бы Крестьянскій Законъ вводилъ пониженіе ренты, то нужно было бы ожидать, что онъ половника преимущественно возьметъ подъ свою защиту, ограничитъ случаи столь высокой ренты; но Законъ, кромѣ той библейской статьи, защищаетъ не половника и не мортита, но собственника земли противъ неисполненія арендаторами принятыхъ обязательствъ.

Такого рода памятникъ, какъ Крестьянскій Законъ, содержащій запись обычнаго права, не могъ устанавливать пониженія ренты. Или придется признать, что библейская (10-я) статья является позднѣйшей вставкой, имѣвшей въ виду мортитовъ на церковныхъ земляхъ, или признать, что эта статья о десятомъ снопѣ лишь гарантировала мортита отъ произвольныхъ вымогательствъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, не вводя общаго пониженія доходности земель, снимаемыхъ мортитами.

Наконецъ мы не видимъ въ Законѣ ни малѣйшаго указанія на земли крупныхъ владѣльцевъ. Памятникъ имѣетъ въ виду лишь крестьянъ собственниковъ и говоритъ лишь о крестьянской недвижимости. Справедливо, что морта и аренда исполу имѣли мѣсто и на земляхъ крупныхъ, не крестьянскихъ владѣльцевъ, но о томъ мы не узнаемъ изъ Крестьянскаго Закона.

Заканчивая на этомъ обзоръ главы, посвященной Цахаріэ Νόμος γεωργικός, и являющейся сводомъ взглядовъ знаменитаго ученаго относительно нашего памятника, мы должны признать совершенно не вѣрнымъ его общее сужденіе объ историческомъ значеніи Крестьянскаго Закона, высказанное въ слѣдующихъ словахъ:

„Отмѣна барщинъ, свободный переходъ и пониженіе земельной ренты собственника не могли быть проведены безъ того, чтобы не повредить чувствительно интересамъ землевладѣльцевъ (Gutsherr), особенно церквей и монастырей по причинѣ ихъ большихъ земельныхъ имуществъ. Такимъ образомъ поднялась сильная реакція какъ противъ церковно-реформаторскихъ стремленій Исаврійскихъ императоровъ, такъ и противъ ихъ мѣропріятій, разсчитанныхъ на поднятіе крестьянскаго сословія“.

Ни отмѣны барщинъ, ни установленія свободы перехода, ни пониженія земельной ренты Крестьянскій Законъ не содержитъ, и мы не имѣемъ права связывать его основной составъ съ законодательствомъ иконоборцевъ.

Немногія страницы, посвященныя Цахаріэ Крестьянскому Закону, имѣли, особенно въ двухъ первыхъ изданіяхъ его Исторіи права, выдающійся интересъ, представляя первый обзоръ содержанія памятника, связный и вдумчивый, глубокой мыслью освѣщавшій отрывочныя и во многомъ затруднительныя данныя Закона. Его выводы опредѣлили и направили дальнѣйшую разработку вопроса, его гипотезы и ошибки оказали далекое, но вредное вліяніе на пониманіе внутренней исторіи Византіи. Нельзя допустить, чтобы Цахаріэ, которому были извѣстны рукописи древней редакціи, былъ недостаточно знакомъ съ текстомъ памятника, но онъ его не использовалъ, и привлеченный матеріалъ онъ въ большей части объяснилъ неправильно, подъ вліяніемъ преувеличеннаго представленія объ иконоборческихъ реформахъ — выясненіе которыхъ онъ ставилъ себѣ въ особую заслугу въ послѣдней своей статьѣ о Тактикѣ Льва и о другихъ источникахъ Солдатскаго устава —; а также подъ вліяніемъ господствовавшихъ ученій о средневѣковой общинности, въ частности у Славянъ.

Суждено было, что взгляды Цахаріэ получили, безъ надлежащаго противовѣса, распространеніе въ обществѣ, для котораго послѣ Греціи византиновѣдѣніе имѣетъ наиболѣе жизненное значеніе.

Не кто либо меньшій, но В. Г. Васильевскій воспринялъ и пустилъ ихъ въ оборотъ. Его статья, посвященная Крестьянскому Закону[1]), распадается на двѣ части неодинаковаго характера: тамъ, гдѣ онъ говоритъ о древнерусскомъ переводѣ, сравнивая съ греческой редакціей при Арменопулѣ и указывая на отличія русскаго текста, его статья имѣетъ значеніе изслѣдованія, притомъ образцоваго; тамъ же, гдѣ авторъ говоритъ о подлинномъ Νόμος γεωργικός, его статья представляетъ исполненный большимъ ученымъ пересказъ, мѣстами переводъ той главы Цахаріэ, съ которой мы ознакомились. Весь матеріалъ заимствовалъ у Цахаріэ, что и самъ авторъ высказалъ; но какъ всегда изложеніе Васильевскаго будитъ мысль и привлекаетъ къ предмету.

Внѣшняя исторія памятника изложена по Цахаріэ. Въ вопросѣ о связи содержанія Крестьянскаго Закона и Эклоги Васильевскій лишь развиваетъ сопоставленія текстовъ, вкратцѣ отмѣченныя въ „Исторіи греко-римскаго права", высказываясь при томъ яснѣе и опредѣленнѣе. Предположеніе о принадлежности памятника VIII вѣку, основанное на томъ фактѣ, что Крестьянскій Законъ вошелъ въ составъ постояннаго Appendix къ Эклогѣ, образовавшагося до IX вѣка, Васильевскій признаетъ имѣющимъ весьма большую вѣроятность, которая пріобрѣтаетъ степень совершенной достовѣрности, если обратить вниманіе на внутреннее и внѣшнее родство Земледѣльческаго закона съ Эклогою Льва и Константина. Мы видѣли, какъ

[1]) Законодательство иконоборцевъ. Журналъ Минист. Нар. Просв., ч. 200 (1878).

слабо обосновано это родство у Цахаріэ. При существенно различномъ внѣшнемъ характерѣ и содержаніи обоихъ памятниковъ, сходство или родство ихъ ограничивается нѣсколькими очевидно вставленными и неимѣющими связи съ контекстомъ статьями исключительно XVII титула Эклоги. Можно утверждать съ опредѣленностью, что статьи эти не принадлежали къ первоначальному составу титула Эклоги κοινάλιος, хотя нельзя того сказать о предположеніи, что вставленныя статьи Эклоги ведутъ свое начало отъ какого либо изъ извѣстныхъ текстовъ Крестьянскаго Закона.

„Наказанія, которыми угрожаетъ Земледѣльческій законъ, не только тѣ же самыя, что̀ и въ Эклогѣ, но и описываются они тѣми же самыми выраженіями". Отчасти это справедливо, но сходство ограничивается интерполированными статьями Эклоги, между которыми съ одной стороны и основнымъ текстомъ пенальнаго титула Эклоги съ другой стороны замѣчается очевидная разница: достаточно сравнить основной текстъ 41 статьи не только со вставленной 40-й, но съ интерполированнымъ ея же, 41-статьи, продолженіемъ. Не будемъ повторять изложеннаго выше. Изъ всѣхъ сходствъ Эклоги съ Крестьянскимъ Закономъ дѣйствительно имѣютъ мѣсто два нижеслѣдующіе: выраженіе τηρείτωσαν (ἐπιψηφιζάτωσαν) οἱ ἀκροαταί, обычное въ Эклогѣ и трижды встрѣченное въ Законѣ. Доказать, что это отдѣльное выраженіе вставлено въ Крестьянскій Законъ, когда онъ переписывался вмѣстѣ съ Эклогою, мы не можемъ; но подозрѣвая ихъ неподлинность, мы не придаемъ имъ въ тоже время серьезнаго значенія въ виду существенныхъ различій между обоими памятниками. Кромѣ того остается, что Крестьянскій Законъ различаетъ, какимъ орудіемъ пастухъ убилъ животное, Эклога же дѣлаетъ такое же различіе относительно убійства человѣка; сравнивая оба текста, заключаемъ, что между ними нѣтъ никакого родства. Въ то же время, замѣченныя въ содержаніи двухъ статей различія между Крестьянскимъ Закономъ и Эклогою (Ecloga XVII 11 и 13, ср. Кр. З. ст. 22 и 41 изд. Ферр., 21 и 42 Павл.) объясняются Цахаріэ и Васильевскимъ какъ „особенности крестьянскаго права". Жаль, что они остановились лишь на этихъ двухъ статьяхъ: различія между вставленными статьями и прочимъ текстомъ XVII титула Эклоги, равно какъ и между извѣстными намъ редакціями Крестьянскаго Закона таковы, что заставляютъ предполагать самостоятельную работу интерполятора, въ качествѣ ultimum remedium. „Все приводитъ насъ къ заключенію", высказывается В. Г. Васильевскій, „что Земледѣльческій Законъ изданъ или современно съ Эклогою Льва и Константина, или же не много послѣ, и во всякомъ случаѣ долженъ считаться памятникомъ Исаврійскаго иконоборческаго законодательства". Мы считаемъ это категорическое утвержденіе не вѣрнымъ.

Признавая, что въ Крестьянскомъ Законѣ наблюдается совершенное отсутствіе всякихъ указаній на колонатъ, и что о колонахъ или адскриптиціяхъ, вообще о прикрѣпленіи къ землѣ въ памятникѣ нѣтъ рѣчи, В. Г. Васильевскій продолжаетъ: „существуютъ, конечно, крестьяне, обработывающіе не свои участки, а земли крупныхъ землевладѣльцевъ, но все показываетъ, что они не крѣпки

землѣ и обладаютъ правомъ свободнаго перехода". И нужно, конечно, думать, что крестьяне на частновладѣльческихъ земляхъ были, разъ существовала крупная собственность, и разъ латифундіи съ крупнымъ хозяйствомъ, основанномъ на рабствѣ, смѣнились многочисленными мелкими зависимыми хозяйствами на земляхъ крупнаго собственника; но Крестьянскій Законъ не показываетъ, чтобы эти зависимые крестьяне перестали быть прикрѣплеными къ землѣ и получили право свободнаго перехода: нашъ Законъ совсѣмъ не говоритъ о крестьянахъ на чужой землѣ. Онъ имѣетъ въ виду крестьянъ собственниковъ и арендныя соглашенія между ними же.

Вслѣдъ за приведеннымъ положеніемъ объ установленіи свободнаго перехода В. Г. Васильевскій привлекаетъ рядъ статей Крестьянскаго Закона, которыя очевидно, равно какъ и все послѣдующее изложеніе до стр. 102, гдѣ авторъ переходитъ къ крестьянамъ-собственникамъ, — должны относиться къ крестьянамъ на чужой землѣ. Между тѣмъ статьи эти имѣютъ въ виду крестьянъ собственниковъ, какъ вообще весь памятникъ, выключая вставленный позднѣе эдиктъ Зотика о запрещеніи принимать чужихъ колоновъ. Во-первыхъ, авторъ привлекаетъ двѣ статьи, доказывающія по его мнѣнію, что крестьянину оставившему свое поле угрожаетъ не водвореніе обратно, но „иного рода невыгоды". Справляемся съ текстомъ этихъ статей (13 и 14) и видимъ, что въ нихъ дѣло идетъ о взносѣ податей съ оставленнаго участка. Рѣшается вопросъ, кто имѣетъ право на плоды съ этого поля, отлучившійся собственникъ, или лица вносящія за него подати. Въ рецензіи на книгу Павлова Васильевскій самъ убѣдительно разъяснилъ, что въ этихъ статьяхъ говорится объ ἐπιβολή. Спрашивается, какимъ образомъ въ этихъ статьяхъ можетъ идти рѣчь о зависимыхъ крестьянахъ, обрабатывающихъ землю крупнаго собственника? При томъ въ текстѣ ясно сказано, что крестьянинъ оставилъ собственное поле (πρὸς τὸ ἐργάζεσθαι τὸν ἴδιον ἀγρόν — ἀποδράσῃ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ). Сверхъ того для доказательства свободнаго перехода В. Г. Васильевскій привлекаетъ еще три статьи изъ начала Закона, именно 2, 7 и 11 (2, 20 и 16 изд. Ferr.). Изъ всѣхъ пяти Цахаріэ указалъ лишь на одну, 11-ую, о которой мы въ свое время говорили. Статьи эти должны доказывать, что крестьянинъ, снявшій для обработки участокъ земли у землевладѣльца и бросившій его, не докончивъ дѣла, „обязывается закономъ только вознаградить господина за нанесенный ему ущербъ; если крестьянинъ безъ вѣдома землевладѣльца распашетъ или засѣетъ на его землѣ участокъ земли, то хозяинъ можетъ согнать его безъ всякаго вознагражденія." Согласно контексту подъ крестьяниномъ въ этихъ статьяхъ нужно признать потомковъ прежнихъ колоновъ-адскриптиціевъ, получившихъ право перехода, но отличаемыхъ отъ крестьянъ-собственниковъ, а подъ землевладѣльцемъ, иначе господиномъ и хозяиномъ, нужно подразумѣвать крупнаго собственника, не принадлежащаго къ крестьянскому классу. Не разъ уже былъ случай замѣтить, что въ текстѣ памятника нѣтъ указаній на постороннихъ крестьянамъ лицъ и на землю внѣ сельской территоріи;

наоборотъ, сравненіе сосѣднихъ и близкихъ по мѣсту и содержанію статей Закона убѣждаетъ насъ, что собственниками и землевладѣльцами являются крестьяне же. Въ частности, изъ привлеченныхъ Васильевскимъ статей 2-ая говоритъ о самовольномъ посѣвѣ чужой земли (ἄνευ τῆς εἰδήσεως τοῦ κυρίου τῆς χώρας), и 20-ая (I, 7 Heimb.) о самовольной расчисткѣ чужой рощи (ἄνευ εἰδήσεως τοῦ κυρίου αὐτῆς), и третья (16 Ferr., I 11 Heimb.), единственная привлеченная Цахаріэ для доказательства свободы перехода, говорить о нарушеніи арендпаго договора между крестьяниномъ и τοῦ κυρίου (τῆς χώρας). Сами по себѣ, отдѣльно взятыя эти статьи и приведенныя ихъ выраженія могли бы имѣть въ виду какъ крестьянскую, такъ и не крестьянскую собственность. Мы же полагаемъ, что имѣется въ виду крестьянская собственность: кромѣ выраженій κύριος τῆς χώρας или ἀμπελῶνος или ὕλης, которыя могли бы относиться и къ лицамъ внѣ сельскаго общества, въ текстѣ Закона не говорится о землевладѣльцахъ-некрестьянахъ; тогда какъ крестьянамъ собственникамъ и ихъ имуществу посвященъ весь Крестьянскій Законъ; и они называются κύριοι своей недвижимой собственности во многихъ статьяхъ Закона. Потому onus probandi лежитъ на признающихъ въ словахъ κύριος τῆς χώρας и т. п. крупныхъ собственниковъ, а для такого предположенія не имѣется доказательствъ въ памятникѣ.

Далѣе, если говорятъ о крестьянахъ, обрабатывающихъ чужую, т. е. помѣщичью, собственность, въ отличіе отъ крестьянъ собственниковъ, живущихъ въ сельскихъ общинахъ, то этимъ предполагаютъ сельскій классъ, живущій или работающій на частно-владѣльческихъ земляхъ постоянно. Всѣ же три статьи, привлеченныя Васильевскимъ, имѣютъ въ виду отношенія случайныя или временныя: двѣ изъ нихъ говорятъ о самовольномъ вторженіи въ чужую собственность, чего могло бы и не быть; а третья — отношенія формальнаго арендпаго договора съ опредѣленной цѣлью.

Если бы Крестьянскій Законъ имѣлъ въ виду особый классъ крестьянъ, обрабатывающихъ землю крупныхъ собственниковъ, то для нихъ въ памятникѣ естественно слѣдовало бы ожидать какіе либо признаки, какія либо отличія отъ собственниковъ. Однако въ памятникѣ не только нѣтъ слѣдовъ зависимыхъ отношеній, но не отведено арендаторамъ на помѣщичьихъ земляхъ особаго мѣста, предполагаемыя статьи о нихъ поставлены между положеніями о собственникахъ и въ общей связи таковыхъ параграфовъ, и нѣтъ для нихъ общаго обозначенія. Правда, говорится о мортитахъ, къ которымъ и переходитъ Васильевскій, но въ то же время названъ половникомъ (ἡμισειαστής, ст. 15 Ferr.) одинъ изъ тѣхъ срочныхъ арендаторовъ, о которыхъ говорятъ четыре смежныя статьи Закона и которые снимали земли у крестьянъ, спеціально у захудалыхъ и обѣднѣвшихъ (ср. ст. 13). Представляется, какъ будто недостаточно имѣется въ виду, что внутри села крестьянъ-собственниковъ имѣетъ мѣсто постоянное колебаніе экономическаго неравенства, и что крестьяне достаточные могутъ эксплоатировать недвижимость захудавшихъ путемъ арендныхъ или ссудныхъ (ст. 66) договоровъ.

Въ частности, изъ привлеченныхъ В. Г. Васильевскимъ статей 2-ая имѣетъ связь съ 1-ой. Можно было бы предположить, что въ 1-ой рѣчь идетъ о нарушеніи крестьянской собственности, а во второй — собственности не-крестьянской; но съ бо́льшимъ правомъ мы разсматриваемъ первую статью, какъ ограждающую сосѣдскія межи (такое назначеніе статьи подчеркивается въ словахъ μερίδα τὴν ἔγγιστα αὐτοῦ позднѣйшихъ редакцій); статью же 2-ую, какъ запрещеніе самовольнаго захвата земель не сосѣднихъ; слѣдующіе параграфы говорятъ лишь о крестьянскихъ участкахъ.

Статью 20-ую (I, 7 Heimb.) о расчисткѣ чужого лѣса подъ пашню слѣдуетъ сопоставить съ ст. 17, гдѣ говорится о расчисткѣ лядины. Первая изъ нихъ редактирована въ болѣе общей формѣ (ὁ κόπτων — κυρίου αὐτῆς), вторая опредѣленно говоритъ о крестьянахъ (γεωργός — χώραν ἑτέρου γεωργοῦ . . τῷ κυρίῳ αὐτῆς). Первая говоритъ о лѣсѣ (ὕλη) и о расчисткѣ его безъ вѣдома собственника, вторая о лядинѣ или запущенномъ мѣстѣ (ἔνυλον χώραν) и ничего не сообщаетъ объ отсутствіи разрѣшенія собственника. Поэтому и послѣдствія для расчистившаго различныя: въ первомъ случаѣ онъ лишается всякаго вознагражденія, во второмъ — получаетъ право трехлѣтняго пользованія.

Отъ крестьянъ, имѣющихся въ виду вышеуказанными статьями, В. Г. Васильевскій переходитъ къ мортитамъ, путемъ слѣдующаго противоположенія, имѣющаго важность скорѣе для позднѣйшихъ временъ: крестьянинъ могъ получить землю или черезъ прямую передачу (ἔκδοσις) съ опредѣленіемъ платимаго оброка или аренды; или же путемъ молчаливаго согласія владѣльца. То, что авторъ сообщаетъ объ оброкѣ, не имѣетъ отношенія къ Крестьянскому Закону; разумѣя подъ арендной ἔκδοσις договоры, имѣющіе мѣсто въ ст. 16 (или I, 11 Heimb.), авторъ уклоняется отъ Цахаріэ, просмотрѣвшаго арендныя соглашенія помимо морты и половничества.

В. Г. Васильевскій противопоставляетъ арендѣ морту и половничество, какъ прекарныя формы землепользованія, имѣющія мѣсто съ молчаливаго согласія владѣльца, т. е. безъ договора устнаго или письменнаго. Любопытно знать, какъ возможно объяснить съ такой точки зрѣнія ст. 11, гдѣ рѣчь идетъ о договорѣ на условіяхъ дѣлежа, т. е. въ формѣ морты, половничества или иной пропорціи двухъ долей:

ἐάν τις γῆν λάβῃ παρὰ ἀπορήσαντος γεωργοῦ καὶ στοιχήσῃ νεώσειν μόνον καὶ μερίσασθαι, κρατείτωσαν τὰ σύμφωνα· εἰ δὲ συνεφώνησαν καὶ σπόρᾳν, κατὰ τὰ σύμφωνα ἔστω.

Если бы глубокочтимый авторъ находилъ въ этомъ параграфѣ указаніе на половничество или на морту, то онъ сталъ бы въ противорѣчіе со своимъ взглядомъ на эти обѣ формы землепользованія, какъ на имѣющія мѣсто во владѣніяхъ крупныхъ собственниковъ, такъ какъ въ статьѣ названа земля захудалаго крестьянина, ἀπορήσαντος γεωργοῦ; сверхъ того, если онъ остановился бы на предположеніи о

мортѣ, то ему пришлось бы отказаться отъ своего взгляда на институтъ морты, какъ на отношенія молчаливой терпимости.

Не вполнѣ ясно В. Г. Васильевскій представлялъ себѣ формальную сторону половничества; но онъ далеко не ставилъ ее рядомъ съ мортою. Отъ него не скрылось, что половничество по Крестьянскому Закону есть договоръ, притомъ краткосрочный (стр. 101), поэтому можно думать, не смотря на неясность выраженія о процентѣ жатвы, платимомъ крестьянами постороннему землевладѣльцу (стр. 100), — что Васильевскій допускалъ коренное формальное различіе между мортою и половничествомъ, признавая собственно одну морту основанной на допущеніи безъ договора.

Крестьянскій Законъ не даетъ основаній для такого различія въ юридическомъ характерѣ морты и половничества, потому что не опредѣляетъ формальнаго положенія мортита. Не видно изъ Крестьянскаго Закона, чтобы γεωργὸς μορτιστής, въ противоположность ἡμισειαστής, садился на землю собственника, чтобы онъ вступалъ съ нимъ въ долговременныя хозяйственныя отношенія, которыя притомъ были бы основаны на молчаливомъ согласіи собственника. Естественно къ тому же ожидать, что ничѣмъ не обезпеченные мортиты будутъ вынуждены отдавать бо́льшую часть жатвы, въ сравненіи съ арендаторами, для которыхъ доступенъ свободный договоръ съ его возможными гарантіями: однако мы видимъ, что мортиты отдавали всего $^1/_{10}$, тогда какъ половники довольствовались одной половиною. Въ этомъ отношеніи Цахаріэ поступалъ послѣдовательнѣе, не усваивая мортиту характера прекарнаго и долговременнаго состоянія въ отличіе отъ половничества и аренды за плату, основанныхъ на договорѣ, но переводя вопросъ на хозяйственную почву. Одновременное существованіи морты и половничества онъ объяснялъ различно въ трехъ изданіяхъ своей Исторіи права. Оставивъ въ сторонѣ свои прежнія объясненія (возложеніемъ на мортита сверхъ морты также и податей, и особенной трудностью для землевладѣльцевъ найти половниковъ на краткій срокъ), въ послѣдній разъ Цахаріэ объяснялъ выгоды мортита тѣмъ, что тотъ вносилъ въ хозяйство собственный капиталъ въ видѣ орудій обработки, тогда какъ половникъ получалъ послѣднія отъ земледателя; но Цахаріэ указалъ въ то же время на различіе сельскохозяйственныхъ культуръ, требующихъ затратъ различнаго размѣра. Мы остановимся на послѣднемъ моментѣ, сравнивая съ европейскимъ Западомъ, гдѣ десятина и половничество существовали рядомъ, причемъ на земляхъ съ долгосрочной и дорогой культурой преобладала болѣе выгодная для земледѣльца форма пользованія, на пашняхъ же champart — половничество.

Васильевскій принялъ мысль Цахаріэ, что Крестьянскій Законъ своею статьею о десятомъ снопѣ ввелъ повышеніе выгоды крестьянина земледѣльца (привлекается темный источникъ о господствѣ во времена Солона морты размѣромъ въ одну шестую сбора), имѣя въ виду поощрить расчистку запустѣвшихъ земель. Такое мѣропріятіе должно было по ихъ мнѣнію вызвать недовольство крупныхъ собственниковъ; и съ пониженіемъ морты ставится въ связь появленіе въ позднѣйшихъ

редакціяхъ Закона эдикта Зотика, воспрещавшаго принимать чужихъ колоновъ. Конечно, появленіе этого эдикта въ составѣ Крестьянскаго Закона можетъ находиться въ очень отдаленной причинной связи съ статьею о мортитахъ.

Всѣ высказанныя мысли о преимуществахъ морты передъ половничествомъ на частновладѣльческихъ земляхъ представляются излишними при анализѣ Крестьянскаго Закона, такъ какъ нужно бы раньше доказать, что этотъ памятникъ въ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ редакцій имѣлъ въ виду условія обработки земель не крестьянскихъ.

Кромѣ предполагаемаго установленія свободы перехода, второю любопытною и характеристичною чертою Крестьянскаго Закона В. Г. Васильевскій считаетъ „несомнѣнныя указанія на общинное устройство и общинное землевладѣніе, какъ принадлежность быта свободныхъ земледѣльцевъ".

„Вся земля, исключая усадебной и находящейся подъ садами, разсматривается какъ собственность цѣлой общины (κοινότης τοῦ χωρίου)". Это положеніе хорошо формулируетъ сущность общиннаго землевладѣнія, но не имѣетъ для себя опоры въ текстѣ памятника. Извѣстныя слова κοινότης τοῦ χωρίου въ статьѣ о мельницахъ означаютъ не больше, чѣмъ юридическое лицо, чѣмъ село какъ корпорацію въ широкомъ смыслѣ слова, являющуюся собственникомъ нераздѣленной земли. Не вѣрно, что вся земля кромѣ усадебной и огородной разсматривалась бы какъ собственность κοινότης: такого порядка или такого момента не обнаруживаетъ ни одна статья Крестьянскаго Закона. Пахотная земля и даже рощи находятся въ личной собственности крестьянъ, и памятникъ не знаетъ иного состоянія для пахоти. Нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы Законъ предполагалъ различное юридическое состояніе между пахотью, виноградниками и садами. Какъ тѣ, такъ и другія входятъ въ составъ μερίς крестьянина, называемой его собственностью и бывшей дѣйствительно его имуществомъ личнымъ, не срочнымъ и не ограниченнымъ. При такихъ данныхъ памятника что же остается отъ утвержденія общиннаго характера владѣнія территоріей села? Существованіе нераздѣленныхъ выгоновъ и угодій несомнѣнно, однако таковые являются не только въ любой римской колоніи, но и въ большинствѣ современныхъ городовъ, владѣющихъ недвижимостью.

„Члены ея (общины), χωρῖται, въ отношеніи пользованія суть какъ бы члены товарищества (κοινωνοί = socii), что впрочемъ вовсе не исключаетъ фактическаго отдѣльнаго пользованія". Слово χωρῖται въ текстѣ Закона не встрѣчается, а κοινωνοί, употребленное въ той же статьѣ о мельницахъ, притомъ не въ древнѣйшей ея редакціи, имѣетъ опредѣленный смыслъ лицъ имѣющихъ нераздѣленное имущество или предпріятіе: такія формы совмѣстной собственности и совмѣстнаго пользованія существуютъ на основѣ наличности собственности по римскому праву.

Мы конечно признаемъ возможность, что интерполяторы названной статьи Крестьянскаго Закона хотѣли представить новыя общинныя отношенія въ рамкахъ имъ извѣстнаго римскаго учрежденія, — какъ половничество подводилось подъ форму

κοινωνία; во всякомъ случаѣ означенное слово κοινωνοί не служитъ для доказательства общиннаго характера владѣнія. Фактическое отдѣльное пользованіе, которое автору признать необходимо (такъ какъ нельзя же предполагать село VII вѣка или позднѣе похожимъ на латифундію съ толпою рабовъ) имѣло повидимому характеръ спорадическій и случайный — упомянуто лишь дерево взрощенное и мельница —, тогда какъ нормальное и основное хозяйство велось крестьянами на ихъ собственности. В. Г. Васильевскій приводитъ статью о мельницахъ и придаетъ ей значеніе свидѣтельства о большихъ правахъ общины. „Остальные члены общины не только могутъ объявить свои претензіи на мѣсто, какъ на принадлежащее всей общинѣ, но даже имѣютъ право, возмѣстивъ издержки, сдѣлаться совладѣтелями (κοινωνοί) въ самой мельницѣ". На самомъ дѣлѣ статья эта давала предпринимателю гарантію возмѣщенія издержекъ, въ сравненіи съ римскими порядками, дозволявшими отобрать постройку, воздвиженную на чужой землѣ, безъ всякаго вознагражденія. „Впрочемъ, всегда есть возможность, продолжаетъ Васильевскій, продолжить дѣлежъ общинной земли, что называется μερισμός или μερισία". Это утвержденіе основано на извѣстномъ намъ толкованіи 8-ой ст. о возобновленіи дѣлежа, которую авторъ приводитъ нѣсколько ниже. Мы видѣли, что статья эта имѣетъ въ виду совмѣстную оккупацію или расчистку части нераздѣленной территоріи села, при чемъ эти новыя σκαρφία могли быть разграничены неправильно, и въ случаѣ претензіи обиженныхъ хозяевъ могли быть передѣлены вновь.

Дѣлежъ всей общинной территоріи не только не могъ *всегда* имѣть мѣсто, но съ основанія села, по даннымъ Крестьянскаго Закона, нельзя себѣ представить такого момента, когда крестьяне не имѣли своего участка для веденія хозяйства. О годичныхъ или кратковременныхъ пользованіяхъ полосами общинной территоріи, какъ въ древней Германіи, мы ничего изъ памятника не знаемъ, и находимъ такую систему не возможной при распространенности долговременныхъ культуръ. Совершенно справедливо мнѣніе В. Г. Васильевскаго, что принципъ дѣленія остается въ нашемъ памятникѣ не яснымъ.

Что касается общественныхъ податей, то по мнѣнію автора, само собою разумѣется, что пока общинная земля не поступала еще въ раздѣлъ, онѣ взносились всею общиною; но и послѣ раздѣла отвѣтственность за всю совокупность податей лежала на всѣхъ вмѣстѣ. Какъ самъ авторъ указалъ въ рецензіи на книгу Павлова, въ разумѣющихся здѣсь двухъ статьяхъ о крестьянинѣ, оставившемъ свое поле, имѣется въ виду привлеченіе ближайшихъ въ формѣ ἐπιβολή, не уживающейся ни съ круговою порукою, ни съ развитіемъ общинныхъ порядковъ.

Такимъ образомъ, не только не „всетаки оставалось" юридическое понятіе о землѣ, принадлежащей совокупности членовъ общины, какъ объ общей ихъ собственности, но и составиться само изъ себя оно не могло. Въ первоначальномъ текстѣ Закона оно отсутствуетъ, терминъ κοινωνοί является въ позднѣйшихъ редакціяхъ статьи о мельницахъ; а воззрѣнія, что отдѣльное владѣніе не уничтожаетъ

первоначальнаго принципа общности, не существовало: по Крестьянскому Закону отдѣльное владѣніе существуетъ рядомъ съ нераздѣленной собственностью села, и послѣдняя имѣетъ свой смыслъ благодаря существованію отдѣльныхъ участковъ. Взглядъ этотъ не могъ остаться господствующимъ и въ позднѣйшемъ Византійскомъ правѣ: онъ могъ лишь развиться благодаря многимъ измѣненіямъ въ общественномъ строѣ со временъ первоначальной записи Закона. Привлеченные Цахаріэ и многократно встрѣчающіеся термины δμάδες и ἀνακοινώσεις χωρίων имѣютъ свой иной смыслъ; а административное правило, по которому покинутая общинная земля переходитъ къ оставшимся крестьянамъ вплоть до послѣдняго, вытекаетъ не изъ предполагаемаго принципа первоначальной общинности, но изъ потребностей податного обложенія, въ частности изъ учрежденія ἐπιβολή.

Если В. Г. Васильевскій ставитъ вопросъ, откуда появились въ Византійскомъ государствѣ и въ Византійскомъ общественномъ устройствѣ такія совершенно новыя начала, какъ свобода крестьянскаго перехода и общинное владѣніе землею, то нельзя не отнестись отрицательно къ самой постановкѣ вопроса. Крестьянскій Законъ не содержитъ указанія на то, что прежніе адскриптиціи получили право свободнаго перехода, и что на почвѣ прежнихъ комитуръ и колоній появилось общинное землевладѣніе: наоборотъ, господствуетъ личная собственность при наличности, конечно, нераздѣленныхъ земель и угодій.

Но конечно, если бы появились такія совершенно новыя начала, то слѣдовало бы предположить между ними взаимную связь, и нельзя вслѣдъ за Цахаріэ усматривать эту связь и общее происхожденіе въ фискальной системѣ круговой поруки. Для насъ достаточно того, что Крестьянскій Законъ не знаетъ отвѣтственности всей общины какъ таковой за оставленную землю, но лишь повинность пользующихся ею ближайшихъ. Впослѣдствіи, когда развились институтъ круговой поруки и обложеніе не на основѣ личныхъ правъ собственности и владѣнія, но на основѣ податного общенія постоянныхъ группъ плательщиковъ земскихъ единицъ, въ общемъ катастихѣ, — необходимо проявилось вліяніе фискальной системы на поземельныя отношенія внутри сельскихъ обществъ. Примѣръ римскихъ куріаловъ, не пришедшихъ къ общинному землевладѣнію несмотря на тягость круговой поруки, не обязателенъ для византійскихъ крестьянъ временъ судьи Космы, рекомендовавшаго передѣлы территоріи, составлявшей единицу обложенія. Интересно дальнѣйшее замѣчаніе В. Г. Васильевскаго, указавшее на противорѣчіе между разрѣшеніемъ перехода и возложеніемъ податной отвѣтственности на членовъ общины! Намъ извѣстно, что ни того, ни другого въ Крестьянскомъ Законѣ не постановлено.

Признавая возможность отмѣны патроната, Васильевскій продолжаетъ: „весьма не вѣроятно, чтобы во время всеобщей неустойчивости населенія, бывшаго послѣдствіемъ славянскихъ передвиженій, какой либо законодатель, обладающій здравымъ смысломъ, рѣшился провозгласить и съ своей стороны, притомъ безъ всякаго принужденія, что всякій можетъ искать себѣ кровъ и землю, гдѣ хочетъ. Совершенно

яное дѣло, если.... Законъ не предшествовалъ этнографическому перевороту... но только призналъ то, что уже существовало въ жизни." Присоединяемся къ замѣчанію глубокочтимаго ученаго о несвоевременности освободительныхъ реформъ въ эпоху сильнаго народнаго передвиженія, съ той оговоркою, что Крестьянскій Законъ не содержитъ указанія на свободу перехода крестьянъ, живущихъ на земляхъ крупнаго владѣнія.

Несравненно болѣе вѣроятнымъ представляется для В. Г. Васильевскаго другое объясненіе, предложенное Цахаріэ, именно послѣдствіями сильнаго передвиженія славянскихъ и туземныхъ массъ. „Здѣсь лежитъ начало свободы крестьянскихъ переходовъ, и здѣсь же безъ сомнѣнія, кроется источникъ новыхъ воззрѣній на способъ владѣнія землею". Крестьянскій Законъ, повторяемъ, указываетъ не на свободу переходовъ, т. е. отъ одного крупнаго собственника къ другому, но на свободное передвиженіе, безпрепятственный уходъ крестьянина со своего участка; а о новыхъ воззрѣніяхъ на способъ владѣнія землею въ древнѣйшихъ спискахъ Закона ничего не читаемъ. Васильевскій, обративъ преимущественно вниманіе на славянскій составъ части передвигавшихся массъ, забылъ объ остальныхъ туземныхъ, для которыхъ Законъ могъ быть записанъ; и не найдя дальнѣйшихъ чертъ славянскаго вліянія, кромѣ предполагаемой общинности, тѣмъ не менѣе высказалъ предположеніе, что „именно для новаго славянскаго населенія имперіи и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соотвѣтствовалъ его воззрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи строгаго римскаго права о личной собственности и позднѣйшія установленія Римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ." Сколько въ этихъ словахъ неоправданныхъ гипотезъ, въ частности о содержаніи нашего Закона! Сюда же глубокочтимый авторъ привлекъ извѣстіе Каменіаты объ общинахъ славянъ около Солуня въ X в., но впослѣдствіи взялъ свою ссылку обратно, когда Зигелемъ было указано, что въ текстѣ Каменіаты нѣтъ ни малѣйшаго указанія на общинное землевладѣніе.

Но не въ одной этой статьѣ „Законодательство иконоборцевъ" выразились взгляды В. Г. Васильевскаго на содержаніе Закона. Знаменитый ученый, столько сдѣлавшій для внѣшней исторіи Крестьянскаго Закона, вернулся къ этому памятнику по поводу изданія проф. Павловымъ „Книгъ Законныхъ."

Замѣчанія В. Г. Васильевскаго на историко-юридическое введеніе А. С. Павлова къ изданію „Книгъ Законныхъ" не касаются наиболѣе существенныхъ вопросовъ о состояніи крестьянъ и характерѣ ихъ владѣнія по даннымъ Закона. Болѣе подходитъ къ этимъ вопросамъ разборъ статей 17 и 18 о платежѣ повинностей съ земли, оставленной крестьяниномъ собственникомъ. И въ статьѣ о законодательствѣ иконоборцевъ (стр. 122—123) авторъ сопоставлялъ ему извѣстныя разночтенія, но лишь въ рецензіи онъ предложилъ объясненіе статей этихъ какъ случаевъ ἐπιβολή. Къ сожалѣнію у автора не было подъ руками древнѣйшаго текста, изданнаго теперь Феррини. Отсылаемъ къ сказанному выше относительно двухъ редакцій означенныхъ статей, стр. 15—16.

Въ цѣнномъ трудѣ А. С. Павлова былъ предложенъ и критическій обзоръ содержанія Крестьянскаго Закона, составляющаго главное содержаніе компиляціи „Книги Законныя.“ Авторъ ставитъ себѣ вопросъ: каково было практическое значеніе русскаго перевода Крестьянскаго Закона, и отвѣчаетъ, что „Земледѣльческій уставъ византійскихъ императоровъ-иконоборцевъ“ весьма близко подходилъ къ быту русскаго крестьянства до эпохи его прикрѣпленія къ землѣ и за крупными собственниками. Ссылаясь на Цахаріэ и Васильевскаго, авторъ высказывается, что уставъ этотъ выросъ на византійской почвѣ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ славянства. Онъ основанъ на „двухъ началахъ соціальной жизни всѣхъ древнеславянскихъ племенъ: общинномъ землевладѣніи и личной свободѣ крестьянина-земледѣльца, хотя бы онъ сидѣлъ и на чужой землѣ.“ Повторяя взгляды Цахаріэ и Васильевскаго объ общинномъ землевладѣніи по Крестьянскому Закону, Павловъ повторяетъ и старыя мнѣнія о характерѣ общеславянскаго общественнаго строя, кореннымъ образомъ поколебленныя новыми изслѣдованіями.

Сообразно съ теоріей общиннаго землевладѣнія переводится А. С. Павловымъ ст. 8-ая о раздѣлѣ: „если совершится раздѣлъ (общей земли) и кто будетъ обиженъ въ своемъ жеребьи или участкѣ, то таковые вправѣ порушать состоявшійся раздѣлъ и требовать передѣла.“ Слова „общей земли“, „въ своемъ“ (жеребьи) и „требовать передѣла“ составляютъ добавленія переводчика къ греческому тексту, и придаютъ ей болѣе полный, но не вѣрный смыслъ. Въ особенности неправильна передача выраженій подлинника „(μερισμὸς) ἐν σκαρφίοις γεγονὼς ἔν τισιν“ или „ἐν σκαρφίοις ἤ τόποις“ словами „въ своемъ жеребьи или участкѣ.“

Самымъ рельефнымъ выраженіемъ принципа общиннаго землевладѣнія служитъ, по мнѣнію Павлова, извѣстная статья о мельницахъ, по которой „сельскій міръ“ можетъ предъявить претензію на свое же собственное мѣсто и выкупить возведенную на ней постройку, при чемъ этотъ самый „сельскій міръ“, какъ бы частное лицо, дѣлается „соучастникомъ . . во владѣніи“ (κοινωνοί) мельницею вмѣстѣ со строителемъ. Если бы Павловъ припомнилъ римскія послѣдствія собственности, по которому постройки на чужой землѣ принадлежали собственнику земли, то онъ поставилъ бы статью о мельницахъ въ разрядъ постановленій Закона, гарантирующихъ возмѣщеніе убытковъ (ср. ἀντιτοπία) для сельско-хозяйственныхъ предпринимателей.

Истолковавъ вслѣдъ за прежними изслѣдователями двѣ означенныя статьи въ смыслѣ свидѣтельствъ о такомъ предполагаемомъ моментѣ состоянія всей сельской территоріи, когда она являлась въ своемъ первоначальномъ видѣ собственности общинной, Павловъ переходитъ къ ея состоянію согласно даннымъ Крестьянскаго Закона о личной собственности хозяевъ. Онъ не задается вопросомъ, на какихъ основаніяхъ велось хозяйство въ предполагаемый имъ моментъ полной общинности, но считаетъ нужнымъ принять и дополнить мнѣніе Васильевскаго, по которому усадебная земля искони была въ личномъ владѣніи.

Для подтвержденія своего взгляда, что въ составъ общей земли не входятъ усадьбы и огороды, Павловъ ссылается на три статьи. Въ первой изъ нихъ (ст. 21-я) сказано: если крестьянинъ выстроитъ усадьбу и разведетъ садъ на чужой запустѣвшей землѣ (ἐν ἀπόρῳ ἀλλοτρίῳ τόπῳ), то вернувшіеся собственники этихъ мѣстъ — οἱ τῶν τόπων (или τοῦ τόπου) κύριοι — должны потребовать отъ захватчика равное мѣсто (ἀντιτοπίαν), и только въ случаѣ отказа дать имъ таковое возмѣщеніе имѣютъ право разломать усадьбу. Удивительно, какъ могъ А. С. Павловъ не поставить себѣ на видъ, что въ этой статьѣ говорится о личной частной собственности, которая при извѣстныхъ условіяхъ могла быть занята подъ усадьбу. Вторая привлеченная Павловымъ статья говоритъ о деревѣ крестьянскаго сада, затемняющаго сосѣднюю μερίς. Если этимъ сосѣднимъ участкомъ является также садъ, то дерево должно быть обрѣзано, въ противномъ случаѣ сосѣдъ не можетъ жаловаться (ст. 31). Опять страннымъ является невниманіе къ тексту статьи, говорящей объ *участкахъ* (μερίς) получаемыхъ путемъ раздѣла, слѣдовательно до раздѣла не существовавшихъ; притомъ тою же статьею предусматривается положеніе, когда сосѣдній участокъ занятъ не садомъ, но другою культурою. Наконецъ, ст. 88 о плодѣ падающемъ съ чужого дерева представляетъ собою заимствованіе изъ Юстиніанова права, самимъ же Павловымъ отмѣченное въ примѣчаніи, и не относится къ составу подлиннаго Закона.

За то когда Павловъ обратился отъ предполагаемаго общиннаго состоянія территоріи къ дѣйствительному личному, представленному въ текстѣ Закона, то онъ указалъ на ея существенные признаки, не сопоставленные Цахаріэ и Васильевскимъ: возможность аренды на срокъ или навсегда, отдачи исполу и въ пользованіе кредитору въ счетъ процентовъ; указалъ, что крестьянинъ является полнымъ хозяиномъ своего участка и можетъ воспротивиться вмѣшательству сельской общины въ распоряженіе его собственною долею, хотя непонятнымъ образомъ привлекаетъ ст. 1, 2 и 3 для доказательства послѣдняго положенія. Наконецъ по поводу статей о податной отвѣтственности за ушедшаго Павловъ повторяетъ ошибочныя мнѣнія, что до раздѣла „общественныя подати вносятся конечно всѣмъ міромъ"; но и послѣ раздѣла исправное поступленіе податей.. „обезпечивается круговою отвѣтственностью всей общины", тогда какъ въ относящихся сюда 18 и 19 статьяхъ рѣчь идетъ о привлеченіи ближайшихъ къ платежу и обработкѣ, по системѣ ἐπιβολὴ ἀπόρων.

Не меньшія погрѣшности допущены А. С. Павловымъ въ вопросѣ объ арендныхъ пользованіяхъ по Крестьянскому Закону. Павловъ признаетъ, что предметомъ арендного пользованія являлись участки собственниковъ-крестьянъ; но не вѣрно его утвержденіе, будто нашъ памятникъ „знаетъ крестьянъ, обработывающихъ земли крупныхъ землевладѣльцевъ". Затѣмъ онъ произвольно называетъ арендаторовъ по Крестьянскому Закону париками, и несправедливо утверждаетъ, что ихъ отношеніе къ землевладѣльцамъ постоянно выражаются въ Законѣ глаголомъ στοιχεῖν. Этотъ послѣдній употребленъ лишь въ двухъ случаяхъ, имѣющихъ предметомъ арендныя сдѣлки съ залогомъ или на особенныхъ выговоренныхъ условіяхъ. Относительно

половничества говорится лишь: „брать исполу", а о мортитахъ и того не сказано. Въ примѣчаніи Павловъ справедливо упрекаетъ своихъ предшественниковъ въ признаніи молчаливаго согласія собственниковъ самой распространенной основою пользованія чужой землей: справедливо, что въ Крестьянскомъ Законѣ нѣтъ на это указаній. Затѣмъ оригинальна мысль Павлова, что мортиты Крестьянскаго Закона обработывали земли крупныхъ собственниковъ, особенно монастырей, тогда какъ между самими крестьянами было въ обычаѣ отдавать свои участки въ аренду исполу. Конечно извѣстно, что десятина была распространена впослѣдствіи на церковныхъ земляхъ, и прибавимъ, что статья о десятомъ снопѣ носитъ характеръ церковнаго заклятія. Но арендатора γεωργὸς μορτιστής (ст. 9) мы можемъ только сопоставить съ ἡμισειαστής, — терминомъ, употребленнымъ не въ трехъ статьяхъ, какъ полагаетъ Павловъ, но однажды (ст. 15).

Основныя черты гражданскаго быта крестьянъ по изображенію византійскаго Земледѣльческаго Устава, въ противность мнѣнію Павлова, не вполнѣ подходятъ къ быту древне-русскаго крестьянства временъ Русской Правды. Если крестьянъ византійскаго Закона можно сопоставить съ ролейными смердами, то для закуповъ, разумѣя подъ таковыми крестьянъ, жившихъ на земляхъ крупныхъ вотчинниковъ съ правомъ свободнаго перехода, для такого класса въ греческомъ Крестьянскомъ Законѣ нѣтъ аналогій. Ихъ нужно искать въ иныхъ греческихъ источникахъ, прежде всего въ монастырскихъ документахъ.

Статьи Ѳ. И. Успенскаго: „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи", помѣщенныя въ 225 части Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія (1883), касаются нашего памятника мимоходомъ, имѣя въ виду другія задачи. Авторъ высказываетъ (стр. 302) справедливое замѣчаніе, что роль Крестьянскаго Закона въ византійской юридической литературѣ указываетъ на то, что онъ имѣлъ практическое примѣненіе на всемъ протяженіи Византійской исторіи, а это предполагаетъ въ свою очередь существованіе свободнаго крестьянства. Практическое значеніе Крестьянскаго Закона обнаруживается собственно не распространенностью его списковъ, но тѣмъ обстоятельствомъ, что памятникъ былъ принятъ въ составъ постояннаго Appendix къ Эклогѣ, т. е. въ составъ компиляціи, имѣвшей въ свое время несомнѣнно практическое значеніе; и былъ внесенъ, притомъ въ переработанномъ видѣ, въ такія руководства, какъ Эклога измѣненная по Прохирону; въ составъ же „Шестикнижія" Арменопула Крестьянскій Законъ не вошелъ, и не былъ принятъ въ Appendix, принадлежащій, вѣроятно, самому Арменопулу, но сталъ переписываться (вслѣдъ за Appendix) нѣсколько позднѣе. Въ рецензіи на изданіе Павлова (въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1886 г.) Ѳ. И. Успенскій предложилъ рядъ отдѣльныхъ замѣчаній къ тексту многихъ параграфовъ нашего памятника, отчасти привлеченныя выше.

Слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ вводныхъ строкахъ, характеризующихъ содержаніе памятника, предпосланныхъ Феррини тексту изданныхъ имъ Миланскихъ списковъ (Byzant. Zeitschr. VII (1898), p. 558—559). Издатель обнаружилъ, что

въ древнѣйшемъ спискѣ изъ Миланскаго хранилища нѣтъ никакого слѣда Юстиніанова права; но подлинный составъ памятника носитъ характеръ варварскаго законодательства: la legge nella parte sua genuina ha una impronta schiettamente barbarica. Не ясно, что Феррини разумѣетъ подъ barbarica: иностранное варварское происхожденіе, или отпечатокъ пониженной культуры среди потомковъ населенія, создавшаго классическую образованность. Наказанія, развиваетъ свою мысль Феррини, грубыя и жестокія, состоящія почти всегда въ увѣчьѣ. Это однако не вѣрно, первыя статьи Крестьянскаго Закона, посвященныя поземельнымъ отношеніямъ, карають правонарушенія простымъ или удвоеннымъ возмѣщеніемъ убытковъ, лишеніемъ вознагражденія за трудъ и за издержки. Наказанія, которыя Феррани имѣетъ въ виду, являются преимущественно въ уголовныхъ статьяхъ Закона, редактированныхъ вродѣ: ὁ καίων, ὁ κλέπτων, οἱ κατασπῶντες; но и изъ числа послѣднихъ можно указать статьи, по которымъ полагается лишь двойное возмѣщеніе убытковъ. Далѣе, Феррини находитъ въ Крестьянскомъ Законѣ явно выраженную сельскую общину, при томъ вѣроятно славянскаго типа, въ полномъ своемъ развитіи: „le comunità di villaggio (probalmente a tipo slavo) in pieno svolgimento"; и это свое замѣчаніе онъ оставляетъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Справедливо отмѣчается имъ случайный и примѣняющійся къ мелкимъ случаямъ характеръ законоположеній, грубо-наивный и поверхностный способъ различать одни случаи правонарушенія отъ другихъ къ нимъ близкихъ; наконецъ не денежную, но натуральную расцѣнку большинства имущественныхъ отношеній. Послѣднее не всегда имѣетъ мѣсто, такъ какъ намъ извѣстна аренда съ задаткомъ и съ возмѣщеніемъ стоимости въ случаѣ ея нарушенія. Этого Феррини, повидимому, не принялъ во вниманіе. Съ указанной точки зрѣнія его интересуетъ даже статья о раздѣлѣ (si escindon e si rifanno, non vi è acenno di compenso in denaro).

III.

Крестьянская собственность по даннымъ Закона. Особенный характеръ содержанія Закона, стр. 57. Общимъ его назначеніемъ является охрана крестьянской собственности, стр. 58. Терминологія земельной собственности, стр. 59. Статьи, свидѣтельствующія о присутствіи общественной собственности одновременно съ личною: статья 32 о деревѣ, взрощенномъ на нераздѣленномъ мѣстѣ, стр. 62. Статья 78 о мельницѣ, построенной на общественной землѣ села, стр. 64. Статьи о нераздѣленной территоріи и существованіе личной собственности крестьянъ, стр. 68. Статья 8 о (дополнительномъ) раздѣлѣ, стр. 70. Категорія земельной собственности, стр. 71. Пахотныя земли: терминологія, стр. 71; сосѣдскіе участки, стр. 73; полнота личныхъ правъ собственника, стр. 75. Виноградники и сады, стр. 78. Статья 21 о покинутыхъ усадьбахъ и виноградникахъ, стр. 79. Усадьбы, стр. 80. Пастбища: отсутствіе луговъ, частныя пожни, стр. 81. Общественные выгоны, общія стада и пастухи, стр. 81. Лѣсные выгоны, стр. 82. Частныя крестьянскія рощи, стр. 83. Служебный и временной характеръ нераздѣленной территоріи, стр. 84. Основныя черты собственности по Крестьянскому Закону: владѣніе; собственность личная, стр. 84. Непосредственность личныхъ правъ по отношенію къ селу, стр. 84, по отношенію къ податному обложенію, стр. 85. Свобода распоряженія, стр. 86. Отсутствіе статей о продажѣ, дарѣ и наслѣдованіи объясняется характеромъ памятника, дополняющаго общіе судебники, стр. 87.

По содержанію своему Крестьянскій Законъ не подходитъ ни подъ одну изъ болѣе обычныхъ категорій юридическихъ памятниковъ. Это ни гражданское, ни уголовное, ни полицейское уложеніе. Прежде всего, Крестьянскій Законъ не

есть какое-либо единое уложеніе, но представляетъ изъ себя рядъ статей безъ видимаго единства редакціи. Среди нихъ встрѣчаемъ постановленія, опредѣляющія права договаривающихся сторонъ, права и обязанности пользующихся чужою недвижимостью съ согласія и даже безъ вѣдома собственника, случаи нарушенія правъ собственности на землю съ наказаніями, составляющими простое и двойное возмѣщеніе убытковъ, или лишь потерю труда и издержекъ.

Въ тоже время памятникъ не содержитъ ни малѣйшаго указанія на основныя положенія гражданскаго права, никакого ученія о собственности и договорахъ, не касается наслѣдственнаго и семейнаго права. Руководясь однимъ Крестьянскимъ Закономъ, безъ помощи судебниковъ вродѣ Эклоги, или незаписаннаго обычая, не могло бы прожить ни одно сельское общество и ни одно частное лицо.

Кромѣ статей, имѣющихъ своимъ предметомъ имущественныя отношенія и вращающихся въ области гражданскаго права, памятникъ содержитъ рядъ уголовныхъ постановленій, имѣетъ свой пенальный (ποινάλιος) титулъ. Серія статей редактированныхъ вродѣ: ὁ κόπτων, ὁ καίων, назначаетъ такое-то наказаніе, имѣетъ своимъ предметомъ не выясненіе правъ сторонъ при извѣстныхъ условіяхъ, но уголовную отвѣтственность лицъ, совершившихъ извѣстное преступленіе. Опять Крестьянскій Законъ поражаетъ своей неполнотою. Рядомъ съ статьями, назначающими такое наказаніе и предполагающими, вѣроятно, вмѣшательство высшихъ судебныхъ властей, наблюдается отсутствіе постановленій о главнѣйшихъ случаяхъ уголовной отвѣтственности, объ убійствѣ и другихъ преступленіяхъ, предусматриваемыхъ уголовнымъ титуломъ Эклоги, Прохирона и другихъ византійскихъ судебниковъ. И такъ какъ нельзя предположить, чтобы дѣла объ убійствахъ, о прелюбодѣяніяхъ и пр. рѣшались въ крестьянской средѣ по неписанному обычаю[1]), то ясно, что Крестьянскій Законъ и въ области уголовной представляетъ изъ себя лишь дополнительныя статьи къ Кодексу Юстиніана, къ Эклогѣ или къ Прохирону.

Встрѣчаются въ нашемъ памятникѣ и параграфы изъ сферы административныхъ установленій: именно о податной отвѣтственности ближайшихъ за землю, оставленную собственникомъ, и о правахъ послѣдняго; но въ этихъ двухъ статьяхъ имѣется въ виду главнѣйше опредѣлить права на жатву, т. е. гражданскія отношенія между собственникомъ и пользующимся, держальцемъ (tenancier).

Полезно выяснить себѣ напередъ таковой общій характеръ содержанія Крестьянскаго Закона, чтобы поставить далѣе вопросъ: что общее связываетъ между собою повидимому разрозненныя статьи памятника, и каково было его назначеніе? Съ какой общей точки зрѣнія должно разсматривать содержаніе Закона, и можетъ ли таковою оказаться проблема появленія въ Византійскомъ мірѣ общинности, притомъ славянской?

Отвѣчая, что общей связью и общимъ назначеніемъ памятника является огражденіе личной крестьянской собственности преимущественно въ случаяхъ не

[1]) Ср. Νόμ. γ. 69 Ferr. ἀρχαία πατροπαράδοσις въ дѣлахъ о фальшивыхъ мѣрахъ хлѣба и вина.

предусмотрѣнныхъ правительственными уложеніями вродѣ Кодекса или Эклоги, тѣмъ самымъ мы опредѣляемъ свою систему при разборѣ содержанія Крестьянскаго Закона, и относимся отрицательно къ построеніямъ объ общинѣ, полагающимъ въ основу то, чего въ памятникѣ не оказывается.

Основнымъ содержаніемъ Закона является охрана крестьянской собственности: 1) на землю и на жатву (первая группа статей основнаго текста, см. выше) [1]); 2) на животныхъ, какъ на вторую важнѣйшую категорію цѣнностей въ сельскомъ хозяйствѣ (вторая группа статей) [2]); 3) уголовныя статьи имѣютъ тоже самое спеціальное назначеніе, ограждая крестьянскую недвижимость и движимость, въ особыхъ частныхъ случаяхъ сельскаго быта, по своей мелочности не предусмотрѣнныхъ общими судебниками explicite [3]).

Вторая и третья группы статей будутъ имѣть лишь служебное, вспомогательное значеніе при изученіи первой, имѣющей предметомъ землевладѣніе, помогая въ отдѣльныхъ вопросахъ или сходствомъ терминовъ, или случайными подробностями содержанія. Первый и основной рядъ статей древняго текста безъ титуловъ вмѣстѣ съ его позднѣйшими дополненіями, вставленными въ середину (ст. 31, 32) и прибавленными въ концѣ древнѣйшихъ списковъ, опредѣляютъ намъ характеръ недвижимости и личныхъ на нее правъ.

Земельная собственность называется въ текстѣ памятника многократно и открыто, юридическими и вмѣстѣ съ тѣмъ живыми народными терминами, не допускающими никакого сомнѣнія; и полнота правъ собственности вытекаетъ изъ самаго содержанія отдѣльныхъ статей. Разсмотримъ сначала терминологію, чтобы затѣмъ перейти къ опредѣленію, какой реальный смыслъ разумѣется подъ ясными и несомнительными выраженіями текста.

Выраженія памятника въ данномъ случаѣ настолько опредѣленны, что никто изъ изслѣдователей, притомъ отыскивавшихъ въ Законѣ слѣды общинности, не оспаривалъ существованія личной собственности на крестьянскіе участки. Но какъ мы видѣли при критическомъ обзорѣ литературы вопроса, имѣвшіеся въ виду ученые, не настаивая на господствѣ личной собственности въ содержаніи Закона, обходили ее, предполагая такой моментъ состоянія сельской территоріи, въ примѣненіи къ которому можно было бы поставить крестъ надъ всѣмъ относящимся до землевладѣнія содержаніемъ Закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не разъясняли, на какія категоріи недвижимостей распространялись права личной собственности, и насколько полнымъ было примѣненіе этихъ правъ.

---

[1]) По изданіямъ Феррини и Павлова статьи 1—21, 31—32, 35 Павл., 66 Ферр. и Павл., 76—81 Ферр., ср. 80—86, дополн. 88—90, 92 Павл.

[2]) По изданіямъ Феррини и Павлова ст. 23—30, 35—54 Ферр., 36—55 Павл.; 70—75 Ферр., 73—79 Павл.; 82 Ферр., 87 Павл.

[3]) Статьи 22, 55—65, 67—69 Ферр.; 56—65, 67—72, 91 Павл. Сюда же могутъ быть отнесены изъ второй группы: ст. 28, 30, 40, 41, 43, 45 Ферр., изъ первой ст. 77 изд. Ферр.

Отвлеченное названіе собственности, именно δεσποτεία (dominium), пестрящее на страницахъ византійскихъ памятниковъ Юстиніанова права, употреблено въ Крестьянскомъ Законѣ всего дважды, и притомъ въ статьяхъ позднѣйшаго происхожденія, заимствованныхъ изъ перифразъ Юстиніановыхъ Институцій и Кодекса[1]). Оно же встрѣчается и въ одной изъ интерполированныхъ статей уголовнаго титула Эклоги, свидѣтельствуя о ея книжномъ происхожденіи. Въ извѣстныхъ текстахъ Крестьянскаго Закона ея нѣтъ, и она не согласна съ одной изъ его статей[2]).

Отвлеченныхъ терминовъ ни для собственности, ни для владѣнія (νομή, possessio) въ подлинномъ текстѣ памятника не оказывается[3]). Вообще въ немъ мы не наблюдаемъ юридическихъ абстракцій. Даже слова κοινότης τοῦ χωρίου, употребленныя однажды въ древнѣйшей редакціи первой статьи о мельницахъ, замѣнены позднѣе черезъ κοινωνοί.

Если нѣтъ термина δεσποτεία, то и соотвѣтственнаго ему δεσπότης не находимъ въ подлинномъ текстѣ[4]). Въ послѣдней статьѣ о мельницахъ, по древнѣйшему Миланскому списку, по обоимъ Московскимъ изданнымъ у Павлова, равно какъ и по Ecloga ad Prochiron mutata (XXV, 24), стояло οἱ αὐθένται τῶν χωραφίων, которое и замѣнено въ позднѣйшихъ редакціяхъ и печатныхъ изданіяхъ черезъ οἱ δεσπόται τῶν χωραφίων[5]). Кромѣ того въ безспорно позднѣйшемъ prooemium, печатаемомъ при изданіяхъ Арменопула, читаемъ δεσπότης τοῦ ἀγροῦ[6]).

Тогда какъ Эклога употребляетъ для обозначенія собственника и δεσπότης, и κύριος[7]), Крестьянскій Законъ имѣетъ исключительно живое народное наименованіе κύριος[8]).

---

[1]) Νόμ. γ. X 5 Heimb., cf. Inst. II 1, 30. Νόμ. γ. X 4 Heimb., cf. Cod. Just. III 32, 11.

[2]) Ecloga Leonis et Constantini XVII, 13. (*Zachariae*, Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum, Lipsiae 1852). Cf. Νόμ. γ. II 7 Heimb., 41 Ferr.

[3]) Есть глаголъ νέμεσθαι: οἱ τρυγῶντες καὶ οἱ νεμόμενοι τὸν αὐτοῦ ἀγρόν, 19 Ferr., гдѣ καὶ οἱ νεμόμενοι могутъ быть глоссой. Νομή употреблено однажды для означенія владѣнія животнымъ, 70 Ferr. И νέμεσθαι, и νομή въ юридическомъ смыслѣ находятся въ одномъ изъ дополнительныхъ параграфовъ Закона, 90 Ferr., X ult. Heimb., заимствованномъ изъ const. 7 Cod. IX, 12.

[4]) За исключеніемъ δεσπότης (τοῦ δένδρου), ст. 31 по старшему Миланскому списку.

[5]) На основаніи чтенія δεσπόται Цахаріэ склоненъ былъ считать всю статью позднѣйшей вставкой, но она имѣется во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ и при томъ съ подлинными αὐθένται. Ср. *Zachariæ*, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl., Anm. 817.

[6]) Prooem. § 2, § 3 ed. Heimb.

[7]) Δεσπότης недвижимости Ecl. XVII, 2; κύριος раба Ecl. VIII 1, 3, 4.

[8]) Νόμ. γεωργ. ed. Ferr., 2: ἄνευ εἰδήσεως τοῦ κυρίου τῆς χώρας. 16 (I 11 Heimb.): γεωργίαν ἀμπελῶνος ἢ χώρας στοιχήσας μετὰ τοῦ κυρίου αὐτῆς (αὐτοῦ) . . . καὶ τὸν ἀγρὸν ἢ τὸν ἀμπελῶνα ἐχέτω ὁ κύριος αὐτοῦ (αὐτῆς Ferr.). 17 (I 12 Heimb.) ἔνυλον χώραν ἄλλου γεωργοῦ . . . . ἀποδώσει . . . . τῷ κυρίῳ αὐτῆς. 12 (I 22) τὸν τῆς χώρας (τόπου Heimb.) κύριον. 15 (I 24) τῷ κυρίῳ τοῦ ἀγροῦ (τοῦ ἀπόρου . . . ἀγροῦ . . τῷ κυρίῳ τοῦ ἀγροῦ Heimb.) . . . ὁ κύριος τοῦ ἀγροῦ. 32 (VII 1) ὁ τοῦ τόπου κύριος. 21 (X, 1 Heimb.) ἐν ἀπόρῳ ἀλλοτρίῳ τόπῳ . . . οἱ τῶν τόπων κύριοι Ferr. *bis*, ὁ τοῦ τόπου κύριος Heimb. *bis*, οἱ τοῦ τόπου κύριοι . . . τὸν τοῦ τόπου κύριον Павл. 49 Ferr. ὁ κύριος τοῦ τόπου. 50 Ferr. *idem*. 67 Ferr. τῷ κυρίῳ (τοῦ ὡρείου). 80 Ferr. (X 8): ὁ κύριος (τοῦ μύλου, τοῦ μύλωνος). 83 Павл. (X 6 Heimb.) τοῦ τοῦ ἐργαστηρίου (sc. μύλωνος) κυρίου (τῷ . . κυρίῳ Heimb.). Въ редакціи Ферриии этихъ словъ нѣтъ. X 5 Heimb. (у Ferr., Павл. нѣтъ): ὁ τοῦ ἐδάφους κύριος καὶ τοῦ οἰκήματος ἔσται δεσπότης . . . ἀπολάβῃ καὶ τὴν δεσποτείαν διηνεκῶς ὁ τοῦ ἐδάφους κύριος. См. выше прим. 1.

Точно такими же κύριοι называются крестьяне по отношенію къ ихъ животнымъ[1]) и рабамъ[2]), тогда какъ въ интерполированныхъ параграфахъ XVII титула Эклоги рядомъ съ κύριος и въ этихъ случаяхъ является δεσπότης[3]).

Въ одной и той же статьѣ одинаково названы и недвижимость, и движимость крестьянъ[4]). Недвижимость не только называется и подразумѣвается принадлежащей отдѣльному крестьянину[5]), но опредѣленно называется ихъ собственной недвижимостью: землею, пашнею, виноградникомъ, огородомъ, лядиною, рощею, домомъ.

Въ трехъ параграфахъ древнѣйшаго состава памятника[6]) читаемъ о собственномъ полѣ въ смыслѣ пашни [7]) и о лядинѣ, пустоши или пашнѣ; въ одномъ, о собственномъ надѣлѣ, гдѣ община не можетъ вмѣшиваться[8]); тогда какъ позднѣйшая редакція имѣетъ ἐν τῷ ἐπιλαχόντι αὐτῷ μέρει (X 7 Heimb.). Въ то же время всѣ редакціи кромѣ Миланскаго старшаго списка имѣютъ слово ἴδιον (κοινὸν τόπον) въ предыдущей статьѣ.

Двѣ статьи, позднѣе заимствованныя изъ Юстиніанова права, говорятъ о собственномъ виноградникѣ и „своей" землѣ въ значеніи сада[9]). Точно также говорится о собственнхыъ животныхъ[10]).

Отъ недвижимой собственности, принадлежащей лично одному крестьянину, отличается собственность другого лица или сосѣда[11]) или чужая недвижимость — пашня, виноградникъ, роща, дома[12]). Въ заимствованныхъ статьяхъ наблюдаемъ тоже словоупотребленіе[13]). Точно также говорится о чужомъ хворостѣ[14]), о чужой телѣгѣ[15]) и о чужомъ скотѣ[16]).

---

[1]) Νόμ. γ. ed. Ferr. 23. 24. 28. 35. 37. 42. 47 *bis*. 42. 52 *bis*. 71. 72. 73. 74 *bis*. 75. 82; κύριος τοῦ δένδρου 31.

[2]) Νόμ. γ. 44. 46. 70 *ter*.

[3]) Cf. Ecloga XVII 50 и 52.

[4]) Νόμ. γ. 76 (V 1 Heimb.): θερίσας τὴν αὐτοῦ (ἑαυτοῦ) μερίδα . . . εἰσαγάγῃ τὰ ἑαυτοῦ κτήνη.

[5]) Ср. οἱ τῶν ἄλλων μερίδων 79, τῶν ἑαυτῶν τόπων 81, ἔνυλον χώραν ἑτέρου γεωργοῦ 17, 16, 19. Cf. 3—5 etc.

[6]) Νόμ. γ. 1: γεωργὸν ἐργαζόμενον τὸν ἴδιον ἀγρόν. 18: ἐργάσασθαι τὸν ἴδιον ἀγρόν. 19: ἀποδράσας ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ.

[7]) Νόμ. γ. 55: ἐάν τις πῦρ ἐμβάλῃ ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἀγρῷ.

[8]) ἐν τῇ ἰδίᾳ μερίδι 79 Ferr., 84 Павл. и Ecloga mut. XXV 22.

[9]) ἴδιον ἀμπελῶνα Павл. 71, Heimb. V 2; καρπὸν πεσόντα εἰς τὴν ἐμὴν γῆν Павл. 88, Heimb. deest.

[10]) ἰδίου βοός 42 *ter*.

[11]) Νόμ. γ. 1: μὴ παροριζειν αὔλακας τοῦ πλησίον . . . (μερίδα τὴν ἐγγιστα αὐτοῦ pergit Mosqu., Harmen.). 17: ἔνυλον χώραν ἑτέρου γεωργοῦ.

[12]) Νόμ. γ. 21: ἀλλοτρίῳ τόπῳ. Cf. Heimb. X, 1: ἐν ἀλλοτρίῳ ἐδάφει ἀπόρῳ. . . ὁ εἰς τὰ ἀλλότρια κτίσας. Ferr. 59: ἀλλοτρίᾳ αὔλακι. 58: ἀμπέλους ἀλλοτρίας. 60: ἐν ἀμπέλοις ἢ σύκοις ἀλλοτρίοις. 20: ἀλλοτρίαν ὕλην. 65 (91 Павл.) οἴκους ἀλλοτρίους.

[13]) ἐν ἀλλοτρίᾳ γῇ (въ смыслѣ пастбища), 83 add. Ferr., 92 Павл., V 3 Heimb.; ἐν ἀλλοτρίῳ ἐδάφει (усадьбѣ) 87, 89 add. Ferr., X 2, 5 Heimb. Въ позднѣйшемъ prooemium: § 2 ἐν ἀλλοτρίῳ ἀγρῷ. § 3 ἐκ τῶν ἀλλοτρίων δένδρων. Еще: εἰς ἀλλοτρίαν καταφυτεύσω γῆν V 3 Heimb., у Ferr. и Павл. нѣтъ.

[14]) Νόμ. γ. 34: ἀλλοτρίαν ἀλάμν Ferr., καλάμην ceteri. Собственно солома для подстилки скоту, оставшаяся послѣ жатвы, ср. стернище въ Кн. Зак.

[15]) Νόμ. γ. 62.

[16]) Νόμ. γ. 39, 72, ἀλλότριον κτῆνος, βοῦν ἀλλότριον 82. τῷ ἀλλοτρίῳ (κυνί) 74.

Итакъ тѣ же выраженія личной собственности употребляются на всемъ протяженіи Крестьянскаго Закона, чтобы обозначить какъ недвижимость, такъ и другой важнѣйшій въ сельскомъ быту предметъ владѣльческихъ правъ, именно животныхъ. Это наблюдается какъ въ текстѣ памятника, такъ и въ его дополнительныхъ статьяхъ, заимствованныхъ изъ такихъ юридическихъ источниковъ, въ которыхъ исключительное господство личной собственности не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній.

Мы можемъ установить, что словоупотребленіе Крестьянскаго Закона не дѣлаетъ никакого различія между различными категоріями недвижимостей. Въ высшей степени важно, что памятникъ точно также говоритъ о собственности на пахотную землю, какъ о таковой примѣнительно къ виноградникамъ и садамъ, къ усадьбамъ и къ лѣснымъ участкамъ, какъ годнымъ для обработки (ἔνυλος χῶρα); такъ и къ таковымъ, которые пашнею быть не могли (ὄρος).

Отмѣтивъ также, что собственное пастбище, принадлежащее одному лицу, упомянуто лишь въ одной заимствованной статьѣ (83 Add. Ferr. и Кн. Зак., 92 Павл., V 3 Heimb.) и что кромѣ пожней (ср. 76 Ферр., 80, 81 Павл., V 1, 2 Heimb.) и лѣсныхъ участковъ, пастбища въ частной собственности не упоминаются нашимъ памятникомъ, отложимъ до времени ближайшій разборъ вопроса, какіе разряды недвижимостей находились въ частной собственности.

Обратимся къ тѣмъ текстамъ Крестьянскаго Закона, которые передаютъ о единовременномъ существованіи индивидуальной собственности крестьянъ съ территоріей, остававшейся собственностью села. Центръ вопроса лежитъ не въ существованіи какъ личной, такъ и общей территоріи, такъ какъ и та, и другая засвидѣтельствована текстомъ Закона неоспоримо, но въ единовременной наличности обѣихъ категорій земель внутри территоріи одного села. Въ виду того, что общинное землевладѣніе по природѣ своей есть форма исключительная, и принадлежность всей территоріи общинѣ рядомъ съ личной собственностью существовать не можетъ, для Цахаріэ и другихъ, усвоившихъ его теорію общины по Крестьянскому Закону, остается одно изъ двухъ: или предположить, что для сельской территоріи существовалъ такой моментъ, когда частная собственность еще не появлялась, и относить такимъ образомъ свою теорію ко временамъ, предшествующимъ всему содержанію Крестьянскаго Закона, за исключеніемъ тѣхъ текстовъ, на которые они ссылаются, или же доказывать, что личная собственность не есть собственность, но подлежитъ передѣлу. Они вступили и на тотъ, и на другой путь, но съ одинаково малымъ успѣхомъ.

Противъ содержанія всѣхъ статей Крестьянскаго Закона, касающихся земель, у нихъ въ рукахъ только три текста, изъ которыхъ одинъ служитъ имъ и для той, и для другой цѣли. Въ двухъ изъ этихъ статей текстъ существенно колеблется, и всѣ три не только допускаютъ, но и вызываютъ иное толкованіе. Всѣ три намъ уже знакомы: это ст. 32 о деревѣ, взрощенномъ на мѣстѣ нераздѣленномъ, ст. 78

о мельницѣ, возведенной на таковой же землѣ, и ст. 8, о раздѣлѣ. Первыя двѣ имѣютъ аналогичное содержаніе, появились въ текстѣ Закона, вѣроятно, одновременно (см. выше) и стоятъ не отдѣльно, но въ логической связи съ парными статьями.

Послѣ постановленія (ст. 31) о правѣ владѣльца сада требовать, чтобы дерево сосѣда, затемнившее его садъ, было обрублено, — составляющаго видоизмѣненіе interdictum de arboribus caedendis, какъ замѣтилъ Цахаріэ (ср. дѣйствительно fr. 1 и 2 Dig. 43, 27), не заимствованіе, — помѣщена слѣдующая статья:

Ἐὰν δένδρον ἀνετράφῃ (al. ἀνατραφῇ) ὑπό τινος ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ καὶ μετὰ ταῦτα γένηται μερισμὸς καὶ λάχῃ ἑτέρῳ[1]), μὴ ἐχέτω αὐτό, ἀλλὰ ὁ ἀναθρέψας μόνος· εἰ δὲ καταβοᾷ ὁ τοῦ τόπου κύριος ἀδικεῖσθαι, δοσάτω ἕτερον τῷ ἀναθρέψαντι καὶ ἐχέτω αὐτό. Ferr. 32.

Въ этой статьѣ мы имѣемъ указаніе и на состояніе земли до раздѣла, и послѣ раздѣла, и на самый раздѣлъ. Земля до раздѣла обозначена словами ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ. Слово τόπος означаетъ въ Законѣ не всю территорію села, но лишь ея часть, могущую находиться въ собственности нѣсколькихъ или даже одного крестьянина[2]). Примѣнительно къ такому смыслу слова τόπος, равносильному χωράφιον, засвидѣтельствованному въ Эклогѣ и документахъ, позднѣйшія редакціи, но также и Московскія, вставляютъ въ 8-ой статьѣ о раздѣлѣ слово τόπος для объясненія σκαρφία. Въ значеніи основномъ, безъ всякаго отношенія къ дѣленіямъ сельской территоріи, мы находимъ слово τόπος въ первой статьѣ о мельницахъ и еще въ двухъ случаяхъ[3]), именно въ сочетаніяхъ: „нашелъ мѣсто", „показалъ мѣсто". Возможно, что и въ нашей 32-ой статьѣ о взрощенномъ деревѣ слово τόπος имѣетъ общій смыслъ. Во всякомъ случаѣ ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ означаетъ часть сельской территоріи, названной притомъ нераздѣленной, въ отличіе отъ другихъ частей территоріи, перешедшихъ черезъ актъ раздѣла въ личную собственность крестьянъ.

Статья 32-ая какъ отдѣльно взятая, такъ и въ связи съ предыдущею, не содержитъ указаніе на раздѣлъ общій, какъ на такой предполагаемый моментъ, когда на сельской территоріи, до тѣхъ поръ остававшейся общинной, появляется личная собственность. Наоборотъ изъ самыхъ выраженій ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ слѣдуетъ, что раздѣлъ имѣется въ виду частичный, такой же какъ въ статьѣ 8-ой, другими словами, совмѣстная оккупація крестьянами нераздѣленной территоріи, или части ея, расчистка лѣсного или иного пастбища подъ культуру.

---

[1]) Вмѣсто λάχῃ ἑτέρῳ обычный текстъ при Арменопулѣ имѣетъ ἔλαχεν εἰς μερίδα ἄλλου; въ Московскихъ спискахъ испорченное чтеніе ἐκ μερίδος ἄλλῳ (ἄλλου).

[2]) Ἐν ἀπόρῳ ἀλλοτρίῳ τόπῳ... οἱ τῶν τόπων (al. τοῦ τόπου) κύριοι 21. ἐν ἀμπέλῳ ἢ ἀγρῷ ἢ ἐν ἑτέρῳ τόπῳ 37. ἐὰν βοῦς... ἐν ἀμπελῶνι ἢ κήπῳ ἐμπέσῃ... ἀζήμιος ἔστω ὁ κύριος τοῦ τόπου 49, cf. 50. διὰ τῶν ἑκατῶν τόπων (sc. χωραφίων) 81, ed. Ferr.

[3]) Νόμ. γ. 78: οἰκῶν ἐν χωρίῳ διαγνώσῃ τόπον κοινὸν ὄντα ἐπιτήδειον κτλ. 79: εὕρῃ τις ἐν τῇ ἰδίᾳ μερίδι τόπον ἐπιτήδειον. 42: τὸν τόπον ὑπέδειξεν.

Изъ статьи 32 слѣдуетъ, что существовала нераздѣленная территорія, которая могла быть занята подъ культуру и раздѣлена между хозяевами, обратившись черезъ это въ частную собственность. Изъ этой статьи не вытекаетъ, наоборотъ противорѣчитъ ея выраженіямъ тотъ взглядъ, по которому существованіе ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ предшествуетъ появленію личной собственности на всей вообще территоріи села. Предполагается такой раздѣлъ, какой возможенъ въ нѣмецкой деревнѣ съ наслѣдственными гуфами и съ наличностью общинныхъ земель или алмендъ. Статья 32 не противорѣчитъ другимъ положеніямъ Крестьянскаго Закона относительно крестьянской собственности, она не содержитъ указанія на порядокъ, отрицающій личную собственность; она наоборотъ стоитъ въ связи особенно съ 31-ой предшествующей статьею и предполагаетъ существованіе личной собственности и личнаго хозяйства, хотя бы своимъ выраженіемъ ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ. Она не гарантируетъ, не охраняетъ какихъ либо правъ общины, но направлена въ защиту частной собственности и личной предпріимчивости, одной противъ другой.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ предыдущей статьѣ мы имѣемъ случай сельскохозяйственной практики, когда интересы сосѣда заставляютъ ограничивать собственность, создавая нѣкотораго рода отрицательное право на чужую вещь; то въ 32-ой статьѣ мы имѣемъ отчасти подобный же случай, когда собственникъ вновь образованнаго участка долженъ терпѣть на своей землѣ чужое плодовое дерево или возмѣстить убытки предпринимателя. По римскому праву онъ не былъ бы обязанъ вознаграждать за вещь, находящуюся на его собственной землѣ. Здѣсь мы имѣемъ конфликтъ не между правами общины и правами отдѣльнаго лица, но между правами собственниковъ земли и прежде взрощеннаго дерева.

Подобный случай мы имѣемъ въ статьѣ о мельницахъ. Приведемъ ее по древнѣйшему тексту Феррини:

Ἐάν τις οἰκῶν ἐν χωρίῳ διαγνώσῃ τόπον κοινὸν ὄντα ἐπιτήδειον εἰς ἐργασίαν ἢ εἰς ἐργαστήριον τελειώσῃ, ἐὰν ἡ τοῦ χωρίου κοινότης καταβοᾷ αὐτὸν ὡς κοινὸν ὄντα τόπον, πᾶσαν τὴν ἔξοδον πάντες κοινῶς δότωσαν καὶ ἔστω κοινὸν τὸ κατασκευασθὲν ἐργαστήριον. 78 ed. Ferr.

Приведемъ для возстановленія древнѣйшей редакціи текстъ Московской по двумъ древнѣйшимъ, почти совершенно согласнымъ спискамъ:

Ἐάν τις οἰκῶν ἐν χωρίῳ διαγνώσηται τόπον κοινὸν ὄντα ἐπιτήδειον εἰς ἐργαστήριον μύλου (μύλωνος) καὶ τοῦτον προκατάσχῃ, ἔπειτα δὲ μετὰ τὴν τοῦ ἐργαστηρίου τελείωσιν, ἐὰν ἡ τοῦ χωρίου κοινότης καταβοῶσι τοῦ τοῦ ἐργαστηρίου κυρίου, ὡς ἴδιον τὸν κοινὸν τόπον προκατασχόντος, πᾶσαν τὴν ὀφειλομένην αὐτῷ δότωσαν καταβολὴν εἰς τὴν τοῦ ἐργαστηρίου ἔξοδον, καὶ ἔστωσαν κοινωνοὶ τῷ προεργασαμένῳ.

Ни въ одной статьѣ Крестьянскаго Закона нѣтъ столь неустойчиваго текста, какъ въ этой. Обыкновенная редакція при Арменопулѣ и Ecloge ad Prochiron mutata даютъ еще другіе варіанты; изъ нихъ первый текстъ не представляетъ важныхъ

отступленій, въ сравненіи съ Московскими списками, но редактированъ короче и даетъ лучшее чтеніе. Соотвѣтственная статья Эклоги по Прохирону предлагаетъ слѣдующій текстъ, съ оригинальнымъ дополненіемъ въ началѣ:

[Ἐάν τις οἰκῶν ἐν χωρίῳ ἀγνώμῃ τοῦ κυρίου αὐτοῦ ποιήσῃ μύλον, ἐὰν ξένος ἐστίν, ἐχέτω αὐτὸν δεκαεννέα χρόνους καὶ ἐξωθείσθω]· εἰ δέ τις ἐν τόπῳ κοινῷ διαγνώσῃ ἐργαστήριον μύλου καὶ τοῦτον προκατάσχῃ, μετὰ δὲ τὴν τοῦ ἐργαστηρίου τελείωσιν οἱ τοῦ χωρίου κοινωνοὶ καταβοῶσιν ὡς ἴδιον καὶ κοινὸν τόπον, πᾶσαν τὴν ὀφειλομένην αὐτῷ δοσάτωσαν καταβολὴν εἰς τὴν ἔξοδον τοῦ ἐργαστηρίου, καὶ ἔστωσαν κοινωνοὶ τῷ προεργασαμένῳ. Ecl. ad Proch. mut., XXV 20.

Сравнивая три эти текста, изъ которыхъ средній засвидѣтельствованъ Московской рукописью XI вѣка, замѣчаемъ слѣдующее. Слова οἰκῶν ἐν χωρίῳ, принадлежащія къ подлинному тексту статьи, означаютъ incola vici, полноправнаго члена сельскаго общества, въ противоположность ξένος, вставленному Эклогою по Прохирону въ интерполированной фразѣ. Нигдѣ въ Законѣ крестьянинъ не опредѣляется такимъ образомъ, но называется просто γεωργός или τίς; въ нашей же статьѣ слово τίς опредѣлено чрезъ οἰκῶν ἐν χωρίῳ. Слова τόπον κοινὸν ὄντα не означаютъ всей общинной (нераздѣленной) территоріи, какъ слѣдуетъ понимать ἐν κοινῷ τόπῳ Эклоги по Прохирону, имѣющей въ виду сеньеріальное XIII в. село съ наличностью общинной (зависимой) территоріи вилланов, но въ смыслѣ мѣста достаточнаго и годнаго для устройства мельницы. Это самое мѣсто квалифицируется, какъ общее, κοινὸν ὄντα. Это именно качество земли является основаніемъ для претензіи села: καταβοᾷ ὡς κοινὸν ὄντα. И въ древнѣйшемъ текстѣ Феррини выкупленная мельница (собственно ἐργαστήριον) становилось κοινόν; и издержки вносились всѣми членами села κοινῶς, сообща; эти два послѣдніе варіанта изчезли въ позднѣйшихъ редакціяхъ. Древнѣйшая вся была построена на понятіи κοινός. Сами же позднѣйшія редакціи разъясняютъ, какъ онѣ понимали терминъ κοινός, — черезъ интерполяцію противоположнаго ему ἴδιος. Именно Московская и позднѣйшая, при Арменопулѣ, редакціи обосновываютъ претензію села въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ὡς ἴδιον τὸν κοινὸν τόπον προκατασχόντος и ὡς προκατασχόντι τὸν κοινὸν τόπον ἴδιον, такъ что устроителю мельницы ставилось на видъ, что онъ черезъ свое фактическое завладѣніе (ср. detentio) обратилъ будто бы общее мѣсто въ собственное. Подобное завладѣніе, конечно, еще не создаетъ собственности, и потому приведенныя выраженія позднѣйшихъ редакцій страдаютъ неточностью, которой не имѣетъ древнѣйшая; но оно важно, еще разъ подтверждая, что терминъ κοινός понимался какъ oppositum слову ἴδιος, означающему собственность частную. На этой точкѣ зрѣнія не стоитъ уже Ecloge ad Prochiron mutata: измѣняя отвлеченное κοινότης τοῦ χωρίου въ конкретное понятіе общниковъ или сотоварищей (κοινωνοί), эта редакція называетъ мѣсто, занятое мельницею, общимъ и въ тоже время собственнымъ имуществомъ этихъ общниковъ: (κοινωνοὶ καταβοῶσιν) ὡς ἴδιον καὶ κοινὸν τόπον. Параллельно со смѣшеніемъ отвеченнаго κοινότης съ наличными членами, причемъ упущена изъ

виду принадлежность самого предпринимателя къ составу сельскаго общества, — наблюдается утрата обоими терминами, κοινός и ἴδιος, ихъ коренного смысла. Взаимно исключающія понятія оказались сопоставленными рядомъ какъ параллельныя другъ другу[1]).

Таково рукописное преданіе для ст. 78 (83) о частномъ предпріятіи (ἐργαστήριον μύλωνος) на землѣ села, не поступившей въ частную собственность. Обратимся къ разбору древнѣйшей извѣстной редакціи статьи, гдѣ нѣтъ никакого упоминанія о сельскихъ κοινωνοί и ихъ совмѣстной собственности, но наблюдается именно κοινότης τοῦ χωρίου, заявляющая претензію на общую территорію, κοινὸς τόπος, выкупающихъ возведенную на ней частную постройку тѣмъ путемъ, что всѣ члены или хозяева села (πάντες) уплачиваютъ ея стоимость сообща (κοινῶς), и черезъ то не только возвращаютъ фактически мѣсту, занятому единолично, его значеніе территоріи *общей,* но и придаютъ таковой сооруженію, возведенному на ней однимъ изъ хозяевъ. Предъ нами собственно два термина: κοινότης и κοινός. Первый изъ нихъ болѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе, но второй болѣе его заслуживаетъ, и его истолкованіе опредѣляетъ смыслъ статьи.

Слово κοινότης остается для насъ неразъясненною загадкой. Другой примѣръ его употребленія въ подобномъ смыслѣ не можетъ быть нами указанъ, по крайности въ юридическихъ памятникахъ. Пока не сдѣлаются извѣстными новыя данныя, смыслъ этого слова κοινότης представляется болѣе отвлеченнымъ, чѣмъ у другихъ существительныхъ того же самаго корня. Оно означаетъ собственно *общность,* communitas, тогда какъ слову община въ значеніи политической или земской совокупности соотвѣтствуетъ κοινόν (commune), а общество въ юридическомъ смыслѣ товарищества (communio, societas) называется въ источникахъ κοινωνία, κοινοπραξία. Слово же κοινότης не имѣетъ значенія общины въ законодательствѣ или въ документахъ. Судя по текстамъ, собраннымъ въ словаряхъ, оно употребительно преимущественно въ литературѣ риторической и церковной, гдѣ можетъ означать общину монаховъ. Пока не будетъ указано дальнѣйшихъ данныхъ, появленіе этого слова въ текстѣ Крестьянскаго Закона намъ представляется столь же возбуждающимъ вниманіе, какъ выраженіе θεοκατάρατος въ ст. 8 о раздѣлѣ или библейскія реминисценціи въ ст. 66 (о залогѣ земель) и 1 (αὔλακας τοῦ πλησίον). Если происхожденіе κοινότης въ текстѣ Крестьянскаго Закона представляетъ нѣкоторое, пока неразрѣшимое затрудненіе, то его смыслъ среди контекста статьи въ общемъ безспоренъ, слово означаетъ сельское общество, село, какъ собственника территоріи, не поступившей въ частную собственность отдѣльныхъ хозяевъ.

Съ этой стороны сельское общество намъ только и знакомо. Съ другихъ сторонъ изъ Крестьянскаго Закона оно намъ не извѣстно. Κοινότης или иной подобный терминъ не упомянуто ни въ одной другой статьѣ, кромѣ 78-ой о мельницахъ. Оно даже нигдѣ и не подразумѣвается, такъ какъ статьи о податяхъ съ

[1]) Римское publicus privatusque ager имѣетъ свой историческій смыслъ.

оставленныхъ земель относятся къ ближайшимъ и пользующимся, а не къ общинѣ, предполагаютъ институтъ ἐπιβολή. Только въ статьяхъ 79 (μερισθείσης τῆς τοῦ χωρίου γῆς) и въ 31 (ἐν μερίδι τοῦ χωρίου, Ambros.) названо χωρίον въ качествѣ собственника земли, поступившей въ раздѣлъ, и тоже самое подразумѣвается въ ст. 32 и 8 о раздѣлѣ. Слово κοινότης говоритъ намъ только то, что болѣе ясно выражаютъ наличность общей недвижимости (κοινὸς τόπος) и выкупъ всѣми „живущими въ селѣ" возведеннаго сооруженія сообща (κοινῶς).

И это выраженіе κοινῶς допускаетъ различныя толкованія. Въ своемъ контекстѣ (πᾶσαν τὴν ἔξοδον πάντες κοινῶς δότωσαν) слово κοινῶς могло быть прибавлено для усиленія πάντες: всѣ вообще. Легче однако другое толкованіе въ смыслѣ κοινῇ, publice или in commune, сообща. Это послѣднее означаетъ, что хозяева села платили не непосредственно, лично и отъ себя, но поскольку они входили въ составъ сельскаго общества, которое являлось собственникомъ земли и возмѣщало предпринимателю его убытки. Можно замѣтить, что слово κοινῶς стоитъ въ древнѣйшей Миланской редакціи и отсутствуетъ въ послѣдующихъ: оно было найдено излишнимъ или непонятнымъ, съ появленіемъ κοινωνοί въ качествѣ собственниковъ нераздѣленной территоріи.

Важнѣйшимъ для насъ терминомъ въ текстѣ статьи 78-ой является конечно κοινός въ приложеніи къ τόπος и ἐργαστήριον. Оно бросаетъ свѣтъ на κοινότης, даетъ для κοινότης единственное намъ пока доступное разъясненіе, оно, можетъ быть, и вызвало присутствіе этого послѣдняго термина... Понятія κοινός и ἴδιος противополагаются въ источникахъ постоянно. Подобно тому какъ понятіе ἴδιος означаетъ не только индивидуальную, личную собственость (proprius) въ отличіе отъ имущества нѣсколькихъ лицъ и вообще чужого, но также собственность частную, (privatus) въ противоположность государственной, — такъ и терминъ κοινός обозначаетъ не только общность принадлежности нѣсколькимъ лицамъ (это его основное значеніе), но и собственность гражданской общины или государства, въ отличіе отъ имущества частнаго лица. Оно обозначаетъ не только communis, но и publicus, Въ приложеніи къ селу, не составляющему политическаго цѣлаго, но извѣстнаго намъ — оставаясь въ предѣлахъ Крестьянскаго Закона — исключительно на основѣ аграрной, понятіе publicus должно быть видоизмѣнено соотвѣтственно, получая смыслъ нераздѣленнаго имущества села какъ нѣкоторой идеальной личности. Совокупность хозяевъ извѣстнаго села, какъ цѣлое, является собственникомъ κοινοὶ τόποι.

Съ этой точки зрѣнія получаютъ общее объясненіе интерполяціи текста ст. 78, наблюдаемыя въ позднѣйшихъ редакціяхъ и въ Ecloge ad Prochiron mutata. Параллельно съ превращеніемъ κοινότης въ κοινωνοί (среднимъ звеномъ является чтеніе κοινότης καταβοῶσι Mosqu.), утрачивается представленіе о нераздѣльной территоріи какъ собственности публичной, качественно отличной отъ частной. Сначала наблюдаемъ противопоставленіе предикату κοινός понятія ἴδιος, при одновременномъ признаніи выкупленнаго сооруженія собственностью прочихъ хозяевъ наравнѣ съ

предпринимателемъ, въ качествѣ его совладѣльцевъ (κοινωνοί). Въ редакціи же Измѣненной Эклоги представленіе о совокупности исчезло, и сообразно съ тѣмъ территорія (и сооруженіе послѣ выкупа) становится собственностью наличныхъ членовъ; такъ что представленіе о частной и публичной (общинной) собственности смѣняется смѣшеніемъ той и другой, которое легло въ основу теоріи средневѣковаго корпоративнаго и общиннаго строя.

Повторяемъ сказанное выше въ критическомъ обзорѣ вопроса: κοινὸς τόπος ст. 78 слѣдуетъ сопоставить съ τόπος ἀμέριστος ст. 32 о взращенномъ деревѣ. Содержаніе обѣихъ статей существенно подобно. И та, и другая имѣютъ свои парныя статьи, именно 31 и 79-ую, стоящія на почвѣ неоспоримой личной собственности. Постановленія о мельницахъ и о взрощенномъ деревѣ предусматриваютъ столкновенія интересовъ единоличнаго предпринимателя на землѣ, не поступившей въ частную собственность (τόπον κοινὸν ὄντα 78, ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ 32), съ правами собственника земли. Въ статьѣ о мельницахъ таковымъ является село, позднѣе наличные члены села; въ статьѣ о деревѣ предусматривается случай, когда взращенное дерево (напр. маслина) окажется послѣ раздѣла на участкѣ другого личнаго собственника. И та, и другая статья ограждаютъ интересы предпринимателя, гарантируя ему возмѣщеніе убытковъ, въ противоположность римскому положенію: superficies cedit solo, сооруженія на чужой землѣ поступаютъ въ пользу ея собственника безвозмездно.

Таково существенное назначеніе обѣихъ статей, но редактированы онѣ различно: 31-я ясно защищаетъ интересы посадившаго дерево, а 78-ая говоритъ о правѣ села выкупить мельницу. Въ первомъ случаѣ какъ бы защищается предприниматель, во второмъ — собственникъ земли. Въ виду того, что оба случая рѣшаются Закономъ съ одинаковыми результатами — возможностью выкупа —, мы считаемъ различія редакціи не существенными и объясняемыми различіемъ хозяйственной цѣнности въ томъ и другомъ случаѣ, особой важностью и размѣрами предпріятія при случаѣ съ мельницею и бо́льшимъ неудобствомъ для собственника участка, могущаго стать пашнею, при случаѣ съ деревомъ. Нельзя не замѣтить, однако, что между статьями 31 и 32 о деревѣ и 78—79 о мельницѣ наблюдается, повидимому, болѣе существенное различіе. Тогда какъ ст. 32 о взрощенномъ деревѣ объединяетъ въ своемъ содержаніи два момента состоянія извѣстнаго участка — до и послѣ его превращенія въ личную собственность путемъ раздѣла, при чемъ однако слова ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ предполагаютъ наличность частной собственности на территоріи села, — ст. 78 находится всѣмъ своимъ содержаніемъ внутри одного перваго момента, касается земли, бывшей и оставшейся нераздѣленной, при чемъ однако она можетъ предполагать существованіе частной собственности, такъ же какъ ст. 32.

Однако случай съ мельницею примѣненъ къ раздѣленной территоріи лишь въ слѣдующей, 79 статьѣ, при чемъ ея начало „ἐὰν δὲ μερισθείσης τῆς τοῦ χωρίου

γῆς" какъ бы хронологически отдѣляетъ содержаніе 79 статьи отъ предыдущей. Но не говоря о томъ, что приведенныя выраженія могутъ быть поняты не только во временномъ, но и въ причинномъ смыслѣ, — съ ними нужно сопоставить въ ст. 31-ой слова ἐν μερίδι χωρίου (Ambros., χωριδίου Mosqu., χωραφίου vulgo). Уже былъ случай замѣтить, что ἐν μερίδι χωρίου не можетъ имѣть значенія спеціально усадебной земли, такъ какъ μερίς нигдѣ въ Законѣ не имѣетъ такого узкаго значенія, и такъ какъ сама статья предусматриваетъ, что эта земля можетъ быть садомъ, или нѣтъ. Приведенныя слова ст. 31-ой являются противоположеніемъ для словъ ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ слѣдующей статьи. Оба сосѣднихъ постановленія предполагаютъ существованіе частной собственности, первая — уже наличной, вторая еще поступающей въ раздѣлъ изъ состава общей территоріи.

Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и μερισθείσης τῆς χωρίου γῆς ст. 79. Слова эти не предполагаютъ, чтобы вся территорія села была раздѣлена: такого момента Крестьянскій Законъ не знаетъ, имѣя въ виду общіе выгоны и угодья. Ст. 79 говоритъ о раздѣлѣ части территоріи села, и такой актъ могъ быть одинъ разъ или нѣсколько, сообразно съ наличностью свободныхъ земель. Предпосылка ст. 79 высказана въ словахъ: „если кто найдетъ на своей собственной землѣ или долѣ удобное мѣсто", — и она составляетъ логическое соотвѣтствіе посылкѣ предыдущей статьи. Слова же: „по раздѣленіи", или „вслѣдствіе раздѣла" земли села, являются лишь поясненіемъ, могущимъ и отсутствовать. Выраженіе „по раздѣлѣ земли села" должно означать только то, что поступила въ раздѣлъ территорія, принадлежащая селу. Другого вывода изъ этихъ словъ не слѣдуетъ, кромѣ подтвержденія, что все село, какъ идеальная личность, являлось собственникомъ территоріи нераздѣленной, какъ мы и высказались по поводу ст. 78-ой.

Не существуетъ такимъ образомъ основаній для гипотезы, что привлеченныя четыре статьи или какая либо изъ нихъ въ частности предполагаютъ такой моментъ, когда частной собственности не существовало внутри предѣловъ сельской территоріи, и вся земля находилась въ общинномъ владѣніи: дѣло идетъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ лишь объ извѣстномъ пунктѣ территоріи, могущемъ поступить въ частную собственность. Если бы мы и допустили для привлеченныхъ статей тотъ смыслъ, который желателенъ сторонникамъ общинной теоріи, то какими реальными признаками могли бы мы охарактеризовать общинную территорію? Мѣстомъ для посадки маслины или для устройства мельницы? Намъ извѣстны изъ Крестьянскаго Закона пашни лишь въ частной собственности, которыя могли бы доставлять потребный матерьялъ для работы мельницы. Какъ замѣтилъ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ изслѣдователей, древности было чуждо представленіе о государствѣ безъ собственности [1]).

Повторимъ тоже самое и о византійскомъ селѣ по Крестьянскому Закону. Собственность являлась съ поселеніемъ, но впослѣдствіи, съ возростаніемъ числа

[1]) *Rudorff*, Gromatische Institutionen, 308.

крестьянъ, или съ усиленіемъ ихъ хозяйственной предпріимчивости, могла происходить дополнительно совмѣстная оккупація, раздѣлъ и расчистка общей территоріи, въ случаѣ наличности годныхъ и свободныхъ земель.

Теперь получаетъ свое объясненіе и статья 8 о раздѣлѣ, столь затруднявшая изслѣдователей. Приведемъ эту древнѣйшую редакцію: Ἐὰν μερισμὸς γενόμενος ἠδίκησέ τινας ἐν σκαρφίοις γεγονὼς ἔν τισιν, ἄδειαν ἐχέτωσαν ἀναλύειν τὴν γενομένην μερισίαν. Въ этомъ текстѣ самымъ яснымъ образомъ выражено, что раздѣлъ имѣлъ мѣсто не для всей территоріи села, и не для всей территоріи отведенной подъ участки, но лишь въ нѣкоторыхъ σκαρφίοις — слово, которое позднѣйшіе переписчики объясняли прибавленіемъ ἢ τόποις. Собственно σκαρφία означаетъ жеребья, sortes, и въ контекстѣ статьи имѣетъ, по грамматическому сочетанію словъ и по объясненію черезъ глоссу τόποις, безусловно мѣстное значеніе. Нужно предположить, что извѣстныя части сельской территоріи, отведенныя подъ σκαρφία или жеребья, сами получили въ нашемъ текстѣ — и можетъ быть имѣли въ крестьянскомъ обиходѣ — именно названіе σκαρφία. Изъ этимологіи слова можно вывести заключеніе, что подобные частные, дополнительные раздѣлы сельской территоріи бывали на основаніи жребія, но конечно не слѣдуетъ, чтобы всѣ крестьяне получали равное число отрѣзанныхъ полосъ. Если кто изъ хозяевъ путемъ наслѣдованія имѣлъ нѣсколько первоначальныхъ μερίδες (гуфъ) или только часть одной μερίς, то естественно ожидать соотвѣтственное распредѣленіе вновь раздѣленной территоріи между хозяевами села.

При такого рода неравномѣрномъ раздѣлѣ естественнѣе ожидать нарушенія интересовъ нѣкоторыхъ хозяевъ, чѣмъ при раздѣлѣ на равныя доли по жребію съ предоставленіемъ каждому одной одинаковой доли. Статья 8 предписываетъ подобныя претензіи удовлетворять и раздѣлъ производить вновь. Для насъ почти безразлично, сколько разъ могли удовлетворяться обозначенныя претензіи: важно, что повтореніе раздѣла было исправленіемъ перваго на основаніи тѣхъ же условій дѣлежа, которымъ повторительный раздѣлъ долженъ былъ удовлетворить лучше, чѣмъ первый. Въ статьѣ 8 не усматривается признаковъ не только періодическаго передѣла, но вообще всякаго передѣла, понимая подъ таковымъ дѣлежъ земли на основаніи измѣнившихся условій, — правъ и силъ участниковъ передѣла. Ее можно было бы объяснять какъ обычноправовую аналогію римской actio de communi dividundo, направленную на урегулированіе отношеній между consortes[1]).

Оглядываясь на вышеизложенное, убѣждаемся съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, что труднѣйшая часть нашей задачи по отношенію къ Крестьянскому Закону исполнена, и спорные тексты разобраны. Съ помощью особенно драгоцѣннаго текста, изданнаго Феррини, разъяснилось, что во всемъ памятникѣ нѣтъ ни одного текста, противорѣчащаго положенію, что аграрныя отношенія по Крестьянскому Закону основаны на личной крестьянской собственности. Рядомъ и одновременно

[1]) Ср. *Windscheid*, Lehrbuch des Pandektenrechts, 7 Aufl., I 503, II 622.

съ таковою существуетъ нераздѣленная территорія, находящаяся въ коллективной собственности села. Объ этой то нераздѣленной территоріи говорятъ спорныя статьи о мельницахъ и деревѣ взращенномъ по раздѣлѣ, многократно привлекавшіяся и бросившія ложный свѣтъ на все содержаніе Крестьянскаго Закона. Съ разъясненіемъ ихъ скромнаго смысла отпадаютъ послѣдніе устои предполагаемой славянской или иной земельной общины по Крестьянскому Закону, сильно запутавшей Византійскую внутреннюю исторію.

Теперь намъ остается легкая часть задачи: собрать данныя памятника относительно личной собственности, ставя два вопроса: на какія категоріи недвижимости она распространялась, и какія упомянуты ея реальныя проявленія.

Прежде всего, Крестьянскій Законъ не только по содержанію, но и въ редакціи своихъ постановленій не дѣлаетъ никакого различія между правами собственности на разныя категоріи недвижимости. Памятникъ разсматриваетъ пашни и пожни на томъ же самомъ положеніи, какъ виноградники и сады. Мы уже приводили тексты, свидѣтельствующіе, что Крестьянскій Законъ называетъ безразлично пашни и виноградники собственными или чужими, ἴδιος или ἀλλότριος ἀγρός (χώρα), ἴδιος или ἀλλότριος ἀμπελών.

Цѣлый рядъ постановленій относится и къ пашнямъ, и къ виноградникамъ совмѣстно[1]), и другія категоріи недвижимости крестьянъ сопоставляются текстомъ на одинаковомъ положеніи[2]); позднѣйшія редакціи въ нѣсколькихъ случаяхъ вставляютъ статьи, дополняющія постановленія относительно пашень подобными случаями, касающимися виноградниковъ[3]).

Огражденію личныхъ правъ на пахотную землю и на ея доходы, также нѣкоторымъ другимъ случаямъ, связаннымъ съ нею же, посвящено 25 статей или болѣе 30% всею состава Крестьянскаго Закона. Изъ этихъ статей нѣтъ ни одной, которая не стояла бы на почвѣ личной собственности[4]).

Постоянными названіями для пахотной земли являются въ Законѣ: ἀγρός[5]), χώρα[6]), три раза χωράφιον[7]), столь обычное въ документахъ; также γῆ[8]) два раза употреблено въ смыслѣ пашни, но повидимому означало собственно почву, лат. solum, ἔδαφος въ дополнительныхъ статьяхъ, заимствованныхъ изъ Юстиніанова права[9]).

---

[1]) Νόμ. γ. ed. Ferr. 16 ἀμπελῶνος ἢ χώρας. 25: χωραφίοις ἢ ἀμπέλοις. 37: ἐν ἀμπέλῳ ἢ ἀγρῷ ἢ ἐν ἑτέρῳ τόπῳ. 80: χωράφια ἢ ἀμπελῶνας. Павл. 70, cf. Ecl. XVII 41: τὰ ἀλλότρια χωράφια ἢ τὸν ἀλλότριον ἀμπελῶνα.

[2]) Νόμ. γ. 55: ἐν ὅλῃ ἰδίᾳ ἢ ἀγρῷ. 49: ἐν ἀμπελῶνι ἢ κήπῳ. 50 idem. 60: ἐν ἀμπέλοις ἢ σύκοις. 21: οἰκοδομήσῃ οἶκον καὶ φυτεύσῃ ἀμπελῶνα. Cf. 31.

[3]) Cf. Νόμ. γ. ed. Ferr. 12 и 13 съ Ferr. 76 и Павл. 81, Heimb. V 2; и Ferr. 34, Павл. 33, Heimb. II 3.

[4]) Νόμ. γ. 1—7. 9—12. 14—19. 25. 37. 55. 66. 76. 79—81, ed. Ferrini.

[5]) Νόμ. γ. 1. 6. 7. 14. 15 bis, 16 bis. 18. 19 bis. 37. 55 bis. 66. 88 suppl. 90 suppl. Heimb. X 10. 11

[6]) Νόμ. γ. 2. 3. 4. 5. 12 bis. 16. 17 bis. Cf. χωροδότης 9. 10.

[7]) Νόμ. γ. 25. 80. 81. Павл. 80, Кн. Зак. 66: нивы.

[8]) Νόμ. γ. 11, cf. 83 suppl. (92 Павл., V 3 Heimb.).

[9]) Νόμ. γ. 87 Ferr. suppl., X 2 Heimb.; 89 Ferr. suppl., X 5 Heimb.

Термины μερίς[1]) и τόπος[2]) не имѣютъ, конечно, спеціальнаго примѣненія къ пахотной землѣ: первый означалъ весь составъ — или любую часть — доли (удѣла или надѣла, sors, Hufe) одного крестьянина, а послѣдній, τόπος, всякое мѣсто, находящееся подъ извѣстной культурой или нѣтъ, въ частной или общественной собственности.

И такъ, въ текстѣ Крестьянскаго Закона наиболѣе употребительны для обозначенія пахотной земли два термина: ἀγρός и χώρα. Въ древнерусскомъ переводѣ „Книгъ Законныхъ", равно какъ въ сербской компиляціи „Законъ Юстиніана" соотвѣтственными названіями являются *нива* и *село* (*селище*, ср. χωρίφιον). Терминъ ἀγρός вызываетъ нѣкоторыя разъясненія. Въ статьѣ слова 16 ἀμπελῶνος ἢ χώρας замѣняются, къ концу параграфа, однимъ терминомъ ἀγρός. Припомнимъ, что во многихъ юридическихъ памятникахъ, современныхъ и позднѣйшихъ, ἀγρός означаетъ fundus, нѣм. Kamp, участокъ земли, бывшій первоначально или оставившійся въ рукахъ одного собственника и являющійся территоріальной единицей. Въ нашемъ же Крестьянскомъ законѣ терминъ ἀγρός обозначаетъ участокъ пахотной земли, входившій въ составъ крестьянскаго удѣла (μερίς) или даже общественной территоріи села. Въ смыслѣ, близкомъ къ fundus, названный терминъ употребленъ во-первыхъ въ двухъ дополнительныхъ параграфахъ, заимствованныхъ изъ Юстиніанова права[3]); затѣмъ въ статьяхъ, посвященныхъ болѣе сложнымъ юридическимъ случаямъ крестьянскаго быта, въ которыхъ попадаются даже техническіе термины какъ νέμεσθαι, διακρατεῖν, κεφάλαιον, — именно въ статьяхъ о пользованіи землею за проценты[3]), о пользованіи оставленнымъ участкомъ на основаніи ἐπιβολή[4]) и наконецъ въ статьѣ о тяжбѣ двухъ селъ изъ-за границъ[5]). Но и въ этихъ случаяхъ терминъ прилагается къ пахотной землѣ. Въ четырехъ дальнѣйшихъ случаяхъ[6]) значеніе названной категоріи сельско-хозяйственной недвижимости преобладаетъ надъ значеніемъ территоріальнымъ, такъ что переводимъ безъ колебанія: „пахотная земля", а не „участокъ, кусокъ земли". Въ статьяхъ же 37 и 55 ἀγρός имѣетъ исключительно сельско-хозяйственный смыслъ пашни, въ отличіе отъ лѣса или виноградника[7]).

Терминъ χώρα не подвергается указаннымъ колебаніямъ смысла и означаетъ именно *ниву*, какъ и переводится въ славянскихъ редакціяхъ памятника; тогда какъ ἀγρός передается въ „Книгахъ Законныхъ" рѣже черезъ ниву[8]); въ боль-

---

[1]) Μερίς, Νόμ. γ. 1. 31 bis. 32. 76. 79 bis.

[2]) Τόπος, Νόμ. γ. 21 ter. 32 bis. 37. 42. 78. 81. Павл. 33. Σκαρφίοις ἢ τόποις 8. Cf. ἀνατοπία 5. 32 bis.

[3]) Νόμ. γ. ed. Ferrini, 88 (X 10 Heimb.): ὁ κατὰ βίαν ἀγρόν τινος ἐπιβαίνων. 90 (X 11): ἀγρὸν ἢ ἕτερον πρᾶγμα παρ' ἑτέρου νεμόμενον.

[4]) Νόμ. γ. 66: οἱ τόκου χάριν λαβόντες ἀγρούς.

[5]) Νόμ. γ. 19.

[6]) Νόμ. γ. 7.

[7]) Νόμ. γ. 1. 6. 14. 16.

[8]) Νόμ. γ. 37: ἐν ἀμπέλῳ ἢ ἀγρῷ ἢ ἐν ἑτέρῳ τόπῳ. 55: ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἀγρῷ . . . οἶκον . . ἢ (ἐγκάρπους) ἀγρούς.

[9]) Книг. Зак. ст. 1 и 36 (1 и 37 Ферр., 1 и 38 Павл.)

множествѣ же случаевъ черезъ *село* и *селище*, каковые славянскіе термины, по ихъ значенію среди даннаго контекста, возможно сопоставить съ χωράφιον монастырскихъ документовъ [1]).

Такимъ образомъ мы всетаки не находимъ въ Законѣ названія пахотной земли, постояннаго и спеціальнаго, для котораго такой смыслъ являлся бы коренным этимологическимъ. При всемъ томъ въ содержаніи сюда относящихся статей правовое состояніе крестьянской пахотной земли представляется съ ясностью, достаточной для нашей задачи.

Обращаясь къ содержанію двадцати пяти статей, имѣющихъ своимъ предметомъ крестьянскую пахотную землю, замѣчаемъ, что онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: во-первыхъ, ограждающія собственность, и во-вторыхъ, ограждающія и опредѣляющія доходы при пользованіяхъ по соглашенію.

Поспѣшимъ выдѣлить изъ первой группы тѣ статьи, которыя относятся до сосѣдской собственности. Возникаетъ вопросъ, капитальный для нашей задачи: не сохранились ли такія отличія между сосѣдскими участками съ одной стороны, и собственностью крестьянъ не сосѣдей, которыя могли бы быть признаны слѣдами общиннаго владѣнія. Этихъ слѣдовъ нужно искать именно на пахотныхъ земляхъ, гдѣ общинное пользованіе имѣетъ наиболѣе существенное примѣненіе; состояніе пахоты даже опредѣляетъ характеръ сельской собственности вообще и наличность общиннаго землевладѣнія.

Въ этомъ случаѣ рѣшающимъ представляется сравненіе двухъ начальныхъ статей памятника. Первая изъ нихъ постановляетъ: если крестьянинъ, обработывая собственное поле, нарушитъ межу сосѣда или ближайшую долю [2]), то онъ теряетъ всѣ плоды своего труда и всѣ затраты, не имѣя вознагражденія ни за распашку, ни за свои сѣмена, и никакихъ правъ на жатву. Совершенно то же самое постановляется въ слѣдующей, второй статьѣ относительно крестьянина, распахавшаго и засѣявшаго чужую землю безъ вѣдома собственника земли [3]).

Тожество постановленій въ обоихъ случаяхъ вызвало мнѣніе, что во второй статьѣ идетъ рѣчь о нарушеніи собственности постороннихъ селу крупныхъ землевладѣльцевъ. Это предположеніе должно быть отвергнуто, такъ какъ нигдѣ въ

---

[1]) Кн. Зак. 2 земле или селищю (χώρας). 7 о межи или селищи (περὶ ὅρου ἢ ἀγροῦ). 13 село возмет исполоу (14 Павл. τὴν ἡμίσειαν λαβὼν τοῦ ἀγροῦ). 14 господареви села, господарь села (τῷ κυρίῳ τοῦ ἀγροῦ, ὁ κύριος τοῦ ἀγροῦ). 15 цѣнну достоиную земли тоа (16 τιμὴν τὴν ἀξίαν τοῦ ἀγροῦ). 17 дѣлати свое село (18 ἐργάσασθαι τὸν ἴδιον ἀγρόν). 18 земледѣлець отбѣжит своего села (18 ἀποδράσῃ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ). Ibid. дѣлающихъ села того, οἱ νεμόμενοι τὸν αὐτοῦ ἀγρόν. 54 огнь вложить въ свое стернище или селище (56 ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ). Ibid. храмы или плодовитыя селища, οἴκους ἢ ἐγκάρπους ἀγρούς. 62 иже в рѣзъ пріемшіи селища (66 οἱ τόκου χάριν λαβόντες ἀγρούς). Ibid. плоды обьимающа отъ селищь, καρπιζόμενοι τὸν ἀγρόν. Cf. 77 аще кто жива въ селѣ (78 Ferr., 83 Павл. ἐάν τις οἰκῶν ἐν χωρίῳ). Ibid. всѣ селяне, ἡ τοῦ χωρίου κοινότης. 78 аще раздѣленіе селища земли будеть (79 Ferr., 84 Павл. μερισθείσης τῆς τοῦ χωρίου γῆς). Cf. 81 Ferr. ἐν μερίδι χωρίου замѣнено черезъ 81 Павл.: ἐν μερίδι χωριδίου, al. χωραφίου = ἀγρός, село, селище.

[2]) Αὔλακας τοῦ πλησίον... μερίδα τὴν ἔγγιστα αὐτοῦ add. Mosqu., ceteri.

[3]) Νόμ. γ. 2. ἄνευ εἰδήσεως κυρίου τῆς χώρας.

подлинномъ Законѣ не говорится о властеляхъ и ихъ собственности, наоборотъ въ послѣдующихъ статьяхъ идетъ рѣчь о крестьянскихъ нивахъ (χῶραι) и ихъ собственникахъ-крестьянахъ[1]).

Памятникъ не только одинаково ограждаетъ сосѣдскую и вообще чужую крестьянскую пашню: но и стоитъ по существу на почвѣ римскаго закона. Общее правило римскихъ юристовъ выражено по частному случаю въ памятникѣ крестьянскаго живого права, стоявшаго на томъ же самомъ основаніи полной личной собственности, независящей ни отъ рода хозяйственной культуры, ни отъ сосѣдской близости. Слѣдуетъ остановиться на томъ заключеніи, что первая статья говоритъ о нарушеніи сосѣдской собственности, и вторая о нарушеніи не сосѣдней, но одинаково крестьянской собственности.

По существу ни та, ни другая статья не представляютъ новаго въ сравненіи съ дополнительной статьей, заимствованной изъ Юстиніанова права и содержащей общее постановленіе, что всякія постройки и посѣвы на чужой почвѣ поступаютъ къ собственнику земли безвозмездно[2]).

Въ единственномъ случаѣ, когда заявляются сосѣдскія права и ограничивается свободное распоряженіе личной собственностью, именно по поводу дерева бросающаго тѣнь на сосѣдскій садъ[3]), и тамъ Крестьянскій Законъ остается по существу на почвѣ римскаго права, регулировавшаго столкновенія сосѣдскихъ интересовъ въ цѣломъ рядѣ интердиктовъ, и въ цѣлыхъ титулахъ византійскихъ законниковъ и новеллъ (особенно Льва Философа), основанныхъ на римскихъ началахъ. Статья 31 тогда имѣетъ примѣненіе и признаетъ требованія сосѣда законными, когда сосѣдней собственностью является садъ; если же на сосѣднемъ участкѣ было засѣянное поле, то статья не имѣла никакого приложенія. Статья же 76 (V, 1 Heimb.) о собственникѣ сжатаго поля, впустившаго на пожню свой скотъ и тѣмъ произведшаго потраву, не содержитъ совсѣмъ какого либо вліянія сосѣдскихъ правъ. Постановлено виновнаго наказать тѣлесно и взыскать съ него убытки. Совершенно подобная статья включена позднѣйшими редакціями относительно потравы виноградниковъ: то же самое опредѣленіе случая, то же самое наказаніе[4]).

Изъ этихъ статей нельзя даже вывести заключенія, что пашни были не огорожены. Виноградники, о которыхъ говоритъ вставленная статья, были огорожены и рвомъ, и тыномъ[5]); относительно пашень намъ извѣстны лишь борозды и межи[6]), однако, эти межи не были временными, но постоянными[7]), и могли ограничивать не только пашню, но и плантацію или бахчу.

---

[1]) Κύριος τῆς χώρας = γεωργός 17, κύριος τοῦ ἀγροῦ (ἀπόρου) 15 и см. выше.
[2]) Νόμ. γ. ed. Heimb. X 2 (Ferr. suppl. 87), cf. Cod. Just. III 32, 11. Cf. Νόμ. γ. ed. Heimb. X 3, X 5.
[3]) Νόμ. γ. 31.
[4]) Павл. 81, Heimb. V 2.
[5]) Νόμ. γ. 49, 50, 82.
[6]) Σκαφή, 22. αὔλακες 1, ἐν ἀλλοτρίᾳ αὔλακι 59.
[7]) Εἰσερχόμενοι ἐν ἀλλοτρίᾳ αὔλακι καὶ κλέπτοντες δέματα ἢ σταχύας ἢ ὄσπρια, 59.

Личная собственность именно на пашню не только ничѣмъ не ограничена въ Крестьянскомъ Законѣ, но она наиболѣе полно гарантирована и выражена наиболѣе ясно въ сравненіи съ другими недвижимостями: единственное свидѣтельство сосѣдскихъ правъ относится не къ пашнѣ, но къ саду или бахчѣ, находящемуся обыкновенно при усадьбѣ и бывающему частной собственностью даже при господствѣ общиннаго землевладѣнія на поляхъ. Напротивъ, личная собственность именно въ отношеніи къ пахоти и посѣвамъ, выражена въ Законѣ наиболѣе ясно, такъ какъ пахотная земля и ея доходы составляютъ главную статью въ хозяйствѣ крестьянина.

Къ пашнямъ относятся параграфы о нарушеніи межей сосѣда и о вторженіи въ чужую собственность черезъ ея обработку безъ воли собственника, причемъ виновный лишается всякихъ правъ на жатву и всякаго вознагражденія за трудъ [1]). Къ пашнямъ же относятся статьи о мѣнѣ земельныхъ участковъ между двумя крестьянами на время посѣва и на неопредѣленный срокъ, такъ сказать навсегда (εἰς τὸ διηνεκές) [2]), причемъ первая изъ этихъ статей самымъ категорическимъ образомъ выражаетъ мысль, что крестьяне вольны распоряжаться своими пашнями и безсрочно, причемъ никто, слѣдовательно и община, не можетъ вмѣшаться въ подобный частный договоръ, заключенный въ присутствіи свидѣтелей и имѣющій различныя выговоренныя условія [3]).

Къ пашнямъ же относятся постановленія о спорныхъ участкахъ, составляющихъ предметъ тяжбы между двумя частными лицами и между двумя селами [4]), при чемъ эти статьи не сходятъ съ почвы гражданскаго процесса, опредѣляя, чье право (ст. 7), или постановляя (ст. 6) наказаніемъ за самовольную распашку спорной земли утрату жатвы, или же двойное ея возмѣщеніе въ случаѣ, если спорное имущество останется не за отвѣтчикомъ. Сравнимъ съ этой ст. 7 уголовное наказаніе — отсѣченіе руки —, полагающееся по ст. 77 за порубку спорнаго виноградника. На той же уголовной почвѣ стоятъ ст. 76 и 76 а (81 Павл.) о потравѣ чужой пашни и виноградника скотомъ сосѣда.

Къ пашнямъ относятся всѣ (кромѣ 13-ой о виноградникѣ) статьи относительно обработки земли исполу или на основѣ морты [5]). Договоры исполу заключаются на краткій срокъ, большей частью, повидимому, на одинъ годъ. Относительно срочности отношеній, опредѣляемыхъ загадочнымъ по своему происхожденію институтомъ морты, свѣдѣній нѣтъ въ самомъ Крестьянскомъ Законѣ. Насколько эти арендные договоры предполагаютъ безпрепятственное распоряженіе крестьянина своею собственностью, будетъ указано немного ниже. Теперь намъ важно отмѣтить,

---

[1]) Νόμ. γ. 1 и 2. Тому же наказанію подвергается вырубившій чужую рощу для распашки (ст. 20); если же крестьянинъ обработаетъ чужую запущенную ниву и если выстроитъ домъ или разведетъ садъ на чужомъ оставленномъ мѣстѣ, то имѣетъ право на вознагражденіе, въ первомъ случаѣ опредѣляемое трехлѣтнимъ сборомъ съ пашни (ст. 17 и 21). Ср. объ этомъ ниже.

[2]) Νόμ. γ. 3. 4. 5.

[3]) Νόμ. γ. 3 и 5.

[4]) Νόμ. γ. 6 и 7.

[5]) Νόμ. γ. 9—12, 14—16.

что аграрные договоры о пользованіи, упомянутые въ Законѣ, имѣютъ примѣненіе преимущественно къ пашнямъ, какъ важнѣйшему виду крестьянской недвижимости; по образцу одной изъ нихъ прибавлена того же содержанія статья о виноградникахъ, и кромѣ того, послѣдняя изъ привлеченныхъ статей относится одинаково и къ пашнямъ, и къ виноградникамъ[1]).

Статьи о повинностяхъ съ участковъ, оставленныхъ ихъ собственниками, относятся именно ко всякому земельному имуществу; и слово ἀγρός, употребленное въ обѣихъ статьяхъ, должно имѣть болѣе широкое значеніе участка земли, и не спеціально пашни[2]).

Далѣе отмѣтимъ три статьи, въ которыхъ пахота называется опредѣленно такимъ же предметомъ личныхъ правъ и личной собственности, какъ виноградникъ, роща или „другое мѣсто". Въ одномъ случаѣ пахота названа χωράφιον, въ другихъ двухъ обозначена терминомъ ἀγρός, имѣющимъ очевидный спеціальный смыслъ пахоти[3]). Слѣдуетъ ст. 66 о берущихъ пахотную землю въ свое пользованіе въ уплату за ссуду и за проценты. Смыслъ статьи не оставляетъ сомнѣнія въ полнотѣ личныхъ правъ собственности на землю, могущую послужить обезпеченіемъ занятаго капитала[4]). Мы уже привлекали ст. 25 и 37 о потравѣ засѣяннаго поля или виноградника.

Существуетъ въ древнѣйшемъ текстѣ памятника статья 76-я, говорящая о потравѣ именно несжатаго поля скотомъ сосѣда, уже сжавшаго свою *долю* (μερίδα). Въ дополненіе къ этой статьѣ позднѣйшія редакціи прибавили подобную относительно потравы сосѣдняго виноградника[5]). Памятникъ признаетъ небрежность сосѣда уголовнымъ преступленіемъ, караемымъ тѣлеснымъ наказаніемъ помимо возмѣщенія убытковъ. Наличность преступленія не только обусловлена вредомъ, имѣющимъ мѣсто въ случаѣ несжатаго сосѣдняго участка[7]), за который по духу Крестьанскаго Закона и по аналогіи всѣхъ его статей о потравахъ, полагалось возмѣщеніе убытковъ; но заключается несомнѣнно и въ преступномъ характерѣ небрежности, въ нарушеніи хозяйственной системы односельчанъ — собственниковъ. Помѣщена эта статья между двумя постановленіями, имѣющими одинаково уголовный характеръ и назначающими виновному тѣлесное возмездіе. Эта статья ограждаетъ сосѣднюю жатву. Тоже назначеніе имѣетъ и статья 1-ая Крестьянскаго Закона, говорящая лишь объ матеріальномъ наказаніи — утратѣ всякихъ правъ на сборъ и всякаго вознагражденія за произведенную работу. Почему же ст. 76 не ограничивается матеріальнымъ возмездіемъ? По той же причинѣ, по которой эта статья въ редакціи

---

[1]) Νόμ. γ. 13; ср. 12, 16.

[2]) Νόμ. γ. 18 и 19.

[3]) Νόμ. γ. 25: βοῦς.. εἰσέλθῃ ἐν χωραφίοις ἢ ἀμπέλοις. 37: βοῦν ἐν ἀμπέλῳ ἢ ἀγρῷ ἢ ἐν ἑτέρῳ τόπῳ. 55: πῦρ ἐμβάλῃ ἐν ὅλῃ ἰδίᾳ ἢ ἀγρῷ.. καῦσαι οἴκους ἢ ἀγρούς.

[4]) Νόμ. γ. 66: οἱ τόκου χάριν λαβόντες ἀγρὸν καὶ πλεῖον τῶν ζ' χρόνων φανῶσι καρπιζόμενοι.

[5]) Νόμ. γ. 76 Ferr., 80 Павл., V 1 Heimb.; 81 Павл., V 2 Heimb.

[6]) τῶν πλησίον αὐτοῦ μερίδων μὴ θερισθεισῶν... βλάβην ποιήσωσιν.

десяти титуловъ отнесена не въ 4-ый титулъ „о потравахъ", но отнесена въ 5-ый „объ ущербѣ" (περὶ ζημίας), о недобросовѣстномъ *нарушеніи* чужой собственности. Это уголовная статья.

Ни одна черта въ содержаніи самого 76-го §, ни въ его контекстѣ не указываетъ, чтобы имѣлась въ виду охрана извѣстной аграрной системы, требующей одновременнаго начала и конца полевыхъ работъ на участкахъ, входящихъ въ составъ отдѣльной части сельской территоріи (ярусъ, Gewann). Эта система (Flurzwang bei in einem Gemengfelde) характеризуется и проявляется въ германскихъ источникахъ черезъ постановленія о проѣздныхъ дорогахъ и изгородяхъ; ничего такого нѣтъ въ Крестьянскомъ Законѣ. Мы вернемся ниже къ этому вопросу, коренному при изслѣдованіи о наличности общиннаго хозяйства и владѣнія.

Послѣдними свидѣтельствами въ древнѣйшей редакціи Закона относительно личной собственности на пахотную землю являются постановленія о правѣ собственниковъ полей или виноградниковъ, которымъ вредитъ вода, спускаемая мельницей, не допускать такого ущерба своей недвижимости. Личныя права признаются неукоснительно, не существуетъ, повидимому, никакихъ ограниченій въ пользу общеполезнаго сооруженія, никакихъ сервитутовъ: то же начало не менѣе рѣзко выражено въ предшествующей статьѣ, по которой собственникъ можетъ эксплоатировать на *своемъ* участкѣ мельницу и не допускать никакого вмѣшательства односельчанъ въ свое предпріятіе [1]).

Такимъ образомъ, всѣ постановленія Крестьянскаго Закона, имѣющія въ виду пахотныя поля и ихъ доходы, остаются безусловно на почвѣ личной собственности. Полнота индивидуальныхъ правъ крестьянъ на ихъ нивы выражена въ Законѣ хотя не всесторонне: не достаетъ общихъ положеній о наслѣдованіи и отчужденіи, такъ какъ общія гражданскія права не являются предметомъ памятника —; но личный характеръ крестьянской собственности высказанъ относительно пашенъ неоспоримо. На своихъ поляхъ они являются полными хозяевами, не допускаютъ ничьихъ другихъ интересовъ, ни вмѣшательства общины, судятся изъ-за нихъ и отдаютъ ихъ въ аренду на срокъ или на всегда, уступаютъ ихъ за долги въ пользованіе и сохраняютъ права собственника даже въ случаѣ ухода изъ села на продолжительное время (ст. 18 и 19).

Дополнительныя статьи, заимствованныя изъ Юстиніановскаго законодательства стоятъ, конечно, на той же самой почвѣ. Если въ подлинномъ Законѣ говорится о тяжбахъ изъ-за пахотной земли (ст. 6, 7), то въ дополненіяхъ указанъ путь, по которому слѣдовало рѣшать аграрныя столкновенія, опредѣлено наказаніе за самовольное пользованіе и за насильственнае вторженіе въ чужую собственность [2]). Въ Московской пергаменной XI в. рукописи имѣется изданная Павловымъ [3]) дополнительная статья, очевидно позднѣйшаго происхожденія. Она опредѣляетъ про-

[1]) Νόμ. γ. 80, 81, 79.
[2]) Νόμ. γ. 90 Suppl. Ferr., X 11 Heimb.; 88 Suppl. Ferr., X 10 Heimb.
[3]) *Павловъ*, Книги Законныя, 62.

центы при ссудахъ между крестьянами, и въ исправленіе ст. 66 совершенно запрещаетъ брать крестьянскую землю за долги. Эта позднѣйшая вставка вноситъ такимъ образомъ ограниченіе въ свободу распоряженія крестьянской собственностью[1]).

Неоднократно мы встрѣчались съ тѣмъ фактомъ, что Крестьянскій Законъ упоминаетъ рядомъ съ нивами виноградники на одинаковомъ юридическомъ положеніи. Изъ постановленій о виноградникахъ нѣкоторыя касаются единовременно и одинаково какъ полей, такъ и виноградниковъ: именно статьи о договорахъ съ неустойкой[2]), о потравахъ, произведенныхъ скотомъ въ чужихъ нивахъ и виноградникахъ[3]), и о затопленіи полей или виноградниковъ водой отъ мельничной запруды[4]). Другія же статьи о виноградникахъ составлены въ дополненіе къ аналогичнымъ случаямъ съ пахотными полями: сюда относятся статьи, по которымъ половникъ, не обработавшій, какъ слѣдуетъ, снятаго имъ поля или виноградника, лишается всякихъ правъ на сборъ, и о наказаніи за кражу колосьевъ или гроздьевъ винограда[5]).

Въ позднѣйшихъ редакціяхъ при Арменопулѣ, но также и въ Московской безъ титуловъ, вставлена такого же рода дополнительная статья о виноградникахъ, именно о потравѣ ихъ скотомъ сосѣда, собственника рядомъ находящейся *доли* (μερίς)[6]). Если владѣлецъ виноградника, собравъ плоды, пуститъ скотъ и нанесетъ ущербъ сосѣду, то онъ подвергается такому же тѣлесному наказанію, помимо возмѣщенія убытковъ, какъ и собственникъ сжатой нивы при подобномъ случаѣ по предыдущей статьѣ. Полная паралельность терминовъ (μερίς) и содержанія обѣихъ статей указываетъ на тожественность правъ собственности на виноградникъ и на ниву, входящіе въ составъ крестьянской μερίς.

Виноградники охраняются Крестьянскимъ Закономъ весьма строго. Тогда какъ за сожженіе чужого лѣсного пастбища полагалось двойное взысканіе убытковъ, такое наказаніе назначалось за сожженіе изгороди виноградника[7]). За уничтоженіе самого виноградника, находящагося въ чужой собственности, именно за порубку лозъ съ гроздьями, полагалось отсѣченіе руки[8]). Тому же наказанію подвергался тяжущійся на судѣ изъ за виноградника, если онъ до рѣшенія срубитъ лозу или другое дерево[9]). Тяжкій уголовный характеръ этого преступленія констатированъ еще Дигестами, сравненіе виновныхъ съ разбойниками повторено въ Василикахъ

---

[1]) Μηδεὶς τὸν δανείζοντα γεωργὸν κρατείτω (?) τὴν αὐτοῦ γῆν, λαμβάνειν τὰ ἐξ αὐτοῦ ἐφ'ἑκάστῳ ἔτει ὑπὲρ λόγου τόκου τῶν νομισμάτων κεράτιον ἓν· εἰ δὲ καὶ σῖτός ἐστιν τὸ δάνειον, τὸ ιβ' ἀπαιτῆται (ἀπαιτεῖσθαι) τὸν χρεώστην ὑπὲρ τοῦ τοιούτου τόκου.

[2]) Νόμ. γ. 16.

[3]) Νόμ. γ. 25 и 37.

[4]) Νόμ. γ. 80, cf. 81.

[5]) Νόμ. γ. 13, cf. 12 и 60, cf. 59.

[6]) Νόμ. γ. 81 Павл., V 2 Heimb., 76 *a* Ferr. suppl. Ср. 33 Ferr. съ 33 Павл., II 3 Heimb., 32* Ferr. suppl.

[7]) Νόμ. γ. 56, 57.

[8]) Νόμ. γ. 58.

[9]) Νόμ. γ. 77.

и вошло въ дополненіе къ Крестьянскому Закону[1]). Виноградники, какъ и сады, обнесены рвомъ (τάφρος) и оградой (φραγμός) изъ острыхъ кольевъ (πάλος)[2]), тогда какъ пашни имѣли лишь свои межи или борозды, αὔλακες.

Виноградники и сады (κῆπος, σῦκα) называются рядомъ въ статьяхъ о потравѣ ихъ чужой скотиной, гдѣ предусматривается гибель и увѣчье послѣдней[3]), въ статьѣ о входящихъ въ чужіе виноградники или плантаціи смоковницъ[4]). Болѣе интереса имѣетъ намъ извѣстная ст. 31 о правѣ владѣльца сада требовать чтобы сосѣднія деревья, бросающія тѣнь на его садъ, были обрублены, или даже срублены совершенно. Этотъ почти единственный слѣдъ вицинитета въ Крестьянскомъ Законѣ предполагаетъ существованіе рядомъ съ садомъ иныхъ культуръ; отношенія построены на основѣ личной собственности[5]). Текстъ ст. 31 не предполагаетъ, чтобы въ ней шла рѣчь объ усадебной землѣ. Естественно, что сады или „огороды" лежали при усадьбѣ, но источникъ не знаетъ особой категоріи усадебныхъ земель. Выраженіе древнѣйшаго текста „ἐν μερίδι χωρίου" означаетъ одну лишь антитезу словамъ ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ ст. 32, и указываетъ лишь на то, что рѣчь идетъ объ участкѣ, входящемъ въ составъ μερίς крестьянина-собственника.

Есть одинъ случай въ Крестьянскомъ Законѣ, гдѣ виноградникъ и усадьбы названы рядомъ. Если крестьянинъ выстроитъ домъ и разведетъ виноградникъ на чужомъ мѣстѣ, покинутомъ его собственниками и чрезъ это ставшимъ ἄπορον, т. е. мѣстомъ, съ котораго подати не могутъ быть получены, то этотъ крестьянинъ имѣетъ право оставить за собою и домъ или виноградникъ, предоставляя собственнику, въ случаѣ его возвращенія, другое такое же мѣсто (ἀντιτοπία). Только въ случаѣ отказа дать другое мѣсто собственникъ можетъ снести домъ и раскопать виноградникъ[6]). Статья 21 представляетъ собою явственно уклоненіе Крестьянскаго Закона отъ римскаго правила, по которому всѣ сооруженія возведенныя на чужой землѣ, поступаютъ безвозмездно въ пользу ея собственника. Это римское начало выражено въ дополнительныхъ статьяхъ, принятыхъ изъ Юстиніанова законодательства въ составъ нашего памятника[7]).

Въ редакціи 10-ти титуловъ (при Арменопулѣ) статья 21 поставлена съ дополнительными рядомъ (X, 1) несмотря на ихъ очевидное противорѣчіе. Противорѣчіе можно, впрочемъ, устранить, относя дополнительныя статьи (Heimb. X 2, 3 и 5) не ко всякой чужой недвижимости, но къ той, которая не подходила подъ разрядъ ἄπορα. Врядъ ли институтъ ἄπορα былъ понятенъ позднѣйшимъ редакторамъ и читателямъ Крестьянскаго Закона.

---

[1]) 2 и 3 Dig. XLVII, 7. Basil. LX, 16. Νόμ. γ. 85 Ferr. suppl., VII 5, 6 Heimb.

[2]) Νόμ. γ. 49. 50. 57. 82.

[3]) Νόμ. γ. 49. 50. 82.

[4]) Νόμ. γ. 60. Cf. 77.

[5]) Книг. Зак. 30: „аще дрѣво садовное стоить промежи двою огороду . . . аще ли же не саженъ огородъ боудеть, не хорошити вѣтвіи дерева того". Переводъ не точенъ.

[6]) Νόμ. γ. 21.

[7]) Νόμ. γ. 87, 89 Ferr. Suppl., X 2, 3, 5 Heimb.

Противорѣчія совершенно не было въ подлинномъ памятникѣ. Древнѣйшій текстъ всюду гарантируетъ возмѣщеніе затратъ пользующемуся чужой землею bona fide. Это послѣднее имѣло мѣсто на земляхъ, покинутыхъ собственниками, и наша ст. 21 принадлежитъ въ составу постановленій объ этихъ ἄπορα, безходныхъ имуществахъ, на которыхъ посторонними лицами могутъ быть произведены улучшенія (ср. 21: βελτιώσαντες). Ею не создается особая категорія усадебныхъ земель, съ инымъ юридическимъ состояніемъ, чѣмъ остальная крестьянская недвижимость; ею гарантируется возмѣщеніе затратъ при культурѣ ἄπορα. Если въ случаѣ заброшенной и заросшей нивы (ст. 17) достаточнымъ матеріальнымъ вознагражденіемъ признается трехлѣтнее пользованіе, то различіе между трехлѣтнимъ пользованіемъ и отводомъ равнаго мѣста (ἀντιτοπία) по нашей 21 статьѣ объясняется различной цѣнностью затратъ и разницею во времени, могущемъ окупить ихъ, — но не отличіемъ юридическаго состоянія земель усадебныхъ и прочихъ[1]).

Объ усадебныхъ постройкахъ не много свѣдѣній въ Крестьянскомъ Законѣ. Онѣ не разсматриваются какъ движимость подобно избамъ по Салической Правдѣ; но онѣ не отличались большой прочностью, если позволительно дѣлать такой выводъ изъ двукратнаго упоминанія о сносѣ чужого дома рядомъ съ порчею забора и уничтоженіемъ виноградника[2]). Домъ былъ окруженъ заборомъ (φραγμός), какъ виноградникъ или садъ[3]), одинаково охраняемые въ Законѣ какъ и самый домъ, но строже, чѣмъ заборъ кругомъ виноградника (ст. 57). Постройки легко воспламенялись, и за поджогъ ихъ полагалось сожженіе, за брошенную горящую солому отсѣченіе руки[4]). При усадьбѣ находились амбары и кладовыя, гдѣ хранились хлѣбъ и вино[5]).

Конечно, не на усадебныхъ участкахъ слѣдуетъ искать слѣдовъ общиннаго владѣнія. Намъ было нужно лишь установить отсутствіе различія въ правовомъ состояніи земель пахотныхъ съ одной стороны и участковъ подъ виноградниками, садами и усадьбами съ другой. Удовлетворяясь этимъ результатомъ, обращаемся къ той части сельской территоріи, гдѣ сохраняются и торжествуютъ, повидимому, общинныя начала даже при господствѣ личныхъ правъ на пахотныхъ земляхъ, — именно къ пастбищамъ и лѣснымъ угодьямъ.

Если существованіе нераздѣленной территоріи не подлежитъ сомнѣнію по даннымъ Крестьянскаго Закона, то должно представлять ее именно подъ видомъ пастбищъ и лѣсныхъ участковъ, такъ какъ пашни завѣдомо находились въ составѣ собственныхъ μερίδες каждаго хозяина. Между тѣмъ нигдѣ въ Законѣ не говорится по существу и непосредственно о таковыхъ общинныхъ земляхъ, и ни одной статьи не посвящено имъ спеціально. Сходное явленіе относительно алмендъ наблюдается

---

[1]) Случайнымъ образомъ сопоставлены усадьбы и засѣянныя поля въ ст. 55: οἴκους ἢ (ἀγκάρπους) ἀγρούς.

[2]) Νόμ. γ. 21, 65.

[3]) Νόμ. γ. 65.

[4]) Νόμ. γ. 63, 64.

[5]) Νόμ. γ. 63, 67, cf. 68 и 69.

въ германскихъ племенныхъ правдахъ. Объ общинныхъ пастбищахъ и лѣсахъ мы можемъ встрѣтить въ Крестьянскомъ Законѣ лишь косвенныя и случайныя указанія: этотъ фактъ достаточно объясняется общей тенденціей и предназначеніемъ Закона, направленнаго прежде всего на охрану крестьянской собственности.

Эти случайныя указанія объ общинныхъ пастбищахъ находятся прежде всего въ постановленіяхъ относительно отвѣтственности пастуховъ, о пропажѣ и увѣчьѣ скота.

Предварительно замѣтимъ, что Крестьянскій Законъ не упоминаетъ о лугахъ ни въ общинномъ пользованіи, ни въ частной собственности, и не содержитъ въ своемъ текстѣ даже слова, которое могло бы означать лугъ. Это новый фактъ въ пользу предположенія, что памятникъ созданъ для среды и условій южнаго, греческаго хозяйства, гдѣ луга встрѣчаются рѣдко, лишь при большихъ рѣкахъ и озерахъ.

Крестьянскому Закону извѣстны два рода пастбищъ: на собственныхъ участкахъ и на лѣсныхъ или горныхъ выгонахъ. Объ обычаѣ выгонять скотъ на собственную землю, т. е. на пожню и на виноградникъ послѣ сбора плодовъ, мы узнаемъ изъ статей о потравахъ сосѣднихъ участковъ скотомъ хозяина, уже убравшаго свой собственный надѣлъ[1]). Статьи о потравахъ виноградниковъ или садовъ животными, притомъ одиночными, уже своимъ числомъ свидѣтельствуютъ объ обычаѣ пасти скотъ на собственныхъ надѣлахъ отдѣльныхъ хозяевъ. Изъ всѣхъ этихъ статей только одна 25-я говоритъ о волѣ, отбившемся отъ общаго стада[2]).

Рядомъ съ выпасомъ крестьянами ихъ собственнаго скота на собственномъ надѣлѣ, въ Крестьянскомъ Законѣ очевидны указанія на общія стада, нѣсколькихъ или всѣхъ хозяевъ села на лѣсныхъ общинныхъ выгонахъ. Большое стадо требовало наемныхъ пастуховъ. Эти пастухи (ἀγελάριοι) брали на себя отвѣтственность за сохранность скота, взявъ его у хозяевъ „съ утра", ἔωθεν, гдѣ русскій переводъ любопытнымъ образомъ переводитъ словами „по обычаю"[3]). Отъ отвѣтственности за погибшій скотъ пастуха освобождаетъ своевременное заявленіе владѣльцу и присяга[4]). Постороннія лица, заподозрѣнныя въ похищеніи чужой скотины, очищали себя тѣмъ же путемъ[5]). Пастухъ отвѣчалъ за свою небрежность и недобросовѣстность, подвергаясь тѣлесному наказанію и матеріальному возмездію за произведенную потраву и погибшій скотъ[6]).

Жалованье (μισθός) пастуха упомянуто дважды. Если въ одномъ случаѣ можно было бы предположить частнаго наймита у одного изъ хозяевъ[7]), то въ другомъ ясно сказано объ общественномъ ἀγελάριος, пасущемъ большое стадо воловъ,

---

[1]) Νόμ. γ. 76 и 81 Павл., V 2 Heimb.

[2]) Νόμ. γ. 25. 37. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 76. 76 a. 82.

[3]) Νόμ. γ. 23, 25, 27. Ср. Кн. Зак. 22 и 26.

[4]) Νόμ. γ. 23, 24, 26, 27, 28.

[5]) Νόμ. γ. 42, 71.

[6]) Νόμ. γ. 33. 25. 23. 24. 26—29.

[7]) Νόμ. γ. 33 ποιμὴν μισθωτὸς ἀμέλγων τὰ βοσκήματα λάθρα τοῦ κυρίου αὐτοῦ καὶ παπράσκων τυπτόμενος τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ στερείσθω. Cf. 32 Кн. Зак., 33 Моск., 32 Ferr. suppl.

πλῆθος τῶν βοῶν, отвѣчающемъ за потраву, произведенную быкомъ, отбившимся отъ стада. Пастухъ долженъ возмѣстить убытокъ, но не лишается своей платы[1]). Большое стадо воловъ, τὸ πλῆθος τῶν βοῶν, должно было принадлежать не одному собственнику крестьянской μερίς, но нѣсколькимъ или всему селу. Пастухъ принимаетъ скотъ отдѣльнаго хозяина „съ утра" и присоединяетъ его къ стаду[2]). Если воръ, желая украсть быка изъ стада, спугнетъ весь скотъ и стадо погибнетъ, то его ожидаетъ ослѣпленіе и повѣшеніе, если онъ рабъ[3]). Большое наказаніе предполагаетъ большіе убытки — пропажу цѣлаго деревенскаго стада. Это послѣднее состояло прежде всего изъ воловъ. Къ нимъ относится большая часть статей о крестьянскомъ скотѣ[4]). Рядомъ съ ними упоминаются ослы и мелкій скотъ[5]). Внѣ общаго стада упоминаются свиньи, овцы и собака[6]).

Давно замѣчено, что лошади отсутствуютъ въ Крестьянскомъ Законѣ, но не сдѣлано непосредственнаго вывода, что памятникъ происходитъ изъ тѣхъ странъ греческаго Востока, гдѣ лошадей въ сельскомъ хозяйствѣ не было. Памятникъ не могъ принадлежать или относиться къ этнографическимъ элементамъ, пришлымъ съ Сѣвера.

Такъ какъ стадо принадлежало нѣсколькимъ хозяевамъ или всему селу, то оно паслось на общинной или нераздѣленной территоріи, на τόποι κοινοί или ἀμέριστοι[7]), за предѣлами крестьянскихъ пахотныхъ полей и виноградниковъ[8]). Пастбища были лѣсныя, такъ какъ луговъ не было у большинства селъ. Вся обстановка статей о крестьянскомъ скотѣ указываетъ на лѣса и заросли, гдѣ животному необходимъ колоколецъ[9]), гдѣ оно легко могло потеряться[10]), быть съѣденнымъ волками и другими дикими животными[11]), гдѣ на ночь скотъ собираютъ въ загонъ (μάνδρα)[12]). Предусматривается случай, когда дровосѣкъ можетъ случайно убить вола или осла, пасущагося въ дубравѣ (ἐν δρυμῷ или δρυμῶνι)[13]); постановлено о выдачѣ раба, зарѣзавшаго животное „въ лѣсу или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ"[14]). Нужно представлять себѣ страну покрытой большими лѣсами и зарослями, между которыми попадались участки полей и виноградниковъ на болѣе удобныхъ мѣстахъ и ближе къ селу.

Не слѣдуетъ полагать всѣ лѣсныя пространства въ общинномъ владѣніи. Самымъ категорическимъ образомъ въ источникѣ сказано, что существовали лѣсные

---

[1]) Νόμ. γ. 35. τοῦ μὲν μισθοῦ αὐτοῦ μὴ στερείσθω, τὴν δὲ πραῖδαν διδότω πᾶσαν.
[2]) Νόμ. γ. 23.
[3]) Νόμ. γ. 41, 45, ср. 46.
[4]) Νόμ. γ. 23—29. 30. 36. 37. 41. 43. 47. 49. 82.
[5]) Νόμ. γ. 35. 37. 38. 44. 40. 42. 50.
[6]) Νόμ. γ. 48. 51. 53. Κύων ποίμνης, 54. 73—75.
[7]) Νόμ. γ. 32. 78.
[8]) Νόμ. γ. 25.
[9]) Νόμ. γ. 30.
[10]) Νόμ. γ. 24, 42.
[11]) Λυκωθῆναι 23, 42. Θηριόβρωτος 41, 45.
[12]) Νόμ. γ. 45, 54. Ср. Liber Lemviotissæ № 163, Miklosich-Müller, IV p. 257.
[13]) Νόμ. γ. 38, 39.
[14]) Νόμ. γ. 44.

участки внутри крестьянскихъ μερίδες, въ собственности отдѣльныхъ домохозяевъ. Памятникъ имѣетъ при этомъ въ виду не пустоши, заросшія нивы, о которыхъ говорится въ первой изъ статей объ оставленныхъ участкахъ, и которыя названы точно ἔνυλος χώρα[1]): онъ говоритъ о собственномъ или чужомъ лѣсѣ, рядомъ съ собственнымъ полемъ, называетъ его иначе — ὕλη, и постановляетъ о немъ другое. Въ статьѣ 17 постановлено, что обработавшій чужую заросшую ниву пользуется ею три года; въ статьѣ же 20 сказано, что вырубившій чужой лѣсъ для посѣва[2]), безъ вѣдома собственника, лишается всякаго права на жатву. Разница въ содержаніи обѣихъ статей объясняется не присутствіемъ или отсутствіемъ разрѣшенія со стороны собственника. Изъ статьи 17 не видно, необходимо ли было его согласіе, скорѣе наоборотъ, мы должны предполагать хозяина отсутствующимъ, такъ какъ статья 17 начинаетъ собою рядъ положеній о запустѣлыхъ (ἄπορα) земляхъ. Разница въ смыслѣ 17 и 21 статей объясняется различіемъ цѣнности земель въ обоихъ случаяхъ: тогда какъ расчистка нивы подводится подъ разрядъ хозяйственныхъ улучшеній, которыя во всемъ Законѣ гарантируются возмѣщеніемъ стоимости[3]), порубка лѣсного участка являлась такимъ же вторженіемъ въ чужую собственность, какъ распашка чужого поля по ст. 2, и наказывалась одинаково — лишеніемъ всякаго права на сборъ и всякаго вознагражденія за работу.

Лѣсъ и поле въ индивидуальной собственности названы въ статьѣ о неумышленномъ поджогѣ при расчисткѣ нивы[4]). Сказано ясно: „въ собственномъ лѣсу или въ пахотномъ полѣ". Здѣсь самъ хозяинъ дѣлаетъ то, что запрещено чужому по ст. 20[5]). Благодаря Миланскому и Московскому текстамъ, мы имѣемъ еще одну статью о лѣсныхъ угодяхъ въ частной собственности: тамъ, гдѣ испорченный текстъ редакціи съ титулами говорилъ о поджогѣ чужого ὄροφος — тростника, возстановляемъ по тремъ нашимъ редакціямъ древнѣйшаго текста чтеніе ὄρος (saltus), горы поросшей лѣсомъ или кустами. И такого рода участки находились въ составѣ надѣловъ[6]). Спрашивается теперь, почему поступокъ, предусмотрѣнный этою послѣднею статьею, наказывается двойнымъ возмѣщеніемъ убытковъ, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ и тѣлеснымъ наказаніемъ, тогда какъ порубка въ статьѣ 20 ничего подобнаго за собою не влечетъ? Мы объясняемъ это различіе тѣмъ, что ст. 20 имѣетъ въ виду самовольнаго сельскаго предпринимателя, срубившаго лѣсъ для культуры мѣста, тогда какъ ст. 56 предназначена для наказанія безусловнаго хищенія, караемаго уголовно. Помѣщена статья среди постановленій о кражахъ и другихъ уголовныхъ преступленіяхъ.

---

[1]) Νόμ. γ. 17.

[2]) Въ Кн. Зак. переведено по смыслу: „аще кто истребитъ ниву", — слова много смущавшія ученыхъ.

[3]) Νόμ. γ. 21, 32, 78.

[4]) Νόμ. γ. 55 ἐάν τις πῦρ ἐμβάλῃ ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἀγρῷ, Ferr. и Mosqu., гдѣ изданія при Арменопулѣ измѣняютъ въ πρὸς ὕλην ἐν ἀγρῷ.

[5]) Νόμ. γ. 20: ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὕλην.

[6]) Νομ. γ. 56 ὁ καίων ὄρος ἀλλότριον ἢ κόπτων ὄρος ἀλλότριον, Ferr. Mosqu. 56: ὁ καίων ὄρος (sic) ἀλλότριον ἢ κόπτων δένδρα ἀλλότρια. Кн. Зак. 55: аще кто жьжеть лѣсъ чужіи, или сѣчеть деревіе чюжее. Mosqu., Кн. Зак., Ferr. suppl. и vulg. прибавляютъ тѣлесное наказаніе — клеймо на руку.

Такимъ образомъ наряду съ общиннымъ лѣснымъ выгономъ на нераздѣленной части сельской территоріи наблюдаются безспорно лѣсные участки, принадлежавшіе къ составу крестьянскихъ надѣловъ. Обиліе земель и потребность въ собственномъ лѣсѣ для построекъ достаточно объясняютъ существованіе частныхъ крестьянскихъ рощъ.

Выше были разсмотрѣны извѣстія Крестьянскаго Закона объ отдѣльныхъ категоріяхъ сельской недвижимости. Мы обратились, во первыхъ, къ пахотнымъ землямъ, которымъ спеціально посвящено болѣе четверти всѣхъ статей Закона. Состояніе пахотныхъ земель опредѣляетъ господство общинности. Мы не встрѣтили ни господства, ни даже малѣйшаго слѣда общинности на пахотныхъ земляхъ: но нашли личную собственность и самостоятельное хозяйство каждаго крестьянскаго двора.

Если мы, послѣ такого обзора отдѣльныхъ категорій крестьянской недвижимости, поставимъ себѣ вопросъ: существуютъ ли въ Крестьянскомъ Законѣ признаки общиннаго владѣнія и въ какихъ размѣрахъ, то на первый вопросъ мы всетаки отвѣтимъ утвердительно въ томъ смыслѣ, что кромѣ личной собственности существуютъ внутри сельской территоріи земли иного юридическаго состоянія. Въ этомъ фактѣ нѣтъ собственно подчиненія личныхъ правъ общему интересу. Общинное владѣніе имѣло второстепенное, служебное назначеніе и носило характеръ предварительнаго, временного состоянія территоріи. Это была не нераздѣльная, но нераздѣленная земля. Община оставляла за собою земли худшія или отдаленныя, выгоны и лѣсныя угодья. Нераздѣленная территорія уступала мѣсто личной собственности при новомъ добавочномъ раздѣлѣ, и личная предпріимчивость создавала внутри занятой территоріи новыя права. Тамъ, гдѣ разъ установилась личная собственность, она уже не дѣлала уступокъ общиннымъ началамъ. За предѣлами нераздѣленныхъ угодій не существовало общинности. Такой нераздѣленной территоріи могло и не оказаться, и тамъ, гдѣ она была на лицо, ея размѣры уменьшались путемъ дополнительной совмѣстной оккупаціи, создававшей личную собственность на мѣстѣ (τόπος, σκαρφίον), поступившемъ въ раздѣлъ.

Закону извѣстно владѣніе или держаніе въ отличіе отъ собственности. Оно выражается и соотвѣтственными терминами: διακρατεῖν, διακράτησις 7, νέμεσθαι 19, 90 (νέμεσθαι, νομή — статья взята изъ 7, Cod. IX, 12), cf. νομή (о животныхъ) 70 Ferr. Характеръ крестьянской собственности по Закону опредѣляется тремя существенными признаками: она является личной, непосредственной и наслѣдственной.

Что права хозяевъ выражены въ формѣ собственности личной, достаточно выяснено выше изъ терминологіи и относительно каждой категоріи земель.

Собственность является непосредственной. Село стоитъ за предѣлами отношеній между хозяиномъ и его личной собственностью. Это видно изъ тѣхъ статей, на которыхъ пытались обосновать обратное мнѣніе. Ст. 79 утверждаетъ непреложность правъ хозяина даже на такое общественной важности предпріятіе, какъ мельница, разъ она возведена на его землѣ. Тамъ же, гдѣ мельница сооружена на

землѣ общей, т. е. не поступившей въ раздѣлъ, возможенъ выкупъ мельницы селомъ. Для сравненія припомнимъ, что всякое сооруженіе на чужой частной землѣ безъ разрѣшенія ея собственника, могло быть отобрано безвозмездно.

Отношеніе общиннаго союза или села къ частной территоріи хозяевъ реально выражается при возникновеніи послѣдней. Происхожденіемъ крестьянскихъ вотчинъ по Закону является раздѣлъ послѣ совмѣстной оккупаціи незанятыхъ земель. Частныя права, возникшія до раздѣла, могутъ подлежать выкупу (ст. 32), и въ случаѣ нарушенія справедливости по претензіи одного изъ хозяевъ имѣетъ мѣсто новый раздѣлъ, (ст. 8). Единственнымъ ограниченіемъ хозяйскихъ правъ, кромѣ интересовъ государства, о чемъ ниже, являются сосѣдскія претензіи (ст. 31), какъ было и по римскому праву. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не верховенство общиннаго союза, но интересы столь же личной собственности сосѣда-хозяина.

Разъ собственность отведена, путемъ оккупаціи, т. е. дѣлежа, или путемъ судебнаго приговора (ст. 7), то село не вмѣшивается въ права собственника. Противорѣчіе тому усматривалось въ статьѣ 8 о повторительномъ дѣлежѣ, но мы уже выяснили ея значеніе. Противъ предположенія о передѣлахъ говоритъ все содержаніе Крестьянскаго Закона, все назначеніе статей о крестьянскихъ земляхъ. Сейчасъ была упомянута ст. 79 о мельницѣ на участкѣ, отведенномъ въ собственность путемъ дѣлежа (ἐν ἰδίᾳ μερίδι): владѣльцы другихъ долей не могутъ даже выкупить мельницу, какъ было, конечно, возможно на общественной территоріи; мельница же, устроенная на чужомъ участкѣ, отведенномъ въ собственность, безъ вѣдома собственника, поступала собственнику земли безвозмездно по одной изъ дополнительныхъ статей, взятыхъ изъ римскаго законодательства. Въ тоже время интересы сосѣдей на ихъ собственныхъ участкахъ ограждаются Закономъ безусловно. Если вода мельницы вредитъ чужимъ полямъ, то собственникъ можетъ возмѣстить ущербъ, если сосѣдъ того желаетъ; въ случаѣ несогласія владѣльца мельницы, его заставляютъ закрыть воду (ст. 70); по слѣдующей статьѣ та же самая полнота правъ личной собственности предоставляетъ сосѣдямъ возможность воспрещать совершенно проведеніе мельничной воды черезъ ихъ участки. Въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ опять не община, но личное сосѣдское право, обнаруживается проявленіе вицинитета. Тоже слѣдуетъ сказать и объ извѣстныхъ статьяхъ о деревѣ, взрощенномъ на землѣ собственной и на землѣ бывшей общественной, но ставшей чужой собственностью на основаніи новой совмѣстной оккупаціи и дѣлежа.

Личная и непосредственная отвѣтственность хозяевъ передъ требованіями государственнаго податного обложенія также безспорна. Нѣтъ въ Законѣ ни круговой поруки, ни отвѣтственности общиннаго союза, какъ корпораціи, передъ государствомъ за неисправнаго плательщика, нѣтъ и правъ общины на недоимочную землю. Даже участокъ, оставленный хозяиномъ, ушедшимъ на сторону, не подлежитъ возврату въ пользу общины. Однажды образовавшаяся личная собственность остается таковою даже и въ подобномъ случаѣ.

Возвращеніе крестьянина на его участокъ возстановляетъ его во владѣніи. Ст. 18 обезпечиваетъ не права собственника, которыя въ томъ не нуждаются, но безнаказанность тѣхъ, кто пользовался землею въ его отсутствіе. Такое пользованіе допускается лишь въ томъ случаѣ, когда ушедшій пересталъ платить подати: если же онъ продолжалъ вносить ихъ, то пользованіе со стороны кого либо изъ близкихъ или односельчанъ наказывается (ст. 19), какъ присвоеніе чужого имущества, штрафомъ въ двойномъ размѣрѣ извлеченнаго дохода. Къ пользованію допускаются лишь тѣ, на кого ложатся подати съ покинутаго участка. Конечно, пользованіе не есть прекращеніе собственности ушедшаго хозяина, но лишь компенсація въ пользу платящихъ за него подати. Не сказано, чтобы пользованіе разрѣшалось всему обществу: оно разрѣшалось тѣмъ, кто былъ привлеченъ къ уплатѣ податей. Извѣстно, что законодательство привлекало къ несенію податныхъ тяготъ лицъ ближайшихъ, отдавая имъ запустѣвшія земли по системѣ ἐπιβολή. Этотъ извѣстный институтъ былъ построенъ на началахъ не общинной, но личной собственности. Кромѣ двухъ упомянутыхъ статей, относящихся до пашень, о пользованіи запустѣвшимъ участкомъ говоритъ третья (21 Ferr.), имѣющая въ виду уже усадебную землю.

Всѣ три одинаково признаютъ полноту правъ собственниковъ, хотя бы оставившихъ свои участки, называя ихъ χύριοι (domini); занятое въ ихъ отсутствіе недоимочное мѣсто именуется ἄπορος ἀλλότριος τόπος. Статья 21 однако предусматриваетъ, что построившій усадьбу или разведшій виноградникъ на такомъ участкѣ имѣетъ право предложить другой такой же (ἀντιτοπίαν); но въ случаѣ несогласія собственника и домъ, и виноградникъ должны быть снесены. Статья эта, принадлежащая къ древнѣйшему составу Закона, обнаруживаетъ такое же господство начала superficies cedit solo, какое выражено въ одной изъ дополнительныхъ статей (87 Ferr. изъ 11, Cod. Just. III, 32); она бросаетъ и съ своей стороны свѣтъ на смыслъ статьи о мельницахъ на общественной землѣ.

Полнота правъ собственности предполагаетъ свободу распоряженія — сдачи на условіяхъ, залога, мѣны, продажи, дара и передачи по наслѣдству или по завѣщанію. Изъ этихъ главнѣйшихъ правъ только три первыя выражены въ Законѣ. О продажѣ, дарѣ, наслѣдованіи нѣтъ ни одной статьи. Было бы весьма неосновательно предполагать, что хозяева по нашему Закону не обладали правами отчужденія или наслѣдованія. Разъ они были собственниками, они должны были имѣть эти права. Неупоминаніе о нихъ объясняется особеннымъ характеромъ и назначеніемъ нашего памятника, служащаго дополненіемъ къ общегражданскому законодательству Юстиніана или иконоборцевъ. Крестьянскій Законъ есть дополнительная запись обычнаго права изъ области крестьянской практики, онъ посвященъ тому для крестьянъ нужному праву, которое не нашло себѣ выраженія въ законодательствѣ. Поэтому Крестьянскій Законъ не говоритъ вообще о собственности и ея главныхъ правахъ, ни въ приложеніи къ движимымъ вещамъ, ни къ скоту. Онъ вѣдь также не содержитъ ничего изъ области семейнаго и наслѣдственнаго права. Его уголовныя

статьи относятся лишь къ особеннымъ преступленіямъ въ сельскомъ быту, и памятникъ не говоритъ объ убійствахъ или кражахъ вообще.

Такъ и относительно права распоряженія недвижимостью нашъ памятникъ потому не содержитъ самаго существеннаго, что о немъ достаточно было постановлено въ общемъ гражданскомъ законодательствѣ: въ Кодексѣ, потомъ въ Эклогѣ, въ Прохиронѣ, у Арменопула, у насъ въ древней Руси — въ Русской Правдѣ и вообще въ Кормчей: не содержитъ потому, что онъ есть рядъ дополнительныхъ статей къ названнымъ судебникамъ, а не потому, чтобы крестьяне не могли передавать дѣтямъ и продавать свою собственность. Немыслимо прежде всего предположеніе, чтобы крестьяне не могли передавать свою собственность наслѣдникамъ: не говоря уже о движимостяхъ и объ усадьбахъ, и въ отношеніи пахотныхъ земель немыслимо, чтобы чья либо смерть измѣняла распредѣленіе недвижимости во всемъ селѣ, чтобы она вызывала общій передѣлъ, на который нѣтъ никакого указанія въ Законѣ, — чтобы она измѣняла всѣ межи и всѣ арендныя сдѣлки, о которыхъ столько говорится въ Законѣ. Относительно продажи и дара на сторону памятникъ потому еще не содержитъ какихъ либо спеціальныхъ постановленій, что таковые случаи на практикѣ должны были встрѣчаться рѣдко: продажа или даръ тяглаго участка должна была сопровождаться и перенесеніемъ податныхъ тяготъ на новаго собственника. Судя же по статьямъ о недоимочныхъ и сбѣжавшихъ хозяевахъ, обложеніе было тяжело, и охотниковъ до крестьянскихъ земель не должно было быть много.

Статьи объ арендѣ, половничествѣ, мѣнѣ и отдачѣ подъ залогъ за ссуду указываютъ, впрочемъ, достаточно на свободное распоряженіе. Изъ нихъ статья о давшихъ деньги подъ залогъ крестьянскихъ пашень указываетъ прямо на весьма долговременную отдачу земель лицу постороннему. Статья же 5 говоритъ о мѣнѣ крестьянъ участками на срокъ или на всегда (εἴτε πρὸς καιρὸν εἴτε εἰς τὸ διηνεκές). Если же крестьяне могутъ мѣняться своими пашнями *на всегда* по частному своему соглашенію, не спрашивая общества, то почему они не могутъ подарить или продать другому лицу, съ передачею, конечно, тягла?

Всѣ эти главнѣйшія права: наслѣдованіе, продажа, даръ, самымъ очевиднымъ, самымъ неопровержимымъ образомъ обнаруживаются передъ нами въ реальныхъ памятникахъ крестьянскаго землевладѣнія — въ документахъ, по своему происхожденію монастырскихъ. Къ ихъ разсмотрѣнію мы переходимъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Крестьянская собственность по монастырскимъ актамъ.

Монастырскіе акты представляютъ богатый матеріалъ для повѣрки и дополненія данныхъ Крестьянскаго Закона. Значительная часть актовъ, относящихся къ землевладѣнію, не является памятниками оффиціальными, но договорами частныхъ лицъ, между прочимъ и крестьянъ. Та часть документовъ, которая исходитъ отъ императора, патріарха и государственныхъ властей, основана въ значительной мѣрѣ на данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ и примѣнительно къ извѣстному случаю: эти грамоты, касающіяся землевладѣнія, также представляютъ намъ дѣловую жизнь византійскаго села непосредственно. Въ этомъ лежитъ первое преимущество актовъ передъ новеллами и Пирою, которыя хотя также отражаютъ въ себѣ реальныя отношенія, но въ бо́льшей степени ставятъ своей задачей регулировать ихъ въ направленіи государственныхъ интересовъ и юридической справедливости. Другимъ преимуществомъ актовъ является обиліе фактическаго матеріала. Если въ Крестьянскомъ Законѣ, небольшомъ по объему памятникѣ, мы встрѣчаемся съ цѣлыми группами однородныхъ данныхъ, допускающихъ выводы несомнительные, то что же мы должны сказать о нѣсколькихъ томахъ документовъ, въ большинствѣ относящихся къ землевладѣнію? Ихъ матеріалъ, казалось бы, не требуетъ даже подсчета. Если имѣть въ виду существенное содержаніе актовъ, искать главнѣйшія, наиболѣе постоянныя черты въ нихъ представленнаго быта, то даже читая подрядъ эти документы, мы получаемъ убѣжденія весьма ясныя и опредѣленныя.

Мы и желаемъ пока безпритязательнымъ путемъ обзора изданныхъ документовъ, съ точки зрѣнія вопроса о крестьянской собственности, обзора, долженствующаго дать нѣкоторую подготовку для будущей исторіи Византійскаго землевладѣнія, предложить обильный и однородный матеріалъ, вызывающій непосредственно опредѣленныя убѣжденія относительно характера крестьянской собственности: идя и въ этомъ случаѣ, какъ при разборѣ Крестьянскаго Закона, по слѣдамъ В. Г. Васильевскаго, мы желаемъ, по возможности, продолжать его работу . . .

1. Кодексъ Лемвіотиссы.

Монастырское село Вари, стр. 90—105. Нѣкогда часть территоріи сосѣдняго села Приновари, являющагося властельскимъ, 90; пожаловано монастырю Лемво, ib. Перечень дворовъ париковъ и присельниковъ Вари, 91. Территорія села не находится въ сплошномъ владѣніи монастыря, 92. Поле Спана и тяжба между париками Вари и Приновари, ib. Родовыя земли париковъ Гунаропуловъ на территоріи Вари и борьба монастыря съ ихъ наслѣдниками, служилыми людьми, 94. Ограниченіе владѣльческихъ правъ париковъ, 98. Инструкція Ласкарю о переписи париковъ Вари и о надѣлахъ зевгаратныхъ и вондатныхъ, 100. Указъ Сиропулу о нормѣ доходовъ съ монастырскихъ париковъ, 101. Прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу: дарственная на парика Мурмантина, 102; указы о возвращеніи бѣглыхъ и о непокорныхъ парикахъ Вари, 103. Тягло париковъ, παροικιὸν τέλος и повинности, 104. Село Мантея и владѣнія Лемвіотиссы на его территоріи, стр. 106—118. Плантація парика Казани на монастырской землѣ, 106. Метохъ Пантелеимона на земляхъ кира Тесакта въ Мантеѣ, ib.; внукъ его — парикъ монастыря, 107. Мелкія приношенія и продажи въ различныхъ τοποθεσίαις Мантеи участковъ крестьянской тяглой собственности, ib. Эмфитеоза парика Скуллата, 110. Плановъ метохъ на родовыхъ земляхъ Максима Планита и процессы съ его наслѣдниками, ib. Столкновеніе съ проніаромъ служилымъ человѣкомъ Петрици, 114. Метохъ Скурвулла́, 115. Отсутствіе актовъ на приношенія отъ крестьянъ Мантеи монастырю, лишь упоминаемыя въ хрисовулахъ, 116. Два акта продажи крестьянами своихъ земель служилымъ собственникамъ; документъ Враны и смыслъ эпителіи, 117. Приношенія служилыхъ вотчинниковъ въ Мантеѣ, ib. Деревня Панаретъ, стр. 119—124. Находилась въ проніи, 119. Процессъ о приношеніи священника Полея, парика проніи служилаго человѣка Сиргари и госпожи Враены, ib. Приношенія и продажи париками Панарета ихъ собственныхъ участковъ съ передачею эпителіи; сложеніе эпителіи Костомойромъ, 123. Деревня Паракаламъ, проніа Сиргари, 124. Село Потама, процессъ париковъ проніи Сиргари въ селѣ Потама, захватившихъ монастырское имѣніе Сфурна, стр. 125—129. Метохъ въ Палатіяхъ въ царской вотчинѣ Κάμπος Μεμανωμένου при царскихъ и властельскихъ селахъ Кукулѣ и Мурмунтахъ, стр. 129—135. Крестьянскія продажи и приношенія въ округѣ Палатій, 130. Приношенія и продажи служилыхъ вотчинниковъ, 133. Тяжба съ властелемъ Враною изъ-за совмѣстныхъ пастбищъ принадлежавшаго ему села Мурмунтъ и монастырскаго села Вари, 134. Метохъ Аманаріотиссы, приношеніе крестьянъ села Геника, 135. Выводы, стр. 136—142.

Между монастырскими архивами, дошедшими до насъ въ рукописныхъ сборникахъ (κῶδιξ), однимъ изъ наиболѣе богатыхъ, въ отношеніи актовъ крестьянскаго землевладѣнія, является архивъ монастыря Божьей Матери Лемвіотиссы возлѣ Смирны. При его обзорѣ, такъ же какъ и въ другихъ случаяхъ ниже, мы будемъ держаться метода, употребленнаго Гераромъ въ „Политикѣ Ирминона“, стараясь прежде всего прослѣдить судьбы каждаго монастырскаго, крестьянскаго и владѣльческаго имѣнія, и пріурочить къ территоріи документальныя данныя, разбросанныя на протяженіи монастырскаго кодекса. Изданъ онъ у Miklosich-Mueller, Acta et diplomata Graeca medii ævi, IV, p. 1—289, и былъ предметомъ изученія со стороны В. Г. Васильевскаго въ его статьѣ „Матеріалы для исторіи Византійскаго государства“, помѣщенной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1879, іюль.

Село Вари или Мила (Βάρη, Μῆλα), ядро владѣній Лемвіотиссы, называется иногда рядомъ съ сосѣднимъ селомъ Приновари[1]). Повидимому, нѣкогда Вари составляло часть территоріи села Приновари, съ которымъ оно граничило на большомъ сравнительно протяженіи[2]). Въ 1229 г. крестьяне Приновари судились съ монастыремъ Лемвіотиссы изъ-за участка, нѣкогда принадлежавшаго парику ихъ села Спану[3]). Впослѣдствіи отношенія между сосѣдями еще болѣе обострились, и царскій указъ 1292 года рисуетъ любопытную въ бытовомъ отношеніи картину столкновенія между монахами и Приноваритами, ставшими париками сильнаго вельможи, паракимомена Неостонга[4]).

На то, что Вари нѣкогда было частью территоріи села Приновари, указываетъ одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ кодекса, завѣщаніе 1192 г. монаха Геронтія въ пользу основаннаго имъ малаго монастыря св. Марины τῶν Μήλων, слѣдовательно на территоріи Милъ (или Вари); Геронтій завѣщалъ своей пустынѣ, между прочимъ, плантацію въ 2 модія, находящуюся въ *мѣстности* Вари (ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῆς Βάρης) и купленную имъ у нѣкоего Листа[5]). Завѣщаніе Геронтія было засвидѣтельствовано париками (мѣстности) Вари, но составлено и подписано стряпчимъ села Приновари. Монастырекъ св. Марины упомянутъ внутри территоріи Вари стратопедархомъ Фокою[6]). Въ двухъ первыхъ по времени актахъ, именно въ указѣ о допущеніи пришлыхъ поселенцевъ[7]) и въ первомъ хрисовулѣ Ватаци[8]), Вари именуется имѣніемъ монастыря (τοπίον, προάστειον), тогда какъ въ позднѣйшихъ документахъ всюду встрѣчаемъ названіе χωρίον[9]). Если допустить, что во времена монаха Геронтія, т. е. еще въ концѣ XII в., Вари являлось *мѣстностью* (τοποθεσία) территоріи села Приновари, то образованіе самостоятельнаго (территоріально и административно) села Вари должно относить къ монастырскому хозяйству и разсматривать какъ послѣдствіе пожалованія монастырямъ сначала Пантократора возлѣ Смирны, затѣмъ Лемво. Насколько первый изъ нихъ могъ заселить Вари, не извѣстно, такъ какъ указа, содержавшаго пожалованіе Вари монастырю Лемво и сопровождавшагося, вѣроятно, описью села, не дошло до насъ: кодексъ начинается съ хрисовула 1228 г., содержащаго подтвержденіе пожалованія. Императоръ передалъ монастырю въ неотъемлемую собственность все село Вари со всей его округой и угодьями, со всей пахотной и пастбищной землею,

---

[1]) Cf. Lemv. № 107, p. 187; περίορος Фоки, Lemv. № 2, p. 13—16.

[2]) Περίορος Фоки, p. 15—16.

[3]) Χωράφιον τοῦ Σπανοῦ, № 107.

[4]) Lemv. № 163, cf. № 162 и № 75; см. ниже.

[5]) Cf. № 8, I a. 1227.

[6]) № 2, опись 1235 г., p. 15.

[7]) 1228 г., № 155.

[8]) 1228 г., № 1.

[9]) Впрочемъ, въ актахъ 1286 и 1287 г. (№ № 142 и 143) читаемъ ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῆς Βάρης.

со всѣми париками, какъ сидящими на своихъ участкахъ, такъ и ушедшихъ въ Смирну, — со всѣми наконецъ владѣніями метоха св. Георгія, находящагося на территоріи Вари[1]).

Къ 1227 г. долженъ быть отнесенъ указъ, разрѣшавшій игумену селить на землицахъ монастыря, между прочимъ въ Паспарѣ и Варѣ, людей чужихъ и казнѣ неизвѣстныхъ, освобождая ихъ отъ повинностей, перечисляемыхъ въ грамотѣ[2]). Черезъ восемь лѣтъ послѣ того состоялась упоминавшаяся выше генеральная перепись монастырскихъ имѣній, выполненіе которой было императоромъ возложено на стратопедарха Фоку. Опись села Вари или Мила заканчиваетъ собою этотъ и весьма цѣнный документъ. Сначала перечислены семьи париковъ и поселившихся пришлыхъ, но кратко, не обозначая ни ихъ недвижимости, ни скота, ни податей. Парики переписаны по дворамъ, поименно, взрослые и несовершеннолѣтніе, мужескаго и женскаго пола, всего 65 душъ въ 15 дворахъ. Во главѣ семей названы владѣльцы дворовъ, въ шести случаяхъ изъ 15 *вдовы,* имѣющія несовершеннолѣтнихъ сыновей, въ одномъ случаѣ женщина обозначена во главѣ семьи и при томъ названа вдовою, хотя тутъ же прибавлено: имѣетъ мужа (и двухъ дочерей). Очевидно, родовые крестьянскіе участки передавались вдовамъ и по нисходящей линіи, и не записывались за вторымъ мужемъ, взятымъ со стороны[3]). Семьи состоятъ изъ родителей и дѣтей (при дочеряхъ записаны и зятья): сложныхъ семей нѣтъ. Лишь въ одномъ дворѣ, Іоанна Милы, къ семьѣ владѣльца приписаны братъ съ невѣсткой и племянникъ, сынъ другого брата. Напротивъ того, въ одномъ случаѣ видимъ выдѣлившагося зятя, основавшаго отдѣльный дворъ[4]), и два двора Гунаропуловъ, записанные за вдовами, вѣроятно двухъ братьевъ. Сравнивая имена париковъ въ описи 1235 г. съ подписями свидѣтелей на завѣщаніи Геронтія 1192 г., убѣждаемся, что всѣ пять свидѣтелей названы въ описи Фоки, хотя между обоими документами, датированными въ ихъ текстѣ, лежитъ промежутокъ болѣе сорока лѣтъ. Кромѣ этихъ стародавнихъ жителей Вари, которыхъ слѣдуетъ считать сидящими на наслѣдственныхъ участкахъ, въ переписи обозначены и поселенные, согласно указу 1227 г., чужіе и казнѣ неизвѣстные люди, всего 7 дворовъ, очевидно получившихъ или расчистившихъ себѣ землю, необходимую для веденія хозяйства. Вслѣдъ за ними названы два выморочныхъ двора, т. е. земли двухъ выморочныхъ дворовъ[5]), Спана и Минонари, равно какъ нѣкоторыя угодья изъ наслѣдства Гунаропуловъ; эти участки были отданы Фокою монастырю и записаны какъ непосредственная собственность[6]) Лемвіотиссы. Опись Фоки, перечисливъ париковъ и укрѣ-

---

[1]) Хрисовулъ I. Ватаци 1228 г. Lib. Lemv. № 1. Δωρεαστικὸν πρόσταγμα 1232 г., № 111.

[2]) Lemv. № 155.

[3]) Lemv. № 2, p. 15: Καλὴ χήρα ἡ τοῦ Ἀλεξανδρέως ἔχει ἄνδρα Κωνσταντῖνον, θυγατέρας Εὐδοκίαν καὶ Καλήν.

[4]) Στέφανος ὁ γαμβρὸς τοῦ Λεγᾶ.

[5]) p. 14: ἐξηλειμμέναι στάσεις δύο, ἥτε τοῦ Σπανοῦ καὶ τοῦ Μηνωνάρη.

[6]) Παρεδόθησαν τῷ μέρει τῆς μονῆς, ὥστε κατέχεσθαι καὶ νέμεσθαι παρ' αὐτῆς.

пивъ въ непосредственномъ владѣніи монастыря выморочные участки, подробно описываетъ границы Вари и обозначаетъ метохи въ его предѣлахъ. Она обводитъ всю территорію села одною общею границей, не упоминая внутри ея никакихъ собственниковъ, кромѣ монастыря и его париковъ. Между тѣмъ Вари далеко не представляла изъ себя территорію въ сплошномъ владѣніи монастыря. Около шестидесяти лѣтъ прошло со времени пожалованія императора, пока монахамъ удалось вытѣснить постороннихъ собственниковъ изъ территоріи Вари; борьба велась преимущественно съ выслужившимися родственниками и наслѣдниками одной или двухъ семей, записанныхъ париками села Вари. Землями внутри границъ Вари, сохранившими признаки отдѣльной частной собственности, являются въ документахъ поле Спаново и мѣстность Димосіонъ по рѣкѣ того же имени, протекавшей черезъ Вари.

Χωράφιον Σπανοῦ, поле Спаново, можетъ быть, нужно отличать отъ στάσις Σπανοῦ, одного изъ двухъ запустѣвшихъ надѣловъ или дворовъ, которые были переданы Фокою въ непосредственную собственность монастыря[1]. Юридическое состояніе поля Спанова, χωράφιον τοῦ Σπανοῦ, было не ясно; и даже не было установлено, отъ какого владѣльца оно получило свое имя. Предметомъ спора являлось, принадлежало ли оно прежде крестьянину того села Вари, на территоріи котораго оно находилось, или же принадлежало нѣкогда крестьянину Спану, числившемуся среди париковъ-хозяевъ села Приновари. Въ 1229 г., незадолго до переписи Фоки, посланнымъ отъ Смирнскаго митрополита, по просьбѣ игумена Лемвіотиссы, сакелларіемъ Варипатомъ, были отобраны показанія обѣихъ тяжущихся сторонъ. Онъ вызвалъ со стороны Приноваритовъ всѣхъ домохозяевъ, двухъ священниковъ, тоже вѣроятно изъ числа[2]) крестьянъ Приновари, и сельскаго сборщика податей. Со стороны монастыря были отобраны показанія отъ хозяевъ монастырскаго села Вари[3]). Старый монахъ Хамокритъ, изъ париковъ-домохозяевъ Вари, показалъ, что прежде его село принадлежало монастырю Пантократора въ Смирнѣ; и что посланный названнымъ монастыремъ монахъ, еще при Мануилѣ Комнинѣ, записалъ поле Спана находящимся внутри территоріи села Вари и захваченнымъ насильственно Приноваритами[4]); вслѣдствіе жалобы монастыря императору Мануилу военный губернаторъ области (дука θемы) Θракисіевъ прибылъ на мѣсто и потребовалъ у Приноваритовъ документы на владѣніе спорнымъ полемъ, и такъ какъ документовъ у Приноваритовъ не оказалось, выселилъ ихъ и взыскалъ штрафъ, равно какъ и подати, слѣдовавшія въ пользу законнаго собственника (συνεισφοράς). Этимъ соб-

---

[1]) Παρίορος Фоки, p. 14.

[2]) διὰ τοῦ χωραφίου τοῦ οὕτω πως ἐπονομαζομένου τοῦ Σπανοῦ καὶ μέσον τῶν δικαίων τῶν χωραφίων τῆς Βάρης, p. 187.

[3]) ἀπὸ τοῦ χωρίου Βάρης τῆς ὑπὸ τὴν βασιλικὴν μονὴν οὔσης.. τόν τε μοναχὸν Μελέτιον τὸν Χαμοκριτὴν καὶ λοιποὺς οἰκοδεσπότας.

[4]) εὗρεν.. τὸ τοιοῦτον χωράφιον ἐντὸς ὂν τῶν χωραφίων τῆς Βάρης... μετὰ δὲ πάντων τῶν ὑπὸ τὴν Βάρην ἣν ἀναλαλούμενος καὶ αὐτὸ τὸ ἐπιλεγόμενον χωράφιον τοῦ Σπανοῦ.

ственникомъ названо въ документѣ село Вари, находившееся во владѣніи монастырей Пантократора, потомъ Лемвіотиссы[1]). Мы, показывалъ названный крестьянинъ села Вари, владѣли имъ до сихъ поръ, когда Приновариты, воспользовавшись отлучкою игумена, выѣхали всѣмъ селомъ на означенное поле и засѣяли его въ одинъ день. Приновариты съ своей стороны показывали единогласно, что поле издавна принадлежало парику ихъ села Спану[2]). Монастырскіе люди возражали на это, что и въ Вари былъ парикъ того же имени. Дѣло окончилось однако соглашеніемъ, и Приновариты сами предложили игумену собственноручно вырыть три межевые камня, означавшіе предѣлы Спанова поля, что игуменъ и исполнилъ[3]).

Спорное поле было ограничено такимъ образомъ постоянными межевыми знаками, выдѣлявшими его изъ территоріи села Вари. Къ какому селу ни былъ приписанъ его первоначальный собственникъ, давшій полю свое имя, онъ владѣлъ имъ на правахъ отдѣльной и независимой, неограниченной временемъ собственности. Устраненіе межевыхъ столбовъ означало включеніе Спанова поля въ общую массу монастырской недвижимости въ селѣ Вари, къ которой оно до того не принадлежало, хотя находилось „среди полей“ и „внутри округи“ села[4]).

Собственникомъ этого отдѣльнаго поля былъ парикъ. Жители обоихъ селъ, Вари и Приновари, были париками, и документъ опредѣленно называетъ Спана парикомъ. Однако онъ былъ полнымъ собственникомъ и его земля была обозначена межевыми камнями. Парики Приновариты являются стороною, тяжущеюся съ монастыремъ, ихъ проніаръ совсѣмъ не упоминается въ документѣ; со стороны же монастырскаго села крестьяне выступаютъ лишь свидѣтелями. Но изъ ихъ показанія видно, что они, парики монастырскаго села, не только обработывали спорное поле, когда оно было отобрано у Приноваритовъ при Мануилѣ Комнинѣ, но считали себя его владѣльцами. Спорное поле было приписано къ монастырскому селу, не къ монастырю непосредственно[5]).

Несмотря на добровольную сдѣлку Приноваритовъ съ монастыремъ, поле Спаново является 30 лѣтъ спустя во властельскихъ рукахъ. Въ 1259 г. его владѣлица Ирина Комнина Вранена и ея зять Комнинъ Фили пожертвовали это поле въ монастырь, вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній париковъ Ирины Вранены съ монастыремъ, какъ сказано въ дарственной самой Ирины, или ради возстановленія правъ монастыря Лемвіотиссы на поле, задолго ранѣе купленное Ириною съ зятемъ и пожертвованное ими монастырю, — какъ объяснялъ Фили[6]). Замѣчательно, что

---

[1]) ἀποκατέστησε εἰς τὸ δηλωθὲν χωρίον τὴν Βάρην τὴν ὑπὸ τὴν μονὴν.. οὖσαν.

[2]) οἴδαμεν πρὸ χρόνων μακρῶν συμπαροίκου ἡμῶν εἶναι τοῦ.. Σπανοῦ.

[3]) σὺ αὐτὸς παζεύσων ἰδίαις χερσὶν ἀποσπάσεις τὰς στήλας τοῦ τοιούτου χωραφίου, διὰ γνωρίμων γὰρ ἦν λαβράτων γύροθεν περιοριζόμενον τὸ.. χωράφιον, p. 189.

[4]) μέσον τῶν δικαίων τῶν χωραφίων τῆς Βάρης.. ἐντὸς ὂν τῶν χωραφίων τῆς Βάρης.

[5]) ἀποκατέστησε τοῦτο εἰς τὸ δηλωθὲν χωρίον τὴν Βάρην τὴν ὑπὸ τὴν μονὴν... καὶ ἡμεν ἔκτοτε νεμόμενοι αὐτὸ μέχρι τοῦ νῦν, p. 188.

[6]) № № 139 и 140, a. 1259.

и въ дарственной Ирины Спаново поле названо находящимся внутри округа монастыря Пантократора, какъ будто въ моментъ пожалованія всей территоріи Вари, принадлежавшей прежде Пантократору, Спаново поле осталось при старой территоріальной зависимости.

Характеръ поземельныхъ отношеній на территоріи села Вари вскрывается далѣе документами по тяжбѣ монастыря изъ-за участковъ по рѣчкѣ Димосіату, протекавшей черезъ Вари. Эти земли значительной цѣнности составляли наслѣдственную собственность семьи Гунаропуловъ, записанныхъ париками Вари; но послѣдніе перепродали ихъ въ разное время своимъ родственникамъ служилымъ людямъ, и возникъ цѣлый рядъ тяжебныхъ дѣлъ монастыря съ новыми, уже независимыми собственниками и ихъ наслѣдниками — властелями. Столкновеніе правъ монастыря на территоріи Вари съ частнымъ землевладѣніемъ усложнилось привлеченіемъ къ дѣлу и другихъ участковъ изъ наслѣдства Гунаропуловъ и притязаніями Влаттеровъ на всю территорію Вари въ моментъ пожалованія ея монастырю Лемвіотиссы. По всѣмъ этимъ дѣламъ, законченнымъ въ большинствѣ случаевъ продажею спорныхъ земель монастырю, монастырскій кодексъ сохранилъ болѣе 20 документовъ. Первые по времени изъ нихъ относятся еще къ концу XII в. и къ началу XIII-го, когда село Вари еще не было пожаловано царскому монастырю Божьей Матери Лемвіотиссы. На наслѣдство Гунаропуловъ по рѣкѣ Димосіату предъявляла претензіи Смирнская церковь.

Въ 1192 г. по жалобѣ родственника дѣтей Гунаропула, вестіарита Василія Влаттера, вышелъ указъ[1]), повелѣвавшій крестьянамъ села Кипариссія, приписаннаго къ Смирнской митрополіи[2]), возвратить насильственно захваченныя ими поля въ мѣстности Димосіонъ[3]) и уплатить наслѣдственнымъ владѣльцамъ морту или десятину за три года незаконнаго владѣнія (родовыми участками Гунаропуловъ). Въ тоже время, управляющіе монастыря Пантократора, которому принадлежало тогда Вари, притѣсняли дочь Гунаропула вдову Констомари, владѣвшую другими участками въ томъ же *имѣніи* Димосіонъ, обложивъ ея землю податью въ пользу монастыря и отобравъ у нея выморочные участки, которыми она завладѣла (по праву близости). Дочь Гунаропула также нашла себѣ защиту[4]), и была возстановлена въ прежнихъ правахъ.

Притѣсненія со стороны монастыря и Смирнской митрополіи, во главѣ которой стоялъ Константинъ Парѳенъ, заставили Гунаропуловъ продавать свои родовые участки. До перехода Вари во владѣніе монастыря Лемвіотиссы состоялось

---

[1]) Lemv. № 131.

[2]) ἔποικοι τοῦ ὑπὸ τὴν ἁγιωτάτην ἐκκλησίαν Σμύρνης χωρίου τοῦ Κυπαρισσίου ... Κυπαρησσηνῶν ἐποίκων.

[3]) γονικόθεν αὐτοῖς διαφέροντα καὶ πρὸ μακρῶν τῶν χρόνων παρὰ τούτων κατεχόμενα τόπια χωραφιαῖα τινὰ ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῇ οὕτως ἐπιλεγομένῃ τὸ Δημόσιον διακείμενα.

[4]) Lemv. № 105. Ср. *Васильевскій*, 146.

по крайности 4 продажи собственниками изъ рода Гунаропуловъ ихъ наслѣдственныхъ земель. Въ трехъ случаяхъ[1]) они продали родственной семьѣ Влаттеровъ участки по рѣчкѣ Димосіату на значительную сумму (всего на 80 ном.), въ четвертомъ былъ проданъ участокъ въ мѣстности Лилидѣ монастырю Лемвіотиссы[2]). Проданы были не всѣ земли наслѣдства Гунаропуловъ часть осталась въ рукахъ прямыхъ потомковъ Гунаропула и ими была продана монастырю: поле въ два модія въ мѣстности Рубаки и виноградники по Димосіату, въ 1240 и 1250 г.[3]); большая же часть однако перешла въ руки вестіарита Влаттера и его наслѣдниковъ. Тѣ участки, которые Влаттеръ отдалъ въ приданое своему зятю, императорскому вестіариту Равдоканаки, была закрѣплена за послѣднимъ царскимъ хрисовуломъ и двумя указами[4]), такъ что монастырь могъ получить ихъ только путемъ покупки. Равдоканаки съ женою уступили свои участки въ Димосіи монастырю за 5 иперпировъ, чтобы положить конецъ тяжбамъ и „всякому скандалу" съ монастыремъ, не признававшимъ ни запродажныхъ актовъ, выданныхъ Гунаропулами[5]), ни рѣшенія губернатора Іоанна Дуки Куртики; на послѣдняго монастырь даже жаловался императору[6]).

Если царскій вестіаритъ Равдоканаки смогъ отстоять свои личныя права, то монастырь съ своей стороны не мирился съ существованіемъ частной собственности на территоріи Вари и исхлопоталъ цѣлый рядъ указовъ противъ семьи Влаттеровъ. Первый изъ нихъ 1232 г. требовалъ изгнанія вдовы Влаттера, равно какъ вышеупомянутаго Равдоканаки, такъ какъ императоръ пожалованіемъ села Вари монастырю „вырвалъ" его изъ рукъ Влаттера. Жена послѣдняго несмотря на то пытается „вырвать" изъ предѣловъ Вари землю, по ея словамъ купленную у париковъ Вари, не имѣя никакого *участія* (т. е. правъ на предпочтительную покупку) въ названномъ селѣ[7]).

Аргументы монастыря изложены обстоятельнѣе во второмъ указѣ, вышедшемъ годъ спустя, именно противъ Равдоканаки. Представители монастыря утверждали передъ Димитріемъ Комниномъ Торникомъ, присланнымъ для разслѣдованія дѣла, что спорная земля принадлежитъ монастырю, такъ какъ находится на территоріи села Милъ (Вари), подареннаго монастырю императоромъ[8]), продажа ея въ свое время наслѣдниками Гунаропула представляется лживой и безсмысленной, такъ какъ эта земля состоитъ въ парикіи[9]), несетъ тягло парикіи; и что монастырь имѣетъ за собою наряду съ прочими основаніями также и согласное свидѣтельство

[1]) Lemv. № 106, a. 1207; 104, a. 1209; 108, a. 1225.
[2]) № 109, a. 1225. Cf. № 141.
[3]) Lemv. № 112 и 116.
[4]) Lemv. № 132, a. 1231 (тамъ упомянутъ и хрисовулъ) и № 133, a. 1233.
[5]) Lemv. № 110, a. 1236.
[6]) Lemv. № 127. Cf. № № 110, 133.
[7]) Πειρωμένη ἀποσπᾶσαι ἀπὸ τῶν συνόρων τοῦ τοιούτου χωρίου γῆν... μηδεμίαν σχοῦσα μετοχὴν ἐπὶ τῷ τοιούτῳ χωρίῳ, ἀφ'ὅτου ἀπὸ ἀνδρὸς αὐτῆς τοῦτο ἀπεσπάσθη... № 111, a. 1232.
[8]) Lemv. № 115, a. 1233... ὡς οὖσαν ἀπὸ τῶν δικαίων τοῦ χωρίου τῶν Μήλων.
[9]) Ὡς ὑπὸ παροικίαν τελούσης.

мѣстныхъ людей[1]). Торникъ постановилъ, что Гунаропулы не должны были продавать означенную землю Влаттеру, такъ какъ земля эта *тянетъ подъ парикіею,* и что тяглые не могутъ продавать свои земли лицамъ, имѣющимъ (земли) на условіяхъ проніи, такъ какъ эти земли всегда остаются тяглыми подъ рукою казны[2]). Монастырь имѣетъ право на спорную землю, такъ какъ она входитъ въ составъ территоріи Вари, такъ какъ жены обоихъ Гунаропуловъ находятся въ живыхъ и приписаны къ монастырю на положеніи париковъ[3]). Равдоканаки долженъ былъ по рѣшенію Торника отступиться отъ земли (по р. Димосіату) и получить отъ монастыря деньги, уплаченныя за нее въ свое время его тестемъ Влаттеромъ.

Однако въ слѣдующемъ 1234 году появился новый указъ, поручавшій военному начальнику области (дукѣ ѳемы) Ласкарю описать монастырское имѣніе Вари: выяснивъ имущество париковъ, отвести на каждаго по его достатку двойной или простой, „парный" или „воловій", надѣлъ и наложить соотвѣтственную подать, платимую париками, и повинности, въ томъ числѣ *οἰκομοδοπαράσπορον*, какъ было во время Влаттера (слѣдовательно, онъ нѣкоторое время владѣлъ всѣмъ селомъ; ср. № 111) и перваго игумена[4]); приказано далѣе „не дозволять крестьянамъ дѣлать, что они хотятъ". Требовалось ограничить свободу распоряженія собственностью, возможность отчуждать на сторону наслѣдственныя земли париковъ. Поводомъ къ этому указу послужилъ излагаемый далѣе случай съ однимъ изъ Гунаропуловъ, хотѣвшимъ продать постороннему лицу одинъ изъ своихъ трехъ „воловьихъ" участковъ, который по словамъ указа былъ уже прежде оставленъ собственникомъ (вѣроятно по невозможности его обработывать) и тѣмъ самымъ перешелъ въ непосредственное владѣніе Влаттера и затѣмъ монастыря. Очевидно, дѣло идетъ о запущенномъ или оставленномъ участкѣ, *ἄπορον*, который его собственникъ хотѣлъ продать; но ему это было не дозволено: онъ долженъ былъ или удержать участокъ за собою, платя за него подати, или оставить его владѣльцу Вари — монастырю.

Опись всѣхъ монастырскихъ имѣній, въ томъ числѣ села Вари, была исполнена въ слѣдующемъ 1235 г. стратопедархомъ Фокою. Установивъ и обозначивъ границы территоріи Вари, Фока не упомянулъ внутри ея ни одного посторонняго собственника. Черезъ три года монахи подали царю прошеніе, въ которомъ заявили, что они-де не знали о существованіи другихъ собственниковъ внутри границъ Вари, но таковые оказались, въ лицѣ Констомара, Поѳа, Мантеяна и родныхъ ихъ, которые владѣютъ-де не малыми землями, среди которыхъ развели виноградникъ. Эти владѣльцы однако оказали монахамъ упорное сопротивленіе, и кодексъ Лемвіотиссы сохранилъ цѣлыхъ шесть указовъ, которыми предписывалось

---

[1]) Σύμφημον τῆς ἐκείσε χώρας μαρτυρίαν.

[2]) Διὰ τὸ ὑπὸ παροικίαν τελεῖν ταύτην καὶ μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖς (ed. -λεῖν) πιπράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα.

[3]) Ср. περίορος Фоки, p. 13.

[4]) № 108, a. 1234: ср. *Васильевскій,* 150.

немедленно изгнать Мантеяновъ и ихъ родню изъ монастырской территоріи[1]). Въ одномъ изъ документовъ упомянуто, что спорныя поля и виноградникъ принадлежали нѣкогда Гунаропулу[2]). Даже послѣ шести указовъ монастырь не избавился отъ частнаго землевладѣнія на территоріи Вари. Спустя значительное время состоялись двѣ продажи полей въ *мѣстности* Вари ихъ собственниками Алексѣемъ Поѳомъ и его племянниками, въ оба раза они продали земли цѣнностью въ 35 иперпировъ[3]). Судя по первому изъ запродажныхъ актовъ, рядомъ съ проданнымъ полемъ оставалась недвижимость въ собственности другого члена фамиліи Поѳовъ.

Не смотря на пожалованіе монастырю всей территоріи Вари, подтвержденное неоднократно хрисовулами, при почти постоянной поддержкѣ монастыря властями, частное землевладѣніе существовало на монастырской территоріи, права монастыря скрещивались и встрѣчались съ правами постороннихъ лицъ, и среди территоріи Вари существовали отдѣльные куски земли, имѣвшіе свою судьбу. Участки париковъ чередовались не только съ землями непосредственнаго владѣнія и хозяйства монастыря, но и съ наслѣдственными владѣніями служилыхъ людей-проніаровъ. Частная собственность упорно не уступала монастырской, между началами свободнаго наслѣдованія или отчужденія и между сеньеріальными правами, послѣдствіями пожалованія, велась борьба, заканчивающаяся въ большинствѣ случаевъ продажей спорной недвижимости.

Источникомъ частнаго владѣнія и правъ постороннихъ лицъ было отчужденіе париками ихъ наслѣдственной земли, въ данномъ случаѣ семьей Гунаропуловъ ихъ полей въ мѣстности по р. Димосіату. Возможно, что Гунаропулы были записаны париками впервые лишь въ описи Фоки: во времена принадлежности Вари монастырю Пантократора, одна изъ Гунаропуловъ не подчинилась монастырскому обложенію и признана была свободной наслѣдственной собственницей[4]); въ переходное время, когда Влаттеръ господствовалъ въ Вари (монастырь Пантократора попалъ въ руки Франковъ), Гунаропулы врядъ ли были стѣсняемы въ своихъ правахъ своимъ родственникомъ; и къ этому времени относятся четыре свободныхъ запродажныхъ акта, совершенныхъ ими въ пользу Влаттера. Земли Гунаропуловъ въ мѣстности Димосіонъ, откуда названіе рѣки Димосіата, составляли повидимому нѣкогда цѣльный комплексъ, мы слышимъ не только о *мѣстности* Димосіи, но объ *имѣніи Димосіи* (προάστειον).

Монастырь признаетъ Гунаропуловъ такими париками какъ и другихъ, двѣ вдовы изъ Гунаропуловъ съ дѣтьми внесены въ перепись Фоки наряду съ другими.

[1]) Lemv. № № 120, a. 1238; 123, a. 1239; 124, a. 1241; 121 и 122, a. 1243; 154, a. 1254. Ср. № 2, p. 8: στίχου τοῦ Μαντειανοῦ.

[2]) Τὰ χωράφια καὶ τὸ ἀμπέλιον τὰ ἀπὸ τοῦ Γουναροπούλου καὶ ἐν διαστίξει ὄντα παρὰ τῶν Μαντειανῶν καὶ τῶν προσγενῶν αὐτῶν, № 122. Ср. хрисов. 1251 г. (№ 4), p. 25: χωράφια καὶ ἀμπέλια τὰ ἐν ταῖς περιλήψεσι τῶν χρυσοβούλλων καὶ προσταγμάτων τῶν προσόντων αὐτοῖς περιγραφόμενα, ἅπερ ἐκράτει ὁ Πόθος καὶ ὁ Μαντειανὸς καὶ οἱ προσγενεῖς αὐτοῦ τὰ ἐπαλεγόμενα τὸ Δημόσιον.

[3]) Lemv. № 142, a. 1286. № 143, a. 1287. Ср. № 160, a. 1271 противъ великаго друнгарія Гавали и Тарханіотовъ.

[4]) Lemv. № 105, a. 1194.

Между состояніемъ париковъ и служилыхъ людей не было пропасти: если Гунаропулы записаны въ податное состояніе, то рядомъ съ ними видимъ и семью Іоанна Влаттера, вестіаритъ же Василій Влаттеръ, котораго монастырь представляетъ захватчикомъ всего Вари, находился въ родствѣ съ Гунаропулами; лицо той же фамиліи является священникомъ и стряпчимъ (νομικός) въ своей родной мѣстности и какъ разъ составилъ акты, которыми передавались въ руки монастыря послѣдніе остатки земель, нѣкогда принадлежавшихъ Гунаропуламъ[1]).

Разсматривая Гунаропуловъ, какъ своихъ париковъ, монастырь считаетъ мѣстность Диносіонъ такою же землею монастыря, какъ вся территорія Вари. Въ случаѣ съ Спановымъ полемъ имѣло мѣсто уничтоженіе межевыхъ знаковъ: здѣсь же повидимому не было потребности въ этомъ, такъ какъ собственность Гунаропуловъ, черезъ отчужденіе частями въ постороннія руки и благодаря раздѣленію между многочисленными наслѣдниками, распалась на рядъ участковъ, утративъ прежнюю цѣльность, на которую указываетъ имя προάστειον. Въ переписи стратопедарха Фоки вся территорія Вари признана сплошною монастырскою собственностью.

Столкновеніе сеньеріальныхъ правъ монастыря съ личной и наслѣдственной собственностью париковъ высказалось наиболѣе опредѣленно въ двухъ указахъ, вышедшихъ незадолго передъ переписью Фоки. Монастырь не отрицаетъ недвижимой собственности париковъ и не объявляетъ ихъ земель своими, хотя настаиваетъ на своихъ правахъ относительно пожалованнаго села Вари. Своею непосредственно монастырь считаетъ землю, не занятую париками; и земля, оставляемая париками, должна поступать въ непосредственное завѣдованіе монастыря. Такъ постановилъ Фока относительно запустѣвшихъ дворовъ (ἐξηλειμμέναι στάσεις) Спана и Минонари и „нѣкоторыхъ полей" Гунаропуловъ, отдавъ ихъ монастырю[2]). Согласно требованію монаховъ, подтвержденному указомъ за одинъ годъ до переписи, Гунаропулъ долженъ былъ или обработывать самъ одинъ изъ своихъ участковъ, оставленный имъ въ запустѣніи, или уступить его монахамъ[3]). Не платящій подати участокъ париковъ поступалъ къ собственнику всей территоріи, владѣльцу Вари — монастырю. Въ требованіи не выходить изъ тягла заключалось главное ограниченіе крестьянской наслѣдственной собственности.

Относительно земель, обработываемыхъ париками и составлявшихъ наслѣдственное ихъ достояніе, монастырь могъ лишь требовать, чтобы онѣ не выходили изъ тяглаго состоянія путемъ отчужденія на сторону, чтобы онѣ не поступали въ руки проніаровъ, служилыхъ людей. Монастырь не отрицалъ за париками собственности личной, отчуждаемой и наслѣдуемой родными, но настаивалъ на сохраненіи единства территоріи и ея характера тяглой, служащей монастырю недвижимости[4]).

[1]) Lemv. № № 142, 143. Cf. 141.

[2]) Περίορος Фоки, p. 14.

[3]) Lemv. № 103.

[4]) Lemv. № 115: διαφέρειν αὐτῷ (τῷ μέρει τῆς μονῆς) τὴν τοιαύτην γῆν, ὡς οὖσαν ἀπὸ τῶν δικαίων τοῦ χωρίου τῶν Μήλων, τοῦ δωρηθέντος αὐτῇ παρὰ τῆς βασιλείας μου, καὶ ψευδῆ καὶ παράλογον γεγονέναι τὴν διάπρασιν τούτης, ὡς ὑπὸ παροικίαν τελούσης.

Часть наслѣдства Гунаропуловъ попала въ собственность сосѣдняго царскаго монастыря Стилла, (болѣе древнее, по положенію на горѣ Стиллѣ, названіе извѣстной обители Пиана Латрскаго[1]). Выше въ своемъ мѣстѣ былъ упомянутъ актъ продажи ему вдовою Гунаропула съ двумя сыновьями Георгіемъ и Іоанномъ поля въ два модія въ мѣстности Рубаши[2]). Повидимому, изъ-за этого самаго участка и произошло столкновеніе между двумя монастырями сорокъ лѣтъ спустя. Дошелъ приговоръ мѣстныхъ людей, помѣщиковъ и крестьянъ сосѣдняго села Мантеи, „о поляхъ и маслинахъ Гунаропулины", т. е. составлявшихъ нѣкогда собственность вдовы Гунаропула[3]). Присяжные нашли, что монастырь Стилла владѣлъ въ томъ же самомъ мѣстѣ (τοποθεσία) 14 деревьями съ землей, купленными у младшаго сына упомянутой вдовы Гунаропула, который, оказывается, не былъ парикомъ Лемвіотиссы, какъ его старшій братъ. Монастырь же Лемвіотиссы владѣлъ полемъ въ два модія и 6-ю деревьями, какъ запустѣвшимъ участкомъ парика Георгія, старшаго сына. Если справедливо, что въ разбираемомъ приговорѣ рѣчь идетъ о томъ же участкѣ, къ которому относится привлеченный запродажный актъ, то оказывается, что мѣстные люди и самъ монастырь (въ пользу котораго состоялся приговоръ) не упоминаютъ о продажѣ, предполагая ее маловажной въ процессѣ, можетъ быть фиктивной.

Болѣе существеннымъ является въ разбираемомъ документѣ, что младшій братъ можетъ продать свою долю наслѣдства на сторону, и не называется парикомъ, какъ его старшій братъ, хозяинъ двора. Мало того, хотя доля старшаго брата находилась въ той же мѣстности, она названа не имѣющей связи или отношенія къ участку младшаго брата[4]). Земля старшаго сына, парика Георгія Гунаропула, является для мѣстныхъ людей, подписавшихъ приговоръ 1281 г., какъ оставленная или запустѣвшая земля парика монастыря[5]), утратившая своего хозяина. Юридическое состояніе спорной крестьянской недвижимости опредѣлено въ документѣ весьма ясно, какъ земли *подъ парикіей*, т. е. зависимой, подчиненной монастырю и записанной въ монастырскій практикъ относительно подати царской и военной[6]) Состояніе участка опредѣляется его принадлежностью къ пожалованной территоріи и внесеніемъ въ практикъ монастыря, пожалованіемъ и тягломъ. Земля несла тягло въ пользу монастыря, въ этомъ состояла сущность пожалованія, и запись въ монастырскій практикъ была формальнымъ опредѣленіемъ состоянія земли. Текстъ важенъ во многихъ отношеніяхъ. Тягло парика разложено на двѣ статьи: царскую подать и военную: подъ первой разумѣется основная подворная подать, которая даже получила по тяглу свое обычное въ другихъ источникахъ названіе καπνικόν или

[1]) Ср. напр. Latr. № 9.

[2]) Lemv. № 112, a. 1240.

[3]) Lemv. № 38, a. 1281.

[4]) Εὑρίσκεται δὲ ἀμέτοχον καὶ ἀπὸ τοῦ μέρους οὗπερ διέπρασε πρὸς τὴν μονὴν τοῦ Στύλλου.

[5]) Ἀπὸ ἐξαλείμματος Γεωργίου . . . τὸ παροικικὸν ἐξάλειμμα τῆς μονῆς.

[6]) Ὑπὸ παροικίαν καὶ διὰ πρακτικοῦ ἐτέθη ἐν τῇ μονῇ τῶν Λέμβων ὑπὲρ κεφαλαίου βασιλικοῦ κα στρατιωτικοῦ.

подворная подать, такъ какъ объектомъ тягла является дворъ[1]). Если мы себѣ представимъ, что сущностью парикіи является тягло, лежащее на землѣ, а не на личности парика, то станетъ яснымъ все затруднительное въ нашемъ документѣ: почему хозяинъ двора названъ парикомъ въ отличіе отъ „его другого брата," почему участокъ, не занесенный въ монастырскій практикъ, могъ быть проданъ, а тяглый дворъ съ землею не могъ быть отчужденъ на сторону его наслѣдственнымъ собственникомъ; будучи же имъ покинутъ, долженъ былъ отойти къ собственнику всей территоріи, занесенной въ практикъ. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ приговоръ.

Что касается личнаго состоянія париковъ Вари, то права монастыря относительно ихъ выражались въ двухъ требованіяхъ: прикрѣпленія ихъ къ территоріи Вари и несенія ими тягла въ пользу монастыря, наряду съ льготами отъ государственныхъ повинностей.

Прикрѣпленіе къ землѣ распространялось прежде всего на пришлыхъ людей, „неизвѣстныхъ казнѣ", которыхъ было разрѣшено селить, приписать къ Вари и освободить отъ повинностей экстраординарныхъ особымъ указомъ 1227 г.[2]). Эти пришлые были переписаны въ описи Фоки, хотя и отдѣльно отъ париковъ, коренныхъ домохозяевъ села Вари. Относительно ихъ поземельнаго устройства весьма замѣчательна краткая инструкція, данная императоромъ дукѣ области Ласкарю. Предписывалось произвести цензъ париковъ Вари: изслѣдовать хозяйственный достатокъ каждаго, записать ихъ, положить на каждаго смотря по достатку парный или единочный надѣлъ и, наконецъ, подать въ пользу монастыря, смотря по надѣлу: парному или воловьему[3]). Изъ текстовъ документа, приведенныхъ въ выпискѣ, явствуетъ, что императоръ предписывалъ не только сообразовать основную подать париковъ съ величиною обработываемаго ими участка, на которомъ и лежала собственно поземельная подать, вносимая вмѣсто казны монастырю; но и величина участковъ должна была быть сообразована съ имущественнымъ достаткомъ хозяина-парика. Предполагался формальный передѣлъ или надѣлъ париковъ землею, связанный самымъ очевиднымъ образомъ съ цензомъ, произведеннымъ чиновникомъ правительства. Какъ ни понимать происхожденіе терминовъ: „парная" и „воловья" земля, зевгаратъ и воидатъ, несомнѣнно, что ими означаются въ данномъ текстѣ участки извѣстной постоянной цѣнности, единицы надѣла и обложенія, вѣроятно

---

[1]) Подъ военной податью разумѣется, повидимому, аннона (σιταρκία, ср. институтъ συνωνή).

[2]) Lemv. № 155: προσκαθίσαι . . ξένους καὶ τῷ δημοσίῳ ἀνεπιγνώστους καὶ ἐξκουσσεύειν αὐτοὺς ἀπὸ πάσης καὶ πάντοίας ἐπηρείας, ἤγουν ἀγγαρείας, παραγγαρείας, ζημίας, ψωμοζημίας, καστροκτισίας, ἐξελάσεως πλωΐμων καὶ κονταράτων καὶ ἀπ' αὐτῶν δὴ τῶν δύο κεφαλαίων τῆς ἀγάπης καὶ σιταρκίας.

[3]) Lemv. № 103, a. 1234: ἀναθεωρήσης τοὺς ἐκεῖσε προσκαθημένους παροίκους καὶ ἀναγράψης τούτους καὶ ἀποκαταστήσης ἕκαστον τῶν παροίκων ἢ ζευγαρατικὴν ἢ βοϊδατικὴν κατὰ τὴν ἑκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν καὶ ἀποκαταστήσης αὐτοὺς διδόναι τὸ ἀναλογοῦν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοϊδάτῳ παροικιὸν τέλος καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ. cf. ibid. εἴπερ θελήσει ὁ . . Γουναρόπουλος κατέχειν τὴν τοιαύτην βοϊδατικὴν γῆν, ἵνα ἀποκαταστήσης αὐτὸν κατέχειν ταύτην καὶ καταβάλλειν πρὸς τὸ μέρος τῆς μονῆς τὰ ὑπὲρ τοῦ τοιούτου βοϊδατικοῦ ἀνήκοντα τούτῳ· τελέσματα καὶ λοιπὰ παροικικὰ βάρη.

означавшія цѣлый и половинный надѣлъ и тягло. Правительство не желаетъ считаться съ родовою и наслѣдственною собственностью париковъ, которая такъ ясно заявлена въ актахъ о наслѣдствѣ Гунаропуловъ; но предполагаетъ передѣлъ въ интересахъ податного обложенія. Этотъ текстъ рѣзко выдѣляется изъ массы документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣйствительномъ господствѣ наслѣдственной крестьянской собственности, съ ея неизбѣжной неравномѣрностью участковъ, полученныхъ путемъ раздѣла между наслѣдниками. Нашъ документъ долженъ быть поставленъ рядомъ съ извѣстной сентенціей магистра Космы о передѣлахъ крестьянскихъ земель [1]).

Все это придаетъ документу большую цѣнность. И онъ не совершенно одинокъ въ кодексѣ Лемвіотиссы, хотя въ генеральной описи Фоки, составленной годъ спустя, не замѣтно слѣдовъ ценза съ новымъ надѣленіемъ париковъ Вари простыми и двойными участками, воидатами и зевгаратами. Напротивъ того, въ переписи Фоки мы наблюдали дворы париковъ съ неравномѣрнымъ числомъ душъ и частью въ рукахъ женщинъ-вдовъ; а также запустѣвшіе участки, отданные въ непосредственное завѣдованіе монастыря. Въ кодексѣ Лемвіотиссы сохранилась неизвѣстнаго года повелѣніе царскому домашнему человѣку Іоанну Сиропулу, говорящая о произведенной послѣднимъ переписи монастырскихъ владѣній. При разборѣ монастырскихъ доходовъ, т. е. при перечисленіи дворовъ, платящихъ монастырю подать (τέλος), обнаружилось превышеніе ихъ числа сравнительно съ прежними данными писцовыхъ книгъ: изъ этого избытка приказано отчислить пятнадцать иперпировъ годового дохода въ пользу монастыря, а остальное должно было вноситься монастыремъ въ царскую казну [2]). Въ этомъ предписаніи, весьма лаконичномъ, содержится указаніе на произведенный цензъ (ἀπογραφή), на оцѣнку доходовъ съ монастырскихъ недвижимостей. Весьма вѣроятно, что цензъ сопровождался новой раскладкой подати между париками, которой предшествовало бы, судя по инструкціи 1234 г., и новое распредѣленіе надѣловъ, по крайности между пришлыми париками.

Къ тому же времени относятся извѣстія исторіи Пахимера о весьма сходныхъ мѣропріятіяхъ правительства Михаила Палеолога, имѣвшихъ мѣсто на земляхъ военныхъ поселенцевъ на Виѳинскомъ рубежѣ имперіи. Они приписаны иниціативѣ епарха Хадина, быть можетъ тожественнаго съ протоіеракаріемъ Константиномъ Хадиномъ, къ которому адресованъ одинъ изъ указовъ, вошедшихъ въ кодексъ Лемвіотиссы [3]). Епархъ Хадинъ переписалъ недвижимое и движимое имущество акритовъ и на основаніи ихъ достатка занесъ ихъ въ служебные списки. При

---

[1]) *Leunclavii* Jus Gr.-Rom., II, p. 167. *Zachariæ*, Geschichte d. griech.-roem. Rechts, 3 Aufl. Berlin 1892, p. 253.

[2]) Lemv. № 159: ἀπὸ τῆς περισσείας τῶν ὑπαρπύρων τῆς εὑρηθείσης ἀπὸ τῆς ἀπογραφῆς σου εἰς τὰ κτήματα τῆς . . μονῆς.

[3]) Lemv. № 179, около середины XIII в.

этомъ онъ надѣлилъ каждаго имуществомъ на 40 номисмъ ежегоднаго дохода, отобравъ въ казну оказавшіеся излишки[1]).

Прикрѣпленіе крестьянъ къ территоріи Вари было выражено прежде всего въ хрисовулахъ, которыми подтверждались пожалованія монастырю и его пріобрѣтенія. Упоминая село Вари, хрисовулы говорятъ о приписанныхъ къ селу парикахъ въ постоянныхъ выраженіяхъ; при этомъ три первые хрисовула называютъ трехъ братьевъ изъ париковъ Вари, переселившихся въ городъ Смирну, но оставшихся тяглыми или оброчными людьми монастыря[2]). Въ случаѣ съ этими тремя братьями, переселившимися въ Смирну, имѣемъ прикрѣпленіе не къ землѣ, на которую ихъ монастырь не требовалъ, но прикрѣпленіе къ тяглу, къ повинностямъ въ пользу монастыря[3]). Частновладѣльческіе парики могли жить и промышлять въ монастырскомъ селѣ Вари, съ разрѣшенія и съ вѣдома ихъ господъ. Ирина паниперсеваста, постригшаяся въ монахини, пожертвовала Лемвіотиссѣ своего парика, поселившагося въ Вари, Михаила Мурмантина, со всѣми своими правами на него, означенными въ практикѣ и предоставленными ей милостію императоровъ; никто изъ ея управляющихъ не долженъ былъ впредь привлекать названнаго парика къ какой либо данѣ или повинности[4]).

Этотъ документъ вызываетъ несомнѣнныя затрудненія. „Единственный примѣръ, что париковъ дарятъ, но и въ томъ случаѣ, вѣроятно, съ землею", пишетъ В. Г. Васильевскій[5]). Прежде всего, Ирина говоритъ о своихъ управляющихъ означенномъ имѣніемъ, κτῆμα. Ни о какомъ другомъ „имѣніи" не упомянуто, кромѣ Вари, но оно давно составляло собственность монастыря. Мурмунты, откуда, судя по фамиліи, происходилъ жертвуемый парикъ, были собственностью Ирины, но о нихъ нѣтъ въ документѣ рѣчи, Мурмантинъ лишь правище парика. Остается думать, что κτῆμα относится къ части территоріи Вари, находившейся въ собственности Ирины, и въ томъ смыслѣ понимать слова акта: „со всѣми угодьями (правами, δικαίων) означенными въ моемъ практикѣ и пожалованными мнѣ... государями." Но затрудненія не устраняются этимъ предположеніемъ о жалованной недвижимости Ирины на территоріи Вари, для которой былъ составленъ практикъ и которая управлялась людьми Ирины. Другихъ слѣдовъ ея владѣній въ Вари мы не встрѣтили[6]).

---

[1]) *Georgii Pachymeris* I, p. 18 Bonn. ἄνδρας βαθυπλούτους εὑρὼν καὶ κτήμασι καὶ θρέμμασι βρίθοντας, στρατιώτας τούτους ἐκ τῶν σφετέρων ἐκείνων καὶ οἷς ὁ ἑκάστου βίος συνεκεκρότητο, καὶ εἰς τεσσαράκοντα νομίσματα τῷ ἑνὶ συμποσώσας... τὸ λοιπὸν τοῦ τεθέντος τέλους.. τῷ βασιλικῷ ταμιείῳ εἰσκομίζεσθαι ἔταξεν.

[2]) Lemv. № 1: ἡ Βάρη ἤτοι τὰ Μῆλα σὺν τοῖς ἐν αὐτῷ προσκαθημένοις καὶ τοῖς ἀπὸ τούτων ἐκεῖθεν μεταπεσοῦσι καὶ ἐν τῇ Σμύρνῃ προσκαθίσασι τρισὶν αὐτοαδέλφοις τοῖς παισὶ τῆς Μηλοῦς. Сл. №№ 3 и 4.

[3]) ὥστε εἰς δουλείαν αὐτῶν καὶ συγκρότησιν ἔχειν τοὺς μοναχοὺς... ἐφ' αἷς δουλείαις τῆς μονῆς τὴν τούτων ἔχουσι χρῆσιν καὶ τὴν ἐξ αὐτῶν ἔξοδον ἀποφέρεσθαι.

[4]) Lemv. № 146, V, a. 1261: ἐκδίδωμι.. τὸν πάροικόν μου τὸν καὶ προσκαθήμενον εἰς τὴν Βάρην, Μιχαὴλ τὸν Μουρμαντηνόν, μετὰ πάντων τῶν διὰ πρακτικοῦ μου δικαίων . . . καὶ οὐδεὶς τῶν ἡμετέρων ἀνθρώπων τῶν κατὰ καιροὺς ἐνεργούντων τὸ τοιοῦτον κτῆμα ὀφείλει παρενοχλεῖν τὸν δηλωθέντα πάροικον εἰς οἱανδήποτε δόσιν.

[5]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, іюль, стр., 130.

[6]) Кромѣ Спанова поля, бывшаго ἰδιοπεριόριστον — составлявшаго отдѣльное владѣніе, если бы Ирина паниперсеваста была тождественна съ Ириной Враненой, подарившей Спаново поле монастырю. Lemv. № 139, a. 1259.

По описи Фоки таковыя (какъ впрочемъ и дѣйствительно существовавшія, Равдоканади и другихъ) не упомянуты; въ позднѣйшее время царь Ватаци врядъ ли подарилъ бы кому нибудь земли на территоріи Вари. Нужно скорѣе предполагать, что κτῆμα и практикъ таковово имѣнія относятся къ отдѣльному имѣнію Асани, о которомъ идетъ рѣчь въ другихъ дарственныхъ той же Ирины, помѣщенныхъ въ монастырскомъ кодексѣ непосредственно передъ разбираемымъ документомъ. Асани не принадлежало къ собственной территоріи Вари[1]). Намъ казалось бы нужнымъ разсматривать и разбираемую дарственную, какъ послѣдній изъ актовъ, утверждавшихъ за монастыремъ владѣнія Ирины въ мѣстности Асани, и относить къ этой мѣстности упомянутый въ документѣ практикъ, также остатки владѣній Ирины по этому практику, и наконецъ самого парика Михаила Мурмантина считать приписаннымъ къ этимъ владѣніямъ Ирины, лежавшимъ недалеко отъ территоріи Вари, но внѣ ея. Дарственную на парика Мурмантина, поселившагося въ Вари, слѣдуетъ сопоставить съ записью за монастыремъ вышеупомянутыхъ трехъ париковъ изъ села Вари, переселившихся въ Смирну, вѣроятно для торговли. Во всякомъ случаѣ, дарственная на Мурмантина не представляетъ такого новаго факта къ исторіи крѣпостныхъ и поземельныхъ отношеній, который могъ бы поколебать общій выводъ о территоріальной основѣ зависимыхъ отношеній: монастырю уступается не человѣкъ съ его землею въ Вари, а его тягло, права на подать съ него, при чемъ упомянутыя въ документѣ δίκαια (права, угодья) могутъ относиться къ собственности, лежащей за предѣлами Вари. Мурмантинъ могъ жить въ селѣ Вари, какъ три монастырскихъ парика въ городѣ Смирнѣ, и въ обоихъ случаяхъ за монастыремъ укрѣплялось право на ихъ подать. Разбираемый документъ врядъ ли дошелъ въ подлинномъ видѣ, онъ никѣмъ не засвидѣтельствованъ, производитъ впечатлѣніе записки.

Три парика, переселившіеся въ Смирну, были, вѣроятно, торговые люди. Если же земледѣльцы-парики уходили съ своего хозяйства, то монастырь настаивалъ на ихъ возвращеніи. Въ 1244 г. потребовался спеціальный указъ о водвореніи на покинутые участки разбѣжавшихся монастырскихъ париковъ. Монахи жаловались, что крестьяне Вари и другихъ владѣній Лемвіотиссы выселились и ушли въ различныя, поименованныя въ указѣ, мѣста, изъ коихъ нѣкоторыя намъ извѣстны какъ вотчины крупныхъ владѣльцевъ (Кукулъ, Мурмунты). Императоръ по жалобѣ монаховъ предписалъ, чтобы бѣглые парики монастыря были изъяты отъ казенныхъ чиновниковъ на мѣстахъ ихъ новаго поселенія и переданы монастырю для водворенія на своихъ заброшенныхъ хозяйствахъ, чтобы монастырь не лишался своего отъ нихъ дохода[2]). Черезъ 15 лѣтъ монахамъ пришлось хлопотать о новомъ указѣ противъ крестьянъ Вари[3]). Монахи жаловались, что крестьяне (ἔποικοι) села Вари,

---

[1]) Πρόχορος Φωκᾶ, p. 11.

[2]) Lemv. № 166, a. 1244: ἀπολυθῆναι τοὺς τοιούτους παροίκους τῆς.. μονῆς παρὰ τῶν κατὰ τόπους διενεργούντων δικαίῳ τοῦ δημοσίου, οἷς οὗτοι προσερρύησαν, πρὸς τὸ μέρος αὐτῆς ἄνευ λόγου τινὸς ἢ προφάσεως ..... παρὰ τῶν κατεχόντων.

[3]) Lemv. № 161, a. 1259.

которыми они владѣютъ по императорскимъ хрисовуламъ, а также по различнымъ рѣшеніямъ и описямъ (πρακτικά), составленнымъ для нихъ Аитаномъ и Свадеемъ (не дошли), не повинуются и не желаютъ вносить положенную подать[1]). Кромѣ того, не давая сами монахамъ, они даже препятствуютъ людямъ, пришедшимъ изъ чужихъ мѣстъ и поселившимся въ Вари, давать монастырю, что слѣдуетъ, не желаютъ подлежать обычной барщинѣ (собственно ямской повинности) и ничего не хотятъ дѣлать, что дѣлаютъ несущіе тягло парикіи[2]). Императоръ подтвердилъ, что крестьяне села Вари должны быть подчинены монастырю Лемвіотиссы и давать положенную подать, исполнять ангарію по обычаю и все, что слѣдуетъ съ нихъ монастырю. Поручалось главному областному начальнику казенныхъ сборовъ привести означенныхъ поселянъ (χωρίτας) къ повиновенію. Кромѣ того, такъ какъ крестьяне Вари по случаю снаряженія въ походъ заняли у монастыря пятьдесятъ пять иперпировъ и не заводили рѣчи о своемъ долгѣ, предписывалось имъ отдать его монастырю полностью.

Въ предыдущемъ были сопоставлены, во первыхъ, документы, свидѣтельствующіе о борьбѣ монастыря съ частнымъ землевладѣніемъ на территоріи пожалованнаго села Вари. Монастырь признавалъ собственность крестьянъ Вари, но требовалъ, чтобы земля не выходила изъ тяглаго состоянія, несла подати и повинности въ пользу монастыря. Далѣе, другая группа документовъ имѣетъ отношеніе къ прикрѣпленности самихъ париковъ; и какъ основаніе отношеній монастыря къ парикамъ обозначалось то же самое отбываніе повинностей. Принципіально высказалось это послѣднее въ указѣ противъ непокорныхъ старожиловъ (ἔποικοι) села Вари, не желавшихъ платить подать и нести повинности даже мѣшавшихъ въ томъ пришлымъ поселенцамъ, болѣе послушнымъ. Послѣдніе сидѣли не на своихъ родовыхъ и унаслѣдованныхъ земляхъ, но на пріобрѣтенныхъ, можетъ быть отведенныхъ монастыремъ надѣлахъ, — именно по инструкціи 1234 г.[3]) объ отводѣ „парныхъ" и „воловьихъ" участковъ парикамъ Вари, при разложеніи подати сообразно съ надѣлами.

Теперь сопоставимъ матеріалъ относительно обложенія, тягла париковъ на территоріи Вари. Указъ противъ мятежныхъ крестьянъ ясно различаетъ 1) τὸ ἀνῆκον τέλους χάριν, положенную подать, 2) ἡ συνήθης ἀγγαρεία, обычная (ямская) повинность, и 3) остальныя повинности париковъ[4]). Въ упомянутой только что краткой инструкціи о переписи обязанности париковъ въ отношеніи къ монастырю обозначены слѣдующими выраженіями: 1) τὸ ἀναλογοῦν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοϊδάτῳ παροικιὸν τέλος — сообразная съ парнымъ и одиночнымъ надѣлами подать париковъ; 2) καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ, т. е. повинности, вродѣ ангаріи, 3) малоизвѣстная

---

[1]) τὸ ἀνῆκον τέλους χάριν.

[2]) ἔτι δὲ πρὸς τῷ μὴ τοῦτο διδόναι τοὺς τοιούτους (l. τοῖς τ.) κωλύουσι καὶ τοὺς ἀπὸ ξένης ἐλθόντας καὶ ἐκεῖσε προσκαθίσαντας εὐγνωμόνως διδόναι τὸ ἀνῆκον αὐτῇ, οὔτε δὲ τῇ συνήθει ἀγγαρείᾳ ὑποκεῖσθαι θέλουσιν, οὔτ' ἄλλο τι ποιεῖν ἐθέλουσι τῶν ὅσα ὑπὸ παροικίαν τελούντων ποιοῦσιν.

[3]) Lemv. № 103.

[4]) Lemv. № 161.

денежная повинность или сборъ οἰκομεδοπαράσπορον[1]) и 4) общее требованіе не выходить изъ воли монастырскаго управленія, т. е. прежде всего не отчуждать свою собственность безъ вѣдома монастырской братіи[2]).

Изъ этого документа ясно видно, что τέλος париковъ былъ поземельной податью, тягломъ въ пользу монастыря. Основаніемъ всего ихъ отношенія къ землѣ и къ вотчиннику-монастырю является поземельная подать, παροικιὸν τέλος. Подать эта не равномѣрна, не поголовная, но подворная, сообразная съ цѣнностью участка[3]). Эта подать идетъ въ пользу монастыря и составляетъ сущность правъ, вытекающихъ изъ пожалованія. Не парики собственно обложены податью, но земля, къ которой они приписаны, и государство, жалуя территорію монастырю, уступаетъ ему свои права на крестьянскія тягла. Это начало выражено въ приговорѣ Комнина Торника по дѣлу о продажѣ парикомъ Гунаропуломъ своей родовой, но тяглой земли вестіариту Влаттеру: продажа не должна считаться законной, такъ какъ монастырская тяглая земля, бывшая казенной, не могла переходить въ руки частнаго собственника и выйти изъ тяглаго состоянія[4]). Выраженіе ὑπὸ παροικίαν τελεῖν, собственно относящееся къ землѣ, могло прилагаться и къ парикамъ, какъ нѣсколько ниже въ томъ же самомъ документѣ.

Въ пожалованіи поземельной подати лежитъ корень монастырскаго иммунитета. Послѣдствіемъ и развитіемъ пожалованія территоріи является освобожденіе париковъ не только отъ основной поземельной подати (τέλος), въ пользу казны, но и отъ всѣхъ по возможности государственныхъ повинностей и сборовъ. Имѣя въ виду поземельныя отношенія и ими опредѣляемые общественные союзы, мы оставимъ по возможности въ сторонѣ подробности податной системы. Перечисленіе повинностей, отъ которыхъ были избавлены парики Вари, находимъ прежде всего въ общихъ хрисовулахъ о владѣніяхъ монастыря[5]), въ указѣ о поселеніи пришлыхъ[6]), въ грамотѣ по поводу притѣсненій губернатора Куртики[7]), въ общей описи стратопедарха Фоки[8]), и наконецъ въ спеціальныхъ грамотахъ, освобождавшихъ отъ морскихъ повинностей и сборовъ[9]), поставки подводъ[10]), а также сборовъ со скота (ἐννόμιον)[11]).

---

[1]) Ср. *Ѳ. И. Успенскій*, въ Зап. Имп. Новор. Унив. т. XXXVIII, 41; г. *П. Безобразовъ*, въ Визант. Врем. VII, 87—8.

[2]) Lemv. № 103: καὶ μὴ ἐάσῃς τοὺς χωρίτας ἕνα ἕκαστον ποιεῖν, ὅπερ ἄρα καὶ βούλεται. Ср. далѣе о Гунаропулѣ.

[3]) Ср. *Васильевскій*, ук. с., 150.

[4]) Lemv. № 115: διὰ τὸ ὑπὸ παροικίαν τελεῖν ταύτην (sc. τὴν γῆν) καὶ μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖς πιπράσκειν τὰ παρ'αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα.

[5]) Lemv. № № 1, 3, 4, грамота патр. Арсенія № 181.

[6]) Lemv, № 155, a. 1227.

[7]) Lemv. № 127, a. 1233.

[8]) Lemv. № 2, a. 1235.

[9]) Lemv. № 157, a. 1237; 156, a. 1240; 158 II, a. 1250; 158 III, a. 1240; 158 IV, a. 1249; Ср. *Васильевскій*, у. с., 120—123.

[10]) Lemv. № 158.

[11]) Lemv. № 158 V, a. 1238; № 156, a. 1240.

Соседнее село Мантея (Μάνταια) ни въ одномъ изъ документовъ монастырскаго кодекса не означено принадлежащимъ монастырю, и ни въ одномъ изъ дарованныхъ Лемвіотиссѣ хрисовуловъ не упомянуто о пожалованіи этого села. Но и ранѣе возстановленія обители императоромъ Іоанномъ Ватаци она имѣла недвижимость на территоріи Мантеи.

Къ 1193 г., когда Лемвіотисса не была еще царскимъ монастыремъ, но находилась подъ началомъ Великой церкви Константинопольской, относится „старинный актъ имѣющій значеніе свидѣтельства" по дѣлу монастыря съ жителемъ села Мантеи, по имени Николаемъ Казани изъ-за масличной плантаціи[1]). Документъ былъ выданъ катепаномъ Смирны и еще другимъ должностнымъ лицемъ и составленъ въ присутствіи многихъ знатныхъ лицъ. Собственно не извѣстно, гдѣ находилась спорная плантація, но упомянуто, что Казани былъ въ качествѣ жителя Мантеи парикомъ Великой церкви и захватилъ монастырскую недвижимость, ставшую запустѣвшей (ἄπορον) послѣ раззоренія монастыря Агарянами; вѣроятно, плантація находилась на территоріи Мантеи. Занявъ плантацію, какъ заброшенную собственникомъ, Казани выхлопоталъ и документъ на владѣніе, выданный по порученію патріархіи Лангидою, должностнымъ лицомъ съ титуломъ μεγαλεπιφανέστατος, и съ вѣдома Смирнскаго митрополита; но ἀποκατάστασις (протоколъ о владѣніи) Лангиды былъ признанъ въ 1193 г. не достаточнымъ, и плантація была возвращена монастырю Лемвіотиссы, такъ какъ она была записана въ *стихѣ* монастыря Кастамонитомъ, составившимъ мѣстный (монастырскій) практикъ; на нее наложена была поземельная подать, вносимая монахами все время до составленія приговора[2]).

Первымъ крупнымъ пожертвованіемъ на территоріи Мантеи былъ частный монастырь св. Пантелеимона, расположенный въ верхней части села съ южной его стороны[3]), и по другому извѣстію при селѣ Мантеѣ противъ усадьбы служилаго человѣка Ѳракисія на верхней части прилежащаго холма[4]). Обитель была основана на (частной) собственности не крестьянской, хотя и находившейся на территоріи села Мантеи, отцомъ жертвователя, священника Алексѣя Тесанта, *господиномъ* Лукою, построившимъ ее и собравшимъ монаховъ, и поступила къ жертвователю, какъ наслѣдственная собственность; но онъ, въ виду притѣсненій со стороны злокозненныхъ людей и упадка его обители, предпочелъ передать ее игумену Лемвіотиссы на правахъ метоха и самъ поступилъ въ число братіи. Два документа, по которымъ онъ уступилъ свои права Лемвіотиссѣ[5]), содержатъ перечисленіе недвижимаго и движимаго имущества новаго метоха. Возлѣ самаго монастыря св. Пантелеимона находились „различныя поля", 150 масличныхъ и нѣсколько другихъ деревьевъ и еще 7 участковъ на территоріи Мантеи, въ различныхъ

[1]) Lemv. № 18, a. 1193. Cf. № 2, p. 8.

[2]) ἐν τῷ πρακτικῷ τῷ παρὰ τοῦ Κασταμονίτου γεγονότι καταγεγραμμένα ἐν τῷ στίχῳ τῆς μονῆς, δι' ὧν καὶ τέλος.

[3]) Lemv. № 16: ἐν τῷ ἐπάνω ὄρει τῆς Μανταίας ἀπὸ μεσημβρίας τῆς αὐτῆς χώρας.

[4]) Lemv. № 2, p. 7.

[5]) Lemv. № 15 и 16, a. 1232 и 1233.

мѣстностяхъ (τοποθεσίαι); изъ этихъ участковъ пять было подъ пахотной землей, одинъ крупнѣйшій изъ нихъ имѣлъ площадь въ 24 модія. Прежнія владѣнія Луки Тесаита, названнаго *киромъ*, обнимали цѣлый комплексъ участковъ, не заключенныхъ въ одной мѣстѣ, но разбросанныхъ въ различныхъ *мѣстностяхъ* на территоріи Мантеи.

Сынъ Алексѣя Тесаита Михаилъ, также священникъ, какъ и Алексѣй, отдалъ монастырю Лемвіотиссы[1]) все положенное имъ на улучшеніе метоха вмѣстѣ съ храмомъ во имя Іоанна Предтечи (вѣроятно упомянутымъ въ дарственной Алексѣя въ качествѣ не достроенной молельни, ἀνοικοδόμητον εὐκτήριον), и вмѣстѣ со всѣмъ своимъ достояніемъ. Михаилъ Тесаитъ называетъ себя уже присельникомъ (προσκαθήμενος) Мантеи. Въ такомъ же положеніи парика Михаилъ является въ документѣ 1280 г., составленномъ по дѣлу монастыря съ господиномъ Фокою зятемъ Кирамаріи[2]). Фока предъявилъ притязанія на наслѣдство Алексѣя Тесаита и созвалъ для суда служилыхъ людей и домохозяевъ, жителей села Мантеи, и тѣхъ и другихъ по 4 человѣка: представителями или присяжными отъ села Мантеи явились въ одинаковомъ числѣ служилые собственники и крестьяне.

Въ первой же общей переписи монастырскихъ владѣній, составленной стратопедархомъ Фокою въ 1235 г., приписанными къ метоху св. Пантелеимона являются цѣлый рядъ участковъ пахоти и плантацій, пожертвованыхъ различными собственниками села Мантеи[3]). Эти участки перечислены въ актѣ, составленномъ Фокою: въ самомъ селѣ дворъ съ келью и церковью неукрашенной, рядомъ поле, обнесенное рвомъ; въ мѣстности Паракаламѣ пять маслинъ отъ (крестьянина) Канти; въ мѣстности св. Константина четыре отъ Капирадія, да еще 14 посажено самими монахами; въ мѣстности св. Варвары четыре маслины отъ Каломираста; въ мѣстности Трахинахъ три отъ Стефана Геге; внутри огорода Никиты Ѳеофилакта пожертвовано имъ двѣ маслины; въ мѣстности Хаскауги пять отъ Николая Платанита; въ мѣстности Гурни возлѣ поля Планита 11 маслинъ отъ Куртики и шесть отъ Клапаты; внутри владѣній митрополіи возлѣ земли жены Рентаки два дерева отъ Паннадія; въ мѣстности Конхѣ у царской дороги 8 деревьевъ отъ Казани; въ мѣстности у дороги въ село Панаретъ 5 деревьевъ отъ Статмиста; въ мѣстности Ксирокампѣ возлѣ участка Агрипа пять отъ Мосхоіоанна, да еще посажено вновь тринадцать; въ мѣстности (рѣки) Варвиоа возлѣ земли парика Мономаха 5 дер. отъ Пепагомена; въ мѣстности Панаретѣ возлѣ земли Панарета (очевидно крестьянина Панарета, не села того же имени) 8 дер. отъ Гудели и два отъ монахини Зонары; отдѣльное (ἰδιοπεριόριστον) поле св. Иліи въ одинъ модій площадью, даръ Гордата, записано въ стихѣ Капила[4]); въ мѣстности Лагоникѣ поле въ три морскихъ модія

[1]) Lemv. № 40.

[2]) Lemv. № 60, a. 1280.

[3]) Περίορος τοῦ Φωκᾶ, Lemv. № 2, p. 7: προσήρμοσαν δὲ τῷ τοιούτῳ μετοχίῳ τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος ἐκ προσενέξεως τινῶν ἀποίκων τοῦ χωρίου Μανταίας.

[4]) Ἐκ προσενέξεως τοῦ Γορδάτου, ἀπὸ τοῦ στίχου ὃν τοῦ Καπήλου.

съ деревьями, отъ стиха Мантіана[1]); въ мѣстности Канцурина возлѣ земель потомковъ Полея (Полеадовъ) 16 деревьевъ, издавна принадлежавшихъ монастырю; наконецъ въ мѣстности Финика 58 маслинъ, купленныхъ у Какавы. На этомъ кончается перечисленіе угодій, приписанныхъ къ метоху св. Пантелеимона въ Мантеѣ, и перепись переходитъ къ другому метоху, расположеному возлѣ Смирны.

Такимъ образомъ, кромѣ метоха съ принадлежащими къ нему непосредственно 7-ю участками, монастырь Лемвіотиссы владѣлъ на территоріи Мантеи къ 1235 году еще 22-мя участками, большей частью подъ масличными плантаціями, разбросанными въ 18 мѣстностяхъ (*τοποθεσίαι*) или отдѣльныхъ концахъ. Если прибавимъ двѣ другія мѣстности, упомянутыя въ дарственной Алексѣя Тесаита на самый метохъ Пантелеимона, то получимъ двадцать различныхъ *τοποθεσίαι* на территоріи Мантеи, и мы никакъ не можемъ полагать число ихъ исчерпаннымъ. Большинство ихъ получило имена отъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, имѣвшихъ эти комплексы въ цѣлости до раздробленія, въ которомъ *мѣстности* являются въ XIII в. Сюда относятся топоѳесіи Паракалама, Трахиновъ (?), Панарета, Канцурина, Финика, Мадаріота. Другія топоѳесіи вѣроятно уже подъ церковнымъ вліяніемъ (Мантея принадлежала въ концѣ XII в. Великой церкви, см. дѣло о Казани № 18) получили имена святыхъ: св. Захаріи, св. Константина, св. Варвары, поле св. Иліи. Многія имена, наконецъ, усвоены по естественнымъ и топографическимъ признакамъ[2]):

Чтобы рѣшить, была ли топоѳесія чисто топографическимъ обозначеніемъ, или же съ нею связывалась принадлежность къ извѣстному комплексу участковъ внутри сельской округи, связанныхъ между собою извѣстными юридическими и и податными установленіями, какъ *προτίμησις* и *ἐπιβολή*, — подождемъ дальнѣйшихъ данныхъ. Судя по именамъ, нѣкоторыя топоѳесіи нѣкогда принадлежали одному собственнику, слѣдовательно было время, когда между участками топоѳесіи сохранялась юридическая и податная близость. Слѣды этой близости можно наблюдать въ обозначеніи сосѣда, перенесенномъ въ монастырскій практикъ изъ писцовыхъ книгъ, гдѣ таковое означеніе сосѣда указывало, кому принадлежатъ права предпочтенія при отчужденіи и относительно оставленныхъ земель. Поступая въ собственность царскаго монастыря, участки утрачивали всякую связь съ сосѣдними, хотя бы родовыми землями. Въ оригиналѣ, въ акростихѣ имя сосѣда имѣло значеніе, утраченное въ монастырскомъ практикѣ[3]).

---

[1]) Τοῦ στίχου τοῦ Μαντειανοῦ.

[2]) τῆς Ἀμυγδάλας, τῆς Κόγχης, τῆς Λαγωνικῆς, τοῦ ποταμοῦ τοῦ Βαρβύθους, τοῦ Ξηροκάμπου, τῆς Χασκαυγῆς Cf. p. 6.

[3]) Ср. ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῆς Γούρνης πλησίον τοῦ χωραφίου τοῦ Πλανίτου ἐκ προσενέξεως τοῦ Κουρτίκη (cf. Lemv. № 34). ἐν τοῖς δικαίοις τῆς μητροπόλεως πλησίον τῆς Ρευτακηνῆς ἐκ προσενέξεως τοῦ Παυναδίου... ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Ξηροκάμπου πλησίον τοῦ Ἀγρηνοῦ ἐκ προσενέξεως τοῦ Μοσχοιωάννου δένδρα πέντε. κατεφυτεύθησαν ἐν τῇ αὐτῇ τοποθεσίᾳ πλησίον τῶν τοιούτων δένδρων ἕτερα... ἐν τῇ τοπ. τ. Ποταμοῦ τ. Βορβύθους πλησίον τῆς προσενέξεως τοῦ Παπαγωμένου. ἐν τῇ τοπ. τ. Παναρέτου πλησίον τοῦ Παναρέτου ἐκ προσενέξεως τοῦ Γουδέλη. ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Καντζουρινοῦ πλησίον τῶν Πωλεάδων. Нѣкоторыя опредѣленія имѣютъ чисто топографическое значеніе, какъ πλησίον τῆς βασιλικῆς ὁδοῦ.

Изъ числа собственниковъ, пожертвовавшихъ перечисленные участки монастырю, большинство крестьяне (сначала патріаршіе, потомъ казенные, какъ сейчасъ увидимъ): намъ неоднократно встрѣчаются въ другихъ документахъ имена париковъ Геге, Казани, Пепагомена, Θеофилакта. Нѣкоторые же собственники изъ жертвователей, названныхъ жителями села Мантеи[1]), какъ Гордатъ и Мантіанъ, носятъ имена или фамиліи частныхъ владѣльцевъ вотчинниковъ, по своему сословію служилыхъ людей, съ которыми мы встрѣтились выше по поводу дѣла о наслѣдствѣ Гунаропуловъ. Было бы поспѣшно заключать, что и эти жертвователи были сами служилые люди. Въ томъ же самомъ практикѣ Фоки между париками монастырскаго села Вари упомянутъ Влаттеръ, носящій то же родовое имя, какъ вестіаритъ, съ которымъ монастырь велъ упорную борьбу изъ-за территоріи Вари. Выше было упомянуто, что внукъ основателя частной обители св. Пантелеимона, ставшей метохомъ Лемвіотиссы, кира Луки Тесаита, называется парикомъ. Часть потомства Гунаропула записана монастырскими париками, часть служилые люди. Сословія служилыхъ и крестьянъ не были замкнутыми.

Во всякомъ случаѣ всѣ перечисленные участки были тяглыми. Въ обоихъ случаяхъ, когда названы служилыя фамиліи, обозначено, къ какому *стиху,* т. е. къ какому параграфу податного списка или акростиха принадлежатъ жертвуемые участки[2]). Юридическимъ состояніемъ всѣхъ участковъ является непосредственная и полная, наслѣдственная или пріобрѣтенная собственность; слѣдовъ проніи и пожалованія въ перечнѣ не оказывается. Всѣ участки внесены въ извѣстную графу податныхъ книгъ и принадлежали къ тяглой недвижимости.

Жертвовались крестьянами одинаково свободно какъ усадебная земля[3]) (дворъ, при немъ поле, обнесенное рвомъ, съ 29 маслинами), такъ и участки въ различныхъ топоθесіяхъ. Крестьяне дарили преимущественно маслины съ землею, при чемъ монахи могли на этихъ участкахъ посадить даже бо́льшее число деревъ; приносились мелкіе куски плантацій, начиная отъ двухъ или 5 деревьевъ, тогда какъ покупкою монастырь пріобрѣлъ у Какавы цѣлыхъ 59. Поля пожертвованы въ двухъ случаяхъ, и въ обоихъ вѣроятно болѣе крупными, служилыми собственниками: одно изъ нихъ названо ἰδιοπεριόριστον, составлявшимъ въ писцовыхъ книгахъ самостоятельную и отдѣльную единицу, территорію съ собственными межевыми столбами, обозначенными въ подробномъ практикѣ.

Пожертвованія мелкими кусками создавали большую черезполосицу на территоріи Мантеи, усложняемую различіемъ въ состояніи земель, отчужденныхъ и оставшихся въ рукахъ крестьянъ; хотя дарились преимущественно масличныя

---

[1]) Ἐκ προσενέξεως ἀνῶν ἐποίκων τοῦ χωρίου Μανταίας.

[2]) Χωράφιον τοῦ ἁγίου Ἠλίου ἰδιοπεριόριστον μοδίου ἑνὸς ἐκ προσενέξεως τοῦ Γορδάτου, ἀπὸ τοῦ στίχου ὃν τοῦ Καπήλου... ἐκ προσενέξεως τοῦ στίχου τοῦ Μαντειανοῦ χωράφιον μοδίων θαλασσιαίων τριῶν, p. 8.

[3]) Εἰς τὸ χωρίον τὴν Μάνταιαν πλησίον τῶν δσπητίων τοῦ Θρακησίου αὐλὴ περιωρισμένη... χωράφιον σύνεγγυς τῆς τοιαύτης αὐλῆς περιωρισμένον διὰ τάφρου, ἔχον καὶ δένδρα ἐλαικὰ εἴκοσι ἐννέα. Къ сожалѣнію не упомянуто, кѣмъ дворъ былъ пожертвованъ; сосѣдъ Θракисій былъ изъ служилаго рода.

деревья, не пашни. Недвижимость Лемвіотиссы была разбросана по всѣмъ концамъ, вторгалась внутрь отдѣльныхъ огородовъ малыми отрѣзками[1]), заходила во владѣнія крупныхъ собственниковъ благодаря пожертвованію какого нибудь отдѣльнаго парика, не оберегая себя отъ вѣроятнаго столкновенія въ будущемъ, напримѣръ, съ Смирнской митрополіей[2]). До процесса между ними дѣло, повидимому, не дошло. Въ 1274 г. митрополитъ Іоаннъ счелъ болѣе для себя удобнымъ отдать принадлежащее Смирнской церкви поле на территоріи Мантеи, площадью около трехъ модіевъ, монаху Скуллату, парику митрополичьей церкви[3]). Поле, расположенное рядомъ съ собственной плантаціей парика, должно было быть обработано имъ подъ виноградникъ, при чемъ Скуллатъ признавался полнымъ собственникомъ участка, равно какъ и его дѣти и наслѣдники, будучи охраняемъ митрополичьей грамотой за печатью не только отъ покушеній съ чьей либо стороны, но и позднѣйшіе митрополиты должны были блюсти права его нерушимо; при всемъ томъ Скуллатъ съ потомствомъ долженъ былъ оставаться вѣчнымъ парикомъ (δουλαντής) церкви, оберегателемъ упомянутаго, т. е. отданнаго ему имущества церкви, и вообще печься и заботиться о ввѣренномъ ему церковномъ полѣ. Скуллатъ обязывался вносить въ митрополичью казну небольшую ежегодную подать въ четверть иперпира. Передъ нами такимъ образомъ договоръ эмфитеозы, безсрочная и неотъемлемая аренда церковной земли съ правомъ полнаго распоряженія въ области хозяйственной эксплоатаціи, но съ обязательствомъ не отчуждать и не передавать въ чужія руки, не обезцѣнивать землю и платить небольшую ренсію для показанія зависимаго состоянія земли, уступленной Скуллату съ потомствомъ и наслѣдниками Однако его дѣти продали церковное поле монастырю Лемвіотиссѣ, какъ свою наслѣдственную собственность, дарованную ихъ родителямъ митрополичьей грамотой. Не упоминая о неотчуждаемости церковной земли, составители акта указывали, что поле превращено трудами Скуллата въ виноградникъ, который не могъ поддерживаться въ должномъ порядкѣ послѣ его смерти вслѣдствіе бѣдности дѣтей; поэтому виноградникъ былъ проданъ Лемвіотиссѣ за 16 иперпировъ[4]). Въ свою очередь монастырь поспѣшилъ переуступить виноградникъ мѣстному вотчиннику и помѣщику (проніару), служилому человѣку Петрицѣ въ обмѣнъ на его нѣкоторые родовые участки въ той же округѣ села Мантеи[5]). По переписи Фоки и по хрисовулу 1235 г. всѣ пожертвованія на территоріи Мантеи являются приписанными къ метоху св. Пантелеимона.

Хрисовулъ 1251 г. упоминаетъ о новомъ крупномъ пріобрѣтеніи монастыря на той же территоріи, именно „Плановъ метохъ", пожертвованіе Максима Планита[6]). Самое имя метоха указываетъ на то, что онъ былъ нѣкогда родовою

[1]) Ἐν τῷ παρβολίῳ Νικήτα τοῦ Θεοφυλάκτου ἐκ προσενέξεως αὐτοῦ δένδρα δύο.

[2]) Ἐν τοῖς δικαίοις τῆς μητροπόλεως πλησίον τῆς Ῥενταίκηνῆς ἐκ προσενέξεως τοῦ Παντελέου δένδρα δύο.

[3]) Lemv. № 80 (a. 1274?).

[4]) Lemv. № 68, a. 1283.

[5]) Lemv. № 37, a. 1285.

[6]) Lemv. № 4, p. 24: μετόχιον εἰς τοὺς Πλάνους.

собственностью семьи Планитовъ; и въ одномъ изъ актовъ мѣстность εἰς τοὺς Πλάνους обозначается какъ владѣнія Планитовъ[1]). Когда начался процессъ раздробленія комплекса земель, принадлежавшихъ одному роду Планитовъ, — до основанія въ центрѣ ихъ монастырскаго метоха, или же онъ былъ всецѣло вызванъ пожертвованіемъ Максима Планита, не представляется яснымъ. При возможности отчужденія наслѣдственной собственности — подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ о предпочтеніи ближайшихъ — нужно предполагать, что и ранѣе дарственной Максима нѣкоторые участки внутри вотчины Планитовъ могли попасть въ чужія руки. Однако, нѣтъ, повидимому, ни одного акта, который позволилъ бы утверждать это съ опредѣленностью. Въ статьѣ В. Г. Васильевскаго привлекаются два документа, какъ свидѣтельствующіе о чужихъ собственникахъ на земляхъ Планитовъ, до учрежденія метоха; но нужно было бы имъ отвести иное мѣсто. Актъ о продажѣ крестьяниномъ Радиномъ, вмѣстѣ съ шуриномъ его Паннади, наслѣдственнаго участка возлѣ земель Планита, притомъ находившагося въ отношеніи юридической близости съ имѣніемъ Смирнской церкви на территоріи Мантеи, обозначается неправильно, какъ свидѣтельство о продажѣ участка, прежде принадлежавшаго Планиту[2]).

Другой документъ, дарственная Николая Адама, служилаго человѣка, на участокъ при Планахъ не можетъ быть датированъ 1230 годомъ. Упомянутый въ немъ игуменъ Герасимъ безспорно не первый игуменъ этого имени, бывшій въ первые годы по возстановленіи монастыря Іоанномъ Ватаци, но второй, извѣстный по документамъ 1262 и 1263 годовъ[3]), и нашъ документъ, помѣченный третьимъ индиктомъ, долженъ быть отнесенъ къ 1260 году. Противъ первой даты 1230 г. говоритъ само содержаніе акта, по которому мѣстность Планы значится уже метохомъ монастыря, основаннымъ по хрисовулу 1251 г. и, какъ увидимъ ниже, на пожертвованной Максимомъ Планитомъ родовой недвижимости[4]). Въ томъ видѣ, въ какомъ дарственный актъ читается нынѣ въ кодексѣ Лемвіотиссы, онъ представляетъ рядъ затрудненій, редактированъ столь не ясно и синтаксически неправильно, что врядъ ли можетъ быть признанъ точной копіей подлинника. Является даже подозрѣніе, что онъ представляетъ изъ себя довольно неумѣлый подлогъ со стороны редакторовъ кодекса. Въ самомъ дѣлѣ, Адамъ въ 1260 жертвовалъ монастырю согласно тексту и рубрикѣ документа, во-первыхъ, „отдѣльное

---

[1]) Ἐντὸς τῶν δικαίων τῶν Πλανιτῶν.

[2]) Lemv. № 84, a. 1287: πρωτήριον ἔγγραφον τοῦ Ραδηνοῦ καὶ τοῦ Παννάδου πρὸς τὸν Κουρτίκην Θεόδωρον χάριν τῶν εἰς τοὺς Πλάνους πλησίον ἐλαικῶν δένδρων αὐτῶν (рубрика составителя кодекса) . . . ἐλαικὰ δένδρα τὰ γενικῶς καὶ κληρονομικῶς ἡμῖν διαφέροντα, τὰ καὶ διακείμενα ἀπὸ βορείου μέρους τοῦ Πλανίτου καὶ Κανταχοῦ πλησιάζοντα τὸ προάστειον τῆς ἁγ. μητροπόλεως Σμύρνης. Ср. *Васильевскій*, стр. 142. Упомянутый Куртики, повидимому, тожественъ съ дукою области, на притѣсненія котораго жаловался игуменъ Лемвіотиссы.

[3]) Ср. *Васильевскій*, 116.

[4]) Lemv. № 35, χαριστικὸν τοῦ Ἀδὰμ Νικολάου χάριν τῶν ἐντὸς τοῦ περίορου τοῦ μετοχίου τῶν Πλάνων δένδρων, τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς γῆς . . . τὸ εἰς τοὺς Πλάνους περιωρισμένον τοπίον, τὸ καὶ τῆς μονῆς αὐτῆς ὂν μετόχιον. Ср. *Васильевскій*, 142.

при Планахъ мѣсто, оно же и метохъ самаго монастыря"; затѣмъ, церковь съ землей при ней, находящуюся тамъ же, и наконецъ отграниченныя (т. е. занесенныя на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ въ акростихъ) три маслины, доставшіяся жертвователю какъ родовое имущество отъ Листа и Планита[1]), но въ то же время, оказывается, пожалованныя ему императоромъ безданно и безпошлинно[2]). Спрашивается теперь, какимъ образомъ этотъ Николай Адамъ могъ дарить (ἀποχαρίζομαι) Лемвіотиссѣ ея же собственный метохъ? Происхожденіе „метоха Плановъ" достаточно извѣстно изъ другихъ документовъ кодекса Лемвіотиссы. Метохъ Плановъ не могъ быть собственностью Адама, не могъ быть изъятъ изъ монастырской собственности и пожалованъ кому другому въ промежутокъ между императорскими хрисовулами 1251, 1261 и 1284 гг. Не поможетъ дѣлу привлеченный В. Г. Васильевскимъ подтвердительный актъ со стороны паракимомена Неостонга на дарственную Адама, такъ какъ онъ долженъ быть сопоставленъ съ другимъ, не дошедшимъ полностью по причинѣ порчи кодекса, документомъ № 26 о пожертвованіи сиромъ Адамомъ плантаціи въ Авриліи. Мы останавливаемся на предположеніи о порчѣ и даже фальсификаціи дарственной Николая Адама, фальсификаціи, вызванной, вѣроятно, трудностями съ пожертвованіями Планита.

Пожертвованіе Николая Адама относится несомнѣнно ко времени послѣ основанія Планова метоха. Съ нимъ нужно сопоставить актъ продажи Іоанномъ Мели поля и плантаціи внутри округи метоха: оба акта имѣютъ предметомъ участки внутри черты метоха, принадлежащіе уже не Планитамъ, но собственникамъ съ другими именами, оба акта относятся къ одному и тому же приблизительно времени; и въ одномъ по крайности случаѣ отчуждаемая собственность значится не пріобрѣтенною, но унаслѣдованною γονικόθεν. Время перехода этихъ участковъ изъ рукъ Планитовъ въ чужія не можетъ быть установлено въ точности, и въ первомъ случаѣ можетъ восходить къ началу XIII столѣтія[3]). Оставляя ихъ въ сторонѣ распаденіе комплекса родовыхъ земель Планитовъ было вызвано пожертвованіемъ Максима и основаніемъ метоха. Въ 1242 г. Максимъ Планитъ, поступивъ въ число братіи монастыря Лемвіотиссы, пожертвовалъ, вмѣстѣ съ братомъ и матерью, всѣ свои (ἡμῶν) всякаго рода недвижимыя имущества въ Мантеѣ, деревья и поля съ водою внутри владѣній Планитовъ и Меѳороновъ, кромѣ благопріобрѣтенныхъ куплею участковъ изъ состава полей[4]) Страгаловыхъ и недвижимости въ Смирнѣ. На жертвуемыхъ родовыхъ угодьяхъ Планита лежало тягло въ 3 иперпира, которые монастырь бралъ на себя. Другою половиною должны были владѣть на полномъ правѣ братъ Максима, киръ Василій съ матерью пожизненно, платя за свою половину $1^1/_2$ иперпира ежегодной подати монастырю; за это они поступали

[1]) Τὰ ἐκ γονικόθεν διαφέροντά μοι ἀπὸ τοῦ Ληστοῦ ἐκείνου καὶ τοῦ Πλανίτου.

[2]) Ἀτελῶς πάντῃ καὶ ἀβαρῶς, καθὼς ἐδωρήθησάν μοι πανεξκουσσάτα (слѣдующія слова ὁ κραταιός etc. очевидно ошибочное повтореніе предыдущей строки).

[3]) Lemv. № 57, a. 1263 . . χωραφίου καὶ τῶν ἐλαιοφόρων δένδρων, τοῦ καὶ διακειμένου ἐντὸς τοῦ μετοχίου τῶν Λέμβων τοῦ ἐπιλεγομένου Πλάνους.

[4]) Lemv. № 20, a. 1242.

подъ патронатъ монастыря, пользуясь защитою, вмѣстѣ съ несовершеннолѣтними дѣтьми В. Планита, отъ претензій со стороны казны или какой либо иной; но въ то же время братъ Василій съ матерью и дѣтьми долженъ былъ оставаться свободнымъ отъ всякихъ поборовъ со стороны самого монастыря, отъ состоянія парикіи и причисленія къ ней [1]), согласно заключенному договору между Максимомъ и монастыремъ. Соглашеніе это не помѣшало тому, что прежній киръ Василій былъ записанъ въ хрисовулѣ 1251 г. въ качествѣ новаго парика Лемвіотиссы [2]), при томъ еще при жизни Максима. Описи пожертвованной Максимомъ родовой собственности Планитовъ не сохранилось въ кодексѣ Лемвіотиссы, и вообще не дошло никакого правительственнаго акта, которымъ бы подтверждалось заключенное между монастыремъ и Максимомъ соглашеніе. Черезъ 9 лѣтъ въ хрисовулѣ 1251 года былъ кратко упомянутъ новый метохъ εἰς τοὺς Πλάνους, какъ пожертвованіе монаха Максима Планита. Самъ онъ въ завѣщаніи подтвердилъ сдѣланныя имъ пожертвованія, опять безъ всякаго ихъ описанія [3]).

Несмотря на всѣ заклятія монаха Максима, родственники его отстаивали свое родовое имущество. Съ одной стороны упомянутый братъ Василій, записанный парикомъ въ хрисовулѣ 1251 г., т. е. еще при жизни брата, выдалъ монастырю документъ, въ которомъ торжественно подтверждалъ пожертвованіе своего старшаго брата [4]); съ другой стороны слѣдствіе, произведенное по порученію губернатора и по просьбѣ монаховъ, выяснило, что тотъ же Василій Планитъ и старшій сынъ Максима распродали большую часть наслѣдства въ чужія руки [5]). Двое свидѣтелей показали, что братъ и сынъ Максима Планита продали киръ Павлу поля и маслины на 16 иперп., служилому человѣку и вотчиннику Вранѣ на 40 и на 26 иперпировъ, Ксаноу на 10, итого на 92 иперпира, и въ рукахъ Рентаки и его родственницы оказалось по небольшому участку; такъ что монастырю осталась только усадьба метоха съ небольшимъ участкомъ и плантаціей, не входившей въ составъ родовыхъ угодій Планитовъ. Губернаторъ Торникъ постановилъ, что всѣ получившіе такимъ незаконнымъ путемъ монастырскую собственность, служилый ли человѣкъ, или кто другой, должны были безпрекословно оставить монастырь (удалиться съ монастырской земли); но врядъ ли такой крупный вотчинникъ, какъ Врана, отступился отъ земель Планитовъ. Въ слѣдующемъ же году выступаютъ новые претенденты, племянникъ Максима діаконъ Василій Планитъ съ зятемъ Рентаки, добившіеся императорскаго повелѣнія, по которому они утверждались собственниками половины оставленнаго Максимомъ имущества. Они указывали, что Максимъ въ ихъ отсутствіе отдалъ монастырю ихъ родовое достояніе. Монастырь долженъ

[1]) Ζήτησίν τινα ἢ παροικίας νομὴν ἢ συγκρότησιν.
[2]) Lemv. № 4, p. 25.
[3]) Lemv. № 23, a. 1255.
[4]) Lemv. № 32, a. 1257.
[5]) Lemv. № 22, a. 1258.

былъ пойти на предложенное соглашеніе, которое и было утверждено императоромъ[1]). Получивъ половину наслѣдства Максима, діаконъ Василій Планитъ съ зятемъ продали его не названнымъ покупщикамъ; вѣроятно въ 1269 г., какой то служилый Константинъ Планитъ, называющій себя собственникомъ земель Планита полностью, долженъ былъ получать отъ монастыря два иперпира ежегодно, но явившись на мѣсто, нашелъ, что имущество его распродано его родичами (γονικάριοι) Василіемъ Планитомъ и Рентаки, такъ что онъ отказался отъ двухъ иперпировъ и выдалъ монахамъ документъ[2]). Вѣроятно, дѣло идетъ объ арендѣ монастыремъ все той же половины наслѣдства Планита, которую получили было племянникъ съ зятемъ, но потомъ заявилъ свои права родной сынъ, бывшій на службѣ, и заключилъ съ монастыремъ арендный договоръ заочно. Такова исторія метоха Планова, основаннаго монахами на участкѣ, перешедшемъ монастырю черезъ пожертвованіе двухъ братьевъ Планитовъ, какъ подтверждено въ хрисовулѣ 1284 г.[3]). Судя по краткости упоминанія, возможно заключить, что значительное недвижимое имущество, отказанное монастырю, въ концѣ концовъ не досталось ему, кромѣ „нѣкоего участка", на которомъ были возведены новыя постройки метоха; и большинство полей и плантацій было перепродано родственниками Планита въ чужія руки.

Сюда же относится весьма цѣнный документъ, выданный помѣщикомъ служилымъ человѣкомъ Михаиломъ Петрици, получившимъ, вѣроятно на территоріи Мантеи, проніи[4]). Немало лѣтъ тому назадъ, свидѣтельствуетъ Петрици въ 1257 г., монахъ Никодимъ Планитъ, имѣвшій мѣсто жительства въ Мантеѣ, но въ тоже время парикъ проніи Петрицы, отказалъ по духовному завѣщанію при своей наслѣдственной молельнѣ и Божьемъ храмѣ св. Поликарпа, находившемся въ мѣстности Мантеи и внутри владѣній такъ называемыхъ Планитовъ[5]), шестнадцать масличныхъ деревьевъ, которыя самъ завѣщатель насадилъ за храмомъ для его освѣщенія и благолѣпія. Завѣщанная роща не была занесена въ воинскіе практики, не была отмѣчена въ переписи пинкерны Комнина и вообще не была передана, какъ тяглая недвижимость, ни по какому воинскому или казенному практику, — она была оставлена совершенно безъ упоминанія и не подверглась передачѣ, т. е. оффиціальному засвидѣтельствованію принадлежности извѣстному собственнику[6]). Далѣе служилый человѣкъ Петрици, одинъ изъ собственниковъ на территоріи Мантеи, а также и пожалованный помѣстьемъ вѣроятно въ той же округѣ, передаетъ, что родовой и наслѣдственный храмъ Планитовъ во имя св. Поликарпа

[1]) Lemv. № 27 и 149, a. 1259; p. 80: ἀπόντων ἡμῶν ἀπὸ τῆς γονικῆς ἡμῶν κληρονομίας τῆς ἐν τῷ χωρίῳ Μανταίας . . . ἐκδοῦναι τὰ γονικὰ ἡμῶν ὑποστατικὰ τὰ ἐν τῷ δηλωθέντι χωρίῳ, ἐλαίας τε χωράφιον καὶ μυλοτόπιον.

[2]) Lemv. № 33, ind. XII.

[3]) Lemv. № 6, p. 31.

[4]) Lemv. № 21, a. 1257.

[5]) ἐν τῇ θέσει τῆς Μανταίας καὶ ἐντὸς δικαίων τῶν καλουμένων Πλανιτῶν.

[6]) οὔτε ἐν πρακτικοῖς στρατιωτικοῖς πρακτικωθέντα, οὔτε μὴν ἐν τῇ τοῦ πανευγενεστάτου Κομνηνοῦ ἐκείνου τοῦ πιγκέρνη ἀπογραφῇ τηρηθέντα ἢ παραδοθέντα ἔν τινι πρακτικῷ στρατιωτικῷ ἢ καὶ δημοσιακῷ, αλλ' ἄνετα τὸ καθόλου ἀφεθέντα καὶ ἀπαράδοτα.

пришелъ было въ запустѣніе, но былъ Планитами пожертвованъ монастырю Лемвіотиссы, который возобновилъ храмъ и преобразовалъ въ метохъ собственными монастырскими трудами, и закрѣпилъ за собою царскими и патріаршими грамотами (разумѣются общіе хрисовулы о владѣніяхъ монастыря и патріаршая грамота Арсенія того же содержанія[1]), такъ спеціальныхъ грамотъ о пожертвованіи Максима Планита не дошло и не извѣстно). Но самъ Петрици предъявилъ къ монастырю претензію, требуя означенныя маслины на томъ основаніи, что посадившій ихъ монахъ Никодимъ Планитъ былъ парикомъ его, Петрици, проніи. Монастырь же предъявилъ между прочимъ завѣщаніе монаха Никодима съ клятвами, которыя побудили стратіота Петрицу отказаться отъ своей претензіи, тѣмъ болѣе что въ его практикѣ, составленномъ пинкерною Комниномъ, спорной недвижимости не значилось. Монахъ Варнава Планитъ ранѣе засвидѣтельствовалъ — и его показаніе сохранено въ кодексѣ[2]), — что деревья, эти не принадлежали къ стиху Планитовъ, но были насажены Никодимомъ (Гавріиломъ) Планитомъ для церкви.

Такимъ образомъ для родовыхъ или наслѣдственныхъ земель Планитовъ существовалъ одинъ *стихъ* или глава въ переписныхъ книгахъ (акростихахъ), участки эти разсматривались, слѣдовательно, еще какъ одинъ комплексъ. Видно далѣе изъ документа, даннаго Михаиломъ Петрици, что земли были записаны въ *воинскіе* и *казенные* практики, сверхъ того въ (чрезвычайную) перепись, именно составленную пинкерной Комниномъ Торникомъ, до насъ не дошедшую. Видно далѣе, что внутри владѣній Планитовъ въ Мантеѣ находилась ихъ собственная и наслѣдственная церковь св. Поликарпа, которая была превращена въ церковь метоха, основаннаго на пожертвованныхъ земляхъ Планитовъ. Несмотря на то, что члены названной семьи были значительными собственниками, монахъ Никодимъ Планитъ былъ парикомъ помѣстья Петрици въ округѣ Мантеи; мы уже упоминали, что братъ Максима Василій былъ зачисленъ въ число париковъ монастыря, не смотря на гарантированную въ дарственной свободу для „кира“ Василія.

Третье крупное пожертвованіе на территоріи той же Мантеи, составившее третій метохъ Лемвіотиссы въ Мантеѣ, именно частный монастырь во имя св. Георгія, именуемый τὰ Σκουρβουλλά, поступилъ изъ владѣнія служилыхъ вотчинниковъ, имѣвшихъ собственность и жительство въ округѣ Мантеи, именно отъ монахини Мароы Ѳракисины съ дочерью Анной Ангелиной. Монастырь Скурвулла былъ ими пожертвованъ въ 1274 г. въ полную и неотъемлемую собственность братіи Лемвіотиссы, вмѣстѣ со всѣми приписанными къ нему „издревле“ пашнями, виноградниками, масличными плантаціями и иными угодьями, и его общая межа означена въ дарственной записи Ѳракисины. Ея пожертвованіе было немедленно подтверждено Смирнскимъ митрополитомъ и упомянуто въ хрисовулѣ 1284 г., какъ переданное имъ монастырю Лемвіотиссы[3]).

[1]) Lemv. № 181, a. 1257—1259.
[2]) Lemv. № 73, a. 1253; cf. № 22, a. 1258.
[3]) Lemv. № № 49 и 50, a. 1274, ср. № 6, p. 31.

Кромѣ трехъ метоховъ: св. Пантелеимона, Планова и Скурвуллá, монастырь получилъ въ даръ и пріобрѣлъ покупкою рядъ менѣе крупныхъ участковъ на территоріи села или волости (τῆς χώρας) Мантеи[1]). Болѣе раннія пріобрѣтенія перечислены, какъ мы видѣли, въ генеральной переписи стратопедарха Фоки, причемъ они были приведены въ качествѣ приписанныхъ къ метоху Пантелеимона. Хрисовулы упоминаютъ болѣе мелкія пожертвованія не полностью, но лишь отчасти, отсылая для прочаго къ упомянутой детальной описи (περίορος, γράμμα τοῦ περιόρου, p. 30) монастырскихъ владѣній. Мы бы не могли возстановить по кодексу Лемвіотиссы всѣ болѣе мелкія пріобрѣтенія на территоріи Мантеи, такъ какъ сами дарственные или запродажные акты дошли лишь для части пріобрѣтенныхъ монастыремъ участковъ: при этомъ выданные мелкими собственниками крестьянами сохранились въ меньшемъ числѣ сравнительно съ актами служилыхъ собственниковъ изъ жителей Мантеи. Мало того, почти всѣ продажи крестьянскихъ участковъ въ Мантеѣ передаютъ ихъ въ руки не монастыря, но крупныхъ владѣльцевъ, служилыхъ людей; и отъ тѣхъ уже участки вмѣстѣ съ документами перешли къ Лемвіотиссѣ. Это объясняется не только меньшей надобностью для монастыря хранить документы слабыхъ людей и не довольствоваться краткими упоминаніями въ хрисовулахъ; но вѣроятно и тѣмъ обстоятельствомъ, что продажа крестьянскихъ участковъ должна была сопровождаться переложеніемъ тягла на монастырь. Въ третьихъ, при самомъ селѣ или митрокоміи Мантеѣ могли преобладать усадьбы служилыхъ людей и наслѣдственная недвижимость болѣе крупныхъ собственниковъ, тогда какъ въ прилежащихъ къ Мантеѣ деревняхъ или выселкахъ, каковы Панаретъ и Паракаламъ, господствовало крестьянское землевладѣніе. Намъ дѣйствительно не извѣстно между актами Лемвіотиссы ни одного документа, который бы исходилъ отъ крестьянъ самой Мантеи и содержалъ бы пожертвованіе или продажу ими ихъ собственности Лемвіотиссѣ непосредственно. Мы увидимъ ниже, что существованіе крестьянъ, въ отличіе отъ служилыхъ вотчинниковъ, засвидѣтельствовано для Мантеи цѣлымъ рядомъ документовъ, гдѣ они именуются домохозяевами (οἰκοδεσπόται), въ отличіе отъ служилыхъ (στρατιῶται), а также казенными крестьянами, δημοσιάριοι πάροικοι[2]); и изъ хрисовуловъ и описи Фоки намъ извѣстенъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе мелкихъ участковъ, пожертвованныхъ ими монастырю Лемвіотиссы[3]). Мы можемъ указать лишь на два доку-

[1]) Cf. Lemv. № 28, p. 84: παρὰ τῶν ἐποίκων τῆς χώρας Μανταίας καὶ τῶν ἀπὸ τοῦ χωρίου Παναρέτου, въ подтвердительной записи митрополита, утверждавшей судебное рѣшеніе по дѣлу Полех. Можетъ быть, здѣсь χώρα употреблено вмѣсто ἐνορία, церковно-административнаго термина, обычнаго на подписяхъ номиковъ или стряпчихъ.

[2]) Lemv. № 7 IV, a. 1236, p. 38. Cf. p. 40.

[3]) Ср. Lemv. № 2, p. 7—8; № 8, p. 19: δένδρα ἐλαϊκὰ καὶ χωράφια διακείμενα εἰς τὴν Μάνταιαν περιελθόντα τῇ μονῇ ἐκ προσενέξεως τῶν ἀπὸ τῆς Μανταίας χωριτῶν τῶν ὀνομαστὶ δηλουμένων ἐν τῷ περιόρῳ. № 4, a. 1251, p. 23: ἐν τῷ αὐτῷ μετοχίῳ (sc. εἰς τὸ χωρίον τὴν Μάνταιαν μετόχιον ὁ ἅγιος Παντελεήμων) δένδρα ὀπωροφόρα διάφορα καὶ ἐλαϊκά, γῆ ὄπεργος καὶ χωράφια διακείμενα εἰς τὴν Μάνταιαν περιελθόντα τῇ μονῇ ἐκ προσενέξεως τῶν ἀπὸ τῆς Μανταίας χωριτῶν. Idem № 6, a. 1284, p. 30: χωριτῶν τῶν ὀνομαστὶ δηλουμένων ἐν τῷ γράμματι τοῦ περιόρου αὐτῆς. № 4, p. 25: δένδρα ἐλαϊκὰ εἰς τὴν Μάνταιαν ἀπὸ τοῦ στίχου τοῦ Χαντέα καὶ ἐξ ἀγοραστίας τοῦ Πυρινᾶ καὶ μυλών.

мента, содержащіе отчужденія крестьянами Мантеи своей собственности, но оба случая въ пользу частныхъ, служилыхъ собственниковъ. Въ одномъ изъ этихъ документовъ крестьяне Радинъ и Паннадъ продаютъ свою родовую и наслѣдственную масличную рощу, къ сѣверу отъ владѣнія Планита и прилежащую со всѣхъ сторонъ къ имѣнію Смирнской церкви, господину Θеодору Куртики за 16 номисмъ въ полную собственность[1]). По второму документу дѣти Коскины и священникъ Цикапитъ продали свои родовыя плантаціи всеблагороднѣйшему господину Θеодору Комнину Вранѣ. Документъ этотъ одинъ изъ интереснѣйшихъ актовъ отчужденія крестьянской собственности[2]). Продавцы и свидѣтели несомнѣнно не служилые люди, но крестьяне Мантеи[3]). „Масличныя деревья, принадлежавшія намъ (т. е. нашему роду) и ранѣе, расположенныя въ мѣстности Большого Поля (ἐν τῇ θέσει τοῦ μεγάλου χωραφίου), проданныя родителями нашими Воловонту, мы выкупили обратно вмѣстѣ съ землею и всѣми принадлежностями (δικαιωμάτων)". Эти деревья, говорится далѣе въ документѣ, продаются Цикапитомъ и Коскинами названному Комнину Вранѣ, какъ ближайшему сосѣду (ὡς πλησιαστὴν ὄντα), а именно 44 дерева съ землей, орошающей водой и всѣми угодьями (μετὰ πάντων δικαίων καὶ προνομίων αὐτῶν) за 42 золотыхъ, да одинъ иперпиръ прибавки. Изъ этихъ деревьевъ 10 принадлежали Цикапиту и 34 Коскинамъ; и покупщикъ, властель Врана, обязывался платить эпителіи за всякую подать каждый мартъ мѣсяцъ Коскинамъ 1 иперпиръ, Θомѣ Цикапиту $^1/_8$ иперпира и ничего болѣе[4]). Это мѣсто раскрываетъ смыслъ эпителіи: она платилась за всякую подать (т. е. за δημοσιακά, στρατιωτικά(?) и παροικικὰ ζητήματα). Покупщикъ крестьянской земли, хотя властель, бралъ на себя лежащее на землѣ тягло, внося эпителію ежегодно прежнимъ собственникамъ крестьянамъ, за которыми земля была записана въ писцовыхъ книгахъ и съ которыхъ требовалась по прежнему „всякая подать".

Комнинъ Врана пожертвовалъ эту масличную рощу монастырю Лемвіотиссы, передавъ вмѣстѣ и лежащую на ней эпителію, которая означена также въ хрисовулѣ 1284 г. о владѣніяхъ монастыря. Одновременно Врана пожертвовалъ оба другихъ участка, пріобрѣтенныхъ имъ отъ севаста Хрисоверга и отъ Герменика[5]), съ обозначеніемъ лежащей на нихъ эпителіи: и тѣ участки составляли (прежде крестьянскую) собственность, обложенную тягломъ[6]). Къ востоку отъ владѣнія упомянутаго Враны, гранича съ двухъ сторонъ съ владѣніями и усадьбой служилаго Петрици, лежала дубовая роща вдовы служилаго же собственника Марѳы Θракисины,

[1]) Lemv. № 34, a. 1237. Cf. № 127, a. 1233, о притѣсненіяхъ Іоанна Куртики, дуки области и № 2, p. 8: ἐν τοῖς δικαίοις τῆς μητροπόλεως.. ἐκ προσενέξεως τοῦ Παννᾶδίου.

[2]) Lemv. № 53, a. 1274.

[3]) Κοσκινᾶς, cf. № № 54, 68, 67, cf. № 28. Πωλέας № № 54, 55, 28. Κοντόπουλος № 28.

[4]) ὀφείλας τοῖν ἐπιτελεῖν πρὸς ἡμᾶς ὑπὲρ ζητήματος παντὸς ἀνεπαυξήτως καὶ ἀνυστερήτως κατὰ μάρτιον μῆνα etc.

[5]) Lemv. № 41, a. 1281. Cf. хрисовулъ 1284 г., p. 31: πρὸς τοὺς ἀπὸ τῆς Μανταίας τόν τε Κοσκινᾶν καὶ τὸν Θωμᾶν.

[6]) Второе пожертвованіе Враны (Lemv. № 52, a. 1285) было на участокъ, пріобрѣтенный имъ у служилаго вотчинника Хрисоверга, — безъ эпителіи.

которую она и продала монастырю [1]) безъ всякой эпителіи (ἀτελῆ καὶ ἀκαταζήτητα). Тогда же Марѳа Ѳракисина пожертвовала Лемвіотиссѣ свой монастырь Скурвулла, какъ мы видѣли выше [2]); и по завѣщанію она же оставила нѣсколько участковъ по сосѣдству съ владѣніями служилыхъ вотчинниковъ Враны и Петрици: поле возлѣ метоха Предтечи съ деревьями, нѣсколько деревьевъ внутри полей (χωράφια) Враны и Петрици, предоставляя по соглашенію въ одномъ изъ послѣднихъ случаевъ собственнику равный участокъ въ качествѣ возмѣщенія (ἀντίμοφρον). Деревья внутри чужого поля, жертвуемыя съ землею, не представляютъ, конечно, аналогіи съ деревомъ взрощеннымъ на незанятомъ участкѣ, попавшемъ по раздѣлу въ чужія руки, по извѣстной статьѣ Крестьянскаго Закона: здѣсь имѣемъ дѣло съ дробленіемъ частной собственности.

Далѣе изъ владѣнія служилыхъ собственниковъ въ Мантеѣ поступило къ монастырю: отъ служилаго (στρατιώτης) Михаила Кумпаріота двадцать маслинъ съ землею, завѣщанныя ему его покойной женой госпожей Вузиной и составлявшія треть ея собственности въ Мантеѣ. Ни о какой эпителіи рѣчи нѣтъ, завѣщается означенная роща по документу, составленному въ присутствіи достовѣрныхъ мѣстныхъ архонтовъ, т. е. мѣстныхъ чиновниковъ и служилыхъ вотчинниковъ [3]). Нѣсколько столкновеній было у монастыря съ служилымъ Фокою, сыномъ Кирамаріи, возбудившимъ дѣло изъ-за наслѣдства Алексѣя Тесаита, пожертвовавшаго обитель Пантелеимона. Документъ, содержащій приговоръ и описаніе процесса съ участіемъ мѣстныхъ людей, весьма интересенъ въ бытовомъ отношеніи, но не содержитъ новыхъ данныхъ для исторіи крестьянскаго землевладѣнія [4]). Отъ того же самаго Фоки сохранилось еще два документа. Въ одномъ онъ продалъ за 6 иперп. монастырю участокъ масличной плантаціи, купленный имъ у крестьянина Контопула въ мѣстности Τριγωνίου, обязавъ монастырь ежегодной эпителіей въ 1 (кератій?). Въ другомъ документѣ [5]), болѣе раннемъ, Фока является покупщикомъ у мѣстнаго вотчинника Гордата участка пахотной земли, χωράφιον, коего границы ограничены межевыми столбами прилежащихъ владѣній, за 4 иперп. одинаково съ эпителіей въ 1 кератій, взятой покупщикомъ на себя [6]). Хотя проданное поле названо въ документѣ родовымъ, γονικόν, а Ѳеодоръ Гордатъ по крайности былъ въ родствѣ съ служилыми вотчинниками [7]), его поле является подверженнымъ эпителіи. Здѣсь, повидимому, имѣемъ примѣръ того, что земля сохраняетъ свое тяглое состояніе, хотя его наслѣдственный собственникъ перешелъ, вѣроятно, въ состояніе служилыхъ людей [8]).

---

[1]) Lemv. № 39, a. 1274.

[2]) Lemv. №№ 49 и 50, a. 1274.

[3]) Lemv. № 72, a. 1291. Cf. № 2, p. 14.

[4]) Lemv. № 60, a. 1280. Присяжными являются служилые и крестьяне Мантеи: προσεκαλέσατο τοὺς ἐποίκους στρατιώτας τε καὶ οἰκοδεσπότας τῶν χωρίων Μανταίας (4 имени служилыхъ и 4 имени домохозяевъ).

[5]) Lemv. № 61, a. 1282.

[6]) Lemv. № 59, a. 1272: ὀφεῖλαι (sc. τὸ χωράφιον) ἔχειν ἀνεπαυξήτως χάριν ἐπιτελείας κατ' ἔτος... ἕν.

[7]) Cf. Lemv. № 51.

[8]) Cf. Lemv. № 58, a. 1272—81. № 42, a. 1283. Cf. № 6, p. 31. Cf. № 2, p. 8.

Рядомъ съ Мантеей лежала деревня Панаретъ, по имени которой часть территоріи Мантеи называлось мѣстностью Деревня Панаретъ[1]). Она относилась къ округу Мантеи[2]). Когда у монастыря Лемвіотиссы возникла тяжба изъ-за недвижимости, завѣщанной вышеупомянутой Ѳракисиной и расположенной при Мантеѣ, старики изъ Панарета были вызваны присяжными какъ свѣдующіе люди или сосѣди[3]). Въ документѣ названо 13 именъ, изъ которыхъ нѣкоторыя встрѣчаются неоднократно въ кодексѣ Лемвіотиссы, преимущественно между подписями свидѣтелей при совершеніи актовъ на земли въ Панаретѣ[4]).

Какъ Мантея, такъ и деревня Панаретъ никогда не принадлежала монастырю Лемво; и есть данныя, свидѣтельствующія, что Панаретъ находился въ проніи. Въ 1225 г. севастъ Алиѳинъ пожертвовалъ масличную плантацію, находившуюся въ селѣ Панаретѣ, въ *мѣстности* Масличной Рощи (ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ ἐλαιῶνος), монастырю св. Пантелеимона въ Мантеѣ, впослѣдствіи метоху Лемвіотиссы; и при этомъ онъ назвалъ Панаретъ своимъ селомъ, т. е. принадлежащимъ ему[5]). Жертвуемый участокъ названъ въ документѣ долею (частью наслѣдства или вообще частнаго имущества, μερίς или μεριδικόν), доставшейся севасту Алиѳину отъ Мавроіоанна. Потомокъ Мавроіоанна и потомокъ Алиѳина являются съ двухъ сторонъ сосѣдями одного и того же владѣльца въ *мѣстности* Ἐγκόπου, продавшаго свой обложенный эпителіей участокъ[6]). Подаренная Алиѳиномъ земля не была подвержена эпителіи, такъ что въ Панаретѣ существовала рядомъ тяглая и свободная недвижимость. Принадлежность всего Панарета Алиѳину или права Алиѳина на Панаретъ уживались рядомъ съ крестьянской собственностью. Въ кодексѣ Лемвіотиссы дошелъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о свободномъ распоряженіи крестьянъ Панарета своими родовыми и пріобрѣтенными землями, подъ условіемъ передачи эпителіи, поступавшей въ пользу тѣхъ, на комъ лежало тягло, а также иногда въ пользу служилыхъ владѣльцевъ Панарета[7]).

Наиболѣе интересенъ случай съ дарственной парика священника Полея, хотя это дѣло врядъ ли относится къ территоріи Панарета, но къ проніи, которой часть лежала на означенной территоріи. Еще въ 1210 г. священникъ Іоаннъ Полей отдалъ въ формѣ дарственной своему родственнику, тоже священнику, Музиѳрѣ изъ города

---

[1]) Περίορος Φοκᾶ, Lemv. № 2, p. 8.

[2]) Lemv. № 144, a. 1293: ὅσοι ἀπὸ τοῦ χωρίου τοῦ Παναρέτου Μανταίας χρήσιμοι γέροντες. Cf. № 28, a. 1251: παρὰ τῶν ἐποίκων τῆς χώρας Μανταίας καὶ τῶν ἀπὸ χωρίου τοῦ Παναρέτου.

[3]) Ibid.

[4]) Κακαβᾶς: Lemv. pp. 8, 61, 76, №№ 25, 31, 36, pp. 94, 134, 229. Ἀρμένης pp. 61, 76, №№ 25 36, pp. 94, 123, 134, 135, 229. Βαρίτης 83, 94 (Βαρίγου = Βαρίτου?), № 65, pp. 134, 229. Μαρτῖνος 94, 134, 229. Παρδολέων № 65 и p. 229. Ροδινός p. 229, cf. № 34. Πεπαγωμένος pp. 79, 83. Παρδοπεφαγωμένος 83, 229. Ματζούκης pp. 61, 77, 83, 134. Κοπτιανᾶς 61, 79. Ζωναρᾶς (?) № 25, p. 88 и 123. Другіе упомянуты по разу. Ср. также Μονομάχος προσκαθήμενος p. 8, cf. p. 278: ἀπὸ Μανταίας.

[5]) Lemv. № 24, a. 1225: ἐν τῷ χωρίῳ μου τοῦ Παναρέτου.

[6]) Lemv. № 77, a. 1281. Cf. № 19.

[7]) Ср. ниже дарственную париковъ Панарета, Какавы и другихъ, на участокъ захваченный людьми ихъ господъ. Lemv. № 36, a. 1284.

Смирны, рощу въ 30 маслинъ изъ своихъ родовыхъ и наслѣдственныхъ владѣніи[1]) отчуждая ее въ потомственную и безусловную собственность Музиѳры безъ упоминанія о какой либо эпителіи[2]). Между тѣмъ самъ священникъ Полей и его сынъ Ѳома были несомнѣнно париками проніи рыцаря Сиргари, потомъ Комнины Вранены, и ихъ пожертвованіе наносило ущербъ, лишая проніаровъ дохода съ земли ихъ париковъ, перешедшей въ чужія руки. Можетъ быть, этому отчужденію была придана форма дарственной родственнику, чтобы обойти права рыцаря Сиргари. Между Полеемъ съ сыномъ и Музиѳорою возникалъ дважды процессъ изъ-за этого пожертвованія, какъ видно изъ нижеслѣдующаго весьма важнаго и любопытнаго документа[3]).

Много лѣтъ тому назадъ, начинается приговоръ (χρυσόγραμμα) 1251 года, священникъ Іоаннъ Полей, происходящій изъ Мантеи, и сынъ его Ѳома уступили рощу въ 32 дерева своему любезному родственнику, происходящему изъ Смирны священнику Льву Музиѳрѣ, за его благодѣянія, — путемъ письменной и подписанной дарственной[4]). Затѣмъ по внушенію сатаны Іоаннъ Полей пожаловался относительно этихъ деревъ своему господину ленному рыцарю Сиргари[5]), утверждая, что онъ подарилъ Музиѳрѣ лишь 20, а не 30 деревъ. Упомянутый ленный рыцарь Сиргари передалъ разбирательство домохозяевамъ своей проніи[6]). Собравшіеся всѣ лучшіе люди его проніи, а также стряпчій того же села Николай Лаодикинъ[7]), разсмотрѣли дарственную Полея съ сыномъ и отказали ему въ его претензіи. Полей предложилъ дать присягу, но Музиѳра не пожелалъ клятвы Полея, постригшагося въ монахи, и уступилъ ему спорныя 10 маслинъ. По смерти Іоанна Полея, его сыновья и вдова снова возбудили дѣло, отвергая на этотъ разъ совершенно всю дарственную Музиѳрѣ, равно какъ и приговоръ лучшихъ домохозяевъ ихъ села во времена Сиргари[8]), и жаловались госпожѣ своей благороднѣйшей Комнинѣ Враненѣ[9]), которая хотѣла было завладѣть означенными деревьями, но выслушавъ и другую сторону, постановила, чтобы Полеи судились, при томъ гдѣ хотятъ[10]). Въ день составленія настоящаго приговора Ѳома Полей съ братомъ и матерью были на лицо въ селѣ Панаретѣ и созвали ниже подписавшихся домохо-

---

[1]) Lemv. № 55, a. 1210: ἀπὸ τοῦ ὅλου στίχου τῶν γονικῶν καὶ κληρονομικῶν ἡμῶν.

[2]) Почти одновременно, и также въ непосредственной близости къ Панарету, крестьяне Коскины, *продали* тому же Музиѳрѣ два участка масличныхъ плантацій изъ своей родовой и наслѣдственной собственности; при договорѣ выговорена эпителія въ 1½ номисмы въ пользу продавшей крестьянской семьи, на которой осталось тягло проданныхъ участковъ. Lemv. № 54, a. 1213.

[3]) Lemv. № 28, a. 1251.

[4]) δι' ἐγγράφου ἐνυπογράφου αὐτοῦ χαριστικῆς.

[5]) ἠνεγκλήτευσεν τὰ τοιαῦτα ἐλαΐκιά δένδρα πρὸς τὸν αὐθέντην αὐτοῦ, τὸν λίζιον καβαλλάριον τὸν Συργαρήν.

[6]) ἐπέπαρψεν τὴν τοιαύτην κρίσιν πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότας τῆς προνοίας αὐτοῦ.

[7]) συναχθέντες γοῦν ἅπαντες οἱ κρείττονες τῆς προνοίας αὐτοῦ, ἀλλὰ δὴ καὶ ὁ νομικὸς τοῦ αὐτοῦ χωρίου Νικόλαος ἱερεὺς ὁ Λαοδικηνός. Послѣдній не тожественъ съ номикомъ изъ Мантеи Іоанномъ Лаодикиномъ, подписавшимся на этомъ же приговорѣ, но можетъ быть одно лицо съ номикомъ Мантеи, священникомъ Лаодикиномъ, извѣстнымъ напр. изъ документа 1237 г., № 34.

[8]) τὴν γεγονυῖαν κρίσιν ἐν τῇ ἡμέρᾳ τοῦ Συργαρῆ παρὰ τῶν κρειττόνων οἰκοδεσποτῶν τοῦ χωρίου αὐτῶν.

[9]) ἠνεγκλήτευσε τὰ . . . δένδρα εἰς τὴν κυρίαν αὐτῶν τὴν εὐγενεστάτην Κομνηνὴν τὴν Βράναιναν.

[10]) διωρίσατο κριθῆναι καὶ πάλιν . . . ἔνθα καὶ βούλονται . . . ἡ κυρία αὐτοῦ.

зневъ села Панарета[1]), которые, имѣя въ виду дарственный актъ, отвергаемый сыномъ Полея, и приговоръ по этому дѣлу крестьянъ села Аврилія[2]), постановили воспретить Ѳомѣ Полею когда либо еще разъ возбуждать это дѣло. Приговоръ составленъ въ присутствіи крестьянъ Полеева села: перечислено 5 именъ, затѣмъ стоятъ кресты или рукоприкладства 6 крестьянъ, по именамъ своимъ несомнѣнно изъ Панарета; затѣмъ слѣдуетъ подпись составившаго актъ номика округи (ἐνορίας) Мантеи, на обратной сторонѣ запись въ присутствіи жителей Мантеи (τῶν ἀπὸ χωρίου τῆς Μανταίας), причемъ названы 4 имени духовныхъ и 2 имени домохозяевъ (съ добавленіемъ καὶ ἑτέρων); наконецъ запись хартофилака Смирнской митрополіи, выдавшаго приговоръ противной Полею сторонѣ (отъ которой онъ попалъ въ архивъ Лемвіотиссы), гласящая, что приговоръ этотъ постановленъ по почину Смирнскаго митрополита жителями волости Мантеи и уроженцами села Панарета, поименованными внутри акта[3]). Оставляя въ сторонѣ данныя документа для изученія аграрнаго процесса и участія въ немъ земскаго элемента, ставимъ вопросъ: каково было юридическое состояніе Полея и къ какой сельской территоріи относилась его земля.

Подлинная дарственная, съ которою мы познакомились выше, не упоминаетъ ни о состояніи самого священника Полея, ни о его принадлежности къ извѣстному поселенію; свидѣтелями на актѣ являются не крестьяне сосѣди, но клирики Смирнской церкви. Извѣстно лишь, что дарственная относилась къ части родовой и наслѣдственной недвижимости Полея, занесенной въ отдѣльный стихъ[4]) писцовой книги, слѣдовательно несшей тягло. Приговоръ по дѣлу Ѳомы Полея не оставляетъ сомнѣнія, что и отецъ его священникъ Іоаннъ былъ парикомъ рыцаря Сиргари, который названъ господиномъ, αὐθέντης Полея. Хотя этотъ послѣдній обозначенъ происходящимъ изъ Мантеи, которая не находилась въ собственности или въ проніи у какого либо одного служилаго человѣка, нѣтъ сомнѣнія, что Полей принадлежалъ къ крестьянамъ проніи Сиргари, т. е. его земля до пожалованія въ проніи могла быть тяглой собственностью казеннаго крестьянина (ср. δημοσιαρίοις παροίκοις p. 40, о крестьянахъ Мантеи вообще). Словоупотребленіе приговора: „происходящій изъ Мантеи" можетъ объясняться противоположеніемъ происходящему изъ Смирны Музиорѣ и имѣть въ виду извѣстный административный округъ, каковымъ являлась Мантея, называемая χώρα и ἐνορία, — а не территоріальную единицу, къ которой земля была приписана въ акростихѣ. Далѣе, несмотря на то, что въ дарственной Полей является полнымъ собственникомъ своей родовой земли, жертвуетъ ее безъ переложенія эпителіи и это право за нимъ не отрицается въ приговорѣ онъ самъ же по случаю несогласія съ Музиорей обращается къ своему господину

---

[1]) παρέστη . . . ἐν τῷ χωρίῳ τοῦ Παναρέτου.

[2]) ἀλλὰ δὴ καὶ τὴν γεγονυῖαν κρίσιν παρὰ τῶν ἐποίκων χωρίου Αὐρηλίου.

[3]) παρὰ τῶν ἐποίκων τῆς χώρας Μανταίας καὶ τῶν ἀπὸ τοῦ χωρίου τοῦ Παναρέτου, τῶν καὶ ἐντὸς δηλουμένων κατ' ὄνομα.

[4]) ἀπὸ τοῦ ὅλου στίχου τῶν γονικῶν καὶ κληρονομικῶν ἡμῶν.

рыцарю Сиргари, и тотъ передаетъ разбирательство старикамъ своей проніи. Эта пронія является цѣлымъ селомъ, χωρίον, имѣющимъ своего номика, и про семью Полея опредѣленно сказано, что она принадлежала къ этому именно селу. Актъ 1251 г. называетъ и по имени то село, которое было въ проніи у Сиргари и постановило въ лицѣ своихъ стариковъ первый приговоръ по дѣлу Полея, — именно χωρίον Αὐρηλίου. Эта деревня округа или волости Мантеи упомянута въ кодексѣ Лемвіотиссы, повидимому, лишь въ титулѣ недошедшаго акта, содержавшаго дарственную рыцаря сира Адама на рощу въ Авриліи, — документа неизвѣстнаго времени, но судя по его положенію въ кодексѣ, бывшаго однимъ изъ первыхъ въ архивѣ Лемвіотиссы[1]).

При второмъ разбирательствѣ, бывшемъ въ 1251 г., семья Іоанна Полея является париками Комнины Вранены. Судъ происходитъ въ селѣ Панаретъ, и подъ приговоромъ поставили кресты 6 домохозяевъ изъ Панарета, судя по именамъ четверыхъ изъ нихъ[2]) и по припискѣ хартофилакса Манасси. Приговоръ былъ составленъ въ присутствіи крестьянъ села Полея, которыхъ имена указываютъ не на Панаретъ, но встрѣчаются въ документахъ волости Мантеи[2]). Эти четыре односельчанина Ѳомы Полея, названные крестьянами (ἔποικοι) его села, были несомнѣнно париками, какъ и онъ самъ. Возможно, что и жители Панарета были париками частнаго вотчинника, какимъ былъ для Панарета севастъ Алиѳинъ въ 1225 г. Приговоръ 1251 г., составленный жителями Панарета въ присутствіи париковъ деревни Аврилія, по дѣлу одного изъ послѣднихъ, написанъ номикомъ округа (ἐνορία) Мантеи и засвидѣтельствованъ жителями Мантеи, клириками и нѣкоторыми домохозяевами. Послѣдняя же скрѣпа хартофилакса Манасси, не упоминая о парикахъ Аврилія особо, объединяетъ всѣхъ свидѣтелей въ словахъ: жители (ἔποικοι) страны (волости) Мантеи и (люди) изъ села Панарета.

Странно, что χωρίον Αὐρηλίου, къ которому собственно относится недвижимость, отданная Полеемъ, упоминается въ кодексѣ, повидимому, всего еще одинъ разъ, и то въ надписаніи недошедшаго документа. Представляется возможнымъ, что подъ вліяніемъ созданія на его территоріи проніи, затѣмъ вслѣдствіе дробленія частновладѣльческой собственности, при новой переписи (вродѣ совершенной пинкерной Кантакузиномъ) село Аврилій было включено въ округу Мантеи или даже Панарета; и мы увидимъ ниже, что документы съ тѣми же крестьянскими именами, какъ въ приговорѣ 1251 г., помѣщены въ кодексѣ между актами Панарета[3]).

Въ первые же годы по возобновленіи монастырь Лемвіотиссы сталъ пріобрѣтать недвижимость на территоріи Панарета. Въ 1232 г. крестьянинъ Михаилъ Какава со своимъ многочисленнымъ семействомъ продалъ масличную рощу на территоріи

---

[1]) Lemv. № 26, cf. № 45.

[2]) Βαρίτης, Ματζούκης, Πεπαγωμένος. Παρδοπεφαγωμένος.

[3]) Καταλλάκτος, Κοντόπουλος, Ζωναρᾶς, № № 25, 32, 63. Κοσκινᾶς, Πωλέας.

[4]) Примѣръ села, прекратившаго свое отдѣльное существованіе, въ περίορος Фоки, p. 6: τὰ δίκαια τοῦ ποτε χωρίου τοῦ Βρυσοπηγαδίου.

Панарета въ *мѣстности* τοῦ Φοίνικος по сосѣдству съ участками крестьянъ Армени и Зонары, за 8 иперпировъ въ полную собственность, съ ежегодной эпителіей въ пользу Какавы въ 1 номисму[1]). Это значительное пріобрѣтеніе было немедленно подтверждено указомъ того же года, практикомъ Фоки и хрисовулами[2]); и въ скоромъ времени съ монастыря была сложена упомянутая ежегодная эпителія въ 1 номисму, въ весьма цѣнномъ распоряженіи главнаго сборщика податей въ Смирнскомъ катепанатѣ Костомойра[3]). Онъ засвидѣтельствовалъ, что эпителія, наложенная на монастырь за купленную у Какавы недвижимость, была назначена безъ разсмотрѣнія, такъ какъ купленный участокъ оказался-де бездоходнымъ (хотя монастырь старательно упоминалъ его въ хрисовулахъ, которые онъ себѣ испрашивалъ), и потому монастырь назначенной эпителіи не платилъ. Нынѣ Костомойръ сложилъ съ Лемвіотиссы эпителію, дабы монастырь остался безъ ущерба и безпокойства, такъ что казна не должна впредь имѣть никакого дохода отъ означенной эпителіи, такъ какъ и Какавасъ переданъ имъ въ другое мѣсто, гдѣ и будетъ вносить воинскія повинности, какъ онѣ положены имъ, Костомойромъ, а также и казенныя статьи (податей), именно деньги квартирнаго и провіантскаго довольствія и другихъ надлежащихъ для него повинностей, наравнѣ съ другими париками[4]). Полвѣка спустя старшій сынъ Какавы со своими двумя младшими родственниками, а также сосѣди ихъ изъ Панарета, Мартинъ и Армени, передали игумену Каллисту два дерева въ той же топоѳесіи Φοίνικος, захваченныя людьми ихъ господъ. Мы видимъ Панаретъ во владѣніи, вѣроятно въ проніи, у не названныхъ служилыхъ или архонтовъ[5]); и не смотря на это обстоятельство парики Панарета повидимому свободно возвращаютъ монастырю захваченный господскими людьми небольшой участокъ.

Еще пять продажъ участковъ масличныхъ рощъ помѣщены рядомъ другъ съ другомъ въ нашемъ кодексѣ. Первый изъ нихъ по времени относится еще къ 1232 г., т. е. одновременно съ продажей Какавы. Здѣсь однако упомянута эпителія, но въ пользу леннаго рыцаря Сиргари, извѣстнаго по дѣлу Полея. Очевидно, часть проніи Сиргари находилась на территоріи Панарета[6]). Остальныя четыре запродажныя записи относятся къ позднѣйшему времени. Не смотря на то, что Панаретъ составлялъ чью-то пронію, судя по вышеприведенному акту передачи

---

[1]) Lemv. № 25, a. 1232.

[2]) Lemv. № 70, a. 1232; № 2, p. 8, a. 1235; № 3, p. 20, a. 1235; cf. № 4, a. 1251, p. 23; № 6, a. 1284, p. 30.

[3]) Lemv. № 31, a. 1238: τὸ ἀποκαταστατικὸν γράμμα τοῦ Κωστομοίρου χάριν τοῦ ὑποστατικοῦ τοῦ Κακαβᾶ, ὅπως διαμένῃ ἀτέλεστον εἰς τὸ ἑξῆς.

[4]) Lemv. № 31: τοῦ δημοσίου μηδεμίαν πάροδον ὀφείλοντος ἔχειν χάριν ἐπιτελείας τοῦ τοιούτου ὑποστατικοῦ εἰς τὴν ῥηθεῖσαν μονήν, ὡς τοῦ Κακαβᾶ παραδοθέντος παρ' ἡμῶν ἀλλαχόθι ἔνθα καὶ καταβαλῆται τὰ στρατιωτικὰ ζητήματα, καθὼς αὐτὰ ἐτέθησαν παρ' ἡμῶν, ἀλλὰ δὴ καὶ τὰ δημοσιακὰ κεφάλαια, ἤγουν νομίσματα ἀγάπης, σιταρκίας καὶ ἑτέρων ζητημάτων τῶν ἀνηκόντων αὐτῷ καθὼς καὶ οἱ λοιποὶ πάροικοι.

[5]) Lemv. № 36, a. 1284: ἄνθρωποι τῶν αὐθεντῶν ἡμῶν.

[6]) Lemv. № 66, a. 1232: τελεῖν δὲ ὀφείλει ἡ μονὴ πρὸς τὸ μέρος τοῦ λιζιοῦ καβαλλαρίου τοῦ Συργαρῆ (νόμισμα) ἓν πραττόμενον.

крестьянами Панарета участка, захваченнаго людьми ихъ господъ (№ 36); однако всѣ четыре продажи сопровождались передачей эпителіи въ пользу продающихъ крестьянъ, но не въ пользу какихъ либо проніаровъ. Всѣ онѣ относятся при томъ не къ родовымъ землямъ, но или къ полученнымъ въ приданое, или къ пріобрѣтеннымъ покупкою. Среди именъ свидѣтелей встрѣчаемъ не только завѣдомыхъ крестьянъ Панарета, извѣстныхъ по почти того же времени приговору [1]), но также и односельчанъ Полея, и одного Полея, принадлежавшихъ къ проніи Сиргари и Вранены [2]). Между владѣльцами участковъ на территоріи Панарета упоминается Ксенъ Лега, занесенный при переписи стратопедарха Фоки въ число париковъ монастырскаго села Вари и многократно, въ теченіи болѣе полустолѣтія, скрѣплявшій своею свидѣтельскою подписью акты, относившіеся къ Вари [3]). Этотъ землевладѣлецъ, записанный черезъ нѣсколько лѣтъ монастырскимъ парикомъ, въ 1231 г. продалъ первому игумену возобновленной обители Лемвіотиссы масличную рощу въ селѣ Панаретѣ, въ мѣстности Финика, по сосѣдству съ деревьями, данными имъ въ приданое за дочерью, и съ участками крестьянъ Панарета Зонары и дѣтей Какавы, причемъ монастырь обязывался платить эпителію въ 1 ном. ежегодно рыцарю Сиргари [4]). Проданная роща не названа въ документѣ родовою собственностью Лега. Въ слѣдующемъ же году и зять его продалъ сосѣднія деревья, полученныя имъ въ приданое. Выясняется, что пронія Сиргари обнимала часть территоріи Панарета. Прежде чѣмъ приступить къ обзору документовъ, относящихся къ тѣмъ частямъ его проніи, которыя лежали уже за предѣлами Мантеи и ея округи съ прилежащими деревнями, обратимся къ другой послѣ Панарета деревнѣ Мантеи — къ Паракаламу.

Въ περίορος стратопедарха Фоки Паракаламъ является мѣстностью (топоѳесіей) Мантеи, и въ немъ означено пожертвованіе нѣкоего Канти въ нѣсколько маслинъ, приписанное къ метоху Пантелеимона въ Мантеѣ [5]). Эта же плантація, вѣроятно, является въ хрисовулѣ 1251 г. съ болѣе правильнымъ написаніемъ имени жертвователя Ханте, при чемъ обозначена, какъ находящаяся на территоріи Мантеи [6]), за дочерью кира Ксена Легà. И эта плантація была обложена эпителіей въ пользу Сиргари въ одну номисму [7]). Этотъ самый Ханте продалъ киру Іоанну Манкафѣ маслинную рощу, имъ насаженную въ его селѣ Паракаламѣ [8]), съ уплатой эпителіи въ пользу Ханте въ 1 номисму. Роща была отдана въ приданое за его дочерью, которая по смерти мужа и по его волѣ частью продала, частью пожертвовала ее монастырю Лемвіотиссы, уже не упоминая о какой либо эпителіи [9]).

---

[1]) № 144, a. 1293.

[2]) Lemv. № 65, a. 1298; № 67, a. 1281; № 68, a. 1279; № 69, a. 1265; см. приговоръ по дѣлу Полея № 28, a. 1251.

[3]) Lemv. № 2, p. 13. № 117, a. 1192. № 109, a. 1225. № 112, a. 1240. № 113 и 118, a. 1246. № 119, a. 1250 и № 32, a. 1251 на документѣ о метохѣ Плановомъ.

[4]) Lemv. № 17, a. 1281: ὀφείλει δὲ ἐπιτελεῖν ἡ μονὴ ἑκάστῳ καιρῷ ὁκὰρ ἐπιταλείας etc.

[5]) Lemv. № 2, p. 7—8.

[6]) Lemv. № 6, p. 25: δένδρα ἐλαϊκὰ εἰς τὴν Μάνταιαν ἀπὸ τοῦ στίχου τοῦ Χαντέα.

[7]) Lemv. № 65, a. 1282. См. выше.

[8]) Lemv. № 19, a. 1235: ἐν τῷ χωρίῳ ἡμῶν τῷ Παμακαλάμῳ.

[9]) Lemv. № 64, a. 1259: δένδρα τὰ ἐν τῷ Παρακαλάμῳ ὄντα.

Мы видѣли, что часть зависящей отъ Мантеи территоріи деревни Панаретъ находилась во второй четверти XIII в. въ проніи рыцаря Сиргари. Другой частью его владѣній, опять таки на условіяхъ проніи, было село Рѣки, χωρίον τοῦ Ποταμοῦ. Ни въ одномъ хрисовулѣ, изъ коихъ позднѣйшій, весьма подробный, относится къ 1284 г., это село не упоминается какъ принадлежащее монастырю Лемво хотя бы отчасти. Но въ указѣ о возвращеніи бѣглыхъ париковъ, который возможно относить къ 1244 г. или же къ значительно болѣе позднему времени, упомянуты [1]) парики монастыря, приписанные къ Потаму, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы само село Потама принадлежало монастырю. Документа о пожалованіи или объ отдачѣ какимъ либо частнымъ лицомъ париковъ Потама мы не можемъ указать въ кодексѣ Лемвіотиссы. Возможно, что село Потама, находившееся, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ проніи Сиргари въ тридцатыхъ годахъ столѣтія, тожественно съ мѣстностью εἰς τὸν Ποταμόν, гдѣ находилось поле, оставленное по завѣщанію знатнаго владѣльца Чауша Мелиссина въ 1285, вѣроятно, году, и гдѣ находились родовыя владѣнія Мелиссиновъ [2]), а также и владѣнія Мануила Дуки, пожалованныя имъ Лемвіотиссѣ въ 1289 г. [3]).

Парики села τοῦ Ποταμοῦ, находившагося въ проніи у леннаго рыцаря Сиргари, упоминаются въ группѣ документовъ по поводу правъ на эксплоатацію помѣстья Сфурна, находившагося внутри общей межи монастырскихъ владѣній, какъ она была установлена описью Фоки. Годомъ ранѣе имѣніе Сфурна (προάστιον τὰ Σφούρνου) было подарено Лемвіотиссѣ [4]) Смирнскимъ прокаѳименомъ, пансевастомъ Георгіемъ Калоидá, получившимъ его въ приданое отъ тестя, знатнаго же человѣка Кастамонита. До того имѣніе принадлежало монастырю Руфиніанамъ возлѣ Константинополя. Пожертвованіе Калоида было подтверждено императорскимъ указомъ, гарантировавшимъ монастырю полную свободу имѣнія Сфурна, площадью въ 10 модіевъ, отъ всякихъ казенныхъ податей, каковою льготою имѣніе пользовалось еще находясь въ рукахъ жертвователя [5]). Перепись стратопедарха Фоки и общіе хрисовулы о владѣніяхъ Лемвіотиссы подтвердили за монастыремъ права на Сфурна. Но еще Фока нашелъ въ этомъ имѣніи париковъ Сиргари изъ села Потама; онъ имъ приказалъ уйти на земли, къ которымъ они были приписаны и гдѣ несли тягло [6]). Парики и ихъ проніаръ Сиргари оказали сопротивленіе, и возникло дѣло изъ за этого небольшого, но близкаго къ монастырю и цѣннаго имѣнія, лежавшаго на рѣкѣ [7]) и обладавшаго мельницами и всякими планта-

[1]) Lemv. № 166, p. 262: ἀπὸ τῶν παραδεδομένων αὐτῇ παροίκων εἰς τὸ χωρίον τὰ Μῆλα, εἰς τὰ Πελάτια, εἰς τὰ Πεταροῦ καὶ ἀλλαχοῦ.

[2]) Lemv. № 172, a. 1285? χωράφιον εἰς τὸν Ποταμὸν ἀπὸ τῆς γονικῆς αὐτοῦ στάσεως πλησίον Μιχαὴλ τοῦ Μελισσηνοῦ.

[3]) Lemv. № 47: χωράφια τοῦ Ποταμοῦ μετὰ τῆς Μονοκεβύκου (cf. p. 6: τοῦ Μονοκεβύκου).

[4]) Cf. Lemv. № 14 и № 43.

[5]) Lemv. № 7, II, a. 1284.

[6]) Lemv. № 2, p. 7: εὑρέθησαν ἐν τῷ τοιούτῳ προαστείῳ τὰ Σφούρνου προσκαθήμενοι ἀμετόχως καὶ τρεῖς πάροικοι ἀπὸ τοῦ χωρίου τῶν Ποταμῶν τελοῦντες ὑπὸ τὸν λίζιον καβαλλάριον τὸν Συργαρίν.

[7]) Cf. № 7, I.

ціями[1]). Процессъ париковъ Сиргари съ монастыремъ представленъ весьма подробно въ документахъ, собранныхъ въ кодексѣ Лемвіотиссы, и даетъ для характеристики поземельныхъ отношеній весьма цѣнный матеріалъ. Первый изъ этихъ документовъ является свидѣтельскимъ показаніемъ сосѣднихъ крестьянъ о правахъ на Сфурна той и другой стороны[2]). Свидѣтелями, проставившими свои кресты во главѣ акта, названы два крестьянина изъ самого села Потама, находившагося въ проніи у Сиргари[3]), затѣмъ изъ сосѣдняго села Рузы пятеро, изъ нихъ четыре Цикапита затѣмъ четверо крестьянъ села Павхома[4]), изъ села Друсъ одинъ и „прочіе не малочисленные". Они засвидѣтельствовали клятвенно и торжественно, что всѣ они, жители названныхъ селъ и ихъ родители, въ прежнія времена владѣли (т. е. эксплоатировали) имѣніе Сфурна, платя собственницѣ Кастамонитиссѣ морту или десятину[5]); а за водяную мельницу Рузаты платили аренду (μυλόπακτον). Во время же нашествія Латинянъ или Филантра, севастократоръ Георгій Ласкарь выселилъ крестьянъ менѣе защищенныхъ селъ въ горныя мѣста, между прочимъ и въ имѣніе Сфурна; по минованіи опасности всѣ вернулись на свои родныя мѣста. Въ игуменство Герасима Опсикіанца жители Потама пришли селиться въ имѣніе Сфурна[6]), но монахи ихъ не пускали. Тогда вступился рыцарь Сиргари и упросилъ игумена допустить ихъ въ качествѣ париковъ ради крѣпости монастыря, малочисленности братіи и запустѣнія Сфурну. На основаніи всего этого свидѣтели клятвенно установили, что крестьяне Потаму не имѣли родового наслѣдія въ Сфурну, но поселились какъ чужіе и пришлые[7]). Тогда же обѣ стороны подали прошенія императору. По жалобѣ игумена императоръ поручилъ дукѣ ѳемы Ѳракисійцевъ, военному губернатору провинціи, поѣхать на мѣсто и въ случаѣ, если въ монастырскомъ имѣніи будутъ найдены поселившимися парики Сиргари, выселить ихъ на земли, принадлежащія Сиргари. Прошеніе крестьянъ проніи названнаго леннаго рыцаря[8]) указывало на давнее поселеніе ихъ и ихъ родителей въ Сфурнѣ, какъ и въ Потамѣ, и на сдѣланныя ими хозяйственныя улучшенія, которыя (улучшенія) просители получили отъ родителей и произвели сами, такъ что они оказывались въ состояніи уплачивать какъ свои повинности париковъ, такъ и казенные сборы[9]); а теперь игуменъ Лемвіотиссы старается ихъ изгнать изъ родовыхъ улучшеній[10]) и выселить изъ жилищъ. Императоръ приказалъ тому же Іоанну Ангелу разслѣдовать справедливость жалобы

[1]) Cf. περίορος τοῦ Φωκᾶ, p. 7; cf. p. 39.

[2]) Lemv. № 7, III, a. 1235: σημειωμάρτυρον γράμμα ὑπὲρ τοῦ προαστείου τῶν Σφούρνου γεγονὸς τοπικῶς.

[3]) Lemv. p. 35: ἡμεῖς οἱ ἔποικοι χωρίου τοῦ Ποταμοῦ, ὅτε μοναχὸς Βλάσιος, Μιχαὴλ ὁ Βρουλλᾶς.

[4]) Ἡμεῖς οἱ ἔποικοι χωρίου Παυχώμης.

[5]) Ἐνεμόμεθα... τόπιον... τὰ Σφούρνου, ἐμουρταζόμεθα δὲ παρὰ τῆς πανσεβάστης σεβαστῆς τῆς Κασταμονιτίσσης.

[6]) Εἰσῆλθον τοῦ καθίσαι (οἱ Ποταμηνοὶ εἰς τὸ τοιοῦτον τόπιον τὰ Σφούρνου).

[7]) Ὅτι οὐκ εἶχον γονικὴν κληρονομίαν οἱ Ποταμηνοὶ εἰς τὰ Σφούρνου, ἀλλ'ὡς ξένοι καὶ ἐπίδημοι προσεκάθισαν.

[8]) Lemv. p. 37: οἱ ἀπὸ τῆς προνοίας τοῦ αὐτοῦ Συργαρῆ... οἱ ἀπὸ τοῦ ἀγριδίου τὰ Ποταμοῦ ὁρμώμενοι πάροικοι τοῦ καβαλλαρίου τοῦ Συργαρῆ.

[9]) Ὥστε δύνασθαι ἡμᾶς διδόναι τὰ ἀνήκοντα ἡμῖν τέλη καὶ δημοσιακὰ ζητήματα.

[10]) Ἀπὸ τῶν γονικῶν ἡμῶν βελτιωμάτων.

париковъ Потама, именно, составляетъ ли имѣніе (ἀγρίδιον) Сфурна давнишнее владѣніе родителей жалобщиковъ, были ли ими сдѣланы улучшенія, вслѣдствіе которыхъ просители могли взносить всѣ повинности какъ казенныя, такъ и по ихъ положенію париковъ[1]), и если все это окажется вѣрнымъ, то не допускать выселенія париковъ изъ родовыхъ имуществъ[2]). Во исполненіе обоихъ царскихъ указовъ, губернаторъ Іоаннъ Ангелъ, прибывъ на мѣсто, созвалъ изъ окрестностей крестьянъ (ἐποίκους) повидимому свободныхъ селъ Рузы и Друсы[3]), а также изъ проній Сиргари и пансеваста Алопа. Въ числѣ именъ париковъ Сиргари два послѣднія принадлежатъ крестьянамъ Панарета. Вызванные присяжные, жители (οἰκήτορες) селъ Рузы и Друсы, показали, что имѣніе Сфурна не принадлежало, какъ вотчина, ни казеннымъ Мантеянскимъ, ни Потамовскимъ парикамъ Сиргари[4]), но подтвердилось то, что намъ уже извѣстно о прежнихъ судьбахъ имѣнія Сфурна. Оно нѣкогда принадлежало монастырю Руфиніанамъ въ числѣ прочихъ имуществъ названнаго монастыря въ округѣ Мантеи; затѣмъ оно перешло въ руки знатной семьи Кастамонитовъ и отдавалось сосѣднимъ крестьянамъ деревень Рузы и Друсы на условіяхъ морты, черезъ посредство парика Руфиніанъ (бывшаго?) по имени Геге, состоявшаго или довѣреннымъ управляющимъ (villicus), или арендаторомъ (conductor generalis) имѣнія[5]). Жители же Потама не имѣютъ никакого доказательства на право считаться наслѣдственными собственниками Сфурна[6]), но поселились тамъ на время опасности; ихъ же собственныя жилища и пашни всѣмъ извѣстны и тамъ они хозяйничаютъ и до сихъ поръ, высказали свидѣтели. Постановлено было выселить Потамитовъ, выдавъ небольшое вознагражденіе за устроенныя ими передъ своими хижинами гряды (ὑποκλήματα, κραββατίνας). Въ подтвержденіе приговора губернатора Іоанна Ангела и для окончательнаго устраненія претензій париковъ Сиргари были исхлопотаны двѣ грамоты. Первая императорская кратко излагаетъ дѣло по упомянутому приговору и притомъ страдаетъ неточностями выраженія[7]); вторая же митрополита Смирны, болѣе примѣчательна и содержитъ указаніе на послѣдній фазисъ тяжбы и на народный обычай рѣшенія аграрныхъ дѣлъ путемъ σταυροδιαβασία или прохожденія свидѣтелями межей съ крестомъ въ рукахъ. Изъ документа видно, что Сиргари не подчинился губернаторскому приговору и явился на судъ императора отвѣтчикомъ за себя лично и за своихъ париковъ[8]). Царскій братъ Комнинъ Торникъ получилъ порученіе разсмотрѣть дѣло, выслушавъ обѣ стороны, и поста-

---

[1]) Τὰ ἀνήκοντα ὑμῖν παροικικὰ καὶ δημοσιακὰ ζητήματα.

[2]) Ἀπὸ τῶν γονικῶν ὑμῶν ὑποστάσεων.

[3]) Владѣнія монастыря въ селѣ Δροῦς: p. 17, 21; поступили отъ властелей. Cf. τοποθεσία τοῦ Ἀληθινοῦ, ibid.

[4]) Ibid. p. 38: οὐ τοῖς δημοσιαρίοις Μαντειανοῖς παροίκοις ἢ αὐτοῖς τοῖς Ποταμηνοῖς γονικόθεν προσήρμοσεν.

[5]) Ἐμορτάζοντο δὲ παρά τινος παροίκου τῆς μονῆς τῶν Ροφινιανῶν τοῦ ἐπιλεγομένου Γεγέ, ἐξ ἀποστολῆς ἐνθεν τοῦ μέρους τοῦ Λαγκιδᾶ ἤτοι τῆς Κασταμονιτίσσης.

[6]) οὐ κατά τι δικαιοῦνται . . . ὡς γονικάριοι.

[7]) Напр. Потамиты названы: ἐποίκων τοῦ ἀγριδίου Σφούρνου τοῦ ὑπὸ τὸν . . . Συργαρήν.

[8]) παρῆν . . . καὶ ὁ τοιοῦτος καβαλλάριος δικαίῳ τε οἰκείῳ καὶ δικαίῳ τῶν παροίκων αὐτοῦ τῶν Ποταμηνῶν.

новить окончательное рѣшеніе. При этомъ, такъ какъ Сиргари настаивалъ, что его парики подвергаются ущербу (ἀδικοῦνται), было рѣшено опредѣлить границы прежняго владѣнія Руфиніанъ, путемъ *ставродіавасіи*. Для этого игуменомъ были приглашены прежніе свидѣтели изъ села Рузы, въ присутствіи рыцаря Сиргари и париковъ его проніи въ округѣ Мантеи (названы два имени, вѣроятно[1]) изъ Панарета) и изъ села Потама. Рузаты объявили, что могутъ показать и прежнія родовыя усадьбы тяжущихся париковъ Сиргари въ селѣ Потама, гдѣ стоятъ ихъ жилища и деревья. Дѣло кончилось полюбовнымъ соглашеніемъ, по которому парики Сиргари, отказавшись отъ Сфурна, получили отъ монастыря другой кусонъ земли для поселенія[2]).

Въ документахъ по поводу Сфурна есть неясность: на чемъ основывали свои претензіи монахи до полученія дарственной отъ Калоида на имѣніе имъ нужное, лежащее надъ монастыремъ въ общей чертѣ владѣній Лемвіотиесы, но заброшенное владѣльцемъ и завѣдомо занятое чужими париками. До полученія дарственной монахи считали возможнымъ не допускать париковъ изъ Потама, и проніаръ Сиргари долженъ былъ вступать съ ними въ соглашеніе[3]). При возобновленіи монастыря строители его монахъ Симонъ и попечитель Кадіанъ[4]) сдаютъ въ аренду мельницу повидимому въ Сфурнѣ[5]); и первое столкновеніе крестьянъ Сиргари съ монастыремъ относится ко временамъ перваго же игумена Герасима[6]), до полученія дарственной (при игуменѣ Павлѣ, 1234 г.). Ни та, ни другая сторона не имѣла правъ предпочтенія на Сфурново, бывшее съ давняго времени имуществомъ Руфиніанъ; но послѣ Латинскаго нашествія, когда наслѣдники Кастамонита, повидимому оставили имѣніе безъ эксплоатаціи, крестьяне завладѣли было имъ какъ заброшеннымъ, монахи же не допускали ихъ, какъ ближайшіе сосѣди, и затѣмъ получили дарственную. Дѣло о Сфурнѣ получило острый характеръ, обѣ стороны неоднократно обращались къ высшей власти, потому что монастырское владѣніе столкнулось съ крупною силою, проніаромъ Сиргари, владѣвшимъ частью округа Мантеи (Панаретомъ) и селомъ Потама за предѣлами Мантеи. Дважды упоминаются въ актахъ Сфурна парики Сиргари какъ изъ Мантеи, такъ изъ Потама. При этомъ по крайности первые опредѣлены, какъ крестьяне *казенные* (δημοσιάριοι, p. 38), т. е. сохранившіе свое казенное тягло. Центромъ тяжести въ процессѣ является не тотъ вопросъ, кому принадлежитъ имѣніе, но другой: являются ли три семьи париковъ γονικάριοι, собственниками родовой или унаслѣдованной недвижимости въ Сфурнѣ. Крестьяне указывали на свои родовыя *улучшенія* (γονικὰ βελτιώματα), не будучи въ состояніи говорить о родовой собственности; монастырь и привлеченные

---

[1]) Καλομοιραστοῦ, cf. p. 8.
[2]) Lemv. № 7 VI, a. 1237.
[3]) Lemv. p. 36.
[4]) Ср. указъ Кадіану, Lemv. № 78, a. 1226.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.

имъ свидѣтели изъ окрестныхъ деревень указывали, что тяжущіеся парики никакихъ родовыхъ правъ на Сфурново не имѣютъ, и что ихъ родовыя усадьбы и земли лежатъ въ другомъ мѣстѣ. Если бы парики Сиргари могли доказать свои наслѣдственныя права на участки въ Сфурнѣ, то они не были бы удалены, но перешли бы вмѣстѣ со своими землями въ вѣдѣніе монастыря, какъ парики села Вари, пожалованнаго монастырю; этимъ однако не исключалась бы ихъ зависимость отъ Сиргари по ихъ тяглу въ томъ селѣ, откуда они происходили.

Обратимся къ документамъ, относящимся къ другому округу, лежащему ближе къ Смирнѣ: къ метоху Палатіямъ при селахъ Кукулѣ и Мурмунтахъ. Въ этихъ мѣстностяхъ господствовало крупное вотчинное землевладѣніе, и акты перехода къ монастырю участковъ на этихъ территоріяхъ являются для насъ значительно менѣе интересными. Они становятся особенно частыми въ послѣднія десятилѣтія періода, къ которому относится монастырскій кодексъ. Почти всѣ относящіеся къ этимъ мѣстностямъ акты собраны самими редакторами кодекса подъ общей рубрикой [1]).

Основаніе монастырской собственности въ этихъ мѣстахъ положено было возобновителемъ Лемвіотиссы императоромъ Іоанномъ Ватаци. Въ 1231 г. онъ пожертвовалъ два зевгаря земли изъ царской фермы (ζευγηλατεῖον) Кукула, находившагося при селѣ того же имени [2]). Исполняя царское повелѣніе, хранитель мѣстнаго дворца (ὁ παλατοφύλαξ) съ спутниками отмежевалъ два зевгаря пахотной земли [3]). Черезъ три года императоръ пожаловалъ еще шесть зевгарей казенной земли при томъ же царскомъ имѣніи [4]). Для выполненія этого порученія, прокаѳименъ Смирны Алопъ, при участіи лучшихъ домохозяевъ села Кукула, а также живущихъ въ Палатіяхъ Критика и Мономаха, провѣрили землю казеннаго владѣнія [5]) и нашли ее въ различныхъ кускахъ, которыхъ границы подробно описаны въ документѣ; при чемъ сосѣдями являются, кромѣ крупныхъ владѣльцевъ, крестьяне селъ Петры и Мурмунтъ [6]). Въ трехъ отмежеванныхъ кускахъ оказалось казенной земли всего шесть зевгарей, изъ коихъ одинъ былъ годенъ лишь подъ пастбище; пожалованная земля была передана монастырю для веденія хозяйства собственными монастырскими средствами, безъ надѣла участковъ парикамъ.

Въ томъ же году императоръ подарилъ и свой дворецъ въ Палатіяхъ, съ церковью, съ садами и поселенными при усадьбѣ чужими и неизвѣстными людьми,

[1]) Lemv. p. 142: Τὰ τοῦ μετοχίου τῶν Παλατίων χαρτῷα δικαιώματα, ἅτινα δὴ καὶ ἄρχονται ἀπὸ τῶν ὧδε. № № 75—102. Отдѣльно (кромѣ общихъ хрисовуловъ и переписи Фоки) № № 146 I—IV до 148, и 178 I—VI.

[2]) Lemv. № 75.

[3]) Lemv. № 76, a. 1231.

[4]) Lemv. № 79, a. 1234: ἀπὸ τῆς κατὰ τὸν Κούκουλον δημοσιακῆς γῆς τῆς ποτε ὑποκειμένης τῷ ἐκεῖσε ὄντι ζευγηλατείῳ τῆς βασιλείας μου.

[5]) ἀνεθεωρήσαμεν.. τὴν νεμομένην γῆν δικαίῳ τοῦ δημοσίου.

[6]) δίκαια τῶν ἐποίκων Πέτρας καὶ τῶν συμπαροίκων αὐτῶν . . . δίκαια τῶν Μουρμούντων. Упомянута перепись Никифора Хумна и евнуха Стефана при участіи τῶν ἐποίκων τῶν Κουκουλαϊτῶν, p. 148 в.

съ правомъ взыскать десятину съ сосѣдей, засѣявшихъ часть отданныхъ монастырю земель[1]). Это и было основаніемъ монастырскаго метоха въ Палатіяхъ. Генеральная опись владѣній Лемвіотиссы, составленная стратопедархомъ Фокою въ слѣдующемъ (1235) году, не упоминаетъ еще метоха, но обозначаетъ царское пожалованіе земли въ трехъ кускахъ и топоѳесіяхъ, какъ недвижимость, лежащую при мѣстности κάμπος τοῦ Μεμανιωμένου и бывшую прежде приписанной къ царской фермѣ въ Палатіяхъ[2]). Всѣ три куска монастырскихъ владѣній въ округѣ Палатій отграничены въ переписи Фоки подробно[3]); къ Палатіямъ была приписана роща и отдѣльный садъ, обнесенный стѣною[4]).

Изъ всѣхъ отчужденій въ округѣ Палатій мы можемъ указать лишь на одинъ случай продажи съ переводомъ эпителіи. Документъ, озаглавленный редакторами кодекса какъ запродажный актъ, выданный Михаиломъ Петратомъ относительно поля (крестьянина) Колела, не упоминаетъ о Петратѣ ни слова, но выданъ самимъ Колеломъ съ семьей[5]). Продано было имъ наслѣдственное поле, ограниченное постоянными межевыми знаками и столбами, въ полную собственность Лемвіотиссы, съ уплатою монастыремъ въ пользу Колела ежегодной эпителіи въ двѣ номисмы[6]). Затѣмъ дошелъ рядъ актовъ перехода въ руки монастыря земель, принадлежащихъ лицамъ не властельскаго и не служилаго сословія. Собственниками являются въ этихъ документахъ лица нѣсколькихъ родственныхъ между собою семей, владѣвшихъ весьма значительными участками наслѣдственныхъ и родовыхъ земель. Объ эпителіи въ этихъ актахъ нѣтъ упоминанія. Въ 1239 г. Агрипарми съ родственникомъ Николаемъ Критикомъ продали монастырю кусокъ поля, оставшійся послѣ продажи служилому человѣку Мономаху, цѣною 3 иперп., затѣмъ другое ихъ „братское“ поле въ мѣстности Палатій рядомъ съ полемъ монастыря, площадью въ 20 στρέμματα, за 5 иперпировъ[7]). Въ 1254 г. К. Кипоръ и Н. Дермата продали свои наслѣдственныя поля по сосѣдству съ Палатіями и по близости (обусловливающей предпочтеніе при продажѣ) съ полемъ монастыря, въ трехъ участкахъ всего на 50 мод. за 5 иперпировъ[8]); черезъ два года Конст. Критикъ съ сыновьями, Николай Дермата и К. Кациваринъ продали свои поля въ мѣстности Палатій площадью до ста модіевъ за 11 иперп.[9]). Одинъ изъ трехъ названныхъ крестьянъ Н. Дермата съ сыномъ продали Лемвіотиссѣ черезъ нѣсколько

---

[1]) Lemv. № 77, a. 1234.

[2]) p. 9: προσεκυρώθη... καὶ ἡ κατὰ τὸν κάμπον τοῦ Μεμανιωμένου γῆ ὑπὸ τὸ βασιλικὸν ζευγηλατεῖον τῶν Παλατίων πρώην τελοῦσα.

[3]) Lemv. № 2, p. 9—13.

[4]) λιβάδιον τῶν Ἀββάδων.. ὑπὸ τὰ δίκαια τῶν Παλατίων ἀποταχθὲν, ἐντὸς δὲ τῆς τῶν Παλατίων περιοχῆς ... περιβόλιον ἰδιοπεριόριστον.

[5]) Lemv. № 148, a. 1262. Колелъ — сосѣдъ Дермата, περίορος τοῦ Φωκᾶ, p. 12. Cf. № 80, a. 1235.

[6]) ὀφείλετε δὲ ἐπιτελεῖν πρὸς ἡμᾶς καθ' ἕκαστον χρόνον νομίσματα δύο πολιτευμένα ἀνοσταρήτως καὶ ἀνεπαυξήτως.

[7]) Lemv. № 85.

[8]) Lemv. № 81, a. 1254: ἐν τῇ γειτονίᾳ τῶν Παλατίων καὶ πλησίον τῶν χωραφίων τῆς μονῆς.

[9]) Lemv. № 82, a. 1256.

лѣтъ еще слѣдующіе свои наслѣдственные участки: 1) пахотное поле τῆς Τραχεινῆς по дорогѣ въ село Кукулъ, рядомъ съ полями Апостоли и Колела, продавшаго, какъ мы видѣли выше, свой другой участокъ съ уплатой эпителіи [1]); замѣчательно, что въ обоихъ случаяхъ Колелъ имѣлъ своими сосѣдями семью Дерматы; указано и протяженіе участка, даннаго Дерматой монастырю: шесть стремматъ въ одномъ направленіи (со стороны дороги) и 2 1/2 стремматъ со стороны сосѣдей Апостоли и Колела: такъ что участокъ былъ короче со стороны сосѣдей, чѣмъ со стороны дороги. Далѣе Дермата подарилъ Лемніотиссѣ поле, называемое Вамваки (ἡ Βαμβάκη) въ пять стремматъ, имѣющее сосѣднимъ участкомъ поле Ксена Гунари, проживавшаго въ монастырѣ. Этотъ участокъ, примыкавшій съ одной стороны къ участку, принадлежащему обители св. Георгія Силлеота (по имени сосѣдняго села Силлея), содержалъ въ себѣ солончаки и примывалъ къ морскому берегу; но при размежеваніи было найдено, сверхъ подареннаго участка въ пять стремматъ, еще поле въ 6 1/2 стремматъ, которое было означено къ концѣ межевымъ столбомъ съ надписью, и также имѣло тѣхъ же самыхъ наслѣдниковъ, т. е. ближайшихъ по праву предпочтенія, какъ и участокъ, подаренный крестьяниномъ Дерматой [2]). Найденный участокъ въ шесть стремматъ былъ уступленъ монастырю за одинъ иперпиръ. Дарственная Дерматы составлена по шаблону купчей, употребляя формулу, что монастырь оповѣщенъ о желаніи Дерматы; монастырь не долженъ былъ имѣть какую-либо тяжбу относительно правъ собственности на земли Дерматы ни съ его односельчанами, ни съ казенными служащими [3]); и актъ былъ составленъ номикомъ села Силлея въ присутствіи имовѣрныхъ людей, землепашцевъ села Пирга и другихъ [4]). Около того же времени крестьянинъ Николай Критикъ, носящій то же фамильное имя, какъ и одинъ изъ трехъ крестьянъ, продавшихъ землю площадью въ сто модіевъ [5]), — продалъ монастырю свой наслѣдственный участокъ въ томъ же самомъ мѣстѣ Τραχεινή, величиною въ 10 стремматъ, изъ коихъ 8 было продано имъ за 2 иперпира, а 2 стремматы пожертвованы монастырю [6]). Тотъ же самый Н. Дермата съ сыномъ Ксеномъ Пеполименомъ, названный въ заголовкѣ акта и при означеніи рукоприкладства Н. Критикомъ, продалъ монастырю свое отдѣльное (ἰδιοπεριόριστον) поле, называемое полемъ св. Елены по имени сосѣдней часовни и расположенное въ *мѣстности* Палатій (ἐν τῇ θέσει τῶν Παλατίων). При этомъ Дермата названъ жителемъ сосѣдняго села Силлея [7]). Немного спустя тотъ же Н. Критикъ или Дермата продалъ и самую, ему же принадлежавшую, церковь св. Елены вмѣстѣ съ прилежащимъ полемъ въ *мѣстности* Κραμαστοῦ и со всѣми угодьями [8]). Этимъ

[1]) Cf. Lemv. № 148, a. 1262.

[2]) Lemv. № 80, a. 1265: μετὰ τούτου δὲ ἐκ θρασκίου (?) μέρους τοὺς αὐτοὺς κληρονόμους.

[3]) ἀνοχλουμένη μήτε παρά τινος τῶν χωριτῶν, μήτε μὴν παρὰ τῶν τὰς δημοσιακὰς δουλείας μεταρχομένων.

[4]) σὺν τοῖς οὖσι ζευγηλάταις τοῦ Πύργου καὶ ἑτέροις.

[5]) См. выше № 39, a. 1256.

[6]) Lemv. № 86, a. 1263: τὸ ἀπὸ γονικῆς ἡμῶν κλήρας χωράφιον τὸ ἐπιλεγόμενον ἡ Τραχεινή.... εἴπερ δὲ γένηται καὶ παρά τινος κίνησις ἰδίου ἡμῶν ἢ πλησιαστοῦ ἢ ἀπὸ τοῦ δημοσίου ὀφείλομεν δαφενδεύειν.

[7]) Lemv. № 90, a. 1272.

[8]) Lemv. № 97, a. 1276.

не исчерпывается рядъ продажъ земель Критика и его семьи. Онъ еще продалъ участокъ пахотнаго поля парику монастыря Лемвіотиссы, по имени Кутули, который и владѣлъ купленнымъ полемъ шесть лѣтъ, но былъ лишенъ его захватомъ со стороны номика Керамари. Кутули ушелъ къ Половцамъ, поселеннымъ не подалеку, и захватилъ съ ихъ помощью рабочій скотъ Керамари; дѣло закончилось приговоромъ крестьянъ села Кукула, сосѣдняго съ Палатіями, и слуги царицы Скутаріота, присудившихъ монастырю спорное поле на томъ основаніи, что оно было продано монастырскому парику и продавецъ Н. Критикъ не могъ переуступать его никому другому, хотя бы съ возвращеніемъ цѣны[1]). Итакъ монастырь, признавая за своимъ парикомъ право пріобрѣтать недвижимость, требовалъ ее себѣ, такъ какъ Кутули повидимому остался среди Половцевъ и отступился отъ своихъ правъ.

Основавъ на территоріи Палатій свой метохъ благодаря царскимъ пожертвованіямъ, монастырь уже не допускалъ перехода въ чужія руки прилежащихъ земель, требуя для себя право преимущества при покупкѣ. По этому поводу произошло столкновеніе съ мѣстными служилыми владѣльцами, пускавшими въ ходъ даже оружіе, изъ-за продажи участка того же Н. Дерматы или Критика, имѣвшаго, оказывается, еще прозвище Кациварина (ср. № 89). Къ 1259 г. относятся два указа дукѣ области Калоѳету изъ-за поля, проданнаго сосѣдомъ монастырскаго метоха въ Палатіяхъ Кациваринoмъ стратіоту Варихиру безъ увѣдомленія монастыря о продажѣ; монахи добились было признанія сдѣлки незаконной и вернули деньги Варихиру, но родные послѣдняго снова завладѣли полемъ, засѣявъ его съ оружіемъ въ рукахъ и возвративъ деньги монастырю. Императоръ приказывалъ возстановить монастырь въ его правахъ путемъ приговора сосѣднихъ крестьянъ (κατὰ τὴν γεωργικὴν κρίσιν)[2]). Дѣло однако не закончилось тогда же, но потребовало разбирательства на судѣ митрополита, гдѣ сынъ Варихира вмѣстѣ съ упомянутымъ Дерматою или Кациваринoмъ удовольствовался восемью иперпирами. Изъ акта видно, что продажа Дерматы Варихиру не ограничивалась спорнымъ участкомъ, но простиралась на другіе въ топоѳесіи Кордолеонта[3]). Столь значительныя земли въ собственности одной семьи Дермата или Критиковъ возбуждаютъ сомнѣніе, можно ли считать эти земли крестьянскими. Однако, собственникъ ихъ никогда не называется служилымъ человѣкомъ, тогда какъ званія въ документахъ не опускаются. Въ одномъ актѣ отчужденія предусматривается вмѣшательство со стороны односельчанъ — хоритовъ, и сосѣдями Дерматы являются крестьяне Колелъ и другіе[4]). Наконецъ въ послѣднемъ документѣ, приговорѣ митрополичьяго суда по дѣлу съ сыномъ Варихира, выговорена и уплата эпителіи какъ за тотъ участокъ, о которомъ идетъ рѣчь

[1]) Lemv. №№ 91 и 99, a. 1285: ἵνα τὸ μὲν χωράφιον κατέχηται παρὰ τῆς μονῆς τῶν Λέμβων, ὡς παροίκου ὄντος αὐτῆς τοῦ Κουτούλη καὶ δεσπότιδος.

[2]) Lemv. №№ 82 и 83, a. 1259.

[3]) Lemv. № 84, a. 1263.

[4]) Cf. № 184.

спеціально въ приговорѣ, такъ и за другіе участки, проданные Дерматою монастырю до 1263 г.[1]).

Остальные документы, относящіеся къ округу Палатій, имѣютъ своимъ предметомъ земли служилыхъ собственниковъ. Извѣстная по актамъ Мантеи семья проніара, служилаго человѣка Петрици имѣла владѣнія, при томъ наслѣдственныя, и въ кругѣ Палатій, иначе въ κάμπος τοῦ Μεμανιωμένου. Севастъ Георгій Петрици пожертвовалъ 20 стремматъ въ мѣстности Σαρακηνικόν[2]), но вслѣдствіе спора съ монахами Смирнскаго монастыря св. Николая и смерти жертвователя земля была передана его тестемъ севастомъ Апелмене[3]). При этомъ былъ отмѣренъ въ *мѣстности* Пирга трехугольный участокъ, стороны котораго имѣли 110+62+100=272 локтя (πήχεις) длины, площадь же была высчитана равной 23 модіямъ. Вдова Іоанна Петрици съ семействомъ пожертвовала 9 стремматъ пахотной земли въ *мѣстности* Ἀλυκοῦ, и сынъ ея поле возлѣ Пирга площадью въ 30 стремматъ[4]). Въ той же самой мѣстности (κάμπος τοῦ Μεμανιωμένου) Анна, жена Ангела, отдала изъ своего приданаго пахотное поле Ἄρμενον въ 40 модіевъ (=34 γρονθοί) съ уплатой, въ качествѣ малаго пособія (χάριν εὐλογίας μικρᾶς), 14 иперп.; эпителіи не было положено, такъ какъ актъ считался дарственнымъ, а не запродажнымъ[5]). Севаста Тираннина продала поля въ *мѣстности* Авлакія за 16 иперпировъ[6]). Зять одного изъ ея родныхъ, Ѳедоръ Гаргари, пожертвовалъ свое родовое поле въ мѣстности κάμπος τοῦ Μεμανιωμένου, по имени поле св. Параскевы[7]). Паниперсеваста Ирина Загароммати (имя ея узнаемъ изъ хрисовула 1284 г.) пожертвовала изъ пожалованныхъ императоромъ пахотныхъ земель (χωράφια καματηρά) поле въ мѣстности Асани рядомъ съ участками монастыря. Это поле было занесено стратопедархомъ Фокою при составленіи имъ генеральной описи владѣніямъ монастыря въ число таковыхъ, но отобрано Ириною обратно и уступлено лишь послѣ долгихъ просьбъ монаховъ[8]). Въ особомъ письмѣ эта знатная госпожа приказывала людямъ и парикамъ ея частновладѣльческаго сосѣдняго села Мурмунтъ соблюдать права монастыря. Черезъ нѣсколько лѣтъ она повторила своему управляющему имѣніемъ Мурмунтами и владѣющему ея фермой въ Кукулѣ, также всѣмъ прочимъ ея служащимъ, чтобы они уважали права монастыря на ея пожертвованія въ фермѣ (ζευγηλατείῳ) Кукулѣ[9]). Въ четвертомъ выданномъ ею документѣ Ирина, уже принявшая постриженіе, ограждаетъ монастырь отъ ея же человѣка Ахелина, обозначая

---

[1]) Lemv. № 84, a. 1263: ὀφείλει δὲ ἡ μονὴ συνεισάγειν τὸν ἐπιτελεσμὸν μεθ' ὧν ἔχει καὶ ἑτέρων χωραφίων ἀπὸ τοῦ Δερματᾶ καὶ ἀποδοῦναι κατ' ἔτος πρὸς αὐτὸν (νομίσματα?) τέσσαρα ἀνεπαυξήτως. Сл. хрисовулъ 1251 г., p. 25.

[2]) Lemv. № 87, a. 1266.

[3]) Lemv. № 88, a. 1268.

[4]) Lemv. № № 95 и 96, a. 1275 и 1276. Номикъ χωρίου Ὄξους ἐνορίας Κορδολέοντος.

[5]) Lemv. № 98, a. 1267.

[6]) Lemv. № 98, a. 1276.

[7]) Lemv. № 101, a. 1280.

[8]) Lemv. № 146 I, a. 1253.

[9]) Lemv. № 146 III, a. 1261.

величину своего пожертвованія, названнаго полемъ Асани, при ея родовой фермѣ Кукулѣ, площадью въ 160 модіевъ. Захватчикъ долженъ былъ отдать и десятину за время незаконнаго владѣнія[1]). Рядомъ съ метохомъ Палатій находилось имѣніе императрицы τοπίον τῆς Ἁγίας, которое и было ею пожертвовано Лемвіотиссѣ. Изъ опредѣленія границъ имѣнія видно, что рядомъ съ нимъ не значилось крестьянскихъ земель[2]). Около того же времени и въ той же мѣстности знатный вотчинникъ Врана пожертвовалъ запустѣлую церковь во имя св. Константина съ землею, съ условіемъ возобновить церковь и поселить при ней парикомъ чужихъ людей[3]). Отъ того же Враны сохранилась въ кодексѣ краткая записка, въ коей онъ жертвовалъ и поле св. Елены, въ мѣстности неоднократно встрѣчавшейся намъ выше[4]).

Между упомянутымъ Михаиломъ Комниномъ Враною и монастыремъ произошло столкновеніе изъ-за пастбищъ при Палатіяхъ и при монастырскомъ селѣ Вари. Кодексъ Лемвіотиссы содержитъ полное дѣло, возникшее между обѣими сторонами въ 1286—7 г. и состоящее изъ шести документовъ, представляющихъ наилучшій примѣръ аграрнаго процесса крупныхъ размѣровъ[5]). Нѣкоторыя подробности этихъ документовъ интересны и для крестьянскаго владѣнія. По жалобѣ монастыря состоялось въ присутствіи обѣихъ сторонъ судебное разбирательство въ секретѣ (департаментѣ) съ участіемъ нѣсколькихъ членовъ синклита, и постановленъ приговоръ (σηκρητική δικαίωσις, № 178 III): монахи предъявили хрисовулы и другіе документы, какъ опись Фоки, утверждавшіе за ними собственность на спорные пастбищные и пахотные участки, лежавшіе въ *мѣстности* κάμπος τοῦ Μεραμωμένου и приписанные къ округу Палатій[6]), именно рощу Аввадовъ, другія пашни и пастбища по сосѣдству и кругомъ Палатій, а также на территорію села Вари. Врана могъ сослаться только на долголѣтнее владѣніе. Поэтому было постановлено, чтобы обѣ стороны оставались при тѣхъ владѣніяхъ, на которыя у нихъ имѣются документы. Это секретское постановленіе было подтверждено указомъ (ἐπικυρωτικὸς ὁρισμός, № 178 II). Сверхъ того другимъ указомъ доместику восточныхъ ѳемъ Сгуропулу было приказано, собравъ мѣстныхъ знающихъ людей и руководясь наличными документами, опредѣлить на мѣстѣ собственность обѣихъ сторонъ (τοπικὸς ἀποκαταστῆσαι). Кромѣ того, по жалобѣ Враны, что монахи пасутъ скотъ и рубятъ дрова въ его владѣніяхъ, не давая платы, какую вносили прежде, и по тому онъ, Врана, долженъ былъ захватить монастырскій скотъ въ качествѣ залога, было приказано разслѣдовать прежніе обычаи (№ 178 I). По письменному распоряженію доместика восточныхъ ѳемъ на мѣстѣ была составлена коммисія изъ 6-ти митро-

[1]) Ibid., IV.

[2]) Lemv. № 99, a. 1281.

[3]) Lemv. № 100, a. 1278?

[4]) Lemv. № 147, a. 1270 или 1285.

[5]) Lemv. № 178 I—VI, a. 1286—7.

[6]) ἐπί τισι τοπίοις διακειμένοις ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ κάμπου τοῦ Μεραμωμένου ὑπέργαις τε οὖσι καὶ νομαδιαίοις καὶ τελοῦσιν ὑπὸ τὴν τῶν Παλατίων περιοχήν.

военныхъ и царевыхъ чиновниковъ и служилыхъ людей; также изъ людей Враны, париковъ селъ Мурмунтъ, Приновари и Мантеи, всего болѣе 17 человѣкъ. Сверхъ того были созваны особымъ распоряженіемъ доместика Сгуропула парики вотчины другого Комнина въ селѣ Мурмунтахъ, имѣвшіе также столкновеніе съ монастыремъ, но они, во главѣ со своимъ управляющимъ, уклонились отъ суда, убоявшись свѣта. Врана же уступилъ, и коммиссія изъ мѣстныхъ людей и присланныхъ чиновниковъ обнаружила вросшіе въ землю межевые камни, поставленные еще стратопедархомъ Фокою. Относительно λιβάδιον τῶν Ἀββάδων было выяснено, что оно значилось по описи Фоки внутри предѣловъ монастырскихъ владѣній; что жители села Мурмунтъ (ἐποίκων τοῦ χωρίου Μουρμούντων), бывшіе париками Комниновъ Враны и Ангела, незаконно выгоняли скотъ; и что усадьба, выстроенная Враною при его фермѣ (ζευγηλατεῖον) въ Кукулѣ, была расположена на монастырской землѣ и подлежала сносу[1]). Постановленіе[2]) означенной коммиссіи было утверждено доместикомъ Сгуропуломъ. Относительно париковъ села Мурмунтъ состоялось впослѣдствіи еще царевое приказаніе, по которому между Мурмунтами и монастыремъ признано было пастбищное и горное мѣсто, гдѣ могли пастись стада той и другой стороны. Эта территорія однако не была общей собственностью, такъ какъ и та, и другая сторона имѣла свою половину на основаніи документовъ и межевыхъ знаковъ въ отдѣльной собственности; но обѣимъ сторонамъ было предоставлено нѣчто вродѣ сервитута на выгонѣ сосѣда согласно обычаю[3]). Черезъ нѣсколько лѣтъ губернатору (κριτὴς τοῦ φοσσάτου) Хила пришлось снова мирить сосѣдей, вырывшихъ на пастбищѣ волчьи ямы и пускавшихъ въ ходъ оружіе. Прибывъ на мѣсто, Хила разсмотрѣлъ опись стратопедарха Фоки, изъ которой приводится въ его приговорѣ длинная выдержка, и предложилъ покончить дѣло путемъ стариннаго процесса ставродіавасіи или прохожденія знающихъ присяжныхъ по межамъ съ крестомъ въ рукѣ. Опять было постановлено, что на обѣихъ половинахъ пастбища могутъ пастись стада обѣихъ сторонъ, и никто не можетъ занимать подъ пашню кусокъ пастбища ближе къ межамъ другой стороны; если же для кого либо изъ двухъ сторонъ будетъ необходимо распахать участокъ пастбищной полосы, то ему слѣдуетъ выбрать его на границѣ собственныхъ пашень; ямы приказано зарыть; и было разрѣшено пускать скотъ въ другое сосѣднее угодье зимою, но не весною, когда появляется трава, которую постановлено охранять для сѣнокоса того и другого сосѣда[4]).

Хрисовулъ 1284 г. упоминаетъ находившійся при селѣ Геникѣ метохъ во имя Божіей Матери Аманаріотиссы съ угодьями, какъ переданный монастырю епископомъ Меника[5]); но въ этомъ случаѣ монахи допустили неточность, подобную отмѣченной выше о метохѣ Георгія τὰ Σχουρβουλλά: не упомянутъ настоящій

---

[1]) № 178, IV.
[2]) γράμμα ἀποκαταστατικόν. № 178, V.
[3]) Lemv. № 178, VI.
[4]) Lemv. № 102, s. 1296.
[5]) Lemv. p. 31.

жертвователь. Метохъ Аманаріотиссы съ церковкою въ честь св. Марины былъ переданъ монастырю крестьянами села Геника, на территоріи котораго онъ былъ расположенъ. Епископы Меника отдали запустѣвшія обители Маріи Аманаріотиссы и св. Марины въ частныя руки, братьямъ Мономахамъ и крестьянину Каппари[1]); но повидимому черезъ годъ послѣ второго акта обѣ обители были переданы пятнадцатью подписавшимися крестьянами села Геника монастырю Лемвіотиссы для устройства метоха, по желанію епископа[2]). Жертвователями является не община села Геника, но всѣ пятнадцать домохозяевъ, перечисленныхъ поименно (въ томъ числѣ и Каппари, получившій было церковь св. Марины въ отдѣльную собственность). Новый метохъ не остался безъ земельныхъ пріобрѣтеній. Если нельзя относить къ метоху Аманаріотиссы богатыя пожертвованія по духовному завѣщанію Георгія Чауша Мелиссина, которое вмѣстѣ съ сопровождающими актами вставлено кодексомъ въ перемежку съ документами о названномъ метохѣ[3]); то двѣ по крайности продажи состоялись въ пользу метоха, а не главнаго монастыря. Обѣ имѣли мѣсто въ одномъ году, относятся къ участкамъ въ *мѣстности* (τοποθεσία) метоха, къ родовой недвижимости, не содержатъ упоминанія объ эпителіи[4]).

Матеріалъ кодекса Лемвіотиссы имѣетъ высокое значеніе для вопроса о крестьянской собственности. Передъ нами памятники аграрныхъ отношеній въ области чисто византійской, которой не коснулась славянская или иная колонизація, при томъ въ области вполнѣ земледѣльческой. Документы, впрочемъ, относятся къ ограниченному промежутку времени, за немногими исключеніями къ XIII вѣку. Въ этотъ періодъ, однако, слѣдуетъ предполагать поземельныя отношенія окончательно установившимися. Для этого времени документы Лемвіотиссы должны имѣть рѣшающее значеніе. Они весьма обильны и содержатъ въ своемъ составѣ исключительно большое количество частныхъ крестьянскихъ актовъ отчужденія, дара и продажи, относящихся къ крестьянской недвижимой собственности, одинаково къ участкамъ пахотнымъ и къ усадебнымъ. Документы Лемвіотиссы должны обнаружить условія характерныя и типическія для Византіи послѣ Македонской династіи.

Если разсматривать аграрную исторію Византіи съ обычной точки зрѣнія борьбы двухъ началъ: свободнаго крестьянскаго землевладѣнія на основѣ общинности противъ крупной собственности на почвѣ крѣпостнаго труда безземельныхъ париковъ, и если продолжать извѣстный споръ, рѣшая проблему, вытѣснило ли состояніе парикіи свободную, притомъ общинную крестьянскую собственность, то

---

[1]) Lemv. № 167, a. 1252 и № 168, a. 1253?

[2]) Lemv. № 169, a. 1254. Rubr. ἐκδοτήριον γράμμα παρὰ τῶν ὅλων ἐποίκων τοῦ χωρίου Γενικοῦ... Inc. Ἡμεῖς . . . οἱ ἀπὸ τῆς χώρας τοῦ Γενικοῦ ὁρμώμενοι καὶ ὀνόματι σιγνογραφήσαντες ἐκδιδόμεν.

[3]) Lemv. №№ 170—172, 175.

[4]) Lemv. №№ 173 и 174, a. 1283. Въ первомъ названъ сосѣдній участокъ, поступившій монастырю отъ М. Діалекта, упомянутаго въ числѣ *крестьянъ* села Геника въ № 169.

матеріалъ, доставляемый кодексомъ Лемвіотиссы, не подходитъ подъ такую схему и даже разрушаетъ самую постановку вопроса. Не оправдываются главныя предположенія: мы не видимъ въ документахъ ни общины съ общиннымъ землевладѣніемъ, какъ свободной, такъ и зависимой, и не наблюдаемъ безземельной массы на вотчинахъ или проніяхъ крупныхъ собственниковъ. Два столѣтія послѣ Македонскихъ императоровъ крестьяне какъ свободные (казенные), такъ и зависимые (монастырскіе, проніарскіе) являются собственниками. Состояніе присельниковъ, не получившихъ собственныхъ участковъ, было временное.

Пожалованное хрисовулами монастырское село Вари населено домохозяевами (*οἰκοδεσπόται*), сидѣвшими на родовыхъ своихъ участкахъ; въ числѣ ихъ находятся владѣльцы значительныхъ имуществъ, состоявшіе въ родствѣ съ служилыми людьми. Рядомъ съ ними отмѣчены новые дворы поселенныхъ чужихъ людей. Хотя правительство предписывало надѣлить всѣхъ зевгаратными и воидатными участками, таковыхъ категорій въ описи Фоки мы не находимъ; напротивъ того, и послѣ предписаннаго надѣленія или ревизіи нашлись выморочныя стаси, отданныя вотчиннику-монастырю въ непосредственное владѣніе. Вся территорія монастырскаго села дѣлилась такимъ образомъ на наслѣдственные, собственные дворы съ землей или стаси париковъ и на terra indominicata монастыря.

Изъ дѣла о Спановомъ полѣ видно, что первоначальнымъ собственникомъ этого отдѣльнаго участка былъ парикъ Вари или Приновари. Тяжущимися сторонами являются общества париковъ этихъ двухъ селъ, монастырскаго и властельскаго; и хотя истцомъ отъ лица Вари выступаетъ монастырь, и его игумену было поручено уничтожить межевые знаки, выигранное поле было приписано къ территоріи Вари, не къ монастырю непосредственно. Цѣлый рядъ тяжебныхъ дѣлъ изъ-за наслѣдства семьи Гунаропуловъ, записанныхъ париками Вари, основанъ на столкновеніи владѣльческихъ правъ монастыря, вытекавшихъ изъ пожалованія, съ правами родовой, наслѣдственной собственности Гунаропуловъ и ихъ родныхъ, уже не принадлежавшихъ къ числу париковъ Вари, но бывшихъ служилыми людьми: одинъ изъ нихъ, вестіаритъ Влаттеръ, владѣлъ, повидимому, всѣмъ селомъ Вари нѣкоторое время до пожалованія монастырю Лемвіотиссы. Часть наслѣдства Гунаропуловъ не находилась на территоріи Вари. Во время одного изъ процессовъ монастырь указывалъ, что спорная земля, проданная Гунаропулами, находится на территоріи Вари, пожалованной монастырю, и потому продажа является „лживой", такъ какъ земля эта „тянетъ подъ парикіей (*ὑπὸ παροικίας τελούσης*). Судья подтвердилъ это, разъясняя, что продажа земли, находящейся подъ парикіей, на сторону, именно въ руку проніаровъ, не дѣйствительна потому, что такая земля должна всегда оставаться тяглой подъ рукой казны. По случаю другой подобной продажи крестьяниномъ Гунаропуломъ одного изъ его трехъ воидатныхъ участковъ было подтверждено „не дозволять парикамъ дѣлать, что хотятъ". Основаніемъ ограниченія свободы распоряженія является въ этихъ случаяхъ не отри-

ціаніе права собственности за париками, но фискальные интересы, требованіе, чтобы земля не выходила изъ тяглаго состоянія. Продажа при условіи сохраненія тягла паривамъ не возбранялась. Въ дѣлахъ изъ-за наслѣдства Гунаропуловъ обнаруживается упорная борьба началъ свободы отчужденія родового имущества съ сеньеріальными правами монастыря, вытекающими изъ пожалованія всей территоріи Вари. Права эти требовали, чтобы единство пожалованной территоріи не нарушалось черезъ отчужденіе на сторону, въ руки проніаровъ, и чтобы земля не утрачивала свое состояніе служащей, тяглой монастырю недвижимости.

Ограниченія въ свободѣ распоряженія собственностью обусловлены не соціальнымъ или правовымъ положеніемъ личности собственника, но тяглымъ характеромъ земли. Среди документовъ о Гунаропулахъ встрѣчаемъ указаніе, что младшій братъ изъ семьи Гунаропуловъ отчуждалъ свою недвижимость свободно, тогда какъ его старшій братъ называется парикомъ монастыря, въ качествѣ собственника двора, записаннаго „въ парикіи" монастыря, занесеннаго въ монастырскій практикъ. Участокъ старшаго брата, расположенный въ той же топоѳесіи, какъ и участокъ младшаго, называется не имѣющимъ связи (т. е. правъ предпочтенія при отчужденіи, ἀμέτοχον) съ послѣднимъ, и въ случаѣ оставленія его хозяиномъ долженъ былъ отойти въ монастырь, какъ выморочный дворъ.

Въ запрещеніи продавать парическія стаси въ руки проніаровъ или монастырей, въ требованіи, чтобы запустѣвшія стаси отходили къ монастырю, заключается проявленіе податнаго, а не личнаго крѣпостничества. Права личной и наслѣдственной собственности за монастырскими париками не отрицались. Были и дальнѣйшіе шаги въ подчиненіи правъ собственности интересамъ обложенія. По инструкціи губернатору Ласкарю 1234 г. предполагался даже передѣлъ или надѣлъ париковъ и присельниковъ землею, связанный съ цензомъ, произведеннымъ чиновникомъ правительства. Этотъ актъ, если онъ дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе, имѣлъ самымъ очевиднымъ образомъ не общинную, но фискальную основу. Единицей надѣла являлась не извѣстная доля территоріи въ зависимости отъ числа хозяевъ, но участокъ извѣстной постоянной цѣнности, зевгаратный или воидатный, двойной или нормальный, бывшій единицей обложенія. Прикрѣпленіе париковъ Вари къ территоріи имѣло эту фискальную основу. Были парики, которые не временно, а постоянно жили не на своей родинѣ, но въ сосѣднемъ городѣ или селѣ и даже упоминались хрисовулами на этихъ новыхъ мѣстахъ жительства; хрисовулы требовали лишь несенія ими „службы", т. е. тягла монастырю. Если же парики разбѣгались въ вотчины крупныхъ собственниковъ или на казенныя земли, и если они не хотѣли нести подать и отбывать повинности, то монастырь находилъ себѣ въ правительствѣ защиту. Основой обложенія являлась парическая подать или тягло, παροικιὸν τέλος. Это была поземельная подать, не поголовная и не равномѣрная, но сообразная съ цѣнностью крестьянской стаси. Тягло служитъ основаніемъ зависимости париковъ, и сущностью сеньеріальныхъ правъ монастыря является пожалованіе τέλος.

Село Мантея представляетъ намъ нѣсколько иныя отношенія. Оно никогда не было монастырской собственностью. Оно вообще не принадлежало одному владѣльцу. Его территорія, какъ собственное мѣстечко, такъ и различные концы или топоѳесіи, принадлежала многочисленнымъ собственникамъ, какъ крестьянскаго сословія (αὐτοδεσπόται, χωρῆται), такъ и служилаго (στρατιῶται). Болѣе зажиточные неслужилые собственники иногда именуются въ документахъ *кирами* (Тесалтъ), но это наименованіе могло прилагаться и къ завѣдомымъ парикамъ, какъ Ксенъ Легá. Внукъ Тесалта называетъ себя монастырскимъ присельникомъ: братъ кира Планита является парикомъ Лемвіотиссы. Впрочемъ, изъ дѣла Гуваропуловъ мы видѣли, что парики и служилые не представляли изъ себя замкнутыхъ сословій. Крестьяне Мантеи, не находившіеся въ проніи, являются вполнѣ свободными собственниками. Встрѣчается указаніе, что они были казенными парикамы, δημοσιάρια πάροικα (Lemv. № 7. IV, p. 38, cf. p. 40). Изъ дѣла Казани видно, что крестьяне Мантеи были въ концѣ XII в. парикамы Великой церкви (св. Софіи). Распоряжаются они своими участками вполнѣ свободно. Не говоря о кирѣ Тесалтѣ и его сынѣ, пожертвовавшихъ подъ метохъ свою родовую усадьбу въ самой Мантеѣ вмѣстѣ съ 7 участками земель, и о завѣщаніи Планита, свободно отчуждались: усадьба, обнесенная рвомъ, отдѣльное (ἰδιοκαρίόριστον) поле, но преимущественно мелкіе куски масличныхъ плантацій. Территорія Мантеи содержала болѣе 20 топоѳесій, часть которыхъ, судя по именамъ, находилась въ единоличной собственности; и на всѣхъ этихъ топоѳесіяхъ, благодаря крестьянскимъ приношеніямъ, появилась монастырская собственность мелкими клочками. Нельзя сказать, были ли топоѳесіи только топографическимъ обозначеніемъ, или съ ними соединялись извѣстная юридическая близость по обложенію и предпочтеніе при переходѣ изъ рукъ въ руки. Имена сосѣдей постоянно приводятся въ актахъ. Несмотря на весьма большое число топографическихъ обозначеній, сохраненныхъ кодексомъ, мы не находимъ указанія на нераздѣленную или общинную территорію, на участки, не состоящіе въ чьей либо собственности. Парикъ Казани, обработавшій въ концѣ XII в. запустѣвшій участокъ, былъ изгнанъ собственникомъ, хотя и самъ поспѣшилъ заручиться документомъ на собственность. Присутствіе черезполосицы въ топоѳесіехъ Мантеи не вызываетъ представленія о передѣлахъ или надѣлахъ, хотя бы въ отдаленномъ прошломъ. Она могла образоваться путемъ отчужденія и наслѣдованія. Нельзя, къ сожалѣнію, выяснить по даннымъ кодекса, существовала ли хоть въ прошломъ для территоріальнаго дѣленія извѣстная организація, каковъ былъ составъ топоѳесій, каковы были размѣры и форма участковъ сколько участковъ было въ среднемъ у крестьянина. Указанія на *стихъ*, на занесенную въ книги вотчину, относятся къ Лемвіотиссѣ или къ собственникамъ, можетъ быть парикамъ, можетъ быть служилымъ (Гордатъ, Мантіанъ). Но слѣдуетъ предполагать всѣ земли (кромѣ церковныхъ и проніарскихъ) тяглыми и, слѣдовательно, занесенными въ акростихъ. Наслѣдственная собственность служилыхъ людей и крестьянъ фигурируетъ на территоріи Мантеи совершенно равно-

правно. Усадьбы служилыхъ вотчинниковъ (напр. Ѳракисія) находились въ самомъ селѣ. Наслѣдственная вотчина кира Тесанта состояла изъ двора въ самой Мантеѣ, рядомъ съ усадьбой Ѳракисія, и изъ 7 по крайности участковъ въ различныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ одинъ былъ площадью въ 24 модія. Родовыя владѣнія Планитовъ образовывали цѣлый комплексъ, отъ котораго скоро послѣ основанія метоха осталось лишь топографическое обозначеніе εἰς τοὺς Πλάνους. Распаденіе этого комплекса родовыхъ земель произошло путемъ наслѣдованія и отчужденія отчасти въ властельскія руки, хотя земля была тяглой и пожертвованіе М. Планита было обложено 3 иперпирами. Въ податныхъ книгахъ земли Планитовъ значились въ одномъ *стихѣ*. Семья Ѳракисія служилаго человѣка, имѣвшая родовую усадьбу въ самой Мантеѣ, могла пожертвовать Лемвіотиссѣ цѣлый родовой свой монастырь со всѣми приписанными къ нему издревле пашнями, плантаціями и угодьями въ одной межѣ на территоріи села Мантеи. Вдова Ѳракисія оставила еще другіе участки по сосѣдству съ землями служилаго проніара Петрици и властеля Враны, на территоріи той же Мантеи. Усадьба проніара Петрици находилась въ Мантеѣ.

Служилая или властельская, церковная и крестьянская недвижимость переплеталась на територіи Мантеи совершенно безпрепятственно. Мантея принадлежала одинаково служилымъ и крестьянамъ: даже на судъ въ качествѣ присяжныхъ мѣстныхъ людей вызывалось обыкновенно одинаковое, число стратіотовъ и „домохозяевъ". Слѣдовъ сословной и общинной организаціи населенія мы въ документахъ не находимъ; единственнымъ должностнымъ лицомъ села является въ кодексѣ, повидимому, номикъ, сельскій писарь или нотаріусъ. Мантея являлась волостью, малымъ административнымъ центромъ съ значительной территоріей: не говоря о ея собственныхъ 20 топоѳесіяхъ, въ документахъ встрѣчаются выраженія ἐνορία, χώρα и даже χωρία Μανταίας.

Полнота правъ отчужденія и распоряженія была одинакова для крестьянской и для властельской собственности на территоріи Мантеи. Однако актовъ о продажѣ крестьянами своихъ земель сохранилось въ кодексѣ весьма мало, повидимому, всего два, и тѣ относятся къ продажѣ служилымъ собственникамъ, но не Лемвіотиссѣ. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что продажа крестьянской недвижимости должна была сопровождаться переложеніемъ тягла. И въ властельскихъ рукахъ бывшая крестьянская собственность сохраняетъ свой тяглый характеръ, не утрачиваетъ его и при перепродажѣ третьему лицу. Передача тягла совершается въ формѣ *эпителіи* или ежегоднаго платежа первому собственнику, за которымъ земля записана въ податныхъ книгахъ. Особенно ясно раскрывается это значеніе эпителіи въ документѣ о продажѣ коренными париками Мантеи, Коскиной и Полеемъ, своей родовой плантаціи въ топоѳесіи Большого Поля сосѣду властелю Вранѣ, названному въ актѣ πλησιαστής или имѣющимъ право предпочтенія при покупкѣ Плантація стоила 43 иперп., и Врана обязался платить кромѣ того ежегодную эпителію въ пользу продавцевъ, въ размѣрѣ $1^1/_3$ ип. „за всякія подати". Пожерт-

вовавъ плантацію Лемвіотиссѣ, Врана передалъ монастырю и лежащую на ней эпителію. Что эпителія поступала въ концѣ концовъ въ казну, видно изъ распоряженія главнаго сборщика податей Костомойра, сложившаго съ Лемвіотиссы эпителію за купленный у парика Какавы (изъ Панарета) участокъ, такъ какъ участокъ бездоходенъ (не способенъ нести казенную подать, ἄπορον), и Какавасъ будетъ вносить подати въ другомъ мѣстѣ.

Кодексъ Лемвіотиссы содержитъ цѣнныя данныя относительно византійской проніи или бенефиціи. Какъ пожалованіе Вари монастырю, такъ проніи для Мантеи и окрестныхъ деревень вносили новый элементъ, дѣйствующій отчасти разлагающимъ образомъ, однако не на общинный строй, котораго въ документахъ Лемвіотиссы мы не наблюдаемъ, но на аграрныя отношенія, сложившіяся на основѣ естественнаго порядка личной собственности и наслѣдованія, а также податной системы. Въ самой Мантеѣ былъ проніаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вотчинникъ родомъ изъ Мантеи, стратіотъ Петрици; его пронія должна была обнимать нѣкоторую часть территоріи Мантеи. Онъ требовалъ себѣ плантацію, насаженную парикомъ его проніи. Большіе размѣры имѣла пронія леннаго рыцаря Сиргари, расположенная на территоріи трехъ или четырехъ деревень. Деревня Панаретъ находилась ранѣе въ проніи (можетъ быть, въ вотчинѣ) севаста Алиѳина. Онъ называлъ деревню „своей"; парики Панарета называли проніаровъ своими господами; не смотря на это парики имѣли свою собственность, рядомъ съ участками, унаслѣдованными господами, и вели тяжбу за участокъ, захваченный „людьми ихъ господъ".

Между пожалованіемъ монастырю въ вотчину и служилому въ пронію можно провести аналогію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пожалованіе ничуть не колебало собственности париковъ, наслѣдственной или пріобрѣтенной. Сущность пожалованія сводилась къ уступкѣ казною тягла париковъ, τέλος, съ второстепенными повинностями. Ограниченіями собственности париковъ являлось требованіе, чтобы отчужденіе на сторону не выводило землю изъ ея тяглаго состоянія и чтобы выморочныя стаси поступали (по праву предпочтенія) къ монастырю или проніару. Парикъ проніи Сиргари, священникъ Полей, для котораго Сиргари является господиномъ (αὐθέντης), обладаетъ полнымъ *стихомъ* родовыхъ и наслѣдственныхъ своихъ имуществъ и право жертвовать ихъ у Полея никѣмъ не оспаривается. Однако при продажѣ париками своихъ участковъ обыкновенно выговаривается эпителія въ пользу проніара (продажи въ Панаретѣ, Паракаламѣ). Наслѣдство выморочное поступаетъ въ пользу проніара: такъ требовалъ Петрици въ Мантеѣ и подобный моментъ былъ въ перипетіяхъ процесса Полея. Представителемъ париковъ на судѣ является проніаръ (дѣла Полея, париковъ Потамитовъ) и самъ проніаръ отдаетъ тяжбы на разбирательство домохозяевъ своей проніи (дѣло Полея).

Въ кодексѣ Лемвіотиссы проходятъ передъ нами монастырскіе парики села Вари, казенные Мантеи, проніарскіе Панарета, Потама, Паракалама; мелькомъ упоминаются крестьяне сосѣднихъ селъ. О парикахъ властельскихъ имѣній въ

вообще мало свѣдѣній. Мы бы ожидали ихъ среди документовъ о метохѣ въ Палатіяхъ, кругомъ котораго лежали властельскія села Мурмунты и другіе. Однако почти всѣ акты крестьянскихъ продажъ относятся къ семьѣ Дерманъ или Критиковъ изъ малоизвѣстнаго намъ села Силлея, и крестьяне эти являются богатыми и независимыми собственниками. Крестьяне Мурмунтъ самостоятельно не выступаютъ въ процессѣ изъ-за пастбищъ, прилегавшихъ къ монастырской землѣ; за нихъ ведетъ дѣло ихъ господинъ Комнинъ Врана. Документъ о передачѣ монастырю парика Мурмантина его госпожей паниперсевастой возбуждаетъ затрудненія, изложенныя выше.

Среди столь разнообразнаго матеріала, представляемаго кодексомъ для исторіи Византійскаго крестьянства, мы не встрѣтили данныхъ, свидѣтельствующихъ объ общинномъ землевладѣніи и объ общинной организаціи. Передача крестьянами села Геника метоха Аманаріотиссы является актомъ не общинниковъ, но скорѣе прихожанъ, домохозяевъ села, на которомъ находился названный метохъ. Въ этомъ документѣ дѣйствующими лицами являются 15 домохозяевъ, каждый за себя, а не сельская община. Также мы нашли повсюду личную и наслѣдственную крестьянскую собственность, одинаково среди монастырскихъ, казенныхъ и проніарскихъ париковъ. Собственность эта записана въ акростихахъ, и свобода распоряженія ограничена условіемъ сохраненія за землею ея тяглаго характера и правами предпочтенія (προτίμησις) господина при продажѣ и оставленіи париками своихъ стасей.

---

2. Фрагментъ Латрскаго кодекса.

Недостаточность уцѣлѣвшей части кодекса, стр. 142. Тяжбы съ монастырями и съ Карантиномъ, 143. Грамоты о переписи и податныхъ льготахъ, ib. Тяжба съ крестьянами села Самсонъ, 144. Документы изъ флорентійской рукописи Мосхопула о тѣхъ же парикахъ, 145.

Въ одномъ изъ документовъ кодекса Лемвіотиссы упомянута въ качествѣ тяжущейся стороны лавра св. Павла на горѣ Латрѣ возлѣ Милета. Этотъ монастырь былъ основанъ также въ чисто греческой мѣстности, сосѣдней съ обителью Лемвіотиссы, и оба монастыря должны были считаться съ одинаковыми условіями землевладѣнія и хозяйства. Документы Латрскаго монастыря въ среднемъ старше на одно столѣтіе документовъ Лемвіотиссы. Основанный при Львѣ Философѣ, монастырь св. Павла былъ раззоренъ Сельджуками въ концѣ XI вѣка и возстановленъ при Калоіаннѣ Комнинѣ во второй четверти XII в. Монастырь на горѣ Лемво былъ возобновленъ уже Никейскими императорами и почти всѣ акты кодекса Лемвіотиссы относятся къ XIII вѣку. Можно было бы ожидать отъ кодекса Латрскаго монастыря еще болѣе цѣнныхъ данныхъ для изученія крестьянскаго землевладѣнія, но къ несчастью этотъ полиптихъ дошелъ въ Ватиканской рукописи[1]) лишь отчасти, уцѣлѣли лишь 15 и начало 16-го документа, расположенные повидимому безъ системы; и среди нихъ нѣтъ ни одного частнаго акта, большинство ихъ вышло

[1]) Cod. Urbin. № 80.

изъ патріаршей канцеляріи. Нѣкоторые изъ нихъ не представляютъ для поземельныхъ отношеній никакого интереса. Содержаніе кодекса лавры св. Павла обстоятельно изложено во много разъ упомянутой статьѣ В. Г. Васильевскаго[1]).

Почти не представляютъ для насъ интереса документы по тяжбамъ лавры съ сосѣдними монастырями Лампоніемъ и Аграванами. Монахи Лампонія (или Келливаровъ), жившіе подъ горою Латромъ, тягались изъ-за части этой самой горы; они поселили париковъ съ женами на мѣстахъ, предназначенныхъ для пустынножительства, хотя получили отъ лавры землю Драгонтій и поле (χωράφιον) Пелеканею, и потомъ еще 100 номисмъ[2]). Сосѣдній монастырь τῶν Ἀγραύλων значительно позднѣе предъявилъ и свои права на часть горы, уступленную Лампоніемъ лаврѣ[3]). Съ частными владѣльцами, тоже, конечно, были столкновенія. Уцѣлѣло рѣшеніе патріаршей канцеляріи, произнесенное по поводу тяжбы лавры съ Алексѣемъ Месопотамитомъ и его семьей изъ-за нѣкоей усадьбы въ мѣстности владѣній Василиска[4]). Дошли далѣе документы по дѣлу съ примикиріемъ Карантиномъ и его наслѣдникомъ. Основатель лавры св. Павла[5]) Левъ Мудрый пожаловалъ имѣніе, состоящее изъ масличной плантаціи (ἐλαϊκὸν προάστειον) по названію Месингумій въ округѣ Карима. При возстановленіи разрушеннаго монастыря было найдено губернаторомъ севастомъ Ксиромъ, что Месингумій обработывался мѣстными людьми, вносившими за него арендную плату въ казну[6]). Имѣніе было опять записано за лаврой, сначала тоже платившей за него въ казну 36 иперпировъ, потомъ сдавшей его отъ себя въ аренду властелю Карантину, который передалъ было своему сыну, какъ собственное имущество; попутно жаловались лаврскіе представители и на другихъ сосѣдей, записавшихъ имущества лавры въ свои собственные *стихи*[7]). Далѣе кодексъ сохранилъ двѣ грамоты: отъ имени дуки области Кантакузина и дуки В. Ватаци, обѣ послѣдней четверти XII в.[8]), содержащія перечисленіе податныхъ льготъ монастыря и его имущества. Къ сожалѣнію, самый перечень недвижимостей и париковъ лавры, бывшій и въ томъ, и въ другомъ документѣ, опущенъ переписчикомъ монастырскаго кодекса[9]). Въ первомъ случаѣ податной чиновникъ по порученію губернатора провѣрилъ на мѣстѣ наличность земель и

---

[1]) Матеріалы для исторіи Византійскаго государства, стр. 101—113 (Ж. М. Н. Пр. 1879, іюль).

[2]) Latr. № 9 (cf. № 8), a. 987.

[3]) Latr. № 10, a. 1049. Лавра предъявила документы: 1) копію съ акта, выданнаго Лампоніемъ, 2) выписки изъ писцовыхъ книгъ: πρὸς δὲ καὶ ἐκ τῶν βασιλικῶν κωδίκων ἐκστίχων (l. ἔκστιχον?) τοὺς τῆς ἀνταλλαγῆς ἀγροὺς διερμηνεῦον, πάντας αὐτοὺς τε τοὺς ὅρους καὶ τὰ γνωρίσματα τοῦ περιορισμοῦ ἐν τῷ τῆς ἀνταλλαγῆς ἐγγράφῳ ἀνατατόμενα καὶ τὸ δημόσιον ὅσον ἐν τῷ ἐκστίχῳ ἀναγραφόμενον. Дважды еще употреблено ἀγρός въ смыслѣ χωράφια.

[4]) Latr. № 7, a. 1196: περί τινος οἰκοστασίου . . . ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Βασιλίσκου διακειμένου.

[5]) Latr. №№ 13, 14, 15; a. 1195—1204.

[6]) Latr. p. 324 (№ 14): ἦν γὰρ τὸ τοιοῦτον προάστειον κατεχόμενον μὲν παρὰ τῶν ἐντοπίων ὡς καταβαλλομένων ὑπὲρ τούτου πρὸς τὸ δημόσιον μερικὰ ὑπέρπυρα τὰ ὑπὲρ πάντου.

[7]) Latr. № 13: τινές . . ἔφθασαν καταγράφασθαι ταῦτα τοῖς στίχοις αὐτῶν ἐν καιρῷ ἀναγραφῆς.

[8]) Latr. № 11, a. 1175 и № 12, a. 1189.

[9]) p. 313: εἶτα ἑξῆς τὰ μετόχια . . . p. 319: ἔχουσι δὲ οὕτως. εἶτα ὁ κατάλογος τῶν προαστείων καὶ μετὰ ταῦτα etc.

париковъ, оставивъ монастырю тѣхъ париковъ, которые были записаны въ старыхъ документахъ монастыря, прочихъ же описалъ въ казну, занеся ихъ въ казенные практики[1]). Вторая грамота подтвердила за лаврой владѣніе ея немногочисленными париками или рабочими[2]). Затѣмъ обѣ грамоты въ тожественныхъ выраженіяхъ подтверждаютъ льготы отъ податей: монастырь и его парики поставлены выше всякой казенной подати, скотной, поземельной и всякой иной[3]); только „за все и про все", въ плату *казеннаго канона* ежегодно должны вносить два иперпира, да за четыре (или три) запустѣвшіе двора ежегодно одну номисму[4]). Въ кодексѣ лавры св. Павла дошла еще грамота патріарха въ пользу монастыря Руфиніанъ, извѣстнаго намъ изъ кодекса Лемвіотиссы по дѣлу объ имѣніи Сфурна[5]). Игуменъ лавры, получившій игуменство и въ Руфиніанахъ, исхлопоталъ, чтобы къ Руфиніанамъ былъ присоединенъ навсегда въ качествѣ метоха монастирь Зигрица съ своими двумя метохами, монахами, париками и рабочимъ скотомъ, пашнями и виноградниками[6]).

Но самымъ интереснымъ документомъ кодекса остается приговоръ по дѣлу съ крестьянами села Сампсонъ[7]). На судъ высшихъ царскихъ чиновниковъ, поименованныхъ въ началѣ документа и подписавшихся въ концѣ его, явились монахи лавры, крестьяне (ἔποικοι, жители) округа Сампсона (τῆς ἐπισκέψεως τοῦ Σαμψών) и Амазонокоракіи, а также села Клисуръ. Дѣло шло объ имѣніи (προάστειον) Александріи, на которое изъявляли притязаніе монастырь и Сампсоновцы, а третья сторона — жители Клисуры — выступали противъ 6 крестьянъ Сампсона, захватившихъ прилежащіе къ Александрію участки (τοπία συμπαρακείμενα), принадлежавшіе Клисурамъ. Монастырь предъявилъ слѣдующіе документы: жалованную императорскую грамоту на Александрій, вмѣстѣ съ вводной мѣстнаго дуки; другой указъ о томъ же, вмѣстѣ съ актомъ на владѣніе (ἀποκαταστατική πρᾶξις) севастократора Контостефана; свидѣтельскій протоколъ съ рукоприкладствами мѣстныхъ жителей (μαρτυρία διὰ σιγνογραφιῶν ἐγχωρίων), съ подтвердительными грамотами архіерейской и вторичной императорской; приказъ одному изъ подписавшихся судей, Кратеру; указъ пансевасту Габрѣ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ и составленный имъ при участіи мѣстныхъ жителей приговоръ, установлявшій, что спорное имѣніе ни-

---

[1]) οὐκ ὀλίγους τῶν τῷ δημοσίῳ προσεκύρωσαμεν, καταγραφάμενοι τούτους ἐν τοῖς δημοσιακοῖς πρακτικοῖς.

[2]) μετόχια σὺν τοῖς ὀλιγοστοῖς παροίκοις καὶ μισθίοις. В. Г. Васильевскій переводитъ μισθίοις терминомъ „*закупи*". Въ Patm. № 83 и 87 μίσθιοι являются имѣющими наслѣдственные участки и приписываются къ монастырю. Patm. № 76: μίσθιοι δουλευταί.

[3]) καθέξει.. τοὺς ρηθέντας παροίκους, τὰ ἀναγεγραμμένα ἀκίνητα καὶ τὰς στάσεις ἀνοτέρω παντὸς δημοσιακοῦ ζητήματος.. οὐδὲ ἐννομίου ἢ κεφαλαιογράφου ἢ ἑτέρου τινὸς κεφαλαίου δόσει ὑποπεσεῖται αὐτή τε καὶ οἱ πάροικοι αὐτῆς.

[4]) p. 309: χάριν δημοσιακοῦ κανόνος ὑπὲρ πάντων καὶ διὰ πάντων νομίσματα.. δύο τὰ καὶ ἐν τῷ.. πρακτικῷ ἐγκείμενα· χωρὶς (l. χάριν) δὲ τῶν παρανατεθεισῶν τῇ.. μονῇ τριῶν ἐξειλλημμένων στάσεων.. ἐτησίως πρὸς τὸν δημόσιον ὑπέρπυρον (l. νόμισμα) ἕν. Cf. p. 318.

[5]) Lemv. № 7 и др.

[6]) Latr. № 6, a. 1236.

[7]) Latr. № 1. О датѣ ср. *В. Г. Васильевскій*, 111—112.

когда не считалось въ округѣ Сампсона[1]), но было причислено и подчинено ѳемѣ Милассы[2]) и неразъединимо съ нимъ донынѣ[3]). Сампсоновцы съ своей стороны послѣ ссылокъ на прежнихъ владѣльцевъ ихъ округа до временъ тиранна Саввы, присоединившихъ спорное имѣніе Александрій[4]), предъявили составленную думою Ватаци бумагу, оказавшуюся, какъ подробно излагается въ приговорѣ, поддѣлкою одного изъ жителей села Клисуръ. Такъ какъ жители Сампсона настаивали на своихъ правахъ давнишняго владѣнія, то рѣшено было окончить дѣло присягою Сампсоновцевъ и жителей Клисуръ. Обѣ присяги приведены въ приговорѣ. Со стороны Сампсона присягнули 4 крестьянина за всѣхъ односельчанъ (δικαίῳ τῶν συνεποίκων), что еще во времена вышеназваннаго Каламана и его наслѣдниковъ они владѣли Александріемъ безъ дачи десятины (ἄνευ δόσεως μορτῆς), какъ принадлежавшимъ названнымъ властелямъ. Отъ Клисуръ присягнули три лица: турмархопулъ Комитъ, манкипъ Ѳеодулъ и изъ села Амазона одинъ крестьянинъ; они показали, что ихъ родители владѣли спорнымъ имѣніемъ, а Сампсоновцы, если и владѣли, то не безъ дачи морты, и не по правамъ Каломана, но беззаконно. Обѣ присяги заканчиваются именемъ одного и того же *излюбленнаго* (ἠγαπημένος ἡμῖν) лица. Повидимому, жители Клисуръ опирались на территоріально-административную близость (συμπαρακείμενον, συναναγραφόμενον) имѣнія къ ихъ собственнымъ землямъ, а жители Сампсона на близость по проніи. Эти послѣдніе, названные эпиками, находились, повидимому, во владѣніи пансеваста Дермокаита[5]). Ихъ присяга была признана сикофантскою; они должны были отступиться отъ спорной земли и не нарушать права крестьянъ Клисуръ и Амазонокоракія на земли сосѣднія (συμπαρακείμενα) съ Александріемъ и лежащія внутри его[6]).

Къ этой же мѣстности относятся неизвѣстнаго времени императорскіе указы, дошедшіе въ видѣ приписки къ флорентійской рукописи грамматика Мосхопула[7]); вызванные тяжбою монаховъ обители Ксирохорафа съ одной стороны, севастомъ Георгіемъ Фокою и извѣстными намъ крестьянами села Сампсона съ другой. Монахи жаловались, что Фока и крестьяне завладѣли нѣкоторыми землями (τόπια) въ ѳемѣ Меандра, такъ что монастырь почти не получалъ съ нихъ дохода; одновременно было указано севастократору Асидину, что парики его и парики его зятя севаста Г. Фоки захватили пахотныя земли (χωραφιαῖα τοπία) монастыря, изъ чего видно, что крестьяне Сампсона были пáриками одного изъ названныхъ знатныхъ владѣльцевъ. Въ отрывкѣ третьяго указа сообщается, что дѣло шло о χωράφια τοῦ

[1]) ἔξω τῶν δικαίων τῆς ἐπισκέψεως τοῦ Σαμψών.

[2]) τοῖς δικαίοις τοῦ θέματος Μυλάσσης συνεισαγόμενόν τε καὶ ὑποκείμενον.

[3]) μέχρι καὶ νῦν ἀναπόστατον (ἀναπόσπαστον?) ἐξ αὐτοῦ τυγχάνει.

[4]) ἀνέδραμον εἰς ἅπερ οἶδασιν ἐξ ἀρχῆς πρὸ τοῦ Σάββα ἐπικτήσασθαι τὴν κατ' αὐτοὺς ἐπίσκεψιν τοῦ Σαμψών, οἷον τὸν Καλαμάνον ἐκεῖνον καὶ τοὺς μέτ' αὐτὸν καὶ ἀπὸ τῆς ἐξ ἐκείνων.. καὶ αὐτοῖς προσαρμοσάσης νομῆς τοῦ Ἀλεξανδρείου.

[5]) καὶ οὔτε νῦν, οὔτε ἄλλοτέ ποτε ἀπὸ τοῦ μέρους τοῦ ἄλλοτε ἔχοντος τὴν ἐπίσκεψιν πανσεβάστου σεβαστοῦ κῦρ Μιχαὴλ τοῦ Δερμοκαΐτου καὶ τῶν μέτ' αὐτὸν ἢ καὶ αὐτῶν τῶν ἐντοπίων.

[6]) νεμομένοις ἐντὸς τῶν δικαίων τοῦ αὐτοῦ προαστείου Ἀμαζονοκορακίταις.

[7]) Miklosich-Mueller V, p. 256—258.

Ἀκρου, и что на судъ императора явились монахи съ одной стороны и крестьяне (ἄποικοι) Сампсона съ другой. Сравнимъ процессъ изъ-за Сфурна, гдѣ на судъ императора явились кавалларій Сиргаръ въ качествѣ представителя своихъ париковъ въ ихъ тяжбѣ съ монахами Лемвіотиссы.

Такимъ образомъ не сохранилось ни списка париковъ, ни полнаго перечня земель. Парики были немногочисленны, раздѣлялись на стародавнихъ и на новыхъ присельниковъ; послѣдніе были отобраны въ казну. За запустѣвшіе дворы монастырь долженъ былъ вносить подать. Полнымъ иммунитетомъ онъ не обладалъ платя двѣ номисмы „канона". Земли сдавались въ аренду крупнымъ землевладѣльцамъ и крестьянамъ, и также обработывались на условіяхъ морты. Монастырскіе парики являются крѣпостными собственниками своихъ дворовъ или стасей, и занесены въ податныя книги. Активно они не выступаютъ въ уцѣлѣвшихъ документахъ. Противники монастыря крестьяне села Сампсонъ дѣйствуютъ самостоятельно и всѣмъ селомъ, отражая четверыхъ представителей на правахъ всѣхъ односельчанъ. Всѣ они владѣли спорнымъ имѣніемъ и требовали его, какъ имъ всѣмъ принадлежащее. Называются они эпиками. Однако Сампсоновцы были, повидимому, париками властелей Дерноваита и Фоки. Ближайшей параллелью для ихъ активной роли въ процессѣ является дѣло Приковаритовъ въ кодексѣ Лемвіотиссы, париковъ паракимомена Неостонга, судившихся всѣмъ селомъ, какъ въ статьѣ Крестьянскаго Закона о тяжбѣ между двумя χωρία.

---

3. Патмосскій кодексъ.

Монастырскія владѣнія на островахъ Патмосѣ, Леросѣ, Липсо, Косѣ и Лимносѣ, стр. 146—153. Практикъ метоховъ на Леросѣ и Липсо: разграниченіе съ сосѣдними крестьянами на Леросѣ, 147; три разряда земель на Липсо, 149. Хрисовулъ и практикъ для Патмоса, ib. Пожалованіе париковъ безземельныхъ, но зевгаратныхъ, ib. Метохъ на Косѣ и свидѣтельство всѣхъ эпиковъ острова, 150; монастырскіе μίσθια на наслѣдственныхъ участкахъ, 151. Практики метоховъ на Леросѣ и на Косѣ, ib. Хрисовулы и практикъ метоховъ на Лимносѣ, пожалованіе казенныхъ крестьянъ собственниковъ въ 5 селахъ острова и „бѣдные" собственники, 153. Критскіе документы кодекса, стр. 153—155. Не владѣльческіе крестьяне села Меника, 158. Парики логаріаста Хрисоверга, 154. Метохи монастыря и поселеніе хоритовъ съ Патмоса, ib. Метохи въ М. Азіи, въ области Милета. Практикъ вотчинъ Андроника Дуки, стр. 155. Парики вотчинъ зевгаратные, воидатные и актимоны (капникаріи), ib. Доходы съ париковъ, аренда, зевгаратикій, 156. Отсутствіе указаній на постоянные (наслѣдственные) надѣлы и на общину, 159. Метохи Патмосскаго монастыря, 160. Метохъ Пиргъ и тяжба съ властельскими крестьянами села Малахій, 161. крестьянскія продажи, 162. Метохъ въ Фигеллахъ, ib. Метохъ Хіонисмены: парики, крестьянскія продажи земель, ib. Дѣло съ властельскими париками Ламмонами изъ-за ихъ родовой собственности, 164.

Начнемъ обзоръ Патмосскаго кодекса, насколько онъ касается землевладѣнія, съ пожалованія св. Христодулу имѣній на островѣ Леросѣ и малаго острова Липсо. Хрисовулъ Алексѣя Комнина на эти имущества вышелъ въ 1087 г.[1]). Въ немъ не находимъ однако интересныхъ для насъ подробностей[2]). До того

[1]) Patm. (Mikl.-Müller Acta, VI, Vindobonæ 1890) № 8, a. 1087. Нѣкоторые Патмосскіе документы были предметомъ цѣнной статьи г. *П. Безобразова:* „Патмосская писцовая книга", въ Византійскомъ Временникѣ, т. VII (1900).

[2]) Къ нему же относятся грамоты Patm. № 9 и 11, императора и его матери Анны Далассины, того же 1087 г.

св. Христодулъ владѣлъ, оставивъ обитель на горѣ Латрѣ, двумя клочками на о. Косѣ, на которыхъ лежало подати по 1/4 номисмы; тамъ св. Христодулъ основалъ обитель τῶν Καστρανῶν[1]); и кромѣ того, онъ владѣлъ пожертвованными кельями частныхъ лицъ на томъ же островѣ[2]). На вновь пожалованныя Алексѣемъ имѣнія Теменій, Пароеній и половину мѣстечка (κάστρον) Пантелія на островѣ Лросѣ, и на островѣ Линсо былъ составленъ практикъ, по порученію Самосскаго стратига, нотаріями І. Анна и І. Ѳеологитомъ[3]), который и подлежитъ разсмотрѣнію.

Упомянувъ кратко о половинѣ мѣстечка (κάστρον) Пантелія, практикъ описываетъ подробно границы[4]) имѣній Пароенія и Теменія, опредѣляетъ площадь пахотной земли того и другого имѣнія (409 и 259 модіевъ), причемъ количество земли подъ пастбищами, горами и зарослями не измѣрено; затѣмъ практикъ перечисляетъ постройки и разнаго рода деревья. Между постройками въ усадьбѣ Теменія названы домъ для париновъ[5]), можетъ быть для тѣхъ присельниковъ (προσκαθήμενοι), которые не получили еще своихъ участковъ земли[6]). Послѣ передачи имѣнія Пароеній монастырю Христодула возникло дѣло между монахами и парикиами сосѣднихъ *хутоpовъ* (ἀγροί) Полифута и Куруновъ[7]), изъ-за пастбищныхъ угодій имѣнія Пароеній. Парики утверждали, что они имѣли право на эти угодья[8]), такъ какъ ихъ земли и пастбища Пароенія имѣли общность[9]). Монахи пошли этой претензіи на встрѣчу, и опираясь на пожалованіе имъ всей округи (περιοχή) Пароенія, требовали себѣ и упомянутыя два *поля* Полуфутъ и Куруны на томъ основаніи, что поля эти зависѣли отъ Пароенія, какъ подчиненныя и присоединенныя территоріи[10]). По жалобѣ монаховъ царица Анна Далассина, мать Алексѣя, повелѣла раздѣлить и отмежевать нераздѣленныя угодья и указать каждому жителю обоихъ *полей* его собственное владѣніе, такъ чтобы жители Полуфута и Курунъ съ одной стороны, и жители Пароенія съ другой — не вступали въ пользованіе чужими пастбищами[11]). Руководясь этимъ указомъ, посланный чиновникъ (нотарій Іоаннъ Ѳеологитъ) долженъ былъ вымѣрить имѣніе Пароеній и два названныя *поля* отдѣльно, и на основаніи отношенія ихъ площадей

---

[1]) Подтвердительный хрисовулъ Алексѣя Комнина 1085 г., Patm. № 7.

[2]) Ibid. Cf. № 5, 1079 и № 6, 1079.

[3]) Patm. № 12, a. 1087.

[4]) При этомъ упомянутъ ἀγρὸς τῶν Κουρουνῶν въ смыслѣ отдѣльнаго владѣнія. Относительно λαβράτωσις p. 37, λαβρατῶσαι p. 39, cf. *Forcellini* Lex. s. v. labrum.

[5]) P. 38: ἕτερον δοπήτιον λιθόκτιστον, βρουλλόσκεπον, χρηματίζον εἰς καταμονὴν παροίκων.

[6]) Г. *П. Безобразовъ*, Виз. Врем. VII, p. 69, справедливо обращаетъ вниманіе на это извѣстіе, видя въ немъ указаніе на особую, неизвѣстную категорію крѣпостныхъ, не имѣвшихъ собственныхъ дворовъ, но жившихъ при господской усадьбѣ. Возможно, впрочемъ, что это было лишь временное состояніе пришлыхъ, приселившихся людей.

[7]) Τῶν παροίκων τῶν δύο ἀγρῶν τοῦ τε Πολυφούτη καὶ τῶν Κουρουνῶν.

[8]) P. 38: ἔλεγον γὰρ οἱ πάροικοι προνόμιον ἔχειν εἰσέρχεσθαι καὶ νέμεσθαι εἰς τὴν τοῦ Παρθενίου νομήν.

[9]) Ὡς ἀνακοίνωσιν ἐχόντων; p. 39: εἶναι ἀνακεκοινωμένην (sc. τὴν νομήν).

[10]) Ὡς καὶ τῶν ἀγρῶν ὑπὸ τὸ Παρθένιον τυγχανόντων καὶ ἓν λογίζεσθαι.

[11]) P. 39: περιορίσαι τε ταῦτα καὶ λαβρατῶσαι καὶ παρασκευάσαι τοὺς ἑκάστου ἀγροῦ οἰκήτορας εἰς τὸ τὰς διαφερούσας αὐτοῖς νομὰς νέμεσθαι κτλ.

распредѣлить между ними прежде общее пастбище[1]). Приложенъ и составленный нотаріемъ Θеологитомъ актъ разверстки спорныхъ пастбищъ. Въ немъ болѣе ясно показано, что основаніемъ возникшей тяжбы была старинная общность территорій обѣихъ сторонъ. Изъ принадлежности *полей* Полуфута и Курунъ къ имѣнію Парθеній и возникли права общности, предъявленныя париками сосѣдями новаго монастырскаго метоха[2]). По словамъ Θеологита была измѣрена вся площадь пастбищъ и пахотныхъ земель Парθенія и двухъ *полей*, затѣмъ раздѣлена на двѣ равныя доли (μερίδες). Это было произведено при участіи лучшихъ людей изъ париковъ Лероса, подписавшихъ самый актъ, въ присутствіи обѣихъ тяжущихся сторонъ — монаховъ обители Христодула и париковъ полей Полифута и Курунъ. Въ Парθеніи найдено по измѣреніи всего пастбищъ и пахоти 6050 модіевъ, въ обоихъ же *поляхъ* вмѣстѣ 7076 модіевъ. Такимъ образомъ земли у париковъ обоихъ *полей* было больше на 1026 модіевъ, и эту разницу должно было бы раздѣлить поровну между монастыремъ и тяжущимися париками; но монахи отступились отъ этого ради соблюденія мира и спокойствія.

Нигдѣ не сказано и ни изъ чего не видно, чтобы парики Полуфута и Курунъ состояли въ чьемъ либо частномъ владѣніи. Они являются правоспособною и самостоятельною стороною въ дѣлѣ изъ-за ихъ владѣльческихъ правъ на недвижимость. Изъ документа очевидно, что Полуфутъ и Куруны составляли съ Парθеніемъ одноцѣлое, и слѣдовательно населеніе всѣхъ этихъ территорій находилось въ одинаковомъ состояніи. Судя по тому, что Парθеній былъ подаренъ Христодулу императоромъ или его матерью, нужно полагать, что какъ это имѣніе, такъ и названныя *поля* находились въ собственности казны и крестьяне были казенными париками. Намъ уже извѣстно, что не только казенные, но и частновладѣльческіе парики имѣли свою собственность и могли вести изъ-за него тяжбы въ судахъ.

Оказалось въ Парθеніи пахотной и пастбищной земли всего 6050 модіевъ, въ Полуфутѣ 5618 и въ Курунахъ 1458, и не представилось надобности отнимать часть пастбищъ ни у монастыря, ни у крестьянъ, названныхъ въ текстѣ ἀγρόται[3]). Однако и относительно городка (κάστρον) Пантелія, котораго половина была пожалована монастырю, братія выхлопотала у царицы указъ, по которому они получали и другую половину города, чтобы не быть въ отношеніяхъ *общности* съ жителями (эпиками) Пантелія; послѣдніе были выселены въ другой κάστρον того же острова Лероса[4]). Переданной половинѣ мѣстечка Пантелія была составлена

[1]) Εἰ μὲν εὑρήσει τὴν τοῦ Παρθενίου νομὴν πλεονάζουσαν τῆς τῶν ἀγρῶν, ἐκκόψῃ ταύτην καὶ ἀπονείμῃ καὶ τοῖς ἀγροῖς τὸ ἐπιβάλλον ἐξ ἰσότητος.

[2]) Ὡς ὄντων τῶν τοιούτων δύο ἀγρῶν ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν ὑπὸ τῆς ὑποταγῆς τοῦ Παρθενίου, καὶ ἐπίκοινον ἔκπαλαι τὴν νομὴν κεκτημένων, τῶν τοιούτων δὲ δύο ἀγρῶν ἀπὸ τοῦ Παρθενίου ἀποσπασθέντων, ἐζήτουν καὶ αὖθις τὴν νομὴν ἐπίκοινον ἔχειν οἱ τοῦ Πολουφούτη καὶ τῶν Κουρουνῶν πάροικοι.

[3]) Ibid. p. 40.

[4]) τοὺς ἐποίκους τῆς νήσου . . . οὐ καλὸν . . ἀνακεκοινωμένους εἶναι τοὺς μοναχοὺς μετὰ τῶν κοσμικῶν ἐν τῷ . . κάστρῳ . . τοῖς δὲ ἐποίκοις τῆς νήσου Λέρου ἀνταπαραδοθῆναι τὸ ἕτερον κάστρον . . εἰς φυλακὴν καὶ σωτηρίαν αὐτῶν.

опись, въ которой перечислено и описано нѣсколько домовъ, безо всякаго упоминанія о земельныхъ участкахъ за стѣною. Нѣтъ достаточныхъ основаній считать эпиковъ Пантелія земледѣльцами. На о. Липсо найдено пахотной земли 1, 2 и 3 сорта (ποιότητος) модіевъ 400, прочая — неудобная. Это рѣдкій примѣръ упоминанія о дѣленіи пахоти по классамъ[1]).

Въ 1088 г. Христодулъ исхлопоталъ новую золотую грамоту царя Алексѣя, по которой получалъ въ полную собственность островъ Патмосъ, при чемъ за нимъ оставлялись только что пожалованные Алексѣемъ метохи на Леросѣ и островъ Липсо, но отбирались его прежнія владѣнія на Косѣ. Пожалованный островъ Патмосъ освобождался отъ всѣхъ казенныхъ податей[2]).

При передачѣ Патмоса былъ составленъ практикъ[3]). Оказалось, что островъ былъ необитаемъ, и земли сколько нибудь поддающейся обработкѣ плугомъ опредѣлено было до 160 модіевъ изъ 3860 всей площади острова. Тѣмъ не менѣе уже въ слѣдующемъ году, когда было отдано распоряженіе освободить отъ воинской повинности монастырскихъ париковъ на Патмосѣ, таковыхъ оказалось уже 12 семей[4]). Тѣмъ же Алексѣемъ были пожалованы на выводъ 12 париковъ безъ земли и свободныхъ отъ какихъ либо казенныхъ податей и повинностей, для поселенія ихъ на о. Липсо и на Леросѣ въ двухъ метохахъ, по 4 семьи на каждое изъ трехъ названныхъ имѣній Патмосскаго монастыря[5]).

Въ 1145 г. монахи жаловались императору Мануилу Комнину, что съ пожалованныхъ имъ 12 (а не 6-ти) париковъ гражданскія власти взыскиваютъ казенныя подати, пользуясь тѣмъ, что въ грамотѣ Алексѣя парики не были означены *зевгаратами*[6]). Мануилъ не только подтвердилъ льготы париковъ, пожалованныхъ Алексѣемъ, но прибавилъ отъ себя шесть париковъ *зевгаратовъ* для поселенія ихъ на монастырскихъ имѣніяхъ на Леросѣ, свободныхъ, не записанныхъ въ писцовыя книги и не имѣвшихъ казенной земли, съ освобожденіемъ и ихъ отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей[7]).

---

[1]) Ibid. p. 41: Ἡ νῆσος Λειψὼ εὑρέθη ἔχουσα γῆν σπόριμον α', β' καὶ γ' ποιότητος μοδίων υ'. ἡ δὲ λοιπὴ γῆ τούτου ὑπάρχει ὀρεινή, νομαδιαία, πετρώδης καὶ δασώδης. О сортахъ земли въ Византійскихъ агрономическихъ трактатахъ ср. *Ѳ. И. Успенскій*, Византійскіе землемѣры, стр. 278—9 (въ Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда, т. II, Одесса 1888), и также г. *П. Безобразовъ*, Патмосская писцовая книга, 68—69 (въ Визант. Врем. VII, 1900). Для временъ поздней Римской имперіи ср. *Bruns und Sachau*, Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem V. Jahrh. Berlin 1880, § 121, p. 286 sqq.

[2]) Patm. № 13, a. 1088: τὸ αὐτοδέσποτον καὶ ἐλευθέριον — иммунитетъ. Cf. № № 14 и 16.

[3]) Πρακτικὸν τῆς παραδόσεως, Patm. № 17, a. 1088.

[4]) Patm. № 18, a. 1089. О допущеніи женатыхъ париковъ и работниковъ ср. правило (διάταξις) Христодула, ιγ', ιδ' (pp. 66—67), cf. ι'. Cf. хрисовулъ Алексѣя, p. 45—46.

[5]) Patm. № 22, a. 1099: προσκαθίσαι ἐν τοῖς . . τρισὶν ἀκινήτοις ὑμῶν . . ἀνὰ παροίκους τέσσαρας, ἐλευθέρους μέντοι καὶ ἀτελεῖς, καὶ μήτε γῆν ἰδίαν ἔχοντας μήτε δημοσιακοῖς χαρτίοις ἐγγεγραμμένους καὶ ἐξκουσσεύεσθαι.

[6]) Patm. № 26, a. 1145: διὰ τὸ μὴ ῥητῶς ἐν τῷ γεγονότι . . . χρυσοβούλλῳ σιγιλλίῳ περὶ τῆς ἐξκουσσείας τῶν τοιούτων παροίκων ζευγαράτους αὐτοὺς ὀνομάζεσθαι, ἀλλ' ἁπλῶς παροίκους.

[7]) Ibid. p. 105: ἑτέρων ἓξ παροίκων ζευγαράτων . . ἐλευθέρων μέντοι καὶ ἀδωρήτων καὶ μηδενὶ δημοσιακῷ ὑποκειμένων λειτουργήματι, μήτε πρακτικοῖς τε τοῦ δημοσίου ἀναγεγραμμένων, μήτε γῆν δημοσιακὴν κατεχόντων.

Важно среди данныхъ этого документа указаніе на особую категорію париковъ-зевгаратовъ, въ отличіе отъ париковъ просто. Такъ какъ въ дарственной Мануила опредѣленно высказано, что жалуемые имъ шесть париковъ зевгаратовъ не записаны въ податныя книги и не имѣютъ никакой земли, то нельзя объяснять этотъ терминъ въ смыслѣ владѣнія участкомъ зевгаратнымъ (двойнымъ) или болѣе высшаго разряда по платежу податей. Значеніе термина еще болѣе запутывается нашимъ документомъ. Часто императоры *раздѣляли* извѣстному монастырю, буде найдутся гдѣ-либо опредѣленное или неопредѣленное число свободныхъ, въ податныя книги не занесенныхъ и безземельныхъ людей, то селить ихъ на своихъ земляхъ, оставляя за монастыремъ право собственности на землю и освобождая поселенныхъ париковъ отъ всякихъ казенныхъ податей[1]).

Выше было упомянуто, что Христодулъ отказался отъ своихъ земель на о. Косѣ, при полученіи Патмоса по хрисовулу 1088 г. Въ XIII в. Патмосскій монастырь снова оказывается во владѣніи метохами на Косѣ. Къ этому времени относится свидѣтельство всѣхъ *жителей* Коса, священствующихъ, служилыхъ и всего народа[2]), о томъ, что монастыремъ τῶν Σπονδῶν на ихъ островѣ принадлежалъ Патмосской братіи. Этотъ документъ представляетъ свидѣтельство *жителей*, эпиковъ всей страны, въ присутствіи ихъ кефаліи Варангопула[3]). Такому свидѣтельству придана форма прошенія. Въ началѣ крайне любопытнаго акта имѣемъ рукоприкладства неграмотныхъ и подписи грамотныхъ (большею частію священствующихъ) жителей Коса. Въ заключеніи стоятъ подписи епископа и кефаліи. Документъ интересенъ съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ именовалось все населеніе Коса и изъ кого оно состояло, и во-вторыхъ, насколько въ документѣ выражена извѣстная общественная и земская организація. По первому вопросу замѣтимъ, что документъ еще разъ подтверждаетъ, что ἔποικος не является терминомъ для обозначенія соціальнаго состоянія, но лишь территоріальной принадлежности. Эпиками Коса или всей страны Коса являются служилые люди, клирики и простые люди, названные τὸ κοινὸν τοῦ λαοῦ. Останавливаясь на смыслѣ этого послѣдняго выраженія и спрашивая себя, означаетъ ли оно *земскую общину*, мы подходимъ ко второму вопросу, насколько документъ приведеннымъ своимъ выраженіемъ и самимъ своимъ содержаніемъ свидѣтельствуетъ о существованіи общественной формы для выраженія воли или свидѣтельства населенія. Нужно поспѣшить оговориться, что не слѣдуетъ придавать акту особенное значеніе. Свидѣтельство мѣстныхъ людей въ тяжбахъ и дѣлахъ изъ-за недвижимой собственности — явленіе обычное въ монастырскихъ и иныхъ документахъ. Общей связью между подписавшими актъ является

---

[1]) Patm. № 32, а. 1186, на 6 семей монастырю св. Маріи Аѳинской: δωρεᾶται ἡ βασιλεία μου . . . ἐξουσσείαν παροίκων ἐξ ἐλευθέρων καὶ τῷ δημοσίῳ ἀνεπιγνώστων προσκαθίσαι· ὀφειλόντων ἔνθα ἂν κατοικῶσι, κατὰ τὴν δεσποτικὴν τῇ . . . μονῇ διαφέρουσαν ἐργάζεσθαι.

[2]) Patm. № 67: Αἴτησις διασημειώματος τῶν ἐποίκων τῆς νήσου Κῶ, παρωμόνων, στρατευομένων καὶ τοῦ κοινοῦ τοῦ λαοῦ.

[3]) Ibid. p. 186: τοιαύτη μαρτυρία ἐγένετο παρ' ἡμῶν τῶν ἐποίκων τῆς ὅλης χώρας ἐνώπιον τῆς κεφαλῆς ἡμῶν. Ср. p. 186 названіе половины зевгарія — τὸ βοΐδιον ἕν, какъ земельной единицы.

принадлежность ихъ къ одной и той же странѣ, въ качествѣ ἔποικοι ὅλης τῆς χώρας. Признаковъ общей организаціи нѣтъ, актъ скрѣпленъ мѣстными властями и составленъ въ ихъ присутствіи. Документъ этотъ имѣетъ ту особенность, что составленъ въ формѣ прошенія царю: по существу онъ не что иное, какъ свидѣтельское показаніе мѣстныхъ людей. Ни въ какомъ случаѣ актъ этотъ не крестьянскій и совершенно не можетъ свидѣтельствовать въ пользу наличности крестьянской общины. Актъ Косскихъ жителей слѣдуетъ повидимому отнести къ 1258 г., потому что въ томъ году вышла грамота патріарха Арсенія по тому же дѣлу[1]). На патріаршую грамоту, вѣроятно не на упомянутую, ссылается Михаилъ Палеологъ въ своемъ хрисовулѣ 1259 г. о владѣніяхъ Патмосской обители[2]). Онъ называетъ земли при метохѣ τῶν Σπονδῶν, именно пахотныя поля (χωράφια) въ (мѣстностяхъ) Перипата, Петроріяхъ и Антимахіи, мельницу въ (мѣстности) Евдромарія, париковъ-присельниковъ чужихъ и казнѣ неизвѣстныхъ[3]).

Въ 1262 (инд. V) году состоялась передача Патмосскому монастырю метоха τῶν Σπονδῶν, согласно императорской и патріаршей грамотамъ. Податному и межевому комиссару (τὴν ἀναθεώρησιν καὶ ἐξίσωσιν ποιούμενος) Панкалу было поручено приписать къ метоху масличныя деревья изъ неимѣющихъ владѣльца (ἐκ τῶν ἀνεπιγνώστων) и двухъ μισθίους или „закупней“ съ ихъ наслѣдственными участками, чтобы они несли въ пользу монастыря тягло и личныя повинности[4]). Исполняя возложенное на него порученіе, Панкалъ отвелъ метоху имѣніе Нижній Пиргъ изъ округа (ἐπισκέψεως) извѣстнаго Марулли, совершенно свободное отъ податей, съ плантаціями масличными, плодовыми и со всѣми угодьями; также двѣ семьи париковъ въ 6 и 3 души обоего пола, съ ихъ имуществами: въ первомъ случаѣ наслѣдствомъ съ отцовской, материнской и жениной сторонъ въ разныхъ мѣстахъ, съ податью за всѣ участки 3 аспра и барщиною по справедливому обычаю[5]); во второмъ же случаѣ паринъ имѣлъ отцовское и материнское наслѣдіе и женину часть, которую онъ раздѣлялъ съ двумя еще сонаслѣдниками, также въ разныхъ мѣстахъ, и платилъ за все $1^1/_2$ аспра[6]).

Въ слѣдующемъ 1153 г. составлены были для метоховъ на Леросѣ и на Косѣ два практики: одинъ для монастырскихъ париковъ и тяглыхъ (πάροικοι καὶ ὑποτελεσταί), другой для самихъ недвижимостей. По первому въ метохѣ Пареенiй найдено 15 семей, въ Теменіи тоже 15, на Косѣ же парики не перечислены, но названы два метоха τῶν Σπονδῶν и вновь пожалованный метохъ Спасителя съ

---

[1]) Patm. № 72, a. 1258.

[2]) Patm. № 76, a. 1259.

[3]) Ibid. p. 200: ἐν τοῖς τοῦ Περιπάτου, ἐν τοῖς τοῦ Εὐδρομαρίου.

[4]) Patm. № 88, a. 1262; p. 209: μισθίους δύο μετά καὶ ὧν ἐν τῷ βίῳ ἐπιφέρονται σὺν τῶν κληρονομικῶν αὐτῶν ὑποστάσεσιν ὑποτελεῖν καὶ ἐκδουλεύειν τῇ μονῇ, ὡς ἔθος ἦν μοναστηρίοις.

[5]) ὑπὲρ τῆς πατρικῆς καὶ μητρικῆς καὶ γυναικείας αὐτοῦ κληρονομίας ἧς ἔχει ἐν διαφόροις τόποις, τέλος διὰ πάντων ἀσπρα τρία καὶ ἀγγαρίαν τὴν κατὰ τὴν δικαίαν συνήθειαν.

[6]) τῆς πατρικῆς καὶ μητρικῆς αὐτοῦ κληρονομίας καὶ γυναικείας αὐτοῦ μερίδος, ἣν μερίζεται μετὰ Δέοντος τοῦ Γουδέλη καὶ τῆς θυγατρὸς τοῦ Τζόντζου . . . ἐν διαφόροις τόποις.

землею Анавасидіемъ[1]). Жившіе на этихъ метохахъ земледѣльцы-закупи освобождены были отъ всякихъ платежей по податнымъ казеннымъ книгамъ[2]). Въ другой грамотѣ управляющаго податными сборами (ἀναγραφεύς) Ескаматисмена перечислены метохи на о. Косѣ болѣе подробно[3]). Названъ во 1) метохъ Б. Матери τῶν Σπονδῶν съ угодьями, всего площадью по мѣстному исчисленію 2½ стратіи (στράται) или 1200 модіевъ; поле (χωράφιον) Мандрика, т. е. принадлежавшее нѣкогда Мандрику, въ 2 модія, гдѣ былъ прежде тяглымъ присельникомъ Г. Вилилидъ[4]), другое Пиргія въ 7 модіевъ; въ числѣ упомянутыхъ 2½ стратій включено имѣніе (προάστειον) Килей въ округѣ (ἐνορία) Антимахіи и поле Фила (принадлежавшее нѣкогда Филу). Во 2) названъ метохъ Спасителя τοῦ Ἀμπελᾶ съ землею вондатною[5]) въ 2 модія, принадлежавшею прежде обителямъ Человѣколюбца и Вседержителя, съ масличной и дубовой рощами, составлявшими половину рощъ, называемыхъ Вавуловыми и принадлежавшими къ *стратіи* владѣльца Стиха; землею при Пулопьястѣ, пожертвованіе Мамуры съ полями (χωράφια) Соланы въ топоѳесіи τῶν Λουτρῶν, всего на 300 модіевъ. Затѣмъ названо имѣніе (προάστειον) Анавасидій, также прежде принадлежавшее обителямъ Человѣколюбца и Вседержителя, въ 150 модіевъ, въ томъ числѣ земля τοῦ Ἔξω Κάμπου въ 30 мод. Часть земель метоха Спасителя была отнята мѣстнымъ епископомъ. По жалобѣ Патмосскаго игумена состоялось разбирательство при участіи жителей (ἔποικοι) острова: созваны были живущіе въ той странѣ въ округѣ Вориновъ и сосѣди ихъ, которые поименно перечислены въ грамотѣ, выданной по этому дѣлу уполномоченнымъ царицы Ѳеодоры[6]). Названы служилые люди, клирики и простые жители, среди которыхъ встрѣчаются имена тожественныя съ нѣкоторыми, находящимися въ вышеупомянутомъ прошеніи или свидѣтельствѣ по поводу другого метоха τῶν Σπονδῶν[7]).

Въ позднѣйшихъ хрисовулахъ Андроника III, 1326 и 1331 гг.[8]), упоминаются метохи на островѣ Лимносѣ: 1) св. Георгія Мироточиваго въ *мѣстности* св. Елены и 2) во имя арх. Михаила, называемой Πτέρις, послѣдній съ 11 парикамы. Въ различныхъ селахъ (χωρίοις) острова проживали монастырскіе парики, частью прежніе, частью вновь пріобрѣтенные по недавней переписи (протоколу, ἀπογραφικὴ κατάστασις). Этимъ парикамъ были переданы также поля Ву-

---

[1]) Patm. № 87, a. 1268. О метохѣ Спасителя и землѣ Анавасидіи см. Patm. №№ 81 и 80.

[2]) προσκαθημένων μονικῶν μισθίων... παντὸς δημοσιακοῦ καταστίχου.

[3]) Patm. № 88, a. 1268.

[4]) ἔνθα ποτὲ προσεκάθητο ὡς ὑποτελὴς Γ. ὁ Βιλιλίδης.

[5]) γῆς βοϊδατικῆς δύο (sl. модіων),

[6]) Patm. № 95, a. 1271: ἐπισυνάξας τοὺς ἐν αὐτῇ τῇ χώρα οἰκοῦντας ἐν τῇ ἐνορίᾳ τῶν Βορηνῶν καὶ αὐτοὺς δὲ τοὺς πλησίον οἰκοῦντας καὶ γειτνιάζοντας.... ἀπὸ τῆς ἐνορίας τοῦ Κεφάλου.

[7]) Cf. Patm. № 95, p. 228, съ № 67, p. 184. Свидѣтели показали, что епископъ не имѣлъ никакихъ правъ на захваченную землю: οὔτε γονικὰ τυγχάνουσιν τῆς ἐπισκοπῆς, οὔτε ἀγοράσαι οὔτε δωρεαὶ οὔτε ἄλλο τι. Тоже было высказано по поводу земли въ округѣ Антимахіи, τὰ γονικὰ ἴδια χωράφια τῆς.. μονῆς τὰ διακείμενα ἐν τῇ ἐνορίᾳ τῆς Ἀντιμαχείας τῶν Λουτρῶν. Cf. ἴδια καὶ κληρονομικὰ αὐτῆς κτήματα. Противъ епископа о. Коса ср. еще №№ 108, 105, 106, 107, 109.

[8]) Patm. №№ 107 и 109. Cf. 108, a. 1329.

варіи, Трохалеи и Ливадіи[1]). Парики эти перечислены въ хрисовулѣ 1331 г., всего 26 дворовъ, принадлежавшихъ крестьянамъ, вдовамъ или нераздѣлившимся дѣтямъ-наслѣдникамъ. Также перечислены вышеупомянутые 11 париковъ метоха Πτέρις[2]). И еще были сады и участки возлѣ метоха въ *мѣстности* τῆς Πηγάδος и пр. Тѣмъ же Андроникомъ Младшимъ было пожаловано монастырю 23 семьи казенныхъ париковъ, платившихъ въ казну тягло (τέλος) ежегодно 34 иперпира, жившихъ въ пяти поименованныхъ селахъ острова[3]). Сначала эти парики были указаны только для личныхъ повинностей и работъ при обработкѣ земли[4]): но затѣмъ монахи жаловались императору, что они не имѣютъ означенныхъ париковъ на правахъ совершенной парикіи, и не добьются отъ париковъ исполненія ихъ повинностей (личныхъ)[5]); и исхлопотали указъ, по которому парики были переданы имъ во владѣніе (κατοχή) и обязаны платить вышеупомянутую подать въ 34 иперпира, также отбывать полагавшіяся прочія повинности париковъ[6]).

Къ XIV в. относится опись метоховъ Лимноса, составленная дукой и податнымъ комиссаромъ (ἀπογραφεύς) острова, дошедшая съ многими пропусками въ текстѣ. Въ метохѣ арх. Михаила Птери упомянуто нѣсколько мелкихъ участковъ, доставшихся по приношенію частныхъ лицъ: земля въ особой межѣ (γῆν ἰδιοπεριόριστον) въ 150 м., и рядъ другихъ болѣе мелкихъ, въ разныхъ мѣстахъ (τόποι), причемъ имена участковъ, пожертвованныхъ и сосѣднихъ съ ними, указываютъ тоже на частныхъ собственниковъ. Прежняя казенная земля обозначена: ἀμπέλιον δημοσιακόν во владѣніи Братены (ὅπερ ἐκράτει ἡ Μπράταινα), участокъ царской земли, отрѣзанный отъ мызы (ζευγηλατεῖον), возлѣ отведеннаго солдатамъ; свободная земля, которой другая часть была отведена Стравоіоанну. Перечислены парики, названные *бѣдными* (πτωχοί, книжное выраженіе). Эти бѣднякъ означены однако имѣвшими дома, крупный и мелкій скотъ, земли: 36 мод. и виноградникъ въ $1^1/_2$ м., въ другомъ случаѣ парикъ имѣлъ отъ зятя 30 модіевъ земли. Къ сожалѣнію большинство цифръ пропало за порчею текста. Парики означены съ ихъ тягломъ, въ $1^1/_2$, 2, $^1/_3$ . . . номисмъ[7]). Еще дошелъ указъ отъ послѣднихъ лѣтъ имперіи, по которому Патмосскій игуменъ получалъ пожизненно тягло въ 5 иперпировъ съ трехъ какихъ-то людей[8]).

Критскіе документы кодекса Патмосскаго монастыря начинаются весьма стоющимъ вниманія постановленіемъ по поводу тяжбы крестьянъ (ἔποικοι) села Меника съ владѣльцемъ сосѣдняго имѣнія Лименитомъ. Тяжба ихъ была не изъ-

[1]) p. 252: ὁμοίως καὶ τὰ παραδοθέντα αὐτοῖς (sc. παροίκοις) χωράφια τὰ Βουνάρια etc.

[2]) Ibid. p. 253: προσκαθήμενοι καὶ αὐλῖται.

[3]) Patm. № 110, a. 1336? δοθῶσιν (τινὰς τῶν ἐν τῇ.. νήσῳ δημοσιακῶν παροίκων) πρὸς τὴν μονὴν, οἵτινες καὶ προσεκάθηνται εἰς τὰ χωρία (пять именъ)... τελοῦντες πρὸς τὸ μέρος τοῦ δημοσίου ὑπ: 34.

[4]) ἵνα δεδῶσι πρὸς τοὺς μοναχοὺς τοὺς μέλλοντας κατασπαρεῖν τὴν ῥηθεῖσαν γῆν ἀγγαρείας εἰς τὰς ἐργασίας αὐτῶν.

[5]) οὐδὲ ἔχουσιν αὐτοὺς (sc. τοὺς παροίκους) εἰς τελείαν παροικίαν, οὐδὲ πείθονται διδόναι.. ἀγγαρείας.

[6]) παραδώσεις πρὸς τὴν.. μονὴν... παροίκους ἐπὶ τῷ κατέχειν αὐτοὺς καὶ λαμβάνειν ἐξ αὐτῶν τοὺς ἐν αὐτῇ μοναχοὺς τὸ ῥηθὲν τέλος καὶ τὰ ἀπὸ τούτων ἀνήκοντα αὐτοῖς λοιπὰ παροικικὰ δίκαια.

[7]) Patm. № 112 s. a.

[8]) Patm. № 113.

за земли, но возникла по поводу устройства Лименитомъ водяной мельницы на рѣкѣ выше села, благодаря чему крестьяне лишились воды для орошенія своихъ плантацій. Документъ показываетъ намъ село свободныхъ (или казенныхъ) крестьянъ, наслѣдственныхъ собственниковъ своей недвижимости[1]), ведущихъ тяжбу совмѣстно и въ полномъ составѣ.

Крестьяне имѣютъ свою личную наслѣдственную собственность и могутъ отчуждать ее навсегда, соблюдая однако правила предпочтенія ближайшихъ при объявленіи о продажѣ. При отсутствіи желающихъ изъ среды болѣе или менѣе близкихъ (τῶν τε πλησιαστῶν καὶ τῶν ἐκ μακρόθεν) крестьяне могутъ продать свою землю совершенно постороннему лицу въ полную, безусловную и безповоротную собственность. Такъ два жителя села Силлама, расположеннаго на Критѣ въ *темѣ* сѣвернаго округа Мессареи, продали два участка (τεμάχια) виноградника нотаріусу Оресту, съ разрѣшенія, впрочемъ, всечестнѣйшаго логаріаста Хрисоверга, котораго они называютъ своимъ господиномъ (αὐθέντης), а его рѣшеніе — честнымъ сужденіемъ, замѣняющимъ приказъ[2]). Записка логаріаста Хрисоверга нотаріусу Лимениту, составителю акта продажи, помѣщена въ текстѣ и редактирована въ формѣ распоряженія составить актъ. Повидимому, Хрисовергъ былъ вотчинникомъ села Силлама, и продавшіе свои виноградники были его париками.

Основаніе владѣніямъ Патмосскаго монастыря на Критѣ было положено пожалованіемъ ему монастыря Нисіонъ. Этотъ послѣдній былъ основанъ епископомъ Каламны на казенной землѣ въ *мѣстности* (τοποθεσία) Психра, подаренной ему съ освобожденіемъ ея отъ казеннаго тягла на сумму 48 иперировъ. Эта территорія должна была содержать наслѣдственныя стаси казенныхъ париковъ. Патмосскіе монахи получили этотъ новый метохъ для обработки земли своими средствами, съ освобожденіемъ (новыхъ) париковъ, чуждыхъ и неизвѣстныхъ казнѣ людей, отъ налоговъ и повинностей[3]). Крупная частная собственность на Критѣ представлена намъ въ дарственной записи Агіостефанита съ женою на часть ихъ наслѣдственныхъ виноградниковъ, расположенную при селѣ Варваровъ, за исключеніемъ участка въ одну олокотинарію, пожертвованнаго ранѣе ими мѣстному монастырю Кикути[4]).

Въ греческихъ эпитомахъ венеціанскихъ грамотъ 1267—1307 г., за время владѣнія Венеціи Критомъ, помѣщенныхъ въ Патмосскомъ кодексѣ, находимъ постановленія, ограждавшія монастырскій метохъ, село (χωρίον) Стилъ, отъ поборовъ властей, принуждавшихъ париковъ или хоритовъ Стила къ несенію повинностей и отбыванію барщины[5]). Между прочимъ упомянуто въ этихъ эксцерптахъ о пересе-

[1]) Patm. № 23, a. 1113: πρὸς τοὺς ὅλους ἀποίκους καὶ πληρονόμους τοῦ χωρίου Μέλικος.

[2]) Patm. № 24, a. 1193: τιμίαν αὐτοῦ λόγον.. προστάξεως τόπον ἐπέχουσαν.

[3]) Patm. № 26, a. 1196. До того Патмосскій монастырь имѣлъ въ Критѣ пожалованные ему Алексѣемъ и Іоанномъ Комниномъ ежегодные доходы, сначала хлѣбомъ, потомъ деньгами, послѣ того какъ царскія ἐπισκέψεις (патримоніальные округа) на Критѣ были отданы мѣстнымъ людямъ (τοῖς ἐντοπίοις) для обработки за уплату денежныхъ взносовъ: τελουμένων παρ' αὐτῶν νομισματικῶν (adde δόσεων). См. p. 131.

[4]) Patm. № 46, a. 1296: τὰ γονικόθεν περιελθόντα ἡμῖν ἀμπέλια τὰ καὶ κατὰ τὸ χωρίον Βαρβάρους διακείμενα... ἄνευ μέντοι τοῦ ἀμπελίου τῆς μιᾶς ὁλοκοτη(νατρ)ίας.

[5]) Patm. № 90, особенно II, a. 1277, и V.

ленія на Критъ въ мѣстахъ Сиѳа 39 хоритовъ (χωριάται) съ Патмоса и 38 другихъ, купленныхъ у корсаровъ; на этихъ присельниковъ была наложена ежегодная подать въ 1 иперпиръ съ каждаго въ венеціанскую казну[1]).

Между малоазіатскими документами Патмосскаго кодекса первое мѣсто занимаютъ хрисовулъ и практикъ на имѣнія, пожалованныя Михаиломъ Дукою своему двоюродному брату, великому доместику Андронику, и расположенныя возлѣ Милета въ удѣльномъ округѣ Алопеконъ (ἐπίσκεψις τῶν Ἀλωπεκῶν)[2]). Отъ хрисовула уцѣлѣлъ лишь фрагментъ, излагающій податныя и иныя льготы для новыхъ вотчинъ Андроника Дуки. Практикъ же, составленный при ихъ передачѣ, является однимъ изъ важнѣйшихъ между подобными документами. Онъ послужилъ предметомъ обстоятельной статьи г. П. Безобразова[3]). Впрочемъ, эта статья посвящена столько же Патмосскому документу, сколько замѣчаніямъ на Хиландарскій практикъ, о которомъ рѣчь будетъ идти ниже. Намъ кажется, что авторъ преувеличилъ нѣсколько значеніе Патмосскаго документа. Во всякомъ случаѣ актъ не имѣетъ рѣшающаго значенія для исторіи крестьянскаго землевладѣнія. Передъ нами картина крупнаго вотчиннаго владѣнія и хозяйства. Г. Безобразовъ не отмѣтилъ, что всѣ парики, перечисленные въ практикѣ имѣній А. Дуки[4]), не имѣютъ собственныхъ участковъ, но являются присельниками (προσκαθήμενοι πάροικοι), какъ они и называются въ хрисовулѣ Михаила Дуки. На какомъ основаніи г. Безобразовъ говоритъ о *надѣлахъ*, намъ изъ документа не ясно[5]). Единственное слово, которое давало бы нѣкоторое право предполагать „подворные участки" париковъ, г. Безобразовымъ не привлеченное, находится не въ практикѣ, а въ хрисовулѣ, гдѣ издателямъ удалось прочесть въ началѣ дошедшаго фрагмента слова: παροίκοις, παροικοτοπίοις, αὐτουργίοις. Но его можно объяснить въ узкомъ смыслѣ усадебныхъ участковъ.

Наличность зевгаратныхъ и воидатныхъ париковъ съ болѣе высокимъ цензомъ, чѣмъ не имѣвшіе рабочаго скота и названные неимущими (ἀκτήμονες), не служитъ доказательствомъ того, что въ вотчинѣ Андроника существовали полные и половинные надѣлы. Изъ Хиландарскаго практика мы увидимъ, что существовали зевгаратные и воидатные дворы, завѣдомо не имѣвшіе собственной пахотной земли,

---

[1]) Латинскій оригиналъ документа см. Mikl.-Müll. VI, 369. Подтвержденіе венеціанскими властями дарственной бывшаго ректора г. Канеи, Я. Бароцци, въ латинскомъ и новогреческомъ текстахъ: Mikl.-Müller, VI p. 238 s., 387 s.

[2]) Patm. №№ 1 и 2, а. 1078.

[3]) Въ Византійскомъ Временникѣ, VII (1900), стр. 69—106.

[4]) За исключеніемъ „новаго парика" Ѳеологита, упомянутаго отдѣльно, ушедшаго съ большого участка, въ 230 модіевъ, γῆς τοπαθείσης αὐτῷ. Что эта земля была ему отдана въ аренду, а не въ какой либо надѣлъ, видно изъ упоминанія здѣсь-же, что на него было возложено 24 ном. аренды (χωροπήσιον). Patm. № 2, p. 7.

[5]) *Безобразовъ*, l. c., p. 85: „Какіе были надѣлы у крѣпостныхъ и были ли у нихъ подворные участки въ родѣ упоминаемыхъ въ Хиландарскомъ практикѣ, въ Патмосской писцовой книгѣ не сказано . . . Мы должны однако предполагать, что зевгаратнымъ было дано болѣе земли чѣмъ воидатнымъ, и въ этомъ случаѣ величина надѣла соотвѣтствуетъ количеству рабочаго скота".

слѣдовательно, работавшіе со своими волами на чужой землѣ. Всетаки въ Хиландарскихъ деревняхъ болѣе достаточная часть крестьянъ сидитъ на наслѣдственныхъ участкахъ, стасяхъ разныхъ величинъ. Въ вотчинѣ Андроника, напротивъ того, нѣтъ данныхъ предполагать ни собственныя крестьянскія стаси, ни какіе либо „надѣлы".

Всѣ перечисленные въ Патмосскомъ практикѣ 49 крестьянскихъ семействъ, изъ коихъ 25 не имѣли своего рабочаго скота, должны были обработывать обширныя земли пожалованныхъ Андронику вотчинъ. Мы должны видѣть въ нихъ или мортитовъ-десятинниковъ, о которыхъ, впрочемъ, практикъ не упоминаетъ, или арендаторовъ, платившихъ, какъ сказано въ практикѣ, по 1 номисмѣ съ каждыхъ 10 модіевъ земли. Возможно, что обѣ системы примѣнялись въ пожалованныхъ вотчинахъ одинаково рядомъ. Собственное хозяйство съ наслѣдственными участками-стасями трудно было бы предположить на земляхъ, бывшихъ до пожалованія Андронику царскими патримоніями, находившимися въ вѣдомствѣ τῶν εὐαγῶν οἴκων (Μυρελαίου).

Для исторіи села Патмосскій практикъ также почти не представляетъ интереса. Пожалованныя земли именуются частными имѣніями, (дачами, προάστεια); въ практикѣ встрѣчается слово χωρίον, но въ примѣненіи къ сосѣднимъ деревнямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя находились въ территоріальной зависимости отъ барской вотчины (οἰκοπροάστειον) Варисъ, платя, какъ увидимъ, незначительный ежегодный взносъ (ἐπιτελεσμός). Но практикъ имѣетъ безспорную важность для изслѣдованія податной системы. Хрисовулъ содержитъ богатый перечень податныхъ и иныхъ льготъ; практикъ важенъ преимущественно для исторіи подворной подати καπνικόν, и на этотъ пунктъ г. Безобразовъ обратилъ свое вниманіе.

Самый практикъ передачи начинается съ описанія барскаго имѣнія Варисъ, принадлежавшаго нѣкогда какому-то Варсакутину[1]). Описана церковь, барскій домъ, баня, ферма (δοπήτιον τὸ ζευγηλατεῖον), затѣмъ поименовано 7 участковъ, бывшихъ плодовыми и иными садами при усадьбѣ Варисъ; три пары воловъ и два плуга; прежде были и *рабы* (δοῦλοι), но вымерли. Затѣмъ слѣдуетъ перечень доходныхъ статей вотчины Варисъ. Таковыми являются: 1) сборы за пастбище скота (ἐννόμιον) — названы три урочища; 2) ἐπιτελεσμός — платежъ сосѣднихъ деревень и одного владѣльца. Судя по малому размѣру этого сбора, подъ нимъ возможно разумѣть почти номинальную подать или pensio для поддержанія правъ собственности и для показанія территоріальной зависимости (ср. платежи за ager vectigalis, при эмфитеозѣ)[2]). Въ 3-хъ, наиболѣе крупную статью дохода составляла аренда пахотной земли, по 1 номисмѣ ежегодно съ каждыхъ 10 модіевъ пашни. Техническимъ терминомъ для аренды является χωροπάκτον. Монастырь τῶν Ναμάτων арендовалъ $95^1/_2$ модіевъ, поля Мандраклова давали 14 номисмъ, „новый парикъ" Θеологитъ

[1]) Οἰκοπροάστειον ἡ Βάρις τοῦ Βαρσακουτινοῦ.

[2]) ἀπὸ ἐπιτελεσμοῦ τοῦ χωρίου Ὀλύνθου νομ. 2. Item, χωρίου Βαρβίλου τοῦ Παντίζη, νόμ. 1. Item, προαστείου τῆς Ἐλευνίκης, $1^1/_2$. Item, προαστείου τοῦ Ἀρουβάλη, $1^1/_2$. Item, τοῦ Θεοδότου, 1.

долженъ былъ давать 24 ном. за отданные ему въ аренду 230 модіевъ, за аренду оставшейся лишней пахоти[1]) въ 500 мод. шло 50 номисмъ. Еще былъ какой-то доходъ εἴσοδος λογαρική съ Вариса и его хуторовъ, уменьшившійся съ $57^1/_2$ ном. до 37. Далѣе читаемъ рубрику: (доходъ) отъ париковъ господскаго имѣнія Вариса"[2]): Подъ этой рубрикой перечислено 14 семействъ съ показаніемъ членовъ семействъ, краткаго означенія ихъ ценза и подати. Земли ни при одномъ изъ нихъ не показано, всѣ парики безземельные. Различаются они судя по тому, имѣли ли они пару воловъ (зевгарь) или одного вола, или не имѣли. Не имѣвшіе воловъ означены неимущими (ἀκτήμονες) и платили $^1/_2$ номисмы καπνικόν, или подворной (подымной) подати. Таковыхъ париковъ означено 12, изъ нихъ одинъ прежде былъ воидатнымъ, т. е. имѣлъ вола[3]). Два только двора имѣли по одному зевгарю, а также обозначенъ и другой скотъ: лошади, коровы и т. д. Съ нихъ полагалось 3 ном. или 3 ном. 10 миліарисіевъ, при чемъ эта сумма не названа καπνικόν, такъ какъ очевидно включала въ себя и другія статьи обложенія — за рабочій и иной скотъ. Со всѣхъ париковъ Вариса въ совокупности полагался еще незначительный сборъ въ 2 мил. 12 фолл., названный *зевгаратикіемъ*. Подобнымъ образомъ въ имѣніи Олиноѣ числилось 2 зевгаратныхъ, 4 воидатныхъ париковъ и 4 актимона; въ Гаммѣ 2 зевгаратныхъ, 1 воидатный и 4 актимона; въ Вервулидіи 2 зевг., 1 воид., 2 актимона; въ имѣніи Галаиды съ хуторомъ (τόπος) Лади 9 зевгаратныхъ и 3 актимона[4]). И здѣсь только при зевгаратныхъ крестьянахъ, т. е. имѣвшихъ по одной парѣ воловъ (ζευγάριον), былъ обозначенъ и другой скотъ. Они платили 3 ном., немного болѣе или немного менѣе. Ихъ подать не названа καπνικόν, допускаетъ дроби номисмъ и очевидно включаетъ въ себя сборъ за крупный и мелкій скотъ. Воидатные крестьяне платятъ подать по $^1/_2$ номисмы, которая не называется καπνικόν. Актимоны платятъ по $^1/_2$ номисмы καπνικόν, не обозначены имѣющими мелкій скотъ, хотя часть ихъ безспорно обладала ослами и мелкимъ скотомъ.

Въ концѣ практика мы находимъ итогъ числа париковъ: двух-зевгаратныхъ ни одного, зевгаратныхъ (μονοζευγαράτοι) 18, воидатныхъ 6, капникаріевъ (т. е. актимоновъ) 25, имѣвшихъ муловъ (? ἄλογα) и ословъ. Всѣ перечисленные капникаріи относились къ этой категоріи. Къ итогу париковъ присоединенъ въ высшей степени цѣнный нормальный расчетъ платимыхъ париками податей. Оказывается, что дизевгараты (ихъ въ этихъ вотчинахъ Андроника не было) и зевгараты платили основной подати, καπνικόν и συνωνή (замѣнившей прежнія capitatio и annona) по 1 номисмѣ. Эта подать въ 1 номисму входила, очевидно, въ составъ той суммы, которая была записана за каждымъ зевгаратнымъ дворомъ въ практикѣ, вмѣстѣ съ податью за нерабочій скотъ, который былъ за ними записанъ. Другими сло-

---

[1]) Ἀπὸ χωροπάκτου τῆς εὑρεθείσης κατὰ περισσείαν γῆς ὑπέργου.

[2]) Διὰ τῶν παροίκων τοῦ οἰκοπροαστείου τῆς Βαρέως.

[3]) ἀπὸ βοϊδάτου ἀκτήμων.

[4]) Еще въ Макдравлѣ, 1 зевгаратный, въ виноградникѣ Миктиринѣ одинъ присельникъ (πάροικος προσκαθήμενος), при обоихъ подать не обозначена.

вами податей зевгаратные крестьяне платили столько, сколько было означено за каждымъ изъ нихъ поименно въ практикѣ. Вондаты платили по ½ номисмѣ, которая здѣсь обозначена, какъ κατικόν и συνωνή. Это была ихъ единственная прямая подать.

Капникаріи (актимоны) раздѣляются на двѣ категоріи. Первую составляютъ имѣющіе ословъ, и къ ней относятся всѣ 25 дворовъ перечисленные въ практикѣ. Низшую категорію составляли тѣ актимоны, у кого не было ословъ; и они платили по 3 миліарисія. Таковые въ практикѣ не обозначены, равно какъ и дизевгараты, и упомянуты, такъ сказать, для полноты въ излагаемомъ нормальномъ расчетѣ. Этой прямой податью не ограничивалось обложеніе актимоновъ. Тогда какъ зевгаратные платили за записанный за ними скотъ, рабочій и мелкій, въ общей суммѣ ихъ подати, соразмѣрно съ тѣмъ обозначенной въ практикѣ, капникаріи очевидно платили пастбищный сборъ: за крупный (не рабочій) скотъ и ословъ 1 миліарисій, и за каждую сотню овецъ по 1 номисмѣ. Слѣдуетъ думать, что часть актимоновъ занималась преимущественно скотоводствомъ. Итоги этого дохода не могли быть даны въ практикѣ, не будучи постоянными.

Другимъ доходомъ съ париковъ, повидимому главнѣйшимъ, была арендная плата за землю[1]), по 1 номисмѣ за 10 модіевъ. Мы видѣли, что парики нашего практика не имѣли собственныхъ участковъ (стасей), между тѣмъ за исключеніемъ части капникаріевъ, всѣхъ ихъ нужно предполагать земледѣльцами. Съ другой стороны, пожалованныя Андронику казенныя имѣнія были велики. Практикъ даетъ описаніе ихъ границъ и исчисляетъ площадь пахотной земли. Въ одномъ главномъ имѣніи Варисѣ было 5609 модіевъ, во всѣхъ же имѣніяхъ г. Безобразовъ насчиталъ свыше 7600 модіевъ удобной земли. Эта земля требовала рабочихъ рукъ. Собственное крупное хозяйство велось только въ самомъ Варисѣ, но и оно, судя по количеству сѣмянъ для посѣва, означенному въ инвентарѣ Вариса, обнимало лишь 420 модіевъ пахотной земли[2]). Остальная земля должна была обработываться путемъ аренды или десятинничества. Арендаторами должны были являться преимущественно парики, переписанные въ практикѣ. Объ арендаторахъ изъ постороннихъ лицъ мы ничего не слышимъ, только Наматскій монастырь арендовалъ менѣе 100 модіевъ. Соображая, что изъ почти 50 семействъ париковъ всѣхъ новыхъ вотчинъ Андроника лишь половина владѣла рабочимъ скотомъ, слѣдуетъ заключить, что на одинъ зевгарь долженъ былъ приходиться весьма значительный кусокъ земли. Ѳеологитъ, „новый парикъ", арендовалъ 230 модіевъ.

Въ вышеназванной статьѣ г. Безобразова обращено вниманіе на незначительность исчисленныхъ практикомъ доходовъ владѣльца Вариса и прочихъ вотчинъ и высказано предположеніе, что практикъ приводитъ только часть этихъ доходовъ,

---

[1]) Καὶ ὑπὲρ χωροπάκτου τῆς κατεχομένης παρ' ἑκάστου αὐτῶν γῆς, κατὰ δέκα μοδίων νόμισμα ά.

[2]) *Безобразовъ*, у. с. 105. Также нужно замѣтить, что въ инвентарѣ Вариса оказалось всего 2 плуга и 3 зевгаря.

не исчисляя главнаго, поступающаго отъ аренды земель крѣпостными крестьянами[1]). Нельзя не присоединиться къ этому мнѣнію. Практикъ приводитъ точныя цифры лишь тѣхъ доходовъ, которые были опредѣленными и постоянными. Суммы доходовъ съ пастбищнаго сбора и съ аренды земель онъ не приводитъ, такъ какъ эти цифры зависѣли отъ количества скота, который могъ быть у крестьянъ, и отъ количества земли, которую каждый парикъ могъ взять въ аренду. Практикъ даетъ только нормы сборовъ, нимавшихся съ извѣстнаго количества скота и съ каждыхъ десяти модіевъ арендуемой земли. Самъ документъ считаетъ постоянныхъ доходовъ со всѣхъ вотчинъ, пожалованныхъ Андронику, — 300 номисмъ. Если бы всѣ земли были сданы въ аренду, то получилось бы болѣе 700 ном. Въ Варнеѣ было болѣе 5600 модіевъ; дохода съ арендныхъ статей Варнеа практикъ назвалъ только 59 номисмъ, тогда какъ его должно было быть въ 9 разъ болѣе по тому же расчету. Практикъ говоритъ только объ арендѣ (χωρεπάκτον), объ обработкѣ земли за опредѣленную денежную плату. Принимая во вниманіе, что норма арендной платы была назначена въ 1 номисму съ каждыхъ 10 модіевъ, возможно предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ системою морты, десятинничествомъ, переложеннымъ изъ натуральнаго сбора въ денежный[2]).

Ближе къ нашей задачѣ относится другой вопросъ: содержитъ ли практикъ 1073 г. указаніе на общину зависимыхъ крестьянъ и на ихъ надѣлы? Выше мы уже разсмотрѣли, что практикъ не содержитъ какого-либо указанія на собственныя крестьянскія стаси. Крестьянъ вотчинъ Андроника нужно считать безземельными. Слова хрисовула 1073 г. „παροικοτοπίαις“[3]) возможно относить къ усадьбамъ париковъ. Г. Безобразовъ самъ призналъ, какъ мы видѣли, что Патмосская писцовая книга не содержитъ указанія на подворные участки крестьянъ, какіе наблюдаются въ Хиландарскомъ практикѣ. Но г. Безобразовъ склоненъ думать, что каждый парикъ получалъ свой постоянный арендный участокъ[4]), и въ этомъ смыслѣ говоритъ о крестьянскихъ надѣлахъ большихъ и меньшихъ, зевгаратныхъ и вондатныхъ[5]). Онъ ссылается на два мѣста практика. Въ одномъ изъ нихъ однако сказано лишь то,

[1]) *Безобразовъ*, 101, 105.

[2]) Практикъ 1073 г. рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи зевгаратикія. Онъ не можетъ, по крайности въ этомъ документѣ, означать какую либо поземельную подать, будучи взыскиваемъ съ безземельныхъ арендаторовъ зависимаго состоянія. Этимологическій составъ слова заставляетъ предполагать сборъ, имѣющій отношеніе спеціально къ высшей категоріи париковъ и къ основѣ ихъ достатка и ценза — къ рабочему скоту. Незначительность суммы зевгаратикія (къ сожалѣнію показанія практика въ этомъ пунктѣ такъ не полны, что нельзя установить процентнаго отношенія зевгаратикія къ общей суммѣ прямыхъ податей) и то обстоятельство, что зевгаратикій означается послѣ общаго итога подати съ париковъ извѣстнаго имѣнія, а не отдѣльно по дворамъ, заставляетъ видѣть въ немъ какую-то дополнительную пошлину. Византійское податное обложеніе представляетъ рядъ пошлинъ, поступавшихъ при взысканіи извѣстной основной статьи, таковы различныя ἀαρικά. Ср. наши замѣчанія въ Визант. Врем. III (1896), 507—511. Можетъ быть, и ζευγαρατίκιον патмосскаго практика относится къ пошлинамъ подобнаго происхожденія. Ср. ниже аѳонскіе акты.

[3]) Patm. № 1. См. выше.

[4]) *Безобразовъ*, 105: Общиннаго владѣнія тутъ повидимому не было, каждому крестьянину выдѣлялся извѣстный участокъ, за который онъ вносилъ арендную плату.

[5]) *Безобразовъ*, 85: Мы должны однако предполагать, что зевгаратнымъ было дано земли болѣе, чѣмъ вондатнымъ, и въ этомъ случаѣ величина надѣла соотвѣтствуетъ количеству рабочаго скота.

что аренда съ взятой каждымъ парикомъ земли платилась въ показанномъ размѣрѣ [1]). Смыслъ употребленнаго слова κατεχομένης предполагаетъ аренду; слово же ἑκάστου, судя по контексту, ближайшимъ образомъ относится къ актимонамъ. Какіе же надѣлы могли быть у послѣднихъ? Другой же текстъ мы разсматривали выше, онъ говоритъ о землѣ, отведенной въ аренду новому парику Θеологиту. Слова, употребленныя составителемъ практика: τῆς γῆς τῆς τυπωθείσης αὐτῷ могутъ быть поняты въ значеніи какого либо надѣла; однако смыслъ мѣста, говорящаго объ арендѣ, покинутой Θеологитомъ, указываетъ, что рѣчь не можетъ идти о надѣлѣ, но о безсрочной арендѣ. Покинутый Θеологитомъ участокъ вслѣдствіе тяжелой платы могъ быть тотчасъ же включенъ въ общую границу или территорію (περιορισμός) [2]). Въ виду этого мы подтверждаемъ болѣе категорически наблюденіе самого г. Безобразова въ томъ смыслѣ, что судя по документу опредѣленныхъ участковъ парики вотчинъ Андроника не имѣли. Каждый арендовалъ, сколько могъ по своему состоянію. Тѣмъ менѣе, конечно, можно думать о какомъ либо общинномъ владѣніи въ вотчинахъ Андроника [3]).

Документы относительно владѣній самого Патмосскаго монастыря возлѣ Милета начинаются съ первой четверти XIII столѣтія. Въ 1216 г. Ласкарь пожаловалъ Патмосскому монастырю метохъ (ἰδιοπεριόριστον τοπίον) Пиргъ, между рѣкой Меандромъ и рѣчкой протекающей черезъ Палатіи, и въ 1221 г. выдалъ на него подтвердительный хрисовулъ [4]). При передачѣ новаго метоха пришлось выселять париковъ изъ сосѣднихъ Палатій, которые, пользуясь взятіемъ Латинами столицы, гдѣ находился монастырь Панахранта, прежній собственникъ метоха, завладѣли землею, какъ собственною пахотью [5]), прежде снимавши ее въ аренду. Подтвержденіемъ правъ Патмосской обители на метохъ Пиргъ и описаніемъ его границъ является, къ сожалѣнію плохо сохранившійся, документъ обмежеванія Пирга протовестіаритомъ Г. Загароммати [6]); хрисовулъ Михаила Палеолога под-

---

[1]) Patm. № 2, p. 15: καὶ ὑπὲρ χωροπάκτου τῆς κατεχομένης παρ'ἑκάστου αὐτῶν γῆς, κατα δέκα μοδίων νόμισμα α'.

[2]) Patm. № 2, p. 7: συμπαραληφθῆναι μετὰ καὶ τῆς λοιπῆς γῆς εἰς, τὸν περιορισμόν.

[3]) Практикъ содержитъ любопытныя данныя для исторіи землемѣрной техники, для обычая ставродіавасіи и особенно для территоріальнаго дробленія и черезполосицы, образовавшейся на почвѣ частной собственности. Patm. № 2, p. 11: διὰ τῶν χωραφίων τοῦ αὐτοῦ προαστείου τῶν ὄντων ἐν διαφόροις κατατομαῖς. Подъ этой рубрикой слѣдуетъ перечень 17 отдѣльныхъ χωράφια, съ показаніемъ размѣровъ и площади каждаго. Нѣкоторыя изъ этихъ χωράφια носятъ имена прежнихъ владѣльцевъ, и два изъ нихъ названы принадлежавшими прежде къ крестьянскимъ стасямъ: χωράφιον τὸ ὂν εἰς τὴν στάσιν τοῦ Φιλιππακοῦ; p. 11: χωράφιον ἡ Ὀροδάφνη σὺν τοῦ ἑτέρου χωραφίου τῶν κ' μοδίων ἐν τῷ πρακτικῷ. Повидимому, вотчина Меланій съ полями Агравліевыми, подвергавшимися какому-то захвату (ibid. p. 12), образовалась на почвѣ крестьянской собственности, слѣды коей сохранились въ казенныхъ книгахъ.

[4]) Patm. №№ 62 и 64, a. 1216 и 1221.

[5]) Patm. № 62, p. 178: καὶ τινες μὲν πάροικοι Παναχραντινοὶ εἶχον αὐτὴν . . χωροπακτικῶς, τινὲς δὲ τῶν ἐν τέλει δημωσίως καθ' ἁρπαγήν, οἵτινες μετὰ τὴν ἅλωσιν . . . ἐλευθέρα οὖσα ἡ γῆ . . . ὁ βουλόμενος ἐκαλλιέργει ταύτην ὡς οἰκεῖαν ἄρουραν.

[6]) Patm. № 70, a. 1249? Зам. выраженіе: πρὸς τοὺς οἰκοῦντας μείζονάς τε καὶ ἐλάττονας — составъ эпиковъ каждаго села; слово κάμπος, противополагаемое ὀρεινὸς τόπος, ibid. p. 190. Объ этомъ актѣ упомянуто въ хрисовулѣ М. Палеолога 1259 г., Patm. № 76: ἀνεθεωρήθη . . καὶ περιορίσθη.

твердилъ актъ Загароммати. Единовременно хрисовулъ и другой указъ М. Палеолога отдавалъ еще пахотный участокъ, χωράφιον Γωνία τοῦ Πετάκη въ 4 зевгаря, отобранный у жены протосеваста Мануила Ласкаря[1]). Въ томъ же году потребовался указъ, запрещавшій людямъ Ласкарины и *хоритамъ* дѣлать затрудненія монахамъ въ ихъ новомъ владѣніи[2]). Противъ хоритовъ этихъ вышелъ еще указъ въ 1262 г., гдѣ они названы *эпиками* селъ Малахій и Стоматовъ, а пожалованный участокъ выдѣленнымъ изъ села Малахій; такъ какъ изъ предыдущаго указа Ласкаринѣ намъ извѣстно, что „хориты" были ея людьми, и извѣстно также, что участокъ принадлежалъ прежде Ласкарю и отобранъ у его жены, то и *эпики* или *хориты* селъ Малахій и Стоматъ являются крестьянами или париками Ласкарины. Дѣло потребовало разбирательства, которое было поручено дукѣ области Меланудія Селагиту[3]). Ему было указано разслѣдовать, на чемъ основаны претензіи *эпиковъ* села Малахій: на наслѣдственной ихъ собственности и казенномъ тяглѣ[4]), или же на владѣніи на условіяхъ морты и проніи, именно давая десятину (морту) или получившимъ ихъ село Малахіи въ помѣстье за службу, или же управляющимъ селомъ отъ казны[5]). Всѣ сосѣди, архонты и крестьяне (эпики), показали, что земля Петаки отдавалась на условіяхъ морты, когда мѣстные люди пользовались царскими мызами (ζευγηλατεῖα) по р. Меандру; и крестьяне (ἔποικοι), села Малахій вмѣстѣ со своимъ господиномъ Михаиломъ[6]) не имѣли никакихъ документовъ на собственность, по наслѣдству или на основаніи ревизіи (γονικὸν ἢ ἀναγραφικόν). Тогда же былъ выданъ и указъ (ὁρισμός), подтверждавшій права Патмосскаго монастыря и излагавшій ходъ дѣла[7]). Три года послѣ пожалованія земли Петаки дѣло было возбуждено царскимъ родственникомъ Георгіемъ Ангеломъ, получившимъ село Малахіи въ пронію и донесшимъ царю, что крестьяне его села были наслѣдственными собственниками земли Петаки, записанными въ податныхъ спискахъ (βιολογίοις) и платившими съ нея подати. Это оказалось не вѣрнымъ: сосѣдніе жители показали, что эта земля обработывалась жителями селъ Малахій, Стоматъ и другихъ за десятину (морту), которую они вносили казеннымъ управляющимъ или проніарамъ села Малахій. Платежъ морты доказываетъ, что земля была не ихъ собственная родовая, но чужая, хотя бы она была записана въ ихъ стихахъ (βιολογίοις), была ими передаваема по наслѣдству или отдаваема въ приданое, и хотя бы они вносили за нее подати (τέλη). Земля вполнѣ принадлежитъ получающему морту по праву собственности[8]).

---

[1]) Patm. № 76 и № 77, a. 1259.

[2]) Patm. № 78, a. 1259.

[3]) Patm. № 85, a. 1262.

[4]) ἐπὶ γονικῷ δικαίῳ καὶ τέλει δημοσιακῷ.

[5]) εἰ ὅτσως δὲ ἐπιμόρτως καὶ προνοιαστικῶς κατεῖχον αὐτὴν καὶ ἐδίδουν τὴν ταύτης μορτὴν, ποτὲ μὲν τοῖς κατὰ πρόνοιαν ἔχουσι τὸ ῥηθὲν χωρίον Μαλαχίου, ποτὲ δὲ τοῖς ἐνεργοῦσι τῷ μέρει τοῦ δημοσίου.

[6]) τῶν ἐποίκων Μαλαχιωτῶν καὶ τοῦ ἐπικρατοῦντος αὐτοὺς κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ . . . ταζηγγούρη.

[7]) № 86, a. 1262.

[8]) πάντως ἐκείνου ἦν τοῦ λαμβάνοντος τὴν μορτὴν δεσποτικῷ δικαίῳ. О всемъ дѣлѣ ср. завѣщаніе игумена Германа. Patm. № 96, p. 231.

Кромѣ пожалованной земли при метохѣ Пиргѣ игуменомъ Германомъ были прикуплены при томъ же самомъ метохѣ[1]): наслѣдственный удѣлъ (γονική μερίς) Мэандрина Леонта съ родными, по тремъ запродажнымъ актамъ на 22, 7 и 12 иперпировъ; участокъ Ларики 5 иперп., Пепана 6 иперп., Нитра 6 иперп., Лигира и Евлогіота 5 ип., священника Продроміота съ родными 10 ип., Антоника съ родными 5 иперп., священника Габры съ сыномъ на 10 иперп., всего по 10 запродажнымъ записямъ на общую сумму 88 иперпировъ. Передъ нами цѣлый рядъ продажъ крестьянскихъ небольшихъ участковъ.

Вторымъ метохомъ въ области Милета является частный монастырь св. Георгія Дисика въ округѣ Фигеллъ, основанный кувуклисіемъ Паланитомъ въ его имѣніи[2]). Съ разрѣшенія императора при монастырѣ св. Георгія его ктиторомъ были поселены и къ нему приписаны парики, вольные и казнѣ неизвѣстные люди, которыхъ ко времени передачи Патмосскому монастырю оказалось 2 или 3 двора, названныхъ μίσθιοι δουλευταί. Сюда же относится позднѣйшее распоряженіе какого-то Каніила о пересмотрѣ документовъ относительно париковъ въ области Фигеллъ[3]). Уже въ 1216 г. монастырекъ св. Георгія былъ Патмосскимъ метохомъ и къ нему были прикуплены земли въ разныхъ кускахъ у землевладѣльца Гавалы съ женою, дочерью приммикирія Проота[4]). Расположенныя въ округѣ Фигеллъ земли Гавалы, родовыя и полученныя въ приданое, состояли изъ 11 кусковъ пашень (χωράφια), изъ которыхъ при 4-хъ сказано, что уступалась третья братская доля, т. е. треть неразмежеваннаго наслѣдія (τὴν τρίτην ἀδελφικὴν μερίδα). Стоимость всѣхъ участковъ была исчислена продающей стороною въ 95 номисмъ и была заключена сдѣлка, по которой Патмосскій монастырь обязался уплачивать ежегодно 4 номисмы, т. е. около 4%.

Главнымъ метохомъ въ области Милета, отъ котораго дошло въ монастырскомъ кодексѣ наибольшее число, притомъ частныхъ актовъ, является монастырь Б. Матери Κεχιωνισμένη или Χιονισμένη, Снѣжной. И этотъ монастырь былъ основанъ царскимъ человѣкомъ, севастомъ Монохитромъ, въ мѣстности (τοποθεσία) Палатій и былъ присоединенъ къ Патмосскому монастырю въ качествѣ метоха хрисовуломъ царя Іоанна Дуки, до насъ не дошедшимъ, со всѣми париками, служками (παροίκων δουλευτῶν), виноградниками и полями Кулуры, Эги, св. Пантелеимона и Асиса, со всѣми ихъ угодьями, какъ передалъ (ἀποκατέστησεν) Іоаннъ Ласкарь[5]). Краткая вводная во владѣніе[6]) содержитъ лишь перечень париковъ поименно безъ показанія ихъ достатка и ихъ платежей. Всѣхъ этихъ париковъ (26 дворовъ) и одну (запустѣлую) στάσις монастырь получилъ въ держаніе

[1]) Patm. № 96, p. 230—1.
[2]) Patm. № 63, a. 1216? № 65 a. 1221? № 76, a. 1259, p. 200.
[3]) Patm. № 97 II, a. 1273?
[4]) Patm. № 61, a. 1216.
[5]) Patm. № 76, a. 1259, хрисовулъ М. Палеолога. Cf. № 73, a. 1258, указъ Ѳ. Ласкаря.
[6]) Patm. № 82, IV, a. 1262?

и владѣніе (κατέχει καὶ νέμεται); парики должны были *служить* (ἐκδουλεύειν), и ни казна, ни кто другой не имѣлъ до нихъ касательства. Документъ этотъ относится лишь ко владѣніямъ Хіонисмены, давно уже бывшей метохомъ Патмосскаго монастыря, расположеннымъ именно при мѣстечкѣ (κάστρον) Палатіяхъ.

Архивъ метоха Хіонисмены передалъ въ Патмосскій кодексъ рядъ частныхъ властельскихъ и крестьянскихъ актовъ продажи и пожертвованія. Въ этомъ отношеніи Патмосскій кодексъ хотя уступаетъ кодексу Лемвіотиссы, но превосходитъ многіе другіе. Пересматривая эти акты въ хронологическомъ порядкѣ, встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ продажъ крестьянами своихъ наслѣдственныхъ участковъ протовестіарію Георгію Евнуху: въ 1207 г. за 7 иперп. Манкафа съ племянниками продали ему поле изъ своего родового наслѣдія въ мѣстности Ниги, соединенное (συγκεκολλημένον) съ двухъ сторонъ съ полями двухъ другихъ собственниковъ[1]); нѣсколько лѣтъ спустя Комани съ женой продали ему же свое поле, наслѣдство отъ зятя, съ загономъ для скота, всего площадью на 6 модіевъ, за 6 номисмъ и 3 модія зерна[2]). Далѣе Левъ Мандали съ семьей продалъ въ томъ же округѣ Тропиговъ свои унаслѣдованные участки пахотной земли, четыре куска въ 13, 6, 4 и 3 модія, всего на 26 мод. за 13 номисмъ[3]). Ирина Елайдена съ семьей продала ему же за 11 ип. поле въ 20 модіевъ изъ своего зятнего и родового наслѣдія, расположенное въ мѣстности Канопѣ и имѣющее обозначенныхъ въ актѣ сосѣдей (πλησιαστάς)[4]). Михаилъ Кунери съ семьей продалъ ему же купленный участокъ въ 8 мод., изъ усадьбы Камакли, въ округѣ мандры Ахладопа[5]). Мануилъ Кастро съ семьей продалъ ему же свою половину доставшагося по наслѣдству женской линіи поля въ округѣ Тронигов въ 9 мод. за 6 иперп.[6]), другой половиной владѣлъ его двоюродный братъ. Покупки Г. Евнуха[7]) попали въ кодексъ, повидимому, черезъ посредство архива метоха Хіонисмены. Тоже слѣдуетъ сказать и о пожертвованіи Пепана въ мѣстности Стелліи при Апоѳикѣ, состоявшемъ изъ половины его бахчи[8]).

Непосредственно монастырю Хіонисмены, метоху Патмосской обители, были пожертвованы и проданы слѣдующіе крестьянскіе и властельскія имущества: М. Калуди съ семьей пожертвовалъ родовыя поля въ Асиссѣ[9]); І. Халкеопулъ съ женой,

---

[1]) Patm. № 45, a. 1207: χωράφιον . . ἐκ γονικῶν ἡμῶν κληροδοσιῶν εἰς τὴν τοποθεσίαν τῆς Νηγῆς.

[2]) Patm. № 47, a. 1212: χωράφιον, τὸ κεκτήμεθα ἐκ πανθερικῆς ἡμῶν κληρονομίας, τὸ ὂν καὶ διακείμενον ἐν τῇ περιοχῇ τῶν Τροπίγων ἤτοι τῷ Συναξηράτας Μάνδρας σὺν τῇ μιᾷ μάνδρᾳ τῇ πλησίον αὐτοῦ, ὑπάρχον τῇ χωρήσει αὐτοῦ σίτου μοδίων ἐννέα.

[3]) Patm. № 48, a. 1213.

[4]) Patm. № 49, a. 1213.

[5]) Patm. № 50, a. 1213: κομμάτιν χωράφιον ἀπὸ τῆς χώρας, τὸ ἀπὸ τῆς στάσεως τοῦ Καμακλῆ ἐκείνου Βασιλείου τὸ ὂν καὶ διακείμενον ἐν τῇ περιοχῇ τοῦ Ἀχλαδοποῦ τῆς μάνδρας, ὑπάρχων τῇ χωρήσει σπόρίμων μοδίων ὀκτώ.

[6]) Patm. № 51, a. 1213: τὸ ἐκ πανθερικῆς μου κλῆρας κέκτημαι χωράφιον . . τὸ ἥμισυ . . ὅσον ἔλαχεν ἡμῖν χάριν μεριδίου . . . cf. ὑπὲρ τοῦ ταούτου χωραφίου τῆς λαχούσης ἡμῖν μερίδος.

[7]) Можетъ быть, онъ тожественъ съ ктиторомъ Георгіемъ Монохитромъ.

[8]) Patm. № 43. Cf. p. 231, въ завѣщаніи игумена Германа.

[9]) Patm. № 54, a. 1214: χωράφια ἐκ γονικῶν ἡμῶν κληροδοσιῶν εἰς τὸ λαγκάδιν τοῦ Ἀσισσοῦ.

Г. Захарія съ сыновьями, Никифоръ Лимніотъ, В. Алавантинъ, монахиня Евдокія, І. Ампука, І. Политъ съ двоюроднымъ братомъ Габромъ, жертвуютъ или продаютъ на незначительныя суммы свои родовые участки въ топоѳесіи Асиеса[1]), одного изъ владѣній Хіонисмены по хрисовулу 1259 г. Въ одномъ случаѣ при производствѣ ревизіи потребовалось освобожденіе пожертвованнаго (братьями Варикалигами) участка отъ лежавшаго на немъ казеннаго тягла второй категоріи (воидатовъ) въ 1 иперпиръ[2]).

Закончимъ обзоръ актовъ Хіонисмены и вмѣстѣ съ тѣмъ всего Патмосскаго кодекса протоколомъ и приговоромъ по дѣлу монастыря св. Іоанна въ Ватѣ (ἐν Βάτῳ) съ семьей жителей (ἔποικοι) Палатій, по фамиліи Лампоновъ[3]). Предметомъ спора являлось наслѣдственное пахотное поле Лампоновъ, по имени Ставропиги, на которое монастырь предъявлялъ претензіи: поле это было глухо упомянуто ктиторомъ монастыря въ его дарственной записи. Свидѣтельскими показаніями на судѣ митрополита выяснилось, что упомянутый ктиторъ хотѣлъ купить это поле у Лампоновъ, и въ надеждѣ на то записалъ и его въ своей дарственной; но Лампоны его не продали. Кромѣ интересной и весьма живой картины процесса, для насъ имѣютъ значеніе показанія, разъясняющія, что наслѣдственные собственники, κληρονόμοι земли, Лампоны по крайности одно время были париками[4]); это не помѣшало имъ фактически и юридически распоряжаться ею, обрабатывать ее сообща съ протопопомъ митрополичьяго собора и отказывать ее въ монастыри.

---

4. Грамоты Новому монастырю на Хіосѣ.

Отъ того же столѣтія сохранился хрисовулъ Михаила Палеолога о владѣніяхъ хіосскаго монастыря Новаго (Νέα μονή)[5]). Въ числѣ метоховъ упомянутъ монастырь св. Георгія τῶν Καναλίων въ Велестинѣ, который продалъ землю монастырю Новой Петрѣ (см. ниже). Хіосская обитель имѣла много метоховъ, перечисленныхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко. Изъ числа ихъ имуществъ нужно отмѣтить: двухъ δουλευτοπάροικοι οἱ ἐν τῷ Ἐμπορίῳ προσκαθήμενοι (названы по имени); садъ Платаній съ пахотной и пастбищной землею и четырьмя δουλευτοπάροικοι, выкупленными у Кодрата и поселенными (προσκαθήμενοι) при названномъ садѣ; эти парики означены и въ практикѣ монастыря; расположенныя вокругъ монастыря ἀγρίδια, называемыя τὰ Ἀκρίτα; еще одно ἀγρίδιον; церковь св. Анастасіи съ двумя париками при ней; парики (προσκαθήμενοι) при Халазусіи съ

[1]) Patm. №№ 55, 56, 57, 58, 59, 60, a. 1214; № 58, a. 1236. Въ топоѳесіи Μούντηλα: № 71, a. 1250. Неизвѣстно, гдѣ: № 53, a. 1214.

[2]) Patm. № 69: ἥτις (στάσις) ἐτέλει εἰς τὸ δημόσιον τὴν ἀναγραφὴν τῶν Παλατίων βοϊδατικοῦ τέλους ὑπέρπυρον ἕν. Cf. № 98, a. 1278.

[3]) Patm. № 46, a. 1224 или 1209.

[4]) Ibid. p. 154: Νικήτας ὁ Κουλύκης ἔλεγεν ὅτι τῶν Λαμπώνων ἐστὶ γονικὸν καὶ δικαίῳ αὐτῶν ἐκαμνε τοῦτο ὁ Γουλίελμος κῦρις Θεόδωρος ὅτε εἶχεν αὐτοὺς κἀμὲ παροίκους.

[5]) Miklosich-Mueller, Acta, V, № 7, a. 1259.

дѣтьми ихъ; парики при метохѣ τῶν Σιδερούντων, изъ коихъ одинъ съ дѣтьми и при землѣ (ἐνυπόστατος), двое другихъ безъ земли (ἀνυπόστατοι).

Сохранился указъ императора Константина Мономаха, данный тому же Новому монастырю на Хіосѣ, по которому за монастырскимъ имѣніемъ τῶν Καλοθηκίων были записаны 24 парика, перечисленные въ грамотѣ[1]); парики были освобождены отъ казенныхъ и воинской повинностей[2]). По хрисовулу Никифора Вотаніата монастырю была пожалована подушная подать съ 15 іудейскихъ семействъ[3]).

---

5. Документы Монемвасійскіе, Янинскіе, монастырей Μέγα Σπήλαιον, Мирсиніотиссы, Фанарскаго, Хозовіотиссы, типикъ М. Атталіаты и др.

Болѣе краткій перечень церковныхъ имуществъ сохранился для Монемвасійской церкви въ хрисовулѣ Андроника II 1301 г. Онъ даетъ нѣсколько иной матеріалъ. Вмѣсто отдѣльныхъ участковъ (χωράφιον) поименованы села (χωρίον), части ихъ, а также отдѣльныя имѣнія (ἀγρίδιον, cf. προάστειον въ малоазіатскихъ дипломатаріяхъ, какъ напр. Лемвіотиссы), съ различными угодьями; и парики упомянуты при каждомъ имѣніи безъ поименованія[4]).

Въ нѣсколько болѣе ранней грамотѣ того же Андроника II 1293 г. встрѣчаемъ вмѣсто обычнаго χωρίον терминъ κώμη съ славянскимъ собственнымъ именемъ въ двухъ случаяхъ и съ греческимъ (gen. poss.) въ третьемъ[5]). Крестьяне (ἔποικοι) славянскихъ и иныхъ окрестныхъ селъ Монемвасіи должны были испрашивать разрѣшеніе для въѣзда въ эту крѣпость. Если они такимъ образомъ считались чуждымъ элементомъ, внушающимъ недовѣріе, то среди нихъ должно было преобладать чужеродное славянское населеніе, и ихъ χωρία мало могутъ имѣть значенія въ вопросѣ о формахъ быта населенія туземнаго[6]).

Подобный перечень, однако съ преобладаніемъ славянскаго элемента въ номенклатурѣ, представляютъ хрисовулы того же Андроника II Янинской церкви и

---

[1]) Miklosich-Mueller V, № 5, a. 1051.

[2]) Ἀτελεῖς καὶ ἀπηλλαγμένους οὕτως παντὸς βάρους καὶ στρατιωτικοῦ λειτουργήματος.

[3]) Ibid. № 6, a. 1079: πεντεκαίδεκα Ἰουδαίων φαμελιῶν κεφαλητίων.

[4]) Miklosich-Mueller, V p. 163—4: χωρίον ὁ Γαγκανέας μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ παροίκων καὶ ὑποστατικῶν . . . κτῆμα τὸ εἰς τὸ χωρίον τὰ Νόμια μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ παροίκων καὶ τῶν εἰς τὸ αὐτὸ χορίον καὶ εἰς τὰ Ταίρεια αὐτουργίων . . ἀγρίδιον τὰ Λυρὰ μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ παροίκων etc. . . . ἡ ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Πολλῶν Ξενίων ποσότης τῶν 25 ὑπερπέρων . . Ibid. χωρίον εἰς τὸν κάμπον λεγόμενον τὰ Ἐπισκοπεῖα μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ παροίκων, τῆς διαφεροῦσης τῇ ἐκκλησίᾳ γῆς . . τοῦ δρυμῶνος τοῦ ἰδιοπερίστως προσόντος . . τῇ . . ἐκκλησίᾳ ὡς τοῦ λοιποῦ παντὸς δρυμῶνος τοῦ ὑποκειμένου τῷ δημοσίῳ . . . χωράφια ἐν διαφόροις τόποις τοῦ Ἔλους . . . αὐτούργια . . εἰς τε τὸν Σώρακα κτλ. Zachariæ J. G.-R. III. 619—620.

[5]) κώμη ἡ καλουμένη Καστάνιτζα . . . . κώμην λεγόμενα Ζιντζινα . . . κώμης τοῦ Ἀρκασᾶ. Mikl.-M., V, p. 159—160. Zachariæ, J. G.-R. 613—614. Χώρα τοῦ Ἑλικοβουνοῦ ibid. № 5, 1405 г., 168 sq. cf. Zachariæ, J. G.-R. III 713 s. Въ области Редеста ἡ Ἄνω Σιλιοῦ κώμη σὺν τοῖς Θλαμίοις, хрисовулъ Михаилу Атталіатѣ, ibid. p. 145; χώρας Δημητσάνης ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῆς Μονοπόρου (въ еп. Лакедемона), ibid. p. 251, a. 964.

[6]) Ibid. № 7, p. 172. 173.

городу [1]). Въ хрисовулѣ 1319 г. жители Янины, называемые ἔποικοι καὶ πολῖται, ἔποικοι и καστρηνοί (cf. лат. cives et incolae), утверждаются во владѣніи 24 селами (χωρία), носящими почти исключительно славянскія имена, вмѣстѣ со всей территоріей, землями и лѣсами этихъ селъ. Во второмъ хрисовулѣ 1321 г. объ имуществахъ Янинской церкви перечень гораздо обстоятельнѣе. При селахъ со славянскими наименованіями въ нѣкоторыхъ случаяхъ названы и парики, къ нимъ приписанные [2]), всего 10 селъ или частей ихъ; затѣмъ перечисляются отдѣльные участки крестьянъ, носящія названія σιγιλλατίκιον такого-то въ селѣ такомъ-то [3]), или безъ имени собственника (всего 8); въ двухъ случаяхъ участки обозначены στασίον τοῦ Ἠλία и τοῦ Χασάνη. Третьимъ терминомъ для обозначенія крестьянскаго участка, заимствованнымъ изъ податной терминологіи, является στίχος какъ единица обложенія, иначе καπνός. Оба термина примѣнены къ дворамъ Влаховъ, расположеннымъ, вѣроятно внѣ сельскихъ территорій въ горахъ [4]).

Еще одинъ перечень имуществъ, именно греческаго монастыря Μέγα Σπήλαιον въ Пелопоннисѣ, содержится въ хрисовулѣ Іоанна Кантакузина 1350 г. [5]). Упомянутъ 1) метохъ при (селѣ) Лапатѣ съ париками, присельниками и пустующими дворами [6]), (собств. имуществами); метохъ возлѣ Вестицы; метохъ возлѣ Дронга (Δρόγκου) съ париками, присельниками и прочими владѣніями (δικαίων); возлѣ Монодендрія земли триста модіевъ; въ селѣ Врахни парики Димитрій и Константинъ пресвитеры (м. б. фамилія?) и Г. Варда — очевидно, съ ихъ участками; въ селѣ Думенѣ парики и пустующіе дворы, которыми монастырь владѣлъ прежде; возлѣ городка (καστέλλιον) св. Іоанна χειμάδιον, называемое Ламія, и другое такое χειμάδιον при (селѣ) Влогокицѣ съ прилежащимъ селомъ Пруссены (μετὰ τοῦ πλησιάζοντος ἐκεῖσε χωρίου.. τῆς Προυσσαίνης); принадлежавшая Латинамъ половина села Ависсены (другая оставалась во владѣніи частныхъ лицъ, Грековъ, и въ царскомъ владѣніи) съ пустующими дворами Карвона и Нифонта. Въ срединѣ XVIII в. перечисляются иныя имущества того же монастыря [7]), при чемъ вмѣсто χωράφιον является τόπος.

Другой перечень имуществъ сохраненъ въ документѣ XVI в., по которому Мануилъ Азалліанъ передалъ сыну, впослѣдствіи святому Игнатію, храмъ

---

[1]) Miklosich-Müller, Acta V, p. 82—83 и 84—87, a. 1319 и 1321.

[2]) χωρίον ἡ Βαλτζίστα . . . μετὰ καὶ τῶν ἐν αὐτῷ εὑρισκομένων ἀνθρώπων, τοῦ τε Λουκᾶ καὶ τοῦ Πολυτεχνᾶ καὶ τῶν συγγενῶν αὐτῶν.. χωρίον τὸ Σωστρούνι σὺν τῷ Μάρκῳ τῷ Τζέχλῃ, τῷ Ποθητῷ τῷ Βλαδιμήρῳ καὶ τοῖς συγγενέσιν αὐτῶν.

[3]) εἰς τὸ Λοζέτζι σιγιλλατίκιον τὸ τοῦ Σίμωνος.. ἕτερον σιγιλλατίκιον τῆς Βαλτρίστου μετὰ τῆς νομῆς αὐτοῦ καὶ τοῦ Δάκκου καὶ τοῦ Κούρβητα, ἕτερον σιγιλλατίκιον ἐξαλιμματαῖον εἰς τὴν Φοίνισταν... ἕτερον σιγιλλατίκιον τὸ στασίον τοῦ Ἠλίου.

[4]) στίχος Βλάχων οἱ Μουτζάδες, Κολονιάτης Βλάχος μετὰ τῶν στίχων αὐτοῦ, στίχοι τρεῖς Βλάχων τοῦ Χαλκία... Βλάχων καπνοὶ εἴκοσι σὺν τῷ Βισφτᾷ καὶ τῷ Λιγυρῷ.

[5]) Miklosich-Müller V, p. 191 sq. *Zachariae*, J. G.-R. III 730s. (1348 г.).

[6]) μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ παροίκων, προσκαθημένων τε καὶ ἐξαλειμματικῶν ὑποστάσεων.

[7]) Грамота патр. Паисія 1741 г., ibid. p. 205. Тоже въ патр. грамотѣ 1798 г., ibid. 221; p. 227, 1803 г.

Б. Матери Мирониотиссы съ недвижимостями, при чемъ приведены 4 его родовыхъ χωράφια въ различныхъ τοποθεσίαι [1]).

Еще одинъ перечень монастырскихъ имуществъ сохраненъ въ пергаменномъ свиткѣ, принадлежавшемъ прежде ѳессалійскому монастырю Метеорамъ, хранящемся нынѣ въ Аѳинской библіотекѣ и содержащемъ хрисовулъ Андроника II монастырю Милующей Богоматери возлѣ Фанарія, отъ того времени и для той же приблизительно мѣстности, какъ кодексъ Макринитиссы и Новой Петры, утвержденный по составленіи тѣмъ же Андроникомъ. Монастырь Фанарскій былъ основанъ знатной женщиной, женой севастократора Іоанна Дуки [2]). Перечень имуществъ Фанарскаго монастыря весьма кратокъ и содержитъ ссылку на монастырскіе практики. Онъ называетъ слѣдующія имѣнія монастыря: села (χωρία) Ликусада, гдѣ былъ построенъ самъ монастырь, Ватусіана, село возлѣ Триккалъ, Горіана, Магула и какія то родовыя поселенія [3]); метохи Ракса съ парикамн, поименованными въ монастырскихъ документахъ, Тристеникъ, св. Андрея съ землей Βλαχοκατοῦνα ἡ ἐπιλεγομένη Πρακτικάτους и св. Димитрія въ области Вунены [4]), оба съ париками и угодьями [5]).

Вмѣстѣ съ париками и холопями (δουλευταί) были пожалованы также метохи монастырю Б. Матери Хозовіотиссы на о. Аморгосѣ Никейскимъ царемъ Ѳедоромъ Ласкаремъ и его свойственникомъ паниперсевастомъ Загароммати, судя по хрисовулу Михаила Палеолога [6]); но документъ этотъ подложенъ. Относительно Загароммати напомнимъ дарственныя паниперсевасты Ирины Загароммати, сохраненныя въ кодексѣ Лемвіотиссы; ея фамильное имя передано намъ хрисовуломъ 1284 г. названному монастырю.

Сюда же присоединимъ перечни ѳракійскихъ имуществъ Михаила Атталіаты. Дошло три перечня, составленныхъ по поводу основанія имъ монастыря въ Константинополѣ и странноприимнаго дома въ Редестѣ: два въ началѣ и концѣ типика, составленнаго имъ для основанныхъ учрежденій въ 1077 г., и въ хрисовулѣ Никифора Ботаніаты 1079 г. [7]). Краткіе перечни эти, взаимно исправляя и дополняя свой текстъ, называютъ по преимуществу городскія недвижимости и усадьбы (αὐλή) [8]). Изъ имѣній и деревень названы: имѣніе Селокака съ Большимъ Селомъ (Μακρῷ Χωρίῳ), имѣніе Вандахора, св. Елена или деревня Верхняя Силіу — волошское

---

[1]) Miklosich-Müller, V, p. 231, a. 1527.

[2]) Miklosich-Müller, V, p. 255, a. 1289.

[3]) οἱ Σιμισαράτοι λεγόμενοι σὺν τῇ ἐκεῖσε γῇ τῶν Λιβαχώτων καὶ Ταρωνάτων.

[4]) Ἐν τῷ θέματι. Слово θέμα употреблено, повидимому, въ смыслѣ θέσις или τοποθεσία.

[5]) Ср. любопытнѣйшій документъ 1293 г., выданный ѳессалійскимъ деспотомъ Гавриилопуломъ гражданамъ Фанара, Miklosich-Müller V p. 260 sq., съ извѣстнымъ хрисовуломъ городу Янинѣ, ibid. p. 78 sq. Жалованныя грамоты Цалеологовъ 1427, 1428 и 1450 гг., выданныя Г. Гемисту и его сыновьямъ на владѣніе городомъ (κάστρον) Фанаромъ и селомъ Вриси, на подати и доходы съ жителей (ἐποικοι) города и страны (χώρα) Фанара: *Trinchera,* Syllabus graecarum membranarum, Neapoli 1865, p. 533—539.

[6]) Miklosich-Müller, V, p. 250.

[7]) Оба документа напечатаны въ сборникѣ Миклошича и Миллера, т. V.

[8]) τοῦ Ἀρχολύκη, τοῦ Κεντάρχου, τοῦ Μεταξᾶ, τὰ Βαβούχου ἤτοι τοῦ Λιβός etc.

поселеніе [1]); Бѣлая (деревня) Армянъ [2]), и имѣнія въ Месокомѣ [3]). Еще менѣе даетъ намъ списокъ доходовъ монастыря Кехаритомены, основаннаго Ириной Дукеной, приложенный въ концѣ ея типика [4]), такъ какъ онъ касается подгородныхъ виноградниковъ и домовъ въ Константинополѣ. Перечислены владѣльцы виноградниковъ и дома съ показаніемъ ежегодной аренды (τέλος, χρυσοτέλεια)[5]).

---

6. Хрисовулъ Трапезунтскаго монастыря Сумелы.

Хрисовулъ 1364 г. Мѣстныя особенности: наслѣдственные дворы париковъ и гоникаріевъ внутри помѣщичьихъ стасей. Административно-податной округъ καπάλιον — село Дувера, стр. 168—170.

Перечень вотчинъ (γονικὰ κτήματα) и париковъ трапезундскаго монастыря Сумелы, данный въ хрисовулѣ Алексѣя Великаго Комнина 1364 г., содержитъ значительныя особенности терминологіи [6]) и территоріальнаго устройства.

Монастырь Сумела имѣлъ вотчины: въ округѣ Гимора́ (ἐν τῷ βάνδῳ Γημωρᾶς), въ имѣніяхъ (στάσεις) Космы изъ рода Алексантовъ и въ разныхъ другихъ, всякія вотчины (γονικὰ κτήματα), купленныя и пожалованныя царемъ Василіемъ, отцомъ Алексѣя, даровавшаго хрисовулъ; въ имѣніи (στάσις) Мохлантовъ участки τὰ Τζαχιανέσια, Πιτζελέσια и Κοντητέσια (т. е. дворы Цахіановъ, Пицели и Кондовъ?) и въ мѣстности Пиргоѳесіи въ области Діокенѣ (τὰ εἰς τὰ Πυργοθέσια ἐν τῇ Διοκαινῇ) участки или дворы Ἀλετζέσια и Βονεξικέσια, также подаренные отцомъ царя Алексѣя; затѣмъ въ томъ же имѣніи (στάσις) Мохлантовъ наслѣдственный участокъ (γονικεῖαν) Сокана и его брата священника Георгія, пожалованный самимъ царемъ Алексѣемъ. Далѣе монастырь владѣлъ въ селѣ Хара́ (ἐν τῷ χωρίῳ Χαρᾶ) вотчинами и царскими пошлинами (γονικὰ κτήματα... συνήθη βασιλικά) по указамъ прадѣда и прабабки Алексѣя, Іоанна Великаго Комнина и Евдокіи Палеологины. Въ селѣ Кинцикера Алексѣемъ была пожалована купленная имъ вотчина великаго дуки Іоанна Евнуха [7]). Въ вышеупомянутомъ округѣ или полку Гимора двѣ семьи париковъ были приписаны къ Сумелѣ; но главнымъ его владѣніемъ было село Δουβερά, подаренное съ живущими тамъ париками и старожилами-крестьянами [8]). Также крестьяне Куспидія и другихъ окрестныхъ деревень, Коры и св. Константина, были пожалованы въ парикію и

---

[1]) ἡ Ἁγ. Ἑλένη ἤτοι ἡ Ἄνω Σιλιοῦ κώμη σὺν τοῖς Θλαμίοις.

[2]) ἡ Λεύκη τῶν Ἀρμενίων.

[3]) τὰ ἐν τῷ Μεσοκόμῳ προάστεια.

[4]) Mikl.-Müll. V, p. 389—391.

[5]) Ἐπέτειον τέλεσμα за виноградникъ церкви св. Евфиміи возлѣ Халкидона: Miklosich-Müller, II 370. Ἐτήσιον τέλος за частный огородъ въ Константинополѣ, ibid., II 497. Мортиты въ патріаршемъ χωρίον τοῦ Οἰκονόμου ibid., II 62; μορτή на земляхъ Солунскаго монастыря Ἀκαπνίου, ibid., II 520.

[6]) Miklosich-Müller, V, p. 275—280. Ἡ θεῖα καὶ ἱερὰ Ἀκολουθία.. Βαρνάβα καὶ Σωφρονίου.. παρὰ Νεοφύτου Πελοποννησίου τοῦ Καυσοκαλυβίτου. Ἐν Λειψίᾳ 1775, 4°.

[7]) ἐν τῷ χωρίῳ Κιντζικερᾶ τὴν ἀγοραστικὴν γονικείαν τοῦ μεγάλου δουκός κτλ.

[8]) τὸ χωρίον ἡ Δουβερὰ μετὰ τῶν ἐν αὐτῇ προσκαθημένων παροίκων καὶ γονικαρίων.

владѣніе Сумелы [1]) съ освобожденіемъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей [2]), равно какъ и всѣ земли, связанныя съ Дуверой по круговой порукѣ и по проніи [3]). Всѣ дворы монастырскихъ париковъ въ селѣ Дуверѣ и окрестностяхъ, числомъ сорокъ, поименованы въ хрисовулѣ 1364 г. Всѣ они пожалованы въ собственность монастыря [4]). При этомъ названные монастырскіе парики освобождались, по полному положенію иммунитета [5]), отъ царскихъ податей и повинностей, приговоровъ и взысканій дукъ, практоровъ, катепановъ [6]), только должны были вносить въ царскую казну въ два семестра то, что вносилось царскими начальниками, архонтами и податными инспекторами καπαλικῶς [7]).

Что такое καπαλικῶς, нѣсколько уясняется слѣдующей непосредственно фразою хрисовула: если же сверхъ названныхъ париковъ придутъ изъ другихъ мѣстъ люди не извѣстные царскому катастиху (казенной податной книгѣ), и поселятся на земляхъ монастыря, то и они подобнымъ же образомъ будутъ освобождены отъ податей и будутъ записаны внутри опредѣленнаго καπάλιον — округа или волости [8]). Что этотъ терминъ имѣетъ значеніе округа, притомъ служащаго для цѣлей податной организаціи, видно изъ другого мѣста хрисовула, гдѣ сказано, что царемъ Алексѣемъ пожаловано монастырю изъ *капалія* (монастырскаго села Дувера) двѣсти серебряныхъ монетъ, и кромѣ того, изъ того же самаго *капалія* еще 300 монетъ на содержаніе гарнизона укрѣпленій Сумелы [9]).

Принимая во вниманіе, что село Дувера принадлежало Сумелѣ со всѣми париками и территоріей какъ самого села, такъ и прилежащихъ деревень Куспидія, Криныі, св. Константина, со всѣми землями, связанными съ собственной территоріей Дуверы въ силу обложенія и пожалованія (τὰ ἀλληλέγγυα καὶ προνοιαστικὰ δίκαια), можемъ полагать, что *капалій* Дуверы тожественъ съ округой или волостью Дуверы, составляя одну изъ сложныхъ единицъ или звеньевъ Трапезундской административной системы. Суммы, отпущенныя монастырю Сумелы изъ *капалія* Дуверы, составлялись изъ семестровыхъ платежей, поступавшихъ отъ монастырскихъ париковъ καπαλικῶς, — и отъ всѣхъ лицъ, приписанныхъ къ названному καπάλιον. — Тѣмъ же

[1]) ἀνετέθησαν εἰς παροικίαν καὶ διακράτησιν .. Σουμελᾶς.

[2]) φορολογήματα καὶ τὰ λοιπὰ δημοσιακὰ ζητήματα αἱ. ἀπαιτήσεις.

[3]) καὶ τὰ ἀλληλέγγυα καὶ προνοιαστικὰ δίκαια. Возможно иное пониманіе текста.

[4]) ὑπὸ τῇ ἐπικρατείᾳ καὶ ἐξουσίᾳ καὶ κυριότητι. Сборщикамъ казенныхъ податей страны (χώρας) Мацукаевъ тѣмъ же хрисовуломъ было воспрещено подвергать париковъ вымогательствамъ и отчуждать ихъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ, ibid. p. 278.

[5]) κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφάλαιον.

[6]) ἐκ πάντων τῶν κατὰ χώραν ἐπερχομένων βασιλικῶν φορολογημάτων καὶ ἀπαιτήσεων... καὶ ἀπ' αὐτῶν δὴ τῶν δουκικῶν κρίσεων καὶ ἐνεργειῶν καὶ λοιπῶν πρακτορικῶν καὶ κατεπανικῶν ἐπηρειῶν καὶ ἀπαιτητικῶν ζητημάτων.

[7]) μόνα δὲ, ἵνα τελέσωσιν εἰς τὸ βεστιάριον τῆς βασιλείας μου, διὰ δύο τοῦ ἔτους καταβολῶν, ὅσα δῆτα κατετέθησαν καπαλικῶς παρὰ τῶν ἀρχόντων καὶ ἐξισωτῶν αὐτῆς.

[8]) καὶ ἐάν τινες ἐπέκεινα τῶν εἰρημένων παροίκων ἔλθωσιν ἀλλαχόθεν ἀνεπίγνωστοι τοῦ βασιλικοῦ καταστίχου, καὶ προσκαθήσωσι ἐν τοῖς τόποις τῆς μονῆς, καὶ αὐτοὶ τὸν ὅμοιον ἐξκουσσευθήσονται τρόπον, καὶ ἐντὸς τοῦ τεταγμένου καταγραφῶσι καπαλίου.

[9]) p. 278: ἀπεχαρίσθη καὶ ἀπὸ τοῦ καπαλίου τῆς Δουβερᾶς ἄσπρα διακόσια, καὶ πάλιν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ καπαλίου ἕτερα ἄσπρα τριακόσια πρὸς τὴν τοῦ κάστρου φύλαξιν.

хрисовуломъ давалось монастырю право набирать изъ своихъ париковъ отрядъ для защиты монастырской крѣпости.

Въ другомъ трапезундскомъ хрисовулѣ, Мануила Комнина 1297 г., находимъ краткое подтвержденіе за монастыремъ Предтечи на горѣ Завулонъ близь лежащихъ деревень [1]), но документъ, повидимому, подложенъ.

---

7. Практикъ Кефалонійской церкви.

Χωράφιον какъ территоріальная единица, стр. 170; χωρίον, 171; парики, 172. Краткій перечень париковъ Керкирской церкви, ib.

Практикъ кефалонійской церкви состоитъ изъ нѣсколькихъ частей: 1) собственно практика или ἀναγραφή пахотныхъ полей Кефалонійской епископіи, въ округахъ Паликіи, Авлона, Ѳисіи, всего на 425 модіевъ слишкомъ; затѣмъ полей монастырей Есдры, Леонта; виноградниковъ епископіи и названныхъ монастырей, наконецъ, париковъ епископіи, — этотъ основной практикъ составленъ въ 1262 г.; 2) изъ прибавленій къ практику 1262 г.: земли и виноградники св. Ѳеодора въ Лименіи и др. (rubr. ἀρχὴ τοῦ Θεοδώρου), поля епископіи Леонидіады, поля епископіи (той же самой) въ сторонѣ Краніи, поля св. Безсребренниковъ; потомъ въ Ираклiи поля монастыря св. Георгія и поля общей проніи названнаго монастыря и епископіи; далѣе, земли монастыря Богородицы Атрской; наконецъ, парики всѣхъ названныхъ монастырскихъ проній: Анаргировъ, св. Георгія, Атрскаго, Пеонады (монастыря св. Ѳеодора), τοῦ Λιβάνθου (его же, cf. p. 47) и Краніи, кончая находящимися въ бѣгахъ. Таково общее содержаніе громаднаго документа, хранящагося въ церкви Богородицы въ Занте [2]). Матеріалъ, заключенный въ практикѣ Кефалонійскихъ церквей, по своей обширности требуетъ спеціальнаго изслѣдованія съ точки зрѣнія статистики и топографической терминологіи. Матеріалъ этотъ, впрочемъ, весьма однообразенъ.

Территоріальной единицей является χωράφιον (также ἀμπέλιον, ἐξάμπελος, περιβόλιον). Въ этомъ словѣ соединяются два значенія: *пашня* (потому χωράφιον не совмѣстно съ ἀμπέλιον) и участка земли; и оба значенія совмѣщены въ терминѣ χωράφιον нераздѣльно во многихъ сотняхъ случаевъ на протяженіи практика. Χωράφιον можетъ быть или ἰδιοπεριόριστον, т. е. не стоять съ сосѣдними участками ни въ какой связи, или же быть πλησίον и σύνεγγυς другихъ. Лучше всего это видно изъ одного случая, когда монастырское χωράφιον является въ верхней своей половинѣ ἰδιοπεριόριστον, въ нижней же имѣющимъ связь съ участкомъ сосѣда, т. е. составлявшимъ прежде одно цѣлое; права близости указаны не смотря на то, что и верхній, и нижній участокъ стали двумя половинами одного и того же

---

[1]) τὰ σύνεγγυς γειτνιῶντα κωμήδια μετὰ τῶν παροίκων.

[2]) Acta insularum ionicarum, Miklosich-Mueller V, p. 16—67.

монастырскаго χωράφιον[1]). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ χωράφια являются соединенными съ другими сосѣдствомъ, и потому указаны прилежащіе участки. Носятъ они обыкновенно имена (прежнихъ) владѣльцевъ[2]). Кромѣ сосѣдей указывается *мѣстность*, гдѣ лежали χωράφια, называемая τοποθεσία, περιοχή и др. Участки крайне дробны и мелки, начинаясь съ половины модія и доходя до десяти или свыше. Что χωράφιον имѣетъ въ практикѣ также значеніе (отдѣльнаго) участка земли, а не исключительно пашни, указываетъ рядъ случаевъ, когда частью χωράφιον называется ἀγρός[3]). Мы затруднились бы въ этихъ мѣстахъ перевести слово ἀγρός иначе, какъ пашня; во всякомъ случаѣ χωράφιον имѣетъ здѣсь смыслъ территоріальной, притомъ сложной единицы, означаетъ скорѣе отдѣльное имущество. До перехода въ церковное владѣніе χωράφια были частью въ рукахъ знатныхъ лицъ, напр. κυρίου Ἀρταβάσδου, въ большинствѣ же случаевъ ихъ прежними собственниками называются лица безъ всякаго титула. Такъ какъ участки малы, значительно меньше, напримѣръ, тѣхъ, которые принадлежали крестьянамъ въ окрестностяхъ монастыря Лемвіотиссы, то мы можемъ этихъ собственниковъ простого званія считать крестьянами. Неравномѣрность участковъ и отсутствіе всякихъ признаковъ, указывающихъ, что они когда либо образовались путемъ равномѣрнаго или какого иного одновременнаго дѣлежа территоріи, заставляютъ отрицательно отнестись къ предположенію, что χωράφια могли быть надѣлами.

Намъ даже не видно, чтобы всѣ χωράφια входили въ составъ территоріи извѣстнаго села. Не замѣтно, чтобы совокупность χωράφια составляла сельскую округу. Слово χωρίον попадается въ памятникѣ рѣдко; и такъ какъ во всѣхъ почти случаяхъ оно употреблено съ цѣлью опредѣлить принадлежность извѣстнаго χωράφιον къ своей округѣ и мѣстоположеніе участка, то во всей подавляющей массѣ случаевъ, когда χωράφιον названо безъ всякаго χωρίον, остается предполагать, что χωράφιον является лишь связаннымъ съ нѣкоторыми другими близостью по сосѣдству или по прежнимъ ихъ судьбамъ; и такимъ образомъ принадлежность къ сельской территоріи остается въ лучшемъ случаѣ не доказанной[4]). Въ большинствѣ

---

[1]) Πρακτικὸν Κεφαληνίας, Miklos.-Muell. V, p. 57: ἕτερον (χωράφιον)... ἐν τῇ περιοχῇ τῶν Δισπάρδων τοῦ Πηγαδίου τὸ ἄνω καὶ τὸ κάτω, τὸ μὲν τὸ ἄνω ἐστὶν ἰδιοπεριόριστον, τὸ δὲ κάτω ὑπάρχει χωράφιον τοῦ Καμίτζη, μοδίων η'.

[2]) Напримѣръ: ἕτερον εἰς τὴν αὐτὴν περιοχὴν λεγόμενον τοῦ Καλοδράτου καὶ πλησίον χωραφίου τοῦ Σφιλιχοῦρδο καὶ τοῦ Μανδακίου.

[3]) Ibid. p. 48: χωράφιον τῶν Ἀγρίων . . . ἔχει καὶ ἀγρὸν κατὰ ἀνατολάς . . . χωράφιον τῶν Λακκίων . . μοδίων 6'· ἔχει δὲ καὶ ἀγρὸν κατὰ ἀνατολὰς μέχρι τῆς κορυφῆς τοῦ ὄρους . . . χωράφιον εἰς τὴν τοποθεσίαν τοῦ Δροσεροῦ Δρυὸς... ἔχει δὲ καὶ ἀγρὸν κατὰ ἀνατολὰς μέχρι τῆς κορυφῆς τοῦ ὄρους... ἕτερον... ἔχει κατὰ ἀνατολὰς ἀγρὸν πολύν; p. 49: ἕτερον χωράφιον . . ἰδιοπεριόριστον . . . ἔχει καὶ ἀγρὸν ὡς πρὸς δύσιν κάτωθεν τῆς ἀκροτόμου πέτρας, μοδίων λ' ἄνευ τῶν ἀγρῶν; cf. p. 65: χωράφιον . . . γυρίζει κάτωθεν τοῦ Μηνίστρου σὺν τοῦ ἀγροῦ. Ibid., ἕτερα χωράφια ἀποπέρα τῆς ἁγίας Ἀναστασίας τοῦ Καμίνου σὺν τοῦ ἀγροῦ μέχρι τοῦ Τρυκώλη.

[4]) Ibid. p. 29: χωράφιον . . . εἰς τὸ χωρίον τῶν Ἰλάρων τὸ λεγόμενον τὸ Αὐράματον; p. 30: χωράφιον ἐν τῷ χωρίῳ τῆς Σφάκας τοῦ Λαγκαδῆα; p. 60: χωράφιον . . ἐν τῷ χωρίῳ τοῦ Ἀριστοφάντου; p. 41: ἀμπέλι εἰς τὸ δυσικὸν μέρος χωρίου τοῦ Σκινέως . . ἕτερον τὸ κατὰ ἄρκτον κείμενον τοῦ χωρίου τὸ σύνεγγυς τοῦ ἀμπελίου τοῦ Τακρί. Cf. p. 43: ἀμπέλι ἐν τῇ περιοχῇ τοῦ Σκινέως; p. 25: ἕτερον (χωράφιον) τοῦ ἁγίου Παγκρατίου τὸ πλη-

приведенныхъ въ примѣчаніи текстовъ χωρία являются съ названіями, указывающими на ихъ частновладѣльческое происхожденіе. Какъ говорится о χωρίον τοῦ Σκινέως, такъ и о χωράφιον τοῦ Σκινέως[1]).

Въ концѣ основного и дополнительнаго текста практика Кефалонійскихъ церквей помѣщены списки париковъ. Въ первомъ случаѣ перечислены семьи париковъ „изъ тяглыхъ", обязанныхъ служить со своимъ потомствомъ до послѣдняго издыханія[2]). Не при всѣхъ семьяхъ означена подать, взимаемая съ нихъ лично (ἐν αὐτῷ, ἐν ἀμφοτέροις). Послѣ нѣкоторыхъ именъ стоитъ отмѣтка: эти безъ подати[3]). Подать простирается до 4 и даже до 8 γκελλία. Сказанное относится къ первой группѣ семействъ, названныхъ людьми тяглыми[4]). Вторую группу составляютъ οἱ ἔκπαλαι ἀρχαιοπάροικοι, при которыхъ подати не означено. Среди крестьянъ много клириковъ. Семьи Кефалонійскихъ париковъ весьма многочисленны, въ сравненіи напр. съ париками принадлежавшаго Лемвіотиссѣ села Вари: на 37 семействъ записано мужескаго и женскаго пола 202 души, т. е. болѣе 5 душъ на дворъ; попадаются семейства въ 16, 17 душъ и даже въ 23, у жившихъ нераздѣльно сыновей попа Лазаря.

Въ концѣ дополненій къ практику 1262 г. перечислены парики *проніи* монастыря св. Безсребренниковъ (6 дворовъ), проніи монастыря св. Георгія (7) проніи монастыря Б.-Матери τῆς Ἄτρου (4 двора); монастыря св. Θеодора, проніи Пеонады (9); проніи Ливанеа (7), проніи Краніи (6); бѣглые парики архіерея (4 или 5 дворовъ). Изъ числа этихъ париковъ нѣкоторые означены съ податью до 8 γκελλία. Нѣсколько случаевъ совмѣстнаго хозяйства нераздѣленныхъ братьевъ, многочисленность ставшихъ фамильными именъ Σθλάβος и Κούμανος, также большой процентъ клириковъ, обращаютъ на себя вниманіе. О многочисленныхъ парикахъ и агіодулахъ, пожалованныхъ, повидимому, безъ земли Комнинами Керкирской церкви, читаемъ въ краткомъ перечнѣ, дошедшемъ на мраморной плитѣ съ грамотой Θеодора Ангела, царя Эпирскаго[5]).

σίον καὶ σύνεγγυς τοῦ Παλαιοῦ χωρίου; p. 28: ἕτερον στάσιον ἐν τῇ περιοχῇ τῆς Σάμου ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Λευκοῦς χωρίου; p. 30: ὁδὸς τοῦ χωρίου, p. 33: εἰς τὴν πρόκαμαν τοῦ χωρίου.

[1]) Ibid. p. 60. Ср. по имени семьи Дронговъ (p. p. 30, 36, 37, 39, 42) названо χωράφιον τῶν Δρόγγων ἀπ' ἀφιερώσεως ἐκείνου τοῦ Βλάχου, p. 27. Cf. 34, 36, 37, 39. Δαχίδη τοῦ Δρόγγου 38; Δρογγαράκαν 38, Δρογγαρικόν 40, 41.

[2]) Ibid. 44: ὀφείλουσι προσμένειν καὶ ἐκδουλεύειν τῇ ἁγιωτάτῃ ἐπισκοπῇ ἕως ἐσχάτης αὐτῶν ἀναπνοῆς αὐτοί τε καὶ οἱ παῖδες . . . μέχρις ἂν ἐξ αὐτῶν συνίστανται κατὰ γενεὰν κατερχόμενοι πάντες.

[3]) οὗτοι ἄνευ τέλους.

[4]) ἄνθρωποι οὓς κατέχει ἡ ἁγ. ἐπισκοπὴ ἀπὸ τῶν ὑποτελῶν.

[5]) Miklosich-Mueller V, p. 14—15; литература о памятникѣ указана тамъ же.

8. Кодексъ Макринитиссы и Новой Петры.

Характеръ кодекса, 178. Ктиторы Маліасины, ib. Метохи и парики Макринитиссы, 174. Метохи Новой Петры, 176. Село Дріанувена, 177. Родовая стась парика Архонтицы и сеньеріальныя права Маліасина, ib. Приговоръ париковъ Дріанувены о переложеніи на нихъ тягла двора Архонтицы, 178. Приговоръ не свидѣтельствуетъ объ общинномъ владѣніи и не исходитъ отъ свободной общины, 179. Стась Сиропулины, 180. Прочія крестьянскія продажи, 181.

Переходимъ къ извѣстному монастырскому дипломатарію, относящемуся къ XIII вѣку, напечатанному въ IV томѣ изданія Миклошича и Мюллера и изученному В. Г. Васильевскимъ въ его много разъ упомянутой статьѣ. Кодексъ соединенныхъ монастырей Макринитиссы и Новой Петры переноситъ насъ въ Ѳессалію въ мѣстность залива Воло. Эта страна была захвачена славянской колонизаціей, несмотря на которую аграрныя условія остаются, какъ увидимъ, тѣже, какъ возлѣ Смирны и Милета.

Кодексъ Макринитиссы дошелъ уже въ обработанномъ видѣ и носитъ явные слѣды редакціи. Документы расположены въ извѣстномъ порядкѣ: хрисовулы и указы Михаила Палеолога (№ № 1—5) и аргировулъ его брата Іоанна (№ 6); двѣ грамоты мѣстныхъ деспотовъ Дукъ (№ № 7 и 8); патріаршія грамоты и постановленія, синодальное и епископское, о правахъ и владѣніяхъ обоихъ монастырей (№ № 9—18); далѣе помѣщены приказы севастократора, потомъ деспота, царскаго брата Іоанна Палеолога о различныхъ недвижимостяхъ монастыря (№ № 19—24); послѣдующіе документы (№ № 25—42) относятся исключительно до различныхъ метоховъ и угодій обоихъ монастырей, изъ нихъ выдѣляется группа актовъ продажи и пожертвованія со стороны жителей селъ Дріанувены и Велестина (№ № 27—33). Документы относятся къ ограниченному промежутку времени отъ 1245 (1230?) до 1278 г. Редакторъ кодекса не только расположилъ акты въ извѣстномъ порядкѣ и перенумеровалъ сходные, но и вставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прозаическія или стихотворныя вступленія и эпилоги не безъ значенія. Въ концѣ кодекса читаемъ стихи логоѳета τῶν ἀγελῶν о составленіи сборника ктиторомъ монастырей Іоасафомъ изъ семьи Маліасиновъ и о поднесеніи его на утвержденіе императора; слѣдуютъ подписи Андроника Палеолога и патріарха Іоанна.

Ктиторами обоихъ монастырей является семья Маліасиновъ (Мелиссиновъ); и все содержаніе кодекса относится ко времени ктиторства его составителя Николая, въ монашествѣ Іоасафа, Комнина Маліасина и его супруги изъ рода Палеологовъ Анны. Изъ двухъ обителей, которымъ принадлежитъ кодексъ, Макринитисса была выстроена[1]) отцомъ Николая и называется родовымъ или унаслѣдованнымъ его монастыремъ[2]); другой же, сначала женскій, потомъ мужской, былъ основанъ его

---

[1]) Cf. Macrin. № 16, p. 375: ἧς δομήτωρ ὁ τούτου (Νικολάου τοῦ Μαλιασηνοῦ) πατήρ. № 22, a. 1268: ἐκ βάθρων ἀνεγερθείσης.

[2]) Macrin. № 3, a. 1275? τήν τε διαφέρουσαν αὐτῷ γονικόθεν περὶ τὸ ὄρος τῶν Δρόγγων διακαμένην καὶ τιμωμένην εἰς ὄνομα τῆς . . . θεομήτορος τῆς ἐπικ. Μακρινιτίσσης καὶ Ὀξείας Ἐπισκέψεως. Cf. № 1, № 2, p. 335; № 6, p. 342 etc.; № 10, p. 357 sq.

женою Анною при селѣ Дріанувенѣ[1]); по преобразованіи второго монастыря въ мужской, онъ былъ соединенъ съ первымъ подъ ктиторской властью сына Іоасафа и Анны, съ сохраненіемъ автономіи и отдѣльнаго имущества[2]), при чемъ обоимъ монастырямъ вмѣстѣ былъ отданъ Михаиломъ Палеологомъ Солунскій монастырь Спасителя τοῦ Λατόμου, на правахъ общаго метоха[3]). Такъ какъ прочія имущества обоихъ монастырей были пріобрѣтены не совмѣстно и послѣ ихъ объединенія не стали общими, то содержаніе кодекса легко разлагается на двѣ части — на документы относящіеся къ Макринитиссѣ и на документы Новой Петры.

Отстроенный Константиномъ Маліасиномъ при участіи епископа Димитріады монастырь Богородицы Макринитиссы былъ признанъ епископомъ не зависимымъ отъ мѣстной архіерейской власти и подчиненнымъ непосредственно Константинопольскому патріарху[4]). Въ 1246 г. деспотъ эпирскій Михаилъ Дука пожаловалъ строителю Макринитиссы хрисовулъ на владѣніе обителью кира Иларіона въ области Алмира[5]), со всѣми угодьями, виноградниками, пашнями, садами, мельницами и прочею недвижимостью, причемъ съ жалуемаго монастыря кира Иларіона была сложена поземельная подать (ἀκροστιχικὰ τελέσματα или ὑπὲρ ἀκροστιχικοῦ τέλους) въ $21^2/_3$ иперпира. Объ этомъ извѣщались податные чиновники, которые должны были, повидимому, получать на эту сумму съ Маліасина письменное свидѣтельство, что она не была взыскана[6]). Сынъ названнаго деспота Никифоръ Дука выдалъ сыну ктитора Николаю аргировулъ на владѣнія Макринитиссы, изъ которыхъ первымъ упомянутъ въ качествѣ метоха означенный монастырь кира Иларіона, приписанный Маліасинами въ Макринитиссѣ[7]). До того однако было время, когда названный метохъ съ приписанной къ нему землею до 500 модіевъ былъ отторгнутъ отъ Макринитиссы тѣми же деспотами Дуками, какъ видно изъ грамоты противника Дукъ севастократора Іоанна, брата Михаила Палеолога[8]). Отъ этого Іоанна, ставшаго уже деспотомъ, дошла вторая грамота на метохъ Иларіона 1268 г., гдѣ сказано, что на метохѣ и на присельникахъ — „бѣднякахъ" и виноградаряхъ, лежала подать въ $23^2/_3$ иперпира, да на приписанныхъ виноградникахъ еще 10 иперпировъ[9]), сложенныхъ Никифоромъ Дукой въ упомянутомъ аргировулѣ[10]). Воз-

[1]) Ibid. ἐξ αὐτῶν βάθρων ἀνοικοδομηθεῖσαν καὶ διακαιμένην ἐπάνω τοῦ ὄρους τῆς Δρυανουβαίνης τὴν καὶ ἐπ' ὀνόματι τιμωμένην τοῦ τιμίου μου Προδρόμου τῆς Νέας Πέτρας. Cf. № 2, № 4, № 5 etc. № 11, p. 361 sq. № № 13, 14 etc.

[2]) Macrin. № 3, p. 339; cf. № 15, p. 375 s. и др.

[3]) Macrin № 3, a. 1275?

[4]) Macrin. № 18, a. 1246 или 1230.

[5]) Macrin. № 7, p. 346: διακείμενον . . ὑπὸ τὴν περιοχὴν τῶν Ἀλμυρῶν κατὰ τὴν οὐτωσί πως λεγομένην τοῦ Τροπαιοφόρου ἐπίσκεψιν. Повидимому, здѣсь ἐπίσκεψις употреблено въ смыслѣ τιτοθεσία.

[6]) p. 348: (ὑπέρπυρα) δέχεσθαι ὀφείλουσι τοῖς κατὰ καιροῖς ἐνεργοῦσι τὴν χώραν τοῦ Ἀλμυροῦ ἐν καιροῖς τῶν λογαριασμῶν διὰ σημειώδους ὁμολογίας τοῦ Μαλιασηνοῦ, δηλούσης ἐαθῆναι τὰ τοιαῦτα νομίσματα ἀναπαίτητα.

[7]) Macrin. № 8, a. 1266.

[8]) Macrin. № 19, a. 1259?

[9]) Macrin. № 22, a. 1268.

[10]) Macrin. № 8, a. 1266, p. 351.

вращаясь къ этому послѣднему документу, находимъ далѣе въ числѣ владѣній Макринитиссы село Грены (τῆς Γρεπσοῦς) верхнее и нижнее, съ приписанными къ нему парниками и угодьями (перечислено 6 участковъ), и въ *балтѣ* села Грены шесть рыбачьихъ ладей съ рыбаками. Вмѣсто земли при метохѣ Грены, залитой вышедшимъ изъ береговъ *балтомъ*, монахи выпросили монастырекъ св. Димитрія при селѣ Мегали, составлявшій отдѣльную территорію (ἀμέτοχον), съ согласія ктитора[1]). Владѣлецъ села Мегали кесарь Стратигопулъ выдалъ съ своей стороны подтвердительную грамоту на новый метохъ Макринитиссы[2]). Далѣе аргировулъ перечисляетъ: метохъ св. Онуфрія, первое достояніе Макринитиссы[3]), съ парниками и угодьями, затѣмъ нѣсколько усадебъ, виноградниковъ и пашенъ, лежащихъ внѣ перечисленныхъ выше имѣній, Влаховъ парниковъ внѣ (за оградой?) Макринитиссы, три водяныя мельницы. Изъ означенныхъ земель однѣ названы по владѣльцамъ[4]), другія имѣютъ собственное женскаго рода имя, частью явно славянскаго происхожденія[5]). Дальнѣйшими метохами Макринитиссы являются село Капрена, оцѣненное суммою въ 50 иперпировъ и пожалованное деспотомъ Іоанномъ Палеологомъ въ аргировулѣ около 1270 г.[6]), съ освобожденіемъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей (перечисленъ рядъ повинностей, переложенныхъ на деньги)[7]). При селѣ Капренѣ на озерѣ двѣ ладьи-однодеревки съ ихъ собственниками рыбаками тоже были освобождены отъ всякихъ сборовъ, взимаемыхъ казенными πακτωνάριοι. Село Капрена находилось до пожалованія во владѣніи двухъ Цеконовъ, Христофора и Папаниколопула, которымъ дано было равноцѣнное имущество[8]). Еще одно частновладѣльческое село поступило въ собственность монастыря изъ родовыхъ владѣній Маліасиновъ[9]). Это самое село называется въ синодальномъ патріаршемъ постановленіи имѣньемъ (ἀγρίδιον) при пустынѣ Расусѣ, построенной на земляхъ Маліасина и отданной также Макринитиссѣ ея игуменомъ[10]). Тотъ же самый, повидимому, іеромонахъ Ѳеодосій является архимандритомъ обители Хармена у подножія г. Киссава (Оссы), передающимъ свой монастырь братіи Макринитиссы на правахъ метоха, вмѣстѣ съ тремя парниками, платящими подать (τέλος) 4 иперпира, четырьмя волами и прочимъ инвентаремъ. Парники приписаны были тѣмъ

---

[1]) Macrin. № 21, a. 1268.

[2]) Macrin. № 25, a. 1271.

[3]) Macrin. № 9, a. 1256.

[4]) γῆν ἅπασαν τῶν Πολιτικῶν, τὴν ὑπόστασιν τοῦ Βαστάρχου, τὴν ὑπόστασιν Ῥοβανθίνης.

[5]) Καλέτζαν, Κατσοῦναν (?), Πλαίνηνῆν, Βούλοβα.

[6]) Macrin. № 6, a. 1270: χωρίον τὴν Κάπραιναν τὸ εἰς ποσότητα περιιστάμενον ὑπερπύρων πεντήκοντα.

[7]) Ἀπὸ πάντων τῶν δημοσιακῶν ζητημάτων καὶ κεφαλαίων, ἐξ ὧν καὶ τινα ῥηθήσονται κεφαλαιωδῶς, ἤγουν ἀγγαρείας, παραγγαρείας, ζημίας, ψωμοζημίας, βασιλικῆς καταθέσεως, συνδοσίας πλωίμων καὶ ἑτέρας... δημοσιακῆς σοζητήσεως.

[8]) Macrin. № 23, a. 1269.

[9]) Macrin. № 20: χωρίον τὸ ἐπιλεγόμενον τῆς Κυρακαλῆς τοῦ Ζαρβοῦ τὸ καὶ διατείμενον ἐν τῇ Ζαγορᾷ. Изъ этихъ именъ два славянскія. В. Г. Васильевскій (у. с., 166) относитъ документъ къ 1278 г., но положеніе его въ кодексѣ говоритъ за болѣе раннюю дату, 1259 годъ.

[10]) Macrin. № 16 и 17, 1270 и 1272 г.

же Маліасиномъ, ктиторомъ Макринитиссы[1]). Во всѣхъ этихъ владѣніяхъ, перечисленныхъ въ хрисовулѣ М. Палеолога 1272 г. и въ грамотѣ патріарха Іосифа того же года[2]), нѣтъ никакихъ слѣдовъ свободныхъ селъ и крестьянъ: наблюдаются только частновладѣльческія села или имѣнія и живущіе въ нихъ парики.

Несравненно интереснѣе акты монастыря Новой Петры, содержащіе въ своемъ составѣ и частные договоры о продажѣ крестьянами своихъ участковъ. Хрисовулъ Михаила Палеолога и грамота патріарха Іосифа, оба документа 1274 г., перечисляютъ владѣнія монастыря Новой Петры[3]), основаннаго на вершинѣ горы Дріанувены при селѣ того же имени. Первымъ имѣніемъ монастыря оба документа согласно называютъ это самое село верхнюю и нижнюю Дріанувену съ землями и угодьями, бывшую до того наслѣдственною собственностью ктиторовъ Маліасиновъ[4]). Затѣмъ названы три метоха, лежащіе при Дріанувенѣ: Портарея, Палиропатъ и Исихастирій, со всѣми владѣніями и угодьями, именно пахотными полями, виноградниками, цѣлинною землею (χερσαίας γῆς), присельниками-париками и прочимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Всѣ эти три метоха были подарены Новой Петрѣ мѣстнымъ епископомъ Михаиломъ Панаретомъ[5]) и закрѣплены за монастыремъ спеціальнымъ указомъ императора Михаила Палеолога и спеціальными грамотами патріарха Іосифа[6]), съ освобожденіемъ отъ податей. При своихъ пожертвованіяхъ епископъ Панаретъ въ одномъ случаѣ передалъ париковъ, Влаховъ и иныхъ, въ другомъ оставилъ пожизненно за собою пятерыхъ имъ поименованныхъ париковъ, въ третьемъ парики не упомянуты. Сверхъ того онъ немного позже пожертвовалъ два заброшенные монастыря Мегалогена и Ксилопá, первый съ семьей париковъ[7]), и церковь называемую τοῦ Κουκουρᾶ съ садомъ и пашнею[8]), наконецъ мѣсто подъ водяную мельницу въ Велестинѣ[9]). Изъ частновладѣльческихъ земель, собственности болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, перешла къ монастырю, наконецъ, ферма (ζευγηλατεῖον) Врастовъ[10]). Изъ за этого имѣнія у монастыря былъ процессъ съ протоновелиссимомъ Мармарой, получившимъ въ пронію прилежащее, но юридически отдѣльное (ἰδιοπεριόριστον, ἀμέτοχον), село Тырново (Τρίνοβος) въ пронію; Мармара завладѣлъ было имѣніемъ и десятиной (μορτή) съ него идущей. Обѣ стороны явились въ 1277 г. на судъ пинкерны Рауля, который

[1]) Macrin. № 42, a. 1275.

[2]) Macrin. № 1 и 10. Во второмъ документѣ упоминается ἔποικος διάλεκτος. Выраженіе можетъ означать или славянскій языкъ, или мѣстное простонародное нарѣчіе. Cf. ἐπαχωρίως, p. 378.

[3]) Neæ Petræ, № 2 и № 15, a. 1274.

[4]) Κατέχειν καὶ νέμεσθαι... προσκυρωθὲν αὐτῇ γονικὸν τούτου (Μαλιασηνοῦ) κτῆμα τήν τε ἐπάνω καὶ κάτω Δρυανούδαιναν μετὰ τῶν δικαίων καὶ προνομίων αὐτῶν, γῆς ὀρεινῆς καὶ πεδινῆς, ἀμπελώνων τε καὶ χωραφίων, καθὼς προσκυρώθη παρ'αὐτοῦ τῇ τοιαύτῃ μονῇ καὶ καθὼς κατεῖχετο καὶ παρ'αὐτοῦ.

[5]) N. Petræ, № № 34 и 35, a. 1272, и № 39.

[6]) N. Petræ, № 5, a. 1272, cf. № 4; № № 13 и 14, a. 1272 и 1273. Cf. № 12, a. 1272.

[7]) N. Petræ, № 35, a. 1274.

[8]) N. Petræ, № 41, a. 1278.

[9]) N. Petræ, № 40.

[10]) N. Petræ, № 15, p. 375: τὸ ζευγηλατεῖον τὸ ἐκ προσενέξεως περιελθόν... ἤγουν ἡ ἀρόσιμος γῆ τῶν Βραστῶν. Cf. № 2, p. 334 и 335.

присудилъ монастырю пожалованное ему хрисовуломъ имѣніе и постановилъ, чтобы Мармара вернулъ захваченную десятину (δεκατία)[1]).

Мы уже видѣли, что монастырь Новая Петра былъ основанъ при селѣ Дріанувенѣ, которое является наслѣдственною собственностью Николая Маліасина и само, въ обѣихъ своихъ нижней и верхней половинѣ, было имъ пожаловано новому монастырю. Новая Петра была построена на усадьбѣ и на землѣ одного изъ крестьянъ Дріанувены, Михаила Архонтицы, который и продалъ свой дворъ съ землею (στάσις) въ собственность ктитора Маліасина. Запродажный актъ, сохраненный кодексомъ, содержитъ неоспоримое указаніе, что Дріанувена принадлежала Маліасину, такъ что самъ Архонтица могъ бы считаться сидящимъ на чужой землѣ, то-есть, былъ присельникомъ частновладѣльческаго села, жалованной вотчины. Тоже слѣдуетъ думать и о его односельчанахъ.

Актъ составленъ по всей формѣ продажи полной собственности. При основаніи Новой Петры на территоріи (ἐν τῷ θέματι) Дріанувены Маліасинъ избралъ для нея мѣсто въ имѣніи, называемомъ имѣніемъ Архонтицы (ἐν τῷ τοπίῳ τῷ ἐπιλεγομένῳ τοῦ Ἀρχοντίτζη), ради его уединенности[2]), и нашелъ М. Архонтицу съ семьей *владѣющими* (νεμομένους) уже много лѣтъ дворомъ или усадьбой названнаго имѣнія (τὴν τοῦ δηλωθέντος τοπίου στάσιν), которая также называлась усадьбой или дворомъ Архонтицы; отъ нея ея собственники не имѣли никакого дохода. Эту землю Михаила Архонтицы, говорится далѣе въ документѣ, супруги Маліасины могли бы взять себѣ, будучи господами и собственниками семьи Архонтицы, такъ какъ государемъ царемъ была имъ пожалована вся волость Дріанувены, какъ ихъ родовое наслѣдіе или вотчина, но будучи справедливыми и христолюбивыми, супруги Маліасины пожелали выкупить отъ Архонтицы землю, какъ будто чужіе и пришлые. По первому желанію Маліасиновъ семья Архонтицъ собрала всѣхъ лучшихъ жителей (ἔποικοι) Дріанувены, священнослужителей, монашествующихъ и свѣтскихъ, и по разсмотрѣніи рѣшили продать весь участокъ (στάσις) Архонтицы за 12 иперпировъ въ полную и неотъемлемую собственность; участокъ былъ свободенъ отъ всякой подати (ἀτελῆ πάντη, χωρίς τινος τέλους καὶ δόσεως) и заключалъ въ себѣ[3]) землю горную, долинную и пастбищную, владѣніе водою для мельницы, пахотную землю, деревья фруктовыя и небольшой виноградникъ: всѣ эти угодья или доходныя статьи принадлежали двору (στάσις) Архонтицы искони. Состоявшаяся продажа передавала всѣ права собственности, и Архонтица объявлялъ свою семью и близкихъ навсегда чуждыми правамъ на проданный имъ родной дворъ[4]).

При продажѣ было упомянуто, что дворъ Архонтицы переходитъ къ ктиторамъ монастыря свободнымъ отъ казенныхъ податей. Объясненіе этому факту находимъ

---

[1]) N. Petræ № 37, a. 1277.

[2]) Cf. N. Petræ № 11, p. 362: ἐν τόπῳ καλουμένῳ τοῦ Ἀρχοντίτζη ἔγγιστα τοῦ μικροῦ Πλιασίου καὶ τῆς Φερρᾶς.

[3]) μετὰ πάντων καὶ παντοίων τῶν ἀρχαίων καὶ δικαίων καὶ προνομίων αὐτῆς (sc. στάσεως).

[4]) N. Petræ, № 28, a. 1271.

въ одновременномъ документѣ, получившемъ большую извѣстность, чѣмъ всѣ прочіе: именно въ приговорѣ всѣхъ крестьянъ (ἔποικα) Дріанувены о переложеніи подати съ бывшаго участка Архонтицы на ихъ участки. Къ сожалѣнію, документъ дошелъ безъ подписей и рукоприкладствъ, опущенныхъ редакторомъ кодекса [1]), самый же текстъ документа оставленъ, согласно заявленію редактора, безъ измѣненій. Приговоръ Дріанувенитовъ хорошо извѣстенъ въ спеціальной литературѣ, тѣмъ не менѣе мы приведемъ его содержаніе полностью. Онъ исходитъ отъ лица всѣхъ жителей села Дріанувены, и вѣроятно былъ подписанъ всѣми, какъ приговоръ жителей села Геника въ книгѣ Лемвіотиссы [2]).

Актъ озаглавленъ въ рубрикѣ и внутри текста: καταθετικὸν ἐνυπόγραφον ἔγγραφον, καταθετικὴ ἐνυπόγραφος γραφή — актъ о взносѣ подати или платежное письменное обязательство; онъ составленъ, за неимѣніемъ въ области табуларія или нотаріуса, мѣстнымъ епископомъ Михаиломъ Пантаретомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе при постройкѣ монастыря. Несмотря на то, что актъ имѣлъ своимъ содержаніемъ переложеніе казенной подати, въ немъ не замѣтно участія чиновниковъ администраціи; документъ носитъ частный характеръ, его источникъ — свободная воля крестьянъ его выдавшихъ и подписавшихъ. Авторами акта являются всѣ крестьяне (ἔποικοι) села Дріанувены, но не какая либо община, не какое либо юридическое лицо.

„Мы, всѣ крестьяне села Дріанувены общимъ совѣтомъ и рѣшеніемъ, подписавшись въ началѣ, составили настоящій актъ, со всѣми нашими наслѣдниками [3])". Не сказано, такимъ образомъ, «ἡμεῖς, τὸ χωρίον τῆς Δρυανουβαίνης», община Дріанувены, но „мы, всѣ крестьяне съ наслѣдниками каждаго изъ насъ", и слова κοινῇ βουλῇ, γνώμῃ τε καὶ ἀρεσκείᾳ указываютъ на актъ совмѣстный, а не общинный. Каждый изъ домохозяевъ подписался на актѣ; слѣдовъ же какой нибудь организаціи самоуправленія или выборныхъ лицъ, дѣйствующихъ отъ имени общины, не усматривается.

Мотивомъ добровольной записи крестьянъ Дріанувены высказана любовь, которую они питали отъ всей души къ обоимъ благороднѣйшимъ супругамъ Николаю и Аннѣ Маліасинамъ, ктиторамъ монастыря и владѣльцамъ села Дріанувены, „за честь, руководство и благодѣянія, которыя они имѣютъ ежедневно" [4]) отъ Маліасиновъ, разумѣется управленіе и патронатъ вотчинниковъ по отношенію къ своимъ парикамъ. Подъ вліяніемъ этихъ побужденій всѣ крестьяне Дріанувены составляютъ добровольный и безповоротный актъ, за себя и за своихъ наслѣдниковъ: зная, что ктиторы учреждаемаго монастыря Новой Петры, въ округѣ села Дріанувены и въ

---

[1]) N. Petrae № 26, a. 1271.

[2]) Lemv. № 169.

[3]) N. Petrae, № 26, a. 1271: ἡμεῖς οἱ ἅπαντες ἔποικοι τοῦ χωρίου τῆς Δρυανουβαίνης κοινῇ βουλῇ, γνώμῃ τε καὶ ἀρεσκείᾳ ἄνωθεν τοῦ παρόντος ὄφους τὰς οἰκείας σιγνογραφίας ποιησάμενοι (s. κονησάμενοι) τὸ παρὸν ἑκούσιον καὶ ἀμεταμέλητον καταθετικὸν ἐνυπόγραφον ἔγγραφον ἡμῶν τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν σὺν τοῖς παντοίοις κληρονόμοις καὶ διακατόχοις ἡμῶν.

[4]) ὑπὲρ τῆς τιμῆς καὶ κυβερνήσεως καὶ εὐεργεσίας, ἣν καθ' ἑκάστην ἔχομεν ἀφ' ὑμῶν.

мѣстности Архонтицы[1]), пожелали выкупить весь дворъ Михаила Архонтицы, которымъ онъ владѣлъ много лѣтъ, со всѣми угодьями, перечисленными въ его запродажномъ актѣ[2]); и зная, что на означенномъ дворѣ лежала ежегодная подать въ 2 иперп. 8 коккіевъ[3]) —, всѣ мы, сказано въ документѣ, вышеозначенные крестьяне Дріанувены, разсудили, чтобы подать въ $2\frac{1}{3}$ иперп. не лежала на дворѣ, выкупленномъ подъ монастырь[4]); и для выполненія своей доброй воли они составили добровольный и безповоротный платежный актъ или запись, по которому взяли на себя означенную ежегодную подать и приложили ее къ своимъ собственнымъ акростихамъ, чтобы и она платилась ими, сообразно съ силою (достаткомъ или имуществомъ, занесеннымъ въ акростихи) каждаго изъ составившихъ актъ крестьянъ, монастырь же долженъ былъ владѣть землею безъ казенныхъ тяготъ[5]).

Можно предполагать, что крестьяне были вынуждены взять на себя подать, лежащую на στάσις одного изъ односельчанъ, но актъ составленъ какъ добровольное соглашеніе — по такому шаблону или формулѣ. Можно предполагать, что крестьяне Дріанувены были фактически привлечены къ платежу за одинъ изъ участковъ ихъ села на основаніи ихъ близости, податной ἀναχοίνωσις между ихъ участками и дворомъ Архонтицы, подобнымъ образомъ, какъ бывало въ случаѣ запустѣвшихъ сосѣдскихъ участковъ (ἐξηλαιμμένοι στάσεις, ἄπορα); но запись Дріанувенитовъ составлена въ формѣ добровольнаго акта свободныхъ жертвователей.

Между тѣмъ по хрисовуламъ и по акту о продажѣ Архонтицею своего двора вся верхняя и нижняя Дріанувена значится унаслѣдованной вотчиной Николая Маліасина, перешедшей въ его родъ путемъ царскаго пожалованія; и мы видѣли изъ акта Архонтицы, что Маліасинъ признавался собственникомъ всей территоріи Дріанувены, въ томъ числѣ и двора Архонтицы; если же вотчинникъ счелъ нужнымъ выкупить дворъ, то этотъ выкупъ названъ актомъ его гуманности и уваженія къ долголѣтнему *владѣнію* Архонтицы.

Поэтому запись крестьянъ Дріанувены никакъ не является приговоромъ свободной крестьянской общины. Дріанувениты были парикамъ Маліасиновъ. Мы видѣли во многихъ случаяхъ, что парики имѣли свою наслѣдственную собственность и въ предѣлахъ соблюденія правъ предпочтенія и близости могли распоряжаться своею собственностью свободно, могли составлять договоры отъ своего имени и принимать на себя обязательства. Если бы запись Дріанувенитовъ указывала на существованіе общины и была актомъ общинной воли, то Дріанувена была бы общиной париковъ. Если бы документъ 1271 г. свидѣтельствовалъ въ пользу суще-

[1]) ἐν τῷ θέματι τοῦ χωρίου ἡμῶν τῆς Δρυανουβαίνης, τοποθεσίᾳ δὲ τοῦ Ἀρχοντίτζη.

[2]) ἠθελήσατε δὲ ἐξωνήσασθαι καὶ τὴν ὅλην στάσιν τοῦ Ἀρχοντίτζη Μιχαὴλ τὴν πρὸ πολλῶν ἤδη ἐνιαυτῶν παρ' αὐτοῦ νεμομένην.

[3]) προσέκειτο δὲ τῇ δηλωθείσῃ στάσει ἐτήσιον τέλος νομίσματα ὑπέρπυρα δύο καὶ καὶ κοκκία ὀκτώ.

[4]) διεκρίθημεν καὶ ἡμεῖς πάντες οἱ ἀναγεγραμμένοι ἔποικοι τῆς Δρυανουβαίνης.

[5]) ἰδοῦ διὰ τῆς παρούσης ἑκουσίου καὶ ἀμεταμελήτου καταθετικῆς ἡμῶν γραφῆς ἀναδεχόμεθα τὸ δηλωθὲν ἐτήσιον τέλος καὶ προστιθέμεθα τοῦτο τοῖς ἡμετέροις ἐτησίοις ἀκροστίχοις ὡς καὶ τοῦτο τελεῖσθαι παρ' ἡμῶν ἀναλόγως κατὰ τὴν ἑκάστου ἰσχύν.

ствованія крестьянской общины, то онъ указывалъ бы намъ на ея происхожденіе изъ вотчиннаго строя, на земляхъ частнаго крупнаго владѣнія; и выраженіемъ общинной организаціи, вызвавшимъ нашъ документъ, являлся бы фактъ вліянія системы казеннаго обложенія и вотчиннаго строя. Мы однако не видимъ слѣдовъ общинной организаціи и общиннаго землевладѣнія въ приговорѣ Дріанувенитовъ: актъ исходитъ отъ группы собственниковъ или владѣльцевъ (какъ названъ Архонтица) наслѣдственныхъ участковъ, связанныхъ между собою близостью на основаніи сосѣдства и обложенія. Такой актъ, какимъ является приговоръ Дріанувенитовъ, мыслимъ лишь при существованіи личной собственности или владѣнія крестьянъ [1]).

Одновременно съ основаніемъ Новой Петры на землѣ Архонтицы состоялась продажа другого крестьянскаго двора въ селѣ Дріанувенѣ, принадлежавшаго Зоѣ, вдовѣ Сиропула [2]). Сравнивая документы, выданные Архонтицею и Зоею, замѣчаемъ, что во второмъ случаѣ не упомянуто о верховныхъ правахъ Мелиссиновъ на округу Дріанувены, проданная недвижимость переходитъ въ собственность ктиторовъ свободною отъ подати. Мотивомъ продажи представлено въ обоихъ случаяхъ бѣдственное положеніе продающихъ крестьянъ. Зоя уступаетъ свой дворъ полностью (ὅλην τὴν στάσιν) въ неотъемлемую и неоспоримую собственность за цѣну въ 2 или 3 раза меньшую стоимости, выговаривая себѣ право быть принятой въ число монахинь учреждаемаго монастыря.

Дворъ Зои, вдовы Сиропула, со всѣми угодьями, находившійся въ ея наслѣдственной собственности и владѣніи [3]), былъ расположенъ въ округѣ Дріанувены [4]), но состоялъ не изъ одного куска земли, какъ дворъ М. Архонтицы, расположенный въ τοπίον того же имени, — а изъ нѣсколькихъ участковъ: 1) виноградника съ прилежащимъ къ нему ἀμπελοχωράφιον и огородомъ, 2) трехъ полосъ (τμήματα = μερίδες, т. е. долей, образовавшихся путемъ наслѣдованія) пахотной земли въ *мѣстности* Дворцовой (ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Παλατίων); 3) пахотнаго поля въ *мѣстности* Плоскаго Камня (ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Πλατέος Λίθου); 4) двухъ виноградниковъ въ *мѣстности* самого села Дріанувены рядомъ съ двумя названными сосѣдями, изъ которыхъ одинъ іерей и экзархъ киръ Василій Варивастактъ; 5) одной смоковницы по сосѣдству съ Скарпангеломъ; и 6) двухъ домовъ, гдѣ жила сама Зоя.

Еще нѣсколько крестьянскихъ продажъ сохранено кодексомъ Новой Петры; онѣ относятся уже не къ Дріанувенѣ, но къ сосѣднему мѣстечку Велестину, гдѣ была другая епархія. Анна, жена Михаила Мартина, съ мужемъ и дѣтьми *общимъ совѣтомъ и рѣшеніемъ* [5]) продала свой наслѣдственный виноградникъ, лежавшій

---

[1]) Ср. *Ѳ. И. Успенскій*, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, Журн. Мин. Нар. Пр. ч. 225 (1883), отд. 2, стр. 310—318, 343.

[2]) Lib. N. Petræ № 27, sept. 1271.

[3]) πᾶσαν καὶ παντοίαν μου στάσιν τὴν γονικόθεν μοι διαφέρουσαν μετὰ πάντων καὶ παντοίων τῶν ἀρχαίων καὶ δικαίων προνομίων αὐτῆς, καθὼς καὶ παρ' ἐμοῦ νέμεται καὶ δεσπόζεται.

[4]) ἐν τῷ θέματι τῆς Δρυανουδαίνης.

[5]) Lib. N. Petræ № 29, nov. 1271: κοινῇ βουλῇ γνώμῃ τε καὶ ἀρεσκείᾳ — тѣ же выраженія, какъ и въ записи Дріанувенитовъ.

рядомъ съ долею ея брата, величиной въ одну олокотинарію Алмирскую, за 10 иперп. въ полную собственность, свободную отъ всякой казенной подати. Мотивомъ показана опять нищета. Одновременно упомянутый братъ Анны Николай Варда продалъ и свою долю виноградника, величиною также въ одну олокотинарію и расположенную въ двухъ кускахъ (τμήματα) за ту же цѣну въ полную собственность, свободную отъ податей[1]). Въ декабрѣ того же года монахи монастыря св. Георгія τῶν Καναλίων въ Велестинѣ продали, послѣ долгихъ просьбъ, виноградникъ величиною въ 2 олокотинаріи за 15 иперпировъ.[2]). Нѣсколько спустя братья Константинъ и Іоаннъ Кацидони продали свои виноградники въ Велестинѣ[3]). Первый изъ братьевъ продаетъ насаженный имъ самимъ виноградникъ, находясь въ совершенной нуждѣ по словамъ документа и желая купить рабочаго вола. Онъ обращается къ Маліасинамъ, какъ къ своимъ господамъ, имѣющимъ право преимущественной покупки[4]); впрочемъ такая близость достаточно объясняется присутствіемъ владѣній Новой Петры въ округѣ (περιοχή) Велестина, и не нужно предполагать принадлежность Велестина къ владѣніемъ Маліасиновъ. Запись Іоанна Кацидона сходна съ записью его брата Константина[5]).

Приступая къ обзору кодекса Макринитиссы мы повторили мнѣніе В. Г. Васильевскаго, что аграрныя условія въ Θессаліи XIII в. остаются тѣ же, какъ и возлѣ Смирны и Милета. Соціальное положеніе крестьянства нѣсколько иное: здѣсь мы наблюдаемъ господство крупныхъ вотчинниковъ, и парики являются исключительно властельскіе или церковные. Монастыри основаны крупными вотчинниками на ихъ земляхъ. Но и здѣсь ктиторамъ и монастырямъ пришлось встрѣтиться съ крестьянскою собственностью. Въ этомъ отношеніи выдѣляется актъ продажи парикомъ Архонтицею своего наслѣдственнаго двора со всѣми приписанными къ нему угодьями. Этотъ актъ для нашего вопроса является наиболѣе важнымъ среди всѣхъ документовъ кодекса. Насъ поражаетъ въ этомъ актѣ не то, что парикъ является наслѣдственнымъ собственникомъ стаси, но то, что Архонтица признаетъ владѣльческія права Маліасина на эту стась, признаетъ возможность безвозмезднаго возвращенія земли вотчиннику, называетъ актъ покупки вызваннымъ гуманностью Маліасина по отношенію къ его давнему „владѣнію". Представляется единственно возможнымъ то объясненіе, что Архонтица, какъ можетъ-быть и всѣ крестьяне Дріанувены, являлись присельниками или потомками присельниковъ, чужихъ людей, нѣкогда поселенныхъ на земляхъ крупнаго владѣльца и занесенныхъ въ податныя книги. Впрочемъ, при другихъ продажахъ париками своей недвижимости не встрѣчается упоминанія о верховныхъ правахъ Маліасиновъ на крестьянскія стаси.

[1]) Lib. N. Petræ № 30, nov. 1271.

[2]) Lib. N. Petræ № 31, decemb. 1271.

[3]) Lib. N. Petrae № 32, a. 1272: Κ. ὁ Κατζιδώνης καὶ Ξένη ἡ σύμβιος τούτου, ἀμφότεροι κοινῇ βουλῇ, γνώμῃ τε καὶ ἀρεσκείᾳ. Опять тѣ же выраженія, что и въ записи Дріанувенитовъ.

[4]) Προσήλθομεν ὑμῖν τοῖς πανευγενεστάτοις ὁμοζύγοις καὶ κυρίοις ἡμῶν, ὡς δίκαια ἔχουσι πλησιαστῶν.

[5]) Ibid. № 32, II.

9. Акты Меникейскаго монастыря.

Метохи Меникейскаго монастыря на властельскихъ земляхъ. Грамоты Андроника Старшаго: метохи Моноспити, Канстерна, св. Варвары и другіе, стр. 182; указъ Цамвлакону о подаваемыхъ льготахъ, 184. Грамоты Андроника Младшаго: перечень метоховъ, экономія съ парикамн при различныхъ селахъ, 185; новый указъ Цамвлакону о льготахъ для имѣній и для дворовъ парѣковъ, также и присельниковъ, 186. Грамоты Душана. Хрисовулъ 1345 г., перечень метоховъ, парики и присельники, ib. Фрагментъ хрисовула съ подробной переписью парикова, собственность и подати парикова, 188. Грамоты на отдѣльные метохи, 189. Калабакская надпись объ имѣніяхъ Стагской епископіи: клирики-землевладѣльцы и безземельные ἐνοικοι, 190.

Документы Меникейскаго монастыря возлѣ Сереса въ Македоніи, процвѣтавшаго въ XIV вѣкѣ, не дошли до насъ въ одномъ кодексѣ. Они относятся большею частью къ метохамъ, устроеннымъ исключительно на царскихъ и властельскихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ.

На первомъ мѣстѣ въ изданіи Миклошича и Мюллера помѣщенъ хрисовулъ Андроника Старшаго о пожалованіи Меникейскому монастырю (въ Македоніи) имѣнія Моноспити. По просьбѣ своей дочери, королевы сербской, императоръ приказалъ отобрать это имѣніе у его собственника служилаго человѣка Никифора Мартина и отдать монастырю[1]). Эту грамоту, содержащую въ двухъ мѣстахъ упоминаніе о прежде бывшемъ хрисовулѣ Андроника Старшаго относительно владѣній монастыря вообще, издатели относятъ къ 1297 г., но эта дата представляется сомнительной: не говоря о томъ, что издателямъ приходится исправлять текстъ (первый индиктъ на 11-ый, и 6006 г. на 6806-ой), содержаніе грамоты о пожалованіи Моноспити заставляетъ относить ее ко времени болѣе позднему, чѣмъ упомянутый общій хрисовулъ Андроника 1309 г., гдѣ не упомянуто Моноспити. Это послѣднее владѣніе является лишь въ хрисовулѣ (того же содержанія) Андроника Старшаго 1321 г., Андроника Младшаго и затѣмъ въ хрисовулѣ Душана 1345 г. Въ послѣднемъ случаѣ Моноспити упомянуто не на первомъ мѣстѣ перечня, но среди другихъ метоховъ, и названо не имѣніемъ съ угодьями, но селомъ съ париками и присельниками[2]). Стратіотъ Никифоръ Мартинъ однако не подчинился отобранію его собственности, и возникло долголѣтнее дѣло, отъ котораго сохранились въ дошедшихъ копіяхъ меникейскихъ актовъ лишь три документа, помѣченные въ кодексѣ монастыря: указъ № 7 по тому же дѣлу[3]). По своимъ фальшивымъ подписямъ эти три копіи приписаны Душану, но несомнѣнно ни одинъ изъ трехъ документовъ ему не принадлежитъ: первые два относятся къ Андронику Старшему (упоминаютъ о дарственномъ на Моноспити хрисовулѣ и о королевѣ Сербской, дочери того же императора) и третій относится къ Андронику Младшему (упоминаніе о грамотахъ дѣда — императора). Ходъ дѣла характеренъ для господство-

---

[1]) Acta Menoecea, № 1 (Miklosich-Müller, V p. 86—89).

[2]) Menoec. (ed. Mikl.-Müll. № 4, p. 92: ἀγρόδιον τὸ Μονόσπητον λεγόμενον μετὰ τῆς νομῆς καὶ παροχῆς καὶ τῶν δικαίων αὐτοῦ. № 5, p. 95: idem. № 16, a. 1345: χωρίον τὰ Μονόσπητα μετὰ τῆς νομῆς καὶ παροχῆς αὐτοῦ καὶ τῶν παροίκων καὶ προσκαθημένων αὐτοῦ.

[3]) Menoec. № 20: πρόσταγμα ζ' διὰ τὰ Μονόσπητα. № 20: πρόσταγμα ζ' εἰς τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν. № 22: idem.

вавшаго произвола въ распоряженіи частной собственностью: по ходатайству королевы Симониды отбирается земля у собственника Мартина и выдается на нее хрисовулъ монастырю; Мартинъ не пустилъ монаховъ, но добился, благодаря содѣйствію монаха Калиста Палеолога, возвращенія своей вотчины[1]); строитель Меникейской обители, епископъ города Зихнъ, добился осуществленія однажды дарованнаго хрисовула, и въ вознагражденіе Мартину была предложена равноцѣнная или гораздо большая[2]) земля изъ *экономіи* дочери Ромея, у которой отобрали въ казну всю ея *экономію*, оцѣненную въ книгахъ въ 400 номисмъ[3]). Для крестьянскаго землевладѣнія, однако эти документы не представляютъ интереса.

Другой частновладѣльческой *экономіи* Кинстернѣ посвящена вторая грамота Андроника Старшаго[4]). Собственникъ ея царскій (οἰκεῖος) человѣкъ Георгій Труллинъ владѣлъ въ двухъ кускахъ большимъ количествомъ земли въ 1600 модіевъ[5]); по хрисовулу онъ съ своимъ потомствомъ былъ утвержденъ вотчинникомъ этой земли съ правами неотчуждаемой собственности на нее[6]); и получилъ разрѣшеніе селить на ней пришлыхъ и вольныхъ людей, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ казенныхъ податей и пошлинъ, кромѣ шести поименованныхъ, отъ которыхъ не освобождались и земли, пожалованныя по хрисовуламъ[7]). Часть имѣнія Кинстерны упомянута въ числѣ монастырскихъ владѣній по хрисовулу 1321 г., далѣе это имя изчезаетъ. Причиною включенія хрисовула Труллину въ число меникейскихъ актовъ является, вѣроятно, тяжба, которую монастырь имѣлъ съ этимъ вотчинникомъ по поводу земли въ мѣстности Левадій (τοποθεσία τῶν Λεβαδίων), судя по одному документу, ошибочно приписанному Душану[8]). Земля эта была записана въ переписныя книги (ἀπογραφικαὶ καταστάσεις) монастыря и противозаконно — можетъ быть, по праву близости — занесена Труллиномъ въ его собственный практикъ[9]).

Къ тому же царствованію относится пожалованіе метоха св. Варвары у царской мызы Вернары (ζευγηλατεῖον τὸ Βερνάρους), ошибочно приписанное въ нашей копіи монастырскаго кодекса Стефану Душану: въ документѣ названа дочь импе-

---

[1]) Mikl.-Müll. V, p. 121.

[2]) Cf. ibid. p. 118.

[3]) Ibid. p. 118: ἐκ τῶν χ' νομισμάτων ποσότητος, εἰς ἣν καταγράφεται.... διὰ πρακτικοῦ αὐτοῦ τὸ δηλωθὲν ἀγρίδιον, τὴν δὲ ἑτέραν ποσότητα τὴν ἀπὸ τῆς τοιαύτης οἰκονομίας κρατήσεις καὶ περιορίσεις λήγω (чит. λόγῳ) τοῦ δημοσίου.

[4]) Menoec. № 2, a. 1299.

[5]) κέκτηται... οἰκονομίαν, ἐντὸς δὲ τοῦ ποσοῦ ταύτης ἔχει καὶ γῆν ἐν δυσὶ τόποις μοδίων 1600 (именно землю Кинстерну въ 1200 м. и въ топоѳесіи Модій 300 модіевъ, гдѣ же еще 100 м., — не ясно).

[6]) κατέχῃ τὴν τοιαύτην γῆν ὡς γονικήν etc.

[7]) προσκαθῆσαι ξένους καὶ ἐλευθέρους ἀνωτέρους πάσης καὶ παντοίας δημοσιακῆς ἐπηρείας καὶ συζητήσεως, ἄνευ μέντοι τοῦ κεφαλαίου, τῆς σιταρκίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὁρικῆς, τοῦ φόνου, καὶ τῆς εὑρήσεως τοῦ θησαυροῦ... καθὼς καὶ ἐν πᾶσι κτήμασι καὶ αὐτοῖς τοῖς χρυσοβουλλάτοις ἐστὶ συνήθεια ἀπαιτεῖσθαι ταῦτα.

[8]) Mikl.-Müll. № 13. Ср. *Флоринскій*, Законодательство Душана, 136-7.

[9]) Она упоминается между монастырскими владѣніями уже въ хрисовулѣ Андроника Старшаго 1321 года: γῆ εἰς τὸ Λιβάδιον μοδίων 300-ων, ἄνευ τῆς ἐκεῖσε ἐξαλειμματικῆς γῆς τοῦ Δραγόη. Въ хрисовулѣ Андроника Младшаго площадь ея является удвоенной — въ 600 мод. Въ хрисовулѣ Душана 1345 г. она означена купленной у ея собственницы Мелахрини и имѣющей площадь въ 400 мод.

ратора, давшаго грамоту, королева Сербіи[1]). — Тоже слѣдуетъ сказать и о пожалованіи поля (αὐλάκιον) при царской мызѣ (ζευγηλατεῖον) Подолинѣ, также ошибочно приписанномъ Душану[2]). Изъ этихъ имуществъ первое, метохъ Варвары, упоминается во всѣхъ четырехъ хрисовулахъ, начиная съ 1309 г.

Изъ другихъ недвижимостей Меникейскаго монастыря при Андроникѣ Старшемъ первый хрисовулъ 1309 г. упоминаетъ: земли при селахъ Коснѣ и Холодныхъ Водахъ (Κρύα Νερά) въ разныхъ клинахъ площадью до 1000 модіевъ[3]); затѣмъ въ упомянутомъ имѣніи Кинстернѣ, принадлежавшемъ Труллину, 300 мод., и возлѣ Новаго Села (Νεοχώριον) 100 м.; кромѣ того, нѣсколько церквей въ различныхъ селахъ — ячейки позднѣйшихъ имѣній Меникейскаго монастыря. Второй хрисовулъ Андроника Старшаго прибавляетъ къ этому, кромѣ Моноспити, земли при Левадіяхъ и метохѣ Варвары, прибережную мызу (ζευγηλατεῖον) Есфагменъ съ рыбными ловлями, метохъ у Желихова, 700 мод. земли при селѣ Такравасмунтѣ, земли возлѣ имѣнія Кувукліевъ въ 150 и въ 1400 модіевъ, возлѣ Тривола 100 м., въ *мѣстности* Вернари 300, и др. Всѣ эти имущества объявлялись не подверженными даже тѣмъ повинностямъ, для которыхъ было сдѣлано исключеніе въ хрисовулѣ Труллину.

Болѣе для насъ интересенъ указъ Андроника Старшаго кефаліи Сереса Алексѣю Цамвлакону, напечатанный впервые Т. Д. Флоринскимъ по копіи, сообщенной В. И. Ламанскимъ[4]). Указъ былъ вызванъ жалобою монаховъ на нарушеніе Цамвлакономъ ихъ податныхъ льготъ. По императорскому хрисовулу имѣнія монастыря были избавлены отъ всякихъ казенныхъ повинностей, въ томъ числѣ отъ статьи ситаркіи, горнины и градостроенія[5]), и монастырь былъ обезпеченъ отъ поборовъ съ его париковъ и присельниковъ[6]); но Цамвлаконъ сталъ взыскивать съ крестьянъ монастырскихъ имѣній статью ситаркіи, горнины и градостроенія[7]). Цамвлакону было запрещено впредь требовать что либо съ монаховъ, ихъ париковъ и присельниковъ[8]), гдѣ бы послѣдніе ни находились[9]), а прежде взысканное вернуть. Иммунитетъ Меникейскаго монастыря подтверждался и другимъ указомъ Андроника, одинаково изданномъ впервые Т. Д. Флоринскимъ[10]).

Грамоты Андроника Младшаго Меникейскому монастырю открываются хрисовуломъ, отличающимся отъ второго хрисовула Андроника Старшаго 1321 г.

---

[1]) Menoec. № 28 ed. Mikl.-Müll., гдѣ грамота ошибочно отнесена къ 1353 году.

[2]) Menoec. № 27.

[3]) Menoce. № 2, a. 1309: περὶ τὸ χωρίον τὴν Κόσναν καὶ τὰ Κρύα Νερὰ γῆν ἐν διαφόροις τόποις μοδίων χιλίων.

[4]) Памятники законодательства Душана, прил. VIII, β'.

[5]) ἀπαιτήσεως τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας, τῆς ὁρικῆς καὶ τῆς καστροκτισίας.

[6]) ἀνενόχλητον καθόλου καὶ ἀδιάσειστον εἰς τε τοὺς παροίκους καὶ προσκαθημένους αὐτῶν (l. αὐτοῦ?).

[7]) πειρᾶσαι ἵνα ἀπαιτήσῃς καὶ ἀπὸ τῶν ἐποίκων τῶν κτημάτων αὐτῶν τὸ δηλωθὲν κεφάλαιον τῆς σιταρκίας, τῆς ὁρικῆς καὶ τῆς καστροκτισίας.

[8]) ἀπαιτῆσαι ἐξ αὐτῶν τε καὶ ἐκ τῶν παροίκων αὐτῶν καὶ προσκαθημένων.

[9]) κἂν ὅπου ἄρα εὑρίσκοντας (l. αι?) ἕνεκεν τοῦ δηλωθέντος κεφαλαίου μέχρι τοῦ τυχόντος.

[10]) Тамъ же, прил. VIII, ζ.

только вступленіемъ, содержаніе же, перечень метоховъ тожественны, даже дата въ концѣ; по вступленію, гдѣ говорится о теткѣ императора сербской королевѣ и ея мужѣ, хрисовулъ несомнѣнно исходитъ отъ Андроника Младшаго; да и не мыслимо, чтобы существовало отъ одного императора, отъ одного и того же года и мѣсяца, два тожественныхъ по содержанію хрисовула. Странно, какъ издатели не обратили вниманіе на эти два обстоятельства и приписали документы старшему Андронику. Въ то же время, хрисовулъ въ его настоящемъ видѣ не можетъ исходить отъ Младшаго Андроника, такъ какъ содержаніе и конецъ его списаны съ хрисовула 1321 г. буквально. Противорѣчіе, хронологическое, между началомъ и концомъ документа явно. Остается предположить, что онъ дошелъ въ искаженномъ видѣ благодаря ошибкѣ одного изъ переписчиковъ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ этотъ заподозрѣнный документъ, то первымъ по времени изъ датированныхъ грамотъ Андроника Младшаго будетъ хрисовулъ, по которому утверждалось сліяніе Меникейскаго монастыря съ Сересскимъ, основаннымъ тѣмъ же митрополитомъ Зихнъ Іоакимомъ, затѣмъ гарантировалась монастырскимъ имѣніямъ льгота отъ казенныхъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ ситаркіи, градостроенія, горнины и пастбищнаго, и наконецъ жаловалась монастырямъ земля при метохѣ Спасителя, называемомъ Гостеленковымъ [1]).

Въ 1333 г. Андроникъ жалуетъ монаху Якову монастырекъ Ὀστρινής, землю при селѣ Θоло въ 200 модіевъ, принадлежавшую прежде Алексѣю Палеологу и расположенную рядомъ съ недвижимостью другого знатнаго владѣльца; землю эту Яковъ получилъ въ вотчину (ὡς γονικήν) [2]). Эту землю и монастырекъ Острину Яковъ уступилъ Меникейскому монастырю [3]). Вѣроятно, въ 1338 г. была пожалованъ Андроникомъ хрисовулъ начальнику пѣхоты, судьѣ фоссата, пансевасту Дипловатаци на утвержденіе его и его потомства въ правахъ вотчиннаго и неотъемлемаго владѣнія землею въ 1000 модіевъ, составлявшею его *экономію* Пилоригій въ *мѣстности* (топоѳесіи) Забалтіи [4]). Почему этотъ актъ попалъ въ Меникейскій кодексъ, не вполнѣ ясно, такъ какъ данная недвижимость въ хрисовулѣ Душана и въ другихъ дошедшихъ актахъ намъ не встрѣтилась. Подобную же грамоту на утвержденіе въ правахъ вотчинника получилъ другой высшій офицеръ, этеріархъ Панаретъ на пожалованную ему указомъ (πρόσταγμα) экономію при селѣ Нижней Ускѣ стоимостью въ 30 иперпировъ. Это помѣстье хрисовуломъ было превращено въ вотчину (κατὰ λόγον γονικότητος) [5]). При томъ же селѣ Нижней Ускѣ и Раховѣ находились виноградники и земля Маргарита, служилаго человѣка, составившаяся изъ Цаконскихъ и казенныхъ участковъ; эта недвижимость была

---

[1]) Menoec. № 8, a. 1329. Cf. № 9, a. 1329 и № 10, a. 1332.

[2]) Menoec. № 11.

[3]) Menoec. № 26.

[4]) Menoec. № 12, a. 1338?: ἵνα . . γονικευθῇ αὐτῷ γῆ μοδίων χιλίων ἀπὸ τῆς παρὰ τὰς Σέρρας οἰκονομίας αὐτοῦ, Πηλοριγίον λεγομένη εἰς τοποθεσίαν τὴν Ζαβαλτίαν . . κατέχει . . . ὡς γονικὴν αὐτοῦ.

[5]) Menoec. № 11, a. 1343.

утверждена за Маргаритомъ на правахъ вотчинной и льготной собственности [1]). Въ хрисовулѣ Душана, изданномъ тотчасъ по завоеваніи Сереса, находимъ упоминаніе объ экономіи монастыря при селѣ Нижней Уске, стоимостью уже въ 100 инерпировъ, съ париками, находящимися при *различныхъ селахъ* и по пожертвованію Маргарита [2]).

При Андроникѣ Младшемъ возобновилась тяжба Меникейскаго монастыря изъ-за метоха Керанницы. При его дѣдѣ землю эту въ топоесіи Керанницы оспаривали монахи сосѣдней обители св. Безсребренниковъ, и вышелъ указъ кефаліи Андронику Кантакузину разобрать дѣло при участіи клириковъ митрополіи Сереса и избранныхъ мѣстныхъ людей [3]). Теперь метохъ Керанница оспаривался Иверскимъ Аѳонскимъ монастыремъ. Дѣло было рѣшено въ пользу Меникейскаго монастыря на основаніи документовъ ревизіи (ἀπογραφικὰ δικαιώματα) и приговора мѣстныхъ людей (τοπικαὶ κρίσεις τε καὶ ἀποδείξεις, αἱ μαρτυρίαι καὶ περιστάσεις). При грамотѣ Андроника Младшаго былъ приложенъ перечень наслѣдственныхъ париковъ (присельниковъ) метоха, къ сожалѣнію отъ него осталась лишь вводная фраза [4]). Наконецъ Андроникъ Мл., по примѣру дѣда, послалъ указъ кефаліи Цамыаноу, запрещавшій ему требовать отъ меникейской братіи несенія какихъ либо казенныхъ повинностей, равно какъ отъ ихъ париковъ *или* отъ присельниковъ [5]).

Изъ числа подлинныхъ грамотъ Стефана Душана относится къ нашему вопросу распоряженіе (ὁρισμός), данное имъ, повидимому, непосредственно послѣ завоеванія Сереса и разрѣшавшее меникейскому монастырю селить на своихъ земляхъ пришлыхъ вольныхъ людей, съ освобожденіемъ ихъ отъ казенныхъ повинностей [6]). Затѣмъ слѣдуетъ хрисовулъ 1345 г. о владѣніяхъ монастыря, дошедшій полностью и представляющій наиболѣе подробный перечень метоховъ [7]). Хрисовулъ подтверждалъ льготы, данныя императорами владѣніямъ монастыря, равно какъ монастырскимъ парикамъ и присельникамъ [8]). Въ перечнѣ названы слѣдующія имущества: метохъ Гастеленковъ съ присельниками и всѣми угодьями; земля при Кревасмунтѣ съ присельниками; метохъ св. Георгія τοῦ Σακελλαρίου, мыза (ζευγη-

---

[1]) Μονοε. № 15, a. 1343. Документъ невѣрно приписанъ Душану, ср. Флоринскій, 143—144.

[2]) Μονοε. № 16, p. 113 Miklosich-Müller. № 16 относится также къ Андронику III, ср. Флоринскій, 137—8 (о Трилѣсскомъ метохѣ). Ср. ниже хрисовулъ Душана p. 113, гдѣ метохъ εἰς τὸ Τραλίσιν совпадаетъ со своими двумя подчиненными метохами и ихъ париками.

[3]) Μονοε. № 35 (ошибочно приписанъ Душану): μετακαλήσῃς τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς ... ἔτι δὲ καὶ ἐκκρίτους τινὰς τοπικοὺς ἔχοντας εὔδηλον ἀκριβῆ περὶ τούτου.

[4]) Μονοε. № 30 (ошибочно приписана Душану, явно принадлежитъ Андронику Младшему) ... εὑρίσκονται δὲ καὶ προσκαθήμενοι ἐν τῷ τοιούτῳ ἀγριδίῳ τῆς Κερανίτζης ἔκπαλαι, οἱ καὶ καταλογίζονται ὡς γονικοὶ τῆς μονῆς, οἳ καὶ ἔχουσιν οὕτως (nomina desunt). Ср. хрисовулъ Душана, p. 133: ἀγρίδιον ἡ Κερανιτζὰ μετὰ τῶν παροίκων καὶ προσκαθημένων καὶ τῆς νομῆς καὶ περιοχῆς αὐτοῦ.

[5]) Изданъ впервые *Флоринскимъ*, Законод. Душана, Прил. VIII, γ': διατηρῆσαι τοὺς τοιούτους μοναχοὺς ἀνενοχλήτους καὶ οὐδὲν ἀπαιτήσῃς ἀπὸ τῶν παροίκων ἢ τῶν προσκαθημένων αὐτῶν. Cf. ibid., ε'.

[6]) Μονοε. № 23, a. 1345 sept.?

[7]) Μονοε. № 16, a. 1345 oct.

[8]) μηδόλως ἀπαιτεῖσθαι ταῦτα ἀπὸ πάντων τῶν κτημάτων τῶν τοιούτων μονῆς, οὔτε ἀπὸ τῶν παροίκων αὐτῶν, οὔτε ἀπὸ τῶν προσκαθημένων.

λατεῖον) при Ливовисгѣ; при Лестьянѣ усадьба владѣльца Саракина [1]), мыза (ζευγηλατεῖον) при Неохорія, принадлежавшая Прантули, съ территоріей и съ присельниками [2]); метохъ Есфагменъ съ рыбными ловлями, присельниками, землей и прочими угодьями; земля при имѣніи Ціана, рядомъ съ землею Филоѳея и землею Желиховы, которая и раньше принадлежала монастырю; метохъ ὁ Ἀσώματος съ землею въ различныхъ клинахъ (τόποις), метохъ внутри города Зихнъ съ виноградниками въ разныхъ клинахъ (τόποις) и съ мельницами; Іудеи въ Зихнахъ [3]); при селѣ Нижней Ускѣ *экономія* въ 100 иперп. съ париками, обрѣтающимися при различныхъ селахъ [4]), и по пожертвованію Маргарита; при томъ же селѣ виноградники и пахоти въ различныхъ клинахъ [5]). Далѣе названо село Моноспити съ территоріей, париками его и присельниками; село Лакково съ присельниками въ немъ и территоріей; имѣніе (ἀγρίδιον) Керавница съ париками, присельниками и территоріей; при селѣ Топольцѣ париковъ двадцать; метохъ Трилѣсскій со своими двумя метохами: Богородицы τοῦ Τζέρνη съ присельниками въ немъ, другое Градище за Мѣстомъ (πέρα τοῦ Μέστου) съ париками въ немъ и присельниками, мельницей и планиною св. Георгія Парасава; при Панакѣ масличная роща и три парика (три греческихъ имени), мельница и еще парики и присельники. Къ этимъ прежнимъ владѣніямъ Меникейскаго монастыря Душанъ приложилъ слѣдующія: при селѣ Ленгинѣ *экономію* Ласкаря съ мызою (ζευγηλατεῖον) во владѣніи (въ арендѣ? κατεχομένου) Кантакузина, съ мельницами, парикомъ живущимъ при селѣ Мельникицѣ [6]), съ владѣніями того же Ласкаря въ другихъ мѣстахъ (τόποις), также со старымъ селомъ (τοῦ παλαιοχωρίου) Протокирици, Велидоломъ и мельницами, прежде принадлежавшимъ упомянутому ὁ ἐπὶ καικλείου (вѣр. Ласкарю); урочище Псари (παλαιοχώριον.. οἱ Κυνηγοί) при Панакѣ (гдѣ числились три вышеупомянутые парика), съ париками при немъ, присельниками и мельницами, Дристрой (τῆς Δρύστρας) и всѣми угодьями; при Задней Полянѣ (εἰς τὴν Πέρα Πολεάναν) четыре участка пахоти (αὐλάκια): Лонга (τὴν Λογγάν) съ угодьями, Фотина, Цикала и Скиломита съ угодьями — очевидно крестьянскіе участки (ср. парикъ Цикала названъ выше при Панакѣ). Наконецъ еще четверо людей (ἄνθρωποι), Потами и три сына Калогера. Все объявлялось не подлежащимъ казеннымъ податямъ, и присельники метоха Есфагмена не должны были платить пошлинъ за свои рыбацкія лодки.

Во всемъ этомъ перечнѣ находимъ какъ села, такъ и частныя владѣнія иного типа, но нигдѣ не встрѣчаемъ свободныхъ крестьянъ. Крестьянскими участками владѣютъ (и несли бы съ нихъ подати, если бы не получили льготу) монастырскіе

---

[1]) εἰς τὴν Λεστίανην καθέδραν τοῦ Σαρακινοῦ ἐκείνου.

[2]) ζευγηλατεῖον εἰς τὸ Νεοχώριον τὸ τοῦ Πραντουλῆ ἐκείνου μετὰ τῆς περιοχῆς αὐτοῦ καὶ τῶν ἐν αὐτῷ προσκαθημένων.

[3]) Cf. Menoec. № 11, ed. Mikl.-M.

[4]) παροίκοις τοῖς εὑρισκομένοις εἰς διάφορα χωρία.

[5]) εἰς τὸ αὐτὸ χωρίον ἀμπέλια καὶ χωράφια ἐν διαφόροις τόποις.

[6]) εἰς τὸ χωρίον τὸ Λεγγίνιον τὴν οἰκονομίαν τοῦ Λάσκαρη ἐκείνου μετὰ τοῦ ζευγηλατείου .. ὑδρομυλόνων καὶ τοῦ εἰς τὸ χωρίον τὸ Μελλενικίτζιον παροίκου.

парики и присельники (προσκαθήμενοι), двѣ *не смѣшиваемыя* категоріи зависимаго, притомъ греческаго крестьянства. Они живутъ или въ тѣхъ селахъ, при которыхъ числились, или въ совершенно иныхъ мѣстахъ.

Еще болѣе подробныя свѣдѣнія содержалъ неизвѣстнаго года, но вѣроятно принадлежавшій Душану хрисовулъ, отъ котораго въ копіи монастырскаго кодекса сохранился лишь фрагментъ безъ начала и конца[1]). Онъ давалъ не только точныя цифры площади монастырскихъ земель, но и указывалъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ; и называя париковъ, обозначалъ вносимую ими подать (οἰκιακὸν τέλος). Мы узнаемъ, что земля при Ливовистѣ поступила отъ землевладѣльца Аравантина и имѣла площадь въ 200 модіевъ; рядомъ лежали пахотные участки (χωράφια), пожертвованные Мелиссиномъ и содержавшіе 12 модіевъ; сосѣдній виноградникъ отъ Вотрида имѣлъ 10 модіевъ; пропуская дома и городскую недвижимость въ Сересѣ, которыя монастырь сдавалъ на условіяхъ эмфитеозы[2]), отмѣтимъ пашни и виноградники, пожертвованные не крестьянами, но крупными землевладѣльцами, расположенные въ различныхъ топоѳесіяхъ, общей сложностью болѣе 2500 модіевъ[3]); метохъ Гастеленка съ землями и присельниками, отчасти изъ владѣній Ѳ. Метохита, ктитора мон. Хоры въ Константинополѣ; въ *мѣстности* Страстривицѣ въ одномъ кускѣ 4400 модіевъ, мелкіе участки въ 20, 6, 14, 10 и 3 мод. Кромѣ того, изъ новыхъ пріобрѣтеній монастыря упомянуты въ дошедшемъ отрывкѣ: метохъ въ Сересѣ, гдѣ приселились нѣкоторые бѣдные, пришлые и вольные люди[4]); другой св. Георгія на Холодныхъ Водахъ[5]), даръ наслѣдниковъ сакелларія Мурмуры, нѣсколько виноградниковъ и пашень (χωράφια) въ мѣстностяхъ (τοποθεσία) Калогера, Масличной Рощи (τοῦ Ἐλαιῶνος), при Кустѣ, при селѣ (имя не дошло), величиною въ 2 στρέμματα, въ 70, 10, 4, 2 модіевъ. Отъ дочери Тривола куплено $^{2}/_{3}$ наслѣдства, всего на 120 модіевъ, такъ какъ $^{1}/_{3}$ была обмѣнена на другой участокъ[6]). Парики въ отрывкѣ хрисовула упомянуты съ показаніемъ семейнаго состоянія, владѣнія и наложенной на нихъ подати οἰκιακὸν τέλος, при чемъ обозначены высокія цифры обложенія: мѣдникъ Пеплегменъ или Анатоликъ (переселившійся при Анатоліи) съ зятемъ платили 14 номисмъ съ милліарисіями; при селѣ Панакѣ, но родомъ изъ метоха Κυνηγοί, вдова Мерцани съ дѣтьми, съ живущей вмѣстѣ Терилой, дочерью Зомирицы, и ея мужемъ Влахомъ, платитъ 9 номисмъ. Мужъ ея Мерцани

---

[1]) Μεποεc. № 25 ed. Mikl.-M.

[2]) οἰκήματα ἐμφυτευτικά. ἕτερον τόπιον, ἐν ᾧ εὑρίσκονται καὶ οἰκήματα ἑταιρεάρχου τοῦ Καλίβου καὶ τῆς ἀδελφῆς αὐτοῦ τῆς Φωκαίνης, ὑπὲρ ὧν τελοῦσι καὶ οὗτοι πρὸς τὸ μέρος τῆς. . μονῆς τὸ ἑτήσιον ἐμφύτευμα.

[3]) ἀμπέλι ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ ἁ. Βασιλείου ἀπὸ προσενέξεως τοῦ Φιλίππου. ἕτερον εἰς τὸν Ἐλαιῶνα ἀπὸ . . τοῦ Τζίντζη καὶ τοῦ Βογολόγου· χωράφια ἐξάμπελα ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Δανείων . . . Μιχαὴλ τοῦ Πελαργοῦ μοδίων υ΄. ἕτερον χωράφιον ἀπὸ προσενέξεως τοῦ Ἀραβαντᾶ εἰς τὸ Ἀγελίτζην μοδ. ιζ΄. Далѣе рядомъ съ землями τῶν Κουβουκλίων и Пеларга имѣнія въ 260, 150, 1400 и 200 модіевъ.

[4]) ἐν ᾧ προσκάθηνται καί τινες πτωχοί, ξένοι καὶ ἐλεύθεροι.

[5]) Cf. № 3, p. 91.

[6]) p. 125: τὴν ἐξ ἀγορασίας ἀπὸ τῆς θυγατρὸς τοῦ Τρίβολ ἐκείνου μερίδας δύο, μόδια ρκ΄, ὡς τῆς λοιπῆς τρίτης μερίδος κατεχομένης παρὰ τοῦ Σιναδινοῦ: для вопроса о значеніи μερίς.

имѣлъ еще дубовую рощу (для пастбища свиней — βαλανίδας) въ селѣ Сфолѣ[1]). Вдова Десія съ сыномъ Константиномъ платитъ подати 9 номисмъ; имѣетъ Зорицу виноградникъ въ 6 м., отъ родового его (?) имущества, χερσάμπελον въ 6 м. и пашню (γῆν) въ 100 мод., подати 4 номисмы; съ оставленнаго ею (имъ?) выморочнаго имущества: χερσάμπελον въ 2 мод., половинной доли и земли, — подать еще 4 номисмы. Это вѣроятный переводъ не вполнѣ яснаго текста[2]).

Таковы данныя къ сожалѣнію не дошедшаго вполнѣ хрисовула, наиболѣе обстоятельнаго изъ всѣхъ, данныхъ Меникейскому монастырю. Столь высокое обложеніе париковъ въ пользу монастыря сопровождалось и, вѣроятно, объяснялось совершеннымъ освобожденіемъ ихъ отъ податей казенныхъ, что̀ было подтверждено еще разъ особымъ указомъ Душана, вѣроятно 1357 г., съ ссылкою на данный имъ хрисовулъ и указы (προστάγματα)[3]).

Переходя къ грамотамъ на отдѣльныя имущества спеціально, выдѣляемъ во-первыхъ грамоты монастырю уже встрѣчавшагося намъ монаха Якова[4]) во имя св. Анастасіи Фармаколитріи. Первый изъ документовъ Якова относится повидимому къ 1333 г., одна изъ грамотъ Душана ему же помѣчена 5 индиктомъ, слѣд. 1352 г., такъ что между обѣими грамотами разница въ 19 лѣтъ, если въ датахъ нѣтъ ошибки. Грамоты Душана монастырю св. Анастасіи относятся къ пожалованію *стараго села* Острины возлѣ города Зихнъ[5]), подтверждая права собственности и податныя привилегіи обители св. Анастасіи, и къ землѣ двухъ братьевъ священниковъ Киріавловъ при селѣ Кастицѣ, съ освобожденіемъ ея отъ податей казенныхъ[6]). Присутствіе всѣхъ этихъ четырехъ актовъ въ меникейскомъ кодексѣ указываетъ на позднѣйшее сліяніе монастырей св. Анастасіи и Меникейскаго. Подобное предположеніе возможно допустить относительно монастыря τῶν Ἀσωμάτων, привилегіи котораго были подтверждены указомъ доместику Макрину, дошедшимъ въ очень плохой копіи[7]).

Къ частной крупной собственности относится хрисовулъ Душана, подтверждающій пожертвованіе его тетки Ирины Хумно Палеологъ на село Θоло, ея

[1]) p. 126: εἰς το χωρίον τὸν Πανακὸν ἀπὸ τῶν Κυνηγῶν . . . εἰς τὸ χωρίον τὸν Σφολὸν ἀπὸ τῆς ὑποστάσεως τοῦ Μερζάνη βαλανίδας. Cf. хрисовулъ 1345 г., p. 114: παλαιοχώριον εἰς τὸν Πάνακα τὸ ἐπικεκλημένον οἱ Κυνηγοὶ μετὰ τῶν ἐκεῖ παροίκων etc.; p.113: ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Σφολενοῦ δένδρα 40 βαλανιδέα. Замѣтна неустойчивость терминологіи.

[2]) p. 125: χήρα ἡ Δεσία ἔχει υἱὸν Κονσταντῖνον, οἰκιακὸν τέλος νομ. θ', ἔχει Ζωρίτζαν ἀμπέλιον μοδ. ς', ἀπὸ τῆς γονικῆς αὐτοῦ ὑποστάσεως, μόλωνα καὶ χερσάμπελον μοδ. ς' καὶ γῆν μοδ. ρ', τέλος νομ. δ'. ὑπὲρ τῆς ἐναπολειφθείσης ἐξ αὐτῆς (l. αὐτοῦ?) ἐξαλειμματικῆς ὑποστάσεως χερσάμπελον μοδ. β', τῆς ἡμισείας μερίδος καὶ γῆς τέλος νομ. δ'.

[3]) Изданъ впервые *Т. Д. Флоринскимъ*, Памятники законодательства Душана, Прил. VIII, стр. 220—1.

[4]) Cf. Menoec. № 11, 26 ed. Mikl.-M.

[5]) Menoec. № 33, a. 1352: παλαιὸν χωρίον περὶ Ζίχνα τὸ λεγόμενον Ὀστρινήν. Къ той же мѣстности относилась и грамота 1333 г., № 11 M.-M.

[6]) Menoec. № 29: τὴν περὶ τὸ αὐτὸ χωρίον (τὴν Κάστιτζαν) πᾶσαν ὑπόστασιν τῶν δύο αὐταδέλφων, ἱερέων τῶν Κυριαύλων ἐκείνων καὶ κληρικῶν τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας Ζελιχόβας. Cf. Ράλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα κανόνων, II 570.

[7]) Издана *Флоринскимъ*, ук. соч., Прил. VIII, p. 219, a. 1348.

родовую вотчину и ея наслѣдственный удѣлъ[1]). Только что упоминали объ указѣ доместику Макрину въ пользу монастыря τῶν Ἀσωμάτων (1348 г.)[2]); этотъ монастырь является метохомъ Меникейскаго въ хрисовулѣ неизвѣстнаго года, которымъ Душанъ подтвердилъ дарественную великаго доместика Раула на село Желиково[3]). Другой хрисовулъ подобнаго содержанія былъ данъ царскому человѣку (οἰκεῖος) Фоковулу на его владѣнія, по поводу его желанія подарить ихъ Меникейскому монастырю[4]).

Въ документахъ Меникейскаго монастыря XIV столѣтія мы видимъ села, париковъ и присельниковъ, но не наблюдаемъ ни общинъ, ни свободнаго крестьянства, хотя населеніе въ значительной степени было славянскимъ. Такія же отношенія обнаруживаетъ хрисовулъ епископіи Стагской, въ Македоніи, сохранившійся на стѣнахъ собора въ Калабакѣ[5]). Эта грамота Андроника Младшаго ссылается на хрисовулы XI вѣка Никифора Вотаніата и Алексѣя Комнина, на практикъ епископіи, на указъ самого Андроника и на другіе документы. Епископія владѣла париками съ землею, 19 зевгарями и сверхъ того 1000 модіями земли въ селѣ Кузельцѣ[6]) безданно и безпошлинно, клириками, жителями (ἔνοικος), селами, монастырями, находящимися подъ ея вѣдѣніемъ (ἐνορίαν) церковными и свѣтскими людьми, Влахами, Болгарами и Албанцами. Въ практикѣ протосеваста (praktora) Мануся сказано между прочимъ, что епископія имѣла въ своей собственности 31 клириковъ съ ихъ участками, и 65 инквилиновъ (ἐνοίκους) безъ земли[7]). При описаніи границъ владѣній епископіи встрѣчаемъ большинство славянскихъ именъ селъ и горъ[8]).

Акты Меникейскаго монастыря, изданные Миклошичемъ и Мюллеромъ безъ надлежащихъ критическихъ разысканій, хронологически перепутанные, частью подложные, представляютъ для пользованія значительныя трудности; однообразные инвентари эти для чтенія утомительны; и къ сожалѣнію, представляемый ими обильный матеріалъ даетъ выводы въ большинствѣ отрицательные для нашей за-

---

[1]) Menoec. № 17 a. a. περὶ τοῦ Ζίχνα διὰ γονικότητος χωρίον λεγόμενον τὸν Θολόν ἀφιερώσατο δὲ ἐξ αὐτοῦ .. τὸν ἐκεῖσε ἐρείπιον ναὸν ... μετὰ καὶ τοῦ ἐν αὐτῷ διακειμένου αὐλοτοπίου ὡσεὶ μοδ. κδ' ... ἠθέλησε δὲ πάλιν ἀπεμπολῆσαι ἀπὸ τῆς μερίδος αὐτῆς ἧς κατεῖχε .. δέδωκε καὶ τὸ πλέον τῆς μερίδος αὐτῆς.

[2]) Монастырь τῶν Ἀσωμάτων платилъ нѣкоему Преакоцелу ежегодно 7 иперпировъ и получилъ по грамотѣ освобожденіе отъ нея, при чемъ Преакоцелу была дана другая недвижимость съ равнымъ доходомъ. Тотъ же доместикъ Макринъ передалъ монахамъ земли въ разныхъ селахъ (ἐν διαφόροις χωρίοις) на стоимость 100 иомисмъ взамѣнъ отобранной у нихъ недвижимости. Menoec. № 19 ed. Mikl.-M.

[3]) Menoec. № 24. Cf. № 29.

[4]) Menoec. № 34, a. 1352. Ср. *Флоринскій*, 142-3. Cf. № 31, a. 1346 и № 32 a. 1349 — о мельницахъ. Льготы землямъ епископа Феремона: *Флоринскій*, ук. с., Прил. VIII α'.

[5]) Miklos.-Müller, V, p. 270—273, a. 1336.

[6]) παροίκους ἐνυποστάτους μετὰ τῆς γῆς αὐτῶν . . . χωροῦσης ζευγάρια 19 καὶ ἐπέκεινα τούτων.

[7]) εἶχεν ἡ .. ἐπισκοπὴ κληρικοὺς ἐνυποστάτους τριάκοντα ἕνα καὶ ἐνοίκους ἀνυποστάτους ἑξήκοντα πέντε. Подъ клириками можно разумѣть церковныхъ париковъ старожиловъ, подъ „жителями" — недавнихъ присельниковъ, не имѣвшихъ еще своихъ наслѣдственныхъ стасей. Однако ἔνοικοι можетъ означать совсѣмъ не земледѣльцевъ, но купцовъ и ремесленниковъ, приписанныхъ къ церковнымъ селамъ. Ср. новеллу Мануила Комнина объ имѣніяхъ Великой церкви: *Zachariae*, Jus G.-R. III, p. 447: προσκαθημένων παροίκων τε καὶ ἐνοίκων . . . ἔνοικοι πραγματευταὶ ἢ ἐργαστηριακοί.

[8]) Ibid. p. 272.

дачи. Мы бы ожидали въ XIV вѣкѣ, когда всѣ формы соціальной жизни Византіи уже должны были отлиться и застыть, во времена Сербскаго натиска къ югу, въ издавна полуславянскихъ областяхъ Македоніи, гдѣ топографическія имена говорятъ, повидимому, такъ много для слависта, — указаній на Славянскую общину свободныхъ крестьянъ. Вмѣсто того мы наблюдаемъ въ этихъ актахъ исключительное господство Византійскихъ отношеній крупнаго землевладѣнія и зависимаго крестьянства. Рядомъ съ вотчинными комплексами и фермами (οἰκονομίαι, ζευγηλατεῖα), гдѣ велось, можетъ быть, крупное хозяйство, состоявшими въ одномъ кускѣ или образованными изъ нѣсколькихъ, мы наблюдаемъ крестьянъ, самостоятельныхъ хозяевъ, имѣвшихъ свои участки, иногда родовые (γονικὴ ὑπόστασις) и платившихъ за нихъ „подворную" подать (οἰκιακὸν τέλος). Къ сожалѣнію, наиболѣе цѣнный документъ, отъ котораго мы ожидали бы данныхъ для крестьянской собственности, уцѣлѣлъ лишь въ фрагментѣ. Документы Мениккейскаго монастыря позволяютъ также сдѣлать выводъ, что парики не смѣшивались съ присельниками (προσκαθήμενοι), хотя и были поставлены къ нимъ близко. Документы не только постоянно упоминаютъ париковъ и присельниковъ рядомъ, но въ двухъ, по крайности, случаяхъ говорится о парикахъ *или* присельникахъ (указъ Цамвлакону, хрисовулъ 1345 г.). Всетаки какъ парики, такъ и присельники, объединяемые (см. тотъ же указъ) въ общемъ наименованіи ἔποικοι села, являются приписанными къ территоріи, повидимому, одинаково. Какъ одни, такъ и другіе могли подвергаться взысканіямъ и притѣсненіямъ со стороны сборщиковъ ситаркіи и другихъ податей, связанныхъ съ владѣніемъ землею, такъ что тѣхъ и другихъ слѣдуетъ считать хозяйничающими на своихъ участкахъ. Различіе между ними могло имѣть то основаніе, что парики могутъ предполагаться владѣющими родовыми, унаслѣдованными недвижимостями, усадьбами и землями, тогда какъ категорія присельниковъ могла объединять въ своемъ составѣ тѣхъ лицъ, которые сравнительно недавно были поселены и приписаны. Происхожденіе присельниковъ объясняется и общими разрѣшеніями крупнымъ вотчинникамъ, свѣтскимъ и церковнымъ, селить на своихъ пустующихъ земляхъ людей вольныхъ и казнѣ не знакомыхъ, а также, можетъ быть, случаями перевода отдѣльныхъ париковъ на новыя мѣста вслѣдствіе, напримѣръ, пожертвованія ихъ церкви. Впрочемъ, судя по нашимъ документамъ, парики остаются, по крайней мѣрѣ до первой ревизіи, приписанными къ ихъ прежней осѣдлости, къ мѣсту ихъ происхожденія. Связь между парикомъ и его (родовымъ) участкомъ обнаруживается между прочимъ въ усвоеніи участкамъ личныхъ именъ (ср. αὐλάκιον парика Цикала и другихъ въ хрисовулѣ 1345 г.) и въ наличности выморочныхъ крестьянскихъ участковъ, нѣкоторое время не включаемыхъ въ общую массу господскаго имѣнія (ἐξαλειμματικὴ γῆ τοῦ Δραγόη, хрис. 1321 г.); выморочныя стаси могли быть приданы сосѣду или ближайшему юридически лицу, не смѣшиваясь въ переписныхъ документахъ съ родовымъ участкомъ послѣдняго (хрис. Душана № 25 изд. Микл.). Кромѣ париковъ и присельниковъ, имѣвшихъ недвижимость (ἐνυπόστατοι),

существовали крѣпостные люди безъ земли. Къ этой категоріи, можетъ быть, слѣдуетъ причислить четверыхъ *людей* (ἄνθρωποι), упомянутыхъ въ концѣ хрисовула 1345 г., и 65 *безземельныхъ жителей* (ἀνυπόστατοι ἔνοικοι) въ Калабакской надписи, гдѣ парики-землевладѣльцы названы клириками.

Меникейскіе акты обнаруживаютъ полное господство крѣпостнаго права. Крестьянъ не только приписываютъ къ территоріи, упоминая ихъ въ числѣ угодій вотчины, но и отчуждаютъ ихъ съ землею, повидимому свободно. Подобно тому, какъ на территоріи одного села является нѣсколько крупныхъ вотчинниковъ, или какъ одна вотчина можетъ состоять изъ нѣсколькихъ крупныхъ и мелкихъ участковъ на территоріи различныхъ селъ, такъ и въ положеніи париковъ, при всей ихъ крѣпости землѣ, права, основанныя на собственности и пожалованіи, доминируютъ надъ послѣдствіями происхожденія и надъ естественными связями территоріальной или общинной близости. Отъ крестьянской общины нѣтъ въ Меникейскихъ документахъ, повидимому, никакихъ слѣдовъ.

---

10. Акты монастыря въ Струмицѣ.

Кодексъ обители τῆς Ἐλεούσης, 192. Хрисовулъ Алексѣя Комнина и освобожденіе отъ податей 12 безземельныхъ дворовъ монастырскихъ присельниковъ, а также монастырскаго скота, ib. Практикъ передачи 12 зевгаратныхъ париковъ и надѣленіе ихъ землею, при Мануилѣ Комнинѣ, 193.

Возлѣ г. Струмицы существуетъ до сихъ поръ монастырь Божіей Матери Милостивой (τῆς Ἐλεούσης), основанный въ 1080 г. и въ XIV в. добровольно подчинившійся Ивирскому монастырю на Аѳонѣ. Въ архивѣ послѣдняго сохранился кодексъ Струмицкой обители, содержащій кромѣ ктиторскаго устава и инвентаря еще 7 грамотъ императоровъ Комниновъ и составленный при Мануилѣ Комнинѣ актъ отвода монастырю земли для 12-ти дворовъ монастырскихъ париковъ. Этотъ послѣдній документъ былъ дважды изданъ, съ цѣннымъ историческимъ комментаріемъ, въ „Извѣстіяхъ" Института[1]).

Хрисовуломъ 1085 г.[2]) императоръ Алексѣй Комнинъ пожаловалъ монастырю имѣніе (τόπον) Крестовицу въ 500 мод., освободивъ монастырь, т. е. его усадьбу, вновь пожалованную землю и поселившихся на ней присельниковъ, отъ всякихъ податей и повинностей[3]). Въ 1106 г. вышелъ другой хрисовулъ Алексѣя, подтверждавшій прежній, закрѣпившій за монастыремъ усадебныя его земли, исчисленныя въ 162 модія, и наконецъ опредѣлившій подробно безпошлинность живого инвентаря обители. На первомъ мѣстѣ поставлены парики. Мы видѣли въ первомъ хри-

---

[1]) Отдѣльно *Ѳ. И. Успенскимъ* въ статьѣ: „Актъ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой", въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, I, 1—84; вмѣстѣ со всѣмъ кодексомъ по копіи *Е. Миллера*, въ статьѣ *P. Louis Petit*: „Le monastère de Notre Dame de Pitié, Извѣстія т. VI, 1—153.

[2]) Stroum. № 1, ed. *Petit*.

[3]) ἐξκουσσεία δὲ προσέσται... τῇ τε τοιαύτῃ μονῇ καὶ τῇ δωρηθείσῃ αὐτῇ γῇ μετὰ καὶ τῶν ἐν αὐτῇ προσκαθεζομένων.

совулѣ, что и тамъ были упомянуты присельники, но глухо, безъ опредѣленія ихъ числа и состоянія. Здѣсь же, въ хрисовулѣ 1106 г., опредѣлено и то, и другое: дароване было освобожденіе отъ податей двѣнадцати нарикамъ, притомъ свободнымъ (отъ тягла), не имѣющимъ стасей и не несущимъ податей [1]), при условіи, чтобы эти парики обработывали монастырскія поля и отбывали личныя повинности въ пользу монаховъ; по этому они были освобождены отъ казенныхъ податей и казенныхъ повинностей [2]). Текстъ хрисовула не даетъ права думать, чтобы эти 12 дворовъ были выведены на монастырскую землю вслѣдствіе того же императорскаго хрисовула, чтобы они были подарены монастырю правительствомъ: грамота устанавливаетъ число и состояніе крестьянскихъ семействъ, на которыхъ распространяется льгота, притомъ подъ условіемъ, если они будутъ работать на монастырь. Точно также далѣе хрисовулъ 1106 г. устанавливаетъ число мелкаго, крупнаго, рабочаго скота, принадлежащаго монастырю, — на которое распространяется постоянное освобожденіе отъ пастбищнаго и другихъ казенныхъ сборовъ [3]), взимавшихся съ „пасущагося" и съ рабочаго скота. Перечислено 150 овецъ, 40 быковъ не рабочихъ (ἀγελαίων), 10 кобылъ, 6 паръ воловъ подъяремныхъ (ζευγαρίων ἕξ) и наконецъ два мула. Весь этотъ скотъ принадлежалъ монастырю, и императорскій хрисовулъ установляетъ, что приведенное опредѣленное число скота будетъ всегда (ἀεί) освобождено отъ казенныхъ сборовъ. При этомъ, подобно парикамъ, шесть паръ воловъ (ζευγάρια) должны были обработывать монастырскія поля и на этомъ лишь основаніи была дарована для нихъ льгота [4]).

При Мануилѣ Комнинѣ въ 1152 г. императорскимъ агентомъ (ἐνεργῶν) Цангицаки составленъ актъ, озаглавленный въ кодексѣ слѣдующимъ образомъ: „Практикъ передачи 12 зевгаратныхъ париковъ, подаренныхъ вамъ хрисовулами вмѣстѣ съ относящейся къ нимъ землею" [5]). Судя по тому, что хрисовулы названы безъ эпитета царскій, священный или т. п., судя по слову ὑμῖν и по другимъ признакамъ, рубрика эта не оффиціальная, но принадлежитъ, повидимому, редактору кодекса. Въ документѣ приведено полностью прошеніе, поданное императору игуменомъ Струмицкаго монастыря. Въ этомъ прошеніи упомянуто о пожалованіяхъ, сдѣланныхъ Алексѣемъ Комнинымъ, въ неточныхъ выраженіяхъ, несогласныхъ съ яснымъ смысломъ самаго хрисовула Алексѣя. Сказано именно, что Алексѣй пожаловалъ монастырю землю въ 500 мод., 6 (зевгарей) паръ воловъ рабочихъ для обра-

---

[1]) Strum. № 2, p. 29 *Petit*: δίδωσι τοῖς μοναχοῖς καὶ παροίκων ἐξουσσείαν ἐλευθέρων καὶ ἀτελῶν μήτε στάσεις ἰδίας ἐχόντων μήτε δημοτελέσι προσκοκειμένων δώδεκα.

[2]) ὡς ἂν ἐργάζωνται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν τῶν 500 μοδίων καὶ δουλεύωσι τοῖς... μοναχοῖς... παντὸς τέλους καὶ παίσης ζημίας, ἔτι δὲ καὶ ἀγγαρείας καὶ ἐπηρείας ἀπηλλαγμένοι.

[3]) ἐξουσσείαν ἀεὶ τοσούτην ζῴων ποσότητα ἐκ τε ζευγολογίου, ἀερικοῦ, ἀνωρίου καὶ παντὸς ἑτέρου κεφαλαίου, ἀπό τε τῶν ἐργαζομένων τὴν γῆν ζευγῶν καὶ ἀπὸ τῶν νεμομένων ζῴων ἀπαιτουμένου.

[4]) Τὰ δὲ μόνοι ἓξ ζευγάρια τὴν δωρηθεῖσαν αὐτοῖς γῆν τῶν 500 μοδίων ἐργαζόμενα ἔσονται καὶ οὕτως ἕξουσι καὶ τὴν ἐξουσσείαν. Слово αὐτοῖς нужно относить къ монахамъ, ср. ниже εἰ δὲ καὶ ἀμπέλους καταφυτεύσουσιν (sc. οἱ μοναχοί).

[5]) Τὸ πρακτικὸν τῆς παραδόσεως τῶν δώδεκα ζευγαράτων παροίκων τῶν διὰ χρυσοβούλλων ὑμῖν δωρηθέντων μετὰ καὶ τῆς ἀνηκούσης αὐτοῖς γῆς.

ботки пожалованной земли съ освобожденіемъ ихъ отъ казенныхъ сборовъ, и наконецъ 12 париковъ, тогда какъ подлинный хрисовулъ Алексѣя даруетъ, кромѣ земли, лишь податныя льготы для 6 зевгарей и 12 париковъ, уже принадлежавшихъ монастырю[1]). Какова ни есть причина разницы между текстомъ хрисовула и игуменскаго прошенія, предпочтеніе должны мы отдать подлинному документу. Болѣе важныя извѣстія находимъ относительно 12 крестьянскихъ семействъ. Прежде, по словамъ прошенія, они числились актимонами (ἀκτήμονες), не имѣвшими своихъ недвижимыхъ имуществъ (ὑποστάσεις). Этому отвѣчаютъ вышеприведенныя выраженія хрисовула Алексѣя, называющія льготныхъ париковъ свободными отъ казеннаго тягла (по землѣ). Теперь же „по волѣ царства твоего (т. е. Мануила) всѣ 12 дворовъ являются занесенными въ писцовыя книги (τοὺς τοιούτους δώδεκα στίχους), обладаютъ принадлежащей имъ землею (ἀνηκούσῃ αὐτοῖς γῇ), и являются уже не актимонами, но зевгаратными крестьянами[2]).

Императоръ отвѣтилъ на прошеніе утвердительно, пользуясь самими выраженіями игумена. Указавъ опредѣленно, отъ какихъ казенныхъ податей и повинностей освобождены монастырскіе парики, онъ постановилъ, что они вмѣстѣ съ подобающей (ἀνηκούσῃ) имъ землею должны быть переданы монастырю въ формѣ особаго практика. И въ этомъ рескриптѣ словоупотребленіе нуждается въ разъясненіи: терминъ παραδοθήσονται (οἱ πάροικοι) не означаетъ, что парики до указа не находились на монастырской землѣ, но имѣетъ тотъ смыслъ, что указъ, утверждая за монастыремъ париковъ, ставшихъ зевгаратными, снова формально вводилъ монастырь во владѣніе. Переходъ париковъ изъ состоянія актимоновъ въ категорію зевгаратныхъ имѣлъ мѣсто вслѣдствіе правительственной переписи монастырскаго имѣнія, произведенной при самомъ Мануилѣ[3]), и относился до земельнаго устройства крестьянъ. Актимоны характеризуются какъ не имѣвшіе земельныхъ участковъ (они могли быть въ тоже время зажиточными владѣльцами стадъ); зевгаратные крестьяне характеризуются какъ владѣльцы такого участка земли, который былъ достаточенъ для полнаго крестьянскаго хозяйства съ парою воловъ. Поэтому остается заключить, что произведенная при Мануилѣ ревизія, на которую намекаютъ разбираемые документы, сопровождалась надѣленіемъ монастырскихъ париковъ землею. Пріѣхавъ въ монастырскій метохъ Мостеницу, обнимавшій пожалованные Алексѣемъ 500 модіевъ земли, чиновникъ Цангицаки нашелъ шесть зевгаратныхъ дворовъ, расположенныхъ на территоріи метоха, и кромѣ того сидящихъ за предѣлами монастырскихъ земель[4]) еще 6 также зевгаратныхъ париковъ Струмицкаго

---

[1]) Strum. № 8, ed. *Petit:* ἐπεφιλοτιμήσατο ταύτην (τὴν μονὴν) διὰ χρυσοβούλλου λόγου γῆν μοδίων πεντακοσίων καὶ ζευγάρια δουλικὰ ἐξ ἐργάζεσθαι τὴν τοιαύτην γῆν τῶν 500 μοδίων, καὶ εἶναι ταῦτα πάσης ἐπηρείας ἀνώτερα.

[2]) τὰ νῦν δὲ τῇ ἀντιλήψει τῆς ἁγίας βασιλείας σου γεγόνασιν οἱ τοιοῦτοι ἀπὸ ἀκτημόνων ζευγαράτοι, καὶ ὑποπτεύομεν... μήποτε ὀχλούμεθα.. διὰ τὸ ἀκτήμονας μὲν διωρηθῆναι τῇ μονῇ τοὺς δηλωθέντας παροίκους, νῦν δὲ εὑρισκομένους ζευγαράτους.

[3]) ἀντιλήψει τῆς βασιλείας σου.

[4]) ἔξω τῆς μονῆς προσκαθημένους.

монастыря, бывшихъ при Алексѣѣ актимонами и въ этомъ состояніи безземельныхъ присельниковъ получившихъ льготу по хрисовулу Алексѣя[1]).

Чиновникъ Цангицаки „передалъ" этихъ 12 париковъ во владѣніе и пользованіе безданно и безпошлинно[2]), въ совершенную и неотъемлемую собственность на вѣки, чтобы монастырь извлекалъ изъ нихъ всяческій доходъ[3]). При этомъ Цангицаки подтвердилъ освобожденіе париковъ отъ всякихъ податей казенныхъ и повинностей[4]). Такъ какъ перечисленные зевгаратные парики должны были быть переданы съ подлежащей имъ[5]) землею, а число модіевъ на каждый дворъ было не извѣстно, такъ какъ земельныя отношенія въ „Болгарскихъ" ѳемахъ были не урегулированы, то Цангицаки счелъ должнымъ исходить изъ того факта, что по хрисовулу Алексѣя была пожалована земля въ 500 модіевъ и она считалась соотвѣтствующей шести рабочимъ ярмамъ (парамъ воловъ); и въ прошеніи игумена было показано, что эти 500 модіевъ обработывались шестью парами воловъ. Цангицаки счелъ справедливымъ исчислить потребное количество на 12 париковъ цифрою 1000 модіевъ[6]). Какимъ образомъ Цангицаки поступилъ, чтобы прирѣзать изъ пустовавшихъ казенныхъ земель, исчезнувшихъ изъ податныхъ стиховъ, потребное количество земли, подробно описано имъ самимъ въ практикѣ и разъяснено Ѳ. И. Успенскимъ въ цѣнномъ введеніи къ его изданію этого документа[7]).

Для насъ остается замѣтить, что Цангицаки не распредѣлилъ прирѣзанную и прежде пожалованную землю между монастырскими париками, и слѣдовательно ихъ надѣлы не были обозначены въ писцовыхъ книгахъ. Наоборотъ, за предѣлами монастырской, вновь заселенной земли не только существовали отдѣльные большіе куски на территоріи селъ[8]), но повсюду границы монастыря встрѣчаются съ отдѣльными χωράφια въ 30 модіевъ и менѣе, съ обмежеванными участками казенныхъ крестьянъ и иныхъ собственниковъ[9]).

На этомъ примѣрѣ наблюдается появленіе неустойчиваго, зависимаго владѣнія въ предѣлахъ монастырской вотчины, ядра зависимой общины съ надѣлами,

---

[1]) Парики перечислены въ практикѣ кратко, съ прибавленіемъ слова „зевгаратный" и въ нѣкоторыхъ случаяхъ имени сына или зятя-наслѣдника, напр. Μιχαὴλ Μαλετσινὸν ἤτοι Τζέρνον τὸν γαμβρὸν αὐτοῦ.

[2]) οὓς καὶ παραδεδώκαμεν πρὸς τὴν . . . μονὴν ἐπὶ τῷ κατέχεσθαι τούτους παρ' αὐτῆς καὶ νέμεσθαι ἀτελῶς πάντη καὶ ἀβαρῶς.

[3]) κατὰ τελείαν καὶ ἀναφαίρετον δεσποτείαν εἰς τὸν αἰῶνα τὸν ἅπαντα, ὡς ἂν τὴν ἐξ αὐτῶν ἀποκερδαίνουσα ἡ μονὴ παντοῖαν πρόσοδον.

[4]) ἀνώτερα διατηρουμένους παντὸς δημοσιακοῦ λειτουργήματος, ζευγολογίου δηλαδή, ἐννομίου, ἀμπελοπάκτου (слѣдовательно, тоже казенная подать, ср. Хиландарскій практикъ) μελισσοεννομίου, ἀερικοῦ καὶ λοιποῦ κεφαλαίου τῷ δημοσίῳ ὀνομαζομένου τε καὶ εἰσοδιαζομένου. Повинности: ἀπὸ τε ψωμοζημίας, ἀγγαρείας, παραγγαρείας καὶ ἄλλης πάσης παραλόγου ἐπηρείας.

[5]) τῆς ἀνηκούσης αὐτοῖς γῆς.

[6]) Ἄδηλον δὲ ἦν τοῦ μοδισμοῦ τοῦ παραδοθησομένου ἑκάστῳ αὐτῶν τὸ ποσὸν διὰ τὴν ἀνάχυσιν τῆς γῆς... ἐπὶ τῇ δωρεᾷ τῆς γῆς τῶν 500 μοδίων, ἐξ δουλικὰ ζευγάρια ἐκχωροῦσαν αὐτῇ εἰς ἐργασίαν αὐτῆς . . . τὴν τοῦ ἡγουμένου ὑπόμνησιν δηλοῦσαν τῶν 500 μοδίων τὴν γῆν ἐργάζεσθαι· διὰ δουλικῶν ζευγαρίων ἐξ . . . . λογίσασθαι εἰς τοὺς . . . 12 ζευγαράτους παροίκους . . γῆν μοδίων χιλίων.

[7]) Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, I, стр. 10—24.

[8]) ἐν τῇ περιοχῇ τοῦ χωρίου Παλαιοκάστρου τοπίον ἄπορον τυγχάνον πρὸ πολλῶν χρόνων въ 100 мод., p. 44, ed. *Petit*.

[9]) Strum. p. 41—44, ed. *Petit*.

обусловленными работоспособностью крестьянскаго двора, а не правами собственности, закрѣпленной казенными книгами оффиціально.

---

11. Акты Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря.

Практики Руссика: метохъ на Лимносѣ и отводъ трехъ зевгарей земли, 196; метохъ на Кассандрѣ и измѣреніе зевгарей, 197; метохъ въ Ревеникіи и перепись пароиковъ съ означеніемъ вондатныхъ и зевгаратныхъ участковъ, а также подати, ib. Хрисовулы Руссика: Андроника Старшаго и Іоанна Палеологовъ, и опредѣленіе зевгаратикія; сербскіе хрисовулы Душана и записи, 198.

Акты Аѳонскаго Русскаго монастыря св. Пантелеимона, старательно собранные и изданные[1]), содержатъ рядъ цѣнныхъ данныхъ для исторіи землевладѣнія. Среди нихъ находимъ во-первыхъ *четыре* практика. Къ безусловно греческой области относятся два документа начала XV вѣка о пожертвованіи императоромъ Мануиломъ Палеологомъ трехъ *зевгарей* земли, изъ наличности свободныхъ (отъ податей) царскихъ земель на о. Лимносѣ, притомъ лучшаго качества и за предѣлами царскихъ *мызъ*[2]). Чиновники не нашли на островѣ земли площадью до трехъ модіевъ въ особо отграниченномъ кускѣ (ἰδιοπεριορίστῳ τόπῳ), но отвели въ своемъ практикѣ[3]) нѣсколько участковъ пахоти, которыми владѣлъ по пожалованію „покойный Николай, сынъ Евдокима", внутри своей *экономіи*[4]).

Площадь въ три зевгаря была составлена изъ слѣдующихъ пахотныхъ участковъ (χωράφια): 1) у выхода изъ стараго городища, возлѣ участка Палеолога, въ 3 модія; 2) особо отграниченный (ἰδιοπεριόριστον) возлѣ Фоки, въ 5 модіевъ; 3) и 4) два другихъ возлѣ названныхъ сосѣдей, въ четыре модія каждый; 5) огороженный (ἐσώθυρον) и отграниченный (ἰδιοπεριόριστον), соединенный заборомъ съ проходящей тамъ тропой[5]) и доходящій до морского берега, въ 15 модіевъ; внутри была посадка въ $^1/_2$ модопула[6]); 6) и 7) еще два участка въ 12 и 5 модіевъ; 8) огороженный (ἐσώθυρον) съ новымъ садомъ внутри (ἐσωκήπιον), всего 40 модіевъ; 9) возлѣ Палеолога (ср. № 1) въ 5 модіевъ; 10) рядомъ съ его же имуществомъ (въ другой, повидимому, мѣстности), прибрежный, съ мѣстомъ для загона скота[7]), вмѣстѣ съ двумя другими прилежащими участками св. Ирины и нѣкоего Челеби, всего 70 модіевъ; 11—18) восемь участковъ въ различныхъ мѣстностяхъ и различныхъ величинъ въ 25, 3, 5, 6, 50, 10, 110 и 160 модіевъ; 19) участокъ, которымъ безъ права (ἀμετόχως, не имѣя участія) владѣлъ Дикефалъ, у котораго

---

[1]) Акты Русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Кіевъ 1873.

[2]) Acta Rossici, № 24, a. 1407: ἀπὸ ἐλευθέρας βασιλικῆς γῆς κρείττονος ποιότητος καὶ ἔξω οὔσης τῶν βασιλικῶν ζευγηλατείων, γῆς ζευγαρίων τριῶν.

[3]) Ross. № 25, a. 1407.

[4]) Ibid. ἅπερ ἐκράτει... λόγῳ εὐεργεσίας ἐντὸς τῆς ποσότητος τῆς οἰκονομίας αὐτοῦ.

[5]) Χωράφιον διὰ τοῦ . . τροχάλου ἐνωμένον τῷ ἐκεῖσε μονοπατίῳ. Cf. ниже ἕτερον . . ἐνοῦται τὰς ἐκεῖσε δύο ὁδούς.

[6]) Νεόφυτον ἡμελημένον ὡσεὶ μοδοπουλίου ἡμίσεως.

[7]) Νομὴν ἣν εἶχεν ὁ Εὐδόκιμος... διὰ ἀνάπαυσιν τῶν ζώων αὐτοῦ.

поэтому онъ былъ отобранъ, въ 6 модіевъ; 20) поле у Роданій, называемое Котіевымъ (τοῦ Κότη), и поле у Старухи (περὶ τὴν Γραῖαν), которыми монастырь владѣлъ сообща съ Туркоіоанномъ[1]); 21) огороженный (?) пахотный участокъ (ἐκωθυρεσχωράφιον) въ 107 модіевъ; 22) еще поле Гонія (Уголъ), въ 25 модіевъ. Отведено было Русскому монастырю въ болѣе чѣмъ 20 кускахъ пахотной земли огороженной (ἐκωθυρεσχωράφια) 616 модіевъ, а всей вообще 748 модіевъ. Это пространство должно было приблизительно соотвѣтствовать пожалованнымъ тремъ *зевгарямъ* земли, почти 280 модіевъ на одинъ зевгарь.

Въ слѣдующемъ, подобномъ по содержанію, Пантелеимоновскомъ документѣ находимъ для зевгаря значительно меньшую цифру модіевъ. На плодородной Кассандрѣ, сосѣднемъ съ Аѳономъ полуостровѣ, было пожаловано нѣсколько лѣтъ спустя 30 зевгарей земли съ древнимъ селомъ св. Димитрія (*παλαιοχώριον τὸν ἅγ. Δημήτριον*), и былъ составленъ на нихъ практикъ[2]). На этотъ разъ всѣ 30 зевгарей были отведены изъ свободныхъ земель и въ одномъ кускѣ, рядомъ съ землями Ватопедскаго монастыря и какого-то Солина. Границы, описанныя въ практикѣ, имѣли общее протяженіе 418 *σχοινία*, и за вычетомъ неудобной земли оказалась площадь въ 4039½ царскихъ модіевъ послѣ *десятиннаго исчисленія* — *μετὰ τὸν ἀποδεκατισμόν*. По этому расчету на 1 зевгарь приходится почти по 135 мод. Разница между количествомъ модіевъ въ одномъ зевгарѣ по даннымъ Лимносскаго и Кассандрскаго практика можетъ объясняться различнымъ качествомъ земли и вычетомъ земель неудобныхъ во второмъ случаѣ.

Третій Пантелеимоновскій практикъ[3]) обозначаетъ границы земель, пожалованныхъ въ области (*χώρα*) Ревеникіи, въ мѣстности (*τοποθεσία*) Покрента (τοῦ Πολρεντοῦ); эта половина документа не представляетъ замѣчательнаго и составлена не аккуратно. Слѣдуетъ перечень париковъ, приписанныхъ къ землямъ, вмѣстѣ съ ихъ собственными полями, садами и прочими недвижимостями[4]); списокъ париковъ кратокъ, но представляетъ интересъ. Первый дворъ К. Бека съ женой и 2 дочерьми, *βοιδάτον ὑποστατικόν, τέλος ὑπέρπυρα δύο*. Второй дворъ Д. Ѳеофани съ женой и 3 дѣтьми, тѣ же цензъ и подать. В. Станила съ 2 дѣтьми: *ὑποστατικόν*, та же подать. Очевидно, передъ *ὑποστατικόν* пропущено слово: *βοιδάτον* или *ζευγαράτον*. Кампанъ съ женой и дочерью, *ζευγαράτον ὑποστατικόν*, та же подать. Батьянъ (?) съ женой и 4 дѣтьми, имущества не означено, подати 1 иперпиръ. Георгій Влахъ съ женой и сыномъ имѣетъ 50 барановъ (*σφακτά*), подати 1 иперпиръ. Всего 6 дворовъ, изъ нихъ при двухъ послѣднихъ не означено недвижимаго имущества (*ὑποστατικόν*), и платятъ они не два иперпира, какъ другіе, но по одному. Подать съ нихъ обозначена терминомъ *τέλος*, тогда какъ напр. въ Патмосскомъ прав-

[1]) Ἅπερ μερίζει (partitur) μετὰ τοῦ Τουρκοιωάννου ὄντα, т. е. которыя (монастырь) раздѣляетъ съ Туркоіоанномъ, такъ какъ (поля) находятся въ (общемъ) ихъ владѣніи.

[2]) Ross. № 26, a. 1419.

[3]) Ross. № 27.

[4]) Ἀνθρώπους πτωχοὺς παροίκους μετὰ τῶν χωραφίων αὐτῶν, τῶν περιβολίων καὶ τῶν λοιπῶν κτημάτων.

тикѣ 1073 г. безземельные платятъ только подворную подать καπνικόν, и называются καπνικάριοι. Первые четыре двора, платящіе τέλος по 2 иперпира, имѣютъ имущество (ὑποστατικόν), обозначенное βοιδάτον (первые два двора), ζευγαράτον (четвертый), и при 3-мъ дворѣ обозначеніе βοιδάτον или ζευγαράτον выпало изъ текста. Въ этомъ практикѣ категорія зевгаратовъ не поставлена выше воидатовъ по размѣру подати, но одинаково. Оба термина, βοιδάτον и ζευγαράτον, обозначаютъ совершенно ясно двѣ категоріи участковъ, находящихся въ собственности (или во владѣніи) париковъ, и примѣнены непосредственно къ землѣ, не къ парикамъ, какъ напр. въ упомянутомъ Патмосскомъ практикѣ 1073 г.

Къ XI столѣтію, когда монастырь еще не принадлежалъ Русскимъ, относится четвертый практикъ Пантелеимоновскихъ метоховъ, или нѣсколько необычной формы актъ съ подписью и печатью, выданный Іоанномъ, податнымъ комиссаромъ (ἀναγραφεύς) областей Волера, Стримона и Ѳессалоники, на владѣнія въ Кассандрѣ[1]). Асикритъ Іоаннъ былъ посланъ записать въ казенныя податныя книги (δημοσιεῦσαι) всѣ города и села, не платившія казенную подать въ финансовое вѣдомство[2]). Прибывъ на Кассандру, онъ обмежевалъ, наложилъ казенную подать[3]) на имѣніе „св. Димитрій Фускулъ", метохъ обители св. Пантелеимона Сфренци (τοῦ Σφρέντζι), какъ назывался будущій Руссикъ. Слѣдуетъ описаніе границъ метоха св. Димитріи, при чемъ неоднократно упоминаются различныя прежде частновладѣльческія χωρία: τοῦ Ἰατροῦ, τοῦ Βρυζᾶ, τῶν Καμάρων. Въ концѣ текстъ испорченъ, можно разобрать лишь незначительную денежную и натуральную повинность или пошлину (συνήθεια, ἐλαστικόν и κανίσκιον) въ пользу какого-то чиновника, можетъ быть упомянутаго въ началѣ податнаго начальника διοικητής[4]).

Менѣе важности имѣютъ для насъ хрисовулы Пантелеимонова монастыря[5]). Въ 1312 г. Андроникъ Старшій подтвердилъ хрисовуломъ права Россика на два метоха въ Солунѣ и въ Каламаріи и на четыре имѣнія (ἀγρίδια), съ освобожденіемъ монастырскихъ земель отъ податей, за исключеніемъ четырехъ пошлинъ: φονικόν, παρθενοφθορία, εὕρεσις θησαυροῦ и σιταρκία (ἁλωνιαρικόν)[6]). Въ 1354 г. Іоаннъ Палеологъ пожаловалъ по хрисовулу новыя имущества: село на Стримонѣ Антисту съ Новоселомъ и мельницей (μυλοκοπεῖον), затѣмъ село Веникію[7]) съ тремя при немъ мызами (ζευγηλατεῖα) и прочими угодьями, село Егидомисту, село Довникію и въ ней церковь съ землей при ней, арендой съ виноградниковъ (τοῦ ἀμπελοπάκτου); затѣмъ онъ пожаловалъ родовую вотчину (τὸ ἀπὸ γονικότητος χωρίον) Іоанна

[1]) Ross. № 19.

[2]) Πάντα τὰ κάστρα καὶ χωρία τὰ μὴ τελοῦντα δημόσιον πρὸς τὸν διοικητήν.

[3]) Περιώρισα . . ἐδημοσίευσα καὶ ἐτύπωσα τελεῖν οὕτως.

[4]) Καὶ ὑπὲρ συνηθείας σὺν τοῦ ἐλαστικοῦ ἀργύριον ἓν φόλλεις 12. ὁμοῦ ἀμφότερα νόμισμα ἓν. καὶ τὸ κανίσκιον αὐτοῦ φωμίον ἓν, ὀρνίθιον ἓν, κριθάριον μοδ. ἓν οἴνου μέτρον τὸ ἥμισυ.

[5]) Въ двухъ частныхъ актахъ Ross. № № 23 и 22 идетъ рѣчь о властельскихъ имѣніяхъ, κτήματα: χωρίον Ἀντίστα μετὰ καὶ τοῦ Βενικείου etc. (пожертвованіе Алексѣя Палеолога Ross. № 23, a. 1375), и Βελτζήστα (запись Торникины, № 22, a. 1358).

[6]) Ross. № 20, a. 1312.

[7]) Ср. примѣчаніе выше, Ross. № 23.

Масгида — село Драгосту, еще одну мызу (ζευγηλατεῖον); пустыню возлѣ Ваими, по имени св. Георгій εἰς τὸν Σόμπρον, и другой метохъ въ Сересѣ[1]). Всѣ владѣнія монастыря Руссовъ освобождались отъ податей, въ томъ числѣ отъ *взысканія статьи ситаркіи, то-есть зевгаратикія*[2]). Текстъ этотъ можетъ быть понятъ иначе: κεφάλαιον можетъ означать отдѣльную отъ ситаркіи подушную (т. е. подворную) подать. Хрисовулъ Іоанна Палеолога 1354 г. повторяетъ съ нѣсколькими добавленіями перечень метоховъ въ хрисовулѣ Душана 1347 г.[3]). Два сербскіе хрисовула Стефана Душана, оба 1349 г., знакомятъ насъ съ славянской передачей вышеизложеннаго перечня метоховъ Руссика[4]); кромѣ земель Душанъ записалъ за монастыремъ жителя Сереса Георгія Лукеря или Лукариса съ дѣтьми, усадьбою и со всѣмъ его недвижимымъ имуществомъ[5]). Въ 1377 г. Евдокія съ сыновьями, деспотомъ Іоанномъ Драгошемъ и Константиномъ, записали за Русскимъ монастыремъ село Мокрань съ землей Лендиновой и со всѣми угодьями, село Макріево съ землями Тутковой и Сидерофаевой и со всѣми угодьями, и еще чисто славянскія села[6]).

Въ хрисовулахъ Руссика слѣдуетъ отмѣтить одно мѣсто, но весьма цѣнное, именно опредѣленіе *зевгаратикія*. Въ практикѣ вотчинъ Андроника Дуки (Patm. № 2) мы уже встрѣчались съ этой неразъясненной податью. Хрисовулъ Руссику 1354 г. ставитъ зевгаратикій въ соотношеніе съ ситаркіей, составной частью крестьянской основной подати или τέλος.

Ближе къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи стоятъ цѣнныя извѣстія практиковъ Русскаго монастыря. Матеріалъ, доставляемый этими документами для опредѣленія значенія и размѣровъ зевгаря, какъ единицы измѣренія земли, а также для техники межевого дѣла, привлеченъ и самымъ обстоятельнымъ образомъ изслѣдованъ въ работахъ Ѳ. И. Успенскаго, при изданіяхъ фрагментовъ Византійскихъ землемѣровъ и Струмицкаго акта. Практикъ метоха въ Ревеникіи представляется однимъ изъ наиболѣе ясныхъ источниковъ для вопроса о крестьянскихъ надѣлахъ въ Византіи, къ сожалѣнію его перечень весьма кратокъ, какъ бы фрагментъ. Очевидно всетаки, что крестьяне, хотя и не всѣ, владѣли наслѣдственными стасями или дворами, занесенными въ акростихъ. Судя по тому, что въ практикъ были записаны и женщины, крестьянскій дворъ переходилъ и къ нимъ, въ случаѣ

---

[1]) Ross. № 21, a. 1354.

[2]) Ἀπό τε τῆς συζητήσεως τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκείας ἤγουν τοῦ ζευγαρατηκείου.

[3]) Ross. № 38, a. 1347. Ср. *Флоринскій*, Законодательство Душана, 62.

[4]) Ross. № № 47 и 48, a. 1349. *Флоринскій*, 63—64.

[5]) Ross. № 48, p. 357: и приложи царство ми у Сѣрѣ человѣка Горгия Лукера сь дѣтцомь и сь кукнемь и сь всѣмь намѣстиемь що си имать.

[6]) Ross. № 52, a. 1377. Ср. № 53, a. 1380. Формула для обозначенія угодій: сь синоромь сь планиномь сь брьдомь с виногради с овощьемь с воденичьемь с кипурнами с полемь с лугомь с ловищи з бродови с рекомь. Послѣдующіе сербскіе документы Пантелеимоновскаго архива относятся къ не греческимъ мѣстностямъ. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ терминовъ ср. ἀγρός Ross. p. 74, χωράφιον 82, νομή и δεσποτεία 32, (σταυροδιαβασία) 32, στρέμμα 112, τοποθεσία . . . Καλὸ Ἄγρα 118, Λειβάδεια 136, 146; μανδριόσπητα, 136. Средняя полоса между владѣніями двухъ монастырей, 94.

отсутствія мужскихъ наслѣдниковъ; это впрочемъ извѣстно изъ многихъ подобныхъ документовъ, напримѣръ изъ описи Фоки въ кодексѣ Лемвіотиссы. Въ составъ крестьянскихъ стасей входили „пашни, сады и прочія имущества." Онѣ раздѣлялись на два разряда: βαϐάτον и ζευγαράτον ὑποστατικόν, обложенныя впрочемъ одинаковой податью. Ясно, что эти термины относятся къ недвижимости. Существованіе двухъ разрядовъ для крестьянскихъ имуществъ указываетъ на ихъ происхожденіе не изъ стародавней родовой собственности, но придаетъ стасямъ въ практикѣ Ревеникійскаго метоха значеніе присельническихъ надѣловъ на территоріи крупнаго владѣнія. Термины *зевгаратный* и *вовдатный* указываютъ въ свою очередь на цензъ или критерій, имѣвшій мѣсто при надѣленіи присельниковъ землею.

---

12. Акты Ватопедскаго монастыря на Аѳонѣ.

Перечень метоховъ Ватопеда въ хрисовулахъ 1292 и 1329 г г., стр. 200. Село св. Маманта, 201. Практикъ Ласкаря Метохита, 202.

Акты Ватопедскаго монастыря собраны, какъ и акты Руссика, и получили критическое изданіе [1]). Снова передъ нами въ документахъ перечни властельскихъ земель. Метохи по хрисовулу 1292 г. были расположены большей частью въ полуславянскихъ областяхъ. Упомянуты села по Стримону: Заверникія, Семелтъ съ вельицей по имени Водицей, къ которой были приписаны нѣсколько присельниковъ (προσκαθήμενοι); село Хотоливо; метохъ свв. Безсребренниковъ съ его присельниками, съ виноградникомъ и ежегодной ярмаркой; въ округѣ (περιοχή) Колнеца село Кримоты (τοῦ Κριμωτᾶ), при Плоской Тумвѣ земля Рафалія; на полуостровѣ Кассандрѣ метохъ и земля Леонтаріевъ; въ селѣ св. Маманта метохъ, парики, аренда съ виноградниковъ и земля, называемая Ватопедовой (τοῦ Βατοπεδίου); въ округѣ Алмира монастырекъ Спасителя съ находящейся при немъ незначительной землей; метохъ Еладьява, 380 модіевъ земли, и рядомъ другая земля; въ округѣ (περιοχή) мѣстечка (τόπου, въ другихъ документахъ: села, χωρίου) Сидерокавсія монастырекъ Б. Матери Спилеотиссы; возлѣ села Комитиссы (πλησίον τοῦ χωρίου τῆς Κομητίσσης) метохъ съ присельниками; метохъ Просфорій съ загономъ для скота (μάνδρα); роща хорошаго лѣса площадью на сто модіевъ; земля Сикаминея въ 100 модіевъ; половина бывшаго хутора (χώρα, al. χωρίον) Михаила на самомъ Аѳонѣ [2]). По хрисовулу Андроника Младшаго (1329 г.) монастырь Ватопедъ закрѣпилъ за собою слѣдующія новыя приложенія: въ Сересѣ и окрестностяхъ этого города метохъ св. Димитрія отъ семьи Кантакузиновъ, землю съ виноградниками

---

[1]) *Regel, W.* Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει Ἀθω ἱερᾶς καὶ σεβασμίας μεγίστης μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. Ἐν Πετροπόλει 1898.

[2]) Vatop. № 1, a. 1292. Хрисовулъ Андроника 1301 г. (Vatop. ed. Regel, № 2) перечисляетъ участки на самомъ Аѳонѣ подробнѣе, повторяя первый хрисовулъ во всемъ прочемъ.

вотчинную и покупную отъ кларика Калиногула, дома отъ Куртики и отъ какого-то Кенгарка — все властельскія владѣнія; въ Воденѣ страннопріимницу съ угодьями, купленную у стратопедарха Ангела и пожертвованную Еленой Палеологъ; метоки въ Ермиліи съ виноградниками и пахотными участками, пріобрѣтенными отъ разныхъ лицъ покупкой и даромъ, въ томъ числѣ, можетъ быть, и отъ крестьянъ; плонину Бычій Ключъ (τοῦ Βοῦ τὸ Πηγάδιν), два метоха, — пожертвованіе знатной госпожи Акронолитиссы. За тѣмъ крисовулъ упоминаетъ на Лимносѣ монастырь съ недвижимостью, пожертвованный его ктиторомъ, монахомъ Нифонтомъ; въ городѣ Веррія монастырь и различныя недвижимости отъ властеля Сарантина, равно какъ подъ городомъ мызу Крицисту и присельниковъ, по особому хрисовулу [1]). Упомянутое имѣніе Крициста въ 5 иперпировъ дохода называется въ хрисовулѣ 1329 г. мызою, ζευγηλατεῖον. Слѣдуетъ еще пять *мызъ* (ζευγηλατεῖα), изъ которыхъ двѣ или три носятъ имена владѣльцевъ. При мызѣ Парадисій обозначены пахотные участки, расчищенные въ лѣсу [2]). Гораздо большей по пространству *мызою* является имѣніе въ 100 иперпировъ дохода, отдѣленное изъ наслѣдства Султана Палеолога. Эта значительная часть *экономіи* Султана была отдана вдовѣ его съ освобожденіемъ отъ податей и съ правомъ пожертвовать въ монастырь и вообще распоряжаться свободно [3]).

Другимъ властельскимъ имѣніемъ, перешедшимъ въ собственность Ватопеда, является село св. Маманка возлѣ г. Каламаріи, пожалованное Душаномъ въ крисовулѣ 1346 г. [4]), со всей территоріей и угодьями, какъ имъ владѣли до того служилые люди Варварины (οἱ στρατιῶται Βαρβαρηνοί) и ихъ предшественники по владѣнію; присоединена была земля нѣкоего Муваки въ 300 мод. Кромѣ того по тому же хрисовулу Ватопедъ получилъ льготу отъ казенныхъ податей и поплинъ: зевгаратикія, градозиданія, пастбищнаго сбора съ монастырскаго скота. Эти льготы получили какъ сами имѣнія монастыря, такъ и парики и присельники: сборъ съ послѣднихъ называется γουβελιατικόν, взыскиваемый обычно въ Византійской имперіи, по словамъ хрисовула Душана [5]).

Возлѣ монастырскаго пирга св. Маманта въ 1369 г. было пожертвовано громадное имѣніе „земля Леонтаріева" въ 13000 мод. по грамотѣ великаго доместика Алексѣя Ласкаря Метокита, сына великаго логоѳета Ѳеодора Метокита, украси-

---

[1]) Vatop. № 8, a. 1324: διὰ τῶν πρακτικῶν τοῦ τε δομεστίκου ... τοῦ Ζωμῆ .. καὶ τοῦ πανσεβάστου .. Ψζυμεσκῆ, νομαδιαῖαν γῆν εἰς τὸ χωρίον τὴν Κριτζίσταν ἀπὸ τῆς ἀποσπασθείσης γῆς τοῦ Βογδάνου ἐκείνου εἰς ποσότητα διακοσίων πάντε. Это имѣніе было пожаловано Веррійскому монастырю свободнымъ отъ податей, съ правомъ селить казнѣ неизвѣстныхъ людей. Также были подтверждены приложенія отъ ктитора Сарантина, находившіяся въ вотчинѣ его и его родственника Султана (изъ фамиліи Комниковъ) уже 80 лѣтъ, съ льготами отъ казенныхъ податей по общему хрисовулу для всѣхъ эпиковъ Веррія. Въ этомъ случаѣ имѣемъ доказательство, что эпиками могли быть даже властели.

[2]) μετὰ τῶν ἐκλειωματικῶν χωραφίων τοῦ ἐκείσε Δόγγου.

[3]) Хрисовулъ Іоанна Палеолога, 1344 г., Vatop. № 5.

[4]) Vatop. № 6, ed. Regel.

[5]) ἵνα καὶ τὸ κεφάλαιον τοῦ ζευγαρατικίου καὶ τῆς καστροκτισίας καὶ τοῦ ἐνωμίου τῶν ζώων τῆς τοιαύτης μονῆς οὐδὲν ἀπαιτεῖται ἀπὸ πάντων τῶν κτημάτων αὐτῆς, ἀπό τε παροίκων, ξενοπαροίκων καὶ προσκαθημένων, ἢ τὸ λεγόμενον γουβελιατικόν, ὅπερ ἦν σύνηθες ἀπαιτεῖσθαι ἐν τῇ τῶν Ρωμαίων ἀρχῇ.

вшаго росписью и мозаиками соборъ монастыря Хоры въ Константинополѣ [1]). Позже, въ 1420 г., по царскому распоряженію (ὁρισμός) великій хартуларій Ласкарь Метохитъ выдалъ актъ передачи на землю упомянутаго великаго доместика Алексѣя Метохита при метохѣ (пиргѣ) св. Маманта, называемую Стиларіемъ (τὸ Στυλάριον), вмѣстѣ съ париками, находившимися какъ въ самомъ Стиларіи, такъ и жившими въ монастырскомъ селѣ св. Маманта. Переданъ былъ Стиларій не весь, но двѣ трети его земли и людей. Въ грамотѣ поименованы приписанные парики Стиларія, всего 12 дворовъ, изъ коихъ одинъ имѣлъ зевгарій и четыре имѣли βοΐδιον [2]). По обмежеваніи, подробно въ документѣ обозначенномъ, оказалось въ *селѣ* (χωρίον) Стиларіи всего 6362½ модія, изъ которыхъ Ватопеду было передано двѣ трети. Къ этому было прибавлено и передано тѣмъ же комиссаромъ (ἀπογραφεύς) Метохитомъ еще имѣніе при селѣ св. Маманта [3]). Оба новыхъ имѣнія Ватопеда были прежде казенною землею [4]). Въ 1414 г. монастырь получилъ еще царскую мызу (ζευγηλατεῖον) на о. Лимносѣ, называемую Хаули (τοῦ Χαούλη), площадью приблизительно въ пять зевгарей [5]).

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, большинство имуществъ Ватопеда въ Македоніи образовалось изъ властельскихъ земель. Приписанные къ нимъ люди именуются въ документахъ присельниками, προσκαθήμενοι. Изъ числа властельскихъ вотчинъ выдѣляются: земельные комплексы безъ селъ; наиболѣе крупнымъ изъ нихъ является земля Леонтаріевъ въ 13000 модіевъ, подаренная Алексѣемъ Метохитомъ, и часть вотчины Султана Палеолога, съ доходомъ въ 100 иперпировъ. Затѣмъ идутъ мызы (ζευγηλατεῖα): царская Хаули на Лимносѣ, властельская Крициста, Парадисій съ расчищенными участками (присельника?) Лонга, и другія. Слѣдуютъ частновладѣльческія села (χωρία): такъ названа также упомянутая Крициста и села Михаила, Комитиссы, Рафалія, Кримоты: все имена первыхъ владѣльцевъ. Не извѣстно, къ какому разряду по владѣнію слѣдуетъ отнести славянскія села по Стримону, названныя еще въ хрисовулѣ 1292 г. Наиболѣе крупныя приложенія, сдѣланныя властелями Ватопеду, относятся къ XIV и XV вѣкамъ, къ послѣднему періоду имперіи. Есть извѣстіе, что земли всѣхъ эпиковъ Верріи, въ числѣ коихъ упомянуты родовитые властели, получили льготу отъ казенныхъ (крестьянскихъ) податей въ половинѣ XIII вѣка. Можно было бы заключить, что эти вотчины образовались черезъ пожалованіе имъ казенной территоріи и казенныхъ париковъ. Однако акты называютъ крестьянъ на этихъ вотчинахъ присельниками.

Кромѣ крупныхъ частныхъ имѣній существовали старинныя села крестьянъ, бывшихъ, сравнительно незадолго до пожалованія монастырю, казенными и на-

---

[1]) Vatop. № 8, ed. Regel.

[2]) Vatop. № 11, ed. Regel, a. 1420.

[3]) Vatop. № 12, a. 1421.

[4]) Примѣръ крупнаго хозяйства на царскихъ земляхъ при помощи царскихъ воловъ (ζευγάρια): Vatop. № 13, ed. Regel, a. 1407.

[5]) Vatop. № 14, a. 1414.

селенныхъ казенными париками. Таковыми могли быть Сидерокавсій, гдѣ у Ватопеда былъ только метохъ, и Ермилій, гдѣ монастырь пріобрѣлъ рядъ участковъ, частью повидимому крестьянскихъ. Казенными *париками* было населено село св. Маманта и сосѣднее имѣніе Стиларій, хотя оба находились во властельскихъ рукахъ при переходѣ ихъ къ Ватопеду. Еще по хрисовулу 1292 г. монастырь имѣлъ въ этомъ селѣ метохъ, землю и париковъ. Все село было записано за монастыремъ по хрисовулу Душана въ 1364 г. До завоеванія оно находилось въ рукахъ, вѣроятно въ проніи, служилыхъ людей Варвариновъ. Рядомъ была деревня или имѣніе Стиларій, населенное париками, часть коихъ жила въ селѣ св. Маманта; Стиларій былъ пожалованъ Ласкаремъ Метохитомъ. Судя по тому, что оба хрисовула и практикъ Метохита называютъ крестьянъ париками, а на властельскихъ вотчинахъ упоминаются присельники, нужно предполагать село св. Маманта такимъ же казеннымъ селомъ, какимъ была Мантея по кодексу Лемвіотиссы. Однако практикъ Метохита при передачѣ 12 дворовъ Стиларія не упоминаетъ о наслѣдственныхъ участкахъ, но лишь обозначаетъ рабочій скотъ. Изъ 12 дворовъ одинъ имѣлъ зевгарь, пару воловъ, четыре по одному βοΐδιον, остальные, повидимому, не имѣли даже рабочаго скота. Таково было состояніе париковъ наканунѣ турецкаго завоеванія.

---

18. Изданные акты аѳонскихъ монастырей: Зографа, Филоѳея, Есфигмена, Ивирскаго, Дохіара, св. Павла и Хиландаря.

Изданія проф. Т. Д. Флоринскаго, 203. Хрисовулы Зографа, ib. Хрисовулъ Филоѳея, 204. Хрисовулы Душана Есфигмену, тяжба съ эпиками Рентины, ib. Ивирскіе документы. Записи жителей Іерисса и Сидерокавсія, 205. Хрисовулъ метоху Родоливо и подать зевгаратикій, ib. Хрисовулъ Душана Дохіару, 206. Документы монастыря св. Павла, ib. Хиландарскіе документы, греческіе, ib.; славянскіе, кромѣ практика, 207.

Акты прочихъ Аѳонскихъ монастырей до сихъ поръ не дождались полнаго изданія. О количествѣ ихъ и важности для исторіи землевладѣнія можно судить хотя бы по списку, напечатанному Цахаріэ во введеніи къ изданію новеллъ византійскихъ императоровъ (Jus Graeco-Romanum, III). Тѣмъ цѣннѣе являются труды проф. *Т. Д. Флоринскаго:* „Аѳонскіе акты въ собраніи Севастьянова" и „Законодательство Душана"; въ послѣднемъ трудѣ собраны доступныя данныя о хрисовулахъ и другихъ документахъ, относящихся къ Аѳону въ XIV вѣкѣ.

Хрисовулы аѳонскому болгарскому монастырю Зографу, Іоанна Палеолога 1342 г. и Душана 1346 г., жалуютъ лежащее на Стримонѣ село Хандакъ, со сложеніемъ 50 иперпировъ податей по статьямъ (?) ситаркіи, горнины (ὀρικῆς), градозиданія, на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ владѣлъ Хандакомъ епархъ (κατὰ τὴν διακράτησιν τοῦ ἐπάρχου) или, какъ у Душана, великій коноставлъ Меѳодій[1]).

[1]) *Флоринскій*, Аѳонскіе акты Севастьянова, Спб. 1880, стр. 78—81. Наиболѣе для насъ интересные межевые и юридическіе документы, числомъ до 12, и большинство хрисовуловъ — не изданы. Ср. *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, 36—38. Есть славянскій хрисовулъ Андроника Палеолога о метохахъ Зографа. *Григоровичъ*, Путешествіе по Европейской Турціи, 62. Ср. *Флоринскій*, 35.

Хрисовулъ Душана аѳонскому монастырю Филоѳея перечисляетъ метохи преимущественно въ области Сереса, при чемъ встрѣчается много названій, знакомыхъ по Меникейскому кодексу. Къ сожалѣнію текстъ хрисовула могъ быть прочтенъ далеко не вполнѣ[1]). При нѣкоторыхъ метохахъ читаемъ о приписанныхъ къ нимъ париках и присельникахъ, безъ какого-либо ихъ именного перечня. При метохѣ Чаина хрисовулъ упоминаетъ присельниковъ и париковъ съ ихъ виноградниками и пашнями[2]); при Желиховѣ землю, поле (χωράφιον) Просакій и подать зевгаратикій съ означенныхъ париковъ, присельниковъ и другихъ тамъ находящихся жителей, какъ владѣлъ этимъ (землями и парицами) протостраторъ Силадинъ; равно какъ зевгаратикій со всѣхъ монастырскихъ имѣній; далѣе перечисляются другія повинности, отъ которыхъ дарована льгота[3]); разрѣшено селить новыхъ париковъ съ распространеніемъ и на нихъ пожалованныхъ податныхъ льготъ[4]).

Далѣе, хрисовулъ Душана аѳонскому монастырю Есфигмену[5]) 1357 г., даровалъ или подтвердилъ за нимъ весь метохъ Красово. По предшествовавшей переписи (δι' ἀπογραφικῆς ἀποκαταστάσεως) у Есфигмена было отобрано $^2/_3$ метоха Красово и отдано Гаврилопулу и Фармаки, такъ что монастырю осталась всего треть. По ходатайству братіи, Душанъ записалъ за Есфигменомъ все село Красово, съ долями Гаврилопула и Фармаки, со всѣми землями и угодьями, съ париками, пашнями, виноградниками и мельницей; съ избавленіемъ отъ всякихъ податей, въ числѣ коихъ на первомъ мѣстѣ названъ зевгаратикій. Къ Есфигменову же монастырю относятся середины XIV вѣка[6]) двѣ копіи документовъ по тяжбѣ съ жителями (ἔποικοι) города Рентины изъ-за земли при этомъ городѣ, называемой „св. Николай Скутара" (τοῦ Σκουταρᾶ) и земли Врастовъ (τῶν Βραστῶν). Сначала дѣло происходило въ апелляціонной палатѣ καθολικοὶ κριταί, гдѣ изъ показаній братіи и явившихся трехъ изъ жителей (эпиковъ) Рентины, отъ имени прочихъ, выяснилось, что права монастыря древнѣе, а горожане Рентины завладѣли метохомъ „во времена смуты" по грамотѣ великаго папіи Цамвлакона, не знавшаго о правахъ Есфигмена. Конечно, эпики г. Рентины не являются крестьянской общиной[7]). Стефаномъ Душаномъ былъ данъ и общій хрисовулъ, неизвѣстнаго года, на всѣ метохи Есфигмена съ новыми приложеніями[8]). Среди длиннаго перечня монастырскихъ

---

[1]) *Флоринскій*, Аѳонскіе акты Севастьянова, 81—84.

[2]) τοὺς εἰς τὸ μετόχιον τοῦ Τζαΐνου προσκαθημένους καὶ παροίκους μαθ' ὧν ἔχουσιν ἐκ τῶν ἀμπελίων καὶ αὐλακίων.

[3]) καὶ ἔτι τὸ ζευγαρατίκιον τῶν τοιούτων παροίκων καὶ προσκαθημένων καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἐκεῖσε εὑρισκομένων ἐνοικούντων, ὡς ἐκράτει ταῦτα . . . ὁ Συναδηνός.

[4]) Существуютъ еще нѣкоторые для насъ интересные, но пока намъ недоступные документы Филоѳея: хрисовулъ Іоанна Палеолога о метохахъ на о. Лимносѣ, его же стратопедарху Хумну на село при Зихнахъ съ планиною; тяжбы Филоѳея съ Ивиромъ и Лаврой о земляхъ и пастбищахъ. *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, 46 сл.

[5]) *Флоринскій*, ibid., p. 85—86.

[6]) Вѣроятнѣе Андроника Младшаго, чѣмъ Душана, какъ полагаетъ *Флоринскій*, Законодательство Душана, 66—68.

[7]) *Флоринскій*, 88—90.

[8]) *Флоринскій*, 101—103.

землѣ съ парикамиъ находимъ только что упомянутую землю Врастовъ, называемую здѣсь χωρίον τὰ Βραστά; Красово на Стримонѣ все, метохъ у города Стефаніанъ; при селѣ Евхіановомъ (εἰς τὸ χωρίον τοῦ Εὐχιανοῦ) метохъ Ламій съ парикамиъ, присельниками, мельницей и прочими угодьями; половину села Портареи, на Кассандрѣ поле (χωράφιον) Пиргъ; при (селѣ?) Пеплегменѣ триста модіевъ земли, отбранной отъ *экономіи* Кунали; въ (селѣ) Сидерокавсіи двухъ париковъ съ землею.

Интереснѣе другихъ два Ивирскіе хрисовула того же Душана [1]). Длинный перечень метоховъ указываетъ на большое богатство Ивирскаго монастыря. Въ числѣ ихъ видимъ села (χωρίον), властельскія мызы (ζευγηλατεῖον) при селахъ, съ землями и угодьями, съ париками и присельниками или безъ оныхъ, метохи, въ томъ числѣ монастырь Ἐλεούσης въ Струмицѣ, отъ котораго сохранился типикъ. Въ метохѣ при г. Сересѣ приведена цифра 402 присельниковъ (προσκαθήμενοι). Отъ себя Душанъ прибавилъ освобожденіе метоха села Радолива отъ податей на сумму 400 иперпировъ, не говоря объ обычныхъ льготахъ для всѣхъ монастырскихъ имѣній. Сверхъ того Душанъ пожаловалъ другую половину села Портареи, данную нѣкоему Анатавлá. Всѣ парики и присельники, въ томъ числѣ и вновь пожалованные въ Портареѣ и находившіеся прежде во владѣніи (ὧν ἐκράτει) Анатавла, освобождались отъ лежавшихъ *на нихъ* податей и повинностей, изъ коихъ на первомъ планѣ названы κεφάλαιον (и) зевгаратикій.

Древнѣйшіе, да и громадное большинство Ивирскихъ документовъ не изданы. Особенно интересенъ былъ бы актъ (ἔγγραφος ἀσφάλεια) данный жителями кастра Іерисса (οἰκήτορες τοῦ κάστρου Ἰερισσοῦ) о томъ, что Ивирскому монастырю, называвшемуся тогда Климентовымъ, принадлежала земля у ихъ кастра Градиски (Градища); и они согласились платить за нее аренду Іоанну Ивиру [2]). Среди рукоприкладствъ (всего 75) нѣсколько славянскихъ именъ, и одно изъ нихъ передано глаголическими буквами. Епископъ *Порфирій* приводитъ по этому поводу выдержку изъ хрисовула 960 г. обители Колова о поселеніи париковъ изъ Болгарскихъ Славянъ въ мѣстности Іерисса [3]). Также преосв. Порфирій упоминаетъ какую-то запись 996 г. *села* Сидерокавсія Ивирскому монастырю [4]).

Льгота метоху Радоливо дарована была спеціальнымъ хрисовуломъ Душана, вышедшимъ немного раньше. Сказано, что при греческихъ властяхъ Радоливо платило подати наряду съ прочими имѣніями Ивирскаго монастыря сначала въ пользу царской казны (βεστιάριον), потомъ въ пользу проніаровъ (πρὸς τοὺς στρατίωτας); и сумма 400 иперпировъ, сложенная Душаномъ, составилась изъ двухъ статей:

---

[1]) *Флоринскій*, 91—96, оба 1346 г.

[2]) *Порфирій*, Первое путешествіе на Аѳонъ, ч. I, отд. 2, стр. 312-313.

[3]) *Порфирій*, ук. м., 315: τῇ μονῇ τοῦ Κολοβοῦ παροίκων ἀτελῶν τεσσαράκοντα δωρεὰν παρέχων (ὁ χρυσόβουλλος λόγος), ἀνθ' ὧν ἀφῃρέθησαν τοπίων ἀπὸ τῶν πάλαι παραδοθέντων [τῶν] τῷ μέρει ταύτης ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Ἰερισσοῦ παρὰ τῶν ἐνσκηνωθέντων ἐκεῖσε Σκλάβων Βουλγάρων.

[4]) Ibid. 314: τὸ δὲ ἴσον αὐτοῦ (ὑπομνήματος) ἀπαραποίητον ἐπεδόθη καὶ τῷ μέρει τοῦ χωρίου τῶν Σιδηροκαυσιτῶν. Объ этомъ селѣ Сидирокавсіи съ желѣзными рудниками ср. хрисовулъ Душана Лаврѣ Аѳанасія, *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, 98—100. Ср. его же, Законодательство Душана, 74. Не извѣстна пока еще „дарственная запись“ о владѣніяхъ Ивира, 1304 г. *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, 47.

двѣсти иперпировъ зевгаратикія и двѣсти основной подати κεφάλαιον [1]). Подтверждались и права монастыря на повинности приписанныхъ къ нему париковъ, жили ли они на монастырскихъ земляхъ, или на властельскихъ.

Дохіарскому монастырю на Аѳонѣ Душанъ пожаловалъ посадъ (καστέλλιον) Равеникію съ пиргомъ, съ париками и свободными жителями, съ виноградниками и пашнями, взамѣнъ отобранныхъ селъ Варнарова (гдѣ былъ метохъ Меникейскаго монастыря) и Свѣщаны (Σφεστιάνην) возлѣ городовъ Сереса и Планицы [2]).

Въ монастырѣ св. Павла путешественниками отмѣчены хрисовулы: Михаила Палеолога 1259 г. о метохахъ, среди которыхъ названъ монастырь св. Николая τοῦ Σκουτάρου [3]) съ владѣніями и париками; Іоанна (Мануила?) Палеолога 1405 г. на два села подъ Солунью; Іоанна VIII особенно интересный, повидимому, о метохахъ на о. Лимносѣ 1436 г. Въ послѣдней грамотѣ жаловалась земля Загаритовъ въ мѣстности (τωποθεσία) села Вуніадовъ съ тремя мандрами (становищами для скота), названными въ актѣ, и съ землей парика Евродабега. Наконецъ упоминается [4]) славянскій документъ о метохахъ, вѣроятно погибшій при недавнемъ пожарѣ монастыря св. Павла. Нѣсколько менѣе важныхъ для насъ документовъ изъ архива монастыря св. Павла изданы *Стояновичемъ* по фотографіямъ Севастьянова [5]).

Свѣдѣнія о Хиландарскихъ документахъ на греческомъ языкѣ находимъ наиболѣе полныя у *Т. Д. Флоринскаго,* Аѳонскіе акты. Первый изъ нихъ изданъ, впрочемъ, Боассонадомъ и за нимъ Цахаріэ [6]), и касается пожалованія села Кучи на Стримонѣ. Затѣмъ слѣдуютъ неизданная грамота Михаила Палеолога 1319 г. о метохахъ Хиландаря [7]) и хрисовулъ императора Андроника Палеолога того же года и того же содержанія [8]). Впрочемъ, еще къ 1317 г., вѣроятно, относится второй хрисовулъ Андроника о метохахъ, именно о селахъ Καστρίον и Κουτζῆ на Стримонѣ [9]). Къ 1321 г. относятся нѣсколько хрисовуловъ, подтверждавшихъ новыя пріобрѣтенія Хиландаря [10]). Къ монастырю перешло наслѣдство священника Модина, расположенное при монастырскомъ селѣ Островикѣ, площадью въ 3000 модіевъ земли, свободное отъ податей, пожертвованное и отчасти проданное тремя сыновьями Модина въ различное время. Затѣмъ было сложено тягло (τέλος) въ 60 иперп. ежегодно съ ἁλεία париковъ монастырскаго села Георгилы на р. Стримонѣ. Повидимому, эти рыбныя ловли принадлежали парикамъ всего села сообща. Въ Ѳесса-

---

[1]) Τὰ μὲν διακόσια ὑπέρπυρα ὑπὲρ ζευγαρατικίου, τὰ δὲ διακόσια ὑπὲρ κεφαλαίου. Ср. *Флоринскій,* Законодательство Душана, 68.

[2]) *Флоринскій,* 100—101.

[3]) Ср. хрисовулъ Есфигмена, *Флоринскій,* 51.

[4]) *Флоринскій,* Аѳонскіе акты, 48—49.

[5]) Стари српски хрисовульи, Споменик Срп. Кр. Ак. III (1890), стр. 5, 32 (два), 36, 50, 52, 53, ср. 49.

[6]) *Zachariæ,* Jus Graeco-Romanum III, coll. V, № 35. *Boissonade,* Anecdota Graeca, II, p. 63.

[7]) Отмѣчена у *Флоринскаго,* Аѳонскіе акты, 42.

[8]) *Флоринскій,* Аѳонскіе акты, 40.

[9]) *Флоринскій,* Аѳонскіе акты, 39-40.

[10]) *Флоринскій,* Аѳонскіе акты, стр. 41 и 42 (два хрисовула въ іюлѣ), 40 и 44 (въ сентябрѣ), 43 (неизвѣстнаго мѣсяца).

лоникѣ былъ записанъ виноградникъ, пожертвованный Хирагиной и свободный отъ податей по хрисовулу, общему для всѣхъ жителей (ἔποικοι) города, и еще нѣсколько недвижимостей. Далѣе перешли къ монастырю села Кумуцула и Крицяна съ землей Кондостефана въ 500 модіевъ, три мызы (ζευγηλατεῖα), изъ коихъ одна Георгила названа и селомъ, какъ въ вышеупомянутой грамотѣ о ἀλεία париковъ Георгилы. Еще закрѣпленъ за Хиландаремъ пиргъ, приложеніе Сербскаго короля, съ приписанными къ нему 500 модіями земли и 20 париками. Въ 1324 г. Андроникъ подтвердилъ права монастыря на село Кучу и два новыя села; въ 1327 г. двумя хрисовулами еще два монастыря [1]). Наиболѣе полный перечень Хиландарскихъ имѣній на греческомъ языкѣ содержится въ хрисовулѣ Іоанна Палеолога 1351 г., почти не прибавляющемъ новаго къ тому, что намъ уже извѣстно [2]).

Славянскихъ документовъ въ Хиландарѣ насчитано проф. Флоринскимъ тридцать шесть, всѣ сербскіе, кромѣ одного болгарскаго [3]). Для (сербскихъ) хрисовуловъ Душана Хиландарю существуетъ обзоръ содержанія въ трудѣ пр. Флоринскаго [4]). Первые два 1332 и 1336 г. подтверждаютъ и дополняютъ хрисовулъ краля Милутина о закрѣпленіи за Хиландаремъ приложеній, сдѣланныхъ протосевастомъ Хрелей [5]). Между прочимъ были пожалованы 50 людей „отъ подьградия (προάστειον) Щипьскога“, переименованные въ хрисовулѣ Милутина, села съ париками и ихъ дворами или стасями [6]). Особенность сербскихъ жалованныхъ хрисовуловъ въ сравненіи съ извѣстными намъ византійскими состоитъ въ перечисленіи барщинъ, дней и условій отбыванія личной и конной повинности: „отроци“ раздѣляются на тѣхъ, которые съ конями являются на барщину, и на безлошадныхъ [7]). Затѣмъ Стефанъ прибавилъ отъ себя подъ городомъ Щипомъ, въ Амборѣ, „стась парикихь 50 сь всѣми правинами и коупльницами“; 2 деревни или села; землю, которую прежде держалъ Ласкарь Котаниць и другую, которую прежде держали проніары греки Друкоманъ, Ласкарь и Сидерофаи. Въ 1343 г. Душанъ пожаловалъ еще цѣлый рядъ сербскихъ деревень и большое число Влаховъ, перечисленныхъ по именамъ. Въ двухъ хрисовулахъ къ монастырскому пиргу св. Вознесенія приписаны греческое село Гандарахорь „съ заселци села того Валавиромъ и с Коуцоулати и с Прьклищи“; село „подъ церковь“ Словине съ людьми и съ ливадами и „съ оулияникомь“, указаны границы села и перечислены люди и „отроки кои соу полюбили црьквь“; село Сухогрѣль съ людьми, перечисленными въ документѣ властеля Рудля по его же просьбѣ, со всѣми его имѣніями и людьми, которые по смерти Рудля переходили подъ непосредственную власть Хиландаря.

---

[1]) *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, 38, 40, 43.

[2]) *Флоринскій*, 40-41, ср. еще № 15, а. 1357, стр. 45.

[3]) *Флоринскій*, Аѳонскіе акты, стр. 22—32. Теперь есть и изданіе ихъ *Л. Стояновича*, въ Споменикѣ Сербской Академіи III (Бѣлградъ, 1890).

[4]) Законодательство Душана, стр. 33—58. Ср. его же Аѳонскіе акты, 63 и 76.

[5]) Ср. *Стояновичъ*, стр. 25—26.

[6]) село оу Ключи Кукаряне сь парикы и сь стаеми ихь и сь всѣми правилнами села того.

[7]) Ср. *Флоринскій*, Законодательство Душана, 35, 50, 55.

Рудль и его земли получали полный иммунитетъ. Особенно подробно перечисленіе метоховъ въ хрисовулѣ 1345 г., изданномъ Шафарикомъ. Послѣ пожалованія десятины съ царскихъ стадъ и сока (поземельной подати) съ монастырскихъ метоховъ, на сумму въ 4000 и 2000 иперпировъ, поименованы метохи Хиландаря въ Сербіи и Романіи[1]).

Изданные акты даютъ намъ представленіе, сколько важнаго для науки матеріала скрыто въ актахъ, извѣстныхъ лишь по имени. Парики-собственники засвидѣтельствованы многими документами. Ими было заселено пожалованное Зографу село Хандакъ, находившееся ранѣе во владѣніи (δεσπότης) знатныхъ лицъ. Парики и присельники были приписаны къ метоху Чаинъ со своими пашнями и виноградниками, также къ селу Желихову, гдѣ кромѣ двухъ названныхъ категорій крестьянъ названы и занесены въ книги другіе ἐνοικοῦντες. Парики и прочіе несли тягло, когда находились во владѣніи (проніи) Синадина, съ переходомъ къ монастырю получили льготу. Подобную картину представляетъ другое село съ славянскимъ именемъ, именно Красово на Стримонѣ. И тамъ монастырь Есфигменъ занялъ мѣсто проніаровъ по хрисовулу Душана. Парики упомянуты какъ живой инвентарь Красова. Бывшимъ казеннымъ селомъ представляется Сидерокавсій, гдѣ Ватопедъ владѣлъ землею. Въ 996 г. Сидерокавситы являются свободными (казенными) крестьянами, дающими Ивиру какую-то запись. Село это упомянуто въ хрисовулѣ Душана Лаврѣ св. Аѳанасія. Далѣе видимъ село Портарею: половина его отдана Есфигмену, другая, бывшая въ частномъ владѣніи (въ проніи), отдана Ивиру съ освобожденіемъ париковъ и присельниковъ отъ податей. Село Радоливо, метохъ Ивирскаго монастыря, ранѣе находилось въ проніи, и когда-то было царскимъ, платя подати царскому вестіарію. Парики Радолива жили и на властельскихъ земляхъ, но были всѣ пожалованы Ивирскому монастырю. Въ селѣ Вуніадовъ на Лимносѣ монастырь св. Павла владѣлъ, между прочимъ, однимъ париномъ съ землею. Сербскіе документы неоднократно говорятъ о дворахъ париковъ, называя ихъ „сталми" или стасями, и упоминая стаси рядомъ съ угодьями или „правилами" (δίκαια) всего села. Подъ „заселцами" слѣдуетъ разумѣть, повидимому, присельниковъ. Для чередованія монастырскаго владѣнія съ проніарскимъ также встрѣчаемъ извѣстія въ сербскихъ документахъ. Тѣ же условія вскрываетъ читателямъ Хиландарскій Практикъ.

Кромѣ париковъ и присельниковъ въ селахъ жило и безземельное населеніе. Хрисовулъ монастыря Филоѳея говоритъ о парикахъ, присельникахъ и другихъ людяхъ, находящихся въ селѣ Желиховѣ, при чемъ употребляетъ слово ἐνοικοῦντες, напоминающее намъ ἔνοικοι Калабакской надписи. Сюда же нужно отнести „свободныхъ жителей" кастеллія Ревеникія, подареннаго Дохіару (рядомъ были земли Руссика); ихъ слѣдуетъ отожествить съ елевтерами Хиландарскаго практика.

---

[1]) *Safarik*, Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, изд. 2, 1878. Также *Miklosich*, Monumenta serbica, p. 140. Для южнославянскихъ отношеній наиболѣе важны знаменитый Дечанскій хрисовулъ ок. 1330 и статуты, собранные въ Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium, vol. IV.

Парики и присельники упоминаются и на земляхъ, повидимому не входившихъ въ составъ територіи селъ, бывшихъ казенныхъ. Частновладѣльческими поселеніями были, повидимому, земля или село Врастовъ, село Евхіана; можетъ-быть, метохъ у Сереса съ его 402 присельниками, метохъ Скутара, Хиландарскій пиргъ съ землею и 20 париками; можетъ быть, Хиландарская вотчина Островикъ и мыза, иначе село Георгила. Парикамъ послѣдняго имѣнія принадлежала совмѣстно ἀλεία при ихъ селѣ. Сюда же нужно отнести πάροικοι ἀτελεῖς изъ Болгарскихъ Славянъ, поселенныхъ въ Іериссѣ въ 960 г.[1]).

---

14. Хиландарскій практикъ.

Характеръ практика и вступленіе, 209. Село Градецъ и прочія имѣнія Хиландаря, рубрика ѡдь проніе, 211; елевтери, 212; парики изъ проніи Скорѣвской, 213; цѣлыя села или только нѣсколько дворовъ въ монастырской собственности, ib. Доходы монастыря, 214. Монастырское и проніарское владѣніе рядомъ, 216. Зевгарь, 217. Стаси париковъ и нераздѣленная территорія, ib. Личная наслѣдственная собственность, 219.

Извѣстный Хиландарскій практикъ[2]) содержитъ перепись крестьянъ шести деревень въ жупѣ Струмской, въ Солунской области („державѣ"), а также перечень земельныхъ угодій, расположенныхъ преимущественно при этихъ деревняхъ.

Изданный практикъ представляетъ изъ себя не отрывокъ изъ большого монастырскаго практика, ибо онъ имѣетъ свое начало и конецъ, но оффиціальную выпись изъ казенныхъ податныхъ книгъ. Въ концѣ его читаемъ: „И за то се оучини и сьврьшисе и подадесе мои прахьтикь законьни и подьписань ѡловеномь печатию за вѣроу, и подадесе показене и прѣславьномоу монастироу црскомоу

[1]) Особенно важны аѳонскіе акты для изученія податной системы послѣднихъ вѣковъ Византіи. Къ сожалѣнію, между изданными документами монастырей, кромѣ Хиландаря, Руссика и Ватопеда, мы не видимъ переписей париковъ. Для терминологіи податей здѣсь мы отмѣтимъ мѣста, относящіеся къ зевгаратикію. При разсмотрѣніи Патмосскаго практика вотчинъ Андроника Дуки мы высказали предположеніе, что эта подать имѣетъ значеніе дополнительнаго сбора при взиманіи τέλος, состоявшаго изъ двухъ элементовъ καπνικόν (capitatio) и συνωνή (σιταρκία, annona). Въ одномъ изъ актовъ Руссика мы встрѣтили опредѣленіе: ἀπὸ συζητήσεως κεφαλαίου σιταρκίας ἤγουν ζευγαρατικίου, гдѣ зевгаратикій отожествляется съ ситаркіей; послѣ слова κεφαλαίου слѣдуетъ поставить запятую, разумѣя въ κεφάλαιον подать capitatio.

Въ нѣсколькихъ аѳонскихъ хрисовулахъ упомянуто освобожденіе отъ зевгаратикія, называемаго обыкновенно на первомъ мѣстѣ; въ хрисовулѣ Зографу вмѣсто него упомянута ситаркія. Зевгаратикій былъ податью париковъ, присельниковъ и даже упомянутыхъ выше ἐνοικοῦντας (Хрис. Душана мон. Филоѳея). Хрисовулъ Душана метоху Радоливо даетъ намъ уже отожествленіе зевгаратикія съ ситаркіей. Сказано именно, что сложенная съ Радолива казенная подать въ 400 иперпировъ состояла изъ двухъ частей: 200 иперп. зевгаратикія и 200 κεφαλαίου. Если κεφάλαιον означаетъ подушную подать, взимаемую подворно, (καπνικόν), то зевгаратикій означаетъ ситаркію. Извѣстно, что основная подать, Византійское τέλος, еще съ римскихъ временъ слагалась изъ capitatio и annona, перешедшихъ въ Византійскую эпоху въ (κεφαλητίων, κεφάλαιον) καπνικόν и въ ситаркію, вмѣсто которой встрѣчаемъ συνωνή (собственно форму отбыванія анноны) и въ позднѣйшее время зевгаратикій. Послѣдній означалъ еще въ Патмосскомъ практикѣ 1073 г. подать, особую отъ παροικιὸν τέλος.

[2]) Изданъ *Ѳ. И. Успенскимъ* въ Запискахъ Новороссійскаго Университета, т. XXXVIII (Одесса 1883) и изслѣдованъ какъ при самомъ изданіи, такъ и въ статьѣ *Ѳ. И. Успенскаго:* „Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи", IV и V (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 240 (1885 г.); и также въ статьѣ г. *П. Безобразова* „Патмосская писцовая книга", въ Визант. Врем., т. VII (1900 г.). Менѣе исправно, по тѣмъ же фотографіямъ Севастьянова, но безъ свѣрки съ подлинникомъ, изданъ затѣмъ *Л. Стояновичемъ* въ трудѣ: Стари српски хрисовульи, Споменик Срп. Кр. Акад. III, Бѣлградъ 1890, стр. 40—46.

рекоущоу срьбьскомоу за хранениѥ и оутврьждениѥ томоу манастироу, мсца ноѥбра ѥньдиктиѡна д҃і (Стояновичъ читаетъ а҃і). Тькьмина прахтикоу". Такимъ образомъ какое-то должностное лицо, котораго имени не сохранилось, составило практикъ, скрѣпило его своимъ моливдовуломъ „для вѣрности" и выдало монастырю для храненія и руководства. Практикъ могъ быть составленъ начальникомъ Солунской области или по его порученію. Дата документа также не извѣстна; Стояновичъ произвольно, повидимому, относитъ его къ XV в.; Ѳ. И. Успенскій предполагаетъ, что практикъ относится ко временамъ Душана послѣ его побѣды надъ Греками въ 1345 г. Все, что извѣстно о назначеніи и происхожденіи документа, заключается, кромѣ приведеннаго эпилога, въ предшествующихъ строкахъ послѣ итоговъ, говорящихъ, что всѣ вышеупомянутыя подати должны вноситься ежегодно въ два срока, въ сентябрѣ и мартѣ, и указывающихъ тутъ же барщины[1]); откуда видно, что цѣлью практика было установить подати и повинности въ пользу монастыря. Наконецъ, имѣется и вступленіе, имѣющее тотъ смыслъ, что передъ нами оффиціальная по области Солунской перепись и расчетъ, составленный по повелѣнію, на основаніи всѣхъ документовъ, о томъ, что составитель практика нашелъ во владѣніи Хиландарскаго монастыря съ иными (владѣльцами) въ Солунской области, и на основаніи (?) практика „дѣлъ другихъ", и на основаніи (новыхъ) хрисовуловъ, и что онъ, составитель практика, передалъ слѣдующія (статьи дохода)[2]).

Намъ не ясно, о какомъ практикѣ другихъ дѣлъ говоритъ настоящій документъ (равно какъ и нѣкоторыя выраженія вступленія, не разъясненнаго изслѣдователями). Но несомнѣнно то, что настоящій практикъ не есть извлеченіе изъ „практика дѣлъ другихъ", не часть его, но составленъ на основаніи какъ хрисовуловъ, такъ можетъ быть и того практика. Не извѣстно, былъ ли тотъ практикъ посвященъ тѣмъ же самымъ недвижимостямъ и доходамъ, вѣроятно даже, что „практикъ дѣлъ другихъ" относился къ иному имуществу, и настоящій документъ составленъ ему въ дополненіе, что слѣдовательно его предметомъ являются новыя пожалованія на основаніи новыхъ указовъ.

Хрисовулы или повели на села, обозначенныя въ настоящемъ практикѣ, намъ не извѣстны. Давно уже указанъ сербскій хрисовулъ Андроника Старшаго[3]) 1292 г., по которому укрѣплялись за Хиландаремъ между прочимъ метохи при двухъ деревняхъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашемъ практикѣ, но не эти самыя деревни[4]).

---

[1]) ѡдь икомоде имооущимь сгасе на г҃ перпери кбль, мереньно виньно на перпероу метроу, егария дневьная б҃і и законьние г҃ поклони.

[2]) Истиньно поклоненьно по дрьжаве солуньскои преписание и оутькьмение по повелению сврьшить и предание всако и на праве и оутврьдити, да и сь инѣми ѡбрѣтохь ѡ стои горѣ аѳоньсцѣи . . . манастирь . . . бце хиланьдарьские имоуще ѡ тоизи дрьжаве и на правоу вь прахтицѣ дѣль дроуги и придаровасе тѣмь поклоньни истиньни хрисовоуль и прѣдавамь тѣмь то ѥсть тако.

[3]) Изданъ *арх. Леонидомъ*, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1867 г., кн. 4, и *Стояновичемъ* въ Споменикѣ Сербской Академіи, III (1890), стр. 52—53.

[4]) „Метохия оу Лужци", во имя св. Димитрія, съ париками и областью; „метохия на Строумѣ нарекомая Моунзияне, во имя св. Николы, съ париками, виноградниками и областью; при немъ земля, пожертвованная логоѳетомъ Метритопуломъ (ср. практикъ, изд. Ѳ. И. Успенскаго, стр. 21).

Самъ же практикъ не есть какой либо актъ передачи, какъ напр. περίορος Фоки въ кодексѣ Лемвіотиссы. Онъ не содержитъ ни малѣйшаго указанія, кѣмъ были пожалованы перечисленныя стаси, кѣмъ монастырь былъ введенъ во владѣніе ими, не содержитъ обозначенія границъ имуществъ. Только — за то, какъ увидимъ, весьма подробно — перечислены подати и доходы. Передъ нами или оффиціальная за печатью выпись изъ казенныхъ писцовыхъ книгъ и документовъ, или же вновь составленная дополнительно на основаніи недавнихъ пожалованій опись дворовъ и земель въ руководство монастырскому хозяйству. За первое говорило бы присутствіе помѣщичьихъ крестьянъ, и указаніе податей, шедшихъ въ казну; за второе то, что въ концѣ перечисленія приведенъ общій итогъ въ 5080 иперпировъ, который легче всего можетъ объясняться, какъ общій итогъ монастырскихъ доходовъ включая новыя статьи, составляющія предметъ практика.

Непосредственно вслѣдъ за приведеннымъ вступленіемъ или заглавіемъ идетъ перечисленіе деревень. На первомъ мѣстѣ стоитъ село Градецъ, прежде бывшее во владѣніи какъ помѣстье (пронія) или какъ вотчина, у Георгія Вардана[1]).

Такимъ образомъ село Градецъ, принадлежавшее прежде Вардану, является записаннымъ за монастыремъ. Рѣчь идетъ о всемъ, самомъ селѣ, а не о какомъ либо метохѣ на его территоріи. Далѣе перечисляются безъ другой какой-либо рубрики отдѣльные дворы, съ показаніемъ членовъ семьи поименно, съ перечисленіемъ скота и земель: послѣ 26-го двора читаемъ рубрику: „оу томьжде селе ѡдь проние девельцина маноила“, и перечислено 7 дворовъ; и еще такихъ же 5 заглавій о проніяхъ другихъ помѣщиковъ въ томъ же селѣ. Подъ одной такой рубрикой перечислено 18 дворовъ, подъ тремя лишь по одному. Теперь является вопросъ, что означаютъ эти рубрики; кому подчинены, за кѣмъ въ практикѣ записаны дворы, названные и ѡдь проние“ такого-то? Предлогъ ѡдь можетъ означать просто родительный падежъ, принадлежность[2]), какъ въ греческихъ текстахъ ἀπὸ τῆς προνοίας означаетъ: принадлежащій къ проніи, изъ проніи. Сообразно съ этимъ возможно считать крестьянскіе дворы, перечисленные подъ этими рубриками, за оставшіеся въ проніи помѣщиковъ. Все село, принадлежавшее нѣкогда Вардану, какъ вотчина или какъ пронія, было пожаловано Хиландарскому монастырю; но какъ прежде на территоріи Градца могло быть нѣсколько проніаровъ, такъ и теперь, при составленіи практика, шесть помѣщиковъ продолжали владѣть пожалованными имъ дворами. Что пожалованіе села уживалось рядомъ съ присутствіемъ помѣстій и родовой собственности служилыхъ людей, тому примѣровъ много въ кодексѣ Лемвіотиссы, такое пониманіе смысла рубрикъ является лишь возможнымъ. Не безъ основанія г. П. Безобразовъ высказалъ противоположное мнѣніе[3]): „Хиландарскій практикъ въ

[1]) Въ жоунѣ Строумьсцѣи село градець прѣжде дрьжавшомоу ѥ варьданоу геѡргиѥ посиненикь николе комниноу“. Л. Столновичъ соединяетъ слова „прѣжде дрьжавшомоу....“ съ описаніемъ перваго двора, совершенно лишая текстъ смысла.

[2]) l. 359: взимати и ѡдь икомоде, l. 357: ѡдь тѣхь всѣхь (доходовъ, статей обложенія) всяческая приносити.

[3]) Патмосская писцовая книга, Визант. Врем. VII (1900), стр. 102, 103.

томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, есть не что иное, какъ списокъ крестьянъ, зависимыхъ отъ Хиландарскаго монастыря. Слѣдовательно всѣ перечисленные тутъ крѣпостные должны быть названы монастырскими. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ сказано „отъ проніи такого-то", но смыслъ этихъ словъ ясенъ. Нѣкоторые крестьяне находились прежде въ проніи у такихъ-то лицъ, а затѣмъ отошли къ монастырю. Въ одномъ случаѣ прямо сказано, что крестьяне по повелѣнію царя выдѣлены изъ проніи такого то (объ этомъ ниже). Въ селѣ Градцѣ . . . было не шесть помѣщиковъ, а всего одинъ, именно Хиландарскій монастырь, и ни о какой подати въ пользу проніаровъ не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе что подати вообще едва ли шли въ пользу помѣщиковъ".

Будемъ продолжать нашъ обзоръ практика, который самъ предоставитъ намъ данныя для разрѣшенія вопроса, возбужденнаго г. Безобразовымъ. Послѣдняя рубрика при описаніи дворовъ того же Градца гласитъ кратко: ѥресоу ѥлевтери, дальше перечисляется 7 дворовъ. Эта рубрика повторена при переписи еще трехъ деревень: „ѡдь того же села алевтеро", „Ѥресоу ѥлевтери", „А ѥресоу свободъници". Возникаетъ вопросъ, какая категорія крестьянъ разумѣется подъ этими елевтерами или свободными. Изъ 19 дворовъ этой категоріи только 2 имѣютъ если не землю, то за двумя записаны зевгари. Ѳ. И. Успенскій предполагаетъ, что подъ елевтерами нужно разумѣть или рабовъ, отпущенныхъ на волю, или *προσκαθήμενοι*, присельниковъ, называемыхъ lefteri въ одномъ итальянскомъ документѣ, хроникѣ Кипра [1]). Терминъ *ἐλεύθερα* встрѣчается въ греческихъ документахъ часто, и въ соединеніи съ опредѣленіемъ: *δημοσίῳ ἀνεπίγνωστα*, означающимъ людей, не занесенныхъ въ писцовыя книги, свободныхъ отъ тягла. Монастыри получали разрѣшеніе селить такихъ людей на своихъ земляхъ. Обращая вниманіе на тотъ фактъ, что документы XIV в. различаютъ париковъ отъ проскаѳименовъ [2]), мы могли бы отожествить послѣднихъ съ елевтерами. Слово ѥресоу, употребляемое нашимъ практикомъ, никто изъ изслѣдователей не пытался объяснить [3]), но навѣрное слово ѥресу есть не что иное какъ *Ἱερισσοῦ*, отъ *Ἱερισσός*, имени города, возлѣ котораго лежали эти деревни [4]). *Ἱερισσοῦ ἐλεύθερα* означаетъ, повидимому, вольныхъ, слободскихъ людей изъ г. Іерисса, ремесленниковъ или иныхъ выходцевъ, поселившихся на монастырскихъ земляхъ и не слившихся въ податныхъ книгахъ съ коренными париками, хозяевами стасей. Нельзя не привлечь по этому поводу неизданный повидимому, болѣе древній актъ (*ἔγγραφος ἀσφάλεια*), выданный жителями г. Іерисса (*οἰκήτορες τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ*), о томъ, что Иверскому (тогда Климентову) монастырю принадлежитъ земля у Градиска (*κάστρον Γραδίσκου*), и что они будутъ

[1]) Отрывокъ изданъ *Ѳ. И. Успенскимъ* въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 225 (1883), 337—8.

[2]) Напр. Менoес. № 16, Patm. № 109.

[3]) Л. Стояновичъ приписалъ рубрику ѥресоу ѥлевтери Градца къ послѣднему двору париковъ, и слово ѥресоу даже раздѣлилъ на двѣ части, ѥре соу; подобнымъ же образомъ онъ поступилъ съ этой рубрикой и въ слѣдующихъ случаяхъ.

[4]) Ср. хрисовулъ 1292 г.: метохия оу Прѣвлацѣ близъ Ѥриса, *Стояновичъ*, 52.

платить монастырю за нее аренду[1]). Если это Γραδίσχον тожественно съ селомъ Градьць, пожалованнымъ въ XIV в. Хиландарю, то юресоу елевтери являются поселившимися въ деревняхъ слобожанами изъ г. Ἱερισσός, заселеннаго наполовину Славянами[2]). Ихъ имя и ихъ безземельность объясняютъ другъ друга — это люди свободные отъ крестьянскаго тягла. Ихъ присутствіе въ практикѣ въ качествѣ особой категоріи населенія говоритъ безспорно за то, что и подъ рубриками „отъ проніи" возможно предполагать категорію крестьянъ, отличаемыхъ отъ первыхъ дворовъ церковныхъ париковъ, никакою рубрикою не опредѣленныхъ.

Далѣе практикъ упоминаетъ деревню Муньзени (при ней былъ метохъ, названный въ хрисовулѣ 1292 г.). Въ ней 4 двора церковныхъ париковъ, опять не названныхъ принадлежащими Хиландарю; въ проніи ни одного двора, елевтеровъ 5 дворовъ. Третьимъ названо имѣніе (мѣсто, τόπος) Агридь (греч. Ἀγρίδιον) при селѣ Горнемъ Лужьцѣ. Въ немъ 9 дворовъ (монастырскихъ) париковъ. При селѣ Каменицѣ отмѣчено 15 дворовъ церковныхъ париковъ и также два елевтерскихъ, помѣщичьихъ не названо. Самое село Каменица уже не записано за монастыремъ, какъ три предыдущія деревни; текстъ ясно обозначаетъ „оу селе каменици," не „село каменица".

За тѣмъ слѣдуетъ та рубрика, на которую ссылается г. Безобразовъ и которая, какъ и мы замѣтили независимо, врядъ ли можетъ быть понята въ смыслѣ обозначенія дворовъ проніарскихъ, а не монастырскихъ: „Оу селе Кондогрицѣ ѡдь роние Скорѣвь повѣле отъ цара ѡдърьвати се оу томь селе". Далѣе перечисляется 7 дворовъ, безъ другихъ рубрикъ. Этотъ текстъ говоритъ ясно: по указу царя въ селѣ Коньдогрицѣ изъ проніи Скорѣвской выдѣлиться (ἀποσπασθῆναι) (слѣдующимъ дворамъ). Несомнѣнно, что здѣсь перечислены дворы, изъятые по повелѣнію, по указу изъ проніи какого-то Скорѣя и пожалованные Хиландарскому монастырю. Ѳ. И. Успенскій, не остановившись на истолкованіи яснаго смысла рубрики, полагаетъ, что и въ этомъ случаѣ практикъ содержитъ перечень 7 проніарскихъ дворовъ; но что-же должно было бы тогда принадлежать монастырю, почему село Коньдогрица упомянуто въ практикѣ? Само село не было пожаловано Хиландарю, текстъ выражается ясно: „въ селѣ", не „село". Другихъ рубрикъ въ этомъ пунктѣ практика нѣтъ, елевтери не названы. Такимъ образомъ, записанные въ практикѣ пять дворовъ и составляли имущество Хиландаря въ Коньдогрицѣ. Далѣе въ селѣ Кумицѣ[3]) опять названы только церковные парики, пятнадцать дворовъ.

Теперь надлежитъ отвѣтить на вопросъ: что было записано за монастыремъ въ настоящемъ практикѣ. Можно различить двѣ группы: 1) села Градецъ и Муньзени и также имѣніе („мѣсто", τόπος) Агридь въ округѣ Лужцѣ — пожалованы монастырю полностью, съ указаніемъ дворовъ „одь проніе" и елевтерскихъ; 2) при селахъ Каменицѣ, Кондогрицѣ и Кумицѣ 16, 5 и 15 крестьянскихъ дворовъ (стасей),

[1]) *Порфирій*, Первое путешествіе на Аѳонъ, ч. I отд. 2, стр. 112—313.
[2]) Ср. выше документы Ивира.
[3]) Оу селе оу Коумице имемъ (Л. Стояновичъ читаетъ „именемь").

при чемъ въ Каменицѣ названы еще 2 елевтерскихъ двора, а въ Кондогрицѣ монастырскіе дворы взяты были изъ Скорѣевой проніи. Документъ ясно различаетъ, подарена ли деревня со всей своей территоріей (кромѣ чужихъ стасей), или же лишь нѣсколько дворовъ, — употребляя въ послѣднемъ случаѣ предлогъ *оу*, соотвѣтствующій греческому εἰς съ тѣмъ же значеніемъ.

Подати со всѣхъ перечисленныхъ крестьянскихъ дворовъ насчитано практикомъ 178 иперпировъ, каковой итогъ и получается, повидимому, точно, путемъ подсчета итоговъ, данныхъ практикомъ для каждаго имѣнія въ отдѣльности [1]). Въ этомъ общемъ итогѣ подати съ монастырскихъ, проніарскихъ (въ Градцѣ) и елевтерскихъ дворовъ соединены вмѣстѣ, какъ имѣющія одно и тоже назначеніе. Судя по этому, пожалованіе дворовъ елевтерскихъ и бывшихъ прежде за проніарами состояло въ передачѣ ихъ тягла въ пользу Хиландаря.

Крестьянскими стасями еще не исчерпывается перечень практика. Слѣдуетъ рядъ доходныхъ статей, которыя въ свою очередь могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Первую составляетъ доходъ съ земель, не вошедшихъ въ парическія стаси, но поступившихъ при пожалованіи въ непосредственную собственность монастыря. Естественно нужно ожидать, что таковыя территоріи окажутся при деревняхъ, цѣлостью записанныхъ на монастырь. Такъ и находимъ: „Земле обладающоу томоу селоу Градцоу осмь хилядъ ѡсобь ѡдь паричьскихь стасеи“ [2]), обложено 160 перп.; за Муньзеньскую землю (1800 кобловъ) 36 ип.; за мѣсто Лоужьско (т. е. при монастырскомъ имѣніи Агридь, 2000 кобл.) — 40 иперп. Территоріи эти находятся, очевидно, и по смыслу словъ „землеобладающоу тому селоу“, въ совмѣстномъ владѣніи крестьянъ названныхъ монастырскихъ деревень, не принадлежа къ составу крестьянскихъ стасей, но находясь отъ нихъ особо. На размѣры нераздѣленной территоріи, превышающей значительно крестьянскую собственность, справедливо обращаетъ вниманіе Ѳ. И. Успенскій. Если оставить въ сторонѣ мѣсто Лоужьско, какъ простое имѣніе, то передъ нами два славянскихъ на Византійской почвѣ села, Градьць и Муньзени, гдѣ рядомъ съ крестьянской личной собственностью существуютъ болѣе или менѣе обширныя территоріи, собственникомъ которыхъ являлось прежде село или упомянутый Варданъ, владѣлецъ Градца, а послѣ пожалованія ихъ собственникомъ долженъ былъ стать монастырь, взимая сборъ съ крестьянъ за пользованіе ими, по 1 иперп. съ 50 кобловъ. Эта фиксированная доходная статья — иная, конечно, по происхожденію и по способу взиманія, чѣмъ дань (τέλος, тягло) со стасей. Она не называется данью и не имѣетъ себѣ имени въ практикѣ. Вообще не ясно изъ документа, кто платилъ этотъ сборъ по 1 иперпиру съ 50 кобловъ: село или отдѣльные предприниматели, и какова была форма эксплоатаціи общинныхъ земель: аренда, половничество или

[1]) Не понятно, какъ Ѳ. И. Успенскій и г. Безобразовъ находятъ неточность въ итогѣ практика (173½ вмѣсто 178).

[2]) Въ рукописи „ѡсмь сьть хилядъ“, очевидная описка, ясная при сравненіи суммы подати съ нормой 1 иперп. съ 50 кобловъ. Л. Стояновичъ пропускаетъ слово „ѡсобь“.

иной способъ. Не видно изъ практика, отвѣчало ли село круговою порукою хозяевъ за исправное поступленіе этой статьи. Но, какъ увидимъ ниже, означенный доходъ долженъ былъ идти монастырю. Нельзя не указать на тожественность подобнаго дѣленія территоріи зависимаго села съ порядками, господствовавшими въ свободномъ селѣ по Крестьянскому Закону, именно на существованіе нераздѣленной территоріи рядомъ съ частной собственностью крестьянскихъ семействъ. Въ практикѣ обозначены еще нѣсколько болѣе мелкихъ угодій: отдѣльная стась Нехтѣнова, мѣсто при Муньзеняхъ рядомъ съ землей, подаренной Метритопуломъ (ср. хрисовулъ 1292 г.), еще три участка уже въ другихъ мѣстностяхъ, которые могли быть пожалованы одновременно съ переписанными въ практикѣ стасями, виноградниками, млинами.

Другую категорію исчисленныхъ въ практикѣ доходовъ составляютъ пошлины: офелія, ирь, хиродекатія, десетокъ пчельни, ономія, валанистро. Всѣ эти пастбищныя и иныя казенныя пошлины византійскаго происхожденія, на общую сумму 93 иперпира, должны были и въ нашемъ практикѣ значиться въ качествѣ казеннаго дохода [1]). Въ концѣ документа находимъ подсчетъ перечисленнымъ податямъ и доходамъ: 402 иперпировъ. Если же прибавить къ тяглу всѣхъ париковъ въ шести означенныхъ деревняхъ сумму исчисленныхъ практикомъ доходовъ съ земельныхъ угодій и съ пошлинъ, то получится гораздо большій итогъ (178 + 390) 568 иперпировъ. Нельзя, намъ кажется, объяснить эту разницу иначе, какъ это сдѣлалъ Ѳ. И. Успенскій. Сумма 568 составилась изъ доходовъ не одного монастыря, но изъ всѣхъ сборовъ, какіе значились въ податныхъ книгахъ за перечисленными крестьянскими стасями и угодьями. Итогъ же, показанный въ концѣ Хиландарскаго практика, именно 402 иперпира, долженъ представлять доходъ монастыря. Предположеніе это оправдывается самими цифрами. Если мы вычтемъ то, что не могло поступать въ пользу монастыря, именно подать съ крестьянъ шести помѣщиковъ Градца 56 иперп., елевтерскихъ около 11, и казенныхъ пошлинъ по крайности 89; если, далѣе, изъ мелкихъ доходовъ, исчисленныхъ въ концѣ практика, причислить 10 иперп. въ пользу казны, то получится 166 иперп., составляющихъ затрудняющую разницу. Не подробности расчета, остающагося предположительнымъ при отсутствіи жалованныхъ грамотъ на эти села, содержавшихъ перечень податныхъ льготъ, — но объясненіе итога въ 402 иперлира, какъ дохода монастыря, представляются намъ результатомъ, имѣющимъ значеніе аргумента въ пользу одного изъ двухъ возможныхъ объясненій проніарскихъ и елевтерскихъ дворовъ въ Хиландарскомъ практикѣ.

Такимъ образомъ самъ практикъ содержитъ данныя какъ въ пользу того, что въ немъ упомянуты крестьянскіе дворы, не принадлежавшіе монастырю, такъ и въ пользу противоположнаго взгляда, по которому практикъ исчисляетъ исклю-

---

[1]) Абелопахто (ἀμπελόπαχτον), вѣроятно, есть казенный сборъ, взимаемый при арендѣ виноградниковъ. Значеніе славянскаго термина объяснено г. *Безобразовымъ*.

чительно монастырскіе доходы. Въ первомъ случаѣ этотъ документъ является выпиской изъ казенныхъ податныхъ книгъ или дополненіемъ къ нимъ на основаніи недавнихъ пожалованій, — сообщеннымъ монастырю для руководства и свѣдѣнія; во второмъ же случаѣ онъ представляетъ нарочно для монастыря составленный перечень его новыхъ доходовъ, выражавшій въ точныхъ цифрахъ содержаніе новыхъ хрисовуловъ и указовъ въ пользу Хиландаря. Такъ или иначе понимать выраженія практика „ѡдь пронию", безспорнымъ является тотъ фактъ, что на территоріи селъ Градца и Коньдогрицы, а можетъ быть и прочихъ, существовало и монастырское, и проніарское землевладѣніе, и дворы крѣпостныхъ крестьянъ. Съ этимъ явленіемъ мы встрѣчались неоднократно выше, особенно при разсмотрѣніи кодекса Лемвіотиссы, и оно имѣетъ большую важность для исторіи зависимаго села въ Византіи. Ѳ. И. Успенскій дѣлаетъ по этому случаю слѣдующее заключеніе: „та же (Хиландарская) писцовая книга можетъ служить подтвержденіемъ, что пронія, т. е. отдача населенныхъ мѣстъ служилымъ людямъ, развивалась въ сербскомъ царствѣ, какъ и въ Византіи, не на почвѣ церковнаго, а свободнаго общиннаго землевладѣнія. Отдача земель въ пронію была средствомъ эксплоатаціи общинныхъ земель съ военными и экономическими цѣлями. Введеніемъ въ составъ общины помѣстнаго служилаго сословія разрывалась административная и правовая связь крестьянской общины, вступалъ въ среду ея новый элементъ — власть помѣщика, вслѣдствіе чего крупная доселѣ община раздроблялась на мелкія части[1])". Въ Хиландарскомъ практикѣ мы имѣемъ дѣло съ территоріями, на которыхъ господствовали исключительно Византійскіе порядки землевладѣнія. Во всемъ документѣ локальной особенностью является развѣ лишь опредѣленіе барщинъ, числа дневныхъ ангарій и законныхъ поклоновъ. Хиландарскій практикъ имѣетъ свое мѣсто въ ряду сродныхъ ему Византійскихъ памятниковъ. Если справедливо отожествленіе села Градьца съ Градискомъ, находившимся возлѣ города (κάστρον) Іерисса и во владѣніи горожанъ послѣдняго (ср. вышеупомянутый Ивирскій актъ), то Градьць и во времена Іоанна Ивира, основателя Ивирскаго монастыря, былъ не свободной общиной, но зависимой. Жители Іерисса и Ивирскій монастырь не были конечно проніарами; Варданъ, упомянутый въ началѣ практика владѣлецъ всего Градца до пожалованія монастырю, не названъ проніаромъ, но можетъ считаться и вотчинникомъ. Его родство съ Н. Комниномъ упомянуто, вѣроятно, для указанія, отъ кого Градецъ достался ему въ наслѣдство. Если слово „дрьжащоу" соотвѣтствуетъ греческому κατεχομένῳ, то оно означаетъ въ такомъ случаѣ наслѣдственную аренду и, можетъ быть, пронію. — Пронія развивалась не на почвѣ общиннаго землевладѣнія и въ пронію отдавались не общинныя земли. Она образовалась на почвѣ личной крестьянской собственности, несущей казенное тягло. Въ пронію отдаются не общинныя земли (общинныя, т. е. нераздѣленныя земли Градца и Муньзеней показаны въ концѣ практика особо), но крестьянскіе тяглые дворы или стаси съ ихъ собственною землею; въ кормленіе помѣщику жало-

[1]) Записки Новороссійскаго Университета, т. XXXVIII, стр. 23.

валось крестьянское тягло, называемое въ практикѣ данью. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать заключенія Ѳ. И. Успенскаго объ общинныхъ земляхъ. Изъ кодекса Лемвіотиссы и другихъ актовъ необходимо слѣдуетъ, что на территоріи того же села существовали рядомъ и крестьянская собственность, и наслѣдственная собственность (вотчина) лицъ служилаго сословія. Появленіе второй категоріи собственниковъ имѣло мѣсто прежде всего путемъ военной и иной службы членовъ крестьянскихъ семействъ; права на родовые участки въ селѣ оставались безъ измѣненія. Юридическая связь крестьянъ села разрывалась черезъ пронію лишь отчасти. Собственность и тягло крестьянъ оставались въ сущности безъ перемѣнъ. Ограничивались права отчужденія на сторону, въ прежній порядокъ привлеченія ближайшихъ при продажѣ вступалъ новый моментъ — права помѣщика; вводился патронатъ проніара, имѣвшій судебныя и административно-податныя послѣдствія. Перемѣны не могли касаться нераздѣленныхъ земель села, если только извѣстное число крестьянскихъ дворовъ жаловалось въ пронію. Въ селѣ Градцѣ въ права прежняго владѣльца Вардана долженъ былъ вступить монастырь, и эти права должны были распространяться на нераздѣленную территорію непосредственно. Мы видѣли, что въ селѣ Вари, пожалованномъ монастырю Лемвіотиссы, къ монастырю вотчиннику въ непосредственное владѣніе отходили и парическія стаси, оставшіяся выморочными.

Переходимъ къ другому вопросу, связанному съ изученіемъ Хиландарскаго практика: что является единицей обложенія и предметомъ имущественныхъ правъ монастыря. Издатель практика, Ѳ. И. Успенскій, въ первой статьѣ, посвященной этому памятнику, былъ склоненъ разсматривать зевгарь какъ административно-податную единицу, сообразно которой оцѣнивалось и исчислялось крестьянское имущество и доходы монастыря; но онъ скоро отказался отъ этого взгляда, не вытекающаго изъ смысла, приданнаго слову зевгарь въ текстѣ памятника. Въ Хиландарскомъ практикѣ слово зевгарь означаетъ пару воловъ[1]).

Единицей обложенія является въ практикѣ крестьянскій дворъ. Въ составѣ двора значатся члены семьи мужескаго и женскаго пола, взрослые и малолѣтніе. Дворъ записанъ за старшимъ членомъ семьи, домохозяиномъ или его вдовою. Далѣе слѣдуютъ дѣти, невѣстки и зятья, иногда племянники. На второмъ мѣстѣ перечисляется подробно скотъ крупный и мелкій, прежде всего зевгарь, т. е. пара рабочихъ воловъ, тамъ гдѣ онъ имѣлся (всего 49 зевгарей на 117 дворовъ), въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто зевгаря записанъ одинъ волъ; лошади въ мѣстномъ крестьянствѣ были видимо рѣдки. Далѣе обозначена земля: подъ виноградниками, огородами и пахотью, — измѣряемая *коблами*. Наибольшее число кобловъ за однимъ дворомъ было 125 (одинъ случай) и 100 (десять дворовъ). Но изъ всѣхъ 117 дворовъ, перечисленныхъ въ практикѣ, лишь 42 имѣли землю. За двумя третями общаго числа дворовъ не было записано собственныхъ пахотныхъ земель. А такъ какъ по крайности

[1]) *Ѳ. И. Успенскій*, Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи, V (Журн. Мин. Нар. Пр. ч. 240, 1885), стр. 20: „Хиландарскій Практикъ долженъ быть исключенъ изъ тѣхъ памятниковъ, по которымъ возстановляется переносный смыслъ термина зевгарь“.

за 48 дворами, не имѣвшими своей пахотной земли, записанъ рабочій скотъ, волы и даже полные зевгари, и такъ какъ главнымъ занятіемъ населенія должно было быть хлѣбопашество, то мы должны предполагать, что безземельные крестьяне были присельниками и обработывали чужую землю. Всѣ они имѣютъ большій или меньшій цензъ[1]), усадьбу, обыкновенно съ виноградникомъ и огородомъ, кромѣ того мелкій скотъ. Это не были пролетаріи или батраки, но мы должны предполагать большинство ихъ арендаторами. Почти всѣ елевтерскіе дворы принадлежали къ категоріи безземельныхъ, и значительная часть дворовъ, отмѣченныхъ подъ рубриками „отъ проніи". Если считать таковыхъ за бывшихъ помѣщичьихъ, переданныхъ въ монастырскую вотчину, то получится, что ихъ жаловали монастырю частью безъ земли. Въ Коньдогрицѣ изъ 5-ти дворовъ, взятыхъ изъ проніи Скорѣевой, только одинъ владѣлъ незначительнымъ кускомъ пахоти. Около двухъ третей крестьянскихъ дворовъ, переписанныхъ въ Хиландарскомъ практикѣ, должны были обработывать чужую землю. Въ документѣ есть указаніе на аренду париками земель чужой вотчины, по крайности относительно виноградниковъ[2]). Но безспорно главнымъ источникомъ ихъ существованія являлась аренда сельскихъ земель, оставшихся внѣ частной собственности отдѣльныхъ дворовъ.

Мы видѣли, что земли, находившіяся не въ собственности отдѣльныхъ париковъ, но принадлежавшія всему селу или его вотчиннику, упомянуты въ концѣ практика и особо, при томъ только при тѣхъ трехъ деревняхъ (селахъ Градцѣ и Муньзеняхъ, также при имѣніи Агридь), которыя были пожалованы Хиландарю полностью. Нераздѣленныхъ земель было больше, чѣмъ находившихся въ подворной собственности: имѣніе Агридь обозначено въ 2000 кобловъ, а пахоти и виноградниковъ въ частной крестьянской собственности было, по расчету Ѳ. И. Успенскаго, лишь 230. Въ селѣ Муньзеняхъ было 1800 кобловъ земель „особь отъ парическихъ стасей" и еще отдѣльный участокъ въ 600 кобловъ, нѣкогда принадлежавшій землевладѣльцу Метритопулу (ср. хрисовулъ 1292 г.); парическихъ земель было около 300 кобловъ. При селѣ Градцѣ было всего меньше относительное количество земель особь отъ стасей: 8000 противъ 2160 (или болѣе, если перечислены не всѣ проніарскіе парики). Предполагая, что большая часть этихъ не отмежеванныхъ земель представляла изъ себя пастбища и лѣса, все же достаточное количество земли могло идти подъ пашни безземельныхъ дворовъ на условіяхъ аренды. Доходъ исчисляется по даннымъ практика въ 1 иперпиръ съ каждыхъ 50 кобловъ, какъ было упомянуто выше.

[1]) Для насъ не стоитъ на первомъ планѣ изученіе податной системы, но Хиландарскій практикъ своими точными и подробными данными объ имущественномъ и семейномъ составѣ крестьянскихъ дворовъ и о лежащей на нихъ общей цифрѣ подати (τέλος) представляетъ несомнѣнное доказательство тому, что количество земли и рабочаго скота не служило единственнымъ мѣриломъ обложенія. Г. *Безобразовъ* расположилъ всѣ дворы, упомянутые въ практикѣ, сообразно количеству причитавшейся съ нихъ подати и пришелъ къ выводу, что въ Хиландарской писцовой книгѣ „принималась во вниманіе не только величина надѣла, но и составъ семьи. Другими словами въ дань эту входила подымная подать и подать поголовная, едва ли отмѣненная". Выводъ этотъ представляется намъ весьма цѣннымъ, кромѣ послѣднихъ словъ о поголовной подати. См. *Безобразовъ*, Патмосская писцовая книга, Визант. Врем. VII, стр. 87—96.

[2]) У томьже селе абелопахто одь туждихь парикь, строка 335 изд. Ѳ. И. Успенскаго.

Не бывшая въ частной крестьянской собственности территорія зависимаго села Градца, прежняго имѣнія Комнина и Вардана, затѣмъ пожалованнаго монастырю, названа въ практикѣ находящейся во владѣніи всегосела; и была обведена общею межею всего села[1]). Опредѣляется она въ практикѣ словами „ѡсобь ѡдь паричьскихь стаси"[2]). Слѣдовательно земля, принадлежавшая отдѣльнымъ дворамъ, является „паричьскими стасями". Терминъ стась, στάσις весьма извѣстенъ и означаетъ дворъ со всей его недвижимостью по податнымъ книгамъ: усадьбой и землями. Здѣсь же въ практикѣ мы видимъ выморочную стась Нехтѣнову съ виноградникомъ и пахотной землею въ 100 кобловъ[3]). Имѣвшіе стась съ тягломъ („данью") въ 3 иперпира еще облагались по практику, кажется, сборомъ натурою, по 1 мѣрѣ вина на каждый иперпиръ подати[4]).

Парическія стаси находились въ частной и наслѣдственной собственности париковъ — хозяевъ. Онѣ записаны за ними въ практикѣ. Въ случаѣ смерти домохозяина стась записывалась за его вдовою. Стась выморочнаго семейства не только не прекращала своего существованія, но сохраняла имя прежняго хозяина (выше упомянутая стась Нехтѣнова). Конечно, при новомъ кадастрѣ она могла отойти въ непосредственное владѣніе вотчинника — монастыря[5]) или быть передана другому парику. Документъ нашъ представляетъ два примѣра, впрочемъ исключительныхъ, что при его составленіи двумъ изъ безземельныхъ крестьянъ былъ данъ кусокъ пахотной земли въ 70 и 25 кобловъ[6]). Но вообще, практикъ всѣмъ своимъ содержаніемъ показываетъ, что парическія стаси являются крестьянской наслѣдственной собственностью, и ни о какихъ надѣлахъ рѣчи нѣтъ. Какъ объяснить иначе крайнюю неравномѣрность стасей, отъ 125 кобловъ одной пахоти до 13-ти, и какъ объяснить себѣ при общинномъ землевладѣніи безземельность двухъ третей крестьянскихъ дворовъ, несущихъ подати и занимающихся землепашествомъ? Когда составителю практика потребно отличить отъ участка, доставшагося въ приданое, участокъ, перешедшій по наслѣдству, онъ не избѣгаетъ термина „вотчина" въ приложеніи къ парической стаси[7]).

---

[1]) Хиланд. практ. изд. *Ѳ. И. Успенскаго*, строка 328: земле обладющоу томоу селоу градцоу; ср. 334: за ѡномию и валанистро вь тоижде междп всеи оу томоу селоу, всакоюе обьдрьжаще и ѡбладюще безъ всакоюе притьче.

[2]) Хил. пр., 328, 336 (земля Моуньзеньска).

[3]) Хил. практ., 330: тужде (въ Градцѣ) ѥксалими (ἐξαλειμμένη) стась нехтѣнова имоущи лозие ѵ къбломь и поль, и земле ρ къбломь, дань ѵ перпери. Ср. „стась драгова с' нивиѥмь с' виногради с' млины с' ливадами с' всѣми правинами (Гласникъ XV. 376, *Успенскій* въ Зап. Нов. Ун. XXXVIII, 24)".

[4]) Можетъ быть, такъ нужно понимать текстъ Хил. практ. 359—360: взимати и ѡдь вкомоде имоущимь стасе на ѵ перпери кбль мереньно виньно на перпероу метроу.

[5]) Ср. упомянутый παρίορος Фоки въ кодексѣ Лемвіотиссы.

[6]) Хил. практ., 132: [коста: има женоу аньноу и вола] и дадесе моу место к и є къбломь. Хил. Практ., 30: и дадесе ѥмоу и земле ѳ кбломь. Можетъ быть, здѣсь имѣется въ виду отдѣльная аренда, какую имѣлъ „новый парикъ" Ѳеологитъ въ практикѣ вотчинъ А. Дуки.

[7]) Хил. Практ., 28: виноград одь ѡтьчьства стаси ѥго ѵ кбломь . . и дроугоѥ лозие . . ѡть прикие. Можетъ быть „ѡтьчьства стаси ѥго" упомянуто подъ вліяніемъ послѣдующаго: „и дадесе ѥмоу и земле ѳ кбломь", 30. Далѣе, строка 33: виноград ѡть ѡтьчьства ѥго; 36: виноград ѡдь отьчьсгва ѥго. Прикія 54, 64, 84, 91; 84: „ѡдь прикие ѥи ѡтьчьства".

Сравнивая Хиландарскій практикъ XIV в. съ Крестьянскимъ Закономъ, видимъ замѣну свободнаго села зависимымъ, появленіе проніи, безземелье большинства дворовъ; но существенный характеръ крестьянскаго землевладѣнія остается подъ Солунью въ XIV в. тотъ же: личная и наслѣдственная собственность на усадебные участки и на пашни, отсутствіе общиннаго землевладѣнія на участкахъ, когда-то поступившихъ въ частную собственность. Такъ было и въ римскихъ селахъ и колоніяхъ.

---

15. Греческіе акты Южной Италіи и Сициліи.

Акты Ю. Италіи въ сборникѣ Trinchera, стр. 220. Владѣльческіе и церковные вилланы и ихъ имущество, ib. Акты отчужденія крестьянскихъ земель, 226. Документы Палермскіе, Липарскіе, Катанскіе въ сборникѣ Cuba, 228.

Греческіе акты изъ областей Южной Италіи, собранные въ капитальномъ изданіи Тринкеры[1]), представляютъ еще не исчерпанное богатство матеріала для исторіи Византійскаго землевладѣнія, требующее спеціальнаго изслѣдованія. Мѣстныя особенности, сказывающіяся во вліяніи феодальныхъ учрежденій, въ развитіи свободной ротюрьерской собственности, которое сопровождается въ актахъ XIII в. формальными измѣненіями, указывающими на вліяніе Болонскихъ или иныхъ юристовъ, выходятъ изъ рамокъ настоящаго обзора. Намъ важно установить, что въ византійскихъ областяхъ Южной Италіи въ XI и XII вѣкахъ греческіе крестьяне или вилланы имѣли недвижимую собственность личную, переходящую по наслѣдству и отчуждаемую путемъ дара и продажи. Крѣпостничество, повидимому, выражено рѣзче; не всегда можно отличить вотчинныя права отъ политическихъ (феодальныхъ); имущество виллановъ не разъ названо держаніемъ.

Въ древнѣйшемъ перечнѣ имуществъ Монте-Кассинскаго монастыря, въ грамотѣ катапана Италіи Поѳа Аргира, парики не упомянуты, хотя монастырь владѣлъ различными участками при нѣсколькихъ селахъ[2]). Въ 1094 г. графъ Рогерій пожаловалъ аббату Стила Брунону съ братіей 10 грековъ париковъ со всей ихъ *собственностью* движимой и недвижимой для службы монастырю[3]). Въ 1097 г. графъ Рогерій подарилъ еще 58 париковъ, жившихъ въ (томъ же) Арсафіи, вѣроятно съ участками, — въ числѣ ихъ упомянуто нѣсколько вдовъ съ дѣтьми и нѣсколько нераздѣленныхъ братьевъ (наслѣдниковъ одной стаси); а также всѣхъ чужихъ людей, которые придутъ на монастырскую землю и захотятъ поддаться

---

[1]) *Fr. Trinchera,* Syllabus Graecarum membranarum quae Neapoli in maiore tabulario et in primaria bibliotheca, . . in Casinensi coenobio ac Cavensi ac . . tabulario Neritino delitescentes . . . nunc prodeunt. Neapoli 1865.

[2]) *Trinchera,* № 28, a. 1032: εἰς τὸ χωρίον . . . Λαννιάνον παριαβλια, χωραφιαῖοι τόπου, гдѣ древній переводъ имѣетъ: in casale de lanniano. curti. terre и др. Греческіе тексты передаемъ съ исправленіемъ орѳографіи.

[3]) *Trinchera,* № 59, a. 1094: τοὺτους τοὺς ἀνθρώπους στέργω εἰς τὴν . . ἐκκλησίαν . . . μετὰ πάντα τὰ δεσποζόμενα αὐτοῖς τὴν σήμερον κινητὰ καὶ ἀκίνητα.

(ἀκουμανδευθεῖν) монахамъ[1]). Черезъ два года Рогерій подарилъ еще 20 семействъ париковъ въ трехъ округахъ, не ясно, съ землею или безъ нея[2]). Въ 1101 г. Рогерій пожаловалъ Брунону съ братіей три села виллановъ, изъ коихъ два не вполнѣ принадлежали Рогерію, съ тѣмъ, чтобы добавить изъ другихъ его имѣній, если число виллановъ не достигаетъ ста. Изъ латинскаго текста, болѣе грамотнаго, видно, что первое село было пожаловано вполнѣ, какъ вся территорія, такъ и парики; въ двухъ прочихъ только парики. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы люди были отданы безъ земли, хотя въ числѣ ихъ упомянуты моряки и ремесленники. Рогерій отдавалъ эти села со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ самъ владѣлъ въ нихъ, и конечно крестьяне перваго села и двухъ прочихъ имѣли свои стаси[3]).

Въ 1115 г. графъ Сициліи и Калабріи Рогерій жалуетъ 15 „людишекъ", греческихъ крестьянъ, „со всѣмъ ихъ (недвижимымъ) имуществомъ и собственностью" для службы монастырю[4]). Около того же времени графиня Грантеманиль, владѣтельница города Урсула, пожаловала Кавскому монастырю храмъ съ селомъ при немъ же. Въ дарственной вилланы не обозначены, но лишь упомянуто, что скотъ людей подареннаго села могъ пастись свободно на территоріи всего Урсула, наравнѣ со скотомъ собственныхъ людей этого сеньеріальнаго мѣстечка. Въ дарственной означены при подаренномъ селѣ усадебныя и прочія недвижимости, очевидно принадлежавшія виллачамъ села[5]). Въ грамотѣ, „равносильной во всемъ хрисовулу", король Рогерій подтвердилъ за обителью Новой Одигитріи всѣ приношенія. Въ спискѣ имѣній, поступившихъ отъ различныхъ сеньеровъ, нѣсколько разъ упомянуты вилланы, парики и люди въ качествѣ такихъ же принадлежностей пожалованныхъ селъ, какими являются дома, пашни и виноградники[6]). Въ дарственной графа Лорителли упомянуты между прочимъ три виллана[7]). Кражи скота, принадлежавшаго вилланамъ, упомянуты въ жалобѣ монаховъ Киръ-Зосима на людей сеньера г. Noha[8]). Пять виллановъ-арабовъ и пять зевгарей (паръ воловъ) вмѣстѣ съ деревнею (χωρίον) Рахалъ Ексамесъ были подарены королемъ Рогеріемъ своей кормилицѣ[9]). Рогерій II выдалъ епископу Скилакскому грамоту, подтверждавшую пожалованія его отца Рогерія I, матери и его самого. Эта грамота содержитъ два перечня париковъ-грековъ; между ними много священниковъ „грековъ", всего 112 и 34 именъ[10]). Разрѣшено было селить пришлыхъ людей, не принадлежавшихъ ни къ ко-

---

[1]) № 60, a. 1097.

[2]) № 68, a. 1099.

[3]) № 69, a. 1101: dono . . casale arunciani cum omnibus suis pertinentiis. et omnes villanos pertinentes ad aruncium. et ad mentaurum. et ad olivianum qui sunt in meo dominio. cuiuscunque sint negocii vel arûs vel marinarii.

[4]) № 78, a. 1115: σὺν πάσης τῆς ὑποστάσεως αὐτῶν καὶ δεσποτείας.

[5]) № 83, a. 1117.

[6]) № 106, a. 1130.

[7]) № 111, a. 1131, p. 147.

[8]) № 153, a. 1133.

[9]) № 117, a. 1136.

[10]) № 139, a. 1144.

ролевскимъ, ни къ властельскимъ вотчинамъ [1]), приписывая ихъ къ церковной землѣ. Пожалованные „люди“ были родомъ изъ трехъ округовъ Скиллака, Стила и Алара. О ихъ наслѣдственной собственности ничего не извѣстно по этому документу.

Почти того же времени дарственная знатной госпожи графини de Basabillia на виноградникъ въ селѣ Дріенѣ содержитъ случайное извѣстіе объ *общинной территоріи села*. Подаренный виноградникъ, купленный ея мужемъ у нѣкоего Гильельма Encumbre, граничилъ съ королевской землею, дорогой, самимъ селомъ Дріеной и *общимъ* мѣстомъ, вѣроятно выгономъ для скота [2]). Въ настоящемъ документѣ рѣдкое выраженіе χωράφιον κοινόν встрѣчено совершенно случайно, по поводу сеньеріальной собственности въ округѣ села, включавшаго въ себя, какъ мы видѣли, даже королевскій доменъ. Выраженіе κοινὸς τόπος мы находимъ въ актахъ Тринкеры, но не въ смыслѣ общинной территоріи одного и того же села. Оно примѣнено къ пастбищамъ въ совмѣстномъ пользованіи двухъ мѣстечекъ (κάστρα); при чемъ постановлено за пасущійся скотъ постороннихъ лицъ брать пастбищный сборъ (νόμιστρον, herbaticum) и дѣлить его между жителями (οἰκήτορες) двухъ договорившихся мѣстечекъ, при чемъ одно изъ нихъ получало двѣ трети [3]).

Весьма достовѣрнымъ доказательствомъ существованія собственныхъ участковъ у париковъ завѣдомо частновладѣльческихъ является дарственная сеньера de Terrun монастырю τοῦ Ὄρους (de Nemore), къ которому относится нѣсколько изъ привлеченныхъ выше актовъ на участки около самой обители. Узнавъ, что монастырь нуждается въ пастбищахъ, сеньеръ de Terrun вымѣнялъ ближайшіе пахотные участки, принадлежавшіе „его добрымъ людямъ“, на другіе, принадлежавшіе ему лично, и подарилъ ихъ монастырю на вѣчное время. Съ подаренными участками граничила, между прочимъ, земля Николая Кукулисана, судя по имени происходившаго изъ Кукула, имѣнія того же сеньера de Terrun. Къ какому поселенію принадлежали καλοὶ ἄνθρωποι, обмѣнявшіе свои участки, изъ документа не видно [4]).

Сохранился и самый договоръ двухъ крестьянъ съ названнымъ сеньеромъ относительно мѣны участковъ. Онъ несомнѣнно относится къ тому же самому дѣлу, помѣченъ тѣмъ же мѣсяцемъ. Однако собственники, очевидно парики-греки, Василій Мадари и Леонтій Вакаѳари, ничѣмъ не обличаютъ какую-либо зависимость отъ сеньера de Terrun. Они „имѣли“ вымѣненный участокъ вмѣстѣ (μεμιγμένον, нераздѣльно) съ сосѣднимъ, принадлежавшимъ лично сеньеру и подареннымъ монастырю. Договоръ распространялся на наслѣдниковъ и заключенъ на вѣчныя вре-

---

[1]) Ibid., p. 185: σουρεύειν αὐτοὺς (ξένους) καὶ ἀπληκεύειν εἰς τὴν χώραν τῆς ἐκκλησίας.

[2]) № 33, a. 1142: ἐκ δὲ ἄρκτρου ὑπάρχει τὸ χωρίον· ἐκ δὲ μεσημβρίας χωράφιον κοινόν (sic). Cf. ἐπίκεινη αὐλή, p. 515.

[3]) № 18, a. 1019: κοινὸν τόπον τοὺς οἰκήτορας Τρωάδος καὶ Βακαρίτζας κατέχειν, νεμομένων ἀμφοτέρων τοῦτον.

[4]) № 151, a. 1154: καὶ ἐσυνάλλαξα μετὰ τῶν καλῶν μου ἀνθρώπων τὰ περὶξ χωραφίτζια τῆς μονῆς καὶ ἀφιέρωσα αὐτὰ ἐν τῇ ρηθείσῃ μονῇ. Cf. № 101, того же года; грамота тому же монастырю на виноградникъ изъ владѣній сеньера въ его вотчинѣ, τῆς ἐμῆς χώρας τοῦ Κουκούλου.

мена[1]). Какъ нельзя яснѣе видно существованіе личной собственности сеньера и крестьянъ рядомъ на той же территоріи, при томъ на условіи той юридической близости, которая основана на собственности полной (μεμιγμένον). Территорія, въ актѣ не названная, была вѣроятно тѣмъ же Кукуломъ, принадлежавшимъ Роберту de Terrun. Въ пользу этого предположенія говоритъ и выраженіе названнаго сеньера „καλοί μου ἄνθρωποι" и сопоставленіе съ актомъ (№ 150) того же года о пожертвованіи виноградника изъ его личныхъ „законныхъ владѣній" (δικαίων κρατημάτων) въ Кукулѣ[2]).

О париках того же самаго монастыря, пожертвованныхъ сеньеромъ Карбонелло и привлекавшихся незаконно къ отбыванію тягла (τέλος), читаемъ въ распоряженіи камерлинга Бадулатскаго округа. Хотя эти парики-греки оставались записанными въ πλατεία κομητοῦ Ράου, но не должны были привлекаться къ платежу τέλος въ пользу государства (графа), такъ какъ ими владѣлъ монастырь. Такимъ образомъ пожалованіе влекло за собою передачу тягла париковъ отъ государства къ монастырю[3]). Подати съ вилланов на сеньеріальныхъ земляхъ шли въ пользу сеньера. Сохранился подробный протоколъ судебнаго разбирательства между сеньеромъ de Brui и монастыремъ въ г. Oppidum въ Калабріи изъ-за имѣнія, прежде принадлежавшаго (на правахъ феода) Марескотту[4]). Документъ представляетъ намъ феодъ на греческой почвѣ и важенъ для вопроса о проніи. Имѣніе, названное феодомъ на одного кавалларія[5]), состояло изъ виноградниковъ, пашень, вилланов, каштановыхъ рощъ, горныхъ пастбищъ, домовъ и *burgenses*[6]). Вилланов перечислено 32 семьи, все греки. Они обозначены въ актѣ: дѣти С. Вотера, дѣти Н. Малитана и т. д., всѣ одинаково. Недвижимость феода, разсматривавшагося какъ цѣлый надѣлъ рыцаря, сохранившій свой составъ отъ временъ прежняго ленника Марескотта, состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ кусковъ (κουλτοῦρα, χωράφιον) въ различное число модіевъ, расположенныхъ въ различныхъ мѣстахъ. Сравненіе топографическихъ обозначеній съ именами перечисленныхъ париковъ не даетъ никакого совпаденія; среди сосѣдей попадаются какъ феодальные владѣльцы, такъ и лица, не обозначенныя таковыми. Поименованные крестьяне, между которыми было нѣсколько священниковъ, по свидѣтельству окрестныхъ стариковъ несли подати и повинности, названныя δόματα (ср. дань въ Хиландарскомъ практикѣ), повинности ἀγγαρεία и καννίσκια, въ пользу отца тяжущагося сеньера de Brui, какъ *собственные* его вилланы[7]). Своихъ участковъ за вилланами феода не значится, они

[1]) №152: ἀλλάσσομεν.... ἀμπέλιον ὅπερ ἔχομεν μεμιγμένον με τὸν ἰδικόν σου.... καὶ ἐποιήσαμέν σοι τὸ παρὸν χαρτίον τῆς ἀλλαγῆς.

[2]) Упомянутый въ № 152 виноградникъ, пожертвованный монастырю, вѣроятно, тотъ же самый, о которомъ идетъ рѣчь въ № 150.

[3]) № 167, a. 1165.

[4]) № 225, a. 1188, p. 294—301.

[5]) ὁ ἐμὸς πατὴρ φίον ἐπεκράτει καβαλλαρίου ἑνός, p. 296.

[6]) ἀμπέλια καὶ χωράφια καὶ βελλάνους καὶ καστανίτα καὶ ὄρη· καὶ ὁσπιτότοπα καὶ ὀοργισίους (sic). Слѣдуетъ сравнить съ этими burgenses елевтеровъ изъ г. Іерисса въ Хиландарскихъ имѣніяхъ.

[7]) ὁ Κώνστας Ὑοθέρος δουλευτὴς ὢν κυροῦ Γουλιέλμου Ὑροῦϊ.. ἀπαιτεῖ αὐτοὺς δόματα καὶ ἀγγαρίας καὶ καννίσκια ὡς οἰκείους βελλάνους κυροῦ Γουλιέλμου Ὑροῦϊ, p. 300. Эта формула повторена нѣсколько разъ.

являются лично обязанными феодальному владѣльцу; тогда какъ парики греческихъ проній, напр. въ кодексѣ Лемвіотиссы, были собственниками, связанными съ проніаромъ по землѣ и по тяглу. Сеньеръ г. Гаэты даритъ мон. Иліи земли возлѣ (села?) Петрикеллы и 15 вилланов грековъ, безъ упоминанія объ ихъ участкахъ [1]). Нѣкоторыя изъ подаренныхъ земель находились прежде въ феодѣ; однимъ кускомъ сеньеръ Гаэты владѣлъ сообща съ какимъ-то Апелургомъ, вѣроятно, крестьяниномъ. Сосѣдство собственности сеньера и крестьянъ можетъ быть указано на территоріи селъ завѣдомо зависимыхъ [2]).

Если вилланы упоминаются, какъ живой инвентарь земель, наряду съ прочими угодьями, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они не имѣли собственности или наслѣдственнаго владѣнія; тѣмъ болѣе, что подобное мѣсто отводится въ документахъ не только вилланамъ, но и „франкамъ" [3]), на земляхъ не только феодальныхъ, но и ротюрьерскихъ [4]). Если встрѣчаются извѣстія объ участкахъ, которые были получены вилланами отъ сеньеровъ во владѣніе или держаніе [5]), то въ нихъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о долгосрочной или наслѣдственной арендѣ [6]).

Въ описаніи границъ владѣній монастыря въ Стилѣ находимъ рядъ указаній, что нѣкоторые вилланы имѣли занесенное въ книги наслѣдственное владѣніе, упоминаемое особо. Территорія монастыря состояла изъ самой обители, сданныхъ въ аренду (эмфитеозу) виноградниковъ, горныхъ и иныхъ пастбищъ, села Руситъ, затѣмъ отдѣльнаго имѣнія, которымъ владѣли дѣти Витали и Крапатуни; далѣе упоминаются между прочимъ два участка и мельница во владѣніи семействъ грековъ. Вилланами они не названы, но изъ способа обозначенія ихъ видно, что держальцы принадлежали къ этому классу. Ихъ нужно отличать отъ арендаторовъ виноградниковъ, упомянутыхъ вслѣдъ за обителью, судя по самымъ выраженіямъ ἔκδοτα и κρατεῖν, означающимъ аренду и владѣніе. Впрочемъ возможно, что и аренда была наслѣдственной эмфитеозой: въ началѣ акта упомянутъ виноградникъ, насаженный двумя семьями вилланов грековъ и являвшійся предметомъ тяжбы монастыря съ наслѣдниками эмфитевтовъ [7]).

Заключимъ нашъ обзоръ извѣстій объ имущественныхъ правахъ вилланов документомъ изъ Неритинскаго архива, по которому господинъ Робертъ Мартеллъ

---

[1]) № 243, a. 1198.

[2]) № 257, a. 1203, см. ниже. Описаніе усадьбы и участковъ, принадлежавшихъ владѣльцу de Francica при селѣ того же имени, гдѣ сосѣдями его являлись королевская вотчина и другіе, отчасти знатные, собственники: № 200, a. 1180. Ср. также № 24, a. 1082: ἀπο τῆς ἐμῆς διακρατήσεως εἰς τὸ χωρίον Οὐνιάνον. Cf. p. 56, 248, 270.

[3]) Вольная виллану, сыну священника, переходящему въ состояніе франковъ: p. 518, a. 1134. Cf. ib. 515—6.

[4]) Tabulæ dotales № 267, a. 1214; № 275, a. 1226. Cf. № 205, a. 1181 (земля семьи нотаріевъ).

[5]) № 157, a. 1159: τὸ σύνορον τῶν χωραφίων πάπα Ζωσίμου ἅπερ ἐκράτει παρὰ τοῦ αὐθέντου αὐτοῦ. № 158, a. 1159: σύνορον τῶν χωραφίων κυροῦ Κορβολίνου ἅπερ κρατοῦσιν οἱ παῖδες Νικολάου Κουλσόμβου.

[6]) № 288, a. 1233: Ἰωάννης κουράτωρ καὶ βελλάνος τῆς ἐκκλησίας ἐπεκράτει αὐτὰ ἐκ τῆς ἐκκλησίας καὶ ἀποτάσσομαι τὴν.. δεσποτείαν τῇ ἐκκλησίᾳ.

[7]) *Trinchera*, Appendix, p. 555—7; p. 556: ἐν τούτῳ τῷ περιορισμῷ ὑπάρχει καὶ ἡ καθέδρα τῆς μονῆς καὶ ἐκδότα ἀμπέλια καὶ ὄρη καὶ βουνὶ τῇ μονῇ (l. τῆς μονῆς) καὶ νομαδιαῖοι τόποι καὶ χωρελασίαι, χωρίον τὸ Ρουσίτον προάστειον ἰδιοπεριόριστον, ὅπερ κρατοῦσιν τὰ παιδία τοῦ Βιτάλη καὶ τοῦ Κραπατούνη κτλ.

подарилъ монастырю св. Мавра (въ Галлиполи) двухъ братьевъ сыновей Гурона, изъ имѣнія Кулупаце вмѣстѣ съ ихъ недвижимымъ имуществомъ и дѣтьми[1]).

Нельзя не замѣтить, что личная зависимость вилланов выражена въ италіанскихъ документахъ рѣзче, чѣмъ на греческомъ Востокѣ. Въ предыдущемъ мы встрѣчали неоднократно, что вилланы дарятся безъ упоминанія о стасяхъ. Сами они разсматриваются, какъ живой инвентарь, собранный въ имѣніе изъ разныхъ мѣстъ. Вотъ передъ нами продажа греческаго семейства, которое трудно было бы отличить отъ рабовъ, документъ начала XIII вѣка изъ крайняго юга Италіи: одинъ изъ двухъ братьевъ-сеньеровъ продаетъ на сторону свою половину наслѣдства, состоящаго изъ половины земли и одного изъ двухъ сыновей Схоларія[2]).

Принадлежавшіе монастырямъ люди были не совершенно одинаковаго состоянія, но распадались на нѣсколько категорій, на основаніи документовъ, по которымъ они перешли къ монастырю. Весьма важны въ этомъ отношеніи два списка людей монастыря св. Леонтія, на землѣ котораго мы видѣли рядомъ съ угодьями и селомъ, населеннымъ, конечно, монастырскими вилланами, также и отдѣльные участки во владѣніи или въ арендѣ. Первый списокъ монастырскихъ людей[3]) отмѣчаетъ, во первыхъ, сигиллатныхъ людей, т. е. принадлежавшихъ на основаніи сигиллія, закрѣпленныхъ за монастыремъ оффиціальной грамотой за печатью. Вторую категорію составляютъ люди, подаренные частными владѣльцами. При каждомъ изъ нихъ отмѣчено, отъ кого онъ поступилъ къ монастырю. Третью группу составляютъ люди, записанные на монастырь, но оставшіеся въ зависимости отъ своихъ владѣльцевъ. Къ этой группѣ принадлежатъ, во-первыхъ, Сильвестръ, обязанный королю повинностью ἀγέτριον и Мартиръ, обязанный королю hospitium и ангаріей. Далѣе цѣлый рядъ церковныхъ людей числились принадлежащими сеньерамъ, церкви, владѣльцамъ не сеньерамъ (напр. нотарію изъ Бадулата) и должны были отбывать hospitium и ангарію или одно hospitium. Нѣкоторые означены въ спискѣ только какъ принадлежащіе другимъ владѣльцамъ: монастырямъ Еремитовъ и Ѳеристскому, господину Рогерію и др. Ихъ можно выдѣлить въ четвертую группу. Въ числѣ людей послѣднихъ двухъ группъ значатся двое, названные вилланами частныхъ владѣльцевъ. Пятую группу составляютъ таглые изъ сосѣдней городской коммуны Іерака. При одномъ изъ нихъ обозначено, въ отличіе отъ прочихъ, его имущественное положеніе: все, чѣмъ онъ владѣлъ, онъ получилъ отъ монастыря[4]). Наконецъ, въ послѣднюю группу выдѣлимъ тѣхъ, о комъ сказано лишь, что онъ commenditus[5]). Второй списокъ людей монастыря св. Леон-

[1]) *Trinchera*, Appendix, p. 544: ἀπὸ τοῦ χωραφίου Κουλουπάτζε σὺν τῆς ὑποστάσεως αὐτῶν καὶ τῶν παιδίων αὐτῶν.

[2]) № 277, a. 1227. Вольная, p. 513. Кабальная, p. 515—6.

[3]) *Trinchera*, Appendix, p. 557—559.

[4]) ὁ Παντολέων τέλλει εἰς τὸ πλοιω (sic) Ἱέρακος καὶ καθέζεται εἰς τὴν χώραν τῆς ἐκκλησίας καὶ εἴ τι ἔχει τῆς ἐκκλησίας; p. 559: Κώνστα σὺν τῷ ἀδελφῷ τέλλει εἰς τὸ πλεμικὸν Ἱέρακος.

[5]) Νικόλαος Σιττινὸς ὑπάρχει ἐκ τὴν Ἀέταν ἀκκομανδευμένος. Νικόλαος τοῦ Ἀπεράτου ὑπάρχει ἐκ τὸν ἅγιον Μηνᾶν ἀκκομανδευμένος. Припоминаются отроки, которые возлюбили церковь, въ сербскихъ документахъ Хилендаря. См. выше № 60, a. 1097: ἀκουμανδευθέν.

тія[1]) содержитъ только имена, но группируетъ ихъ самъ на слѣдующіе разряды: 1) собственные люди монастыря[2]); 2) коммендитовъ; 3) виллановъ[3]).

Актовъ отчужденія крестьянами своей собственности дошло большое число. Немногіе среди нихъ содержатъ извѣстіе, что крестьянинъ находился въ крѣпостной зависимости отъ сеньера, и эти извѣстія имѣютъ случайный характеръ. Крестьяне не пишутъ въ своихъ документахъ, что они отчуждаютъ свою землю съ разрѣшенія сеньера, они дѣйствуютъ, какъ полные собственники. Для крестьянскихъ актовъ отчужденія употребляются тѣ же формулы, какія были обычны для отчужденія всякой наслѣдственной или пріобрѣтенной собственности. Поэтому въ большинствѣ случаевъ намъ не доступно рѣшеніе вопроса, были ли отчуждавшіе крестьяне зависимыми вилланами. Въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно прослѣдить въ изданіи Trinchera, и съ помощью превосходнаго указателя, судьбы каждаго имени, топографическаго и личнаго крестьянскаго. Это бы потребовало большого предварительнаго изслѣдованія, для котораго здѣсь нѣтъ мѣста. Для нашей задачи достаточно привести нѣсколько характерныхъ случаевъ и сослаться на менѣе ясные.

Вотъ, напримѣръ, крестьянинъ, сынъ священника, продаетъ другому крестьянину свою собственность въ мѣстѣ (τόπος, имѣніе) Ставраконѣ[4]). Этомъ актъ составленъ по всей формѣ продажи собственности. Между тѣмъ земля крестьянская, состоитъ изъ четырехъ кусковъ (πετζί). Сосѣдями являются крестьяне же, а также участокъ, названный апоріемъ господина Гвалтерія, или опредѣленнѣе, сеньера нашего господина Гвалтерія[5]). Разсмотримъ далѣе одинъ изъ немногихъ документовъ отчужденія вилланомъ своего участка. Онъ относится уже къ серединѣ XIII в. и содержитъ указаніе, что актъ составленъ по волѣ сеньера; уступленный монастырю участокъ обозначенъ не какъ родовой, но какъ полученный въ даръ[6]). Самымъ яснымъ образомъ несмотря на это засвидѣтельствована собственность виллановъ. Собственникъ, не означенный вилланомъ какого-либо сеньера, передаетъ монастырю свои наслѣдственные участки съ условіемъ, чтобы сыновья его могли оставаться собственниками, если бы захотѣли „служить" (δουλεύειν) монастырю,

[1]) Ibid. p. 559—560.

[2]) τὸ κατ' ὄνομα τῶν ἀνθρώπων ἁγίου Λεοντίου· το ηκηον (sic, οἰκείων?).

[3]) ἡ (l. οἱ) ακουμανδεμμενοι — ἡ υιλλανη τοῦ ἁγιου λεοντίου. Ср. практикъ Кефалонской церкви, патмосскій практикъ 1153 г. и αγιλλατίκια въ Янинскомъ хрисовулѣ 1321 г.

[4]) № 257, a. 1203.

[5]) 'Απορίω (sic) τοῦ ἡματέρου αὐθέντου κυροῦ Γαλτερίου. Терминъ ἀπόριον означаетъ, повидимому, участокъ, поступившій сеньеру отъ крестьянина, и можетъ быть сопоставленъ съ ἐξηλειμμένη στάσις — запустѣвшій участокъ, отошедшій къ вотчиннику. Cf. *Trinchera*, p. 381: ἀπόριον τοῦ ἡματέρου ἀνθρώπου Νείλου; p. 386: χωράφιον ὅπερ ὑπάρχει ἀπόριον ἡμῶν ἐκ τοῦ Γαλλιάνου; p. 386: χωράφιον τῆς κυρᾶς 'Αδελίτζης ὅπερ ἔχει ἀπόριον (in aporium) ἐκ τοῦ Μαχρίτζη; p. 388: χωράφιον . . ἔνδον τῆς διακρατήσεως τῆς μονῆς . . ὅπερ ἔχω εἰς ἀπόριον ἐκ τοῦ Μηχρίτζη (1 модій); cf. p. 233, 254, 259, 474, 545, и др.; p. 467: ἀπόριον τοῦ ἡματέρου θεωρέτρου.

[6]) № 285, a. 1232: ποιήσω εἰς σε τὸ παρὸν ἔγγραφον διὰ τὸ ἴδιον θέλημα τοῦ αὐθέντου ἡμῶν κυρίου Ρικάρδου τοῦ Κλερομόντα καὶ υἱὸς (sic) αὐτοῦ Βουλόττα. Поле имѣетъ съ сѣвера χωράφιον τοῦ ἰδίου αὐθέντου ἡμῶν.

какъ служатъ другіе „люди изъ села“ монастыря. Не сказано, чтобы они были арендаторами или держальцами, но что они будутъ „имѣть свое наслѣдство“ [1]). Сеньеръ села Какіана продаетъ крестьянину сосѣдняго села Пертузы, гдѣ также были владѣнія сеньера, свою собственную землю, расположенную въ его вотчинѣ Какіанѣ между участками, принадлежавшими его собственнымъ вилланамъ; и ограждаетъ покупщика отъ притѣсненія его сосѣдей [2]). Вилланы вотчины Какіана являются не только собственниками участковъ, записанныхъ за ними въ книгахъ, но и называются οἰκήτορες, такъ же какъ покупщикъ изъ Пертузы. Акты составлены по всей формѣ продажи въ полную собственность. Вдова завѣдомаго церковнаго виллана продаетъ участокъ изъ своего наслѣдія отъ отца [3]). Она же продаетъ благопріобрѣтенный участокъ [4]). Мы утомили бы читателя, еслибы привели содержаніе всѣхъ актовъ изъ сборника Тринкеры, содержащихъ свободныя, по всѣмъ формамъ совершенныя отчужденія крестьянской собственности [5]). Кромѣ того, цѣлый рядъ документовъ относится къ собственности не сеньеріальной, но врядъ-ли крестьянской [6]). Крестьянскія земли массами скупались нотаріусами въ XIII в. [7]).

Сборникъ Тринкеры содержитъ богатый матеріалъ для изученія эмфитеозы и долгосрочныхъ наслѣдственныхъ арендъ, на условіяхъ раздѣла пополамъ воздѣланной территоріи и съ платежемъ τέλος [8]). Иногда онъ даетъ бытовой комментарій къ нѣкоторымъ статьямъ Крестьянскаго Закона [9]). Для терминологіи землевладѣнія документы эти доставляютъ нѣсколько примѣчательныхъ текстовъ [10]).

Греческіе акты Сициліи, изданные изъ Палермскаго архива профессоромъ *Cusa*, содержатъ неопровержимыя извѣстія о существованіи личной и наслѣдственной

[1]) № 105, a. 1129.

[2]) № 147, a. 1149. Cf. № 148, a. 1152.

[3]) № 149, a. 1154. Ср. перечень парикоѣъ p. 183.

[4]) № 123, a. 1140.

[5]) См. *Trinchera*, №№ 41, a. 1054; 94, a. 1124 (сынъ кавалларія οἰκήτωρ); 101, a. 1127; №№ 118, 120, 127, cf. 169, относящіеся къ имѣнію (τόπος) Гемилла; затѣмъ крестьянскіе участки въ №№ 128, 130, 131, 144, 145, 161, 162 и 188 (мѣна съ монастыремъ), 163 (въ приданое), 172 (то же), 174, 176, 183, 193 переходъ въ крестьянскія руки), 196, 201—205, 214, 215 (съ уплатой τέλος продавцу и наслѣдникамъ, ср. № 291), 216, 217, 242, 245, 250, 252, 253, 255, 257, 264, 266, 290 (τελικά), 291, 292, 293, 299 (κάτοικοι χωρίου), 300, 303, 324, a. 1271: κατοικήτωρ εἰς τὸ χωρίον Ἁγίου Ἀσεντίου; 332, 333. Appendix p. 523 s., 524 s., 541, 543, 550, 552 (κατοικοῦντας ἐν τῷ χωρίῳ Βελλάδων). № 327, a. 1273 tabulae matrimonii (κάτοικοι).

[6]) №№ 154—157, 170 и 187 (tabulae dotales), 179—182, 209—213, можетъ-быть 215, упомянутый выше; 228 (οἰκήτωρ, можетъ-быть крестьянинъ), 229, 295, 296, 304 и др.

[7]) Филліанъ Тусканъ: №№ 305—311, 316, 325, p. 481—2; П. Фицурри: 303, 312—315; Филдерри 317, 320. Всѣ акты около 1270 г.

[8]) №№ 30, 79, p. p. 47, 181, 217, 228, №№ 175, 191, p. 303—4, № 239 ср. №№ 263, 264, 265, p. 370, №№ 286 и 287, 290 и 319 (τελικά), № 328 (раздѣлъ на 7-ой годъ), Appendix p. 548—9. Cf. μήτε τέλος μήτε δεκατία, p. 70.

[9]) Мѣна съ возстановленіемъ прежняго въ случаѣ претензіи, № 220. Залогъ земли съ пользованіемъ плодами. p. 475—6. Лишеніе плодовъ за самовольный посѣвъ, p. 472.

[10]) Στάσις μονῆς ἐν τοποθεσίᾳ κώμης Μενταβρίου № 293, cf. 292; μέχρι τῆς στράτας Λιμῶνος δι' οὗ καὶ ἡ εἰσοδοέξοδος αὐτῆς, p. 219; зевгарь, p. 64; синонимы топоѳесіи: ὑπόθεσις, p. 302; πλαγία, 179; ἀγρός, p. 218, ср. χωράφιον и χώρα, p. 270. Интересное обозначеніе топоѳесіи въ № 172. Διακράτησις τῶν χωραφίων, p. 115. Κράτησις = διακράτησις, p. 217 и др.

собственности вилланов, которые принадлежали на островѣ преимущественно къ арабской національности. Рогерій жалуетъ 20 поименованныхъ агарянъ съ ихъ повинностями [1]); монастырю Всѣхъ жалуетъ онъ же „людей и ихъ (недвижимое) имущество“ [2]), съ освобожденіемъ отъ податей; парики закрѣпляются за церковью поименно [3]). Десять арабовъ жалуются вмѣстѣ съ деревней [4]). Панормской церкви отдается въ вотчину село Рахалъ Ексамесъ съ угодьями, съ пятью зевгарями (парами воловъ) и пятью арабами-вилланами, поименованными безъ семей и участковъ [5]). Даются при Ливеріи сто агарянъ, поля и угодья, которыми завладѣли мѣстные жители [6]), королевское село съ полями и угодьями и живущими въ немъ людьми [7]). Графъ Симеонъ съ супругою даютъ Б. Матери въ Драмнѣ десятину скота, хлѣба и десять вилланов съ дѣтьми, *тяглом, имуществом*, именно стасями, полями, виноградниками, домами. Подати ихъ состояли изъ 200 тареновъ деньгами, хлѣба и ячменя 45 модіевъ и личныхъ повинностей [8]). Парикъ грекъ Петръ Ценгаропулъ былъ подаренъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ [9]).

Въ *Липарскихъ* актахъ, напечатанныхъ у Кузы, находимъ прежде всего рѣдкое въ греческихъ документахъ обозначеніе числа дней барщинъ; люди обязаны были работать на монастырь каждую четвертую недѣлю, сверхъ того 2 (а не 40, какъ ошибочно напечатано) дня при посѣвѣ со своими зевгарями, 1 день во время жатвы и 3 дня во время сбора винограда. Нотаріусъ и другіе лица засвидѣтельствовали, что люди обязаны столькими днями барщинъ [10]). Наконецъ отмѣтимъ, что акты про-

---

[1]) *Cusa*, I diplomi Greci ed Arabi di Sicilia (Palermo, 1869—82), № 1.

[2]) *Cusa*, № 2: ἀνθρώπους καὶ ὑποστάσεις.

[3]) *Cusa*, № 9.

[4]) *Cusa*, p. 68—69.

[5]) *Cusa*, 115: χωρίον Ράχαλ Ἐξάμες σὺν τῶν δικαιωμάτων αὐτοῦ μετὰ ζευγαρίων πέντε καὶ βελλάνων πέντε.

[6]) εἰς τὸ Λιβέριον ἀγαρηνοὺς ἑκατὸν καὶ χωράφια καὶ διακρατήσεις, ἅπερ οἱ ἐκεῖσε οἰκήτορες ἐπροσκράτουν, p. 290.

[7]) Δωροῦμεθα (король Рогерій) ἡμέταρον ἀγρὸν μετὰ τῶν χωραφίων, προνομίων, διακρατήσεων καὶ τῶν ἐν αὐτῷ κατοικούντων ἀνθρώπων, p. 293.

[8]) *Cusa*, 315—316: σὺν τοῖς τέκνοις αὐτῶν καὶ τελῶν καὶ ὑποστάσεων ἤγουν χωραφίων, ἀμπελίων, σπαρίων· τὰ δὲ τέλη αὐτῶν εἰσὶν ταρία σ' καὶ σιτάρι καὶ κριθάρι μόδια με', καὶ τὴν δουλείαν ἣν ἐποίουν εἰς ἡμᾶς ποιήσονται ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ· ἐλευθεροῦμεν δὲ αὐτοὺς ἀπό τε ἀρβατικοῦ καὶ πάσης ἀφορμῆς.

[9]) ἀφιέρωσα... ἕνα ἄνθρωπον ἐκ τοὺς ἐμοὺς βελλάνους... σὺν πάντων τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῦ ἀπό τε κινητῶν καὶ ἀκινήτων, p. 412. Ospidale di San Giovanni Gerosolymitani получаетъ семь людей грековъ, p. 393—4; еще 4 парика, p. 394—5; пять париковъ, 410. Μετοχίου, χωραφίων καὶ παροίκων, p. 418; χώραν καὶ ἀνθρώπους τῆς μονῆς, p. 422. Вилланы священника Гранери, p. 435. Продажа вилланомъ арабомъ мельницы другому арабу, 471. Освобожденіе отъ повинностей, p. 438—9; перечень ихъ, 423.

[10]) *Cusa*, 512—513. Арабскіе вилланы, ремесленники въ Леонтинѣ и Сиракузахъ, p. 549—551. Дарственная на 4 арабовъ, 616. Изъ грамоты монастырю Богоматери Stelligrosso: ἀπὸ πάσης ἐπωρίας, δώματος καὶ ἐγγαρείας καὶ χειλωτικῶν καὶ ἐρβατικῶν καὶ ὅσους δὲ βηλληκοὺς δήνεται συναθρίσαι ἵνα ἦαν τοῦ Θεοῦ, 643. Договоръ эмфитеозы на половинныхъ началахъ между арабами, p. 669; наслѣдственная аренда монастырскаго сада за плату, 678—81. Cf. p. 371—2.

даже въ полную собственность содержать платежъ δίκαια τῆς κόρτης, напоминающій эпителію въ коденсѣ Лемвіотиссы[1]), и мѣстныеособенности земельныхъ мѣръ[2]).

Актъ мѣны вилланами между эмиромъ эмировъ и игуменомъ Пактскимъ сохранилъ еще одно свидѣтельство о недвижимомъ имуществѣ вилланов[3]). О королевскимъ имѣніи Фиверѣ и о поселеніи тамъ чужихъ свободныхъ людей, съ отводомъ имъ надѣловъ, свидѣтельствуетъ документъ, передающій и о борьбѣ этихъ людей съ окрестными сеньерами (τερρερίων)[4]). *Катанскіе* акты содержатъ громадные списки арабовъ-вилланов[5]).

Изложенный выше документальный матеріалъ еще можетъ быть нѣсколько пополненъ, особенно со стороны актовъ Аѳона и Ю. Италіи, однако мы не думаемъ, чтобы неизданныя или упущенныя данныя могли существенно повліять на результаты. Съ этимъ матеріаломъ можно продолжать работу. Предстоитъ ея болѣе трудная часть, съ другими задачами и съ инымъ планомъ: здѣсь основой изложенія былъ источникъ, тамъ займутъ свое мѣсто факты и явленія. Приведеніе матеріала актовъ въ систему не только потребуетъ содѣйствія данныхъ законодательства и литературныхъ источниковъ, но предполагаетъ расширеніе самаго предмета, черезъ изслѣдованіе тѣхъ элементовъ Византійскаго аграрнаго и соціальнаго строя, которые оказывали вліяніе на формы крестьянскаго владѣнія. Это уже будетъ исторія поземельныхъ отношеній съ крестьянскимъ вопросомъ въ центрѣ.

Законодательство и юридическая литература внушаютъ непосредственное убѣжденіе о господствѣ личной собственности во всѣ эпохи Византійской исторіи, Однако, къ этимъ источникамъ возможно было бы отнестись критически, зная, что Византійская юриспруденція основана на римской и могла не считаться съ новыми теченіями жизни. Однако теперь документы (какъ и Крестьянскій Законъ) подтверждаютъ означенное убѣжденіе на основаніи конкретныхъ фактовъ XI—XIV в. изъ всѣхъ областей Византіи. Это и является главнымъ результатомъ обзора, предложеннаго выше. *Основной идеей аграрной исторіи Византіи должна быть поставлена личная и наслѣдственная* (γενικόν) *собственность париковъ* казенныхъ, вотчинныхъ и проніарскихъ; и на этомъ фонѣ слѣдуетъ обозначить появившіяся уклоненія второстепенной важности.

Ослабленіе крестьянской собственности имѣло мѣсто подъ вліяніемъ преимущественно слѣдующихъ трехъ моментовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ обширную область, ожидающую спеціальнаго изслѣдованія.

---

[1]) *Сиѳа*, p. 331 sqq., 630 sqq.

[2]) χωράφια ζευγαρίων ἓξ ἤγουν μοδίων ἑκατὸν ὀγδοήκοντα, 361. Θούμενα 420, γουμάρια 429, 437. Χωράφιον ζευγαρίου ἑνός соотвѣтствуетъ 28 модіямъ, 486.

[3]) Ἐπιδίδω τὸν ἐμὸν ἄνθρωπον Θεοφύλακτον τὸν τῇ ἐπωνυμίᾳ τοῦ Λύκου σὺν τοῖς τέκνοις αὐτοῦ καὶ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ· χωράφιά τε καὶ ἀμπελῶνα· τοῦ ἐκδουλεύειν αὐτὸν εἰς τὴν Θεοτόκον... ἄχρι βίου ζωῆς.

[4]) *Сиѳа*, 532—535. Жалуется село, населенное поименованными 80 арабами, названными вилланами, 513—515.

[5]) *Сиѳа*, 541—548. Ср. p. 568—595, 614—615.

Во-первыхъ, пожалованіе въ вотчину и въ пронію прикрѣпленныхъ къ тяглу казенныхъ крестьянъ-собственниковъ имѣло, повидимому, меньшее значеніе для крестьянской собственности, чѣмъ представляется съ перваго взгляда. Сущностью пожалованія является первоначально передача тягла париковъ. Однако имущественныя права послѣднихъ нѣсколько ограничиваются притязаніями вотчинника на привилегію при отчужденіи крестьянскихъ земель; личная же полноправность париковъ встрѣчаетъ надъ собою общій патронатъ вотчинника или проніара (ср. ἐκδουλεύειν, τελεία παροικία).

Во-вторыхъ, размѣры крестьянской собственности ограничиваются черезъ поселеніе безземельныхъ крестьянъ на владѣльческихъ (и церковныхъ) земляхъ, на основаніи спеціальныхъ разрѣшеній селить пришлыхъ, черезъ пожалованіе париковъ безъ земли и вслѣдствіе броженія людей съ мѣста на мѣсто. Образуется классъ присельниковъ, къ XIV в. повидимому составлявшій главную массу крѣпостного населенія владѣльческихъ земель. Хотя присельники получаютъ наслѣдственные участки и упоминаются вмѣстѣ съ таковыми въ документахъ, однако въ ихъ состояніи должно было имѣть мѣсто уклоненіе къ худшему, въ сравненіи съ правами париковъ старожиловъ и собственниковъ родового или наслѣдственнаго имущества. Съ поселеніемъ безземельныхъ, съ институтомъ присельничества тѣсно связанъ трудный вопросъ о надѣлахъ зевгаратныхъ и воидатныхъ.

Въ-третьихъ, вліяніе податного обложенія сказывалось въ реформахъ системы привлеченія ближайшихъ къ несенію тягла (ἐπιβολή), и предпочтенія ближайшихъ при переходѣ имуществъ (προτίμησις), — въ созданіи круговой поруки (ср. хрисов. 1364 г. Сумелѣ); а также въ прямомъ вмѣшательствѣ администраціи при производствѣ ревизій тяглаго населенія (ἀπογραφή); однако нарушеніе правъ родовой собственности возможно предполагать лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ тенденцію, а не какъ практику.

Не ясно, могли ли вотчина и пронія, присельничество и надѣлы, ревизіи и круговая порука привести къ образованію крѣпостной общины въ концѣ существованія Византіи (ср. Струмицкій актъ). Но мы не встрѣтили въ документахъ ни одного извѣстія объ общинномъ землевладѣніи, въ смыслѣ правъ общиннаго союза на участки хозяевъ. Наоборотъ, все главное содержаніе привлеченныхъ памятниковъ противорѣчитъ общинному землевладѣнію.

Будучи построена на идеѣ индивидуальной наслѣдственной собственности, исторія Византійскаго крестьянства получитъ исключительную теоретическую важность при сравненіи съ соотвѣтствующими фактами въ развитіи западныхъ народовъ.

Оглавленіе.

Стр.

I. Крестьянскій Законъ и общинное землевладѣніе . . . . . 3— 87

I. Составъ и редакціи Крестьянскаго Закона . . . . . 3— 30

Важность Крестьянскаго Закона, стр. 1. Недостаточность изученія какъ обычной редакціи (при Арменопулѣ), такъ особенно древнѣйшихъ текстовъ безъ титуловъ, 2. Труды русскихъ ученыхъ и Московскіе списки, 4. Эксцерпты сербскаго перевода въ компиляціи „Цара Јустиніана Закон", уклоненія отъ греческаго оригинала, 5. Полный славянорусскій переводъ въ компиляціи „Книги Законныя", 7. Сравненіе двухъ древнѣйшихъ редакцій: Миланской, изданной Феррини, Московской, изданной Павловымъ, и русскаго текста „Книгъ Законныхъ", относительно состава и числа статей, 9. Древнѣйшая Миланская редакція и интерполяціи въ текстѣ отдѣльныхъ статей въ позднѣйшихъ редакціяхъ и въ древне-русскомъ переводѣ, 12. Дополнительныя статьи изъ Юстиніанова права въ позднѣйшихъ изводахъ, особенно въ редакціи 14 титуловъ, 16. Четыре ряда статей въ древнѣйшемъ текстѣ, 19. Отсутствіе слѣдовъ оффиціальной редакціи въ древнѣйшихъ текстахъ, 21. Предположеніе Цахаріэ и другихъ о принадлежности Крестьянскаго Закона къ иконоборческому законодательству: повелѣвающій тонъ, обращеніе къ судьямъ, 22. Сравненіе памятника съ Эклогою Льва и Константина, 24. Статьи изъ Крестьянскаго Закона въ титулѣ Эклоги περὶ κοινῶν, интерполяціи въ составѣ этого титула, 25. Крестьянскій Законъ не долженъ быть отнесенъ къ законодательству императоровъ иконоборцевъ, и могъ быть записанъ какъ въ VIII, такъ и въ VII вѣкѣ, 27.

II. Критическій обзоръ вопроса о содержаніи Крестьянскаго Закона и о присутствіи въ немъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія . . . . . 30— 57

Теоріи Цахаріэ, стр. 31, и В. Г. Васильевскаго, 45. Замѣчанія А. С. Павлова, 54; Ѳ. И. Успенскаго, 57; Феррини, 57.

III. Крестьянская собственность по даннымъ Закона . . . . . 57— 87

Особенный характеръ содержанія Закона, стр. 57. Общимъ его назначеніемъ является охрана крестьянской собственности, 58. Терминологія земельной собственности, 59. Статьи, свидѣтельствующія о присутствіи общественной собственности одновременно съ личною: статья 32 о деревѣ, взрощенномъ на нераздѣленномъ мѣстѣ, 62. Статья 78 о мельницѣ, построенной на общественной землѣ села, 64. Статьи о нераздѣленной территоріи и существованіе личной собственности крестьянъ, 68. Статья 8 о (дополнительномъ) раздѣлѣ, 70. Категоріи земельной собственности, 71. Пахотныя земли: терминологія, 71; сосѣдскіе участки, 73; полнота личныхъ правъ собственника, 75. Виноградники и сады, 78. Статья 21 о покинутыхъ усадьбахъ и виноградникахъ, 79. Усадьбы, 80. Пастбища: отсутствіе луговъ, частныя поляны, 81. Общественные выгоны, общія стада и пастухи, ib. Лѣсные выгоны, 82. Частныя крестьянскія рощи, 83. Служебный и временной характеръ нераздѣленной территоріи, 84. Основныя черты собственности по Крестьянскому Закону: владѣніе; собственность личная, ib. Непосред-

Стр.

ственность личныхъ правъ по отношенію къ селу, ib.; по отношенію къ податному обложенію, 85. Свобода распоряженія, 86. Отсутствіе статей о продажѣ, дарѣ и наслѣдованіи объясняется характеромъ памятника, дополняющаго общіе судебники, 87.

II. Крестьянская собственность по монастырскимъ актамъ . . . . . 88—229

1. Кодексъ Лемвіотиссы . . . . . 89—142

Монастырское село Вари, стр. 90—105. Нѣкогда часть территоріи сосѣдняго села Приновари, являющагося властельскимъ, 90; пожаловано монастырю Лемво, ib. Перечень дворовъ париковъ и присельниковъ Вари, 91. Территорія села не находится въ сплошномъ владѣніи монастыря, 92. Поле Спана и тяжба между париками Вари и Приновари, ib. Родовыя земли париковъ Гунаропуловъ на территоріи Вари и борьба монастыря съ ихъ наслѣдниками, служилыми людьми, 94. Ограниченіе владѣльческихъ правъ париковъ, 98. Инструкція Ласкарю о переписи париковъ Вари и о надѣлахъ зевгаратныхъ и вондатныхъ, 100. Указъ Сиропулу о нормѣ доходовъ съ монастырскихъ париковъ, 101. Прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу: дарственная на парика Мурмантина, 102; указы о возвращеніи бѣглыхъ и о непокорныхъ парикахъ Вари, 103. Тягло париковъ, παροικιόν τέλος и повинности, 104. Село Мантея и владѣнія Лемвіотиссы на его территоріи, 106—118. Плантація парика Казани на монастырской землѣ, 106. Метохъ Пантелеймона на земляхъ кира Тесалта въ Мантеѣ, ib.; внукъ его — парикъ монастыря, 107. Мелкія приношенія и продажи въ различныхъ топоосіяхъ Мантеи участковъ крестьянской тяглой собственности, ib. Эмфитеоза парика Скуллата, 110. Планомъ метохъ на родовыхъ земляхъ Максима Планита и процессы съ его наслѣдниками, ib. Столкновеніе съ пронціаромъ служилымъ человѣкомъ Петриди, 114. Метокъ Скуруулá, 115. Отсутствіе актовъ на приношенія отъ крестьянъ Мантеи монастырю, лишь упоминаемыя въ хрисовулахъ, 116. Два акта продажи крестьянами своихъ земель служилымъ собственникамъ; документъ Вранны и смисъ эпителія, 117. Приношенія служилыхъ вотчинниковъ въ Мантеѣ, ib. Деревня Панаретъ, 118—124. Находилась въ пронія, 119. Процессъ о приношеніи священника Полея, парика пронія служилаго человѣка Сиргари и госпожи Вранени, ib. Приношенія и продажи париками Панарета ихъ собственныхъ участковъ съ передачею эпителія; сложеніе эпителія Костомойромъ, 123. Деревня Параналамъ, пронія Сиргари, 124. Село Потама, процессъ париковъ пронія Сиргари въ селѣ Потама, захватившихъ монастырское имѣніе Сфурна, 125—129. Метохъ въ Палатіяхъ въ царской вотчинѣ Κφλιος Μεραλεμίου при царскихъ и властельскихъ селахъ Кукулѣ и Мурмунтахъ, 129—135. Крестьянскія продажи и приношенія въ округѣ Палатій, 130. Приношенія и продажи служилыхъ вотчинниковъ, 133. Тяжба съ властелемъ Враною изъ-за совмѣстныхъ пастбищъ принадлежавшаго ему села Мурмунтъ и монастырскаго села Вари, 134. Метохъ Аманаріотисеи; приношеніе крестьянъ села Ганика, 135. Выводы, 136—142.

2. Фрагментъ Латрскаго кодекса . . . . . 142—146

Недостаточность удѣльной части кодекса, стр. 142. Тяжбы съ монастырями и съ Карантиномъ, 143. Грамоты о переписи и податныхъ льготахъ, ib. Тяжба съ крестьянами села Сампсонъ, 144. Документы изъ флорентійской рукописи Мосхопула о тѣхъ же парикахъ, 145.

3. Патмосскій кодексъ . . . . . 146—164

Монастырскія владѣнія на островахъ Патмосѣ, Лросѣ, Липсо, Косѣ и Лимносѣ, стр. 146—153. Практикъ метоховъ на Лросѣ и Липсо: разграниченіе съ сосѣдними крестьянами на Лросѣ, 147; три разряда земель на Липсо, 149. Хрисовулъ и практикъ для Патмоса, ib. Пожалованіе париковъ безсемельныхъ, но зевгаратныхъ, ib. Метохъ на Косѣ и свидѣтельство всѣхъ эпиковъ острова, 150; монастырскіе клѣвы на наслѣдственныхъ участкахъ, 151. Практикъ метоховъ на Лросѣ и на Косѣ, ib. Хрисовулы и практикъ метоховъ на Лимносѣ, пожалованіе казенныхъ крестьянъ собственниковъ въ 5 селахъ острова и „бѣдные“ собственники, 153. Критскіе документы кодекса, 153—155. Не владѣльческіе крестьяне села Менина, 153. Парики логаріаста Хрисоверга, 154. Метохи монастыря и поселеніе хоритовъ съ Патмоса, ib. Метохи въ М. Азіи, въ области Милета. Практикъ вотчинъ Андроника Дуки, 155.

Стр.

Парики вотчинъ зевгаратные, вондатные и актимони (капникаріи), ib. Доходы съ париковъ, аренда, зевгаратикій, 156. Отсутствіе указаній на постоянное (наслѣдственное) владѣніе и на общину, 159. Метохи Пантелеимонова монастыря, 160. Метохъ Пирга и тяжба съ властельскими крестьянами села Малахій, 161. Крестьянскія продажи, 162. Метохъ въ Фигелахъ, ib. Метохъ Хіонасмени: парики, крестьянскія продажи земель, ib. Дѣло съ властельскими париками Лампоньми изъ-за ихъ родовой собственности, 164.

4. Грамоты Новому монастырю на Хіосѣ . . . . . 164—165

5. Документы Монемвасійскіе, Янинскіе, монастырей Μέγα Σπήλαιον, Мирсинейотиссы, Фанарскаго, Кехаріотиссы, тяжбы М. Атталіаты и др. . . . . 165—168

6. Хрисовулъ Трапезунтскаго монастыря Сумелы . . . . . 168—170

Хрисовулъ 1364 г. Мѣстныя особенности: наслѣдственные дворы париковъ и гонникаріевъ внутри помѣщичьихъ стасей. Административно-податной округъ καπάλιον — село Дувера, стр. 168—170.

7. Практикъ Кефалонійской церкви . . . . . 170—172

Χωράφιον какъ территоріальная единица, стр. 170; χωρίον, 171; парики, 172. Краткій перечень париковъ Керкирской церкви, ib.

8. Кодексъ Макринитиссы и Новой Петры . . . . . 173—181

Характеръ кодекса, стр. 178. Ктиторы Маліасины, ib. Метохи и парики Макринитиссы, 174. Метохи Новой Петры, 176. Село Дріанувена, 177. Родовая стась парика Архонтицы и сеньеріальныя права Маліасина, ib. Приговоръ париковъ Дріанувены о переложеніи на нихъ тягла двора Архонтицы, 178. Приговоръ не свидѣтельствуетъ объ общинномъ владѣніи и не исходитъ отъ свободной общины, 179. Стась Сиропулины, 180. Прочія крестьянскія продажи, 181.

9. Акты Меникейскаго монастыря . . . . . 182—192

Метохи Меникейскаго монастыря на властельскихъ земляхъ. Грамоты Андроника Старшаго: метохи Моносипти, Кинстерна, св. Варвары и другіе, стр. 182; указъ Цамвлакону о податныхъ льготахъ, 184. Грамоты Андроника Младшаго: перечень метоховъ, экономія съ париками при различныхъ селахъ, 185; новый указъ Цамвлакону о льготахъ для имѣній и для дворовъ париковъ, также и присельниковъ, 186. Грамоты Душана. Хрисовулъ 1345 г., перечень метоховъ, парики и присельники, ib. Фрагментъ хрисовула съ подробной переписью париковъ, собственность и подати париковъ, 188. Грамоты на отдѣльные метохи, 189. Калабакская надпись объ имѣніяхъ Стагской епископіи: клирики-землевладѣльцы и безземельные ἔνοικοι, 190.

10. Акты монастыря въ Струмицѣ . . . . . 192—196

Кодексъ обители τῆς Ἐλεούσης, 192. Хрисовулы Алексѣя Комнина и освобожденіе отъ податей 12 безземельныхъ дворовъ монастырскихъ присельниковъ, а также монастырскаго скота, ib. Практикъ передачи 12 зевгаратныхъ париковъ и надѣленіе ихъ землею, при Мануилѣ Комнинѣ, 193.

11. Акты Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря . . . . . 196—200

Практики Русика: метохъ на Лимносѣ и отводъ трехъ зевгарей земли, 196; метохъ на Кассандрѣ и измѣреніе зевгарей, 197; метохъ въ Ревеникіи и перепись париковъ съ означеніемъ вондатныхъ и зевгаратныхъ участковъ, а также подати, ib. Хрисовулы Русика: Андроника Старшаго и Іоанна Палеологовъ, и опредѣленіе зевгаратикія; сербскіе хрисовулы Душана и записи, 198.

12. Акты Ватопедскаго монастыря на Аѳонѣ . . . . . 200—203

Перечень метоховъ Ватопеда въ хрисовулахъ 1292 и 1329 гг., стр. 200. Село св. Маманта, 201. Практикъ Ласкаря Метохита, 202.

13. Изданные акты аѳонскихъ монастырей: Зографа, Филоѳея, Ѳефигмена, Иверскаго, Дохіара, св. Павла и Хиландаря . . . . . 203—209

Изданія проф. Т. Д. Флоринскаго, 203. Хрисовулы Зографа, ib. Хрисовулъ Филоѳея, 204. Хрисовулы Душана Ѳефигмену, тяжба съ эпиками Рентини, ib. Иверскіе документы. Записи жителей Іерисса и Сидерокавсія, 205. Хрисовулъ метоху Радоливо и подать зевгаратикій, ib. Хрисовулъ Душана Дохіару, 206. Документы монастыря св. Павла, ib. Хиландарскіе документы, греческіе, ib.; славянскіе, кромѣ практика, 207.

Стр.

14. Хиландарскій практикъ . . . . . 209—220

Характеръ практика и вступленіе, 209. Село Градецъ и прочія имѣнія Хиландаря, рубрика ѡдь проніи, 211; елевтери, 212; парики изъ проніи Скорѣвской, 215; цѣлыя села или только нѣсколько дворовъ въ монастирской собственности, ib. Доходы монастыря, 214. Монастирское и проніарское владѣніе рядомъ, 216. Зевгарь, 217. Стаси париковъ и нераздѣленная территорія, ib. Личная наслѣдственная собственность, 219.

15. Греческіе акты Южной Италіи и Сициліи . . . . . 220—229

Акты Ю. Италіи въ сборникѣ Trinchera, стр. 220. Владѣльческіе и церковные виллаги и ихъ имущество, ib. Акты отчужденія крестьянскихъ земель, 226. Документы Палермскіе, Липарскіе, Катанскіе въ сборникѣ Cusa, 228.

Главный выводъ . . . . . 229—230

Оглавленіе . . . . . 231—234

Нѣсколько греческихъ и римскихъ надписей.

Р. Х. Лепера.

Мы издаемъ здѣсь нѣсколько надписей какъ накопившихся въ музеѣ Института, такъ и сообщенныхъ Институту въ разное время разными лицами въ эстампажахъ или копіяхъ. Такимъ образомъ издаваемыя нами надписи происходятъ изъ разныхъ мѣстъ, а часто мѣсто, гдѣ онѣ были найдены, не можетъ быть указано даже приблизительно; особенно это нужно сказать о надписяхъ, имѣющихся въ музеѣ Института, куда онѣ по большей части попали или покупкою у продавцовъ древностей или пожертвованіемъ отъ лицъ, въ свою очередь пріобрѣтшихъ ихъ не изъ первыхъ рукъ.

I. Надписи въ музеѣ Института.

Въ музеѣ имѣются слѣдующія надписи кромѣ трехъ, изданныхъ въ Извѣстіяхъ II, стр. 85 (изъ Никомидіи)[1]; I, хроника, стр. 27 (изъ Коніи) и VI, 2, стр. 106 сл. (изъ окрестностей Константинополя).

1. Обломокъ надписи изъ Никомидіи. Къ сожалѣнію сохранилась слишкомъ малая часть надписи. Она обломана съ трехъ сторонъ, только снизу, повидимому, больше не было строкъ. Размѣръ 19×19×2,25 сантим.

Τὸ εἰσ-
ἕω]ς οὐ ἂν ἦ(ι) το- (?)
τετ]ραπλοῦν δ[ποβαλ . . ?
νητνηκο
5. ἀφῇ(?) ὡς ἐπω-
τ]ῶν πραγμάτων
δικαιοδοτηθησό[μεν-
-τήριά τε ἀποδιδότ[ω
-ἔχοντα διαμισθωσ[α-
10. -η νόμον Γναῖος Λέντλ[ος
ἔθοντο διαθαιοδοτεῖ[ν.

Въ началѣ 3 стр. передъ Р видѣнъ еще кончикъ отъ Т, такъ что слово τετραπλοῦν — несомнѣнно; въ концѣ строки послѣ Υ hasta вѣроятно отъ Π. Въ

[1]) Здѣсь въ чтеніи 2-ой строки надо исправить: τὸ κτῆμα τοῦτο ὃ καὶ προωνησάμην.

4 стр. мы имѣемъ передъ собой или ошибку рѣзчика, или сокращеніе. Въ началѣ 5 стр. передъ А повидимому стояло Σ, Γ или Т. Въ концѣ 7 строки послѣдняя буква была очевидно О, слѣдовательно мы имѣемъ передъ собой, вѣроятно, Partic. Fut. Pass. отъ δικαιοδοτεῖν. Въ началѣ 8 стр. передъ Т имѣемъ, повидимому, П или І съ предшествующимъ П, N или Т. Въ началѣ 9 стр. передъ Е нижняя часть hastæ, а въ концѣ часть А. Первая буква 10 стр. несомнѣнно Н, а въ концѣ 11 стр. І, Н или N.

Чтеніе нигдѣ, кромѣ 4-ой строки, не возбуждаетъ сомнѣній; но хоть сколько-нибудь возстановить утраченныя слова намъ не удалось; утрачено слишкомъ много, и между словами двухъ сосѣднихъ строкъ нельзя уловить связи. Дѣло идетъ объ отдачѣ въ аренду (v. 9), уплатѣ четверной стоимости (v. 3), вѣроятно въ случаѣ неисполненія условій, о судебномъ разбирательствѣ (v. 7). Въ концѣ, въ 10 стр., называется имя Гнея Лентула. Можно пытаться возстановить здѣсь [ἐπειδ]ὴ νόμον Γναῖος Λέντλ[ος] и далѣе привести въ связь со словомъ νόμον и слово слѣдующей строки ἔθοντο, очевидно вмѣсто ἔθεντο: форма эта встрѣчается уже на одной Никомидійской надписи (Извѣстія Института, II, стр. 112: ἀνέθοντο). Нужно предполагать, что какой-то Гней Лентулъ издалъ законъ вмѣстѣ со своимъ коллегой или коллегами, т. е., вѣроятно, или въ качествѣ трибуна, или консула. Въ періодъ обращенія Виѳиніи въ римскую провинцію, когда, повидимому, скорѣе всего могъ состояться законъ, такъ или иначе касавшійся Никомидійцевъ и упоминаемый здѣсь, мы находимъ Гнея Корнелія Лентула Клодіана, консула 72 года до Р. Хр., принимавшаго, повидимому, дѣятельное участіе и въ законодательной дѣятельности Рима и въ отношеніяхъ Римлянъ къ ихъ новымъ азіатскимъ подданнымъ. Въ 72 г. онъ вмѣстѣ со своимъ коллегой Луціемъ Гелліемъ Попликолой издалъ законъ, которымъ подтверждалось дарованіе правъ гражданства Помпеемъ (Cic. pro Balbo 19, 32, 33); оба консула неоднократно настаивали, чтобы провинціалы не судились въ провинціяхъ въ уголовныхъ дѣлахъ заочно (Cic. in Verr. II, 95); въ 66 году Гн. Лентулъ поддерживалъ предложеніе Г. Манилія о назначеніи Помпея главнокомандующимъ для войны съ пиратами (de imp. Cn. Pomp. 68). Онъ былъ признанъ патрономъ и благодѣтелемъ гражданами Оропа и почтенъ статуей (Inscr. Gr. Septentr. I, 311), былъ и патрономъ города Темна въ Мизіи (Cic. p. Flacco, 45)[1]. Очень возможно поэтому, что онъ именно со своимъ коллегою издалъ законъ, касавшійся судебныхъ дѣлъ провинціаловъ вообще, или же провинціи Виѳиніи или города Никомидіи въ частности. Такъ какъ недостающая часть строкъ нашей надписи по всѣмъ вѣроятіямъ была значительно больше сохранившейся, то нужно полагать, что имена консуловъ были названы полностью и можно пытаться возстановить такъ: [ἐπειδ]ὴ νόμον Γναῖος Λέντλ[ος Κλωδιανὸς καὶ Λούκιος Γέλλιος Ποπλίκολα ὕπατο]ι ἔθοντο δικαιοδοτεῖ[ν . . . .

[1]) Cf. *Pauly-Wissowa*, VII H-bd. (1900), p. 1380 sqq.

2. Твердый известковый камень размѣрами 52×40×8,5 сант. Пожертвованъ бывшимъ почетнымъ предсѣдателемъ Института А. И. Нелидовымъ. На камнѣ грубо высѣченный рельефъ, изображающій лежащаго бородатаго мущину.

Надписи надъ изображеніемъ и сбоку справа отъ него: первая, какъ ясно изъ содержанія, является продолженіемъ второй. Справа (a) мы читаемъ:

ΔΟΜ	т. е.	Δόμ-
ΝΟϹΚΑ		νος κα-
ΙΑΠΟΛΛ		ι Ἀπολλ-
ѠΝΟϹϹ		ών(ι)ος ο-
ΙΜΑΝΟΥ		ι Μάνου
ΑΤΓΑΛ		Ἀτταλ-
ЄΑΤΑΙΥ		εᾶται δ-
ΠЄΡЄΑΥ		πὲρ ἑαυ-
ΤѠΝ		τῶν

а сверху рельефа (b):

ΠΑ ΝΤѠΝ	πάντων
ΠΟΤΑΜѠ	Ποταμῷ
ЄΥΧΗΝ	εὐχήν

Въ первой строкѣ надписи b между буквами A и N довольно большой промежутокъ, который надо объяснять тѣмъ, что поверхность камня здѣсь и до написанія надписи была испорчена. Надъ первой строкой надписи a надъ O еще замѣтенъ знакъ, значеніе котораго намъ не понятно, можетъ быть часть буквы.

Жертвователи — сыновья Мана, Домнъ и Аполлоній (въ 4-ой стр., очевидно по ошибкѣ, пропущено I послѣ N), Атталеаты, т. е. жители Атталеи или Атталіи. Кромѣ извѣстной Атталіи Памфилійской, нынѣшней Адаліи, упоминается еще Атталія въ Лидіи (Steph. Byz. s. v., Hierocl. Synecd. 670, 5, Not. ep. I, 178; VIII, 190; IX, 97) и въ Мизіи или Эоліи (Plin. N. hist. V, 132, 1; 33, 4). Теперь признается, что Атталія Лидіи и Мизіи — одинъ и тотъ же городъ, лежавшій въ области, которая то относилась къ Лидіи, то къ Мизіи или даже Эоліи. Эту Атталію или Атталею Radet и Lechat[1]) помѣщаютъ въ Gürdük-Kale, въ 10 килом. къ сѣверу отъ желѣзнодорожной станціи Ak-Hissar, древней Θυάτειρα, на правомъ берегу Лика, нынѣ Gürdük-tschai. Schuchhardt[2]) отождествляетъ Атталею съ развалинами вблизи указанной мѣстности у деревни Seldjikli.

[1]) Bull. de Corresp. Hell. XI (1887), p. 168 sqq., 397 sqq., cf. *Radet*, La Lydie 1898, 319 sqq.

[2]) Athen. Mitth. XIII (1888), p. 13; cf. *Pauly-Wissowa* II, 2, 2150; *Head*, Catalogue of the greek coins of Lydia, 1901, p. XXXVI sq.

Такъ какъ не извѣстно, изъ какой мѣстности былъ вывезенъ нашъ камень, трудно было бы опредѣлить, изъ которой изъ двухъ Атталій происходятъ называемые въ нашей надписи сыновья Мана, если бы нельзя было установить различіе въ названіи жителей Атталеи Лидійской и Атталіи Памфилійской. Относительно монетъ уже установлено, что на монетахъ Памфилійскаго города имѣется надпись Ἀτταλέων, тогда какъ на монетахъ Лидійской Атталеи имѣемъ только названіе Ἀτταλεατῶν: — *Head,* Historia Nummorum, 1887, p. 548, 583; Catalogue of the greek coins of Lydia, London, 1901, pp. XXXVII, 26—29; *Hill,* Catalogue of the greek coins of Lycia, Pamphylia and Pisidia, London, 1897, p. LXXV sq., 110-114.

На надписяхъ названіе гражданъ обѣихъ Атталій встрѣчается къ сожалѣнію очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе мы могли констатировать на надписяхъ изъ Памфилійскаго города только родит. п. отъ Ἀτταλεῖς: Ἀτταλέων — Bull. de Corr. Hell. VII (1883), p. 260 [2], и Ἀτταλιέων на надписи 908 года — *Lanckoronsky,* Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie, 1890, I, p. 166, 14. На надписяхъ же Лидійскаго города имѣемъ только названіе Ἀτταλεᾶται — Bull. de Corr. Hell. XI (1887), p. 173, 400. Въ надписи CIG. II, 3441 возстановленіе Böckh' а [Ἀττα]λεῖς, якобы изъ Атталіи Лидійской, совершенно произвольно; надпись найдена въ долинѣ Герма значительно къ востоку отъ Сардъ, недалеко отъ нынѣшней Адалы, въ которой Бёккъ вмѣстѣ съ прежними путешественниками предполагалъ Атталію, для чего единственнымъ основаніемъ могло служить только созвучіе именъ.

Еще у Стефана Византійскаго (s. v.), правда, какъ ἐθνικόν жителей Атталіи, приводится только Ἀτταλεύς, но мы вправѣ это послѣднее относить только къ Атталіи, названной у него второю, именно Киликійской, т. е. Памфилійской.

Такимъ образомъ наши Атталеаты несомнѣнно изъ Атталеи Лидійской или Мизійской. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и то, что культъ бога рѣки былъ очень распространенъ, повидимому, въ Мизіи, Лидіи и Фригіи. Изъ Панорма у Кизика имѣемъ надпись C. I. G. II, 3070: Ποταμῷ Ἐνδεῖλφ. На монетахъ городовъ Мизіи и особенно Лидіи также очень часто встрѣчаются изображенія бога рѣки, въ Лидіи въ большинствѣ городовъ — см. особенно *Head,* Catal. of greek coins of Lydia, Index II a.

На желѣзнодорожномъ вокзалѣ въ Хайдаръ-пашѣ мы видѣли мелькомъ годъ тому назадъ надписи, привезенныя откуда-то съ линіи, съ посвященіемъ Ποταμῷ εὐχήν. Теперь онѣ при перестройкахъ куда-то исчезли и несмотря на любезное содѣйствіе администраціи дороги не могли быть отысканы. Онѣ изданы г. Μηλιόπουλος въ Σιδηροδρομικαὶ ἀναμνήσεις ἀπὸ Χαϊδὰρ-πασσᾶ ἕως Ἐσκὶ-Σεχίρ, Ἀθ. 1894, p. 76, и переизданы о. *Besset* въ Bull. de Corr. Hell. XXV (1901), который самъ также уже не видалъ ихъ. Всѣ онѣ, числомъ 9 (nn. 7—15 у Besset), суть посвященія богу Ποταμῷ, причемъ лицами посвящающими являются Μάνης (nn. 11, 12), Μάνης Δημητρίου (nn. 7, 9), Δόμνος καὶ Ἀπολλώνιος οἱ Μάνου (nn. 8, 14), Δόμνος (n. 10), Λήδα Μάνου (n. 15), Τειμαῖος Μάνου καὶ Δείδων (n. 15), т. е. все

лица одного, повидимому, семейства. Между этими надписями имѣется одна (n. 14), повидимому, тождественная съ нашей, хотя издатель не сообщаетъ, какъ выглядитъ камень и какъ распредѣлены на немъ части надписи. Къ ней, вѣроятно, а можетъ быть и къ одной или двумъ другимъ, которыхъ мы среди прочихъ во всякомъ случаѣ не видѣли, относится замѣчаніе г. Миліопула, не вполнѣ удачное и сказанное имъ по отношеніи ко всѣмъ этимъ надписямъ вообще: „πλάκες μετὰ τῆς προτομῆς τοῦ Ποσειδῶνος, κρατοῦντος τὴν τρίαιναν"; камни, которые мы видѣли, не имѣли никакого изображенія. Не будучи въ состояніи указать точно мѣсто, откуда были вывезены эти камни, г. Миліопуло, полагаемъ, не безъ всякаго основанія относитъ ихъ къ рѣкѣ Θύμβρις, протекающей мимо Ески-Шехира, древняго Дорилея во Фригіи, на востокъ. Изъ долины этого Θимбриса, можетъ быть изъ того же мѣста, какъ и всѣ предшествующія надписи, извѣстны еще двѣ совершенно подобныя же, на которыя указываетъ о. Besset; найдены онѣ Андерсономъ въ Kayé-keui въ разстояніи 1 ч. къ ю.-з. отъ Mukalitch и изданы имъ въ Journ. of Hell. Stud. XIX (1899), p. 76 [1]). Изъ самого Дорилея о. Besset отмѣчаетъ надпись съ посвященіемъ рѣкѣ Герму — Nouv. Arch. d. Missions VI (1895), p. 571, n. 20, и p. 574, n. 24, и Athen. Mitth. XIX (1894), p. 313.

Имя Мана (Μάνης) — называется, правда, Фригійскимъ и Пафлагонскимъ (Strab. VII, 3, 12, p. 304; XII, 3, 25, p. 553) и типично какъ имя рабское, но Мизійцы были тоже родственны Фригійцамъ.

Надпись, какъ и барельефъ, обработаны чрезвычайно небрежно, буквы кривы и неровны, положимъ и камень дикій и твердый. По всей вѣроятности надпись нужно относить къ послѣднимъ вѣкамъ язычества.

3. На обломкѣ (27×48×15 сантим.) колонны, служившей, очевидно, милевымъ столбомъ и присланномъ изъ Пальмиры, читаемъ

HADRIANAPAIMVRA
FECIT
MPI

т. е. „Hadriana Palmyra fecit. M(ille) p(assuum) I". Въ первой строкѣ въ словѣ Palmyra вмѣсто L вырѣзано только I. Здѣсь впервые встрѣчается названіе Hadriana Palmyra, данное городу, очевидно, послѣ посѣщенія его имп. Адріаномъ въ 129 г., о чемъ можно было впрочемъ догадываться на основаніи имени Адріана Тадморъ въ арамейскомъ текстѣ таможеннаго тарифа и названія гражданъ, встрѣчающагося въ надписяхъ Ἁδριανοὶ Παλμυρηνοί или Ἁδριανοπολῖται у Стеф. Виз. (s. v. Πάλμυρα) [2]).

4. Фрагментъ, очевидно, надгробной надписи неизвѣстнаго происхожденія на сильно вывѣтрившейся толстой мраморной плитѣ; размѣры — 45×34×16 сант. Цѣлъ лѣвый край, съ остальныхъ сторонъ камень обломанъ. Такъ какъ строки

[1]) Мѣстность эта по о. Besset въ разстояніи 20 килом. къ ю. отъ предполагаемаго Gordiukome Juliopolis, тождественна, вѣроятно, съ Kaheh близь Kujadschak по картѣ Руге и Фридриха, приблизительно въ разстояніи 10 килом. отъ рѣки Θимбриса и 15 килом. отъ станціи Saryköi.

[2]) См. кн. *С. Абамелекъ-Лазарева*, Пальмира, С. Петербургъ, 1884, стр. 21.

3, 5, 6 могутъ быть возстановлены почти съ полной достовѣрностью, то отсюда можно заключить, что съ правого края пропало въ строкахъ 3—9 отъ 6 до 9 буквъ.

ΩΝΚΒΚΟΡΔΩΝΟΟΚ	-ων Κϐ(ντος) Κέρδων ὃς καὶ . . . . .
ЄΙΟΤΑΥΤΗΝΔΕΤΗΟΟΡΟ	εἰς ταύτην δὲ τὴ(ν) σορὸ[ν μηδένα]
ЄΤΕΡΟΝΒΛΗΟΗΝΑΙΕΙΜΗΤ	ἕτερον βληθῆναι εἰ μὴ τ[ὸν υἱὸν]
5 ΚΑΙΤΗΝΝΕΙΚΩΝΑΝΔΕΑΙ	5 καὶ τὴν νεικών(?) . ἂν δὲ ἀ[νοίξῃ τις]
ΚΑΙΒΛΗΘΗΕΤΕΡΟΝΔΟΥΝΑΙ	καὶ βληθῇ ἕτερον, δοῦναι [μὲν εἰς τὴ-]
ΝΠΟΛΙΝΧΧΕΙΛΙΑΓΕΝΤΑ	ν πόλιν (δεινάρια) χείλια πενταχόσια· τοῦ δὲ]
ΜΗΔΕΝΑΝΕΤΕΡΟΝΒΛΗΘ	μηδέναν ἕτερον βληθ[ῆναι εἶναι]
ΒΕΒΕΟΝΜΟΥΚΛΗΓΟΝΟΜ	βέϐ(αι)όν μου κλη[ρ]ονόμ[ον· ἐὰν δὲ . .]
10 ΗΝΚΑΙΑΝΥΞΗΤΙΣΣΟΡΟΝ	10 . . . καὶ ἀν(οί)ξῃ τις σορὸν, [ἀποτεισ-]
	[άτω εἰς] τὰ[ς] ἀρχ[ὰς . . .]

Въ 1 стр. пропало второе имя или прозвище Кердона, вводившееся словами ὃς καὶ, возможно впрочемъ читать Κέρδωνος καὶ . . ., видя здѣсь обозначеніе родителей умершаго.

Въ 3 стр. пропущено N въ ΤΗΟΟΡΟ[N], очевидно вмѣсто τὴν σορὸ[ν].

Въ 5 стр. ясно читается ΤΗΝΝΕΙΚΩΝ; имѣемъ ли мы здѣсь ошибку рѣзчика, или новую, насколько намъ извѣстно, не засвидѣтельствованную форму слова? По смыслу скорѣе всего можно предполагать, что νεικών, можетъ быть вмѣсто νυκώ(ν), должно равняться обычному νυώ — „невѣстку".

Въ 6 стр. форма βληθῇ употреблена страннымъ образомъ въ значеніи дѣйствительнаго залога; произошло ли это подъ вліяніемъ употребленнаго выше и невѣрно понятаго оборота ἕτερον βληθῆναι, или можетъ быть должно было стоять βληθῇ ἕτερος?

Въ 7 стр. знакъ Χ вмѣсто обычнаго ⁜ для обозначенія динаріевъ.

Въ 8 стр. слѣдуетъ отмѣтить форму вин. п. μηδέναν. Выраженіе βέϐ(αι)ον εἶναι употреблено вмѣсто обычнаго βεβαιωτὴν εἶναι — „поручителемъ долженъ быть". Далѣе мы конечно ожидали бы μοι, а не μου.

Какой глаголъ стоялъ въ концѣ 9-й и началѣ 10-й строки, съ достовѣрностью опредѣлить не можемъ: повидимому, опять [βλ]η[θῇ] въ значеніи дѣйств. зал. и съ перестановкой вмѣсто ἀνοίξῃ σορὸν καὶ βληθῇ.

Надпись и по языку, и по написанію не ранѣе II в. по Р. Хр.

5. Надпись подъ грубымъ надгробнымъ рельефомъ, на которомъ въ нишѣ изображенъ въ обычной позѣ полулежащій на ложѣ мужчина; у ногъ его стоитъ женщина. Размѣры 42×61×8 сантим.

ΚΑΛΙΓΕΝΙΑΡΟΥΦΩΑΝ	Καλ(λ)ιγέν(ε)ια Ῥούφῳ ἀν-
ΔΡΙΜΝΗΜΗϹΧΑΡΙΝ	δρὶ μνήμης χάριν.

Буквы МНСХА 2-ой строки вырѣзаны небрежнѣе на мѣстѣ, глубоко выскобленномъ, очевидно, для уничтоженія ошибки.

6. Камень размѣрами 51×41×15 сантим., присланный нѣсколько лѣтъ тому назадъ консуломъ въ Синопѣ Н. Г. Сухотинымъ. Камень гладко полированъ съ одной стороны и разграфленъ въ 6 рядовъ на 36 почти квадратныхъ прямоугольниковъ, изъ которыхъ нижніе значительно ниже. Въ каждомъ изъ нихъ неумѣлой рукой и съ цѣлымъ рядомъ орѳографическихъ ошибокъ выцарапано по одной, по двѣ или по три буквы; только первый прямоугольникъ — пустой. Особенно начиная съ третьей строки буквы скорѣе можно угадывать, чѣмъ дѣйствительно читать, хотя надпись сохранилась прекрасно; а въ прямоугольникахъ 2—6 четвертой строки трудно добиться сколько-нибудь удовлетворительнаго чтенія. Содержаніе надписи мало интересно, но важна ея датировка.

Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς ν(ι)κᾷ,
τ(ὸ) φ(ῶ)ς τοῦ
κ(ό)σμου. ὁ δοῦλος τοῦ
Θ(εο)ῦ Πούλης(?) ἐκτ(ί)(σατο?).
Ἔτος ϟ Κ ϡ τοῦ(?) μη(νὸς?)
Ἀπρ(ι)λ(ί)ου (ἰν)δι. α΄.

Въ квадратахъ 2—3 ряда 4-аго стояло, повидимому, имя собственное Πούλης или Πουλῆς; далѣе ясно читается εκτη, въ послѣднемъ квадратѣ, повидимому, τωσα; мы предполагаемъ здѣсь перестановку слоговъ рѣзчикомъ т. е. читаемъ ἐκτήσατω вм. ἐκτίσατο. Въ такомъ случаѣ назначеніе надписи ясно опредѣляется: она вдѣлана была, очевидно, въ стѣну зданія, вѣроятно церкви, при постройкѣ. Ошибка можетъ быть, произошла не безъ вліянія аналогіи слова κτήτωρ. Далѣе вполнѣ ясно читается дата.

Мы имѣемъ 6021 годъ, очевидно, отъ сотворенія міра, но не извѣстно, по какой эрѣ. Наиболѣе употребительны были три эры отъ сотворенія міра: Юлія Африкана, писателя начала III в., или Александрійская, по которой сотвореніе міра приходилось на 5503 г. до Р. Хр., въ счетѣ годовъ начиная съ 285 г. по

Р. Хр., совпавшая съ эрой Панодора, жившаго въ концѣ IV в., по которой сотвореніе міра приходилось на 5493 г. до Р. Хр., и наконецъ Константинопольская 5509 г. до Р. Хр., употребленіе которой не восходитъ ранѣе середины VII в.[1]). Какую изъ эръ имѣемъ мы въ нашей надписи, можно было бы надѣяться рѣшить сопоставленіемъ съ годомъ индиктіона. Индиктіонъ, повидимому, отмѣченъ въ концѣ надписи: ничего иного нельзя предположить въ 5-омъ квадратѣ 6-ой строки кромѣ соединенія буквъ I N Δ I, въ послѣднемъ же квадратѣ ясно читается число индиктіона $\bar{\alpha}$, которое пожалуй вслѣдствіе крайне неаккуратнаго письма надписи можно принять и за $\bar{\delta}$. Но ни 1-ый индиктіонъ, ни 4-ый, ни 11-ый, ни 14-ый (если присоединить къ обозначенію цифры и ι предшествующаго квадрата) не падаютъ на 6021 годъ ни по одной изъ указанныхъ эръ[2]). Изъ другихъ эръ, перечисленныхъ у Mas Latrie (p. 30), по году индиктіона подходила бы эра Θеофила Антіохійскаго, по которой 6021 годъ пришелся бы на 506 г. по Р. Хр., 14 индиктіона, или Евсевія Кесарійскаго (5199 г. до Р. Хр.), по которой получили бы 823 годъ, 1 индиктіона. Но эра 5199 года, заимствованная у Евсевія, встрѣчается, повидимому, только у западныхъ писателей; самъ Евсевій считалъ отъ Авраама, и по Гельцеру годъ сотворенія міра падаетъ у него по одному разсчету на 5191 г. до Р. Хр., по другому на 5201 г.[3]).

Такимъ образомъ невозможно сколько-нибудь прочно установить, по какой эрѣ разсчитанъ годъ въ нашей надписи, и нужно-ли приписать несоотвѣтствіе года отъ сотворенія міра съ годомъ индиктіона невѣрному разсчету, или ошибкѣ рѣзчика, или употребленію какой-нибудь рѣдкой или незнакомой намъ эры. Во всякомъ случаѣ въ нашей надписи мы имѣемъ, насколько намъ извѣстно, наиболѣе раннюю изъ датъ отъ сотворенія міра, встрѣчающихся въ надписяхъ. Самая ранняя въ Corpus Insr. Gr. — 6202 г. = 694 г. по Р. Хр.[4]), какъ и нѣсколько слѣдующихъ по времени, — изъ Аѳинъ. Изъ Малой Азіи древнѣйшая 6258 г. = 742 по Р. Хр.[5]); у *В. В. Латышева,* Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи, СПб. 1896, древнѣйшею является № 93—6265 г., 10 индиктіона (= 757 г. по Р. Хр.); всѣ эти надписи не восходятъ раньше VII вѣка и во всѣхъ ихъ, какъ можно установить сравненіемъ года отъ сотворенія міра съ годомъ индиктіона, годъ разсчитанъ по Константинопольской эрѣ. Болѣе древняя дата

[1]) *Ideler,* Lehrbuch der Chronologie, 1831, p. 444—451; *Mas Latrie,* Trésor de Chronologie, d'Histoire et de Géographie, 1889, p. 30—34.

[2]) По эрѣ 5503 г. это былъ бы инд. 12-ый, по эрѣ 5492 г. — инд. 7, по эрѣ 5508 г. — инд. 6.

[3]) См. *Gelzer,* Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie, II Th., 1885, p. 48 (15 годъ Тиберія, 26 г. по Р. Хр. = 5218 г.) и p. 92—95 (Авраама 1 годъ = 2017 до Р. Хр., отъ Авраама до потопа 942, отъ потопа до Адама 2242 года).

[4]) C. I. G. V, 9350 переиздана въ факсимиле въ тщательномъ изслѣдованіи *Арх. Антонина,* О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ, СПб. 1874, стр. 66, № 84, табл. 21.

[5]) *Cumont,* Les inscriptions chrétiennes de l'Asie Mineure (Extr. des Mélanges d'Archéol. et d'Hist. t. XV), Rome, 1895, n. 408.

встрѣчается въ надписи у М. Гедеона[1]), съ острова Принкипо: на ней читаемъ дату ҂ΠΒ, ἰνδ. η' 13 октября. Издатель относитъ надпись къ 6082 г. по Константинопольской эрѣ, т. е. къ 574 по Р. Хр. (правильнѣе – октябрь 573 года); но этотъ годъ былъ бы 7-мъ годомъ индиктіона. Возможно поэтому предположить, что въ то время даже въ Константинополѣ эта эра не была еще во всеобщемъ употребленіи; разсчитывая по Александрійской эрѣ, получимъ октябрь 589 года 8 индиктіона.

Далѣе дата въ надписи изъ Мадебы — февраль 6074, индикт. 15[2]) — правильно разсчитывается А. А. Павловскимъ также по Александрійской эрѣ и падаетъ на 582 г. по Р. Хр. Наконецъ, по Александрійской же эрѣ была разсчитана и дата въ надписи (C. I. G. IV, 8634) въ монастырѣ на Синайской горѣ: ἀπὸ μὲν Ἀδὰμ ϛκα ἀπὸ δὲ Χ(ριστ)ῦ φκξ, т. е. 6021 г. отъ сотворенія міра и 527 отъ Р. Хр. по счету Панодора, по нашему же 525 по Р. Хр.; но надпись эта признается поддѣланной.

Остается еще изъ извѣстныхъ намъ болѣе раннихъ датъ отъ сотворенія міра дата, читаемая архимандритомъ Антониномъ[3]) на № 2 изъ сообщаемыхъ имъ надписей Ѳисіона. Въ концѣ ея читается ρZ, что издатель считаетъ за обозначеніе года 6007; но во первыхъ нѣтъ никакихъ данныхъ видѣть здѣсь именно обозначеніе года, а во вторыхъ знакъ ρ едва-ли можетъ быть принятъ, судя по факсимиле, за часть знака Я. По сравненіи съ рядомъ стоящею слѣдующею надписью скорѣе знакъ этотъ можно принять за знакъ сокращенія послѣ стершихся вѣроятно буквъ IN, и читать такимъ образомъ ἰνδ. ζ'.

Такимъ образомъ оказывается, что въ нашей надписи мы имѣемъ дѣйствительно наиболѣе древнюю несомнѣнную дату отъ сотворенія міра.

7. Надпись на узкой стелѣ, обломанная только сверху, гдѣ пропало, вѣроятно, имя почившаго. Размѣры 45×34×16 сантим.

⌣ ⌣ ⌣ ⌣ ⌣	[Θεοδώρῳ]?
ΛΑΤΡΩΝΑ	Ματρώνα
ϹΥΝΒΙΟΕΤΗ⌉	συμβί(ῳ)· ἔτη Π (= 80)
ΕΓΗΡΑϹΕΝΑΛΥ	ἐγήρασεν ἀλ(οι)-
ΔΟΡΗΤΟϹΧΡΕΙ	δόρητος χρ(ι)-
ϹΤΙΑΝΟϹΤΕΚΝ/	στιανός. Τέκν[α]
›ΠΟΙΗϹΑΚΑΙΕΓΑ	[ἐ]ποίησα καὶ ἐγα-
ΛΟϹΤΟΛΗϹΑΜ	μοστόλησα· μ-
ΗΤΙϹΠΑΡΑϹΕΤΕ	ή τις π(ει)ράσετ(αι)
‾ΟΥΤΟΝΜΗΕϹΧΟ	τοῦτον, μὴ ἔσχο-
ΙΕΝΘΕΚΡΙϹΙΝ	ι ἐν Θε(ῷ) κρίσιν.

[1]) М. Γεδεών, Ἔγγραφοι λίθοι καὶ κεράμεια, 1893, p. 93; надпись по словамъ М. Гедеона хранилась въ монастырѣ Св. Николая, но въ настоящее время ни одной византійской надписи тамъ нѣтъ.

[2]) *А. А. Павловскій* и *Н. К. Клуге*, Мадеба, въ Извѣстіяхъ Института, VIII, 105 сл.

[3]) О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ, СПб. 1874, 18 (табл. 8, 1).

„Θеодору супругу — Матрона. Дожилъ до старости въ 80 лѣтъ безупречнымъ христіаниномъ. Родила я (съ нимъ) дѣтей, поженила. Никто да не тревожитъ его, дабы не имѣлъ осужденія въ Господѣ".

Эпитафія безъискусственная, малограмотная, но трогательная въ своей простотѣ: интересно сообщеніе супруги о себѣ, какъ будто безъ всякаго отношенія къ мужу: „родила дѣтей, поженила." Глаголъ ἐγαμοστόλησα употребляется, насколько намъ извѣстно, еще только два раза: у Малалы p. 144, 10 и у схоліаста на Пиндара Nem. 3, 97. — Въ 9 стр. ΠΑΡΑϹΕΤΕ вѣроятно вмѣсто ΠΕΙΡΑϹΕΤΑΙ отъ глаг. πειράζω, Fut. Med. pro Activo, въ значеніи „тревожу, безпокою".

Вмѣсто обычныхъ въ современныхъ языческихъ надписяхъ угрозъ штрафомъ за нарушеніе неприкосновенности могилы, тутъ только благочестивое „да не получитъ онъ осужденія въ Господѣ". Въ написаніи ΘЄ вм. ΘΩ сказывается малограмотность писавшаго надпись.

8. Христіанская надгробная надпись на мраморной плитѣ. Размѣры 24, 5×45×2, 5 сантим.

† Ἐνθάδε κα-
τάκ(ει)τ(αι) Νιγί-
λα νεοφώ-
τιστος †

Обозначеніе νεοφώτιστος „новообращенная", конечно, указываетъ на первые вѣка христіанства и заставляетъ относить нашу надпись ко времени не позже V-аго вѣка. Фактъ этотъ интересенъ и по отношенію къ написанію, именно къ нѣкоторымъ встрѣчающимся здѣсь формамъ буквъ α, λ, ω. Въ словѣ κατάκειται странна замѣна дифтонга αι гласной η, можетъ быть указывающая на эпоху, въ которую въ данной мѣстности αι произносилось какъ ē, а η сохраняло еще это произношеніе. Имя Νιγίλα намъ неизвѣстно, трудно опредѣлить и его происхожденіе, можетъ быть изъ латинскаго Nigella.

9. Христіанская надгробная надпись на мраморной плитѣ. Размѣры 27,5×25×3 сант.

✝
ЄΝΘΑΔЄΚΑ
ΤΑΚΙΤЄΦΑΥ
ϹΤΙΝΑΚΑΛΩϹ
ΤΟΝΒΙΟΝΠΟ
ΛΙΤЄΥϹΑΜЄ

†
Ἐνθάδε κα-
τάκ(ει)τ(αι) Φαυ-
στίνα καλῶς
τὸν βίον πο-
λιτευσαμέ-
[νη].

Въ 3 стр. СТ написаны вязью. Гл. πολιτεύεσθαι въ значеніи ζῆν уже въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ 23, 1: ἐγὼ πάσῃ συνειδήσει ἀγαθῇ πεπολίτευμαι τῷ Θεῷ, также въ посланіи апостола Павла къ Филипп. 1, 27; у Григорія Назіанзина: ζῶ καὶ πολιτεύομαι, и др.

10. Христіанская надгробная надпись на мраморной плитѣ. Обломанъ лѣвый край, гдѣ однако буквъ не пропало, и низъ, причемъ пропала лѣвая половина 7-ой строки и вѣроятно послѣдняя 8-ая. Размѣры 30×30×4 сантим.

† ΕΝΘΑΔΕΚ	† Ἐνθάδε κ-
ΑΤΑΚΙΤΕΟΙ	ατάκ(ει)τ(α)ι ὁ τ-
ΙΣΜΑΚΑΡΙΑ	(ῆ)ς μακαρία-
ΣΜΝΗΜΗΣΒΕ	ς μνήμης Βε-
ΛΙΣΑΡΙΣΠΙΣ	λισάρις πισ-
ΤΟΣΥΕΙΟΣΘ	τὸς υ(ἱ)ὸς Θ-
ΕΟΔΟΡΟΥΕΤΕ	εοδ(ώ)ρου ἔτε
ΝΟΥΑΡΙ	[ι . . Ἰανουαρί-
	[ου . . .]

Въ 4-ой строкѣ буквы MNHMH вырѣзаны безъ раздѣленія. Въ 7-ой стр. интересная форма буквы Δ, которую скорѣе можно было бы принять за Ω: можно бы подумать, что вмѣсто ΔΩ вырѣзано ΩΟ. Интересно было бы знать, какъ былъ обозначенъ годъ. Такъ какъ въ началѣ 8-ой строки должно было помѣститься I отъ ἔτει и I отъ Ἰανουαρίου, то для обозначенія числа остается мѣста не болѣе какъ для двухъ буквъ.

Имя Βελισάρις = Βελισάριος, насколько мы знаемъ, было извѣстно до сихъ поръ только какъ имя знаменитаго полководца Юстиніана; иначе ни въ святцахъ, ни въ надписяхъ оно не встрѣчалось, кромѣ языческой надписи изъ Египта, гдѣ читается Βελισά . . . — C. I. G., IV add. 4915 c.

11. Христіанская надгробная надпись на мраморной плитѣ. Размѣры 26×36×4,5 сантим. Сохранилась вся, за исключеніемъ первой буквы 5-ой строки.

† ΕΝΘΑΔΕΚΑ	† Ἐνθάδε κα-
ΤΑΚΙΤΑΙΣΥΝ	τάκ(ε)ιται Συν-
ΚΛΗΤΙΟΣΠΙΣ	κλήτιος πισ-
ΤΟΣΕΝΧ̅Ω̅	τὸς ἐν Χ(ριστ)ῷ
ΚΤΗΜΑΤΟΣ	[κ]τήματος
ΚΑΜΕΙΑΣ †	Καμείας †.

Первая буква 5-ой строки была К, сохранилось еще два кончика обѣихъ косыхъ этой буквы, такъ что чтеніе [κ]τήματος можно считать несомнѣннымъ. Κτῆμα здѣсь вѣроятно въ значеніи имѣнія, помѣстья, изъ котораго происходилъ умершій. Названіе имѣнія странное — Καμεία, можетъ быть полушутливое въ значеніи „хоть какое-нибудь" вм. καμμία, κἂν μία (χώρα).

Отмѣтить можно форму буквы Ν.

Имя Συγκλήτιος не встрѣчается ни въ надписяхъ, насколько намъ извѣстно, ни въ святцахъ, но имѣется имя Συκλητικός (C. I. G. IV, add. 4373 c — языческая изъ Писидіи) и женское Συγκλητική, послѣднее и какъ языческое (C. I. G. IV, 3963 и можетъ быть 4138, cf. add.), и какъ имя двухъ мученицъ, празднуемыхъ 5 Янв. и 24 Окт.[1]).

12. Христіанская надгробная надпись на крестѣ, высѣченномъ рельефомъ на овальномъ камнѣ твердаго известняка. Размѣры 53×70×5 сантим.

† Ἐνθάδε κ-
ατάκ(ε)ιτ(αι) Κ-
ω(ν)σταντί-
να, πιστ-
ὴ θυγάτ-
ηρ Γεωργίου Πατελ-
[λ]ᾶ χωρίου Μουλάκων
[ἐ]παρχίας Πισιδίας.

Селеніе Μουλάκων, можетъ быть, соотвѣтствуетъ древнему δῆμος Μουλασσέων, котораго надпись съ постановленіемъ въ честь императора Септимія Севера нашли G. Radet и P. Paris[2]) въ мѣстечкѣ Sarnich около Kiesme въ Писидіи. Издатели этой надписи не опредѣляютъ точнѣе положеніе этого Kiesme (можно предполагать только, что оно на дорогѣ отъ Адаліи въ Конію), и хотя тамъ же найдено ими постановленіе Силлейцевъ, изъ чего они заключаютъ, что развалины этой мѣстности принадлежатъ городу Σύλλιον, тѣмъ не менѣе нужно полагать, что Kiesme это — деревня на рѣкѣ Евримедонтѣ (Aivali-su или Köprü-su) къ югу отъ озера Kirili-göl, лежащая въ дѣйствительности болѣе чѣмъ въ 25 километрахъ сѣвернѣе древняго Σύλλιον[3]): никакой другой Kiesme ни на одной картѣ нѣтъ, да и Σύλλιον было бы не въ Писидіи, какъ отмѣчаютъ мѣстонахожденіе указанныхъ надписей Radet и Paris, а въ Памфиліи.

Имя Κωσταντίνα вмѣсто Κωνσταντίνα являетъ частое въ словахъ этого корня выпаденія ν какъ въ новогреческомъ и славянскихъ языкахъ, такъ уже и въ надписяхъ IV—V вѣка, напр. C. I. G. II, 2745; IV, 9855. Имя это не встрѣчается въ святцахъ; находимъ его на одной греческой надписи изъ Равенны C. I. G. IV, 8862 и затѣмъ какъ имя сестры Константина Великаго у Филосторгія I, 9[4]) и въ Сирмондовомъ синак-

[1]) См. *Архіеп. Сергій*, Полный мѣсяцесловъ Востока. Т. II, Изд. 2, СПб. 1901.

[2]) Bull. d. Corr. Hell. X (1886), p. 502.

[3]) *Lanckoronsky*, Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie. V, I (1890), 70.

[4]) *Migne*. Patr. gr. LXV, p. 465. Также въ отрывкахъ изъ Филосторгія, см. *P. Batiffol*, Fragmente der Kirchengeschichte des Philostorgius, въ Röm. Quartalschrift, 1889, p. 262, 264.

сарѣ[1]), и какъ имя дочери Константина, сестры Констанція у Амміана Марцеллина (21, 15), тогда какъ у Зосима и другихъ авторовъ обѣ обыкновенно носятъ имя Κωνσταντία.

Въ началѣ 7-ой строки, повидимому, одна буква пропала: имя отца умершей могло быть Γεώργιος Πατελλᾶς.

Упоминаемая въ 8-ой строкѣ ἐπαρχία Πισιδία, очевидно, не церковное, а административное дѣленіе. Провинція Писидія перестала существовать въ VII в. не позднѣе 669 года, когда она вошла въ составъ образованной тогда ѳемы Ἀνατολικῶν[2]). Наша надпись, значитъ, не позднѣе этого времени, а насколько можно судить по характеру письма, и значительно ранѣе.

Подъ надписью изображеніе кубка, очевидно потира, и рядомъ съ нимъ болѣе низкаго сосуда въ родѣ чаши, долженствующаго, можетъ быть, изображать дискъ.

13. Лѣвая половина, повидимому, надгробной плиты; камень привезенъ Я. И. Смирновымъ изъ Кесаріи въ 1895 г.; 14×30×1,75 сантим.

✝ ΘΗΙ	† Θῆ[κη Δια-]
ΛΛΑΓ	λλαγ[ίου? μυ-]
ΡΟΠΟ	ροπώ[λου]
ΚΑΙΤ	καὶ τ[ῆς συμ-]
ΒΥΟΥ	β(ί)ου [αὐτοῦ]
ΚΑΙΤ	καὶ τ[ῶν τέ]
ΚΝΩ	κνω[ν.

Въ стр. 1—3 должно было стоять имя и, можетъ быть, званіе или ἐθνικόν владѣльца гробницы. Такъ какъ въ каждой строкѣ пропало не болѣе 4—5 буквъ, то выборъ возстановленій не можетъ быть великъ: возстановленіе [μυ]ροπώ[λου], намъ представляется болѣе или менѣе надежнымъ, что же касается до имени, то можно предполагать, что оно образовано отъ корня ἀλλαγ-.

14. Фрагментъ христіанской надписи, писанной мелкими, аккуратно и глубоко вырѣзанными буквами на тонкой мраморной доскѣ, обломанной слѣва и снизу. Размѣры 29×19×2, 25 сантим.

εὔ]χεται
υυχαι ε
-ροῦν ἐτῶν
-ίοις ἡμῶν κ
5 -ς ἡμῶν, ἕως οὗ σὺ
ἀλλήλους ἐὰν ἐγκα-
σ]ες ἅτιν'(?) ὁ Χριστὸς κ-
σ]ομεν σοι Ἱερουσαλὴμ σ-
ῶ]ν τῶν ἐνεν(ή)κοντα ἐτῶ[ν]
10 ὡς] εἶπεν ὁ Θ(εὸ)ς τοῦ Ἀβραά[μ]
δίκαιον ἀλ(η)θ(ι)νό[ν]
ιλυ

[1]) Synaxarium ecclesiæ Constantinopolitanæ e cod. Sirmondiano opera et stud. H. Delehaye = Propylæum ad Acta Sanctorum Novembris, 1902, p. 630.

[2]) См. *Ch. Diehl*. L'origine des thèmes dans l'empire Byzantin (въ Etudes d'histoire du Moyen-Age dédiés à G. Monod, 1896), p. 49, 53.

Какъ своею внѣшностью надпись выдѣляется изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ надписей христіанскихъ, такъ и по содержанію трудно опредѣлить, къ какой категоріи она должна быть отнесена. Сохранившійся фрагментъ составляетъ, повидимому, только небольшую часть надписи, такъ какъ даже между самыми длинными строками, 8 и 9, нельзя угадать связь.

Во 2-ой строкѣ V V, повидимому, ошибка; передъ этимъ сохранился еще кончикъ вертикальной черты, можетъ быть [τ]ύχαι.

Въ 7-ой строкѣ третья буква Λ должно быть вмѣсто А, передъ ней ЄЄ, а передъ тѣмъ или Є, или Є.

Въ 9-ой строкѣ передъ N остатокъ отъ Ѡ.

Въ 10-й передъ εἶπεν можно установить несомнѣнные слѣды буквъ ως.

Относительно написанія можно отмѣтить, что нѣкоторыя буквы предпочтительно передъ другими пишутся вязью: Н М (стр. 4, 8), Н N (стр. 11), Ѡ N (стр. 4, 9) и М Ѡ N (стр. 5), С Т (стр. 7, 10), Є Т (стр. 3).

14. Н. К. Клуге доставленъ въ музей обломокъ надписи изъ окрестностей Кахріэ-джами. Размѣры 10,5×18×4,25 сантим.

Ἁγίῳ [. . . . . ἔτει . .]

ι μη(νὶ) Μ[αίῳ [1]) . . β-]

[α]σιλ[εύοντος]

Ἰουσ[τινιανοῦ [2])]

Надпись вѣроятно была помѣщена надъ дверьми храма или часовни въ честь святого, имени котораго къ сожалѣнію не сохранилось. Передъ нами по всѣмъ вѣроятіямъ надпись времени Юстина I, Юстиніана I или Юстина II, царствовавшихъ одинъ за другимъ съ 518 по 578 годъ. Думать о Юстиніанѣ II, царствовавшемъ въ концѣ VII и началѣ VIII в., не позволяютъ начертанія буквъ. Къ сожалѣнію ничего больше не даетъ намъ этотъ маленькій обломокъ, свидѣтель эпохи столь важной и интересной также въ дѣлѣ изученія строеній и древностей Константинополя.

15. Правый нижній уголъ мраморной плиты. Размѣры 22×18×4 сантим.

ΙϛΙΙΙϹ	
ΒΡΒΙΝΔΙ	. . . εμ]βρ(ίου)β', ἰνδι(κτιῶνος) . . .
ΡΟΥ †	[βασιλεύοντος Νικηφό]ρου †

Такъ какъ въ предпослѣдней строкѣ явно стояло обозначеніе мѣсяца Сентября, Октября, Ноября или Декабря, числа мѣсяца (2-ого: хотя горизонтальная

[1]) Или Μ[αρτίῳ].

[2]) Или Ἰουσ[τίνου]

черта надъ В продолжается и надъ I, не вѣроятно только случайно, или же I, которое должно было быть написано два раза, только по ошибкѣ рѣзчика написано одинъ разъ) и индиктіона, то въ слѣдующей строкѣ скорѣе всего могло стоять обозначеніе царствованія; окончаніе -ρου указываетъ или на Никифора I (802—811 г.), или на Никифора II Фоку (963—969 г.), или на Александра (886—912 г.).

16. Маленькій мраморный обломокъ, доставленный Я. И. Смирновымъ изъ Кесаріи, странной формы и неизвѣстнаго значенія (можетъ быть, отъ мраморной рѣшетки). На узкой горизонтальной перекладинѣ, обломанной съ обоихъ концовъ, размѣрами 4×12×4,5 сантим., надпись

K I ◇ Γ A M A T Ш

можетъ быть, [Δεύ]κιος ἅμα τῷ . . . .; первая буква K или X.

На верхнемъ заостренномъ концѣ круглаго бруска, пересѣкающаго эту перекладину приблизительно въ серединѣ, стоитъ буква A.

17. Мраморный обломокъ 12×9×2,35 сантим.

M N A

D ⅂ N A м. б. [πά]τρωνα.

II. Изъ Амиса (Самсуна).

Бывшимъ Россійскимъ вице-консуломъ въ Самсунѣ В. Ѳ. Калемъ любезно присланы въ Институтъ камень съ надписью и 7 прекрасныхъ эстампажей съ семи другихъ надписей изъ Самсуна, древняго Амиса (Ἀμισός). За исключеніемъ одной надписи всѣ остальныя суть надгробныя, но принадлежатъ разнымъ временамъ, начиная, вѣроятно, приблизительно отъ IV-го в. до Р. Хр. и кончая христіанской надписью, можетъ быть III—IV в. по Р. Хр. Памятники эти тѣмъ болѣе интересны, что до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, въ Самсунѣ найдено было всего 3 позднихъ надписи: Athen. Mitth. XIV (1889), p. 209 (обломокъ надгробной надписи), p. 210 (надгробная надпись 594 года по Амисійской эрѣ 32 г., т. е. 562 г. по Р. Хр.) и Arch.-Ep. Mitth. aus Oesterreich-Ungarn XVIII (1895), p. 230 съ базы статуи 241 г. по Амисійской эрѣ, т. е. 209 г. по Р. Хр.

Помѣщаемъ наши надписи приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ, опредѣляемомъ начертаніемъ.

1. Очевидно надгробная надпись 34×22 сантим.

Εὐάνθης Ἁγίου
Δημήτριος Ἁγίου,
Ἄρτη Ὀλύμπου
Εὐάνθου γυνή,
Μάτα Ὀλύμπου,
Δημητρίου γυνή.

Похоронены были два брата, сыновья Агія, со своими женами, которыя были, очевидно, между собой сестрами, дочерьми Олимпа. Интересны женскія имена Ἄρτη и Μάτα, рѣдки и имена Ὄλυμπος, Ἁγίας.

Общій видъ надписи, особенно буквы Θ съ точкой внутри (въ концѣ первой строки такъ написано и О), Σ съ расходящимися крайними чертами, N съ косо поставленной правой чертой, П въ 3 строкѣ заставляютъ отнести нашу надпись къ довольно раннему времени, можетъ быть еще къ IV в. до Р. Хр.

2. Надпись 36×29 сантим., обломанная угломъ съ двухъ сторонъ; относительно третьей верхней стороны по эстампажу нельзя рѣшить, обломанъ ли здѣсь камень или верхняя строка (вѣроятно одна) стерлась. Буквы сохранившейся части читаются хорошо до самаго края надписи.

[Ἐπὶ σωτηρίᾳ]
[βασιλ]έων τετραρχῶ[ν]
[στεφα]νηφόρων ἀγωνο-]
[θετῶν ἀρ]χιερέων Μάρ[κον]
5 [καὶ Λού]κιον Ἀντων[ίους]
ὁ δεῖνα —δώ]ρου καὶ [ὁ
δεῖνα -]ου π[-

Строка первая отдѣлена отъ второй вдвое большимъ промежуткомъ, чѣмъ остальныя между собой, и буквы ея нѣсколько больше — 3 сант., тогда какъ въ слѣдующихъ трехъ 2,5 сант., а въ послѣднихъ почти 2 сант. Первая буква строки 4 повидимому К, первая буква стр. 5 — О или Ω, послѣдняя буква стр. 6 — по всей вѣроятности П.

По всей вѣроятности надпись представляетъ обломокъ отъ базы статуи или скорѣе двухъ статуй; одно изъ лицъ, почтенныхъ статуей, названо въ вин. п. въ 4-ой сохранившейся строкѣ, начало имени другого имѣемъ въ предшествующей строкѣ, и само собою напрашивается возстановленіе Μάρ[κον καὶ Λού]κιον Ἀντω-

ν[ίους], дающее имена тріумвира Марка Антонія и его брата Луція. Возстановленіе это обезпечивается тѣмъ, что вполнѣ подходитъ къ наиболѣе вѣроятной длинѣ пропуска между строками 1-ой и 2-ой, и между 2-ой и 3-ей, гдѣ легко возстановляется чтеніе βασιλ]έων τετραρχῶ[ν στεφα]νηφόρων ἀγω[νοθετῶν ἀρ]χιερέων. А что подъ Маркомъ и Луціемъ Антоніями слѣдуетъ разумѣть извѣстныхъ римскихъ государственныхъ дѣятелей, а не мѣстныхъ жителей, получившихъ имена этихъ дѣятелей, можно заключить какъ изъ характера письма, вполнѣ допускающаго отнесеніе надписи къ I в. до Р. Хр.[1]), такъ и изъ самого сопоставленія обоихъ именъ и, наконецъ, изъ того, что въ противномъ случаѣ къ именамъ римскимъ были бы прибавлены греческія имена ихъ обладателей, для которыхъ однако въ нашей надписи нѣтъ мѣста. Въ стр. 5 сохранился, повидимому, конецъ род. падежа отчества одного лица и въ стр. 6 можетъ быть такое же окончаніе отчества другого; имена обоихъ лицъ приходится предполагать въ именит. п. и считать именами лицъ поставившихъ статуи; послѣдняя буква надписи, можетъ быть, начало формулы π[οιήσαντες ἀνέστησαν].

Но отчего зависятъ тогда родительные падежи первыхъ трехъ строкъ? Можно бы предполагать выраженіе δόγματι, γνώμῃ или что-нибудъ подобное Вѣроятнѣе выраженіе въ родѣ ἐπὶ σωτηρίᾳ или ὑπὲρ σωτηρίας, которое могло стоять въ серединѣ верхней строки — cf. C. I. A. III, 532 in basi: ἐπὶ νίκῃ καὶ ὑγείᾳ τῶν . . . αὐτοκρατόρων; или Τύχῃ ἀγαθῇ — cf. C. I. G. II. 2693 b (изъ Миласы): ὁ δῆμος Τύχῃ ἐπιφανεῖ βασιλέως. Нужно полагать, что какія-нибудь знатныя должностныя или частныя лица, заказавъ на свой счетъ, поставили статую могущественныхъ покровителей города и его правителей „ради ихъ благополучія“ или „во счастіе ихъ“.

Легко впрочемъ напрашивается другое толкованіе этихъ родительныхъ падежей особенно изъ сопоставленія съ такими надписями, какъ C. I. G. III, 2880, 2881, 2885, 2886 изъ Милета, 3151 изъ Смирны, 2814, 2820, 2845 изъ Афродисіады и др.; можно было бы предполагать чтеніе ἀπόγονος βασιλέων и т. д. или προγόνων (συγγενῶν) βασιλέων и т. д. какъ опредѣленіе или того лица, въ честь котораго поставлена надпись, или того, которое поставило ее. Но въ первомъ случаѣ невозможно было бы объяснить вин. пад. въ стр. 4: имя этого лица непремѣнно должно было стоять передъ перечисленіемъ его предковъ. Во второмъ случаѣ трудно было бы объяснить родит. п. въ стр. 5 и 6: нужно было бы предположить, что въ началѣ надписи пропала не одна строка, что намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, а нѣсколько строкъ, въ которыхъ названо было бы и имя лица и его титулъ, такъ какъ не вѣроятно, чтобы вся его знатность ограничивалась только его предками или родственниками; невѣроятно далѣе, чтобы лица, которымъ поставлены статуи, названы были безъ титуловъ (въ стр. 5—6 ихъ нельзя искать), тогда какъ

[1]) Въ противуположность слѣдующей надписи, гдѣ Λούκιος Ἀντώνιος уже несомнѣнно мѣстный житель.

лицо, поставившее статуи, названо было впереди ихъ со всѣми титулами своими и своихъ предковъ. Наконецъ, слова первой строки надписи и величиною буквъ и бо́льшимъ промежуткомъ, отдѣляющимъ ее отъ остальныхъ строкъ, намѣренно выдѣлены изъ названій должностныхъ лицъ рядомъ стоящихъ: очевидно, имѣются въ виду не умершіе предки, имѣющіе только декоративное значеніе для дѣйствующаго лица, а живыя лица, которыя преимущественно и имѣлись въ виду при совершеніи акта, отмѣчаемаго надписью: очевидно, и статуи римскихъ властителей ставились не ради ихъ самихъ, а ради покровительствуемыхъ и поддерживаемыхъ ими властителей надъ городомъ Амисомъ, царей тетрарховъ.

Подъ βασιλεῖς τετράρχαι слѣдуетъ подразумѣвать, очевидно, однихъ и тѣхъ же, а не разныхъ лицъ: Гесихій s. v. объясняетъ τετράρχαι словомъ βασιλεῖς и, напримѣръ, про тетрарховъ Палестины Антипу и Ирода Агриппу употребляется то терминъ τετράρχης, то βασιλεύς; также, напримѣръ, и изъ тетрарховъ Галатіи извѣстный Дейотаръ называется то тетрархомъ: Hirt. b. Alex. 67, 1 (но тамъ же regium vestitum), App. Mithr. 75, 114; то царемъ Cic. ad Fam. 1, 15 (но тамъ же tetrarchia), pro rege Deiot. passim. У Цицерона же (De divinit. 15) говорится про Дейотара: posteaquam a Caesare *tetrarchia et regno* pecuniaque multatus est.

Но о какихъ царяхъ тетрархахъ могла быть здѣсь рѣчь? Нужно полагать, что въ данное время Амисъ долженъ былъ находиться во власти этихъ тетрарховъ, хотя употребленіе множественнаго числа нѣсколько странно, такъ какъ городъ могъ принадлежать ко владѣніямъ лишь одного тетрарха. Страбонъ XII, 3, 14, p. 547 такъ излагаетъ вкратцѣ исторію Амиса: (Ἀμισὸν) ἐλευθερωθεῖσαν ὑπὸ Καίσαρος τοῦ θεοῦ (ἀπὸ Φαρνάκου) παρέδωκεν Ἀντώνιος βασιλεῦσιν. εἶθ' ὁ τύραννος Στράτων κακῶς αὐτὴν διέθηκεν· εἶτ' ἠλευθερώθη πάλιν μετὰ τὰ Ἀκτιακὰ ὑπὸ Καίσαρος τοῦ Σεβαστοῦ. Какъ ничего больше не знаемъ мы о Стратонѣ и времени его правленія, такъ не знаемъ и того, когда и какимъ царямъ передалъ Антоній власть надъ Амисомъ. Такъ какъ во всякомъ случаѣ Амисъ находился подъ властью царей, включая сюда и правленіе Стратона, не болѣе какъ съ 44 по 31 годъ[1]), то естественно предположить, что βασιλεῖς Страбона должны быть тождественны съ βασιλεῖς τετράρχαι надписи. Тогда можно бы далѣе полагать, что Амисъ былъ отданъ Антоніемъ единственному извѣстному намъ въ этой мѣстности и для этого времени царю тетрарху, именно знаменитому Дейотару Галатскому. Мы знаемъ, что по смерти Цезаря, якобы согласно его завѣщанію, Антоній, получивъ отъ Дейотара 10 миліоновъ сестерцій, утвердилъ за нимъ наслѣдіе Митридата Пергамскаго, которое раньше Дейотаръ захватилъ силою — Cic. Phil. II, 93—95; Ep. ad. Att. XIV, 12, 1. Возможно, что одновременно владѣнія Дейотара были увеличены и въ

[1]) Въ память освобожденія Амисосцами введена была Актійская эра, первый годъ которой по расчетамъ *Ramsay* (The historical Geography of Asia Minor. 1890, p. 194, 441; cf. *Kubitschek*, Pauly-Wissowa, I, p. 644) кончался 22 Сент. 31 года.

другую сторону, присоединеніемъ къ нимъ Амиса, тѣмъ болѣе, что и раньше по рѣшенію Помпеи Дейотару принадлежала между прочимъ часть Газелонійской земли въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Амисомъ[1]). Но останавливаться на этомъ нельзя: Антоній и впослѣдствіи производилъ довольно произвольно измѣненія во владѣніяхъ городами и землями Малой Азіи.

Такъ по Діону Кассію (XLVIII, 33, 5) въ 40 году до Р. Хр. Кастору была передана область умершихъ Аттала и Дейотара. Атталъ же этотъ, вѣроятно, тожественеенъ съ тѣмъ, который былъ назначенъ Помпеемъ тетрархомъ Пафлагоніи[2]). Гдѣ лежала область тетрарха Аттала и могла ли къ ней быть присоединена область Амиса, мы не знаемъ. Страбонъ (XII, 3, 9, p. 544) даетъ какъ восточную границу Пафлагоніи устье Галиса, къ западу отъ Амиса, который по его словомъ лежитъ уже въ области Сировъ или Левкосировъ; но можетъ быть на его опредѣленіе вліялъ Геродотъ, изъ котораго онъ тутъ же приводитъ цитату. Плиній, напримѣръ (Nat. hist. VI, 2), относитъ Амисъ къ Пафлагоніи.

Количество тетрарховъ, какъ видно и изъ приведеннаго выше мѣста Аппіана, во всякомъ случаѣ далеко не ограничивалось немногими извѣстными намъ. Такъ и Плутархъ разсказываетъ объ Антоніѣ (V. Ant. 36, p. 932) по поводу раздачи земель Клеопатрѣ въ 36 г. до Хр., что онъ, и раньше очевидно, раздавалъ многимъ тетрархіи и царства: καί τοι πολλοῖς ἐχαρίζετο τετραρχίας καὶ βασιλείας ἐθνῶν μεγάλων, ἰδιώταις οὖσιν, πολλοὺς δ' ἀφῃρεῖτο βασιλείας, ὡς Ἀντίγονον τὸν Ἰουδαῖον. Два изъ числа этихъ измѣненій приводитъ Діонъ подъ 36 г. до Р. Хр. (XLIX, 32, 3, p. 718), говоря ὁ δ' οὖν Ἀντώνιος δυναστείας Ἀμύντᾳ μὲν Γαλατίας καίπερ γραμματεῖ τοῦ Δηιοτάρου γενομένῳ ἔδωκε καὶ Λυκαονίας Παμφυλίας τέ τινα αὐτῷ προσθείς, Ἀρχελάῳ δὲ Καππαδοκίας, ἐκβαλὼν τὸν Ἀριαράθην. По Аппіану же онъ уже вслѣдъ за Миценскимъ миромъ въ 39 г. до Р. Хр. поставилъ нѣсколькихъ царей (bell. civ. V, 75): ἵστη δέ πῃ καὶ βασιλέας, οὓς δοκιμάσειεν, ἐπὶ φόροις ἄρα τεταγμένοις, Πόντου μὲν Δαρεῖον τὸν Φαρνάκους τοῦ Μιθριδάτου, Ἰδουμαίων δὲ καὶ Σαμαρέων Ἡρώδην, Ἀμύνταν δὲ Πισιδῶν, καὶ Πολέμωνα μέρους Κιλικίας καὶ ἑτέρους ἐς ἕτερα ἔθνη. О Даріѣ, сынѣ Фарнака, никакихъ другихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Папагеоргіади (Σύντομος Ἱστορία τῆς Ἀμισηνῆς χώρας. Φυλλ. α'. Αθ. 1891, p. 58) полагаетъ, что именно ему и переданъ былъ Помпеемъ Амисъ, о чемъ упоминаетъ Страбонъ; ничего невозможнаго въ этомъ нѣтъ: хотя онъ и названъ у Аппіана среди царей, но возможно, что какъ Иродъ Идумейскій и Самарійскій, онъ также носилъ титулъ тетрарха.

Такимъ образомъ у насъ является нѣсколько возможностей подразумѣвать подъ царями тетрархами, владѣющими Амисомъ за время отъ 43 по 31 г.

---

[1]) Strab. XII, 13, p. 547: Γαζηλωνῖτις· ταύτης δὲ τῆς χώρας τὴν μὲν ἔχουσιν Ἀμισηνοί, τὴν δ' ἔδωκε Δηιοτάρῳ Πομπήιος, καθάπερ καὶ τὰ περὶ Φαρνακίαν καὶ τὴν Τραπεζουσίαν μέχρι Κολχίδος καὶ τῆς μικρᾶς Ἀρμενίας . . . , ἀποθανόντος δ' ἐκείνου πολλαὶ διαδοχαὶ τῶν ἐκείνου γεγόνασιν.

[2]) App. Mithr. 114. (Πομπήιος) ἐποίει δὲ καὶ τετράρχας Γαλλογραικῶν μὲν . . . Δηιόταρον καὶ ἑτέρους, Παφλαγονίας δὲ Ἄτταλον καὶ Κόλχων Ἀρίσταρχον δυνάστην.

1) Дейотара Галатскаго, 2) Кастора, получившаго въ 40 г. владѣнія Дейотара и Аттала, тетрарха Пафлагоніи, 3) Дарія, назначеннаго царемъ Понта въ 39 г., 4) наконецъ, можетъ быть Аминта, назначеннаго властителемъ Галатіи не позже 37 года.

Но владѣлъ ли дѣйствительно кто-нибудь изъ этихъ четырехъ Амисомъ или какой-нибудь неизвѣстный намъ даже по имени царь тетрархъ, сказать трудно. Въ пользу Дейотара можетъ быть говоритъ еще время, къ которому, повидимому, должна быть скорѣе всего отнесена наша надпись. Какъ мы видѣли, она находилась на базѣ статуи извѣстнаго тріумвира М. Антонія и его брата Луція (стр. 3—4). Маркъ Антоній былъ виновникомъ политическаго положенія Амиса, о которомъ свидѣтельствуетъ наша надпись, и оказываемый здѣсь почетъ ему, очевидно, исходилъ отъ сторонниковъ новаго положенія вещей въ Амисѣ. Но какъ обьяснить и упоминаніе о Луціѣ Антоніѣ? Послѣдній былъ квесторомъ въ провинціи Азіи въ 50 г. и проквесторомъ, управлявшимъ провинціей въ качествѣ пропретора въ слѣдующемъ 49 г., въ качествѣ каковаго онъ и почтенъ статуей въ Пергамѣ (*M. Fraenkel*, Die Inschriften von Pergamon, II, Berl., 1895, p. 286, n. 410). Но наша надпись не можетъ быть ранѣе 44 г. и едва-ли можетъ касаться его дѣятельности въ качествѣ пропретора Азіи. Въ 41 г. Л. Антоній былъ консуломъ; можетъ быть онъ въ началѣ своего консульства успѣлъ оказать какія-нибудь услуги Амису, вѣрнѣе правившимъ въ немъ теперь царямъ. Въ томъ же году Л. Антоній вступилъ въ интересахъ своего брата вмѣстѣ съ женой его Фульвіей въ распрю съ Цезаремъ Октавіаномъ, которая и закончилась въ томъ же году Перусійской войной. Такъ какъ М. Антоній, проводя время въ Александріи въ радостяхъ и наслажденіяхъ, не поддержалъ защищавшихъ его интересы жену и брата, носившаго изъ братской преданности къ нему и прозваніе Pietas, то естественно, что съ этого времени между братьями долженъ былъ произойти разладъ, что и засвидѣтельствовано Аппіаномъ (bell. civ. 54): Л. Антоній не пожелалъ отправиться къ брату, а принялъ отъ Октавіана управленіе его провинціей Испаніей. Такимъ образомъ наша надпись едва-ли можетъ быть позднѣе 41 г. Возможно, что Л. Антоній послѣдовалъ за своимъ братомъ на востокъ послѣ битвы при Филиппахъ въ концѣ 42 г., или въ началѣ своего консульства въ 41 г. содѣйствовалъ произведеннымъ М. Антоніемъ перемѣнамъ въ Азіи (App. b. civ. V, 7). Если же Амисъ достался тотчасъ по смерти Цезаря Дейотару, то возможно, что Л. Антоній игралъ при этомъ дѣятельную роль; по крайней мѣрѣ изъ письма Цицерона къ Аттику (ad Att. XIV, 12, 1) явствуетъ, что въ дѣло замѣшана была Фульвія, которая и въ 41 г. дѣйствуетъ заодно съ деверемъ.

Послѣ царей тетрарховъ въ нашей надписи названы стефанефоры, которые, какъ видно изъ надписи, издаваемой ниже, были въ Амисѣ эпонимною, слѣдовательно, по почету по крайней мѣрѣ высшею, властью. Также эпонимами были стефане-

форы и въ митрополіи Амиса Милетѣ (напримѣръ C. I. G, II, 2852—59, 2868, 2879, 2885, 2905), въ нѣкоторыхъ другихъ Эолійскихъ и Іонійскихъ колоніяхъ, въ Смирнѣ (C. I. G. II, 3137, 3148, 3162, 3173, 3190, 3386), и Кимѣ (C. I. G. II, 3524) въ Іасѣ (C. I. G. II, 2671), Миласѣ (C. I. G. II, 2693 c), равно какъ и въ Нисѣ (C. I. G. II, 2950), Стратоникеѣ (C. I. G. II, 2715) и Афродисіадѣ, (C. I. G. II, 2826, 27, 36, 36 b, 42, 43, 48, 50 b, c) и нѣкоторыхъ городахъ Фригіи; также, вѣроятно, и на нѣкоторыхъ изъ Кикладскихъ островов: Тиносѣ (C. I. G. III, 2336 b, 2330—33, 2237), Сирѣ (C. I. G. III, 2347 k), Паросѣ (C. I. G. II, 2379).

Въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаемъ и сопоставленіе, какъ въ нашей надписи, стефанеферовъ съ архіереями и агоноѳетами; такъ въ надписи изъ Афродисіады C. I. G. II, 2785, 2795, 2845, изъ Смирны C. I. G. II, 3173, и Милета C. I. G. II, 2881.

3. Надгробная плита 36×46 сантим. съ плоскимъ рельефнымъ изображеніемъ сидящаго на землѣ en face человѣка (можетъ быть мальчика) въ хитонѣ съ рукавами по локти, держащаго правую руку на животѣ, а лѣвою берущаго съ земли сосудъ. Надъ рельефомъ на узкой полоскѣ 35×7,5 сантим. надпись въ три строчки, причемъ правая половина ея, особенно верхней строки, читается на эстампажѣ очень плохо.

ΛΟΥΚΙΟΥΑΝΤΩΝΙΟΥΙ ΟΥ ϕΥ ЄΙΙΛ...	Λουκίου Ἀντωνίου .....
ΚΑΙΑΝΤΩΝΙΑCΘЄΟΔΟΙ CΥΙCC ΓΙΡC..	καὶ Ἀντωνίας Θεοδό[τη]ς υἱὸς [Τη]ρε[ύς]
ΜΗΝΩΝЄΝΝЄΑ	μηνῶν ἐννέα.

Въ первой строкѣ вслѣдъ за Ἀντωνίου должно было помѣщаться греческое имя отца, которое разгадать трудно. Чтеніе 2-ой строки, кажется, несомнѣнно вплоть до слова υἱός; далѣе должно было стоять имя умершаго; предполагаемъ какъ болѣе подходящее къ сохранившимся слѣдамъ буквъ Τηρεύς (въ концѣ строки не достаетъ одной или двухъ буквъ), если предполагать лигатуру первыхъ двухъ буквъ ΤΗ или Ι вмѣсто Η. Въ 3 стр. кромѣ словъ μηνῶν ἐννέα ничего не было: умершему было 9 мѣсяцевъ, хотя рельефъ, насколько можно судить по эстампажу, скорѣе изображаетъ взрослаго юношу, и во всякомъ случаѣ не младенца.

Въ имени отца или, вѣрнѣе сказать, въ его римской части сохранилась память о Луціѣ Антоніѣ, братѣ тріумвира, оказавшемъ очевидно значительныя услуги городу Амису или части, можетъ быть ничтожной, его населенія. Жена Л. Антонія нашей надписи вѣроятно изъ той же семьи какъ и ея мужъ, обязанной чѣмъ-нибудь брату тріумвира. Надпись по характеру буквъ значительно позднѣе предшествующей, вѣроятно I—II в. по Р. Хр.

4. Надгробная надпись на мраморной плитѣ, доставленной въ Институтъ въ оригиналѣ; 30×50 сантим.

Μέκιος Ἰουλι-
ανὸς ἐνθά-
δε κ(εῖ)μ(αι) ὡς
ἐτῶν κγ΄,
5. φυλῆς Σεβαστ-
η(ί)δος, ἐφη-
βεύσας Δημέ-
νου στεφανη-
φοροῦντος.
10. χάρετε.

Надпись читается отлично, она вписана была въ рамкѣ, но въ стр. 6 и 7 двѣ буквы вышли за рамку. Въ стр. 7—8 можетъ быть слѣдуетъ читать Δημένους (σ)τεφανηφοροῦντος, принимая форму именит. пад. Δημένης по 3 склон. по образцу другихъ именъ сложныхъ съ μένος, можетъ быть вмѣсто Δημένης. Впрочемъ, ни въ той, ни въ другой формѣ это имя, насколько намъ извѣстно, не встрѣчалось.

Въ стр. 10 форма χαρετε можетъ быть не описка вмѣсто χαίρετε, а вѣроятно старая діалектическая форма или Aor. II вмѣсто χάρητε или Praesentis отъ χάρω=χαίρω, образованнаго по аналогіи съ другими формами этого глагола: ср. χάρας и χάρ(ε)ιν въ надписи изъ Артаки на Кизикскомъ полуостровѣ (Bull. de Corr. Hell. XVII, p. 529).

Интересно въ надписи упоминаніе филы Себастеиды, очевидно названной въ честь Августа, освободившаго городъ отъ тирановъ послѣ актійской побѣды; въ память этого же событія установлено было, какъ мы говорили выше, и новое лѣтосчисленіе въ Амисѣ, учреждена была, очевидно, и новая фила, какъ въ Аѳинахъ въ честь императора Адріана и раньше Антигона, Димитрія и Птолемея. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить существованіе эфебіи въ Амисѣ и обозначеніе годовъ по имени стефанефоровъ, которые такимъ образомъ, какъ мы указали по поводу предшествующей надписи, являются въ Амисѣ эпонимною властью, сохраняя такое значеніе вѣроятно издавна, какъ о томъ можно судить на основаніи сопоставленія съ примѣромъ Милета, Смирны и другихъ греческихъ городовъ Малоазійскаго побережья.

По орѳографіи (κιμε = κεῖμαι) и по написанію надпись, вѣроятно, не древнѣе III в. по Р. Хр.

5. Надгробный камень размѣромъ около 25×48 сантим. Наверху изображено плоскимъ рельефомъ en face одно лицо безъ шеи, внизу надпись.

ХРНСТОСϹСАМ	Χρῆστος Σαμ-
ВАТІΔІϹІΔІ	βάτιδι ἰδί-
АСΥΝВІѠ	α συνβίῳ
ЦΝЄІАСХА	μνείας χά-
РІNЄПОІНСА	ριν ἐποίησα.
ТОІСПАРΟΔЄП	Τοῖς παροδείτα-
С ΥΛΙΡΙΝ	[ι]ς χαίρ(ε)ι[ν]

Во 2-ой стр. въ имени усопшей исправлено ϑ на τ (повидимому, не наоборотъ). Надпись окружена узкой рамкой, но съ правой стороны нѣкоторыя буквы частью выходятъ за рамку. Предпослѣдняя строка написана тѣснѣе. Имя Σάμβατις, очевидно, соотвѣтствуетъ мужскому фригійскому имени Σάμβας — Alcm. fr. 104 у Аѳинея XIV, 18, p. 624 b, Σάμβατος — C. I. G. III, 4074 изъ Анкиры.

6. Надгробная плита размѣромъ 37×53 сантим.; наверху украшена изображеніемъ фронтона съ большими акротеріями по бокамъ; внизу надпись въ три строки, а надъ ней рельефное изображеніе бюста молодой женщины, одѣтой въ хитонъ и гиматій, на подставкѣ.

. . . .]βε . . αν Παύλαν εἰκοσαετῆ
τύμ]βος με κατέχει· | εἰ δὲ δόλος μ' ἐ-
κβάλο]ι, ϑεῖον φάος ἔκδικον ἔστω.

Лѣвая часть надписи, особенно первой строки читается очень плохо. Составитель эпитафіи, очевидно, намѣревался изобразить стихи, именно два гекзаметра,

что ясно видно изъ конечной фразы θεῖον φάος ἔκδικον ἔστω, составляющей явно вторую половину гекзаметра. Но сообразно съ эпохой надписи можно предположить, что составитель не особенно стѣснялся долготою и краткостью слоговъ, почему мы, не будучи въ состояніи придумать другого болѣе удачнаго возстановленія, предпочли читать μ' ἐ[κβάλο]ι вмѣсто με [βάλο]ι, что было бы корректнѣе въ просодическомъ отношеніи. Здѣсь требуется слово со значеніемъ „выкинулъ бы изъ могилы", котораго не можетъ имѣть простое βάλλω; къ тому же для него было бы слишкомъ много мѣста.

Въ 1 стихѣ просодическая ошибка въ послѣднемъ словѣ κατέχει, если не признать ошибку рѣзчика вмѣсто κατέσχε или κατεῖχε. Слово εἰκοσαετῆ нужно читать какъ трехсложное съ выпаденіемъ α.

Первыя буквы 2-ой стр. до κατέχει едва читаются; повидимому, предложенное чтеніе довольно прочно, но ручаться за него нельзя. Часть первой строки до εἰκοσαετῆ должна представлять двѣ первыя стопы гекзаметра; такъ какъ Παύλαν составляетъ уже спондей, то передъ этимъ словомъ нужно было бы предполагать еще maximum три слога, представляющіе дактиль; но такъ какъ отъ составителя данной эпитафіи нельзя требовать строгаго соблюденія правилъ просодіи, особенно въ собственныхъ именахъ, возможно, что передъ Παύλαν пропало еще 4 слога, что болѣе соотвѣтствовало бы и величинѣ стертаго мѣста. Повидимому, тамъ стояло только первое имя Павлы, и, кажется, еще сохранилось его окончаніе αν; передъ ними мы какъ-будто различаемъ еще буквы . . . ΒΕΙΔΙ, но не знаемъ какъ ихъ дополнить.

7. Надгробная надпись, размѣромъ 38×39 сантим. Надпись вставлена въ рамку и строки ея отмѣчены слегка врѣзанными линейками.

Αὐρηλία Πρόκλα
τῷ κυρίῳ καὶ θρέ-
φαντι Φαρνάκη(ς).
Καὶ τῷ υἱῷ μου Εἰ-
σιδώρῳ μν(ε)ίας χάρ-
(ι)ν ἀνέθηκα. Χαῖρε
παροδεῖτα.

Въ надписи ясно можно различать двѣ части, вторая съ 4 стр. написана гораздо небрежнѣе, особенно въ концахъ строкъ и очевидно позднѣе.

Знакъ въ концѣ 3-ой строки, повидимому, слѣдуетъ принимать не за С, а за знакъ интерпункціи. Въ стр. 4—7 нѣкоторыя буквы скорѣе нужно угадывать, чѣмъ

читать; такъ въ ω (стр. 3 и 4) нѣтъ соединенія между первой вертикальной чертой и второй, напротивъ ЄI въ концѣ 4 стр. написаны однимъ взмахомъ, и еще тѣснѣе въ 7 стр. У буквы А въ μν(ε)ίας и χάριν (стр. 6) и παροδεῖτα (стр. 7) нѣтъ поперечной черты, а въ 4 стр. въ καὶ и въ 6 стр. χαῖρε лѣвая косая короче правой. Особенно же оригинальны ν въ словѣ μν(ε)ίας, η (вмѣсто ι) въ χάριν и ρ въ χάριν и χαῖρε. Знакъ въ началѣ 7-ой стр. служитъ, повидимому, просто для заполненія мѣста.

Интересно и не обычно обозначеніе умершаго какъ κύριος καὶ θρέψας. Судя по имени, Аврелія Прокла не могла быть рабыней, такъ что κύριος здѣсь скорѣе всего значитъ „опекунъ, попечитель". Фарнакъ воспиталъ, выростилъ ее и, будучи, очевидно, незамужней, она оставалась подъ его опекой. Въ имени Фарнака еще въ III в. по Р. Хр., къ которому вѣроятно относится наша надпись, сохраняется память о господствовавшихъ надъ Амисомъ когда-то царяхъ Понтійскихъ.

8. Обломанная христіанская надпись съ большимъ крестомъ на верху и крестикомъ въ началѣ первой строки; теперешній размѣръ 45×60 сантим.; обломанъ правый уголъ плиты.

'Ενθάδε κεκ[οί-]
μηται Πλώ[τε-]
ινος νεό[φυτος]
γεγονὼ[ς μην-]
ῶν δέ[κα· παρο-]
δ[εῖ]τα [χαῖρε].

Надпись тщательно вырѣзана, повидимому, безъ орѳографическихъ ошибокъ. Формы буквы А и повидимому дифтонга ЄI въ послѣдней строкѣ, въ которомъ обѣ буквы, кажется были написаны тѣсно вмѣстѣ, сближаютъ эту надпись съ предшествующей, но буквы Е, М имѣютъ еще болѣе древнюю форму. Надпись во всякомъ случаѣ слѣдуетъ относить не позже какъ къ IV—VI в. по Р. Хр. За это же говоритъ и слово νεό[φυτος], гдѣ φ несомнѣнно (возста-

новленіе νεο[φώτιστος] потребовало бы слишкомъ много мѣста), и обращеніе, заимствованное изъ современныхъ языческихъ эпитафій [παρο]δ[εῖ]τα· [χαῖρε] [1]): въ христіанскихъ надписяхъ оно встрѣчается рѣдко, см. Arch.-Epigr. Mitth. aus Oesterr.-Ungarn X, p. 179 (изъ Варны 557 года) и XIX, 109, n° 65 (изъ Мангаліи въ Румыніи).

Въ стр. 4—5 мы возстановили [μην]ῶν, такъ какъ для возстановленія [ἐτ]ῶν слишкомъ много мѣста.

---

[1]) Отъ X, повидимому, еще виденъ верхній лѣвый конецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Les Saint-Mamas de Constantinople

par J. Pargoire, des Augustins de l'Assomption.

L'histoire monumentale de Constantinople, sa topographie urbaine et suburbaine présentent de nos jours encore, à côté d'un grand nombre de points très sûrs, un nombre non moins considérable de questions point résolues du tout, ou résolues à demi, ou résolues de travers. La question Saint-Mamas peut être rangée dans ces trois catégories à la fois. Du moins, où qu'on la range, il m'a paru qu'elle gagnerait peut-être quelque chose à faire l'objet d'une nouvelle étude. Et il m'a semblé aussi que le nom de Saint-Mamas était trop lié à l'ancienne histoire des Russes pour que pareille étude ne fût pas à sa place dans cette revue. Au lecteur de voir et de dire si je me suis trompé.

I. Opinions des topographes.

En topographie, le premier soin du chercheur est de consulter ses devanciers, d'abord pour mettre à profit les témoignages qu'ils ont réunis, ensuite pour passer au crible les conclusions qu'ils en ont tirées. Appliquons cette méthode à Saint-Mamas et voyons ce que nos prédécesseurs, j'entends les principaux ou les plus modernes, ont écrit de sa position.

Pierre Gylles, comme le déclare son texte et le montre sa carte [1]), fait de Saint-Mamas un faubourg situé *ad Blachernam* [2]), sur la rive méridionale de la Corne d'Or, près du moderne Eyoub. *Quidam asserunt Aibasarium vicum appellatum ab Agio Basilio*, dit-il en sortant de la ville pour entamer sa description du Khrysokéras [3]); mais il déclare tout aussitôt: *Mihi potius locus hic sacer fuisse videtur divo Mamanti.* Ailleurs il identifie le pont Saint-Mamas mentionné par Suidas et autres auteurs avec le pont des Blakhernes et il croit apercevoir la base de ses piles *inter angulum urbis Blacherneum et suburbium quod Turci appellant Aibasarium* [4]). Toutefois il

[1]) Dans *A. Banduri*, Imperium orientale, Venise, 1729, t. II, tab. III.

[2]) *P. Gyllii*, De topographia Constantinopoleos, Lyon, 1561, lib. IV, cap. 6, p. 206.

[3]) De Bosporo Thracio, Lyon, 1561, lib. II, cap. 2, p. 67.

[4]) De topographia, loc. cit.

ajoute que Suidas, lorsqu'il mentionne son fameux pont à douze arches, parle peut-être bien *de alio templo Mamantis alibi sito*[1]).

J. Leunclavius a sur Saint-Mamas la même opinion. *Hagiobazariotarum vox*, écrit-il[2]), *denotat incolas emporii Sancti Mamantis*. Mais on saisit une différence. Contrairement aux assertions très claires du voyageur français et aux indications lumineuses de sa carte, l'auteur allemand paraît placer le faubourg Hagiobazarum de l'autre côté du golfe, *trans fretum*[3]).

A la même époque, dans le récit de sa fameuse controverse de juilet 1662, Panagiotakis Mamonas Nikousios, premier grand-drogman chrétien de la Porte, nous montre le sultan Mehmed IV εἰς τὸ κατὰ τὸ Ἐγιούπιον τζαμί .... ἔνθα ἦτόν ποτε ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου Μάμαντος καὶ ἡ περίφημος μονὴ τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος[4]).

Du Cange, conformément au plan de son ouvrage, consacre deux paragraphes distincts à Saint-Mamas, suivant qu'il le considère comme palais[5]) ou comme couvent[6]). Il assied palais et couvent côte à côte, dans la banlieue thrace, près des murs de la ville. Amené à le mentionner encore ailleurs, à propos de la porte Xylokerkos[7]) et de son hippodrome[8]), à propos du Stenon[9]) et de l'Hebdomon[10]); il fixe Saint-Mamas, ici *ad caput Freti Ceratini*[11]), là *in capite portus Ceratini*[12]), d'un côté *ad caput Freti Syceni*[13]), de l'autre *ad urbis muros versus sinum Ceratinum*[14]). Outre ce Saint-Mamas, qui est le grand, Du Cange en nomme deux autres: d'un mot, sans chercher en rien à les identifier, il cite un martyrion des saint Mamas et Basilisque ἐν τοῖς Δαρείου[15]) et une église de Saint-Mamas πέραν ἐν τῷ Σίγματι[16]).

C'est la manière de voir de la *Constantinopolis christiana* que nous retrouvons, sans le moindre changement, dans le gros livre de Banduri[17]).

De même avec J. von Hammer nous retournons à P. Gylles. L'auteur viennois met Saint-Mamas *an der Stelle von Ejub*[18]). Pour lui, comme pour ses premiers prédécesseurs, tout ce qui porte le nom de Saint-Mamas s'élève ensemble *unmit-*

---

[1]) De topographia, p. 207.

[2]) Pandecte historiæ turcicæ, 200, dans *Migne*, P. G., t. CLIX, col. 874.

[3]) Op. cit., col. 873.

[4]) *G. Sakkelion*, Παναγιωτάκη τοῦ Μαμωνᾶ διάλεξις dans le Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος, Athènes, t. III (1889), p. 249.

[5]) Constantinopolis christiana, Venise, 1729, l. IV, s. 12, n. 3, p. 121.

[6]) Op. cit, l. IV, s. 15, n. 25, p. 129.

[7]) Op. cit., l. I, s. 15, n. 1, p. 45.

[8]) Op. cit., l. II, s. 1, n. 16, p. 87.

[9]) Op. cit., l. IV, s. 10, n. 1, p. 116.

[10]) De Hebdomo disqnisitio topographica, 5. Venise, 1729, p. 14.

[11]) Constantinopolis christiana, l. I, p. 45.

[12]) Op. cit., l. IV, p. 116.

[13]) Op. cit., l. IV, p. 129.

[14]) De Hebdomo, loc. cit.

[15]) Constantinopolis christiana, l. IV, s. 6, n. 60, p. 88.

[16]) Op. cit., l. IV, s. 15, n. 26, p. 130.

[17]) Imperium orientale, p. 513 et 529.

[18]) Constantinopolis und der Bosporos, Pesth, 1822, t. I, p. 213.

telbar vor den Thoren der Stadt und am Ende des Hafens[1]), hors de la ville, sur la rive sud du Khrysokéras.

Au même endroit encore nous tient le patriarche Konstantios[2]). „Le petit port de Saint Mamas, écrit-il[3]), est appelé maintenant Defterdar-Skélessi". Il nous montre le monastère et le palais à Eyoub, ou plutôt un peu en-deçà d'Eyoub, ἐν μέσῳ τοῦ Ἐϊβὰν Σεράγι Καπουσὶ ἢ κακῶς Ἀϊβασὰρ Καπουσὶ καὶ τοῦ Ἐγιούπ[4]).

L'œuvre de Skarlatos Byzantios, où il y a si peu de neuf d'ordinaire, marque pourtant, dans la question qui nous occupe, un véritable progrès. Cet auteur distingue, sans les diviser, deux Saint-Mamas. Le palais proprement dit de ce nom et l'hippodrome y annexé, il les transporte ἐν τῇ Περαίᾳ[5]), sur la rive septentrionale du Khrysokéras, et les assied à Soutloutzé[6]), en face d'Eyoub. Mais, ajoute-t-il, l'appellation Saint-Mamas, indivise et compréhensive, se tient à cheval sur les eaux de la Corne d'Or intérieure et s'applique aussi bien au rivage sud qu'au rivage nord. Et là-dessus, l'ingénieux topographe conserve le monastère Saint-Mamas au sud, entre le quartier des Blakhernes et le faubourg du Kosmidion, entre le quartier de Haïvan-Séraï et le faubourg d'Eyoub. Il admet même l'existence là d'un autre palais impérial, moins important que celui de Soutloutzé, mais appelé Saint-Mamas comme lui[7]) et comme lui accosté d'un cirque. L'emplacement du Saint-Mamas septentrional porte d'ailleurs, à son avis, plusieurs autres noms: c'est le Σίγμα dont parlent les Ménées au 12 juillet; ce sont les Σοφιαναί dont le nom remplit les chroniqueurs byzantins à partir de Justin II[8]).

Malgré cet effort de Byzantios, le docteur Ph. Dethier, venu après lui, paraît s'en tenir uniquement au vieil emplacement traditionnel. Son texte l'indique assez par deux rapides allusions, l'une aux Russes de Saint-Mamas, qu'il présente comme les hôtes d'Eyoub[9]), l'autre au cirque de bois de Saint-Mamas, qu'il place près d'Eyoub[10]). Et sa carte, plus explicite encore et plus claire, couche expressément en cet endroit *Palat. et eccl. S. Mamantis*[11]).

A. Paspati, lui, distingue deux Saint-Mamas. Le premier, qu'il ne spécifie pas autrement, il continue à le considérer comme un riverain sud de la Corne d'Or et le conserve au lieu traditionnel, πλησίον τῆς Κωνσταντινουπόλεως εἰς τὸ

---

[1]) Op. cit., t. II, p. 29.

[2]) Κωνσταντανιάς, Venise, 1824, p. 116; Constantinople, 1844, p. 152.

[3]) Constantiniade, Constantinople, 1846, p. 147.

[4]) Διατριβὴ περὶ τοῦ Ἀλέμ-Δαγι dans Th. Aristoklès, Κωνσταντίου Α' βιογραφία καὶ συγγραφαὶ αἱ ἀλάσσονες, Constantinople, 1866, p. 374, n. 7.

[5]) Ἡ Κωνσταντανούπολις, t. I, Athènes, 1851, p. 599.

[6]) Op. cit., t. II, Athènes, 1862, p. 7—9.

[7]) Op. cit., t. I, p. 599.

[8]) Op. cit., t. II, p. 8.

[9]) Le Bosphore et Constantinople, Vienne, 1873, p. 12; Der Bosphor und Constantinopel, Wien, 1876, p. 13.

[10]) Le Bosphore, p. 55; Der Bosphor, p. 59.

[11]) Le Bosphore, en face du titre.

Κοσμίδιον. Le second, celui du basileus Michel III et de ses folies hippiques, il le relègue à l'Aïmama-Déré, *vallée Saint-Mamas*, tributaire de la Marmara entre Makri-Keuï et San-Stefano[1]).

C'est Paspati que M. G. Schlumberger eut pour guide à travers les rues de Stamboul, lors de sa première visite à Constantinople. Néanmoins l'illustre byzantiniste français nous montre[2]) le „Cirque, non loin du palais de Saint-Mamas, au fond de la Corne d'Or, là où est l'Eyoub d'aujourd'hui". Plus loin, parcourant de nouveau cette portion de la banlieue[3]), il y place „l'église de Saint-Mamas, le couvent et la villa impériale de ce nom".

M. A. Mordtmann refuse aussi d'aller entre Makri-Keuï et San-Stefano. „Le cirque en bois, dit-il[4]), ainsi que le couvent de Saint-Mamas étaient situés dans le vallon contigu à la colline vis-à-vis du palais du Porphyrogénète, où se trouvaient le parc et le palais de Philopation". Ceci nous fixe hors de la ville, en face de Tekfour-Seraï, à quelques minutes du Khrysokéras. Ou plutôt, le savant topographe descend jusque sur le Krysokéras, car il place ailleurs l'église Saint-Mamas à Defterdar-Iskélessi[5]), au lieu même déjà indiqué par les précédents topographes.

Avec M. Th. Ouspensky, au contraire, nous sortons des voies battues. Ce n'est plus auprès d'Eyoub, comme P. Gylles, qu'il assied Saint-Mamas et ce n'est pas à Aïmama-Déré, comme A. Paspati, qu'il le transporte. Il fixe palais et monastère au nord et à l'extrémité orientale de la Corne. Pour mieux dire, il fixe sur la rive européenne du bas Bosphore[6]) tout ce que les auteurs byzantins désignent à Constantinople sous le nom de Saint-Mamas.

Il n'en va pas de même de M. E. Grosvenor. Cet auteur nous ramène aux vieux errements, assignant le site de Saint-Mamas, église, couvent et palais, au voisinage d'Haïvan-Seraï. „Pont Saint-Mamas" pour lui n'est qu'un des nombreux noms du pont jeté là sur la Corne d'Or: *Bridge of Saint Kallinikos, of Saint Mamas, of Kosmedion, of Saint Pantelemon, and of the Blakhernai*[7]).

M. M. Gédéon préfère diviser. Dès 1881, il connaissait trois Saint-Mamas dans la banlieue thrace: il mettait l'église Saint-Mamas ἐν τῷ Σίγματι à Soutloutzé[8]); il mettait le port[9]), le grand palais et le couvent Saint-Mamas[10]) près d'Eyoub; il

[1]) Θρᾳκικὰ προάστεια τοῦ Βυζαντίου, dans l'Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, Constantinople, t. XII (1879), p. 41.

[2]) Les îles des Princes, Paris, 1884, p. 143.

[3]) Op. cit., p. 361.

[4]) Esquisse topographique de Constantinople, Lille, 1892, p. 34.

[5]) Οἱ Ἄβαρες καὶ οἱ Πέρσαι πρὸ τῆς Κωνσταντινουπόλεως dans l'Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, supplément archéologique aux t. XX—XXII (1892), p. 59.

[6]) „Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ" въ Лѣтописи Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. Византійское отдѣленіе, т. I. Одесса, 1892, стр. 78—84 (отд. отт., стр. 55—60).

[7]) Constantinople, Londres, 1895, t. I, p. 81.

[8]) Κωνσταντινούπολις, dans le Λεξικὸν ἱστορίας καὶ γεωγραφίας de *S. Bentyras* et *G. Karydès*, Constantinople, t. III, p. 1041.

[9]) Op. cit., p. 1050.

[10]) Op. cit., p. 940, 1019, 1041.

mettait un autre palais Saint-Mamas à Aïmama-Déré[1]). En 1895, sa liste est grossie de deux numéros[2]). Nous y trouvons: 1° le monastère Saint-Mamas ἐν τῷ Ξυλοκέρκῳ qu'il place ἔξω τῶν Βλαχερνῶν, c'est-à-dire au lieu traditionnel; 2° l'église des saints Mamas et Basilisque ἐν τοῖς Δαρείου qu'il se contente de mentionner; 3° l'église Saint-Mamas ἐν τῷ Σίγματι qu'il n'identifie pas davantage; 4° l'église Saint-Mamas, près du palais et du cirque de Michel III, qu'il indique μεταξὺ τῶν χωρίων Μακροχωρίου καὶ Ἁγίου Στεφάνου[3]), c'est-à-dire dans l'Aïmama-Déré; 5° le couvent Saint-Mamas de Georges Kappadokès au XII siècle qu'il place ἐν Ὑψωμαθείοις, au quartier urbain de Psammatia.

Rien de cet éparpillement chez le P. E. Bouvy. Il n'est question chez lui que d'un Saint-Mamas et cette localité est fixée dans la banlieue, devers Eyoub[4]). Il faut en dire autant de M. l'abbé E. Marin, qui copie ici M. G. Schlumberger[5]) et là M. A. Mordtmann[6]).

Par contre, M. J. Richter représente un nouveau progrès. Il range le monastère Saint-Mamas ἐν τῷ Ξυλοκέρκῳ parmi les couvents urbains, sans d'ailleurs indiquer sa position[7]). Quant au palais Saint-Mamas, il en parle sous la rubrique: *Paläste jenseits des goldenen Horns.* Et ce palais, encore que les apparentes contradictions des textes byzantins l'inquiètent un peu, il le place résolument sur le Bosphore[8]). Par malheur, outre que sa localisation n'est pas autrement spécifiée, il commet la faute de rapporter au proasteion bosphoréen un événement qui regarde le monastère de Xylokerkos[9]).

M. A. van Millingen, par ailleurs si bien renseigné, ne partage en rien cette manière de voir. A ses yeux, Saint-Mamas est un quartier suburbain debout tout proche des Blakhernes. *St. Mamas,* écrit-il[10]), *must have occupied the valley which extends the Golden Horn southwards to the village of Ortakdjilar, the territory between Eyoub and Aïvan Serai at the north-western angle of the city.* Et il en expose les preuves, apportant ainsi tout le poids de son autorité en matière de topographie byzantine aux innombrables partisans de l'identification traditionnelle.

C'est pourtant un cri de protestation antitraditionnaliste que nous entendons en terminant cette revue. Stavraki bey Aristarchi le pousse à propos du couvent

---

[1]) Op. cit., p. 1019.

[2]) Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, Constantinople, 1899, p. 164.

[3]) Cf. Ἔγγραφοι λίθοι καὶ κεράμια, Constantinople, 1892, p. 67, 77, 80.

[4]) Souvenirs chrétiens de Constantinople et des environs, Paris, 1896, p. 58 et 63.

[5]) Les moines de Constantinople, Paris, 1897, p. 22.

[6]) Op. cit., p. 74.

[7]) Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel, Wien, 1897, p. 208 et 209.

[8]) Op. cit., p. 389.

[9]) Op. cit., p. 391.

[10]) Byzantine Constantinople. The walls of the city and adjoining historical sites, Londres, 1899, p. 89, note 4.

Saint-Mamas. Ἡ μονὴ αὕτη, déclare-t-il[1]), ἔκειτο παρὰ τὸ κουμπαρχανὲν τοῦ Σουτλουτζέ, καὶ οὐχὶ παρὰ τὸ Ἐγιούπ.

Telles sont, pour nous en tenir aux auteurs qui ont étudié ce point d'une manière spéciale, ou qui ont vécu sur les lieux, ou qui ont écrit le plus près de nous, telles sont les opinions courantes sur le site de Saint-Mamas. Si l'accord des anciens en faveur de la Corne d'Or a pu faire croire un instant que la question était déjà résolue, les contradictions des modernes et leurs hésitations multiples montrent assez que le débat reste encore ouvert pleinement. C'est donc bien, comme je le disais au début, qu'un nouvel examen s'impose. En tentant cet examen nouveau, les pages qui vont suivre tâcheront d'accumuler les textes byzantins et les preuves. Et peut-être, pour le dire sans détours dès maintenant, peut-être montreront-elles que les premiers topographes se sont égarés sur une fausse piste et que, parmi les contemporains, les deux seuls qui aient approché du véritable emplacement ne l'ont pas précisé autant qu'on le peut, ni fait le départ assez rigoureux entre ce qui regarde les divers Saint-Mamas.

II. Proasteion Saint-Mamas.

L'importance du sujet veut que nous procédions avec ordre et n'avancions que pas à pas, dussions-nous, pour commencer, paraître enfoncer des portes ouvertes. Une porte ouverte, en effet, c'est qu'il existait sous les Byzantins un Saint-Mamas hors des murs. Tous les auteurs, nous venons de le voir, sont d'accord sur ce point. Nous pouvons donc et devons entamer notre démonstration topographique en établissant la proposition suivante:

A. *Un Saint-Mamas était suburbain.* — Parmi les nombreuses preuves susceptibles d'être apportées à l'appui de cette affirmation, contentons-nous de celles-ci:

1. En 469, voyant le feu ravager sa capitale, Léon Ier sort de la ville et s'établit à Saint-Mamas: τῆς πόλεως ἐξελθεῖν καὶ διατρίβειν ἐπὶ πολὺ κατὰ τὸν ἅγιον Μάμαντα[2]).

2. Le 9 février 790, effrayée non plus par un incendie, mais par un tremblement de terre, l'impératrice Irène fit comme Léon Ier : ἐξῆλθεν ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι[3]).

3. Au mois d'août 792, furieux contre ses oncles, Constantin VI sortit de la ville pour les supplicier à Saint-Mamas: ἐξελθὼν ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι ἐκτυφλοῖ . . . [4]).

4. En 515, le rebelle Vitalien vient assiéger Anastase Ier dans Constantinople. Ses troupes cèdent sous une vigoureuse sortie des impériaux et le vainqueur les poursuit ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος[5]).

---

[1]) *Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι*, Constantinople, 1901, t. I, p. μϛ'.
[2]) *Zonaras*, Annales XIV, 1 (III, p. 253, 15 Dind.).
[3]) *Théophane*, Chronographia, a. 6282, p. 720, 8 Bonn.
[4]) *Cedrenus*, Historiarum compendium, II, p. 25, 20 Bonn.
[5]) *Malalas*, Chronographia, XVI, p. 405, 14 Bonn.

5. En 742, durant le siège qu'il fait de sa propre capitale tombée aux mains d'Artavasde, Constantin V a son quartier général à Saint-Mamas: ἠπλίκευσεν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα[1]).

6. En 813, incapable de prendre Constantinople, le bulgare Croum ravage tous les environs, tous les faubourgs, en particulier, déclarent une demi-douzaine de textes[2]), le palais impérial situé ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι.

7. La rencontre de saint André le Crétois et de Constantin V Copronyme eut lieu, au témoignage de Syméon Métaphraste[3]), devant la ville, πρὸ τῆς πόλεως ἐν τοῖς τοῦ μάρτυρος Μάμαντος λεγομένοις βασιλείοις.

8. Après cette rencontre l'empereur garda quelque temps l'iconophile en prison, puis, déclare un hagiographe anonyme[4]), il le fit conduire de Saint-Mamas à Constantinople: τῇ Κωνσταντινουπόλει τοῦτον ἐκέλευσε παραπεμφθῆναι.

9. Michel III l'Ivrogne se livrait à sa passion des courses, dit un chroniqueur anonyme, aussi bien dans la ville, au grand hippodrome, que hors de la ville, au cirque de Saint-Mamas: ἐντός τε τῆς βασιλευούσης καὶ τῶν βασιλείων καὶ ἔξω κατὰ τὰ . . . τοῦ μάρτυρος Μάμαντος βασιλικὰ ἐνδιαιτήματα[5]).

Ces neuf témoignages, auxquels il serait aisé d'en ajouter beaucoup d'autres, ne laissent aucun doute sur l'existence d'un Saint-Mamas suburbain. Nous avons donc devant nous, dès maintenant, un de ces points de la banlieue à qui les Byzantins donnaient communément le nom de προάστειον, désignant par ce mot tantôt un vrai faubourg populeux, tantôt une simple propriété privée, ici un gros château impérial ou une petite villa particulière, là un monastère considérable ou une modeste église. Notre Saint-Mamas suburbain, quel qu'il fût en soi, se trouvait-il au bord de l'eau ou à l'intérieur des terres? Par sa position était-il, ou non, un proasteion maritime?

B. *Ce Saint-Mamas était un proasteion maritime.* — Ici encore les preuves abondent et il faut savoir se borner aux quatre ou cinq que voici:

1. Durant l'incendie de 469, qui fit passer la cour εἰς τὸν ἅγιον Μαμᾶν, Léon Ier consacra les six mois de son séjour là à y construire entre autres choses un petit port: ἔκτισεν ἐκεῖ λιμενάριον[6]).

2. En 715, les fidèles d'Anastase II, désireux d'arrêter la flotte rebelle, envoient leur propre escadre εἰς τὸν λιμένα τοῦ ἁγίου Μάμαντος[7]).

3. Durant le siège de Constantinople par Constantin V, la flotte des Kibyrrhéotes était ancrée εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα[8]).

---

[1]) *Théophane*, op. cit., a. 6235, p. 646, 4 Bonn.
[2]) Nous les citerons plus bas, en faisant l'historique de Saint-Mamas.
[3]) Vita S. Andreæ, 7, Acta Sanctorum octobris, t. VIII, p. 144.
[4]) Vita S. Andreæ, 14, ibid., p. 141.
[5]) *Cont. de Théophane*, V, 21, p. 243, 18 Bonn.
[6]) Chronicon paschale, p. 598, 17 Bonn.
[7]) *Théophane*, op. cit., a. 6207, p. 591, 17 Bonn.
[8]) *Théophane*, op. cit., a. 6235, 646, 2 Bonn.

4. Pendant le fameux hiver de 863, qui gela les flots tout autour de Constantinople, on se rendait à pied par-dessus la glace ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος[1]).

5. En 865, le parakimomène Damien tombé en disgrâce est enfermé, dit la chronique[2]), ἐν τῷ ἐμπορίῳ τοῦ ἁγίου Μάμαντος, et l'on sait que le mot *emporion* est réservé, dans les auteurs byzantins, aux petites localités suburbaines sises au bord de l'eau.

De ces quelques textes il résulte suffisamment que notre Saint-Mamas ne s'élevait pas à l'intérieur des terres. Mais sur quelle rive s'élevait-il par rapport à Constantinople? Fallait-il pour l'atteindre sans détours prendre une barque ou pouvait-on s'y rendre directement par terre? Etait-il, ou non, un proasteion pératique?

C. *Ce Saint-Mamas était un proasteion pératique,* c'est-à-dire séparé de Constantinople par un bras de mer. Le mot πέραν et les autres mots de même racine employés par les Byzantins pour spécifier sa position le prouvent assez. Voici quelques exemples de cet emploi:

1. Léon Ier, quand il quitta sa capitale flambante, ἐξῆλθεν πέραν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα, dit un chroniqueur[3]).

2. L'iconophile saint André le Crétois rencontra Constantin V Copronyme ἐν τοῖς πέραν βασιλείοις τοῦ πανευφήμου μάρτυρος Μάμαντος, comme écrit la biographie primitive[4]), ou πέραν ἐν τοῦ ἁγίου Μάμαντος παλατίοις, comme dit le Synaxaire de Milan[5]), ou πέραν ἐν τοῖς τοῦ μεγαλομάρτυρος Μάμαντος παλατίοις, comme porte le Synaxaire de Sirmond[6]), ou πέραν ἐν τῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος παλατίῳ, comme indique tel autre livre liturgique[7]).

3. Le mouvement des affidés d'Irène contre Constantin VI, au mois de juin 797, est raconté par Théophane[8]) en ces termes: ἐξ ἱππικοῦ ἀγῶνος περάσαντος τοῦ βασιλέως ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι ἐπέρασαν κατ' αὐτοῦ οἱ τῶν ταγμάτων προλαλημένοι.

4. L'Anonyme de Banduri place expressément le palais Saint-Mamas dans la section des monuments suburbains intitulée: Περὶ τῶν μοναστηρίων τῶν περατικῶν[9]).

Il n'en faut pas davantage pour conclure que notre proasteion Saint-Mamas était, par rapport à Constantinople, de l'autre côté de l'eau. Il s'élevait donc ou sur la rive asiatique de la Propontide, ou sur l'une des deux rives du Bosphore, ou sur la rive septentrionale de la Corne d'Or. C'est dire qu'il pouvait appartenir ou à la Thrace ou à la Bithynie. A laquelle des deux provinces appartenait-il?

---

[1]) *Théophane*, op. cit., a. 6255, p. 670, 21 Bonn.

[2]) *Georges Hamartole*, Chronicon, p. 827, 20 Bonn.

[3]) Chronicon paschale, p. 598, 17 Bonn.

[4]) Acta Sanctorum octobris, t. VIII, p. 137.

[5]) Ibid., col. 125.

[6]) *H. Delehaye*, Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae (Propylaeum ad Acta Sanctorum novembris), col. 151.

[7]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 152.

[8]) Chronographia, a. 6289, p. 731, 5 Bonn.

[9]) Imperium orientale, p. 51.

D. *Ce Saint-Mamas était un proasteion thrace.* — La chose ressort avec la dernière évidence des quatre ou cinq événements que je vais rappeler.

1. La bataille de 515 entre les troupes d'Anastase Ier et celles de Vitalien eut son dénouement à Sykae dans la banlieue thrace. Or, déclare Malalas[1]), les fantassins et les cavaliers du général vaincu furent poursuivis ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος.

2. L'affreux hiver de 763 eut cela d'extraordinaire qu'il donna l'occasion unique d'aller à pied ἀπὸ Χρυσοπόλεως, qui est localité bithynienne, ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος[2]).

3. En 813, campé avec son immense armée dans la banlieue thrace, devant les murs terrestres, le roi Croum envoya de la cavalerie faire une course à Saint-Mamas et y ravager le palais: ἀποστείλας κοῦρσον ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι, dit Théophane[3]); ἀποστείλας ἱππεῖς ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι, dit Georges Hamartole[4]); ἀποστείλας ἵππους ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι, dit Léon Grammaticos[5]).

4. En 837, pour passer d'Hiéria, qui est Phener-Bagtché sur la rive asiatique, à Saint-Mamas, Théophile dut traverser les flots: ἀποπλεύσας τῶν ἐκεῖσε ἦλθεν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα[6]).

5. En 867, pour passer de Saint-Mamas à Chrysopolis, qui est Scutari sur la rive asiatique, l'individu chargé d'inhumer le cadavre de Michel III fut obligé de prendre une barque: εἰσαγαγὼν εἰς πλοιάριον διεπέρασεν ἐν τῇ μονῇ τῆς Χρυσοπόλεως[7]).

De pareils faits, que l'on pourrait confirmer par d'autres, obligent absolument à chercher notre Saint-Mamas suburbain dans la banlieue thrace, et cette donnée, jointe aux conclusions déjà obtenues, enferme nos invastigations dans un rayon assez restreint. Maritime, notre proasteion est à chercher le long d'un rivage. Pératique, il est à chercher au-delà de l'eau. Thrace, il est à chercher sur la rive nord du Khrysokéras ou la rive ouest du Bosphore. C'est en effet la rive nord du Khrysokéras, tout entière, et la rive ouest du Bosphore, celle au moins du bas et du moyen Bosphore, qui est dans la banlieue thrace la région nommée pératique par les Byzantins. La chose, pour être expliquée, n'a besoin que d'un regard jeté sur une carte. Pour être constatée, elle demande simplement que l'on ouvre les auteurs byzantins. Dans ces auteurs vous trouvez le mot πέραν appliqué à tous les proasteia thraces debout depuis le fond de la Corne d'Or jusqu'aux deux tiers du Bosphore occidental, en d'autres termes depuis les Eaux Douces d'Europe jusqu'au village de Sténia, ancien Sosthénion, dont les livres liturgiques disent: πέραν ἐν τῷ Σωσθενίῳ[8]). Saint-Mamas ne peut que se trouver entre ces deux points extrêmes.

---

[1]) Op. cit., XVI, p. 405, 14 Bonn.
[2]) *Théophane*, op. cit., a. 6255, p. 670, 21 Bonn.
[3]) Chronographia, a. 6305, p. 785, 20 Bonn.
[4]) Chronicon, p. 765, 9 Bonn.
[5]) Chronographia, p. 208, 3 Bonn.
[6]) De cerimoniis aulæ byzantinæ, p. 504, 17 Bonn.
[7]) *Syméon Magister*, Annales, Michael, 48, p. 686, 2—10 Bonn.
[8]) Византійскій Временникъ, III (1896), p. 443.

III. Identification du Saint-Mamas suburbain.

Pour découvrir plus facilement sa position exacte nous devons circonscrire encore davantage le champ de nos recherches. Faisons-le en prouvant la proposition suivante:

E. *Saint-Mamas n'était point sur la Corne d'Or.* — Des divers faits susceptibles de le prouver, signalons au moins ces quatre-ci:

1. La nuit du 23 au 24 septembre 867, une fois Michel l'Ivrogne assassiné à Saint-Mamas, Basile et ses complices voulurent entrer au plus vite, par le plus court chemin, dans Constantinople et le palais sacré. La tempête qui faisait rage sur mer les empêcha de s'embarquer à Saint-Mamas. Que firent-ils? Ils vinrent passer l'eau par le Perama[1]). Le Perama, nul ne l'ignore, c'est la Corne d'Or antérieure, celle du pont actuel de Kara-Keuï, celle qui arrose Galata et les quartiers urbains d'en face. Si Basile et ses affidés, empêchés par le mauvais temps de s'embarquer à Saint-Mamas, purent s'embarquer là, c'est que Saint-Mamas n'était point abrité dans la Corne d'Or.

2. En février 763, lisons-nous dans Théophane[2]), on allait sur la glace ἀπὸ τῆς Χρυσοπόλεως ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος καὶ τῶν Γαλάτου. Chrysopolis est à l'est de Galata. Si de Chrysopolis on atteignait Saint-Mamas avant d'atteindre Galata, c'est que Saint-Mamas se trouvait à l'est de Galata. A l'est de Galata nous sommes hors du Khrysokéras.

3. Le Pseudo-Codinus suit un certain ordre dans sa description des monuments suburbains. Tout au moins en ce qui regarde les proasteia pératiques de Thrace, il commence par le fond de la Corne et termine par le haut du Bosphore. Or, il ne parle de Saint-Mamas qu'après être sorti de la Corne, qu'après avoir mentionné τὰ Πικριδίου qui est Has-Keuï, et τὸ Καστέλλιον, qui est Galata[3]).

4. L'Anonyme de Banduri, encore plus régulier dans sa marche, suit absolument la même direction. Or, c'est après nous avoir entretenus περὶ τῆς τὰ Πικριδίου μονῆς, et περὶ τοῦ Καστελλίου, et περὶ τῆς ἁγίας Εἰρήνης τὰ Γάλατα qu'il arrive à Saint-Mamas[4]).

Point sur le Corne d'Or, notre Saint-Mamas, proasteion pératique thrace, ne peut que se trouver sur la côte européenne du Bosphore. Et en effet, des auteurs byzantins existent qui affirment expressément ceci:

F. *Saint-Mamas était sur le Bosphore.* De ces auteurs il en est un qui désigne le Bosphore par le mot ῥεῦμα et les autres par le mot Στενόν. Encore aujourd'hui, dans le parler populaire des Grecs de Constantinople, τὸ ῥεῦμα[5]) c'est le courant par excellence, le courant du Bosphore, le Bosphore. Encore aujourd'hui,

---

[1]) *Syméon Magister*, op. cit., De Michaele et Theodora, 48, p. 685, 12 Bonn.
[2]) Op. cit., a. 6255, p. 670, 21 Bonn.
[3]) De ædificiis, p. 115, 12 Bonn.
[4]) Op. cit., p. 51.
[5]) Régulièrement transformé en τὸ ῥέμμα.

dans le style officiel de la chancellerie patriarcale, τὸ Στενόν c'est le détroit par excellence, le détroit du Bosphore, le Bosphore. Les auteurs byzantins employaient déjà ces mots dans ce sens.

1. Après avoir dit de tel iconophile que Constantin Copronyme le tua διὰ μαστίγων ἐν τῷ ἱππικῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος, Théophane ajoute: ὃν καὶ ἐν τῷ ῥεύματι ῥιφῆναι προσέταξεν[1]).

2. Michel III, dit Michel Glycas[2]), se livrait aux jeux du cirque près Saint-Mamas, sur le Stenon: κατά γε τὸν ἐν τῷ Στενῷ τοῦ μεγαλομάρτυρος ναὸν Μάμαντος.

3. Michel III, dit Jean Zonaras[3]), se transformait en cocher d' hippodrome dans la localité du Stenon appelée Saint-Mamas: ἐν τῇ κατὰ τὸ Στενὸν τοποθεσίᾳ, τῇ τοῦ ἁγίου Μάμαντος καλουμένῃ.

4. Michel III, dit le plagiaire de Skylitzès[4]), se livrait à ses divertissements favoris κατὰ τὸν ἐν τῷ Στενῷ ἀνεγηγερμένον ναὸν τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μάμαντος.

De pareils témoignages ne laissent aucun doute sur le caractère bosphoréen de notre proasteion thrace. Mais encore, sur quelle partie du détroit Saint-Mamas s'élevait-il?

G. *Saint-Mamas s'élevait sur le bas Bosphore.* — Voici les textes, voici les faits qui le prouvent.

1. L'hippodrome suburbain aimé de Michel III était, d'après Genesios[5]), baigné par la Propontide: ἐν τοῖς κατὰ Προποντίδα παλατίοις περιφανέσιν, ἔνθα ναὸς τοῦ μεγαλομάρτυρος Μάμαντος ἤδρασται. Or, on ne peut parler des eaux de la Propontide pour une localité bosphoréenne que si cette localité appartient au bas Bosphore.

2. Victime d'un guet-apens entre les Blakhernes (Haïvan-Seraï) et le Kosmidion (Eyoub), Kroum rejoignit promptement son armée campée sous les murs de Constantinople et ordonna le ravage de la banlieue thrace. Ce ravage eut lieu d'abord au nord de la ville, puis au sud. Et au nord, seule région qui nous intéresse, il atteignit les localités suburbaines dans l'ordre suivant: 1° l'ἀντίπεραν τῆς πόλεως, c'est-à-dire la rive septentrionale de la Corne; 2° τὸν ἅγιον Μάμαντα, c'est-à-dire notre proasteion; 3° τὴν παραθαλασσίαν τοῦ Στενοῦ καὶ τὴν ἄνω, c'est-à-dire le rivage bosphoréen jusqu'à son extrême nord[6]). Cet ordre impose la fixation de Saint-Mamas sur le bas Bosphore.

Ici, quand je dis bas Bosphore, j'entends la partie tout-à-fait inférieure du détroit, celle qui s'allonge en-deçà d'Orta-Keuï et fait face à l'échelle de Scutari. Les auteurs byzantins sont là pour nous le prouver tant par rapport à Orta-Keuï que par rapport à Scutari. Commençons par ce dernier.

---

[1]) Chronographia, a. 6253, p. 667, 9 Bonn.
[2]) Annalium l. IV, p. 543, 4 Bonn.
[3]) Op. cit., XVI, 5 (IV, p. 16, 2 Dind.).
[4]) *Cedrenus*, op. cit., II, p. 174, 1 Bonn.
[5]) Regum IV, p. 102, 11 Bonn.
[6]) *Syméon-Magister*, Annales: Leo Armenius, 9, p. 614 Bonn., cf. *Incert.* de Leone Arm., p. 344 Bonn.

H. *Saint-Mamas faisait face à l'échelle de Scutari.* C'est en effet au débarcadère de Scutari, le long d'une petite baie comblée par les sultans, que se tenait l'ancienne Chrysopolis avec son port, et c'est de Chrysopolis, ainsi que de son port, qu'il va être question dans les textes suivants:

1. Pour montrer combien fut rigoureux le froid de février 763, les chroniqueurs racontent que le confluent de la Propontide, du Bosphore et du Khrysokéras fut gelé. On pouvait, dans une promenade circulaire sur la glace, partir de la rive asiatique du Bosphore et revenir à cette rive après avoir touché la côte européenne au nord et au sud du Khrysokéras: ἀπὸ Σοφιανῶν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα καὶ εἰς Χρυσόπολιν ὡς διὰ ξηρᾶς ἐβάδιζεν. dit Georges Hamartole[1]); ἀπὸ Σοφιανῶν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα καὶ εἰς τὴν πόλιν καὶ πάλιν εἰς Χρυσόπολιν ὡς διὰ ξηρᾶς διεπέρων βαδίζοντες, dit en termes presque identiques tel autre chroniqueur[2]). Ou bien, sans faire cette promenade circulaire, on pouvait se rendre du rivage asiatique au rivage européen soit en allant du nord au sud ἀπὸ Σοφιανῶν ἕως τῆς πόλεως, soit en allant de l'est à l'ouest ἀπὸ Χρυσοπόλεως ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος[3]). Ces divers itinéraires ne se comprennent que si l'on met Saint-Mamas plus ou moins en face de Chrysopolis—Scutari.

2. Après la proclamation en Asie de Théodose III par les soldats révoltés contre Anastase II, ces rebelles διά τε γῆς καὶ θαλάσσης ἐν Χρυσοπόλει ἀνέδραμον. C'était à l'effet de franchir le Bosphore et d'assiéger la capitale par terre. Aussitôt, pour s'opposer à ce mouvement, la flotte constantinopolitaine vint s'embosser εἰς τὸν λιμένα τοῦ ἁγίου Μάμαντος. Il s'ensuivit entre les navires des deux partis des combats quotidiens durant six mois. A la fin, la flotte d'Anastase II dut se replier au Neorion et alors περάσας ὁ Θεοδόσιος θρᾳκῷα ἐκράτησεν μέρη. Voilà les faits d'après Théophane[4]). La conclusion s'en dégage toute seule. Si les anastasiens mouillaient à Saint-Mamas pour empêcher le passage en Thrace des théodosiens campés à Chrysopolis, si du port Saint-Mamas les anastasiens se battaient avec les théodosiens concentrés au port de Chrysopolis, c'est que notre proasteion était en face de la petite ville bithynienne.

3. Conrad, le chef de la deuxième croisade, passa de Thrace en Bithynie par le Bosphore. Théodore Prodrome écrit de son passage:

καὶ φυγὰς ἐκ Βύζαντος οὐκ ἐπιστρέφων
περᾷ κατὰ Δάμαλιν ὁ πρὶν ἀδάμας
ὅλος δαμασθείς[5]),

---

[1]) Chronicon, *Migne*, P. G., t. CX, col. 944.

[2]) *Tafel*, Theodosii Meliteni qui fertur chronographia, Munich, 1899, p. 100.

[3]) *Théophane*, op. cit., a. 6255, p. 670, 20 Bonn.

[4]) Op. cit., a. 6207, p. 591 Bonn.

[5]) *G. Neumann*, Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert, Leipzig, 1888, p. 62.

et Cinname: τὸν Δαμάλεώς τε πορθμὸν διέβη καὶ ἐπὶ τῆς περαίας θᾶττον ἐγένετο[1]). C'est donc que la flottille grecque employée à transporter les troupes occidentales prenait terre, lors de chaque traversée, au cap Damalis, ou plutôt dans la baie qui se creuse tout contre ce cap, c'est-à-dire au port de Chrysopolis. Maintenant, où cette flottille embarquait-elle les Croisés? A Saint-Mamas, affirme Théodore Prodrome:

Ὁπόσοι γὰρ ἐπέρασαν ἐκεῖθεν ἀκουσίως
ἐκ τῶν μερῶν τοῦ Μάμαντος τοῦ νῦν περιβοήτου[2]).

Et cette indication est précieuse. Comme l'armée de Conrad atteignait 80000 hommes et que le basileus avait hâte de voir ces terribles barbares en Asie et que les embarcations disponibles étaient peu nombreuses, on peut affirmer que les passeurs byzantins déposaient les Allemands en face du lieu où ils les prenaient, sans allonger à plaisir la traversée du détroit. Saint-Mamas s'élevait donc vis-à-vis de Chrysoplis.

Cette conclusion, basée sur trois faits aussi indiscutables, montre suffisamment par elle-même où s'élevait notre proasteion par rapport au moderne Orta-Keuï. L'ignorerions-nous de ce côté, nous le saurions d'un autre et pourrions toujours dire que

I. *Saint-Mamas était au sud d'Orta-Keuï.* — En effet, les auteurs byzantins nous l'indiquent trois fois pour une.

1. De Saint-Mamas, Léon Ier voyait brûler Constantinople. Καὶ ἑώρα ἀπεκείσε, dit le patriographe anonyme[3]), τὴν πόλιν ἐμπρηζομένην. Or, de la rive européenne du Bosphore on n'a vue sur Constantinople, et seulement en partie, que si on reste en-deçà du Defterdar-Bournou, cap sur lequel s'appuie Orta-Keuï.

2. Du cirque Saint-Mamas, l'empereur Michel III et les spectateurs de ses prouesses hippiques pouvaient apercevoir le feu-signal installé au Phare dans l'enceinte du Palais Sacré. Συνέβη ποτὲ, dit Cedrenus[4]), τοῦ Μιχαὴλ κατὰ τὸν τοῦ μάρτυρος ναὸν μέλλοντος ἡνιοχῆσαι τὸν ἐκ τοῦ Φάρου ἀναφθῆναι πυρσόν· ὃν οὗτος θεασάμενος εἰς τοσοῦτον ἐνέπεσε φόβον, δέει τοῦ μὴ παροφθῆναι τὴν αὐτοῦ ἡνιοχείαν ὑπὸ τῶν θεατῶν διὰ τὴν ἀπαισίαν ἀγγελίαν, εἰς ὅσον . . . Or, qui se trouve sur la rive thrace du Bosphore ne peut voir l'emplacement de l'ancien Phare, contigu au Palais Sacré, que s'il reste au sud d'Orta-Keuï.

3. L'Anonyme de Banduri dans sa marche du sud au nord rencontre Saint-Mamas avant Saint-Phocas. Or, il n'y a que M. Gédéon[5]) à douter que Saint-Phocas ne soit le moderne Orta-Keuï. Ce nom byzantin ne s'est jamais perdu là. Pierre Gylles l'y rencontrait encore lors de son voyage[6]), et aujourd'hui même l'église orthodoxe du lieu ne s'appelle pas autrement[7]).

---

[1]) Historiarum l. II, 16, p. 80, 11, Bonn.
[2]) *E. Miller*, Recueil des historiens des Croisades: Historiens grecs, t. II, p. 758.
[3]) *Banduri*, op. cit., p. 51.
[4]) Historiarum compendium, p. 174, 21 Bonn.
[5]) Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, p. 171.
[6]) De Bosporo thracio, Lyon, 1561. II, 8, p. 95.
[7]) Μελισσηνὸς Χριστοδούλου, Ἡ Θράκη, Constantinople, 1897, p. 26.

Sur le Bosphore, c'est-à-dire au nord-est de Galata, en-deçà de Saint-Phocas, c'est-à-dire au sud d'Orta-Keuï, voilà notre proasteion resserré sur un tout petit espace de côte. Il ne reste, pour tout terminer, qu'à mettre un nom propre en avant, qu'à indiquer la localité assise aujourd'hui là où s'élevait la localité byzantine. Et nous pouvons aller jusque-là.

J. *Saint-Mamas était au moderne Béchik-Tach.* — Cela ressort des trois arguments que voici, et tout particulièrement du dernier.

1. Saint-Mamas, déjà placé en-deçà et au sud de Saint-Phocas, était si voisin de ce proasteion, alors secondaire, qu'il servait parfois à le désigner. C'est ainsi que la fête du martyr Phocas, au 6 juillet, est indiquée par tel livre liturgique εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα[1]) et par tel autre ἐν τῷ νέῳ παλατίῳ εἰς τὸν ἅγιον Μαμαντα[2]). Or, ce que l'on trouve immédiatement en-deçà et au sud d'Orta-Keuï c'est Béchik-Tach.

2. Aussitôt après avoir parlé de Saint-Mamas, l'Anonyme de Banduri dit un mot περὶ τῶν ζευκτῶν κιονίων[3]). Les ζευκτὰ κιόνια, *colonnes unies,* ont, à n'en pas douter, laissé leur nom dans Διπλοκιόνιον, *double colonne.* Et Diplokionion se confond avec Béchik-Tach, *Vicum quem Graeci hodie vocant Diplociona, Turci Bisitas,* écrivait déjà P. Gylles[4]), et cette double dénomination parallèle persiste encore aujourd'hui. Si Saint-Mamas était près du point où se dressaient les Zeukta Kionia, il faut le mettre sur le rivage qui porte Diplokionion ou Béchik-Tach.

3. Saint-Mamas, déclarent l'Anonyme des *Enarrationes*[5]), Suidas[6]), Michel Glycas[7]) et l'Anonyme de Banduri[8]), avait un pont de douze arches jeté sur un cours d'eau considérable en hiver, au mois de février surtout. Le seul ruisseau digne d'attention qui se trouve entre Galata et Orta-Keuï est le Flamour-Déré, le ruisseau de Béchik-Tach.

Et notre identification est terminée. C'est Béchik-Tach qui occupe aujourd'hui l'emplacement du Saint-Mamas byzantin, proasteion maritime et pératique de la banlieue thrace.

IV. Saint-Mamas urbain.

Les deux chapitres qui précèdent viennent de nous faire passer en revue un grand nombre de textes byzantins relatifs à Saint-Mamas. Mais il en existe d'autres chez les chroniqueurs et les hagiographes où ce même nom se lit avec des précisions topographiques dignes de remarque. Pourquoi ne les avons-nous pas

[1]) *H. Delehaye,* op. cit., col. 802, 38.
[2]) *H. Delehaye,* op. cit., col. 802, 36.
[3]) Op. cit., p. 51.
[4]) De Bosporo thracio, Lyon, 1561, II, 7, p. 83.
[5]) *Th. Preger,* Scriptores originum Constantinopolitarum, fasc. I, Leipzig, 1901, p. 33.
[6]) Sub verbo Μάμας.
[7]) Annalium l. IV, p. 492, 17 Bonn.
[8]) Op. cit., p. 51.

cités? Simplement parce qu'ils se rapportent à un point de Constantinople qui n'a de commun avec notre proasteion que le patronage du même saint et par suite l'homonymat. Occupons-nous de ce second Saint-Mamas et tout d'abord, avant de le rechercher d'étape en étape, disons son existence.

A. *Il existait un second Saint-Mamas.* — Ceci résultera clair comme le jour de tous les arguments qui seront invoqués ci-dessous, lorsqu'il s'agira d'établir la position du nouveau Saint-Mamas. Qu'il nous suffise donc ici de cette unique preuve.

Quelques pages avant le paragraphe qu'il consacre au Saint-Mamas du Bosphore, l'Anonyme de Banduri a toute une notice intitulée Περὶ τῆς μονῆς τὰ Ξυλοκέρκου ὁ ἅγιος Μάμας[1]). Or, chez lui, tout dédoublement de notices entraîne un dédoublement de lieux-dits. C'est donc qu'il existait un Saint-Mamas dit de Xylokerkos point du tout identique à celui du Bosphore.

Maintenant ce Saint-Mamas, différent du premier, se trouvait-il comme lui hors des murs de la capitale ou bien à l'intérieur de l'enceinte?

B. *Ce second Saint-Mamas était dans les murs.* — Et voici les deux ou trois témoignages qui le prouvent suffisamment.

1. Dans telle circonstance le saint Synode déclara au fameux Syméon le Jeune, higoumène de Saint-Mamas, que, s'il désobéissait, on le chasserait non seulement de son propre monastère, mais aussi de Constantinople: μὴ μόνον τῆς παρ' αὐτοῦ κτισθείσης μονῆς, ἀλλὰ καὶ πάσης τῆς μεγάλης ταύτης καὶ περιφανοῦς πόλεως[2]).

2. L'Anonyme de Banduri mentionne Saint-Mamas de Xylokerkos parmi les édifices intérieurs de la ville, avant d'arriver aux monastères de la banlieue qu'il range sous l'étiquette: τὰ ἔξω μοναστήρια[3]).

3. Jean Cantacuzène affirme expressément avoir eu un instant l'idée de prendre lui-même l'habit religieux à Saint-Mamas, et cela pour la raison que ce couvent s'élevait dans une belle situation et jouissait, pour un monastère urbain, d'une tranquillité remarquable: παρὰ τὸ τοῦ ἁγίου Μάμαντος φροντιστήριον θέσεως ἔχον εὐφυῶς καὶ ἐρημίας ἀπολαῦον ὡς ἐν πόλει μάλιστα . . .[4]).

Debout à Constantinople même, le monastère Saint-Mamas pouvait s'élever soit dans la partie centrale, soit dans l'un quelconque des quartiers excentriques. Où s'élevait-il?

C. *Le Saint-Mamas urbain était à une des extrémités de la ville.* — Il suffit pour l'établir d'apporter les témoignages qui attestent son voisinage avec les remparts ou avec l'une des portes.

1. Maurice et les siens furent ensevelis, déclarent Zonaras[5]) et l'Anonyme

---

[1]) *Banduri*, op. cit., p. 48.

[2]) Vie de saint Syméon le Jeune, № 53. Cette Vie est encore inédite. Ici et plus loin, les numeros que j'indique sont ceux de l'édition préparée par le R. P. L. Petit.

[3]) *Banduri*, op. cit., p. 49.

[4]) Historiarum l. IV, 16, (III, 107, 10 Bonn.).

[5]) Annalium XIV, 14 (III, p. 300, 23 Dind.).

de Sathas[1]), ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος τῷ πλησίον τοῦ τείχους, ou, dit Nicéphore Calliste[2]), ἐν τῷ νεῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος ἀγχοῦ τοῦ τείχους ᾧ Ξυλόκερκος ὄνομα.

2. Les trois tombeaux de Maurice et des siens furent, sous Romain Lécapène, transférés hors de la maison religieuse de Saint-Mamas τῆς πλησίον οὔσης τῆς Ξηροκέρκου λεγομένης πόρτης, comme dit un chroniqueur anonyme[3]), ou τῆς πλησίον οὔσης τῶν Ξυλοκέρκου λεγομένης πόρτης, comme dit Georges Hamartole[4]).

Ici, comme le pourtour de Constantinople était partie baigné par les flots et partie non, une nouvelle question se pose: Saint-Mamas était-il près du mur maritime ou du mur terrestre?

D. *Saint-Mamas, monastère urbain, était près du mur terrestre.* — Un seul fait, mais convaincant, le prouve avec la dernière évidence.

Les Allemands de Frédéric Barberousse, vaticinait un je ne sais qui à l'approche de la troisième Croisade, les Allemands entreront dans Constantinople par la petite porte de Xylokerkos, διὰ τῆς λεγομένης Ξυλοκέρκου πυλίδος[5]). Aussitôt, effrayé, Isaac l'Ange fit murer l'entrée fatale, τὴν Ξυλοκέρκου[6]). Les croisés de Barberousse, nul ne l'ignore, étaient des troupes de terre; ils n'avaient pas une seule barque. Si la Xylokerkos était susceptible de leur livrer passage, c'est qu'elle s'ouvrait sur le mur terrestre. Et Saint-Mamas, voisin de Xylokerkos, était près de ce mur terrestre.

Le rempart terrestre de Constantinople court de la Marmara à la Corne d'Or. Près de la mer, il forme avec le rivage le coin sud-ouest de la ville; près du golfe, il forme avec la rive le coin nord-ouest de la capitale. Saint-Mamas se trouvait-il dans l'un de ces deux coins, ou bien s'élevait-il entre deux, face à la partie centrale du mur terrestre?

E. *Saint-Mamas s'élevait, sinon tout-à-fait au coin sud-ouest, du moins dans la région sud-ouest de Constantinople.* — Les textes byzantins ne le disent pas formellement, mais le site bien connu des monuments qu'ils donnent pour voisins à Saint-Mamas de Xylokerkos ne laisse aucun doute à cet égard. Les monuments en question sont Saint-Jean Baptiste τῶν Στουδίου et Saint-André ἐν κρίσει.

1. Quand Syméon le Jeune persécuté au Stoudion quitta ce monastère, ce fut, dit son biographe[7]), pour se réfugier πρὸς Ἀντώνιον ἐκεῖνον, τὸν τηνικαῦτα τῇ ἀρετῇ περιβόητον, ἡγούμενον ὄντα τῆς ἀγχοῦ παρακειμένης μονῆς τοῦ ἁγίου Μάμαντος. Saint-Jean Baptiste de Stoudion et Saint-Mamas de Xylokerkos étaient donc voisins.

---

[1]) Bibliotheca graeca medii aevi, t. VII, p. 106.

[2]) Historia ecclesiastica, XVIII, 41, *Migne*, *P. G.*, t. CXLVII, col. 412.

[3]) Romanus Lacapenus, 11, p. 404, 1 Bonn.

[4]) Chronicon p. 896, 5 Bonn.

[5]) *Nicétas Khoniatès*, De Isaacio Angelo, II, 4, p. 528, 19 Bonn.; cf. *Anonyme de Sathas*, Bibliotheca graeca medii aevi, t. VII, p. 390.

[6]) Ibid., p. 529, 1.

[7]) Vie de saint Syméon le Jeune, № 17.

2. La fête du martyr iconophile André le Crétois se célébrait là où reposait son corps, c'est-à-dire à Saint-André ἐν κρίσει. Or, au lieu de l'indiquer ainsi, tel manuscrit liturgique du XIIe siècle emploie, au 19 octobre, la paraphrase suivante: τελεῖται ἡ αὐτοῦ σύναξις ἐν τῇ μονῇ τοῦ Κανστρισίου πλησίον τοῦ ἁγίου Μάμαντος[1]). Saint-André in Crisi et Saint-Mamas étaient donc voisins.

3. Le monastère de Saint-André in Crisi s'élevait tout près de celui d'Aristiné, car nous lisons dans G. Pachymère: τῷ τῆς Ἀριστινῆς μονυδρίῳ, ἐχόμενά που κειμένῳ τῆς τοῦ ἁγίου Ἀνδρέου τοῦ ἐν τῇ κρίσει μονῆς[2]). Or, le monastère d'Aristiné était en face de celui de Saint-Mamas, car nous lisons dans le Typikon de Georges Kappadokès: τὴν σεβασμίαν μονὴν τοῦ περιωνύμου ἁγίου μάρτυρος Μάμαντος, τὴν κατάντικρυ μὲν τῆς κοινοβιακῆς γυναικείας μονῆς τῆς Ἀριστινῆς διακειμένην, πλησίον δὲ τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ Ἰασίτου[3]). Saint-André in Crisi et Saint-Mamas étaient donc voisins.

L'église de Stoudion survit aujourd'hui dans Imrakhor-Djami et celle de Crisis dans Khodja-Moustapha-Djami. Voisin de ces deux édifices, Saint-Mamas demande que l'on indique son emplacement avec une approximation encore plus grande. Nous pouvons le faire, je crois. Nous pouvons dire que

F. *Saint-Mamas se trouvait au quartier de Belgrad, devant Belgrad-Kapou.* — Pareile conclusion ressort, en effet, de tout ce qui précède et pour l'établir il n'y a qu'à se rappeler quelques-uns des textes apportés ci-dessus.

Ces textes ont montré que notre monastère, debout tout proche Stoudion et Crisis, s'élevait près d'une porte de modestes dimensions, près d'une πυλίς ménagée dans le mur terrestre. Or, quelle est la seule porte secondaire qui perce, qui ait jamais percé le mur terrestre à proximité de Stoudion et de Crisis? C'est Belgrad-Kapou.

Terminons sur ce mot nos recherches autour du second Saint-Mamas. Le Saint-Mamas de la ville, dit communément de Xylokerkos, est à fixer au quartier de Belgrad.

V. Réfutation des opinions contraires.

Ou je m'abuse fort, ou les pages que l'on vient de lire n'ont dû laisser aucun doute sur l'existence de deux Saint-Mamas distincts: l'un, connu surtout comme palais imperial, dans la banlieue, sur la rive européenne du bas Bosphore; l'autre, uniquement signalé comme couvent, à l'intérieur des murs, dans la région sud-ouest de Constantinople. Mais ces pages seraient incomplètes et ne satisferaient pas assez le lecteur, si elles ne recherchaient encore la genèse des opinions topographiques contraires et ne montraient la fragilité des bases qui ont servi d'appui à nos devanciers.

---

[1]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 149, 40.

[2]) *De Andronico Palaeologo*, II, 10, (II, p. 133, 14 Bonn.).

[3]) *А. Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей, I, Kiev, 1895, p. 710.

M. Th. Ouspensky, si bien inspiré en transportant le palais de Saint-Mamas sur le Bosphore, M. Th. Ouspensky a péché en fixant là aussi le grand monastère de même nom. La cause de cette erreur se trouve, pour une large part, dans la vie de saint Théodose de Tirnovo. Quand Théodose vint à Constantinople, y est-il dit, „le patriarche l'envoya dans son monastère dédié au saint mégalomartyr Mamas. C'était une demeure complétement solitaire, située hors de la capitale, loin de tout voisinage mondain. L'on n'y entendait aucune voix humaine; l'on ne pouvait s'en approcher aisément: c'était un endroit éloigné du monde. L'illustre monastère abritait des imitateurs de Mamas, de ce divin témoin du Christ qui, fuyant la cour et ses plaisirs, s'était retiré dans les montagnes et y menait la vie de berger". Ainsi parle l'hagiographe[1]).

Ses dires sont tels qu'il y aurait folie à vouloir prétendre qu'ils ne visent pas un couvent suburbain. Seulement, ce couvent suburbain du XIV siècle peut-il s'identifier avec le couvent byzantin de même nom signalé aux siècles précédents par un si grand nombre d'auteurs? Evidemment non. Le grand monastère Saint-Mamas des auteurs, monastère fondé par Pharasmanès, restauré par Gordia, cité pour les tombeaux de Maurice et de sa famille, illustré par l'higoumène saint Syméon le Jeune, relevé et doté d'un typikon par les soins de Georges Kappadokès, désiré comme lieu de retraite par Jean Cantacuzène, ce monastère-là est celui de la Xylokerkos, et le Saint-Mamas de la Xylokerkos ne saurait, nous l'avons vu, se placer hors des murs de Constantinople. D'où il suit qu'une maison religieuse dédiée à Saint-Mamas existait au XIV siècle différente de la maison religieuse bâtie à la Xylokerkos. Quant à déterminer son emplacement, quant à dire sur quel point de la banlieue saint Théodose de Tirnovo la rencontra, je ne l'ose. Elle pouvait s'élever dans le proasteion bosphoréen; elle pouvait aussi, et tout aussi bien, s'élever en quelque autre site plus retiré, au moderne Aïmama-Déré par exemple

De même que M. Ouspensky et M. Richter ont trouvé le véritable emplacement du palais Saint-Mamas, de même M. Gédéon a failli placer au bon endroit le monastère Saint-Mamas de Georges Kappadokès[2]). Pourquoi faut-il que, venu si près du but, il soit resté en route à Psammatia, ἐν Ὑψωμαθείοις? Cette erreur topographique lui eût été impossible s'il n'avait commencé d'abord à se tromper en n'identifiant pas le monastère Saint-Mamas de Georges Kappadokès avec le monastère Saint-Mamas de Syméon le Jeune.

Les deux personnages en question nous mettent en face du même couvent. Le Saint-Mamas de Syméon s'élève près de Saint-Jean Baptiste de Stoudion. Le Saint-Mamas de Georges s'élève près de Saint-André in Crisi. Saint-Jean Baptiste de Stoudion et Saint-André in Crisi, très proches voisins, appartiennent tous deux au même quartier de la ville. Le couvent Saint-Mamas debout dans le voisinage

---

[1]) Лѣтопись Ист.-Фил. Общ. при Новоросс. Унив., Виз. Отд. т. I., стр. 75.

[2]) Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, p. 164.

de l'un au XIe siècle n'a aucune raison de ne pas être le couvent Saint-Mamas debout dans le voisinage de l'autre au siècle suivant.

Identifié au Saint-Mamas de Syméon, le Saint-Mamas de Georges refuse de se laisser asseoir à Psammatia. Il lui faute de toute nécessité un emplacement qui justifie la formule: Ἅγιος Μάμας πλησίον τῆς Ξυλοκέρκου πόρτης. Psammatia ne peut lui offrir pareil emplacement. Psammatia, sans doute, a ses portes, mais celles-ci percent toutes le mur maritime, et c'est d'une porte dans le mur terrestre, nous l'avons vu, qu'il s'agit avec la Xylokerkos.

Pour le Saint-Mamas où Michel III l'Ivrogne s'adonnait à son amour effréné des chevaux et des chars, M. Gédéon suit l'opinion de Paspati. Celui-ci, comme il a été dit, met ce Saint-Mamas à l'Aïmama-Déré, dans la vallée thrace tributaire de la Marmara. Pourquoi? Parce que Génésios, mentionnant les occupations hippiques de Michel III, indique son hippodrome ἐν τοῖς κατὰ Προποντίδα παλατίοις περιφανέσιν, ἔνθα ναὸς τοῦ μεγαλομάρτυρος Μάμαντος ᾤδρασται [1]).

A première vue, évidemment, les deux mots κατὰ Προποντίδα font penser à la Marmara. Mais Génésios n'est pas le seul chroniqueur byzantin. Ce que son expression a de vague ou de moins précis doit être compris à la lumière des passages parallèles que donnent les autres auteurs. Or, parmi les autres auteurs, nous en avons déjà rencontré trois qui, au lieu de κατὰ Προποντίδα, écrivent ἐν Στενῷ [2]), ou ἐν τῷ Στενῷ [3]), ou κατὰ τὸ Στενὸν [4]). A leur triple témoignage ajoutons celui du continuateur anonyme de Théophane. Son texte porte κατὰ τὸν ἐν Εὐξείνῳ ἀνεγηγερμένον ναὸν τοῦ ἁγίου Μάμαντος [5]), mais le mot Εὐξείνῳ doit y être remplacé par Στενῷ, comme l'insinue la traduction latine qui a *Ad Sancti Mamantis in Steno templum* [6]), comme le prouve surtout la phrase identique de Cedrenus, je devrais dire de Skylitzès, qui écrit κατὰ τὸν ἐν Στενῷ ἀνεγηγερμένον ναὸν τοῦ ἁγίου Μάμαντος [7]). Dans Génésios donc le mot Προποντίς s'applique par extension au bas Bosphore. Et cette extension n'a rien qui surprenne. On comprendrait moins au contraire, ou plutôt l'on ne comprendrait pas du tout que le mot Στενὸν pût désigner la Propontide à hauteur de l'Aïmama-Déré.

D'ailleurs, d'autres preuves existent qui nous forcent à ne point laisser le fameux cirque, le fameux hippodrome Saint-Mamas dans cette vallée. Ainsi, par exemple, Constantin Copronyme ordonna que Pierre le Calybite tué ἐν τῷ ἱππικῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος fût jeté ἐν τῷ ῥεύματι [8]): où trouvez-vous le moindre ῥεῦμα à Aïmama-Déré? Ainsi encore Croum, en razzia ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι, fit enlever

---

[1]) Regum IV, p. 102, 10 Bonn.
[2]) *Cedrenus*, Hist. compendium, IV, p. 174, 1 Bonn.
[3]) *Glycas*, Annalium l. IV, p. 548, 4 Bonn.
[4]) *Zonaras*, Annalium l. XVI, 6 (IV, p. 16, 2 Dind.).
[5]) Michael Theophili filius, 84, p. 197, 9 Bonn.
[6]) *Migne, P. G.*, t. CIX, col. 211.
[7]) *Cedrenus*, loc. cit.
[8]) *Théophane*, op. cit., a. 6258, p. 667, 9 Bonn.

τὸν χαλκοῦν λέοντα τοῦ ἱππικοῦ[1]) par ceux de ses hommes qui venaient de ravager la rive septentrionale du Khrysokéras et allaient ravager la rive occidentale du Bosphore[2]): comment est-ce entre le Khrysokéras et le Bosphore que l'on trouve Aïmama-Déré? Ainsi de même, après l'assassinat de Michel III, pour entrer le plus vite possible de Saint-Mamas à Constantinople, Basile et ses complices furent obligés de prendre une barque et même, la mer étant démontée, de la prendre au Perama[3]), qui est Galata: va-t-on s'embarquer, et surtout s'embarquer à Galata, pour atteindre rapidement la ville quand on vient d'Aïmama-Déré?

Ceci dit contre Paspati et M. Gédéon, nous arrivons au bloc des topographes favorables à la Corne d'Or. Qu'ils mettent Saint-Mamas moitié au nord du golfe et moitié au sud, comme le fait Skarlatos Byzantios, ou, comme le fait Stavraki bey Aristarchi, uniquement au nord, ou, comme le font tous les autres, uniquement au sud, leur attachement pour le Khrysokéras repose sur des raisons identiques susceptibles d'être exposées, réfutées aussi, en même temps.

A. Telle démonstration militaire de Constantin V, disent-ils, indique nécessairement la position de Saint-Mamas entre la porte de Kharsios et la Corne d'Or.

Pour réfuter ce premier argument, il suffit d'exposer le fait. Le voici d'après Théophane. C'était en septembre 742, Artavasde révolté occupait Constantinople. Passé d'Asie en Europe par les Dardanelles, Sisinnios, général de Constantin, vint aligner son armée sous le mur terrestre de la capitale. De son côté, passant d'Asie en Europe par le Bosphore, l'empereur se trouva bientôt, lui aussi, ἐν τοῖς θρακῴοις μέρεσι. Alors, un jour, il se rendit à la porte de Kharsios, marcha sous les remparts jusqu'à la Porte Dorée, puis revint et campa à Saint-Mamas: ἐλθὼν ἐπὶ τὴν Χαρσίου πόρταν διέδραμεν ἕως τῆς Χρυσῆς Πόρτης ἑαυτὸν τοῖς ὄχλοις ἐπιδεικνύων, καὶ πάλιν ὑπέστρεψεν καὶ ἠπλίκευσεν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα[4]). Où voyez-vous là chose quelconque qui force à mettre Saint-Mamas entre la porte kharsienne et la Corne?

Examinés dans leur ensemble, les événements de septembre 742 indiquent plutôt que le proasteion se trouvait hors du Khrysokéras. En effet, quartier-général de Constantin V, Saint-Mamas servait en même temps de point d'appui à la flotte de ses fidèles Kibyrrhéotes, qui lui assurait la possession du Bosphore et la police de la Propontide. Or, de son côté, le rebelle Artavasde avait également une flotte à lui, réunie dans le port de Constantinople. Cela étant, on ne peut supposer que les Kibyrrhéotes mouillaient au fond du Khrysokéras. Ils y auraient couru le risque de se laisser enfermer dans une souricière. A chacun de leur mouvement, à chacune de leur manœuvre d'entrée ou de sortie, ils auraient dû défiler à la proue des vaisseaux ennemis, exposés de flanc aux désastreux effets de leur feu grégeois. Ils ne firent point pareille sottise.

---

[1]) *Théophane*, op. cit., a. 6305, p. 786, 1 Bonn.
[2]) *Sym. Magister*, Annales: Leo Armenius, 9, p. 614 Bonn.
[3]) *Sym. Magister*, Annales: Michael, 48, p. 685, 12 Bonn.
[4]) Chronographia, a. 6235 p. 646, 3 Bonn.

B. Les topographes, tel M. A. van Millingen[1]), établissent une relation très étroite entre Saint-Mamas et les Blakhernes en s'appuyant sur ces mots de Théophane: ἐν ταῖς Βλαχέρναις ... ἐν τῷ ἱππικῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος.

Ici encore, pour réfuter l'argument, une bonne intelligence du texte invoqué suffit. En fait, la phrase complète du chronographe est celle-ci: Ἀνδρέαν[2]) τὸν ἀοίδιμον μοναχὸν τὸν λεγόμενον Καλυβίτην ἐν Βλαχέρναις διὰ μαστίγων ἐν τῷ ἱππικῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος ἀπέκτεινεν[3]). Y regarder ἐν τῷ ἱππικῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος comme une apposition à ἐν Βλαχέρναις constitue un gros contre-sens. C'est *aux Blakhernes* que le Calybite vivait sa vie de moine dans un réduit quelconque; c'est *à Saint-Mamas* qu'il souffrit le martyre dans le cirque: le théâtre de son ascèse et le théâtre de sa mort ne sont ni le même lieu, ni des lieux nécessairement très rapprochés. Mettez, bien que M. C. de Boor ne l'ait point fait[4]), mettez dans le texte de Théophane une virgule après Βλαχέρναις.

C. D'après les topographes, d'après M. A. van Millingen en particulier[5]), Saint-Mamas devait se trouver tout près du Cosmidion puisque les Bulgares de Croum, campés là, purent le ravager si facilement.

Ce que prouve la razzia de Croum, nous l'avons vu. Elle établit avec la dernière évidence que Saint-Mamas n'était point du tout à côté des Saints-Cosme et Damien de la Corne d'Or. En effet, dans leur récit très circonstancié, les chroniqueurs ne le mentionnent qu'après avoir fait ravager toute la rive nord du Khrysokéras, qu'au moment de faire saccager toute la rive ouest du Bosphore.

D. En dehors de cette razzia, insistent les topographes, il est un second fait qui montre Saint-Mamas voisin des Saints-Cosme et Damien. Au printemps 865, dit tel chroniqueur[6]), le parakimomène Damien disgracié fut relégué au proasteion Saint-Mamas et contraint de prendre l'habit religieux. Sous Théophile et Michel III, portent le Pseudo-Codinus[7]) et son plagiaire anonyme[8]), le parakimomène Damien construisit le monastère dit τὰ Δαμιανοῦ. Comment ne pas rapprocher les deux affirmations? A coup sûr, le fonctionnaire déchu prit le froc dans le monastère qu'il avait bâti ou plutôt restauré et ce monastère doit être identifié à celui des Saints-Cosme et Damien dont l'un des deux protecteurs était son propre patron. L'on a donc ainsi une fois de plus un Saint-Mamas limitrophe du Cosmidion.

Ce raisonnement n'a qu'un défaut, c'est de confondre le monastère des saints Cosme et Damien avec le monastère appelé τὰ Δαμιανοῦ. Les deux couvents sont parfaitement distincts. Les patriographes en parlent sous deux rubriques diffé-

---

[1]) Byzantine Constantinople, p. 90, note.
[2]) Nous verrons plus tard qu'il faut lire Πέτρον.
[3]) Chronographia, a. 6253, p. 667, 6 Bonn.
[4]) Chronographia, t. I, p. 492, 17 et t. II, p. 652.
[5]) Op. et loc. cit.
[6]) *Georges Hamartole*, Chronicon V, 22, p. 827, 20 Bonn.; *Tafel*, op. cit., p. 169.
[7]) Op. cit., p. 116, 5.
[8]) Op. cit., p. 51.

rentes. Le premier s'élevait sur la rive sud du Khrysokéras. Le second était debout sur la rive ouest du bas Bosphore. Tout le monde reconnaît l'emplacement du premier dans Eyoub. Les descripteurs byzantins de Constantinople et de sa banlieue placent le second à côté de Saint-Phocas, qui est Orta-Keuï: le Pseudo-Codinus le cite immédiatement avant, l'Anonyme de Banduri immédiatement après. D'où il suit bien, certes, que notre Ἅγιος Μάμας et τὰ Δαμιανοῦ étaient dans le voisinage l'un de l'autre, dans un voisinage très étroit; mais ils ne s'élevaient pas à l'ouest de la ville, mais ils ne s'élevaient pas sur les bords de la Corne d'Or.

E. Saint-Mamas. poursuivent les topographes, était un proasteion situé tout ensemble près des remparts, comme l'affirment divers auteurs, et près des flots, comme en témoignent quantité de textes. Ce double voisinage ne peut se vérifier pour un proasteion que sur la côte de la Corne, entre Haïvan-Séraï et Eyoub, ou sur la côte de la Marmara, entre Yédi-Koulé et Makri-Keuï. Des deux emplacements, le seul qu'il faut choisir et qui s'impose, c'est, étant donné les relations de Saint-Mamas avec le Cosmidion et les Blakhernes, c'est l'emplacement riverain de la Corne d'Or.

Rappelons pour toute réponse la distinction faite aux chapitres précédents et la réfutation développée dans les paragraphes ci-dessus. D'abord la distinction. Le monastère Saint-Mamas situé près des remparts n'a aucune relation topographique avec le palais Saint-Mamas situé près des flots. Inutile donc de rechercher un site qui réponde aux deux voisinages à la fois. Ensuite la réfutation. Ni le Cosmidion ni les Blakhernes ne sont mis par les auteurs byzantins en relation quelconque avec Saint-Mamas, monastère ou palais. Monastère et palais peuvent donc aller, chacun de son côté, loin du Khrysokéras.

F. Les topographes se prononcent encore pour la Corne d'Or par ce fait que le fameux pont de Saint-Mamas, pont de douze arches, ne pouvait que se trouver sur le golfe.

Pareil argument n'a rien de sérieux. Il revient à identifier le pont de Saint-Mamas avec le pont des Blakhernes. Et les topographes, en effet, affirment presque tous très expressément cette identification. Mais où, dans quel auteur byzantin, dans quel texte grec, le pont des Blakhernes se trouve-t-il nommé une seule fois *pont de Saint-Mamas?* Est-il un événement, un seul, que tel livre historique, liturgique ou autre place au pont Saint-Mamas et que tel autre livre historique, liturgique ou autre place au pont des Blakhernes? Personne encore n'en a fourni le moindre exemple, que je sache.

Il y a plus. C'est son importance et ses dimensions considérables qui exigent dit-on, que le pont Saint-Mamas soit sur la Corne. Mais voici: pour exalter ses vastes proportions, l'Anonyme de Banduri ne trouve rien de mieux que de le comparer au pont de Chalcédoine. Εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα, écrit-il[1]), ἵστατο γέφυρα

[1]) Op. cit., p. 51.

μεγάλη ὁποία τῆς Χαλκηδόνος. La construction de Chalcédoine rivalisait donc, si elle ne la dépassait, avec celle de Saint-Mamas. Or, à Chalcédoine je ne connais ni Corne d'Or, ni rien qui lui ressemble. C'est donc qu'un pont pouvait exister, digne de remarque, sans être sur autre chose qu'une petite rivière, qu'un humble ruisseau.

Ce n'est pas tout. La raison du pont Saint-Mamas, disent les auteurs, c'était la présence là d'un ποταμός, et d'un ποταμός particulièrement gros au mois de février. Ποταμὸς ... παμμεγέθης καὶ μάλιστα ... τῷ φεβρουαρίῳ μηνί, dit l'Anonyme des *Enarrationes*[1]); γέφυρα ἐπὶ μεγάλῳ ποταμῷ, écrit Glycas[2]); ποταμὸς ... παμμεγέθης καὶ μάλιστα τῷ φευρουαρίου μηνί, répète l'Anonyme de Banduri[3]). La Corne d'Or est-elle un ποταμός? La Corne d'Or grossit-elle, à hauteur d'Eyoub et d'Haïvan-Séraï, durant le mois de février?

Ainsi, l'importance du pont ne prouve en rien que ses arches fussent jetées sur le Khrysokéras. Cette importance, d'ailleurs, est-elle chose bien assurée? On peut en douter, et pour divers motifs.

D'abord, l'Anonyme des *Enarrationes,* chez qui les autres auteurs byzantins ont peut-être pris tout ce qu'ils en disent, l'Anonyme nous présente tour à tour la même construction comme un pont monumental et comme un ponceau. Il dit pour commencer: γέφυρα φοβερὰ περὶ δώδεκα λόφους καὶ καμάρας ἔχουσα; mais il ajoute au bout de trois lignes: ἐν τῷ γεφυρίῳ ἐκείνῳ[4]).

Ensuite, les auteurs parlent toujours du pont comme d'une chose disparue. Ἐν δὲ τῷ ἁγίῳ Μάμαντί ποτε ἵστατο γέφυρα, dit le plus ancien des anonymes[5]); εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα ἵστατο γέφυρα, dit l'autre[6]); ἐν τῷ ἁγίῳ Μάμαντι γέφυρα ἦν, écrit Suidas[7]); κατὰ τὸν ἅγιον Μάμαντα γέφυρα ἦν, écrit Glycas[8]). C'est toujours le passé qu'ils emploient, montrant ainsi qu'ils parlent légende et pas histoire.

Ils emploient le passé même pour l'eau, même pour le cours d'eau qui avait nécessité le pont. Ils écrivent: ὕδατα κατήρχοντο; ils écrivent: ποταμὸς κατήρχετο. Jamais le présent. Chose plus grave, lorsque l'Anonyme le plus ancien parle de la crue de son grand ποταμός en février, lui qui appartient à Constantinople et vit sur les lieux, ce n'est pas comme d'un fait avéré, mais bien comme d'une sornette courante: παμμεγέθης καὶ μάλιστα, ὡς ἔλεγον, τῷ Φεβρουαρίῳ μηνί. Ajoutez que le mot ποταμός n'éveille pas nécessairement l'idée d'un Mississipi; il s'applique aux cours d'eau les plus microscopiques. Etienne de Byzance, par exemple, définit le rivage du moderne Haïdar-Pacha: αἰγιαλὸς ὕπτιος Ἱμέρῳ ποταμῷ καταρδόμενος[9]).

---

[1]) *Preger*, op. cit., p. 33.
[2]) Annalium l. IV, p. 492, 17 Bonn.
[3]) Op. cit., p. 51.
[4]) *Preger*, op. cit., 33.
[5]) *Preger*, ibid.
[6]) *Banduri*, op. cit., p. 51.
[7]) Sub verbo Μάμας.
[8]) Op. et. loc. cit.
[9]) *Muller*, Fragmenta historicorum graecorum, t. V, p. 190.

Or, tous les habitants de Haïdar-Pacha, tous ceux du moins qui ont remarqué son existence, vous diront que leur grand fleuve a de l'eau, l'hiver, un peu. L'immense fleuve de Saint-Mamas était quelque chose dans ce genre, un vilain petit ruisseau gonflé en torrent par les pluies de février, peut-être, mais grossi surtout par la fable à cause de son prétendu dragon.

Quand bien même ceci ne serait point juste, un fait reste: c'est que, tous les auteurs sans exception plaçant le pont de Saint-Mamas sur un ποταμός, ce pont n'était point sur la Corne d'Or. Plusieurs topographes modernes l'ont reconnu. Aussi, désireux de ne pas heurter de front les textes byzantins tout en conservant le proasteion au lieu traditionnel, ils ont imaginé de transporter le pont tout au fond de la Corne, à l'embouchure des deux rivières qui prolongent le golfe en marais. Très bien; mais, ce faisant, ils n'ont échappé à une difficulté que pour tomber dans une autre. En effet, entre le fond de la Corne d'Or et l'emplacement qu'ils assignent à Saint-Mamas s'étend le long espace de côte qui porte Eyoub. Et comment un pont jeté si loin, en un point ainsi coupé de Saint-Mamas par le Cosmidion, serait-il appelé pont de Saint-Mamas?

D'ailleurs, mythologique ou réel, grand ou petit, le pont Saint-Mamas est forcé, de par les patriographes eux-mêmes, de rester sur le Flamour-Déré, à Béchik-Tach. C'est là, d'abord, au nord-est et à l'extérieur de la Corne, que, pour le rappeler d'un mot, nous transporte l'ordre topographique de leur description. Mais en outre, ils ornent leur pont Saint-Mamas d'un monument que d'autres sources très sûres attribuent d'une manière formelle au proasteion bosphoréen. Le pont Saint-Mamas, écrivent les topographes[1]), était autrefois le repaire d'un dragon en chair et en os: c'est en souvenir de ce monstre qu'on y dressa plus tard un dragon de bronze. Ἔνθα καὶ δράκων ἵστατο χαλκοῦς παμμεγέθης διὰ τὸ λέγειν τινὰς δράκοντα κατοικεῖν ἐν τῷ γεφυρίῳ ἐκείνῳ. Or, ce dragon de bronze, les chroniqueurs le mentionnent aussi et c'est pour dire qu'il devint la proie de Croum et de ses Bulgares en 813. Les barbares enlevèrent, dit tel auteur[2]), τὸν χαλκοῦν λέοντα τοῦ ἱππικοῦ σὺν τῷ δράκοντι τοῦ ὑδρείου, ou, comme dit tel autre[3]), τὸν χαλκοῦν λέοντα τοῦ ἱππικοῦ σὺν τῇ ἄρκτῳ καὶ τῷ δράκοντι τοῦ ὑδρείου. Et ils enlevèrent cela, affirment ces chroniqueurs, à Saint-Mamas. Le Saint-Mamas razzié par Croum, nous l'avons prouvé, se trouvait au nord-est et à l'extérieur de la Corne, sur le bas Bosphore. Il est donc impossible, le pont du dragon appartenant à ce Saint-Mamas, de fixer le dit pont sur l'embouchure des deux rivières qui se jettent dans le fond du golfe, aux Eaux-douces d'Europe.

G. D'asseoir leur Saint-Mamas aux Blakhernes, les topographes trouvent une raison dernière dans son voisinage avec la porte de Xylokerkos. Et ici la question vaut, si je ne me trompe, d'être traitée en un chapitre spécial.

[1]) *Preger*, op. cit., p. 33; *Suidas*, s. v. Μάμας; *Banduri*, op. cit. p. 51.
[2]) *Théophane*, a. 6305, p. 786, 1 Bonn.
[3]) *Georges Hamartole*, Chronicon p. 765, 9 Bonn.; *Tafel*, op. cit., p. 143.

VI. La porte Xylokerkos.

Saint-Mamas s'élevait contre la porte Xylokerkos. Or, la porte Xylokerkos perçait le mur théodosien non loin des Blakhernes. Donc Saint-Mamas avoisinait les Blakhernes. Tel est, d'un mot, l'altime argument des topographes.

Qu'un Saint-Mamas voisinât la porte de Xylokerkos ou, pour employer une seconde forme très fréquente, de Xérokerkos, rien de plus vrai. Nous le lisons dans une foule d'auteurs. Dans Constantin Porphyrogénète: ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Μάμαντος πλησίον τῆς πόρτης τῆς Ξυλοκέρκου[1]). Dans tel Anonyme: ἐκ τῆς τοῦ ἁγίου Μάμαντος ἀνδρείας μονῆς, τῆς πλησίον οὔσης τῆς Ξηροκέρκου λεγομένης πόρτης[2]). Dans Georges Hamartole: ἐκ τῆς τοῦ ἁγίου Μάμαντος μονῆς ἀνδρείας, τῆς πλησίον οὔσης τῶν Ξυλοκέρκου λεγομένης πόρτης[3]). Dans Georges Cedrenus: ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Μάμαντος, πλησίον τῆς Ξυλοκέρκου πόρτης[4]). Dans Nicéphore Calliste: τῷ νεῷ τοῦ μάρτυρος Μάμαντος ἀγχοῦ τοῦ τείχους ᾧ Ξυλόκερκος ὄνομα[5]). Dans l'anonyme de Banduri: τῆς μονῆς τὰ Ξυλοκέρκου, ὁ ἅγιος Μάμας[6]). Dans les manuscrits contenant soit la vie et les œuvres, soit la vie ou les œuvres de saint Syméon le Jeune: μονῆς τοῦ ἁγίου Μάμαντος τῆς Ξηροκέρκου[7]). L'assertion des topographes est donc pleinement fondée qui juxtapose Saint-Mamas et la Xylokerkos.

Mais est-il vrai que celle-ci perçait le mur théodosien près des Blakhernes?

La Xylokerkos compte à coup sûr parmi les portes les moins connues de l'enceinte constantinopolitaine. L'origine même de son nom est discutée. S'il fallait en croire les patriographes[8]), la grande quantité d'eau rencontrée par les ouvriers chargés d'en jeter les fondements aurait mis ceux-ci dans la nécessité d'employer des κέρκους καὶ παντουρώματα μετὰ ξύλων et de là serait venu le mot Xylokerkos. Mais les auteurs modernes, peu satisfaits d'une pareille étymologie, préfèrent à bon droit mettre en avant le Xylokerkos ou cirque en bois que l'empereur Constantin, dit Sozomène[9]), μήπω τὴν πόλιν συνοικίσας εἰς ἱπποδρόμου θέαν ἐκάθηρε ξύλοις περιτειχίσας.

Près du Xylokerkos, sinon dedans, se réunissaient au commencement du Ve siècle les johannites, ces partisans de saint Jean Chrysostome qui ne voulaient pas communiquer avec les successeurs du grand évêque: ils y gagnèrent, comme on

---

[1]) De Cerimoniis, p. 646, 20 Bonn.

[2]) Romanus Lacapenus, 11, p. 403, 22 Bonn.

[3]) Chronicon, p. 896, 5 Bonn.

[4]) Historiarum compendium, I, p. 707, 11 Bonn.

[5]) Historia Ecclesiastica, XVIII, 41, *Migne*, P. G., t. CXLVII, col. 412.

[6]) Imperium orientale, p. 48.

[7]) Codex 1696 de Paris, *Bollandiani*, Catalogus codicum hagiographicorum graecorum bibliothecae nationalis Parisiensis, Paris, 1896, p. 279; Codex 390 de Patmos, *G. Sakkelion*, Πατμιακὴ βιβλιοθήκη, Athènes 1890, p. 177; Codex 18 du Syllogue grec de Constantinople, Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, supplément archéologique aux t. XX–XXII, p. 119; codices 3750, 4 et 3754, 1 de l'Athos, *S. Lambros*, Catalogue of the Greek manuscripts on mount Athos, 3750, 4; 3754, 1 etc., t. I, p. 364, 367 etc.

[8]) *Pseudo-Codinus*, op. cit., p. 110, 6; Anonyme de Banduri, op. cit., p. 44.

[9]) Historia ecclesiastica, VIII, 21, *Migne*, P. G., t. LXVII, p. 1569.

l'apprend dans les historiens ecclésiastiques[1]), d'être appelés Xylokerkites. Par malheur, ceci n'indique en rien la position du cirque. Ne l'indique pas davantage l'auteur qui nous montre la tête du fils d'Attila plantée, sous Léon Ier, εἰς τὸν Ξυλόκιρκον[2]). Pas davantage, non plus, l'auteur qui nous parle d'une recluse établie, sous Anastase Ier, ἐγγὺς τῆς πόρτης τῆς Ξυλοκέρκου[3]). Guère plus, l'auteur qui nous fait voir le héros des oracles léonins sortant ἐκ τῆς πύλης τῆς Χρυσέας καὶ τῆς Ξυλοκέρκου[4]).

Les actes conciliaires du VIe siècle nous ont conservé, en 518, la signature d'Eugène, prêtre et archimandrite du monastère τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἐν τῇ Ξηροκέρκῳ[5]), et, en 536, celle de Cyriaque, prêtre et higoumène du couvent τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἐν τῇ Ξηροκέρκῳ[6]). Divers autres textes relatifs à Xylokerkos se lisent dans les Synaxaires. Au 9 mai, la fête de saint Codratus πλησίον τῆς Ξηροκίρκου[7]), ou ἐν τῷ μαρτυρείῳ αὐτοῦ πλησίον τῆς Ξηροκέρκου[8]). Au 9 juillet, la synaxe des saints Patermouthios, Copris et Alexandre ἐν τῇ μονῇ τῶν Ἄνθου πλησίον τῆς Ξυλοκέρκου[9]) ou ἐν τῇ μονῇ τῶν Ἄνθου πλησίον τῆς Ξηροκέρκου[10]). Au 30 juillet, la solennité des saints Mamas et Basilisque ἐν τῇ Ξηροκίρκῳ[11]) ou ἐν τῷ Ξηροκέρκῳ πόρτης[12]). Au 22 août, la mémoire des saints Agathonic et compagnons ἐν τῷ μαρτυρείῳ τῆς ἁγίας Θεοδώρας ἐν τῇ Ξηροκέρκῳ[13]). Au 23 octobre, l'anniversaire de sainte Théodote et de saint Socrate ἐν τῷ Ξυλοκέρκῳ[14]). Toutes ces mentions, portant sur de petits sanctuaires point connus ou mal connus par ailleurs, n'éclairent d'aucune façon la position du cirque de bois et de sa porte.

Mais on sait pourtant que la Xylokerkos s'ouvrait dans les murs terrestres. Aux heures de ses vaticinations, nous l'avons dit, le fameux contemporain d'Isaac l'Ange voyait les cavaliers allemands de Frédéric Barberousse pénétrer à Constantinople par cette porte. On sait aussi qu'elle perçait le mur de Théodose II et non ceux bâtis par divers empereurs au quartier blakhernien.

Θευδόσιος τόδε τεῖχος ἄναξ, καὶ ὕπαρχος Ἑῴας
Κωνσταντῖνος ἔτευξαν ἐν ἥμασιν ἑξήκοντα,

telle était, au témoignage de l'Anthologie[15]), l'inscription gravée εἰς πόρταν τὴν

[1]) Voir les principaux textes dans du Cange, op. cit., l. III, sect. I, n. 8, p. 6.
[2]) Chronicon paschale, p. 698, 6 Bonn.
[3]) *Zonaras*, Annalium XIV, 3 (III, p. 272, 16 Dind.).
[4]) Anonymi paraphrasis in Leonis oracula, *Migne*, P. G., t. CVII, col. 1145.
[5]) *Mansi*, Amplissima conciliorum collectio, t. VIII, col. 1055.
[6]) *Mansi*, op. cit., t. VIII, col. 990.
[7]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 672, 5.
[8]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 669, 62.
[9]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 807, 53.
[10]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 808, 49.
[11]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 856, 44; 856, 46.
[12]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 855, 45.
[13]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 915, 14.
[14]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 158, 12.
[15]) Anthologia palatina, ed. *Firmin-Didot*, IX, 690, t. II, p. 141.

ἐπιλεγομένην Ξυλόκερκον ἐν Βυζαντίῳ, et ce témoignage ne laisse aucun doute. On sait enfin que la Xylokerkos était une ouverture d'ordre secondaire, plus petite que les grandes portes civiles, car Nicétas Choniatès dit τῆς λεγομένης Ξυλοκέρκου πυλίδος[1]), et non πύλης. On sait cela sur la Xylokerkos, cela et pas autre chose.

Les topographes n'en ont pas moins cherché à l'identifier. Appuyés sur de vagues indices, ils l'ont rapprochée de Xyloporta, puis de Kerkoporta, et, finalement, se prononçant pour cette dernière, l'ont placée avec elle à côté de Tekfour-Séraï, juste au point où le mur blakhernien de Manuel Comnène vient rejoindre celui de Théodose.

Sur ce point nous nous contenterons de consulter quelques auteurs du siècle dernier. Hammer confond *Xyloporta* avec *Xylocircus,* avec aussi *Kerkoporta,* et place la porte unique ainsi obtenue tout auprès du Khrysokéras, dans le mur blakhernien[2]). Dethier, tout en distinguant la Xylokerkos de la Kerkoporta, perce également notre porte tout auprès du Khrysokéras, mais dans cette partie du vieux mur théodosien que les constructions d'Héraclius englobèrent à l'intérieur de la ville[3]). Paspati parle de la Xylokerkos en homme qui préfèrerait ne pas avoir à en parler: il glisse obscurément des contradictions dans ses dires; il se tient tantôt à proximité de Xyloporta et de la Corne d'Or, tantôt à proximité de Kerkoporta et de Tekfour-Séraï[4]). C'est au contraire uniquement à ce dernier point que le patriarche Constantios[5]), M. Mordtmann[6]) et M. van Millingen[7]) placent leur Xylokerkos identifiée à la Kerkoporta.

L'opinion de Hammer ne mérite pas de nous arrêter longtemps, ni l'opinion de Déthier. Celle-ci, pour la réfuter la première, se heurte à ce fait que la Xylokerkos était encore susceptible, sous Isaac l'Ange, d'ouvrir Constantinople aux Allemands de la troisième Croisade. De son côté, la manière de voir de Hammer a contre elle, comme le fait observer M. Mordtmann[8]), d'abord que la Xylokerkos est mentionnée à une époque où les murs blakherniens d'Héraclius, de Léon et de Manuel n'existaient pas, ensuite que la Xylokerkos est nommée par Cantacuzène à quelque pages de la Xyloporta en des circonstances qui rendent l'identité des deux portes impossible.

A l'inverse de ces deux opinions, celle de Constantios et des topographes les plus récents se présente avec tous les dehors de la vraisemblance. Elle établit l'identité de Xylokerkos et de Kerkoporta sur les raisons suivantes:

---

[1]) De Isaacio Angelo, II, 4, p. 528, 19 Bonn.
[2]) Op. cit., t. I, p. 104 et 105.
[3]) Op. cit., édit. franç., p. 13 et. 47; édit. all., p. 18 et 50.
[4]) Βυζαντιναὶ μελεταί, p. 62, 66 et 66 note 3.
[5]) Κωνσταντινιάς, prem. édit., p. 19; seconde édit., p. 23; Constantiniade, p. 24.
[6]) Esquisse, p. 34.
[7]) Op. cit., p. 89, 115, etc.
[8]) Op. et loc. cit.

1° Les deux noms se ressemblent, renfermant tous deux le mot κέρκος, corruption de κίρκος.

2° La Xylokerkos et la Kerkoporta apparaissent l'une et l'autre avec le signalement d'une petite porte: la première est appelée πυλίς par Nicétas Choniatès[1]), et la seconde παραπόρτιον par Ducas[2]).

3° Les deux sont aussi des ouvertures longtemps murées. Pour la Xylokerkos, Nicétas Choniatès dit qu'Isaac Comnène, en 1189, τὴν Ξυλόκερκον διὰ τιτάνου καὶ πλίνθου ὀπτῆς ἀπέφραξεν[3]), et Jean Cantacuzène que ses amis promirent de lui ouvrir la ville, en 1345, τὴν τῆς Ξυλοκέρκου λεγομένην πύλην ἐκ πολλῶν ἐτῶν ἀπῳκοδομημένην διορύξαντες[4]). Pour la Kerkoporta, Ducas l'appelle, en 1453, παραπόρτιον ἓν πρὸ πολλῶν χρόνων ἀσφαλῶς πεφραγμένον ὑπόγειον, πρὸς τὸ κάτωθεν μέρος τοῦ παλατίου[5]).

Comment, sur ces trois bases, ne pas établir l'identité de la Xylokerkos et de la Kerkoporta? Et comme la Kerkoporta se trouvait, ainsi que l'écrit Ducas[6]), au bas du palais que représentent aujourd'hui les ruines de Tekfour-Séraï, il faut placer la Xylokerkos près de ces ruines. Et comme Saint-Mamas était à la Xylokerkos, il faut mettre Saint-Mamas dans le vallon suburbain qui vient toucher à Tekfour-Séraï. Et comme ce proasteion avait un port et un pont sur la Corne, il faut appeler Saint-Mamas tout l'espace suburbain qui longe le rempart blakhernien depuis le susdit vallon jusqu'aux eaux du Khrysokéras. Tel est cet enchaînement de déductions fatales qui rive ou semble river Saint-Mamas aux Blakhernes.

A quoi je réponds d'abord par cette petite observation préliminaire. Les textes qui établissent la connexion de Saint-Mamas avec la Xylokerkos se réfèrent tous, sans exception, au Saint-Mamas église conventuelle. Pas un, du premier au dernier, ne vise le Saint-Mamas palais, hippodrome, pont ou port. Par suite, supposé qu'elle commande la position du Saint-Mamas couvent, la situation de la porte Xylokerkos ne commande en rien celle du Saint-Mamas palais, et les topographes n'ont aucun droit, même si la Xylokerkos est dans le voisinage des Blakhernes, de clouer le proasteion Saint-Mamas dans ce même voisinage.

Cela dit, j'ajoute que la fixation de la Xylokerkos à Tekfour-Séraï repose sur une base ruineuse.

Pour l'y placer, en dehors des raisons données ci-dessus et sur lesquelles nous allons revenir, on n'a que le fait suivant. En 1189, le prophète qui annonçait l'entrée des Allemands par la Xylokerkos ne se bornait pas à cela: il montrait aussi une des fenêtres du palais qui survit aujourd'hui dans Tekfour-Séraï et clamait

---

[1]) Op. et loc. cit.
[2]) Historia byzantina, 39, p. 282, 9 Bonn.
[3]) Op. et loc. cit.
[4]) Historiarum, l. III, 90 (II, p. 258, 2 Bonn.).
[5]) Op. et loc. cit.
[6]) Op. et loc. cit.

qu'il serait à cette fenêtre, lui, pour cribler de flèches les Occidentaux campés dans le Philopation[1]). Rapprochés, l'entrée par la Xylokerkos et le campement dans le Philopation fixent la Xylokerkos à proximité de Tekfour-Séraï. Voilà du moins ce que d'aucuns ont pensé. Mais le rapprochement entre les deux faits ne s'impose pas. Les Allemands, dont l'armée dépassait 80000 hommes, étaient fort à même, s'ils avaient voulu assiéger Constantinople, de couvrir tout le front du mur terrestre et d'avoir par conséquent de leurs troupes sous les fenêtres de Tekfour-Séraï comme devant toute autre partie du rempart; mais il ne s'ensuit d'aucune manière que la Xylokerkos, leur prétendue porte d'entrée, fût plutôt là qu'ailleurs.

Maintenant, si nous nous reportons aux arguments allégués plus haut, que voyons-nous? C'est que la porte à placer près de Tekfour-Séraï est uniquement celle que Ducas mentionne sous le nom de Kerkoporta. Or, en premier lieu, l'identification de Xylokerkos avec Kerkoporta n'est, en dépit des apparences, rien moins que démontrée. Et, en second lieu, on peut se demander si la poterne ouverte en 1453 près de Tekfour-Séraï s'appelait bien Kerkoporta. Ducas le dit une fois, mais seul, absolument seul parmi les historiens du siège. Chose grave, pas un autre texte byzantin ne donne ce nom de Kerkoporta, pas un. Chose plus grave encore, dans sa mention unique, Ducas est loin d'affirmer un fait contemporain. Quelques vieillards, dit-il, connaissaient l'existence d'une poterne: ἦσάν τινες τῶν γερόντων ἐπιστάμενοι παραπόρτιον ἕν; et le nom de cette poterne, ajoute-t-il, le nom qu'elle portait autrefois, c'était Kerkoporta: τὸ δὲ ὄνομα τῆς κρυφῆς ἐκείνης πύλης ἐκαλεῖτό ποτε Κερκόπορτα. *Autrefois,* remarquez bien. Qui nous dit que l'historien ici ne s'est pas transformé en archéologue identificateur, donnant à la poterne voisine de Tekfour-Séraï un nom qui ne lui convenait pas. M. Mordtmann, pour qui cette poterne est la Πορφυρογεννήτου πυλίς, affirme quelque part[2]) à son sujet: „C'est la même porte que Ducas appelle par erreur Κερκόπορτα". Je crois l'erreur plus considérable encore et doute que le nom de Kerkoporta ait jamais désigné une poterne voisine de Tekfour-Séraï.

Dans tous les cas, si Ducas n'a pas erré, la Xylokerkos ne s'identifie pas avec la Kerkoporta. Les textes relatifs à Saint-Mamas, au Saint-Mamas urbain, s'y opposent formellement. Pourquoi en effet vouloir retrouver Saint-Mamas par la Xylokerkos au lieu de retrouver la Xylokerkos par Saint-Mamas? Prouve-t-on le plus connu par le moins connu? Le moins connu dans l'espèce est assurément la Xylokerkos, puisqu'on ne sait rien de positif sur son compte. De Saint-Mamas au contraire, on sait par des textes précis qu'il voisinait Saint-André de Crisis et Saint-Jean Baptiste de Stoudion. C'est donc là, à proximité de ces deux monuments bien connus, qu'il faut placer le Saint-Mamas urbain et son inséparable Xylokerkos.

Cela admis, l'on a moins de peine à comprendre un des textes, par eux-mêmes très vagues, signalés ci-dessus à propos de notre porte. La paraphrase ano-

[1]) *Nic. Choniatès,* De Isaacio Angelo, II, 4.
[2]) Esquisse, p. 84.

nyme des oracles de Léon le Sage situe en ces termes le lieu de séjour du libérateur à venir: κατοικῶν ἐν τῷ ἄκρῳ τῆς Βυζαντίδος, ἀπὸ τῆς δυτικῆς τῆς πόλεως πύλης πλησίον τοῦ Σίγματος[1]). Et un peu plus loin: κατοικῶν ἐν τῇ Τετραπύλῳ ἐπὶ τὸ ψυχρότερον μέρος τοῦ Σίγματος, καὶ ἐν τῷ νοτιαίῳ μέρει τῆς θαλάσσης, καὶ ἐν τόπῳ ἀσήμῳ καὶ βορβορώδει[2]) Ces données conduisent au coin sud-ouest de la ville. Car il ne s'agit ici ni du Tétrapylon d'airain debout près du Philadelphion, au centre de l'ancienne ville constantinienne, ni du Sigma situé sur le port dit d'abord de Julien, puis de Sophie. Il s'agit du Sigma qu'il faut, avec le Tétrapyle dont il est escorté, placer approximativement entre Isa-Kapou et Khodja-Moustapha-Djami, nullement, comme le prétendent les topographes modernes, à l'inflexion que le mur théodosien décrit entre Silivri-Kapou et Iéni-Mevlané-Kapou. Le Pseudo-Codinus nous le prouve. Allant du milliaire d'Or à l'extrémité sud-ouest de Constantinople, il énumère ses rencontres dans l'ordre suivant: Forum de Constantin, Artopolia, forum de Tauros, Philadelphion, Modion, forum Amastrianum, forum du Bœuf, Exokionion, Tétrapyle, Sigma, Porte Dorée[3]). L'Anonyme de Banduri ne le montre pas moins. Il s'engage comme son prédécesseur dans la grande voie dite Mésé et fait les mêmes rencontres que lui, mais augmentées de plusieurs monuments secondaires dont nous ne citerons que les derniers: Forum de Constantin, Artopolion, forum de Tauros, Philadelphion, Modion, forum Amastrianum, forum du Bœuf, Exokionion, Xérolophos, Tétrapyle, Sigma, Saint-Etienne, Saint-Jean Baptiste de Stoudion, Saint-Diomède, Porte Dorée[4]). Le Sigma est donc bien sur le chemin du Xérolophos à la Porte Dorée, avant le Stoudion. Si l'on ne veut en croire les patriographes, voici d'autres auteurs qui témoignent dans le même sens. Constantin Porphyrogénète déclare que Théophile, lors de son triomphe, entra par la Porte Dorée et poursuivit sa marche à l'intérieur de la ville par le Sigma et Saint-Mokios: εἰσερχομένῳ αὐτῷ τὴν μεγάλην Χρυσῆν πόρταν . . . καὶ διοδεύσας ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε, διὰ τοῦ Σίγματος καὶ τῆς πρὸς τὸν ἅγιον Μώκιον[5]). Le même impérial auteur raconte que Basile, lors de son triomphe également, franchit la Porte Dorée, atteignit le Sigma et, *tournant à gauche,* alla rejoindre la Mésé par l'Exakionion et le Xérolophos: εἰσῆλθον τὴν Χρυσῆν μεγάλην πόρταν δηριγευόμενοι καὶ ἦλθον ἐν τῷ Σίγματι καὶ διὰ τῶν ἀριστερῶν ἐν τῷ Ἐξακιονίῳ καὶ Ξηρολόφῳ[6]). Joel, de son côté, met le Sigma à proximité du Stoudion, lorsque, narrant les malheurs de Michel IV Calaphate en 1041, il nous montre la foule qui le tire de ce monastère et le conduit, pour l'aveugler, κατὰ τὸν τόπον τὸν λεγόμενον Σίγμα[7]). Et Cedrenus, dans

[1]) *Migne,* P. G., t. CVII, col. 1144.
[2]) Col. 1145.
[3]) Op. cit., pp. 41—47 Bonn.
[4]) Op. cit., p. 12—19.
[5]) De Cerimoniis, p. 505, 21 Bonn.
[6]) Op. cit., p. 501, 18 Bonn.
[7]) Chronographia, *Migne,* P. G., t. CXXXIX, col. 284.

son récit du même événement, fixe le théâtre du supplice de Michel, le Sigma, au-dessus du Soulou-Monastir actuel: ἄνωθεν τῆς Περιβλέπτου μονῆς, ἐν τῷ τόπῳ τῷ καλουμένῳ Σίγματι[1]). Ces textes, en nous fournissant un point de repère, nous permettent de revenir utilement au héros des oracles léonins. La paraphrase anonyme, nous l'avons dit, loge ce héros près du Tétrapyle, dans la partie la plus froide du Sigma, sous l'humidité de la Propontide. Après quoi elle ajoute, parlant de ses allées et venues: ἐξερχομένου ἐκ τῆς πύλης τῆς Χρυσέας καὶ τῆς Ξυλοκέρκου[2]). Or, n'est-il pas naturel que le héros franchit les murs par les portes ouvertes en face de son quartier? Cela paraît à tout le moins vraisemblable. Et cela se vérifie, non seulement pour la Porte Dorée, mais aussi pour la Xylokerkos, si l'on accepte cette dernière au lieu que j'ai dit.

Aux considérations précédentes j'ajouterai simplement que l'évêque Hiérothée, moine et disciple de saint Syméon le Jeune, eut l'humilité de se laisser porter sur un mulet par dérision depuis Saint-Mamas μέχρι τοῦ Ξηρολόφου[3]). Cette mention du Xérolophos, colline au sud-ouest de la Constantinople constantinienne, confirmerait, s'il était nécessaire, les deux textes précis, formels, absolus qui rivent le Saint-Mamas urbain, et par suite la Xylokerkos, à Saint-André de Crisis et à Saint-Jean Baptiste de Stoudion.

Les confirmerait aussi, en cas de besoin, l'ordre suivi par Antoine de Novgorod dans sa visite des sanctuaires constantinopolitains. A un moment donné[4]), nous trouvons ce pélerin „près de la porte Dorée", dans „l'église de saint Diomède". Aussitôt après, il rencontre „les reliques de saint Mamas et son couvent", puis, dans un couvent de femmes, „les saint Carpe et Papylus". La position de Saint-Diomède à la porte Dorée est certaine. Celle de l'église des saints Carpe et Papylus à Psammatia, qu'elle survive ou non dans le Saint-Ménas d'aujourd'hui, ne fait aucun doute[5]). Le couvent Saint-Mamas visité par Antoine entre les deux ne peut qu'appartenir à cette région, d'autant que les sept ou huit sanctuaires dont le pèlerin russe nous entretient ensuite appartiennent bien tous au sud-ouest de la ville.

En fin de compte, on le voit, l'argument basé sur la Xylokerkos ne vaut pas mieux que les précédents. Pas plus qu'eux, il n'est de nature à justifier la place que les topographes ont assignée à Saint-Mamas sur la Corne d'Or. Aussi, notre discussion topographique se trouve-t-elle achevée. En attendant de la rouvrir sur quelques textes obscurs ou indument jetés dans la question, nous pouvons aborder l'histoire de Saint-Mamas, d'abord celle du palais suburbain, ensuite celle du couvent urbain.

---

[1]) Historiarum compendium, II, p. 540, 13 Bonn.
[2]) Op. cit., col. 1145.
[3]) Vie de saint Syméon le Jeune, № 35.
[4]) *B. de Khitrovo*, Itinéraires russes en Orient, p. 102.
[5]) *M. Gédéon*, Ἐκκλησίαι βυζαντιναὶ ἐξακριβούμεναι, Constantinople, 1900, p. 72.

VII. Saint-Mamas du Bosphore avant l'an 800.

S'il fallait en croire la fable, elle remonterait haut, l'histoire du proasteion Saint-Mamas. Vous connaissez évidemment Persée et vous n'ignorez pas, l'ayant lu en plusieurs auteurs, comment ce héros, de passage à Iconium, fut le sauveur d'Andromède, fille de Basilisque, au moment où la jeune vierge allait être, conformément à la tradition, livrée en pâture au dragon du lieu. Ce dragon, ces vierges sacrifiées, ce Basilisque, nous les retrouvons réunis aussi à Saint-Mamas. Le même auteur qui nous les montre en Lycaonie[1]), nous les montre également sur le Bosphore[2]). Pour la ville d'Iconium, il nous présente τῷ ἐκεῖσε ἐμφωλεύοντι δράκοντι; pour le pont de Saint-Mamas, il nous déclare λέγειν τινὰς δράκοντα κατοικεῖν ἐν τῷ γεφυρίῳ ἐκείνῳ. A Iconium c'est une vieille habitude δίδοσθαι παρθένον κόρην τῷ θηρίῳ; à Saint-Mamas, sans préjudice d'autres immolations, πολλαὶ παρθένοι ἐτύθησαν. Dans la légende d'Iconium on nous parle d'une Andromède, θυγατρὸς Βασιλίσκου; dans celle de Saint-Mamas on nous dit qu'un certain Βασιλίσκος ἐρασθεὶς τὸν τόπον . . . κτίσας κατῴκησεν ἐν αὐτῷ ἔνθα καὶ ναὸν παμμεγέθη τοῦ Διὸς ἤγειρεν. Il y a cette différence, toutefois, que Basilisque, contemporain de Persée en Lycaonie, ne l'est plus que de l'empereur Numérien sur le Bosphore.

Cette histoire de croquemitaine ne se trouve pas, en ce qui regarde Saint-Mamas, que dans le compilateur des *Enarrationes breves chronographicae*. Sans parler de l'Anonyme de Banduri qui s'est empressé de l'y prendre[3]), elle se lit encore dans Suidas[4]) et dans Glycas[5]). Ces auteurs sont d'accord pour affirmer que les constructions païennes de Basilisque durèrent jusqu'à Zénon, lequel les détruisit durant, d'après les uns, la seconde partie, durant, d'après les autres, la deuxième année de son règne. Si l'empereur Zénon est ainsi mêlé à l'affaire, la faute en est, semble-t-il, au nom du beau-frère qui lui ravit un instant le trône: ce redoutable compétiteur, nul ne l'ignore, s'appelait Basilisque, tout comme le fabuleux contemporain de Persée et de Numérien. En tout cas, contrairement à l'assertion de nos auteurs, Denys de Byzance ne mentionne aucun temple de Jupiter sur la côte qui devait un jour porter Saint-Mamas, et l'on sait que Denys, dans sa description du Bosphore, s'est arrêté aux moindres monuments.

Ici une remarque s'impose: c'est que la fable du dragon s'applique bien au Saint-Mamas bosphoréen. Comme le compilateur des *Enarrationes* en parle immédiatement après le Xérolophos et l'Exakionion, on pourrait croire le contraire et penser au Saint-Mamas urbain. Mais, outre que celui-ci n'a point dans son quartier le cours d'eau sur lequel les mythographes logent leur monstre, la vraie place nous est indiquée par l'Anonyme de Banduri dont la description, nous l'avons

---

[1]) Enarrationes breves chronographicae, dans *Th. Preger*, op. cit., p. 71.
[2]) Ibid., p. 33.
[3]) Imperium orientale, p. 51.
[4]) Sub verbo Μάμας.
[5]) Annalium l. IV, p. 492, 17 Bonn.

dit, suit davantage l'ordre topographique. Dans les *Enarrationes* la notice de Saint-Mamas est une simple parenthèse amenée par la phrase où le compilateur écrit, deux lignes plus haut, que telles merveilles artistiques de l'Exakionion furent enlevées par Marcien et fixées ἐν τοῖς τοῦ ἁγίου Μάμαντος μέρεσι[1]). Au surplus, comme l'avouent elles-mêmes les *Enarrationes,* la fable du dragon posté sous le mythologique pont de Saint-Mamas n'avait d'autre raison d'être que la présence là d'un dragon de bronze. Or, nous avons déjà prouvé en invoquant la razzia bulgare de 813 que ce pont et ce bronze regardent bien le proasteion bosphoréen.

Certaines statues de l'Exakionion, vient de nous dire un patriographe, passèrent à Saint-Mamas sous l'empereur Marcien. D'après le même témoignage[2]), tel autre empereur installa aussi ἐν τοῖς τοῦ ἁγίου Μάμαντος μέρεσιν trois des douze sirènes de porphyre qui ornaient auparavant le forum. Ce dépouillement du forum eut lieu, porte le texte, ἐν τοῖς ἡμετέροις χρόνοις; nous n'avons donc pas lieu de le révoquer en doute. Si l'acte de Marcien est aussi vrai, il faut dire que Saint-Mamas existait comme villa impériale dès le milieu du Ve siècle. La chose en soi n'a rien d'impossible, bien que les patriographes ne veuillent point faire remonter sa fondation au-delà de Léon Ier.

Que Saint-Mamas ait ou non précédé Léon Ier, il a sûrement précédé l'incendie de 469. Chassé de la ville par cet incendie, le prince ne se fût point retiré là sans une résidence impériale préalablement prête à l'y recevoir. En fait, le *Chronicon paschale,* qui est ici notre meilleur guide, ne permet point de penser autrement. L'empereur, écrit-il[3]), ἐξῆλθεν, πέραν εἰς τὸν ἅγιον Μαμᾶν καὶ ἐποίησεν ἐκεῖ πρόκεσσον μῆνας ἓξ καὶ ἔκτισεν ἐκεῖ λιμενάριον καὶ ἔμβολον ὅστις οὕτω καλεῖται ὁ τόπος Νέος Ἔμβολος. Et Malalas, excellent guide aussi, parle absolument dans les mêmes termes[4]). L'empereur n'eut pas à bâtir la villa qui lui ouvrait ses portes, ni, à plus forte raison, le sanctuaire qui avait donné son nom à cette villa. Ce qu'il fit durant sa villégiature forcée de six mois, ce fut de rendre le proasteion plus facilement accessible en y construisant un petit port et de l'embellir en le dotant d'un portique. Le portique, ἔμβολος, valut à ce coin de banlieue le nom, d'ailleurs peu usité, de Néos Embolos. Quant au petit port, il était essentiellement constitué par une jetée qui le mettait à l'abri des tempêtes du sud: aussi le mot λιμενάριον est-il remplacé par μόλον, *môle,* dans l'Anonyme de Banduri[5]).

Le séjour de Léon Ier à Saint-Mamas durant l'incendie de 469 nous est attesté, longtemps après le *Chronicon paschale,* par Zonaras[6]). D'autre part, le Pseudo-Codinus et son plagiaire anonyme parlent tout au long des constructions du prince,

---

[1]) Op. cit., p. 32.
[2]) Op. cit., p. 30.
[3]) P. 598, 17 Bonn.
[4]) Chronographia, XIV, p. 372, 18 Bonn.
[5]) Op. cit., p. 50.
[6]) Annal. XIV, 1 (III, p. 253, 15 Dind.).

L'un et l'autre, contre toute vraisemblance, rattachent l'origine du proasteion à l'année 469. Quant au détail des édifices construits et des monuments élevés, le premier mentionne un palais et un hippodrome[1]); le second — un palais, un port, une église et un hippodrome[2]).

Dès 515 sous Anastase Ier, nous trouvons le nom de notre proasteion bosphoréen sous la plume de Malalas. Le général Vitalien, nous dit ce chroniqueur, était révolté contre Anastase. Installé en maître sur la rive thrace du Bosphore, il avait son quartier-général à Sosthénion, aujourd'hui Sténia, et de là menaçait Constantinople. Mais sa flotte fut battue dans le port. Aussitôt, Marin, le héros de ce combat naval, voulut attaquer les fantassins et les cavaliers du rebelle. Il prit terre à Sykae, au moderne Galata, les écrasa sans peine et poursuivit leurs débris ἕως τοῦ ἁγίου Μάμαντος. Cette poursuite, arrêtée par la nuit, aurait continué le lendemain, si les vaincus n'étaient nuitamment partis ἐκ τοῦ Ἀνάπλου, évacuant ainsi le rivage bosphoréen et les environs de Constantinople[3]).

Après cet événement, Saint-Mamas se laisse envelopper d'un silence deux fois séculaire. Il faut une nouvelle révolte, celle qui éleva Théodose III contre Anastase II en 716, pour attirer de nouveau sur lui l'attention de l'histoire. Cette rébellion inaugurée à Rhodes et consommée en Asie était due aux troupes de l'Opsékion: Anastase crut la briser d'un coup en se transportant à Nicée, dans le propre thème des mutinés. Mais les Opsékiens, au lieu de s'en émouvoir, vinrent se concentrer par terre et par mer à Chrysopolis, trop heureux de pouvoir couper le basileus de sa capitale tout en préparant le siège de celle-ci. Leur plan était bon, il réussit. Ce ne fut pas sans peine pourtant, car les autorités de Constantinople surent équiper assez de voiles pour leur disputer le passage du Bosphore pendant six mois. Or, durant ces longs mois de lutte contre la flotte théodosienne de Chrysopolis, la flotte anastasienne ne cessa, dit le Chronographe[4]), de s'appuyer sur le port de Saint-Mamas.

Un quart de siècle plus tard, si nous retrouvons le proasteion, la cause en est encore à une révolte, à celle d'Artavasde. Mais ici, c'est le révolté qui règne dans la capitale, tandis que l'empereur légitime en est réduit à l'y assiéger. Ce siège de Constantinople par Constantin V commença au mois de septembre 742. Il se fit par terre et par mer: par terre, très étroitement, avec les troupes confiées à Sisinnios, stratège des Thrakésiens; par mer, le moins mal possible, avec la flotte des Kibyrrhéotes. Constantin ne parut pas souvent de sa personne sous les murs; il jugea la situation de Saint-Mamas plus favorable et s'y établit: ἠπλίτευσεν εἰς τὸν

[1]) Op. cit., p. 116.

[2]) Op. cit., p. 50 et 51.

[3]) *J. Malalas*, Chronographia, XVI, pp. 403—405 Bonn.; cf. *Evagre*, Historia ecclesiastica, III, 43, *Migne*, P. G., t. LXXXVI, col. 2696.

[4]) *Théophane*, op. cit., a. 6207, p. 591, 16 Bonn.

ἅγιον Μάμαντα, dit Théophane[1]). Là, derrière le môle de Léon, il avait sous la main les bâteaux des Kibyrrhéotes, ces bâteaux qu'une escadre aux ordres d'Artavasde tenait encore, avec son feu grégeois, à distance respectueuse du Khrysokéras et des murs maritimes. De là, au moindre échec éprouvé par Sisinnios, il lui suffisait de trois coups de rames pour se trouver en Asie, à proximité des thèmes restés fidèles. On sait comment Constantin n'eut à franchir le détroit que pour éloigner de Chalcédoine et battre à Nicomédie l'armée des Arméniaques menée par le stratège Nicétas au secours de son père Artavasde. Le basileus vainqueur était à peine de retour de cette petite campagne que Sisinnios emportait Constantinople d'assaut le 2 novembre.

Est-ce à raison des jours passés à Saint-Mamas durant le siège que Constantin V prit ce palais en singulière affection? Je crois plutôt que ce prince aima le proasteion uniquement à cause de son hippodrome qui était affecté de façon toute particulière aux courses impériales: ἐν ᾧ οἱ βασιλεῖς ἡνιόχευον, affirme le Pseudo-Codinus[2]). Constantin V fut en effet, parmi les souverains de Byzance, celui qui en concurrence avec Michel III, poussa le plus loin la passion des chevaux et des chars. Nicéphore le patriarche[3]), Théophane le Chronographe[4]), Théostéricte l'hagiographe[5]), d'autres encore nous le présentent comme un pilier d'écurie, comme un homme toujours couvert de fumier et de crottin. C'est à fréquenter les chevaux, on le sait, que ce basileus conquit le surnom de Caballinus; c'est à vivre en palefrenier, croit-on[6]), qu'il gagna le sobriquet de Copronyme. Comment, dans ces conditions, n'eut-il pas eu des préférences marquées pour le proasteion au cirque, pour le proasteion de Saint-Mamas?

Constantin s'y trouvait au printemps 761, comme l'indique le martyre de Pierre le Blakhernite. Ce moine, reclus et stylite aux Blakhernes, emplissait la ville de fulgurantes protestations contre l'empereur et son iconoclasme. Mandé au proasteion, il jeta à la face du maître: „Tu es un nouveau Julien, un second Valens". Sur ce, traîné au cirque, il fut flagellé jusqu'à la mort. L'ordre était déjà donné de jeter son cadavre au Bosphore, lorsque ses deux sœurs accoururent, s'en emparèrent, le mirent sur une barque et allèrent l'ensevelir à Leucadion. C'était, si la fête est restée à la date anniversaire, le 16 mai de l'année que j'ai dite.

Voilà ce martyre, tel qu'on le trouve dans la Chronographie[7]). Théophane, toutefois, se trompe sur le nom du personnage mis à mort. Il l'appelle André, sauf à nommer Pierre une victime de 766. Il y a là, comme les bollandistes l'ont vu[8]),

[1]) Op. cit., a. 6235, p. 646, 3.
[2]) Op. cit., p. 115, 14.
[3]) Antirrheticus I, *Migne*, P. G., t. C, col. 295.
[4]) Op. cit., a. 6232, p. 636, 17.
[5]) Vita S. Nicetae Mediciensis, dans les Acta Sanctorum aprilis, t. I, p. XXIV.
[6]) *A. Lombard*, Constantin V empereur des Romains, Paris, 1902, p. 12.
[7]) Théophane, op. cit., a. 6253, p. 667, 5.
[8]) Acta Sanctorum octobris, t. VIII, p. 128.

une transposition de noms évidente. Les autres documents, la vie de saint Etienne le Jeune en particulier[1]), ne laissent aucun doute à cet égard: c'est le Blakhernite qu'ils appellent Pierre, réservant le nom d'André au Pierre du Chronographe. D'ailleurs, ce que Théophane dit d'André ne convient qu'à Pierre. Crétois de Crète, André n'habitait pas aux Blakhernes; simple moine, il ne répondait pas au surnom de Calybite; venu de son île pour mourir, il n'avait vraisemblablement pas de sœurs à Constantinople; tué dans une rue de la capitale, il n'expira pas à Saint-Mamas; jeté au Pélagion et de là inhumé à Crisis, il ne fut pas enseveli à Leucadion.

C'est en 766 que le véritable André souffrit le martyre. Théophane, à cette date[2]), nous apprend simplement qu'il fut traîné, les pieds liés, le long de la grand'rue de Constantinople et abandonné dans le charnier pélagien. Mais la double Vie du saint nous fournit de plus amples renseignements. En débarquant dans la capitale, nous dit-elle[3]), André apprit que le Copronyme était en villégiature à Saint-Mamas. Il s'y rendit sans retard et le trouva, paraît-il, tout entier à son œuvre de bourreau, entouré d'iconophiles mutilés et sanglants. Il l'interpella, il s'attira les sévices des courtisans. Interrogé, mis à la torture, flagellé, frappé à coup de pierres sur les mâchoires, il garda jusqu'au bout sa tranquille audace et fut enfermé pour la nuit dans un cachot du proasteion. Le lendemain, dès l'aurore, Constantin fit comparaître le moine à l'extérieur de la villa. Il ne put le vaincre, ni par les paroles de ses lèvres, ni par les nerfs de bœuf de ses bourreaux. Alors, furieux, il enjoignit de le conduire en ville et de le traîner vivant par les pieds jusqu'aux immondices du Pélagion. A Constantinople, tandis que l'on exécutait cet ordre, un pêcheur qui vendait ses poissons au forum du Bœuf voulut donner une preuve de douceur iconoclaste: prenant je ne sais quel instrument de boucher sur un étal voisin, il se rua sur le supplicié et lui trancha le pied droit. André rendit le dernier soupir à l'instant même. Son corps jeté à la voirie y fut recueilli durant la nuit par de pieux chrétiens qui l'ensevelirent au quartier de Crisis. C'était, déclare la Vie anonyme[4]), le 20 octobre.

Je n'ai rien voulu intercaler entre le martyre de saint Pierre le Blakhernite et celui de saint André le Crétois. L'ordre chronologique, tel que nous le connaissons par Théophane, n'en demande pas moins que nous glissions entre deux un des plus rudes hivers dont l'histoire byzantine ait gardé le souvenir. En février 763, le froid fit un chemin solide par-dessus la mer entre Constantinople et Galata, entre Constantinople et Chrysopolis. Tout le bas Bosphore, couvert de glace, se laissa franchir à pied sec et l'on put aller ainsi de Sophianes, sur la rive bithynienne, à Saint-Mamas, sur la rive thrace. Le nom de notre proasteion se trouve en cette

---

[1]) *Migne*, P. G., t. C, col. 1165.
[2]) Op. cit., a. 6259, p. 683–84.
[3]) Vita anonyma, 6, Acta Sanctorum octobris, t. VIII, p. 137; Vita metaphrastica, 7, ibid., p. 144.
[4]) Op. cit., 15, p. 141.

circonstance sous la plume de trois ou quatre chroniqueurs, Théophane[1]), Georges Hamartole[2]), Georges Cedrenus[3]), l'Anonyme de Tafel[4]).

Habité par Constantin V, notre château bosphoréen le fut aussi sans doute par son fils Léon IV. Il le fut en tout cas par l'impératrice régente Irène, veuve de Léon IV et mère de Constantin VI. L'altière athénienne s'y rendit avec son fils en plein hiver à la suite du fameux tremblement de terre du 9 février 790 qui faillit rendre Constantinople inhabitable[5]).

Quelques mois s'écoulèrent et le jeune Constantin devint, en écartant Irène le maître effectif de l'empire. Ses débuts ne furent pas heureux. Un jour, battu par les Bulgares et menacé d'une sédition militaire, il fit traîner à Saint-Mamas les cinq princes Nicéphore, Christophore, Nicétas, Anthime et Eudocime. C'étaient ses oncles, les frères consanguins de son père. A ce titre, il voulut bien leur laisser la vie; mais il prit les yeux à l'aîné, mais il prit la langue aux autres. Le proasteion fut le théâtre de ces supplices en 792, au mois d'août, un samedi[6]). Cinq ans plus tard, au mois d'août, un samedi, dans la salle de porphyre où la belle Irène avait donné le jour à Constantin VI, celui-ci vit à son tour, enchaîné, un bourreau s'incliner sur lui, et ce fut son dernier regard, car le bourreau s'inclinait, avec la permission d'Irène, pour crever les yeux à Constantin VI[7]).

Durant les années qui précédèrent cette triste fin de règne, le pauvre empereur était retourné souvent à Saint-Mamas. En septembre 795, il y célébrait solennellement son mariage adultère avec Théodote en des fêtes nuptiales qui se prolongèrent durant quarante jours[8]). En juin 797, il s'y réfugiait quelques heures pour échapper à l'émeute militaire soudoyée contre lui par l'aimable impératrice Irène[9]).

VIII. Saint-Mamas du Bosphore depuis l'an 800.

On sait que l'union de Constantin VI avec la cubiculaire de sa femme légitime eut de graves conséquences pour la paix de l'Eglise byzantine. La discorde religieuse éclatée alors durait encore en 807. Pour mieux dire, elle se rouvrit à cette date entre le patriarche et les chefs studites. Ceux-ci y gagnèrent, en janvier 809, d'être exclus par décision synodale de leur monastère et de Constantinople[10]). Et l'empereur

---

[1]) Op. cit., a. 6255, p. 670, 21 Bonn.

[2]) Chronicon IV, *Migne*, P. G. t. CX, col. 944.

[3]) Historiarum compendium, II, p. 12, 12 Bonn.

[4]) Op. cit., p. 129.

[5]) *Théophane*, op. cit., a 6282, p. 720, 3 Bonn.

[6]) *Théophane*, a. 6284, p. 725, 12 Bonn.; *Hamartole*, op. cit. IV, *Migne*, P. G., t. CX, col. 965; *Cedrenus*, op. cit.; II, p. 25, 20 Bonn.; *Anonyme de Tafel*, op. cit., p. 136.

[7]) *Théophane*, a. 6284 et 6289, pp. 726, 2 et 732, 5 Bonn. Cf. *S. Pétridès*, Quel jour Constantin, fils d'Irène, eut-il les yeux crevés? dans les Echos d'Orient, t. IV, p. 72—75.

[8]) *Théophane*, a. 6288, p. 728, 8 Bonn.; *Cedrenus*, op. cit., II, p. 26, 16 Bonn.

[9]) *Théophane*, a. 6289, p. 731, 5 Bonn.

[10]) *Théophane*, a. 6301, p. 752 Bonn.

Nicéphore s'empressa de faire exécuter la sentence. Saint Platon, saint Théodore, saint Joseph, un autre moine furent enfermés successivement au proasteion dit τὰ Ἀγαθοῦ, puis à Saint-Mamas [1]), enfin aux îles des Princes.

La même année 809, peu de semaines après Pâques, Saint-Mamas épouvanté fut le théâtre des représailles exercées par le basileus contre les soldats que sa conduite lâche venait d'indiguer durant la campagne bulgare. Il y eut des hommes condamnés aux verges, d'autres à la vie religieuse, d'autres à l'exil. De plus, entre ces troupes et sa capitale, Nicéphore voulut avoir un peu de mer et beaucoup de distance; il les fit passer de Saint-Mamas à Chrysopolis et diriger de là au fond de l'Asie. Sous le coup de ces rudes châtiments, le détroit qui baigne notre proasteion reçut le nom de *Fleuve de feu* [2]).

Quatre ans plus tard, à la mi-juillet 813, eut lieu la campagne de Croum et le grand ravage de Saint-Mamas. D'après Théophane ou son premier continuateur [3]), le roi bulgare mit le feu au palais, mais il chargea sur des chariots, à destination de la Bulgarie, les bronzes de l'hippodrome et de l'hydrion, ainsi que divers marbres fort remarquables. Georges Hamartole [4]) et Léon Grammaticos [5]) accusent les mêmes dégâts, pleins de regrets eux aussi pour le lion, l'ours et le dragon razziés. Syméon Magister [6]) et un Anonyme [7]) ajoutent à l'incendie du château celui de deux κοιτῶνες impériaux dictincts; ils ne détaillent pas les animaux de bronze pris à l'hippodrome ou à la pièce d'eau, mais s'ils les signalent seulement d'un mot, ils parlent en revanche de plombs enlevés et de colonnes brisées.

Fut-ce Léon V qui répara ce désastre de 813? Fut-ce plutôt Michel III ou Théophile? Ce que l'on peut affirmer, c'est que Saint-Mamas était redevenu résidence impériale dès 837. Cette année-là [8]), au retour de sa campagne heureuse contre les Sarrasins de Cilicie, Théophile s'arrêta sept jours à Hiéria, sur la rive bithynienne de la Propontide, et trois jours à Saint-Mamas [9]). De là, passant en dromon aux Blakhernes, il longea tout le mur terrestre à cheval et pénétra triomphalement dans sa capitale par la Porte Dorée. Si j'ajoute que, durant les trois jours de Saint-Mamas, l'empereur eut à ses côtés tous les fonctionnaires de rang sénatorial, on jugera sans doute que le proasteion était pleinement relevé de ses ruines et que ses constructions nouvelles ne manquaient point d'importance.

---

[1]) *Théodore Studite*, Laudatio S. Platonis hegumeni 39, *Migne* P. G., t. XCIX, col. 841; Epistola I, 48, ibid., col. 1073; Epistola 190, *Mai*, Nova Patrum Bibliotheca, t. VIII, p. 163.

[2]) *Théophane*, a. 6301, p. 754, 19 Bonn.

[3]) Chronographia, a. 6305, p. 785, 20 Bonn.

[4]) Op. cit., p. 765, 9 Bonn.

[5]) Chronographia, pp. 208, 4 et 231, 10 Bonn.; cf. *Tafel*, op. cit., p. 143.

[6]) Annales, Leo Armenius, 9, p. 614, 9 Bonn.

[7]) *Incert.* de Leone Arm. p. 844, 10 Bonn.

[8]) *A. Васильевъ*, Византія и Арабы. Политическія отношенія Византіи и Арабовъ за время Амоpійской династіи. С. Петербургъ 1900, стр. 156.

[9]) *Constantin Porphyrogénète*, De ceremoniis aulæ byzantinæ, p. 504, 17 Bonn.

Michel III, fils et successeur de Théophile, aimait trop les jeux hippiques pour ne pas faire sa villa favorite du château que flanquait un cirque si favorable à ces jeux. Divers historiens nous attestent qu'il en fut l'hôte assidu[1]. On connaît même divers événements du règne, et non des moins importants, qui eurent le proasteion pour théâtre.

C'est à Saint-Mamas que Michel III décréta un jour l'abrogation de l'ingénieux système de signaux qui transmettait si rapidement à Constantinople les nouvelles de la frontière sarrasine. Le système, on ne l'ignore pas, consistait en une chaîne de feux établis sur les hauts sommets d'un bout à l'autre de l'Asie Mineure. Allumés à telle ou telle heure, les feux indiquaient tel ou tel événement d'ordre militaire. Or, une fois, tandis que l'empereur conduisait son char sur la piste de Saint-Mamas, le dernier poste s'alluma, annonçant que l'ennemi envahissait l'empire. Tous les spectateurs aussitôt de s'émouvoir, de ne plus prêter la moindre attention à l'auguste cocher. „Pareil ennui ne viendra plus troubler mes courses", s'écria celui-ci, et les feux restèrent désormais éteints, au moins sur les sommets les plus rapprochés de la capitale[2].

Au premier trimestre de 865 notre proasteion recevait un fonctionnaire disgracié. Damien, c'est de lui qu'il s'agit, remplissait jusque-là la très importante fonction de parakimomène. Tout à coup, sur une plainte du césar Bardas, Michel III le cassa de sa charge et l'envoya vivre à Saint-Mamas avec ordre de se faire moine[3]. L'ordre impérial, en semblables conjonctures, tenait amplement lieu de vocation. Il en fut ainsi pour l'ex-courtisan. Avec les restes de sa fortune, Damien bâtit le monastère dit τὰ Δαμιανοῦ qu'il faut chercher sur la rive européenne du Bosphore, tout auprès d'Orta-Keuï, d'après l'ordre suivi par les patriographes[4]. Cette fondation, est-il écrit dans une récente préface à telles œuvres de Photius[5], cette fondation monastique se produisit sous l'impulsion du grand patriarche. Est-ce bien sûr? Aucun texte byzantin ne le dit, et l'affirmer sans preuve, à mille ans et plus de distance, c'est peut-être de la part d'un historien sacrifier un peu trop aux entraînements de l'enthousiasme et de l'imagination.

A Damien dans la dignité de parakimomène et les faveurs du basileus succéda le protostrator Basile. Cet homme était promis aux plus hautes destinées. Dès l'année suivante, il atteignait à la dignité suprême. Or, Michel III se trouvait à Saint-Mamas lorsqu'il résolut de partager son trône avec lui. Il quitta le proasteion dans la soirée du 25 mai 866 et le lendemain matin, dimanche de la

---

[1]) *Contin. de Théoph.*, Michael Theophili filius, 35, p. 197 Bonn.; Basilius Macedo, 24, p. 248 Bonn.; *J. Genesius*, Regum, IV, p. 102, 10 Bonn.; *M. Glycas*, Annalium l. IV, p. 543, 4 Bonn.; *I. Zonaras*, Annalium l. XVI, 6 (IV, p. 16, 2 Dind.) *G. Cedrenus*, Historiarum compendium, II, p. 178, 28 Bonn.

[2]) *G. Cedrenus*, op. et loc. cit.

[3]) *Léon Grammat.*, Chronographia, p. 241, 1 Bonn.; *Symeon Magist.*, Michael et Theodora, 39, p. 675, 9 Bonn.; *G. Hamartolo*, De Michaele et Theodora, 22, p. 827, 20 Bonn.

[4]) *Pseudo-Codinus*, op. cit., p. 116, 6 Bonn.; Anonyme du Banduri, op. cit., p. 51.

[5]) *St. Aristarchi*, Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι, t. I, p. μδ'.

Pentecôte, l'église Sainte-Sophie le vit poser de sa main sa propre couronne sur le front du chanceux Macédonien[1]).

Cette prodigieuse élévation du palefrenier d'hier fit des mécontents parmi les hauts dignitaires. Symbatios et Georges Péganès allèrent jusqu'à lever l'étendard de la révolte dans l'Opsikion. Leurs troupes, un moment heureuses pendant l'été, se débandèrent à l'approche de l'hiver et rien ne fut plus facile aux forces impériales que de les saisir l'un après l'autre dans les deux forteresses qu'ils avaient choisies pour refuge. Georges Péganès, en arrivant à Constantinople, perdit les yeux et aussi, d'après tel chroniqueur, le nez. Quant à Symbatios, empoigné trente jours plus tard, on le conduisit à Michel III dans Saint-Mamas et Péganès fut obligé de l'y recevoir un encensoir de terre cuite à la main. En voyant ce compagnon de révolte aveuglé et mutilé, Symbatios devina sans peine ce qui l'attendait. Il eut un œil crevé, sinon deux, et la main droite coupée. Plus tard, devenu seul maître de l'empire, Basile devait faire grâce aux deux rebelles et les traiter en amis, mais sans leur rendre la vue détruite et les membres perdus[2]).

Seul maître de l'empire, Basile Ier le devint dans la nuit du 23 au 24 septembre 867 en assassinant Michel III. Ce fut à Saint-Mamas. L'après-midi du 23, dans le cirque du proasteion, Michel habillé aux couleurs de la faction bleue avait remporté la victoire sur trois des plus hauts dignitaires auliques, et le soir à table, en fêtant son triomphe, il avait perdu la raison au point de vouloir, entre Basile furieux et Eudocie pleurnichante, passer les bottines de pourpre, c'est-à-dire la dignité impériale, à je ne sais quel Basiliskianos. Quand il se coucha, ivre-mort, son fidèle protovestiaire Rhendakios ne fut point là pour le garder. Lui-même l'avait envoyé à la chasse, désireux de fournir degibier à la table de l'impératrice Théodora, sa mère, qui venait de l'inviter pour le lendemain dans son proasteion bosphoréen d'Anthémios, tout à côté du moderne Kanlidja[3]). Fatale invitation! Dès onze heures de la nuit, Michel III n'était plus qu'un cadavre ensanglanté[4]).

A la même heure, les meurtriers descendaient précipitamment jusqu'à Galata, se jetaient dans une barque, pénétraient en ville, forcaient l'entrée du palais impérial, installaient un règne nouveau. La capitale, à son réveil, s'inclina sans peine devant le fait accompli, consciente de la force qui était dans le basileus Basile. Et Basile en effet ne perdit point de temps pour s'affirmer, pour s'imposer. Dès

---

[1]) *Genesius*, op. cit., p. 112 Bonn.

[2]) Basilius Macedo, 19, p. 240—241 Bonn.; *Syméon Magister*, Michael et Theodora, 44, p. 680 Bonn.; *Léon Grammat.*, op. cit., p. 247 Bonn.; *Anonyme de Tafel*, op. cit., p. 173; *Hamartole*, op. cit., 81, p. 888 Bonn.

[3]) Que le lieu dit τὰ Ἀνθεμίου ou τὰ Ἀνθημίου soit un proasteion bosphoréen et corresponde aux environs du moderne Kanlidja, on en trouvera la preuve dans une étude intitulée *A propos de Boradion* publiée dans la *Byzantinische Zeitschrift*, t. XII, p. 449-493.

[4]) *Nicétas*, Vita S. Ignatii, *Migne*, P. G., t. CV, col. 540; *Theophan. Contin.* de Michaele Theophili f. 44, p. 210, 9 Bonn.; *idem*, De Basilio Maced., 27, p. 254, 16 Bonn.; *Léon Grammat.*, op. cit., p. 254 Bonn.; *Hamartole*, op. cit., p. 887 Bonn. ou *Tafel*, op. cit., p. 176; *Glycas*, op. cit., p. 546 Bonn.; *Anonyme de Sathas*, op. cit., p. 148; *Cedrenus*, op. cit., t. II, p. 202, 10 Bonn.; *Pseudo-Codinus*, op. cit., p. 115, 14 Bonn.

le jour même, il envoya deux fois à Saint-Mamas. Ce fut d'abord un brillant cortège, gros de fonctionnaires et de courtisans, qui alla prendre la basilissa Eudocie et la mena pompeusement au palais sacré[1]). Ce fut ensuite un homme de confiance, obscur et seul, qui alla prendre les restes de l'assassiné et les porta sans bruit dans une tombe de Chrysopolis[2]). Le cadavre roulé dans une housse de cheval ne quitta pas du moins Saint-Mamas sans être pleuré: la mère et les quatre sœurs de Michel III, si dédaignées par lui, si persécutées même, étaient accourues à la première nouvelle de l'attentat, pleines de pardons et de larmes.

Sur les sanglots de Théodora et de ses filles se termine pour nous l'histoire du proasteion bosphoréen au IXe siècle. Mais dès le début du siècle suivant un événement peu ordinaire survient qui permet à la chronique dite de Nestor de mentionner notre localité. Il s'agit ici, on l'a deviné, du traité conclu entre l'empereur Léon VI et le prince Oleg. Voici, entre autres choses, ce que, dans ce traité, le souverain de Byzance propose au régent de Kiev. „Le prince russe défendra aux Russes qui viennent ici de faire aucun tort dans les villages de notre pays. Les Russes qui viendront resteront auprès de Saint-Mamas, et l'empereur enverra des gens pour inscrire leurs noms; puis ils recevront un subside mensuel, d'abord ceux de Kiev, puis ceux de Tchernigov, puis ceux de Pereïaslav et des autres villes. Ils rentreront dans la ville (de Constantinople) par une seule porte, avec un agent de l'empereur, sans armes, par détachements de cinquante hommes, et feront ensuite leur commerce, à leur gré, sans payer aucun droit"[3]).

Ainsi porte le traité gréco-russe de 907. Dès 945, un traité tout semblable intervient entre l'empereur Romain Ier et le grand prince Igor. Ce pacte repose sur les mêmes bases que le précédent. Comme dans le précédent, les Byzantins y proposent et y demandent ceci: „Le prince donnera des ordres à ses envoyés et aux Russes qui viennent ici, pour qu'ils ne commettent aucun excès dans les villages et dans notre pays. A leur arrivée, ils iront à Saint-Mamas, et notre empereur enverra quelqu'un pour écrire leurs noms. Alors ils recevront leur subside: les ambassadeurs, celui d'ambassadeur; les marchands, le subside ordinaire, d'abord ceux de Kiev, puis ceux de Tchernigov, de Pereïaslav et des autres villes. Ils doivent entrer dans la ville (de Constantinople) par une seule porte, avec un homme de l'empereur, sans armes, par cinquante hommes, s'occuper de leur commerce suivant leurs intérêts et s'en aller. L'officier impérial les protégera, et si quelque Russe ou quelque Grec commet quelque tort, il le redressera. Un Russe en entrant dans la ville ne peut acheter de soie pour plus de cinquante pièces d'or, et cette étoffe qu'il achète, il doit la montrer à l'officier impérial, et celui-ci la scellera et la lui rendra. Et les Russes en partant recevront de nous des vivres pour la route, autant

[1]) *Syméon Magister*, Annales: Michael et Theodora, 48, p. 686, 2 Bonn.; *Hamartole*, op. et loc. cit., ou *Tafel*, op. et loc. cit.

[2]) Ibid.

[3]) Chronique dite de Nestor, traduction française par *L. Léger*, Paris, 1884, p. 24.

qu'il est besoin, et ce qui leur est nécessaire pour les vaisseaux, ainsi qu'on l'a établi autrefois. Ensuite qu'ils retournent heureusement dans leur pays, mais ils n'ont pas le droit de passer l'hiver à Saint-Mamas. Si un esclave s'enfuit de Saint-Mamas, qu'on le saisisse . . ."[1]).

Ces textes de l'annaliste russe ne laissent aucun doute sur la résidence fixée aux Russes que le commerce poussait vers Tsarigrad. Les marchands du Nord logeaient au Saint-Mamas suburbain, au moderne Béchik-Tach. Venus en barque par le Bosphore, le port de Saint-Mamas était merveilleusement placé, au bas du détroit, pour leur servir de stationnement. Par ailleurs, dans son éloignement relatif et sa position au-delà des flots, les Byzantins trouvaient un double motif de se rassurer, eux toujours si inquiets sur le sort de leur capitale.

Demeure des marchands russes, Saint-Mamas ne pouvait manquer de recevoir au passage la visite des pèlerins russes en route pour Jérusalem. Mais sans doute ces pieux voyageurs, à qui Tsarigrad elle-même offrait tant de lieux de dévotion prenaient plutôt logement dans les monastères de la ville, dans ceux-là surtout où tels et tels de leurs compatriotes vivaient déjà en caloyers. Et voilà pourquoi, si je ne me trompe, les récits de pèlerinages russes ne mentionnent jamais, à ma connaissance, le proasteion du Bosphore.

Sainte Olga, l'aînée de ces pèlerins, y séjourna peut-être un peu, elle du moins. Quand cette princesse, baptisée à Constantinople sous Constantin Porphyrogénète, eut réintégré sa patrie, l'empereur lui envoya dire: „Je t'ai fait de beaux cadeaux; et toi tu m'as dit: Quand je serai retournée en Russie, je t'enverrai beaucoup de présents, des esclaves, de la cire, des peaux, des soldats auxiliaires". A quoi Olga répondit: „Dites à l'empereur: Si tu restes avec moi sur la Potchaïna aussi longtemps que je suis restée dans le Bosphore, je te ferai ces cadeaux". Et sur ce, ajoute la Chronique de Nestor[2]), elle congédia les ambassadeurs. Vous le voyez, la princesse déclare être restée longtemps dans le Bosphore. Cette expression, je le veux bien, ne désigne en soi autre chose que la capitale byzantine. Mais Olga, venue s'instruire, ne dut pas s'immobiliser aux côtés de ses catéchistes, pas même aux côtés du Porphyrogénète, dont elle buvait les paroles, dit le chroniqueur[3]), comme une éponge absorbe l'eau. Elle circula de droite et de gauche évidemment. Et rien de plus vraisemblable qu'elle ait, jouissant de l'hospitalité impériale, passé quelques jours sur le Bosphore proprement dit, dans le palais de Saint-Mamas, au centre du coin de banlieue que deux traités déjà venaient de reconnaître comme résidence officielle de ses nationaux.

La dernière mention de notre localité bosphoréenne se trouve chez un poète byzantin et a trait au passage de la deuxième Croisade. Conrad, empereur d'Alle-

[1]) Op. cit., p. 37 et 38.
[2]) Op. cit., p. 49.
[3]) Op. cit., p. 48.

magne, arriva au Philopation[1]), sous les murs terrestres de Constantinople, le 8 septembre 1147[2]). De là, par le fond de la Corne d'Or, c'est-à-dire par les Eaux Douces d'Europe, il atteignit le Picridion, qui est Hass-Keuï, la Juiverie, qui est Kassim-Pacha, et s'y établit[3]). Quelques jours plus tard il franchissait le Bosphore et prenait terre en Asie. Or, comme je l'ai déjà montré, ce passage du détroit se fit entre Saint-Mamas et Chrysopolis, entre Béchik-Tach et Scutari. Les textes de l'historien Jean Cinname[4]) et du versificateur Théodore Prodrome[5]) le déclarent expressément. Et même cet embarquement à Saint-Mamas fournit au poète l'occasion de nous apprendre en passant que l'empereur Manuel Comnène habita sur le Bosphore peu après le départ des Croisés:

Πόθεν ὡρμήθης, βασιλεῦ, ἐκεῖθεν ναυλοχῆσαι,
Ὅθεν οἱ βαρβαρόφρονες ἐποίουν τὸν ἀπόπλουν[6]);

l'occasion surtout de dire en plaisantant que les Occidentaux, victimes de la famine la plus affreuse en Asie Mineure, firent des vœux ardents au patron du lieu qui les avait vu quitter la rive européenne du Bosphore:

Ὁπόσοι γὰρ ἐπέρασαν ἐκεῖθεν ἀκουσίως
Ἐκ τῶν μερῶν τοῦ Μάμαντος τοῦ νῦν περιβοήτου,
Πάντες αὐτὸν ἐζήτησαν καὶ νῦν ζητοῦσιν ἔτι,
Καὶ ψηλαφοῦσι Μάμαντα καὶ Μάμαντα φωνοῦσι,
Καὶ Μάμας οὐχ εὑρίσκεται καὶ τοῦ λιμοῦ ψοφοῦσιν.
Οἱ τῆς μονῆς τοῦ Μάμαντος τοῦ περιθρυλλουμένου,
Ἀπὸ τοῦ νῦν ἐντρέπεσθε τοὺς Ἀλαμανοτζέχους.
Ἐκεῖνοι γὰρ ὑπὲρ ὑμᾶς ἐπόθησαν τὸν ἄνδρα,
Καὶ πάλιν καὶ περάσαντες ἐπικαλοῦνται τοῦτον,
Καὶ τῆς ἐδδόμης ψάλλουσιν ᾠδῆς τὴν ἱκεσίαν,
Καὶ χεῖρας πρὸς τὸν Μάμαντα νῦν αἴροντες βοῶσιν.
«Ἐν ὅλῃ νῦν καρδίᾳ σοι προσπίπτομεν, ὦ Μάμα,
«Φοβούμεθά σε, μὴ κρυβῇς καὶ νῦν ἀκολουθοῦμεν,
«Ζητοῦμέν σου τὸ πρόσωπον, κἂν οὐχ εὑρίσκομέν σε,
«Μὴ καταισχύνῃς νῦν ἡμᾶς, ἠγαπημένε Μάμα[7]).

J'ai tenu à citer ces vers malgré leur longueur, d'abord parce que le recueil où Miller les a publiés est peu accessible, ensuite parce qu'ils posent un problème important pour notre sujet. A quel Saint-Mamas les moines interpellés par Théodore

[1]) *Cinname*, Historiarum l. II, 14, p. 74, 20 Bonn.

[2]) *Muralt*, Essai de chronographie byzantine, sub anno, p. 158.

[3]) *Theodore Prodrome*, dans *E. Miller*, Recueil des historiens des Croisades: Historiens Grecs t. II, p. 229.

[4]) Op. cit., II, 16, p. 80, 12 Bonn.

[5]) *E. Miller*, op. cit., p. 758; *G. Neumann*, Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert, Leipzig, 1888, p. 62.

[6]) *E. Miller*, op. cit., p. 758.

[7]) Ibid.

Prodrome appartiennent-ils? La question ne laisse pas d'être embarrassante. Il paraît plus naturel de la trancher en faveur du Saint-Mamas suburbain: ce proasteion, simplement connu aux siècles précédents pour son église et sa résidence impériale, pouvait posséder en outre, au moins au XIIe siècle, un monastère d'hommes. Mais peut-être aussi le poète s'adresse-t-il aux moines du Saint-Mamas urbain: la localité du Bosphore ayant le même patron que le couvent de la Xylokerkos, cette circonstance expliquerait assez à la rigueur que Prodrome ait pu comparer la dévotion des moines fixés ici à celle des Croisés embarqués là.

Quoi qu'il en soit, n'oublions pas qu'un autre document, la vie de saint Théodose de Tirnovo, nous a déjà fait connaître un couvent Saint-Mamas du XIVe siècle point identifiable avec la maison religieuse de la Xylokerkos. Debout hors des murs, soit au proasteion bosphoréen, soit à l'Aïmama-Déré, soit ailleurs, ce monastère postérieur n'a pas d'histoire connue. Il n'en va pas de même, nous l'allons voir, du grand monastère Saint-Mamas de la Xylokerkos.

IX. Saint-Mamas de la Xylokerkos.

Saint-Mamas de la Xylokerkos n'existait pas encore au premier tiers du VIe siècle: il ne figure ni dans la liste de 518, ni dans celle de 536, si précieuses pour qui veut connaître l'état du monachisme constantinopolitain à cette époque. Mais on ne tarda pas à le fonder. La tradition recueillie par Zonaras, l'Anonyme de Sathas et Nicéphore Calliste attribuent son origine à Pharasmanès, chambellan de Justinien Ier.

De ce personnage nous ne savons rien autre de sûr. Du Cange [1]), suivi par M. M. Gedeon [2]), l'a identifié au Φαρεσμάνης Κόλχος dont Procope loue quelque part la haute valeur militaire [3]). Mais plusieurs auteurs, entre autres Banduri [4]) et Skarlatos Byzantios [5]), ne veulent point de cette identification. Pourquoi? Parce que, disent-ils, l'historien du VIe siècle nous parle d'un Pharesmanès père de famille, tandis que les trois écrivains postérieurs nous mettent en présence d'un Pharasmanès inhabile à procréer des enfants. Nous lisons en effet: Φαρασμάνης ἐκτομίας, dans Zonaras [6]); Φαρασμάνης ὁ εὐνοῦχος, dans l'Anonyme [7]); ἐκτομίας ὁ Φαρασμάνης, dans Nicéphore Calliste [8]). Et nous lisons dans Procope: Ῥουφῖνον καὶ Λεόντιον τοὺς Ζάννα τοῦ Φαρεσμάνου [9]). Mais cela suffit-il à condamner Du Cange? Je ne le crois pas, car rien ne force à traduire les trois derniers mots de Procope par *Zannas*,

[1]) Constantinopolis christiana, IV, 15, 25, p. 129.
[2]) Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, p. 164.
[3]) De bello persico, I, 8.
[4]) Op. cit., p. 529.
[5]) Op. cit., t. I, p. 599.
[6]) Annalium l. XIV, 14 (III, p. 300, 25 Dind.).
[7]) Bibliotheca græca medii ævi, t. VII, p. 106.
[8]) Historia ecclesiastica, XVIII, 41: *Migne*, P. G., t. CXLVII, col. 412.
[9]) De bello vandalico, II, 19.

fils de Pharesmanès. Rendez-les, comme en d'autres cas analogues, par *Zannas, frère de Pharesmanès*, et l'identification proposée reste probable.

Homme de guerre ou non, le chambellan de Justinien Ier est ignoré des patriographes. Pour eux, Saint-Mamas ne daterait que du siècle suivant et devrait son existence à la princesse Gordia, sœur de l'empereur Maurice. Ὁ ἅγιος Μάμας ἐκτίσθη παρὰ τῆς ἀδελφῆς Μαυρικίου τοῦ βασιλέως, écrit le Pseudo-Codinus [1]). Et l'Anonyme de Banduri répète la même assertion à peu près dans les mêmes termes [2]). De son côté, l'hagiographe Nicétas Stéthatos ignore aussi le fondateur primitif. Ayant, dans sa Vie de Saint Syméon le Jeune, à parler de l'église conventuelle, il rappelle d'un mot la tradition qui lui donne pour constructeur l'empereur Maurice en personne: ναὸν ὃν Μαυρίκιον λέγεται κτίσαι τὸν αὐτοκράτορα [3]). Malgré ces deux ou trois affirmations, il faut dire que la princesse Gordia, aidée ou non de son frère, se contenta de restaurer l'œuvre de Pharasmanès.

Point d'accord sur le fondateur du couvent, chroniqueurs et patriographes le sont pour nous apprendre que Saint-Mamas de la Xylokerkos posséda les tombeaux de l'empereur Maurice et de sa famille. Mais leurs dires présentent même ici des différences notables. Tels d'entre eux affirment la chose en hommes convaincus, ne doutant pas qu'elle ne soit un fait avéré; tels autres la signalent avec hésitation, seulement comme une croyance répandue à Constantinople. Ceux-ci réunissent à la Xylokerkos tous les membres de la famille égorgée par Phocas, c'est-à-dire Maurice, Constantina et leurs enfants de l'un et l'autre sexe; ceux-là n'y montrent que le père et les fils, laissant la mère et les filles au fond de la mer. D'après les uns, les patriographes par exemple, l'ensevelissement là du basileus et des siens fut le fait de Gordia et eut lieu au lendemain même de leur mort tragique; d'après les autres, Nicéphore Calliste en particulier, les restes mortels y furent portés on ne sait par qui, beaucoup plus tard.

Au milieu de ces contradictions, la vérité se dégage mal. On peut essayer pourtant d'en retrouver la trace. Théophylacte Simocattas, l'historien le plus rapproché des événements, déclare que Maurice et les jeunes princes eurent leurs corps jetés à la Propontide, mais leurs têtes plantées à l'Hebdomon: ne serait-ce point ces têtes qui, portées ensuite au sanctuaire de la Xylokerkos, donnèrent naissance à la tradition consignée ci-dessus? Il est, par ailleurs, à peu près sûr que l'impératrice Constantina et ses filles, tuées a leur tour, trouvèrent leur dernier sommeil à Saint-Mamas. La preuve en est dans la vieille épitaphe où l'infortunée princesse exprime ses malheurs en ces termes:

Ἃ δ' ἐγὼ ἡ τριτάλαινα καὶ ἀμφοτέρων βασιλήων
Τιβερίου θυγάτηρ, Μαυρικίου τε δάμαρ,

[1]) Op. cit., col. 604.
[2]) Op. cit., p. 48.
[3]) Vie de saint Syméon le Jeune, № 24

Ἡ πολύπαις βασίλεια καὶ ἡ δόξαν λελαχοῦσα
Ὡς ἀγαθὸν τελέθει καὶ πολυκοιρανίη,
Κεῖμαι σὺν τεκέεσσι καὶ ἡμετέρῳ παρακοίτῃ
Δήμου ἀτασθαλίῃ καὶ μανίῃ στρατιῆς.
Τῆς Ἑκάβης ἔτλην πολὺ χείρονα, τῆς τ' Ἰοκάστης,
Αἰαῖ τῆς Νιόβης ἔμπνοός εἰμι νέκυς.
Ναί, καὶ τὸν γενέτην, τὶ μάτην τὰ νεογνὰ ἔκτειναν
Ἀνθρώπων κακίης μηδὲν ἐπιστάμενα;
Ἀμετέροις πετάλοισι κατάσκιος οὐ νέα Ῥώμη,
Ῥίζα γὰρ ἐκλάσθη θρηικίοις ἀνέμοις.

Cette épigramme élégiaque, d'assez belle venue pour l'époque, est donnée par les auteurs comme gravée sur l'un des tombeaux de notre monastère[1]). Je dis l'un des tombeaux, car il en existait plusieurs à se partager les restes de la famille. Tel mémoire byzantin sur les sépultures impériales de Constantinople en signale deux: le premier, qui renfermait Constantina et ses enfants, était ἀπὸ λίθου ἑκατονταλίθου et se trouvait ἐν τῷ νάρθηκι τῆς . . . ἐκκλησίας ἐξ ἀριστερῶν; le second, qui renfermait Maurice, était ἀπὸ λίθου et se trouvait ἐν . . . τῇ καταφυγῇ τῆς . . . μονῆς ἐξ ἀριστερῶν πρὸς ἀνατολήν[2]). Au lieu de ces deux sarcophages, les historiens de Romain Lecapène en mentionnent trois.

C'est en effet sous Romain Ier que les restes de Maurice et des siens, ou du moins les restes qui passaient pour tels, furent l'objet d'une translation. L'Anonyme[3]) et Georges Hamartole[4]), qui rapportent l'événement en termes identiques, lui assignent comme date l'année 922. Ces restes mortels, disent-ils, reposaient à Saint-Mamas de la Xylokerkos dans trois sarcophages, dont un seul orné de sculptures. Au fonctionnaire Pétronas, un jour, Romain enjoignit de les transporter dans son monastère impérial de Myrelaeon, et la translation eut lieu tout aussitôt.

D'ailleurs Saint-Mamas ne possédait pas que ces tombes illustres. Sa position à l'extrémité de la ville, dans une zone réservée de tout temps aux inhumations, en avait fait peu à peu une sorte de cimetière, et nous allons voir bientôt un de ses higoumènes obligé de jeter hors de l'église conventuelle tous les monuments funéraires qui l'encombraient. Cet higoumène n'est autre que saint Syméon, surnommé le nouveau théologien, personnage assez peu étudié jusqu'ici, mais qui sera parfaitement connu désormais grâce à la vie rédigée par le fameux Nicétas Stéthatos et bientôt publiée par le R. P. L. Petit.

---

[1]) *Zonaras*, op. et loc. cit.; *Anonyme de Sathas*, op. et loc. cit.; *Nicéphore Calliste*, op. et loc. cit.; *Cedrenus*, Historiarum compendium, I, p. 707 Bonn.

[2]) *De Cerimoniis*, II, 42, p. 646 et 647 Bonn. Ce texte est d'ailleurs postérieur à Constantin Porphyrogénète et on le trouve aussi hors du *De Cerimoniis*. *Du Cange*, op. cit., IV, 5, 1. p. 75; *Banduri*, op. cit., t. I, p. 106.

[3]) *Theophan. contin.* De Romano Lacapeno, 11, p. 403, 22 Bonn.

[4]) De Const. Porphyrog. et Romano Lacap. 13, p. 896, 3-8.

Syméon le Jeune aurait voulu vivre sa vie religieuse au Stoudion, sous la conduite de Syméon le Pieux, premier maître de son enfance. Mal accueilli par les moines, mal défendu pas l'higoumène Pierre, force lui fut de se retirer πρὸς Ἀντώνιον ἐκεῖνον, τὸν τηνικαῦτα ἀρετῇ περιβόητον, ἡγούμενον ὄντα τῆς ἀγχοῦ παρακειμένης μονῆς τοῦ ἁγίου Μάμαντος[1]). Cet Antoine, supérieur de Saint-Mamas, devina de trésor que Dieu lui envoyait; il l'accueillit avec transport. Peu d'années après, lui descendu dans la tombe, l'ex-postulant studite montait à sa place sur le siège higouménal. C'était en 984. Au lendemain de son élection, Syméon reçut la prêtrise des mains de Nicolas II; au cours de son higouménat, il vit trente de ses moines révoltés se plaindre contre lui à Sisinnios II; en fin de compte, il abandonna la direction du couvent à son disciple Arsène sous Sergios II. Ceci en 1009. L'ex-higoumène mamantien eut encore le temps de fonder un nouveau monastère à Sainte-Marine, au-dessus de Chrysopolis, et d'y vivre de longues années avant de mourir le 12 mars 1022. C'est toujours néanmoins comme supérieur de Saint-Mamas près la Xylokerkos que la postérité s'est plue à le désigner. Il n'a pas d'autre titre dans les manuscrits qui nous ont conservé sa vie ou ses œuvres. Il n'est pas autrement nommé dans les rares textes qui parlent de lui. Et c'est justice, car Syméon s'est illustré surtout à la Xylokerkos. Son higouménat d'un plein quart de siècle fut une époque de prospérité pour le couvent. Il y attira un très grand nombre de moines. Il en releva de fond en comble toutes les constructions, sauf l'église qu'il se contenta de restaurer. C'est Nicétas Stéthatos, contemporain et témoin des faits, qui nous l'apprend: ὅλον τὸ μοναστήριον πλὴν τοῦ ναοῦ ἐκ βάθρων φιλοτίμως ἀνοικοδομεῖ, τὸν δέ γε ναόν, ὃν Μαυρίκιον λέγεται κτίσαι τὸν αὐτοκράτορα, τῶν νεκρῶν σωμάτων ἀποκαθαίρει, πάλαι πολυάνδριον γεγονότα[2]).

En même temps que par son attrait sur les vocations et ses entreprises de bâtisseur, Syméon le Jeune illustra Saint-Mamas par ses volumineux écrits de spiritualité. Ces œuvres, peu connues de nos jours, n'en ont pas moins joui d'une prodigieuse influence dans les milieux monastiques byzantins. Leur mysticisme, parfois étrange, tomba sur le terroir inoccupé de l'Athos comme une graine de mauvaise herbe sur un sol fécond: il y germa, il y grandit, il s'y épanouit en fleurs d'hésychasme. Démétrios Kydonès nous est un sûr garant de la tradition byzantine sur ce point, lui pour qui le premier grand précurseur de Palamas fut Συμεών τις, τῆς Ξηροκέρκου ἐπιλεγομένης ἡγούμενος[3]).

Syméon le Jeune vivait encore à Sainte-Marine ou venait de mourir à peine, lorsque les tribunaux de Constantinople eurent à s'occuper d'un couvent Saint-Mamas, sur la demande de Marie, fille de Scléros, à qui le patrice Panbérios, patron de cette maison religeuse, devait une somme de 62 livres. La Scléraine, faute de pouvoir entrer autrement dans son dû, réclamait le monastère Saint-Mamas. Elle

[1]) Vie de saint Syméon le Jeune, № 17.
[2]) Op. cit., № 24.
[3]) Adversus Gregorium Palamam, *Migne*, P. G., t. CLIV, col. 840.

l'obtint en effet par voie judiciaire avec toutes ses propriétés, non point certes pour en aliéner la moindre parcelle, mais bien pour les administrer conformément aux dispositions du fondateur. Ainsi parle du moins le compilateur de la Πεῖρα[1]). Par malheur, nous ne pouvons affirmer qu'il s'agisse ici de notre Saint-Mamas de la Xylokerkos.

C'est bien de lui au contraire qu'il s'agit au siècle suivant dans un document de premier ordre, dans un typikon parvenu jusqu'à nous complet. La pauvre maison, y lisons-nous dans le prologue[2]), avait eu trop de charisticaires ou de patrons, trop de protecteurs comme le patrice Panbérios ou la Scléraine Marie: aussi, dépouillée de tout, ne possédait-elle plus que la protection du grand martyr Mamas. Tant de misère toucha le mystique Georges Kappadokès qui résolut de la relever. Et Georges, à la vérité, n'épargna rien pour lui rendre son antique splendeur. D'abord, comme elle dépendait à ce moment du patriarcat, il se la fit céder par le patriarche Cosmas (1146—1147). Ensuite, non content de forcer quelques-uns des spoliateurs survivants à rendre gorge, il l'enrichit de ses propres dons. Après quoi, pour prévenir de nouveaux pillages, il obtint un acte du patriarche Nicolas II Muzalon (1147—1151) et un chrysobulle de l'empereur Manuel Ier Comnène (1143—1180) qui la déclaraient monastère autonome et libre, plus jamais susceptible de tomber aux mains de charisticaire quelconque. Puis, afin d'assurer sa bonne marche intérieure, il mit à sa tête le moine Athanase, alors économe du couvent du Sauveur Philanthrope. Puis encore, sûr de ne pas se dépouiller pour des frelons, il la combla de libéralités nouvelles. Enfin, devenu à ses derniers moments l'humble moine Grégoire, il chargea l'higoumène Athanase de lui composer un typicon.

Le typicon de Saint-Mamas écrit par Athanase le Philanthropène comprend, en dehors du prologue que nous venons d'utiliser, un nombre total de quarante-huit chapitres[3]), chapitres fort instructifs, mais qu'il nous est impossible de résumer ici. Il se termine sur des souscriptions et des annexes du plus haut intérêt. Voici, en novembre 1158, la signature de Théokhariste Kappadokès, frère du mystique Georges et mari de Zoé Dalassène, la signature aussi de tous les membres de la communauté mamantienne, d'Athanase Philanthropène supérieur, de Grégoire économe, de Théodoret ecclésiarque, de quatre moines prêtres, d'un moine diacre, de dix simples moines qui savent écrire, de onze autres moines qui tracent une croix[4]). Et voici, en janvier 1164, l'approbation judiciaire délivrée par le questeur et nomophylax Théodore Pantekhnès qui scelle sa bulle sur l'exemplaire officiel du typikon.

Ce dernier acte donne lieu, le dimanche 5 janvier, à une cérémonie solennelle. De nobles étrangers ont été priés de venir à Saint-Mamas jouer le rôle de

[1]) *Zachariæ a Lingenthal*, Jus graeco-romanum, t. I, p. 48.

[2]) *Ѳ. Успенскій*, Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ. Лѣтопись Ист.-Фил. Общ. при Новор. Унив., Визант. Отд. I, стр. 33—38 (отд. отт. стр. 10—14); cf. l'annexe du typikon, ibid., p. 47—48.

[3]) *А. Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей, I, Kiev, 1895, p. 702—715 et 717—766.

[4]) *Ѳ. Успенскій*, op. cit., I, p. 44—45; *А. Дмитріевскій*, op. cit., p. 708—710.

témoins: Théophylacte, supérieur du Stoudion, Jean Dithétos, secrétaire impérial, Jean Maurikas, curopalate, Théodose, économe du Stoudion, Paul, moine et protoprêtre de la Périblepte, Théodule, moine de la Périblepte, Acace et Barnabé, moines et prêtres du Stoudion, Philarète, Michel et Cyrille, moines du Stoudion. Ces étrangers, introduits dans l'église, y trouvent toute la communauté réunie. Aussitôt, en présence de l'higoumène Athanase, un des moines mamantiens fait à haute voix le récit des heureuses transformations subies par le monastère depuis 1147 et, ce récit terminé, présente le typikon au questeur Théodore Pantekhnès. Il s'agit d'examiner le volume, de le décrire minutieusement. Le questeur s'en acquitte dans une longue note, avec presque toute l'acribie d'un paléographe moderne, puis, comme le supérieur et ses religieux l'en prient d'un commun accord, il déclare que telle est bien la règle de leur choix, et il en authentique le texte officiellement de sa signature ainsi que de sa bulle de plomb[1]).

Cet instrument original ne devait rester que sept ans dans les murs de Saint-Mamas. En 1071, après en avoir fait prendre trois copies dûment certifiées conformes, l'higoumène Athanase l'enferma, avec d'autres pièces d'archives non moins précieuses, dans un petit coffre soigneusement scellé et il déposa le tout, le 8 mars, au monastère du Sauveur Philanthrope. Huit jours plus tard, le lundi 15, il faisait constater ce dépôt par un grand nombre de personnages tant civils que religieux et fixait, d'accord avec le protecteur civil de son couvent, dans quels cas et à quelles conditions les autorités philanthropènes pourraient et devraient communiquer les documents confiés à leur garde. Quelques semaines après, en avril, il ajoutait une note de sept ou huit lignes pour recommander une dernière fois la fidèle observance de son typikon aux générations futures et vouer les mamantiens qui le transgresseraient aux pires malédictions[2]).

En ce qui regarde les constructions de Saint-Mamas, les données contenues dans le prologue et la seconde annexe nous apprennent que le monastère fut presque tout entier remis à neuf, partie immédiatement avant, partie immédiatement après la mort de Georges Kappadokès[3]). Avant, il faut noter l'adduction d'eaux potables très abondantes[4]). Après, il faut signaler la construction d'un réfectoire et d'un bain, celui-ci destiné tout ensemble aux membres de la communauté et, moyennant finances, aux gens de l'extérieur[5]).

Le typikon de Saint-Mamas fut rédigé par Athanase à l'aide de typika préexistants, autant avec les ciseaux qu'avec la plume. Mais encore fut-il rédigé et le Philanthropène y mit-il peut-être quelque chose de son propre fond. On n'en peut dire autant de la charte que le mystique Nicéphore octroya, entre septembre

---

[1]) *Θ. Успенскій*, op. cit., p. 45—50; *A. Дмитріевскій*, op. cit., p. 710—714.
[2]) *Θ. Успенскій*, op. cit., p. 50—54.
[3]) *Θ. Успенскій*, op. cit., p. 36 et 48; *A. Дмитріевскій*, op. cit., p. 705 et 712.
[4]) *Θ. Успенскій*, op. cit., p. 37; *A. Дмитріевскій*, op. cit., p. 706.
[5]) *Θ. Успенскій*, op. cit., p. 48; *A. Дмитріевскій*, op. cit., p. 712.

1161 et septembre 1162, au couvent bithynien d'Elegmi[1]). Quelle est au juste cette pièce? Purement et simplement le typikon écrit moins de quatre ans plus tôt pour le monastère de la Xylokerkos. Le prologue primitif a évidemment cédé la place à un prologue nouveau; on ne parle ni de Georges, ni de Théokhariste, ni d'Athanase; le mégalomartyr Mamas est supplanté d'un bout à l'autre par la Vierge Marie; aux frères jardiniers et vignerons se sont ajoutés des frères laboureurs et pêcheurs; le chapitre sur les soins dûs aux vieillards a passé du trente-troisième au trente-sixième rang; le chapitre XL sur les services à célébrer pour Georges Kappadokès, son frère et sa belle-sœur n'existe plus, remplacé tout à la fin par quatre chapitres nouveaux sur la solennité de l'Assomption, fête patronale d'Elegmi, et sur les prières à faire pour le basileus Manuel Ier Comnène, le mystique Nicéphore et les anciens fondateurs du couvent. Mais, à cela près, le typikon du monastère bithynien reproduit avec une touchante fidélité l'œuvre d'Athanase le Philanthropène.

Que Nicéphore ait connu cette œuvre, rien de plus facile; qu'il l'ait copiée, rien de plus naturel. A ses derniers moments, le mystique Georges Kappadokès avait demandé que Saint-Mamas eût pour défenseur son propre frère Théokhariste et après celui-ci, vieillard probablement sans enfants, quiconque se trouverait occuper la charge de mystique[2]). Or, Théokhariste, encore de ce monde au mois de novembre 1158, n'était plus parmi les vivants le 5 janvier 1164. N'est-il pas vraisemblable qu'il avait succombé dès avant 1162? Nicéphore, appelé de par sa fonction de mystique à le remplacer comme protecteur de Saint-Mamas, ne put que lire le typikon d'Athanase le Philanthropène, et de là, content de sa rédaction, à se l'approprier pour la maison d'Elegmi, qu'il venait de relever absolument dans les mêmes conditions que Georges Kappadokès celle de la Xylokerkos, il n'y avait qu'un pas et qui fut sans peine franchi, étant donné les habitudes plagiaires de Byzance.

Est-ce notre Saint-Mamas, est-ce un autre qui trouva un nouveau restaurateur, entre 1185 et 1195, dans la personne de l'empereur Isaac l'Ange? Tel auteur latin nous signale en tout cas à Constantinople un *monasterium quod de novo fabricatum erat sumptibus Hysachii imperatoris Constantinopolitani in honore beati Mamantis*[3]). Là, en 1204, les pillards de la IVe croisade trouvèrent le chef du mégalomartyr de Césarée cerclé d'un ornement d'argent *in quo erat scriptum antiquis literis graecis, quæ adhuc ibi apparent:* ΑΓΙΟΣ ΜΑΜΑΣ[4]). Un bon caloyer avait apporté cette relique de Cappadoce quelques années plus tôt, juste au moment où l'empereur Isaac rebâtissait l'église mamantienne. Se doutait-il, en la remettant au basileus, qu'un chevalier franc, Gualo de Dompierre, tarderait si peu à la ravir pour en doter la cathédrale de Langres?

---

[1]) *А. Дмитріевскій*, op. cit., p. 715–769.

[2]) *Ѳ. Успенскій*, op. cit., p. 29; *А. Дмитріевскій*, op. cit., p. 723.

[3]) Historia translationum S. Mamantis, 16, Acta sanctorum augusti, t. III, p. 444.

[4]) Ibid., 14, p. 444.

Ce pieux larcin n'avait pas encore eu lieu, lorsque, vers 1200, Antoine de Novgorod[1]), en visite auprès de la Porte Dorée, y rencontra „les reliques de Saint-Mamas et son couvent". Les autres pèlerins russes ne mentionnent point la maison religieuse de la Xylokerkos, mais nous savons par les sources byzantines qu'elle existait encore beancoup plus tard.

Un jour, s'il faut en croire son témoignage, un jour de 1350 ou de 1351, Jean Cantacuzène eut sérieusement envie de déposer la pourpre impériale et de revêtir le froc religieux. Dans cette conjoncture, il aurait voulu pour maître spirituel le métropolite Philothée, d'Héraclée de Thrace, et pour lieu de retraite le couvent de Saint-Mamas, à l'intérieur de Constantinople. Deux hommes de mérite, Nicolas Kabasilas et Démétrios Kydonès, y auraient accompagné l'impérial novice. Mais bientôt Cantacuzène jeta son dévolu sur le monastère de Manganes, sauf à n'y entrer que forcé par les événements, en novembre ou décembre 1354[2]).

Entre temps, Saint-Mamas avait servi d'asile au patriarche Calliste. C'était au début de 1353. Jean Cantacuzène, en guerre avec son gendre Jean Paléologue, parlait d'appeler au trône son propre fils Matthieu. Aussitôt, par une exception rare aux habitudes byzantines, Calliste s'éleva vigoureusement contre ce projet d'usurpation et, comme l'usurpation était sur le point de s'accomplir tout de même, il pensa que le palais patriarcal n'était plus fait ni pour sa personne ni pour ses meubles. Sa personne, il la transporta au couvent d'Athanase; ses meubles, il les déposa au couvent de Saint-Mamas qui lui appartenait depuis quatre ans. Ainsi du moins parle Nicéphore Grégoras, un contemporain[3]). Mais il semble bien que la personne de Calliste ne tarda pas à rejoindre ses meubles, car Jean Cantacuzène, mêlé de si près à ces événements, ne le montre jamais ailleurs. Il le fait même passer directement du patriarcat à Saint-Mamas, qui était, dit-il[4]), son monastère en propre. Tandis que le prélat se tenait dans ce refuge, le hardi basileus élevait son fils à la dignité suprême. Le proclamer empereur, rien de plus simple; mais comment lui obtenir le sacre impérial à Sainte-Sophie? Une ambassade fut organisée avec Daniel d'Enos, Joseph de Ténédos, Kabasilas le sacellaire, Perdicas le skévophylax, d'autres encore, une ambassade qui s'en alla du Palais Sacré à Saint-Mamas[5]) prier instamment le patriarche d'entrer en composition. Elle échoua. Alors on recourut au grand moyen: on déclara le siège de Constantinople vacant et on y éleva un homme plus souple. Déchu de la sorte, Calliste resta longtemps encore enfermé au monastère mamantien[6]); puis il passa furtivement à Galata, chez les Latins, et de là se rendit en temps opportun à Ténédos où l'empereur Jean Paléologue tenait sa cour.

[1]) *B. de Khitrovo*, Itinéraires russes en Orient, p. 102.
[2]) *J. Cantacuzène*, Historiarum l. IV, 16, p. 107 et 108 Bonn.
[3]) Byzantinæ historiæ l. XXVIII, 19 (III, p. 188, 22 Bonn.).
[4]) *J. Cantacuzène*, op. cit., IV, 36, p. 259, 18 Bonn.
[5]) Ibid., p. 270, 20 Bonn.
[6]) Ibid., p. 275, 14 Bonn.

Le dernier document écrit relatif à Saint-Mamas est un acte patriarcal daté d'octobre 1399. Le monastère a fait l'acquisition d'une terre appartenant à un certain Manuel Paléologue, dit Raoul, et en a versé le prix fixé: 800 hyperpyres. Seulement, pour des raisons particulières, cette somme se trouve déposée, non pas entre les mains du vendeur, mais entre celles de Makrodoukas, son beau-père, qui la lui fait tenir peu à peu par mensualités déterminées d'avance. Au bout d'un certain temps, peu satisfait de n'avoir ni la jouissance de sa terre, ni la libre disposition de ses hyperpyres, Raoul manifeste assez haut son vif regret d'une pareille vente. Aussitôt Nicolas Sophianos, patron du couvent, assigne le vendeur par devant le tribunal du patriarche. Un procès a lieu et Saint-Mamas est confirmé, comme de juste, dans ses droits de légitime propriétaire. La pièce contenant cette sentence avec les mille et un détails de la cause existe encore et on peut, si l'on veut, la lire en son entier [1]).

X. Autres Saint-Mamas.

Il manquerait quelque chose a cette étude sur le grand château et le grand couvent Saint-Mamas, si nous ne la complétions, pour finir, d'un petit chapitre spécial sur les autres Saint-Mamas de Constantinople, vrais ou faux, et sur leurs prétendus synonymes.

Le Synaxaire de Sirmond [2]) et le Ménée de juillet édité à Venise en 1591 [3]) portent, celui-ci au 12, celui-là au 13 juillet, la mention suivante: μνήμη τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μάμαντος πέραν ἐν τῷ Σίγματι. Pareillement, au 2 septembre, le même Synaxaire [4]) et le codex Parisiensis 1583 du XIIIe siècle [5]) indiquent la synaxe de Saint-Mamas ἐν τῷ μαρτυρείῳ αὐτοῦ τῷ ὄντι ἐν τῷ Σίγματι. Quel est ce Saint-Mamas du Sigma? Skarlatos Byzantios l'a identifié [6]) avec l'illustre château suburbain du même nom. Et, s'il a erré en asseyant celui-ci au fond de la Corne, peut-être n'a-t-il pas erré en présentant cette identification. Il est tout naturel de croire en effet que l'église du si renommé proasteion impérial célébrait très solennellement la fête de son patron éponyme et tout naturel aussi, par conséquent, de reconnaître cette église dans le sanctuaire pératique indiqué pour la synaxe du mégalomartyr. Vous direz donc qu'il existait un Sigma hors de Constantinople, sur la rive thrace du bas Bosphore, un Sigma peu connu des topographes, mais assez des Byzantins pour servir à spécifier le martyrion mamantien du Bosphore. Sa mention fut chose nécessaire au moyen âge. A ce moment, quand la villa des empereurs eut perdu de son importance antérieure et que le couvent de saint Syméon le Jeune eut acquis

---

[1]) *Miklosich* et *Mueller*, Acta et diplomata græca medii ævi, t. II, p. 304—312.
[2]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 818, 27.
[3]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 817, 43.
[4]) *H. Delehaye*, op, cit., col. 7, 14.
[5]) *H. Delehaye*. op. cit., col. 7, 44.
[6]) Op. cit., t. II, p. 8.

tant de notoriété, il fallut distinguer avec plus de soin leurs deux églises et l'on ne trouva rien de mieux à cet effet que de dire *Saint-Mamas du Sigma* pour l'un et *Saint-Mamas de la Xylokerkos* pour l'autre. Voilà du moins ce qui paraît le plus vraisemblable.

Au 10 décembre, les Byzantins fêtaient un groupe de 46 martyrs, dont le cinquième nommé Mamas, et ils les fêtaient ἐν Σοφιαναῖς, disent deux manuscrits[1]), ἐν Σοφιαναῖς ἤτοι ἐν τοῖς Δαρείου, dit le Synaxaire de Sirmond[2]). De même, au 17 ou au 30 juillet, ils commémoraient les deux saints Mamas et Basilisque soit ἐν τοῖς Δαρείου[3]), soit ἐν τῇ Ξηροκίρκῳ[4]) ou ἐν τῷ Ξηροκέρκῳ πόρτης[5]). Voilà donc τὰ Δαρείου mis en rapport avec deux martyrs Mamas. On trouve en outre ce quartier mentionné par les livres liturgiques à quatre autres dates: au 6 février pour la fête des saints Fauste et Basile[6]); au 4 mai et au 11 août pour celle de saint Néophyte et de ses compagnons[7]); au 1er novembre pour celle des saints Cosme et Damien[8]). Où se trouvait-il? Faut-il le rapprocher du grand Saint-Mamas urbain ou du grand Saint-Mamas suburbain? Faut-il ne le rapprocher ni de l'un ni de l'autre? Les données relatives à τὰ Δαρείου, celles du moins que je connais, ne donnent aucun renseignement sur sa position et je préfère m'abstenir de toute hypothèse jusqu'à plus ample informé.

Au 6 mai, quelques livres liturgiques inscrivent un saint Mamas à la suite des saints Pachôme et Hilarion, ajoutant que leur fête se faisait πέραν[9]), ou plus exactement πέραν ἐν Ὀχείαις[10]). Quel est ce lieu pératique? Encore ici, la question demande à rester sans réponse.

Le seul Saint-Mamas, différent des deux grands, dont on puisse affirmer l'existence était une église ou une chapelle de banlieue nullement pératique, j'entends l'église ou la chapelle qui a survécu de nom dans l'expression géographique *Aïmama-Déré*. Pas un texte byzantin, que l'on sache, ne parle d'elle; peu nous importe, il suffit de la dénomination moderne pour affirmer qu'elle fut. Son histoire évidemment nous échappe. Peut-être, à raison de sa position solitaire, la petite vallée peut-elle disputer au Saint-Mamas bosphoréen l'honneur d'avoir eu le couvent patriarcal du XIVe siècle qui abrita, quelques années durant, saint Théodose de Tirnovo. Mais c'est là son titre de gloire unique, et poin sûr.

Des Saint-Mamas authentiques passons aux Saint-Mamas faux dont Constantinople refuse de se laisser encombrer.

---

[1]) *H. Delehaye*, op. cit., col. 276, 54 et 55.
[2]) Ibid., col. 275, 17.
[3]) Ibid., col. 825, 51 et 856, 5.
[4]) Ibid., col. 856, 44 et 46.
[5]) Ibid., col. 855, 45.
[6]) Ibid., col. 448, 17.
[7]) Ibid., col. 660, 4; 883, 9 et 886, 2.
[8]) Ibid., col. 185, 18.
[9]) Ibid., col. 659, 48.
[10]) Ibid., col. 662, 40 et 44.

Du Cange a éprouvé le besoin de mentionner dans sa *Constantinopolis christiana*[1]) le sanctuaire auquel fait allusion, sans le nommer, la première homélie de saint Grégoire de Nazianze contre Julien l'Apostat[2]). Guidé par les seuls Elie de Crète, commentateur de cette homélie, et Théophane, auteur de la Chronographie, il s'est demandé si l'église en question, projetée par Julien en l'honneur du martyr Mamas, devait s'élever à Constantinople ou en Cappadoce. La réponse est fournie par Sozomène: le futur apostat, quand il voulut bâtir, se trouvait auprès de Césarée et c'est le tombeau même du mégalomartyr cappadocien qui devait bénéficier de la construction[3]). Il n'y a donc pas lieu d'en parler à propos de topographie byzantine.

J'en dirai tout autant du Mamas signalé dans la Σύνοψις χρονική. Sathas, en publiant cette œuvre, a noté par mégarde: Μάμας, θέσις Κωνσταντινουπόλεως[4]). Mais il suffit de se reporter au texte pour voir qu'il s'agit en réalité d'une des hauteurs utilisées dans le système des feux-signaux que supprima Michel l'Ivrogne. On peut même dire où s'élevait ce mont Mamas. En effet, dans le texte qui nous occupe, la *Synopsis* écrit: εἶτα οἱ εἰς τὸν Μάμαντα, ἀφ' οὗ οἱ εἰς τὴν Κύζικον[5]). Et dans un autre texte, la même *Synopsis* écrit: περὶ τὰ τῶν Πηγῶν μέρη ἐν τόπῳ ὃς τοῦ Μάμαντος λέγεται[6]). Le premier passage montre que l'on communiquait directement de Mamas à Cyzique; le second établit que Mamas appartenait au district de Pégae. Cyzique et Pégae sont deux villes de la même région: le Mamas à proximité de l'une est le Mamas en communication avec l'autre. D'où il suit que la prétendue θέσις Κωνσταντινουπόλεως représente un des sommets voisins de Pégae, aujourd'hui Bigha, dans l'ancien Hellespont.

Nous revenons à Constantinople avec le plan de cette ville par Christophore Buondelmonti, ou plutôt avec l'énigmatique légende du monument religieux que l'on y voit dessiné tout contre le rempart, sur le Lykos, à égale distance du *Palatium imperatoris,* qui est Tekfour-Séraï, et de *S. Andreas*, qui est Khodja-Moustapha-Djami. M. Mordtmann, qui a reproduit le plan du voyageur italien[7]), donne avec hésitation la légende comme il suit: *St Mam* (?), et il l'explique par: *Sanctus Mamas,* influencé à coup sûr par l'idée que le monastère de la Xylokerkos se trouvait non loin de ces parages. Ce qu'il en est au juste de cette idée, nous l'avons dit longuement plus haut. Il nous reste uniquement à dire ici que la lecture du savant topographe est erronée. Ne prenez point la dernière des seize phototypies qui illustrent si bien la belle édition de Buondelmonti par M. Emile Legrand[8]), car l'auteur du manuscrit latin d'où elle provient[9]) a supprimé quelques légendes

[1]) IV, 15, 25, p. 129.
[2]) Oratio IV, *Migne*, P. G., t. XXXIII, col. 552–553.
[3]) Historia ecclesiastica, V, 2, *Migne*, P. G., t. LXVII, col. 1216.
[4]) Bibliotheca graeca medii aevi, t. VII, p. 648.
[5]) Ibid., p. 144.
[6]) Ibid., p. 522.
[7]) Esquisse topographique de Constantinople, p. 73.
[8]) Description des îles de l'Archipel, première partie, Paris, 1897.
[9]) Codex 4825 de la Bibliothèque nationale de Paris.

et parmi elles celle de notre monument. Mais prenez l'une des deux planches gravées en tête de tel volume des Μνημεῖα ἑλληνικῆς ἱστορίας de Sathas[1]), planche basée sur le même codex[2]) que la reproduction de M. Mordtmann. Qu'y remarquez-vous? Plusieurs choses. D'abord, le début *St* est invraisemblable: en effet, chaque fois qu'il s'agit d'une église dédiée à un seul saint, et cela se présente sept fois dans le plan, Buondelmonti rend uniformément l'adjectif *Sanctus* par la seule initiale du mot, qu'il écrit majuscule entre deux points .S. Ensuite, la début *St* est impossible: en effet, les traits conservés sur la gravure s'éloignent infiniment de la forme que l'auteur donne toujours à ces deux caractères. Enfin, la finale *m* est à remplacer par *ta:* en effet, cette syllabe *ta* revient jusqu'à huit fois sur le plan[3]) et sa comparaison avec la lettre *m* qui s'y trouve plus de douze fois ne peut laisser aucun doute sur la vraie lecture. Au total donc, bien que trop mal conservée pour nous fournir l'indication positive du monument représenté, la légende qui nous occupe l'est assez bien pour nous forcer à écarter *Sanctus Mamas,* et cela, faute de mieux, doit nous suffire.

Imaginant ainsi parfois des Saint-Mamas, les auteurs sont arrivés encore plus vite à localiser dans les Saint-Mamas réels des constructions et des événements qui ne s'y élevèrent ou ne s'y passèrent point. Ainsi en a malencontreusement agi notre Du Cange. Placé devant les τὰ κατὰ τὴν Ἀργυρᾶν καλουμένην λίμνην διακείμενα παλάτια que signale Anne Comnène[4]), il a hasardé: Eadem videntur cum palatio S. Mamantis[5]), et Hammer a répété la même chose après lui[6]). Pourquoi? Parce que les indications de la princesse byzantine se rapportent à un château voisin du Cosmidion, debout dans la région suburbaine généralement assignée jusqu'ici au proasteion mamantien. La place vraie de celui-ci étant sur le Bosphore, il ne faut plus songer à son identification avec le palais d'Argyrolimné.

Ne songez pas davantage à son identification avec le proasteion de Sophianes bâti par Justin II en l'honneur de sa femme Sophie. C'est Skarlatos Byzantios qui a, je ne puis concevoir pourquoi, prétendu superposer de la sorte les deux impériales villas[7]). Soutloutzé, où il les a mises l'une sur l'autre, n'a pas plus possédé l'une que l'autre. Sophianes, comme Saint-Mamas, appartient au Bosphore, et au bas Bosphore, mais à sa rive asiatique. Qu'il en soit ainsi, l'épigramme suivante[8]), du scholastique Marianos, suffit à le prouver:

---

[1]) Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, t. III, 1882.

[2]) Codex lat. XIV, 45 de la bibliothèque Saint-Marc.

[3]) Je ne compte pas les exemples de *sta*, parce que la lettre *s*, liée avec le *t* suivant, lui donne toujours une forme spéciale dans l'écriture de Buondelmonti.

[4]) Alexias, X, 9. (II, p. 48, 12 Bonn.).

[5]) Op. cit., IV, 12, 5, p. 121.

[6]) Op. cit., t. I, p. 218.

[7]) Op. cit., t. II, p. 8.

[8]) Anthologia palatina, IX, 657 (t. II, p. 134).

Εἰς τὸ παλάτιον Σοφιανῶν.
Ὀππόθι τεμνομένης χθονὸς ἄνδιχα πόντον ἀνοίγει
πλαγκτὸς ἁλικλύστων πορθμὸς ἐπ' ἠϊόνων,
Χρύσεα συλλέκτρῳ τάδ' ἀνάκτορα θῆκεν ἀνάσσῃ
τῇ πολυκυδίστῃ θεῖος ἄναξ Σοφίῃ.
Ἄξιον, ὦ Ῥώμη μεγαλοκρατές, ἀντία σεῖο
κάλλος ἀπ' Εὐρώπης δέρκεαι εἰς Ἀσίην.

Sophianes est sur le Bosphore: tout le premier distique n'a d'autre but que de nous indiquer le détroit. Sophianes est sur le bas Bosphore: plus haut, elle serait invisible de Constantinople et le poète n'inviterait point cette nouvelle Rome à contempler ses splendeurs. Sophianes est sur la rive asiatique: la capitale, debout en Europe, est priée de la regarder en face d'elle, debout en Asie. Et ces indications sont confirmées par d'autres textes, par ceux-là surtout où nous avons vu les chroniqueurs étendre un chemin de glace, à la date de 763, soit entre Chrysopolis ou Sophianes et notre Saint-Mamas, soit entre Sophianes et Constantinople.

Les deux proasteia ainsi distingués, l'histoire du château mamantien se trouve allégée de tous les événements qui eurent pour théâtre la villa sophianaise. Ainsi par exemple, notre palais, quoique puisse en dire Skarlatos Byzantios [1]), ne reçut pas l'empereur Léon IV pour tel maïoumas dont nous parle un chroniqueur. Il ne vit pas non plus, malgré le sentiment contraire d'Emmanuel Miller [2]), les divers incidents survenus aux croisés sur les rives de la Corne d'Or intérieure ou sur le pont qui les unissait. Cette erreur chez le commentateur français des historiens grecs des Croisades a pour cause la fausse opinion où il était, avec la plupart des topographes, touchant l'emplacement de notre proasteion, pour cause aussi la confusion qu'il commettait, à la suite de ces mêmes topographes, entre le pont historique du golfe et le pont mythologique du faubourg.

Moins connu des auteurs modernes, le Saint-Mamas urbain n'a pas du moins à regretter autant de méprises que son homonyme. Mais il faut noter, avant de finir, combien Du Cange a eu tort de prendre pour l'hippodrome de la Xylokerkos celui que Grégoras mentionne à propos de l'assasinat d'Apocauque. L'historien dit que les meurtriers de celui-ci virent le peuple se réunir παρὰ τὸν γείτονα ἱππόδρομον [3]). Or, où se trouvaient-ils? Dans l'enceinte du vieux palais, ἔνδον τοῦ παλαιοῦ παλατίου [4]). C'est donc que l'hippodrome visé est le grand hippodrome. D'ailleurs, en ce milieu du quatorzième siècle, il y avait beau temps que l'éphémère et provisoire cirque de la Xylokerkos n'existait plus.

---

[1]) Op. et loc. cit.
[2]) Recueil des historiens des Croisades. Historiens Grecs, t. II, p. 228, 445 et 541.
[3]) Byzantinæ historiæ, l. XIV, 10 (II, p. 785, 18 Bonn.).
[4]) Op. cit., 3, p. 780, 10 Bonn.

ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

IX.

ВЫПУСКЪ 3.

СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1904.

Печатано на основаніи § 4 Устава Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Директоръ Ѳ. Успенскій.

Оглавленіе.

Ѳ. И. Успенскій, Никифоръ Ѳеотоки и Лейпцигское изданіе толкованій на Восьмикнижіе . . . 317—341
В. А. Пančенко, Каталогъ молибдовуловъ коллекціи Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Продолженіе (съ табл. I—IV) . . . . . 342—396
Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1902 годъ 397—410
Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1903 годъ 411—430

Никифоръ Θеотоки

и

Лейпцигское изданіе толкованій на Восьмикнижіе.

Θ. И. Успенскаго.

Поднятый въ послѣднее время въ спеціально-библейской литературѣ вопросъ о толкованіяхъ на Пятикнижіе и Восьмикнижіе или вопросъ о „греческихъ катенахъ" — die Oktateuchcatene, какъ принято называть въ нѣмецкой литературѣ рукописные сборники, представляющіе своды толкователей на книги священнаго писанія — многоразличными сторонами соприкасается съ вопросомъ объ отношеніи Θеотоки къ своимъ источникамъ. Лейпцигское изданіе этихъ катенъ[1]) составляетъ исходный моментъ для всѣхъ изслѣдователей рукописнаго матеріала катенъ, во множествѣ разбросаннаго во всѣхъ европейскихъ библіотекахъ. Можно сказать, что для каждой подобной рукописи прежде всего необходимо разрѣшить вопросъ объ отношеніи ея къ изданному Θеотоки тексту[2]). Отсюда понятно значеніе поставленной нами задачи — выяснить отношеніе Θеотоки къ имѣвшимся въ его распоряженіи рукописямъ.

Какъ извѣстно, Θеотоки, прибывъ въ Константинополь въ 1765 году, нашелъ въ библіотекѣ князя Григорія Гики одну рукопись, чрезвычайно его заинтересовавшую. Это было Пятикнижіе и послѣдующія книги до Царствъ включительно. Другая рукопись, пріобрѣтенная имъ впослѣдствіи, происходила изъ библіотеки великаго спаθарія Александра, сына Константина, и составляла Октатевхъ, какъ можно было заключать по записи, хотя въ дѣйствительности начиналась съ книги

[1]) Σειρὰ ἑνὸς καὶ πεντήκοντα ὑπομνηματιστῶν εἰς τὴν Ὀκτάτευχον ἤδη πρῶτον τύποις ἐκδοθεῖσα ἀξιώσει μὲν τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ γαληνοτάτου ἡγεμόνος πάσης Οὐγκροβλαχίας κ. κ. Γρηγορίου Ἀλεξάνδρου Γκίκα, ἐπιμελείᾳ δὲ Νικηφόρου ἱερομονάχου τοῦ Θεοτόκου. Τ. I—II. Ἐν Λειψίᾳ 1772.

[2]) Кромѣ общихъ указаній литературы у *Гарнака* Geschichte d. altchristl. Liter., I p. 835 и у *Крумбахера* Geschichte der Byzantin. Liter., p. 206—218, можно сослаться на спеціальные труды: *Lindl*, Die Oktateuchcatene des Procop v. Gaza und die Septuagintaforschung. München 1902. *Karo et Lietzmann*, Catenarum graecarum Catalogus (Nachrichten von der königl. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse 1902. Heft I).

Левитъ и оканчивалась книгой Руѳь. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что княжеская рукопись или затерялась, или сдѣлалась жертвой одного изъ пожаровъ, такъ часто свирѣпствующихъ въ Константинополѣ. Можетъ быть, остается нѣкоторая вѣроятность признавать Ватопедскую рукопись, которая также начинается съ книги Левитъ, за ту, которая происходитъ изъ библіотеки великаго спаѳарія Александра. Но вообще думать, что въ сохранившихся до нашего времени Октатевхахъ или Пентатевхахъ уцѣлѣла одна изъ рукописей, бывшихъ въ распоряженіи Ѳеотоки, и потому уже нѣтъ основаній, что онъ въ своемъ описаніи не обмолвился ни однимъ словомъ объ миніатюрахъ, — признакѣ весьма характерномъ для тѣхъ рукописныхъ кодексовъ, которые сохранились на Востокѣ. Хотя въ предисловіи къ своему изданію Ѳеотоки излагаетъ методъ, какому онъ слѣдовалъ, но къ сожалѣнію употребленные имъ пріемы не служатъ для насъ гарантіей, что онъ сохранилъ достаточно самостоятельности за бывшими у него рукописями. Между тѣмъ какъ кодексъ князя Гики повидимому легъ въ основаніе приготовленной имъ для изданія работы, а кодексъ великаго спаѳарія служилъ для сравненія съ первымъ, ученый издатель считалъ своей обязанностью сличить рукописные тексты съ изданными уже раньше. Въ особенности много далъ ему кодексъ съ толкованіями Прокопія Газскаго на Октатевхъ, книги Царствъ и Паралипоменъ. Въ дѣйствительности это былъ новый списокъ толкованій на библію, принадлежащій разнымъ отцамъ церкви: Кириллу, Ѳеодориту, Аполлинарію, Евсевію, Оригену и разнымъ безъименнымъ. Изъ этого кодекса, сравнивъ съ нимъ приготовленный уже для изданія текстъ рукописи Гики, Ѳеотоки взялъ тѣхъ толкователей, которыхъ не было въ его спискѣ[1]). Какъ, однако, онъ при этомъ относился къ готовому уже тексту, т. е. какъ вносилъ въ него новый матеріалъ заимствованный изъ новаго кодекса, объ этомъ Ѳеотоки не сообщаетъ точныхъ данныхъ. Все же для насъ весьма важно воспользоваться хотя бы и не полными указаніями самого ученаго издателя.

Написанный на пергаментѣ, но не имѣющій даты, кодексъ съ толкованіями на Октатевхъ Прокопія Газскаго, присланный Ѳеотоки изъ Аугсбурга, былъ причиной появленія въ приготовленной имъ[2]) рукописи такихъ добавленій, которыя и составляютъ существенное отличіе изданія Ѳеотоки отъ рукописныхъ кодексовъ Гики и великаго спаѳарія Александра. Относящееся сюда мѣсто введенія Ѳеотоки заключается въ слѣдующемъ. „Такъ какъ упомянутый списокъ отличался вычурными литерами, неизвѣстными типографщикамъ, и такъ какъ въ немъ не были правильно расположены мѣста и толкованія (т. е. толкованія не были прилажены къ библейскимъ текстамъ) и наконецъ въ виду найденныхъ въ немъ дополнительныхъ статей, я нашелся вынужденнымъ переписать его весь собственноручно. Текстъ священнаго

[1]) Τούτῳ οὖν τῷ κώδικι τὸ ἡμέτερον ἀντίγραφον παραθέντες, ὅσα τῶν ὑπομνημάτων ἐν αὐτῷ οὐ προσῆν. ἀπὸ τοῦ κώδικος ἀναλεξάμεθα, πάνυ ὀλίγα καταλείψαντες (свл. ζ').

[2]) Αἱ τοῦ Προκοπίου τοῦ Γαζαίου εἰς τὴν Ὀκτάτευχον ἀνέκδοτοι ἑρμηνεῖαι . . . . . καὶ ταύτας οἱ πανέκλεμπροι τῆς ἐν Αὐγούστῃ Ἀριστοκρατείας Μεγιστάνες . . . . προθύμως ἐχρήσαντο, τὸν αὐτὰς περιέχοντα ἀποστείλαντές μοι κώδικα. Вѣроятно, это тотъ самый кодексъ, который числится подъ № CCCLVIII въ Мюнхенской библіотекѣ. *Hardt*, Catal. codd. manuscr. bibl. regiae Bavaricae, t. VI, p. 40; *Lindl*, Die Oktateuchcatene, p. 3, n. 3.

писанія привожу по франкфуртскому изданію (ἐν Φρανεκουέρᾳ), отдавая ему преимущество потому, что оно сдѣлано сличительно со многими рукописными и изданными текстами. По этому же изданію сдѣланы мной и раздѣленія сплошь написанныхъ текстовъ[1]). Что касается комментаріевъ, то тѣ изъ нихъ, которые, будучи анонимными, нашлись или въ изданныхъ сочиненіяхъ, или въ кодексѣ Прокопія, мы обозначили именами ихъ авторовъ, помѣтивъ каждое звѣздочкой; тѣ же, которыхъ не отыскали, оставили подъ наименованіемъ ἄδηλοι. Недостающія мѣста дополнены нами, причемъ дополненія или обозначены, или же, будучи вставлены вь самый текстъ, отмѣчены двумя кавычками[2]). Имѣя въ виду, что мы съ большой настойчивостью занимались изданными комментаторами въ надеждѣ раскрыть анонимы, и употребили на это много труда и времени, мы въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ удавалось напасть на толкованія, какихъ не имѣлъ текстъ, присоединяемъ и эти послѣднія, обозначивъ ихъ двумя звѣздочками. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ отмѣчаемъ различія текста. Гдѣ же оказывается безспорная ошибка, тамъ мы безъ всякаго колебанія дѣлаемъ исправленіе".

Сдѣланныя самимъ Θеотоки замѣчанія въ предисловіи къ изданію, которому онъ придавалъ высокое научное и національное значеніе, составляютъ конечно самое важное въ объясненіи метода и научныхъ пріемовъ занимающаго насъ труда, который доселѣ остается единственнымъ и не повтореннымъ.

Нельзя не видѣть, что Θеотоки отнесся къ предстоявшей ему задачѣ съ полнымъ вниманіемъ и сознаніемъ всей важности своей задачи. И конечно онъ болѣе всѣхъ тогдашнихъ греческихъ ученыхъ способенъ былъ по своему богословскому образованію и подготовкѣ исполнить то дѣло, за которое принимался. Его большая начитанность въ святоотеческой литературѣ и та научная опытность, которая отличается знаніемъ того, что и гдѣ нужно взять, ясно свидѣтельствуется во всемъ изданіи. Но мы сейчасъ же должны отмѣтить ту особенность въ планѣ Θеотоки, которая характеризуетъ его эпоху. Ученый Θеотоки, располагая въ сущности тремя кодексами, не заботился о томъ, чтобы сохранить въ своемъ изданіи рукописный матеріалъ, то-есть передать содержаніе хотя бы одного изъ своихъ кодексовъ, свѣривъ его съ другими. Нѣтъ, онъ стремится къ идеѣ сводного текста, вводя въ основной приготовленный уже для изданія списокъ, сдѣланный по рукописи Гики, новыя статьи по кодексу Прокопія Газскаго и по разнымъ церковнымъ писателямъ, которыхъ онъ постепенно находилъ въ разныхъ библіотекахъ. Кромѣ того, стремясь все къ бо̀льшему пополненію своего списка новыми статьями, онъ естественно пришелъ къ необходимости дробить на болѣе мелкія части какъ библейскій текстъ, такъ и основныя мѣста писателей, находившіяся въ кодексѣ Гики въ значительныхъ отрывкахъ, причемъ въ середину вносились тѣ статьи, которыя, по мнѣнію издателя давали новыя и болѣе детальныя черты къ объясненію даннаго мѣста.

---

[1]) κατ' αὐτὴν καὶ τὰς διαιρέσεις τοῦ ἀδιαιρέτου ποιήσαντες.

[2]) Такъ мы думаемъ понимать это мѣсто: ἀναπεπλήρωται δὲ καὶ τὰ ἐλλειπῆ, τοῦ παραπληρώματος ὁτὲ μὲν σημειωθέντος, ὁτὲ δὲ αὐταῖς ταῖς τῶν ἐκτεθέντων ῥήσεσι δυσὶ γραμμαῖς συμπαρεντεθέντος.

Въ результатѣ этой работы мы получаемъ въ изданіи Ѳеотоки не тотъ или другой рукописный текстъ, не чистый матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о рукописяхъ, а новый сводный текстъ, принадлежащій Ѳеотоки. Принимая во вниманіе, что тѣ рукописи, которыя легли въ основаніе изданія Ѳеотоки, уничтожены, и что въ настоящее время ученая критика дорожитъ именно тѣмъ, что такъ недостаточно оцѣнилъ Ѳеотоки — именно уваженіемъ къ рукописному матеріалу —, изданіе Ѳеотоки весьма много теряетъ въ смыслѣ оцѣнки рукописной традиціи.

Что собой представляли бывшія въ его распоряженіи рукописи и что представляетъ собой изданный Ѳеотоки текстъ по отношенію къ извѣстнымъ теперь кодексамъ Октатевха?

На основаніи находимыхъ у Ѳеотоки объясненій можно принимать, что вводныя и вносныя части онъ помѣчалъ звѣздочками и кавычками, а частію пояснялъ въ примѣчаніяхъ. Слѣдовательно, тѣ части, которыя не отмѣчены ни звѣздочками ни кавычками, должны составлять текстъ основной рукописи, бывшей въ распоряженіи Ѳеотоки. Но этотъ, повидимому, весьма простой и необходимый выводъ встрѣчаетъ при своемъ практическомъ примѣненіи почти неразрѣшимыя затрудненія.

Результатомъ изслѣдованія разныхъ европейскихъ библіотекъ оказывается то наблюденіе, что въ настоящее время имѣется больше 30 рукописей, заключающихъ толкованія или на весь Октатевхъ, или на части его. Успѣхъ научнаго изученія этого обширнаго матеріала зависитъ въ главнѣйшей степени отъ выясненія ихъ отношенія къ изданному Ѳеотоки тексту, или къ Лейпцигской катенѣ[1]). Весьма вѣроятно, что „каталогъ греческихъ катенъ“ въ настоящее время уже будетъ общимъ достояніемъ, и это значительно облегчитъ задачу изученія и самыхъ спеціальныхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ рукописными матеріалами для греческаго библейскаго текста[2]). Но нельзя не замѣтить, что основные выводы по изученію рукописей по объясненію Восьмикнижія идутъ отъ болѣе раннихъ изслѣдователей, которые признали не только близкое отношеніе, но даже тожество съ Ѳеотоки-Лейпцигской тѣхъ катенъ на Восьмикнижіе, которыми они занимались[3]). Кромѣ того весьма важнымъ наблюденіемъ слѣдуетъ признать тотъ выводъ, что большинство катенъ на Восьмикнижіе содержитъ извѣстное письмо Аристея къ Филократу о переводѣ Семидесяти[4]); это послѣднее обстоятельство даетъ основаніе лучшему знатоку рукописей, въ которыхъ сохранилось это письмо, Вендланду, различать самыя рукописи катенъ по особенностямъ текста названнаго письма[5]).

---

[1]) *Lindl, E.* Die Oktateuchcatene des Procop v. Gaza und die Septuagintaforschung, p. 5—6 (München 1902). Въ этомъ сочиненіи приведена литература.

[2]) *Karo et Lietzmann*, Catenarum græcarum Catalogus (Nachrichten von der königlich. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen. Phil.-Hist. Kl. 1902, Heft I).

[3]) *Wendland*, Neu entdeckte Fragmente Philos, p. 36; *Cohn*, Jahrb. für protest. Phil., Band 18 (zur indirecten Ueberlieferung Philos).

[4]) Въ особенности Вендландъ (*Lindl*, Die Oktateuchcatene, p. 5).

[5]) Bibliotheca scriptorum Teubneriana. Aristeæ ad Philocratem epistola. Ludovici Mendelssohn schedis usus ed. *P. Wendland*. Lipsiæ 1900.

Переходя къ поставленному выше вопросу объ отношеніи изданнаго Θеотоки текста къ рукописному, мы должны считаться съ тѣмъ выводомъ, который сдѣланъ въ нѣмецкой ученой литературѣ, что большинство катенъ на Восьмикнижіе сходно съ Лейпцигскимъ текстомъ Θеотоки.

Никифоръ Θеотоки, цѣль котораго повидимому заключалась въ томъ, чтобы дать наиболѣе полный сводный текстъ толкованій на Восьмикнижіе, не былъ чуждъ, въ чемъ впрочемъ и сомнѣваться не слѣдуетъ, требованій широкой научной критики, которая ставитъ на первое мѣсто вопросъ о рукописяхъ. Находясь въ центрѣ греческихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, гдѣ живо чувствовался тогда пульсъ литературнаго обмѣна и гдѣ рукописи тогда были не въ рѣдкость, Θеотоки не могъ не предполагать, что найденная имъ въ библіотекѣ великаго драгомана Порты Григорія Гики рукопись много выиграла бы въ своемъ значеніи, если бы ее оказалось возможнымъ сравнить съ другою подобною же. Это совершенно ясно выражено въ предисловіи, изъ котораго мы уже заимствовали нѣсколько важныхъ указаній. Понимая, что найденная имъ рукопись есть цѣнная рѣдкость, которую слѣдуетъ сдѣлать общеизвѣстною и встрѣчая поощреніе со стороны Гики издать рукопись, Θеотоки (приводимъ здѣсь его собственныя слова) „принялъ всѣ мѣры къ отысканію другихъ рукописей, подобныхъ ей, съ тѣмъ чтобы по возможности восполнить посредствомъ сличенія или сдѣланныя по недосмотру ошибки, или происшедшую отъ ветхости порчу мѣстъ и разные другіе недостатки[1]). Съ этой цѣлью я не только осматривалъ тамошнія общественныя и частныя библіотеки, но и монастырскія рукописныя собранія на о-вѣ Халки; кромѣ того навѣдывался черезъ почтенныхъ мужей у преосвященнаго Смирнскаго, ибо былъ слухъ, что тамъ хранится подобная рукопись. Независимо отъ сего, я показалъ кодексъ представителямъ семи большихъ аѳонскихъ монастырей, прибывшимъ тогда въ Константинополь, и спрашивалъ ихъ, не находится ли подобныхъ рукописей въ ихъ обителяхъ. Но изъ этого ничего не вышло, и казалось, что всякая надежда уже потеряна, когда благородный и любящій образованіе великій спаѳарій Александръ, сынъ Константина, самъ по собственному почину доставилъ мнѣ имѣвшуюся въ его библіотекѣ подобную книгу.“

Во всемъ этомъ сообщеніи Θеотоки весьма насъ удивляетъ то обстоятельство, что оно ни однимъ намекомъ не касается самаго важнаго собранія греческихъ рукописей въ Константинополѣ, именно Серальской библіотеки, хотя именно тамъ и возможны были во это время еще довольно важныя находки. Самая библіотека Гики по всей вѣроятности имѣла въ себѣ нѣкоторыя рукописи, происходившія изъ того же книгохранилища. Нельзя также не пожалѣть, что Θеотоки весьма скупо описываетъ бывшія въ его распоряженіи рукописи. На основаніи даваемыхъ имъ указаній можно заключить, что рукопись изъ библіотеки Гики относилась къ раз-

[1]) ὡς ἂν τῇ παραθέσει τὰ ἐκ παραδρομῆς ἐλαττώματα, καὶ αἱ ἐκ τῆς παλαιότητος παραφθοραί, καὶ αἱ λοιπαὶ ὁποιαιοῦν ἐλλείψεις, ὅσον οἷόν τε ἀναπληρωθῶσιν ἀκριβέστερον.

ряду, называемому Rahmencatene[1]), т. е. къ такимъ катенамъ, въ которыхъ цитаты и схоліи находятся на поляхъ, составляя такъ сказать рамку для библейскаго текста, приведеннаго въ центрѣ этой рамки. Даты эта рукопись не имѣла, но въ концѣ была запись слѣдующаго содержанія: Ὕξαιο τῷ ξύσαντι ταύτην καὶ σὺ ἄλλως· ἐπεὶ τὰ δ' ἔτευξε Ῥωμανὸς καλογράφος ἀλιτίμων ἀνδράσι πόλεως Ἀτταλείας. Хотя эта запись называетъ только каллиграфа Романа, уроженца города Атталіи, и не сообщаетъ никакихъ данныхъ для характеристики переписаннаго имъ кодекса, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ пренебрегать и этимъ указаніемъ, хотя бы для того, чтобы не смѣшать бывшій въ распоряженіи Ѳеотоки манускриптъ съ другими.

Второй кодексъ, происходившій изъ библіотеки великаго спаѳарія Александра, тоже не описанъ издателемъ въ такой точности, какъ это требовалось даже и для той эпохи. Хотя Ѳеотоки утверждаетъ, что и этотъ кодексъ былъ подобенъ первому по содержанію, но какъ изъ его дальнѣйшихъ словъ видно, что этотъ кодексъ начинался книгой Левитъ и оканчивался книгой Руѳь, то ясно, что это не одно и тоже содержаніе съ первымъ кодексомъ, развѣ только предположить, что начало было утрачено[2]). Въ концѣ кодекса большая запись, дающая полныя свѣдѣнія о хронологіи и о содержаніи:

Ἐτελειώθη ἡ ἱερὰ αὕτη βίβλος σὺν Θεῷ τῆς Ὀκτατεύχου ἐπὶ βασιλέως μεγάλου ἐν Χριστῷ πιστοῦ καὶ ὀρθοδόξου αὐτοκράτορος Ῥωμαίων Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ Ἰωάννου μεγάλου βασιλέως τοῦ πορφυρογεννήτου, μηνὸς ιβ', ὥρᾳ θ' ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ,ϛχιβ' ἰνδικτιῶνος ιβ', προστάξει Λέοντος τοῦ μεγαλεπιφανεστάτου πρωτονοβελλισίμου καὶ οἰκείου ἀνθρώπου τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως τοῦ Νικερίτου, διὰ χειρὸς Ἰωάννου τοῦ εὐτελοῦς καὶ ξένου τοῦ Κούλικος. καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες εὔχεσθε ὑπὲρ ἡμῶν διὰ τὸν Κύριον. Такимъ образомъ дата второй рукописи опредѣляется 1104 годомъ; по сравненію съ этой княжеская казалась издателю болѣе древней на сто слишкомъ лѣтъ, что̀ онъ заключаетъ не только по порчѣ пергамента и по краскѣ буквъ, изъ коихъ однѣ частію выцвѣли, а другія совсѣмъ уничтожились, но равно по палеографическимъ признакамъ.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя Никифоромъ Ѳеотоки о рукописяхъ, которыя онъ нашелъ въ Константинополѣ и которыми воспользовался для своего Лейпцигскаго изданія. Скудость находимыхъ у него данныхъ тѣмъ болѣе чувствительна, что эти рукописи въ настоящее время должны считаться погибшими, и что современное положеніе вопроса о катенахъ на Восьмикнижіе въ значительной степени зависитъ отъ источниковъ, легшихъ въ основаніе Ѳеотоки-Лейпцигскаго текста.

Прежде чѣмъ высказать свои заключенія по этому вопросу, остановимся еще на выясненіи детальной части занимающаго насъ вопроса: почему Ѳеотоки

---

[1]) *Lindl*, Die Oktateuchcatene § 4, p. 20—21.; предисловіе Ѳеотоки σελ. ϛ'· τῶν μὲν τῆς Γραφῆς ῥημάτων ἐν τῷ μέσῳ τῆς σελίδος κειμένων..... τῶν δ' ὑπομνημάτων ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον περὶ αὐτὰς τὰς τῆς Γραφῆς ῥήσεις.

[2]) Хотя выраженія οὐδὲ γὰρ ἐδόκει ἡ περὶ ἧς ὁ λόγος ἐλλειπής, ἄρτιος οὖσα καὶ ὁλομελὴς καὶ ὁλόκληρος — устраняли бы всякую мысль о порчѣ.

ни словомъ не обмолвился о Серальской библіотекѣ, которая въ 18 вѣкѣ, да и гораздо ранѣе, составляла предметъ самыхъ заманчивыхъ надеждъ и тщательныхъ развѣдокъ со стороны всѣхъ интересовавшихся научными и литературными задачами.

Никифоръ Θеотоки былъ уроженецъ (родился въ 1731 г.) Корфу, гдѣ онъ и получилъ первоначальное образованіе, дополненное въ Падуѣ и Болоньѣ[1]). Когда онъ прибылъ въ Константинополь въ 1765 году, его имя уже пользовалось извѣстностью среди грековъ; въ особенности онъ отличался славой проповѣдника и хорошаго преподавателя физики и математики. Счастливымъ обстоятельствомъ для Θеотоки, повліявшимъ на всю его дальнѣйшую жизнь, было знакомство съ тогдашнимъ великимъ драгоманомъ Порты Григоріемъ Гикой, любителемъ просвѣщенія и собирателемъ рукописей, въ домѣ котораго Θеотоки и жилъ нѣкоторое время. Здѣсь-то, въ библіотекѣ Гики, Θеотоки напалъ на тотъ кодексъ, которымъ рѣшился заняться съ особеннымъ вниманіемъ и который нашелъ нужнымъ весь переписать, чтобы впослѣдствіи дополнить его по другимъ рукописямъ и напечатать.

Съ точки зрѣнія біографіи Θеотоки, а равно для выясненія мотивовъ, побудившихъ его не дальше какъ черезъ 10 лѣтъ перейти на службу въ Россію, которой онъ и посвятилъ лучшіе годы жизни и дѣятельности, сначала какъ членъ полтавской консисторіи и инспекторъ школъ, а потомъ какъ архіепископъ славяно-херсонской эпархіи, а затѣмъ астраханской, константинопольскій періодъ жизни Θеотоки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Къ сожалѣнію, этотъ періодъ отъ 1765 по 1768 годъ, когда онъ перешелъ въ Яссы, по приглашенію того же Гики, сдѣлавшагося господаремъ Молдавіи, остается мало извѣстнымъ. И въ частности все, что касается библіотеки князя Гики и научной здѣсь дѣятельности Θеотоки, а равно что относится до служебнаго положенія его при патріархіи, все это въ высшей степени мало разработано въ біографіи Θеотоки. До какой степени даже ученые греки оказали мало вниманія этой сторонѣ дѣла, доказательствомъ служитъ статья о Θеотоки, помѣщенная *Саθой* въ его Νεοελληνικὴ φιλολογία. Здѣсь въ перечнѣ трудовъ Θеотоки пропущенъ самый капитальный и въ научномъ отношеніи наиболѣе интересный его трудъ, именно двухтомное изданіе Σειρὰ ὑπομνηματιστῶν εἰς τὴν Ὀκτάτευχον, сдѣланное въ Лейпцигѣ въ 1772 г.

Тотъ же Гика, рукописное собраніе котораго было чуть ли не первымъ въ Константинополѣ, могъ бы не только сообщить ему о Серальской библіотекѣ, о которой онъ не могъ не имѣть обстоятельныхъ свѣдѣній, но даже облегчить Θеотоки и доступъ къ этой библіотекѣ. Не говоря о прочемъ, именно въ Серальской библіотекѣ Θеотоки могъ отыскать такія рукописи, въ которыхъ онъ нуждался для задуманной имъ цѣли изданія толкователей на Восьмикнижіе.

---

[1]) На греческомъ существуетъ нѣсколько біографій Никифора Θеотоки: *Врокини*, Βιογραφικὰ σχεδάρια τῶν ἐν τοῖς γράμμασιν διαλαμφάντων Κερκυραίων. Ἐν Κερκύρᾳ 1886. Στούρδζα, Ἀναμνήσεις καὶ εἰκόνες.. Ἀθήνησι 1856; Σάθας, Νεοελληνικὴ φιλολογία, Ἀθήνησι 1886. Βούλγαρις, Ἀδολέσχια Φιλόθεος. Ἐν Ἱεροσολύμοις, 1858. Τόμ. I, σελ. 1—47. На русскомъ работа *М. Соловьева* въ Трудахъ Кіевской Д. Академіи окт. 1894, окончена въ 1896 г.

О состояніи въ какомъ находилась Серальская библіотека въ описываемое время, лучшія свѣдѣнія имѣлись во французскомъ посольствѣ, которое при своей дипломатической и оффиціальной роли съ большимъ успѣхомъ осуществляло на Востокѣ, по порученію своего правительства, коллекціонерскія задачи: содержало агентовъ въ Константинополѣ и разсылало ихъ по Востоку съ порученіемъ покупать древнія рукописи и археологическіе предметы для королевской библіотеки и музея въ Парижѣ. Сообщаемыя ниже свѣдѣнія о Серальской библіотекѣ и вообще о рукописныхъ собраніяхъ мы заимствуемъ изъ прекраснаго изданія, принадлежащаго французскому министерству народнаго просвѣщенія: Missions archéologiques françaises en Orient. Documents publiés par H. Omont. I—II vol. Paris 1902. Въ изданныхъ по настоящее время томахъ находимъ переписку французскихъ пословъ съ начальниками королевской библіотеки, равно отчеты и донесенія различныхъ агентовъ отъ второй половины XVII до половины XVIII вѣка. Въ этой перепискѣ собранъ прекрасный и весьма обильный матеріалъ для исторіи рукописныхъ собраній на Востокѣ[1]), которымъ мы воспользуемся лишь для освѣщенія вопроса о томъ, могъ ли Ѳеотоки найти въ Сералѣ такія рукописи, которыя его интересовали.

Не говоря объ Аѳонѣ и восточныхъ монастыряхъ, которые тщательно были обслѣдованы агентами французскаго посольства не одинъ разъ, Константинополь и его библіотеки, въ особенности патріаршая и Серальская, не могли оставаться внѣ сферы поисковъ и тщательныхъ наблюденій, причемъ посредниками служили чаще всего духовныя лица изъ грековъ.

Точными свѣдѣніями о содержаніи Серальской библіотеки изданные Омономъ акты обладаютъ съ конца XVII в. Въ 1687 г. французскій посолъ Girardin сообщалъ объ этомъ слѣдующее[2]). „Мнѣніе распространенное большинствомъ путешественниковъ, писавшихъ о Левантѣ, что въ Сералѣ находится очень большое количество древнихъ и интересныхъ греческихъ рукописей и что тамъ можно даже найти недостающія декады Тита Ливія, побудило меня принять всѣ мѣры, чтобы выяснить этотъ вопросъ. Я обратился съ этой цѣлью къ одному итальянскому ренегату, состоявшему на службѣ селиктара, важнаго чиновника въ Сералѣ и любимца султана. Получивъ разрѣшеніе разсмотрѣть книги, онъ въ нѣсколько пріемовъ принесъ мнѣ то, что было на греческомъ языкѣ, — всего не болѣе 200 томовъ, которые я поручилъ разсмотрѣть гг. іезуиту Бенье и Марселю. Они отложили изъ нихъ 15 книгъ какъ заслуживающихъ вниманія не столько по своему содержанію — потому что почти всѣ напечатаны —, какъ по красотѣ и древнему письму. Это обстоятельство можетъ разувѣрить на счетъ мнимой важности оттоманской библіотеки, которая хотя и имѣетъ множество рукописей арабскихъ, турецкихъ и персидскихъ, но по греческому языку не заключаетъ болѣе того, что сказано.“ — Такъ какъ въ

[1]) Missions archéologiques I, Introduction. L'histoire des voyages et des missions archéologiques en Orient est étroitement liée à celle des grandes bibliothèques et des collections d'antiquités, formées en Italie et en France à l'époque de la Renaissance.

[2]) Missions I, p. 253. Girardin à Louvois du 10 mars 1687.

Парижѣ не удовлетворились этимъ и просили болѣе точныхъ свѣдѣній о рукописяхъ, Жирарденъ возвращается къ тому же вопросу въ донесеніи 15 сент. 1687 г. „Могу васъ увѣрить, доносилъ онъ, по отношенію къ библіотекѣ султана, что она находится въ безпорядкѣ и не имѣетъ каталога. Греческихъ рукописей не содержится болѣе 200; разсмотрѣвъ ихъ, о. Бенье нашелъ представляющими нѣкоторое значеніе для королевской библіотеки только тѣ, о которыхъ я увѣдомилъ васъ. Всѣ остальныя рукописи въ плохомъ состояніи и содержатъ авторовъ давно уже изданныхъ, но и онѣ проданы оптомъ по 100 п. каждая, такъ что въ Сералѣ теперь совсѣмъ нѣтъ греческихъ рукописей“ [1]).

Наиболѣе рѣшительныя и успѣшныя мѣры къ покупкѣ на Востокѣ рукописей для королевской библіотеки употребилъ библіотекарь аббатъ Биньонъ (Jean Paul Bignon). Въ 1727 г. въ парижской Академіи наукъ обсуждался вопросъ о серальскихъ рукописяхъ по случаю извѣстій на счетъ учрежденія въ Константинополѣ типографіи. Аббатъ Биньонъ 8 февр. 1727 г. писалъ въ Константинополь бывшему турецкому послу въ Парижѣ Мегметъ эфенди, сыну котораго поручена была султаномъ вновь основанная типографія, между прочимъ, по поводу Серальской библіотеки: „У насъ питаютъ увѣренность, что въ Серальской библіотекѣ находится много древнихъ греческихъ и латинскихъ рукописей, какихъ нѣтъ ни во Франціи, ни въ сосѣднихъ странахъ и которыми весьма интересуются ученые. Съ своей стороны я убѣжденъ, что вы имѣете подробныя свѣдѣнія о содержаніи этой библіотеки и что въ вашей странѣ найдутся знающіе древніе языки и образованные люди, которые могутъ составить описаніе этихъ рукописей“. — Въ цѣляхъ воспользоваться благопріятными условіями, наступившими въ Константинополѣ, составлена была комиссія изъ ученыхъ Севена и Фурмона [2]), которымъ дана была спеціальная задача на счетъ Сераля: „попытаться получить разрѣшеніе ознакомиться съ библіотекой султана, если только таковая существуетъ, чтобы сдѣлать описаніе предполагаемыхъ въ ней рукописей, каковыя по мнѣнію многихъ сохранились тамъ изъ древней библіотеки византійскихъ императоровъ“. Вторая же дѣйствительная цѣль этого путешествія состоитъ въ томъ, чтобы разыскивать на Востокѣ для королевской библіотеки какъ греческія рукописи, такъ и другія сочиненія на восточныхъ языкахъ [3]).

Для нашей цѣли весьма интересна та часть инструкціи, данной Севену и Фурмону академіей наукъ, которая касается Серальской библіотеки [4]). Было бы, говорится въ этой инструкціи, весьма счастливымъ обстоятельствомъ, если бы имъ удалось получить доступъ въ султанскую библіотеку, которая повидимому обильна древними рукописями, принадлежавшими прежде Константинопольскимъ царямъ... При этомъ условіи имъ будетъ легко составить понятіе о томъ, справедливы ли

[1]) Missions archéol. I, p. 260: ainsy il n'en reste plus de cette langue dans le Serail. — Это выраженіе наиболѣе любопытное въ занимающей насъ перепискѣ. На самомъ дѣлѣ и тогда оставались въ Сералѣ греческія рукописи, и теперь, послѣ всѣхъ пропажъ и утратъ, онѣ еще существуютъ тамъ!

[2]) Missions archéol. I, p. 433: l'abbé François Sevin et l'abbé Michel Fourmont.

[3]) Ibid. p. 434.

[4]) Missions I, p. 437.

распространенные объ ней слухи. Главное ихъ вниманіе должно быть обращено на разысканіе тѣхъ писателей, которыхъ мы здѣсь не имѣемъ ни въ напечатанномъ видѣ, ни въ рукописномъ и которыхъ произведенія пользуются большой извѣстностью, какъ Трогъ Помпей, Полывій, Титъ Ливій и др.“

Та же мысль подробнѣй развита въ запискѣ аббата Биньона[1]). „Къ чему они наиболѣе должны стремиться — это поставить себя въ связь съ библіотской султана... Она не безъ основаній пользуется своей репутаціей. Нельзя сомнѣваться, что въ ней сохранилось большое количество книгъ изъ времени греческихъ императоровъ... Историческія свидѣтельства даютъ основаніе полагать, что она не погибла при паденіи Константинополя, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что турки, не обращая на книги никакого вниманія, оставляли ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ нашли. Это мнѣніе всѣхъ путешественниковъ.“

На практикѣ оказалось, что всѣ надежды на богатства султанской библіотеки были крайне преувеличены и во всякомъ случаѣ мало обоснованы. Прежде всего оказалось, что проникнуть въ султанскую библіотеку совсѣмъ не возможно, да кромѣ того заслуживающіе довѣрія люди увѣрили, что всѣ греческія рукописи въ Серальской библіотекѣ преданы огню по приказанію султана[2]). Пользуясь указаніями расположенныхъ къ французскому посольству лицъ, Севенъ вошелъ въ сношенія съ частными лицами, которыя могли быть ему полезны для его цѣлей.

Между прочимъ ему стало извѣстно, что господарь Валахіи Николай Маврокордато владѣетъ одной изъ обширнѣйшихъ библіотекъ и что его рукописное собраніе можетъ дать чрезвычайно важный матеріалъ для французскихъ агентовъ[3]). Кромѣ того въ частныхъ рукахъ въ Константинополѣ находились еще отдѣльныя рукописи. Въ одномъ письмѣ Севена упоминается, между прочимъ, и о той рукописи, которая потомъ была въ рукахъ Никифора Ѳеотоки и по которой, вѣроятно, сдѣлано изданіе Лейпцигской катены. 2-го апрѣля 1729 г. Севенъ писалъ между прочимъ: „я видѣлъ въ Константинополѣ 65 греческихъ рукописей, но изъ нихъ ни одна не можетъ быть причислена даже къ посредственнымъ. Можно сдѣлать исключеніе лишь въ пользу Библіи Семидесяти, очень древней и съ комментаріями, въ которыхъ есть много мѣстъ такихъ церковныхъ писателей, которыхъ мы знаемъ теперь лишь по именамъ. Этотъ памятникъ принадлежитъ тестю драгомана Порты, который намъ объяснилъ, что князь Валахіи предложилъ ему за него 700 піастровъ[4]).

Биньонъ очень настаивалъ, чтобы Севенъ принялъ всѣ мѣры войти въ личныя сношенія съ княземъ Николаемъ Маврокордато и воспользоваться этимъ для

---

[1]) Ibid., p. 441.

[2]) По свидѣтельству врача великаго везиря, авантюриста Фонсеки, — Missions I, p. 448.

[3]) Missions I, p. 452; 455; 459: le prince de Valachie a acheté ce qu'il y avoit de plus curieux en livres et en manuscrits dans l'empire ottomane sans regarder au prix.

[4]) Missions I, p. 465: j'ay vû à Constantinople 65 manuscrits grecs, dont aucun qui fût même dans le rang des médiocres. J'en excepte pourtant une bible des Septantes, très ancienne.. Ce monument appartient au beau-père du drogueman de la Porte, qui nous dit que le prince de Valachie luy en avoit offert sept cent piastres.

пользы просвѣщенія — de tirer du prince de Valachie tout ce qu'il sera possible[1]) — убѣдивъ князя завѣщать свои сокровища королевской библіотекѣ, „il ne pourroit rien faire de plus favorable pour les sciences ou de plus grand et de plus propre à immortaliser son nom que de léguer à la bibliothèque du roy tout ce qu'il a ramassé“.. Но всѣ надежды въ этомъ отношеніи оказались тщетны, и Севенъ долженъ былъ признать, что послѣ поисковъ на Востокѣ Маврокордато трудно надѣяться на новыя находки[2]). Въ Парижѣ однако не складывали оружіе и продолжали вновь и вновь поощрять Севена съ большей энергіей продолжать поиски. Въ особенности Биньонъ желалъ доказательства той мысли, что въ султанской библіотекѣ нѣтъ болѣе рукописей и что онѣ всѣ сгорѣли[3]).

Есть, конечно, много основаній быть на сторонѣ тѣхъ, которые и тогда твердо держались убѣжденія, что въ дѣйствительности въ султанской библіотекѣ существовали рукописи, идущія отъ времени византійскихъ царей. Слухи, пущенные Фонсекой, что рукописи уничтожены по распоряженію султановъ, могли быть вѣрны лишь въ извѣстной степени. Во всякомъ случаѣ французскіе агенты въ желаніи собрать наилучшую жатву на Востокѣ пользовались и такими помощниками, которые легко могли ихъ ввести въ обманъ[4]). Въ этомъ отношеніи мы находимъ мало убѣдительными данныя, сообщаемыя въ запискѣ оо. Севена и Фурмона, читанной въ Академіи Наукъ 14 ноября 1730 (Missions II, p. 1079—1080). Сообщеніе Фонсеки, что библіотека византійскихъ императоровъ просуществовала до Мурата IV, который уничтожилъ ее изъ фанатизма, основано на слухахъ. Точно также и ссылка на свидѣтельство учителя дѣтей султана не представляетъ авторитетности. Несомнѣнно это не убѣдило и Севена и Фурмона. „Malgrè ces temoignages, говорится въ ихъ отчетѣ, dont la vérité paroit incontestable, les Juifs, les Chrétiens et les Turcs sont tous également persuadez de l'existence de cette bibliothèque: il n'en faut pas estre surpris, ce qui se passe dans l'intérieur du Serrail, ne vient presque jamais à la connaissance du public... La tradition la plus universellement reçûe, est que la bibliothèque des Empereurs grecs se gardoit dans les appartements du Grand-Seigneur; il y a néantmoins des gens qui prétendent que Mohamet II avoit déposé et les livres et les ornements de l'Église patriarchale dans un endroit soûterrain du Palais“. Но провѣривъ эти слухи, аббатъ Севенъ не могъ не убѣдиться, что они ни на чемъ не основаны, хотя и противоположное мнѣніе о безслѣдной пропажѣ старой царской библіотеки тоже нельзя поддерживать. Извѣстно, что въ концѣ

---

[1]) Ibid., p. 375.

[2]) Missions, p. 477, изъ письма Севена отъ 4 сент. 1729: ajoutez à cela que le prince de Valachie a fouillé tous les coins et recoins de la Grèce. Il est savant, curieux et paie bien; concluons de là que nous sommes venu un peu tard. . . .

[3]) Ibid., p. 581.

[4]) Missions I, p. 498: Nous avons mis en campagne deux ecclésiastiques de cette nation, qui sont de la connaissance de M. de Fonseca. Je ne sache guères de gens plus capables de nous bien servir, principalement un nommé Critias, très accrédité dans le clergé, grand fripon, et qui certainement ne se fera pas un scrupule de dépouiller ses compatriotes.

XIX-го в. въ Австрію переданы были по распоряженію султана книги, происходящія изъ библіотеки Матвѣя Корвина.

Не смотря на неудачи и нѣкоторыя разочарованія, миссія аббата Севена сопровождалась хорошими результатами. Прибытіе въ Парижъ его посылокъ съ рукописями составляло событіе въ лѣтописяхъ Академіи, отмѣченное въ протоколахъ ея[1]). Главнымъ пріобрѣтеніемъ, однако, были не покупки, а даръ изъ библіотеки князя Маврокордато. Это была рукопись, написанная уставнымъ письмомъ и составляющая параллели св. Іоанна Дамаскина. Въ своемъ докладѣ Академіи наукъ, сдѣланномъ 14 ноября 1730 г., Севенъ даетъ объ этой рукописи болѣе полныя свѣдѣнія. Онъ здѣсь дѣлаетъ отчетъ о своихъ попыткахъ ознакомиться съ содержаніемъ библіотеки Маврокордато[2]). Хотя, говоритъ онъ, большинство рукописей погибло отъ пожаровъ и нерадѣнія восточныхъ людей, онъ все же питалъ надежду найти что-нибудь достойное для королевской библіотеки. На греческія рукописи онъ мало разсчитывалъ, такъ какъ князь Валахіи отовсюду собиралъ ихъ въ теченіи 20 лѣтъ, и не найдется ни одного уголка на Востокѣ, гдѣ бы не произведены были розыски по его порученію. Его соотечественники, между которыми онъ славился своими необыкновенными познаніями, старались удовлетворить его любознательность, которая ему стоила огромныхъ суммъ; каталогъ его собранія былъ весьма интересенъ, и аббатъ Севенъ пытался всѣми средствами получить его отъ князя. Къ сожалѣнію, сосредоточивъ все вниманіе на увеличеніи своего собранія, онъ не заботился о приведеніи коллекціи въ порядокъ, такъ что онъ ему отвѣтилъ, что его рукописи не разобраны и находятся въ магазинѣ, и въ тоже время прислалъ одну рукопись, написанную уставомъ и украшенную рисунками на каждой страницѣ. Эта рукопись содержитъ параллельныя мѣста, извлеченныя изъ святоотеческихъ писаній, сочиненіе подобное тому, которое составилъ І. Дамаскинъ[3]).

Чтобы покончить съ вопросомъ о библіотекѣ князя Маврокордато, мы должны присовокупить слѣдующее извѣстіе, почерпаемое изъ письма іезуита Сусье (Souciet) отъ 20 авг. 1729 г. „Іюля 27 въ Константинополѣ былъ большой пожаръ, продолжавшійся около 12 часовъ, въ кварталѣ населенномъ греками и евреями. Греки потерпѣли невознаградимую утрату въ библіотекѣ князя Валахіи Николая Маврокордато, которую онъ собиралъ многіе годы и которая, по слухамъ, состояла

[1]) Въ протоколахъ отъ 13 іюня 1730 записано: Toute la séance a esté remplie par les conversations sur différentes matières de littérature et en particulier sur quelques manuscrits que M. l'abbé Sevin a envoyés depuis peu de Constantinople. Всего было прислано 400 восточныхъ и 125 греческихъ рукописей, — Missions I, p. 521.

[2]) Missions II, p. 1080.

[3]) Ibid. II, p. 1081: il luy envoya un manuscrit en lettres onciales *et chargé de figures sur toutes les pages* Ce manuscrit contient des Parallèles tirez de divers traitez des Pères, ouvrage qui a servi de modèle à celuj que s. Jean Damascéne nous a donné dans le même goût. По отношенію къ этой рукописи можно бы пожелать болѣе точныхъ свѣдѣній. Если основываться на томъ, что читается на стр. 521, то эта рукопись должна быть Дамаскина Ἱερὰ παράλληλα (*Migne*, Patrol. græca, vol. XCV, col. 1070); если же имѣть въ виду отчетъ Севена (Missions II, p. 1081), то это родъ катены (Parallèles tirez de divers traitez des Pères), которою мы занимаемся. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить тотъ признакъ, что она была украшена миніатюрами.

изъ рукописей и другихъ книгъ очень важныхъ. Хотя она помѣщалась въ сводчатомъ зданіи, построенномъ для нея, тѣмъ не менѣе огонь проникъ въ библіотеку и обратилъ ее въ пепелъ; тамъ же погибла значительная часть имуществъ, снесенныхъ сюда греческими вельможами"[1]).

Извѣстіе о погибели библіотеки Маврокордато въ такой же степени можетъ быть принимаемо или отрицаемо, какъ мнѣніе объ окончательной погибели Сераль̆ской библіотеки. Прежде всего библіотека Маврокордато не хранилась въ одномъ опредѣленномъ помѣщеніи, такъ какъ повидимому части ея были даже въ Валахіи; далѣе, едва ли можно придавать вѣру извѣстію, что она вся погибла отъ пожара 27 авг. 1729 г., такъ какъ существуютъ съ другой стороны оффиціальныя донесенія французскаго посла Вильнева отъ 1731 года, въ которыхъ идетъ рѣчь о той же библіотекѣ князя Маврокордато, какъ существующей.

Но произошло другое событіе, которое могло имѣть важныя послѣдствія для занимающей насъ коллекціи. Лѣтомъ 1730 г. умеръ князь Маврокордато. Вилльневъ увѣдомилъ объ этомъ своего министра 21 сентября[2]) и немедленно получилъ предписаніе заняться библіотекой и попытаться войти по этому поводу въ сношенія съ наслѣдниками князя. Особенно любопытно письмо посла отъ 20 февр. 1731 г.[3]). „Узнавъ о смерти князя, я подумалъ о пріобрѣтеніи его рукописей. Сначала я сообщилъ свою мысль доктору Фонсекѣ, который сохранилъ съ сыномъ тѣ же отношенія, какія имѣлъ къ отцу, и поручилъ ему, не щадя ни хлопотъ, ни денегъ, купить библіотеку. Но до настоящаго времени молодой князь не расположенъ разстаться съ рукописями. Но считаю долгомъ васъ увѣдомить, что по слухамъ здѣсь распространеннымъ, въ случаѣ продажи ея, могутъ быть сдѣланы предложенія на счетъ покупки либо отъ императора, либо отъ англійскаго короля, а можетъ быть и отъ римской куріи, и что предложенія могутъ превысить 100.000 піастровъ". Въ апрѣлѣ 1732 г. посолъ писалъ аббату Биньону, что надежды на покупку библіотеки онъ считаетъ окончательно потерянными, такъ какъ молодой князь не расположенъ продавать ее и такъ какъ, получивъ отъ отца хорошее наслѣдство, онъ едва ли и впослѣдствіи принужденъ будетъ въ продажѣ.

О состояніи, въ какомъ находилась эта библіотека въ концѣ 1731 г., мы узнаемъ изъ той же переписки слѣдующее: „чтобы знать, какія рукописи изъ этой библіотеки желательно списывать, необходимо имѣть каталогъ. Я нѣсколько разъ обращался по этому поводу съ просьбой къ князю, но онъ всегда отвѣчалъ, что каталога нѣтъ, и книги находятся въ разныхъ помѣщеніяхъ, большая часть въ Валахіи, а нѣкоторыя здѣсь въ разныхъ домахъ сложены въ ящики, которые долго, можетъ быть, не будутъ раскрыты[4]).

---

[1]) Missions II, p. 732 - 733.
[2]) Missions II, p. 669.
[3]) Ibid., p. 670—671.
[4]) Missions II, p. 676, изъ письма посла отъ 1 ноября 1731 г.... je luy ait fait demander plusieurs fois (le catalogue), mais il m'a toujours fait répondre qu'il n'en avoit point, parceque ses livres sont dispersez, le plus grand nombre étant en Valaquie, et les autres étant icy dans différentes maisons et renfermez dans des caisses, qui ne seront peut estre pas ouvertes de longtemps.

Во всякомъ случаѣ ясно, что библіотека не погибла отъ пожара, какъ объ этомъ распространялись слухи. Но изо всѣхъ фактовъ, сообщаемыхъ въ перепискѣ, мы однако не можемъ сдѣлать заключеній ни о количествѣ рукописей въ библіотекѣ князя Маврокордато, ни о мѣстонахожденіи ея, ни о томъ какая судьба постигла ее въ дальнѣйшемъ. Въ сущности, къ половинѣ XVIII-го вѣка никто не могъ сказать съ увѣренностью также и о Серальской библіотекѣ, такъ какъ никто ее не видѣлъ лично, не описалъ и не далъ понятія объ ея содержаніи

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что библіотека Матвѣя Корвина дѣйствительно была перевезена въ Константинополь послѣ взятія турками Песта въ 1526 году, и нѣкоторые экземпляры книгъ изъ этой библіотеки извѣстны были въ концѣ XVII в. [1]). Еще больше объ этой библіотекѣ стало извѣстно въ 19-мъ вѣкѣ. Въ 1869 г. 4 рукописи съ гербомъ Корвиновъ подарены были султаномъ Абдулъ-Асизомъ австрійскому императору. Въ 1877 г. нынѣ царствующій султанъ приказалъ возвратить въ Венгрію остатки библіотеки Корвиновъ, найденные въ Сералѣ, всего при этомъ препровождено 22 латинскихъ и 3 итальянскихъ рукописи [2]). Эти факты всего нагляднѣй доказываютъ, что свѣдѣнія французскаго посольства въ 17 и 18 в. на счетъ содержанія Серальской библіотеки не были точны, поэтому нѣтъ основаній къ заключенію, что въ какомъ-нибудь помѣщеніи Сераля не находятся остатки старой библіотеки византійскихъ императоровъ.

Никифоръ Ѳеотоки именно въ Серальской библіотекѣ могъ найти прекрасный кодексъ, который служилъ бы ему для изданія толкователей на Восьмикнижіе. Ибо нѣтъ основаній предполагать, чтобы найденный нами въ 1902 г. въ библіотекѣ Сераля пергаменный кодексъ № 8, содержащій сводъ толкователей на Восьмикнижіе съ громаднымъ количествомъ миніатюръ, могъ бы попасть въ эту библіотеку послѣ 18-го вѣка. Такъ или иначе, иллюстрированный Октатевхъ изъ Серальской библіотеки, написанный въ царствованіе Алексѣя I Комнина и принадлежащій по всей вѣроятности къ царской библіотекѣ, позволилъ намъ поставить на разрѣшеніе тотъ вопросъ, какимъ мы занимаемся.

Прежде чѣмъ представить сравненіе изданнаго текста съ рукописнымъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу Серальской рукописи. Она открывается знаменитымъ письмомъ Аристея къ Филократу, затѣмъ представляетъ утрату нѣсколькихъ листовъ [3]) и начинается на л. 23 г. словами: χρῆναι λέγειν προϋπάρχειν οὐρανοῦ καὶ γῆς τοὺς ἀγγέλους· ἀγγέλων γάρ φήσιν οὐκ ὄντων πῶς ὁ τῶν ὅλων ὑμνεῖτο Θεός. Εἰς τὸ αὐτὸ τοῦ αὐτοῦ, Ἀλλ' οἱ ταῦτα λέγοντες . . . . Мы не знаемъ, какой былъ въ распоряженіи Ѳеотоки кодексъ, какъ въ немъ былъ расположенъ мате-

[1]) Объ этомъ упоминается въ перепискѣ посла французскаго въ Константинополѣ Жирардена. *Delisle*, Le Cabinet des manuscrits I, p. 297—298, примѣч.

[2]) Наиболѣе близкій къ нашему времени ученый, занимавшійся въ Серальской библіотекѣ, есть нѣмецъ *Blass*, сдѣлавшій описаніе видѣннаго имъ въ журналѣ Hermes, Band. XXIII pp. 219—233, 622—625 (1887 г.).

[3]) Мы не входимъ здѣсь въ подробности, оставляя ихъ до большой работы о Серальской рукописи, имѣющей появиться въ Извѣстіяхъ Института.

ріалъ и проч. Но съ первыхъ же шаговъ, при сопоставленіи матеріала Серальской рукописи и напечатаннаго въ Лейпцигскомъ изданіи, мы не можемъ не придти къ заключенію, что бывшій въ распоряженіи Θеотоки кодексъ князя Гики принадлежалъ къ одной и той же редакціи съ Серальскимъ. Но, не предрѣшая заключеній, войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Какому пріему слѣдовалъ Θеотоки въ своемъ изданіи?

Мы имѣемъ передъ собой Серальскій кодексъ, завѣдомо не бывшій въ распоряженіи Θеотоки. Серальскій открывается fol. 23 r. мѣстомъ изъ *Θеодорита:* τί δήποτε μὴ προτέταχε θεολογίαν τῆς τῶν ὅλων δημιουργίας ὁ συγγραφεύς; Μετρεῖν εἴωθε, оканчивается словами ἐν τῇ ἐρήμῳ συνέγραφε[1]). За этимъ мѣстомъ рукопись даетъ текстъ Василія Великаго εἰς τὸ αὐτὸ τοῦ ἁγίου Βασιλείου[2]), ὁ εἰπὼν δημιουργὸν οὐχ ἅμα τὴν δημιουργίαν λέγει — τὸ δὲ δημιουργούμενον μετὰ τὸν δημιουργόν. τοῦ ἁγιωτάτου Χρυσοστόμου[3]). τί δῆτα τὸν οὐρανόν — καὶ τεχνίτης ἐστίν. εἰς τὸ αὐτὸ Σευηριανοῦ Γαβαλῶν[4]). δύο πρόκειται τῷ Μωσεῖ — ἀκολουθίας. εἰς τὸ αὐτὸ Ἀκακίου Καισαρείας[5]). Διατί μέλλων νομοθετεῖν — καὶ δημιουργός. Εἰς τὸ αὐτὸ Διοδώρου[6]). Τῶν βαρβάρων ὅσοι κατὰ τοὺς Μωσέως χρόνους — τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Εἰς τὸ αὐτὸ Γεννα δίου Κωνσταντινουπόλεως[7]). Εἰσί τινες — στερκτέον. ἄλλως[8]) εἰς τὸ αὐτό. Καὶ ὁ νόμος ἀπὸ ἔαρος — ἡ κτίσις τοῦ κόσμου. Θεοδωρίτου[9]). οὐδὲν στερρὸν εἶχον — ἀνάπλεως. Εἰς τὸ αὐτό Σευηριανοῦ[10]). Διατί Μωσῆς μὲν οὐρανοῦ — ἑρμηνεύσῃ τὸν ἀόρατον. Εἰς τὸ αὐτὸ Ἀκακίου[11]). Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεός — τὸν δημιουργόν. Ἄλλως[12]) εἰς τὸ αὐτό. Ἐν κεφαλαίῳ ὅπερ — περιέλαβε. Θεοδωρίτου[13]) εἰς τὸ αὐτό. Προϋπάρχουσιν οὐρανοῦ καὶ γῆς ἄγγελοι — πῶς ἔνεστι τὸ φερόμενον εἶναι. Εἰς τὸ αὐτὸ Σευηριανοῦ[14]). Ἐγένοντο οἱ ἄγγελοι — πάντες ἄγγελοί μου. Βασιλείου[15]). Ἦν τις πρεσβυτέρα — διηγεῖται. Εἰς τὸ αὐτὸ Γεννα δίου[16]). Εἰσί τινες οἱ προδεδημιουργῆσθαι — προγεγονέναι. Εἰς τὸ αὐτὸ Θεοδω-

---

[1]) Въ изданіи Никифора Θеотоки Σειρὰ ἑνὸς καὶ πεντήκοντα ὑπομνηματιστῶν, col. 1 то же мѣсто изъ *Θеодорита*, Patrologiæ series graeca t. LXXX col. 77, открываетъ Палею. Ниже будемъ отмѣчать изданный текстъ словами *edit.*

[2]) Весьма любопытно, что въ изданіи Θеотоки порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ мѣста, приведенныя въ объясненіе библейскаго текста, совершенно другой, чѣмъ въ кодексѣ. Указанное мѣсто Василія читается у Θеотоки гораздо дальше, послѣ многихъ другихъ отрывковъ, col. 4.

[3]) Edit. col. 5 τί δῆτα.

[4]) Edit. col. 6 Σεβήρου.

[5]) Edit. col. 7, но совершенно въ другой послѣдовательности.

[6]) Edit. col. 8.

[7]) Edit. col. 8 fine et col. 9.

[8]) Edit. col. 9.

[9]) Edit. col. 1—2 = ap. Migne Patrol., col. 78. Здѣсь въ особенности замѣтно различіе въ системѣ у Θеотоки.

[10]) Edit, col. 6.

[11]) Edit. col. 7, непрочитанное мѣсто возстановляется по кодексу ὅτι δὲ ὅμοιόν ἐστι μᾶλλον и пр.

[12]) Edit. col. 8.

[13]) Edit. col. 3 ap. Migne Patrol., col. 79 ἐρωτ. γ'.

[14]) Edit. col. 6. Σευήρου.

[15]) Edit. col. 4 fine и col. 5.

[16]) Edit. col. 9—10.

ρίτου[1]) Ἀλλὰ φασί τινες — ὁ θεῖος ἀπόστολος. Εἰς τὸ αὐτὸ Διοδώρου[2]). Μετὰ τὰς ἀσωμάτους (ed. ἀοράτους) — οὐρανοῦ καλεῖ. Θεοδωρίτου[3]). Εἰ ἦν ἡ γῆ — καὶ ἄλση καὶ λήϊα. Ἀκακίου.[4]) Ἡ δὲ γῆ ἦν ἀόρατος — καρποφόρον (ed. καρφύεον). Εἰς τὸ αὐτὸ Σευηριανοῦ[5]). Ἀόρατος ἦν ἡ γῆ οὐχ ὅτι οὐκ ἐφαίνετο. — Τοῦ αὐτοῦ[6]) εἰς τὸ αὐτό. Οἶδα πολλοὺς — ἀόρατον λέγει. Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[7]). Ἔστι τελεία κατασκευὴ γῆς — καθορᾶσθαι. Εἰς τὸ αὐτὸ Θεοδωρίτου[8]). Οὐκ ἐδίδαξεν ἡμᾶς ὁ Μωσῆς — καὶ πάντα ἐν αὐτοῖς. Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[9]). Ἐκ δύω τῶν ἄκρων — ὡσεὶ κάμαραν. Θεοδωρίτου[10]). Εἰ τὸ φῶς — συνίσταται βίος. Εἰς τὸ αὐτὸ Ἀκακίου[11]). Καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου — τοῦ πυρὸς ὑμῶν. Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[12]). Ἐπιζητεῖ ὁ λόγος — σώματος παρυπέστη. Εἰς τὸ αὐτὸ ἄλλως[13]). Ἄβυσσός ἐστιν — δυσκατάληπτον. Εἰς τὸ αὐτὸ Γενναδίου[14]). Σκότος λέγει — ἀπόλειψιν (ed. ἀπόληψιν). Εἰς τὸ αὐτὸ Διοδώρου[15]). Σκότους ἂν εὔαρθρον (edit. σκότους ἄνευ ἄρθρου) — τὸν νοῦν ἔχῃ. Ἰστέον ὅτι τὴν Ὠριγένους δόξαν ἐλέγχει οὕτως ἑρμηνεύοντες[16]) (ed. Ἀδήλου). Θεοδωρίτου[17]). Ποῖον πνεῦμα — πέφυκεν. Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[18]). Εἴτε τοῦτο λέγει — ὑποθαλπομένοις. Ἄλλως[19]) εἰς αὐτό. Ἐπιστήσεις — διακυβερνῶσαν. Διοδώρου[20]). Τὰ ἀφ' ἑτέρας γλώττης — ὃ ἦν ἡ χάρις. Εἰς τὸ αὐτὸ Γενναδίου[21]). Τοῦτο τινὲς — εἰκότως διέξεισι Εἰς τὸ αὐτὸ Κυρίλλου[22]) ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας. Ζωογονεῖ — τοῦ πατρός. Τοῦ αὐτοῦ[23]). Αἰνίττεται — βαπτίσματος. Θεοδωρίτου[24]). Τίνι λέγει — συνίστανται. Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[25]). Ὅταν φωνὴν — σχηματίζεσθαι. Τοῦ αὐτοῦ[26]) εἰς τὸ αὐτό. Τὸν Θεὸν

---

[1]) Edit. col. 3 4, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ рукописи все это мѣсто раздѣлено. Послѣ словъ ὁ τῶν ὅλων ὑμνεῖτο Θεός вставлено εἰς τὸ αὐτὸ τοῦ αὐτοῦ. Ἀλλ' οἱ ταῦτα λέγοντες и проч.

[2]) Edit. col. 8, причемъ cod. вмѣсто ἀοράτους имѣетъ ἀσωμάτους.

[3]) Edit. col. 10—11.

[4]) Edit. col. 11—12.

[5]) Edit. col. 12 Σευήρου. Изданный текстъ представляетъ комбинацію двухъ отрывковъ Северіана, притомъ съ внесеніемъ глоссы Акилы, чего въ Серальской рукописи нѣтъ.

[6]) Edit. col. 12.

[7]) Edit. col. 12—13.

[8]) Edit. col. 11.

[9]) Edit. col. 5.

[10]) Edit. col. 13 - 14.

[11]) Edit. col. 14.

[12]) Edit. col. 14—15.

[13]) Edit. col. 15.

[14]) Edit. col. 15.

[15]) Edit. col. 15.

[16]) Ibid. очевидно маргинальная замѣтка.

[17]) Edit. col. 15—16.

[18]) Edit. col. 16.

[19]) Edit. col. 16, но не подъ именемъ Василія, а подъ именемъ Προκοπίου τοῦ Γαζαίου и притомъ со звѣздочкой.

[20]) Edit. col. 16—17.

[21]) Edit. col. 17.

[22]) Edit. col. 17 подъ именемъ Ἀδήλου.

[23]) Edit. col. 17 fine, но подъ именемъ Кирилла, какъ и слѣдовало.

[24]) Edit. col. 18.

[25]) Edit. col. 18.

[26]) Ibid.

προστάσσοντα — προβιβάζουσα. Εἰς τὸ αὐτὸ ἄλλως[1]). Προφορικὸν — ἀφανής. Θεοδωρίτου[2]). Διατί τέθεικεν ὁ Θεὸς — ὀνομάζει καλά. Ἄλλως[3]). Τὸ μέσον — κίνησις. Ἄλλως[4]). Ὥσπερ τὸ ἀνὰ μέσον — ἢ ἀναχώρησιν. Σευηριανοῦ[5]). Ἡμέραν ἐκάλεσεν — κατανύγητε. Ἱπολύτου Ῥώμης[6]). Οὐκ εἶπεν ἡμέραν πρώτην — ὑπάρχουσαν. Ἱπολύτου Ῥώμης[7]). Τῆς τοῦ ὕδατος — τοῖς ἀνθρώποις. Ἀκακίου[8]). Μήποτε στερέωμα — τῆς προπαρασκευῆς. Θεοδωρίτου[9]). Εἰς οὐρανὸς ἢ δύο εἰσί; τῆς θείας διδασκούσης — τὸν ὑπερκείμενον οὐρανόν. Βασιλείου[10]). Δεῖ ἐξετάσαι — τὰς ὑπολήψεις. Τοῦ αὐτοῦ[11]). Τουτέστιν ἄμικτον — διεχώρισεν (ed. διώρισεν). Τοῦ αὐτοῦ[12]). Ἐπειδὴ γὰρ αὐτὸν — πάντα ἐποίει. Τοῦ αὐτοῦ[13]). Τοῦτο ἐκάλεσεν — ὑπὲρ αὐτοῦ εἶναι. Σευηριανοῦ[14]). Τὸν οὐρανὸν τοῦτον — τὸ αὐτὸ λέγει καὶ Σωτήρ. Ἰωάννου[15]). Καὶ εἶπεν ὁ Θεὸς γενηθήτω στερέωμα. τοῦτο τὸ ὁρώμενον — δόγματα ἐπιφέροντας. Τοῦ αὐτοῦ[16]) ἐκ τῆς πρὸς Ἑβραίους ἐπιστολῆς εἰς τό — ἣν ἐπῆξεν ὁ Κύριος καὶ οὐκ ἄνθρωπος. Ποῦ εἰσὶν οἱ δονεῖσθαι — ἀνῄρηται. Γεννα δίου[17]). Δυνάμενος ὁ Θεὸς — πῆξιν ἐδέξατο. ΙΔ. Εἰ ζητεῖς πῶς πρὸ τοῦ γενέσθαι — συσκοτάζων[18]). Σευηριανοῦ[19]). Εἶπεν ὁ Θεὸς συναχθήτω — τὰ ὄρη τὰ μεταξύ. Θεοδωρίτου[20]). Τί δήποτε μίαν εἰπὼν — συναγωγάς. Βασιλείου[21]) εἰς τὸ αὐτό. Οὕτω καὶ μερισθέντος τοῦ ὕδατος — μεῖναι οὐκ ἠδύνατο. Καὶ ὤφθη ἡ ξηρά. Κεκρυμμένη γὰρ[22]) ὅτι καλόν. Καὶ τὰ συστήματα τῶν ὑδάτων. Διάφορα[23]) κατὰ τόπους —

[1]) Edit. ibid.

[2]) Edit. col. 18.

[3]) Edit. col. 18 подъ именемъ Василія.

[4]) Edit. ibid. fine. Все это мѣсто въ кодексѣ (fol. 27 v.) изложено нѣсколько иначе и притомъ всѣ мѣста отнесены къ *Θеодориту*. Такъ мѣсто Διατί τέθεικεν послѣ „καλά" имѣетъ: τὸ διεχώρισε τῷ δρόμῳ νόει μὴ τῷ τόπῳ. Ἄλλως. Τὸ μέσον — κίνησις. Ἄλλως. Ὥσπερ — ἀναχώρησιν.

[5]) Edit. col. 19 Σευήρου. Послѣ κατανύγητε рукопись продолжаетъ οὐκ εἶπεν νυχθήμερον, ἀλλ' ἡμέρα μία εἰς τὴν τοῦ φωτὸς προσηγορίαν, что въ edit. col. 19 читается подъ словами Ἱπολύτου.

[6]) Edit. col. 19 въ серединѣ текста Ипполита.

[7]) Edit. col. 21.

[8]) Edit. col. 19—20.

[9]) Edit. col. 20—21.

[10]) Edit. col. 21. Въ концѣ cod. fol. 28 v. имѣетъ περὶ τοῦ οὐρανίου вм. τῶν οὐρανίων.

[11]) Edit. col. 24.

[12]) Edit. col. 24.

[13]) Edit. ibid.

[14]) Edit. col. 22 подъ именемъ Σευήρου. Но въ Codex (fol. 29 r.) приведенное изъ Северіана мѣсто оканчивается словами τὸ αὐτὸ λέγει καὶ ὁ Σωτήρ, а затѣмъ слѣдуетъ цитата Ἰωάννου.

[15]) Edit. col. 24. Это мѣсто приписано Северу и сообщено подъ его именемъ Σευήρου. Что это ошибочно, оговариваетъ и самъ Θеотоки col. 25, примѣч. 1.

[16]) Edit. col. 22 подъ словами Χρυσοστόμου. Что мѣсто взято изъ посланія къ Евреямъ, это очевидно добавлено въ кодексѣ изъ маргинальныхъ отмѣтокъ.

[17]) Edit. col. 22—23.

[18]) Въ Серальскомъ кодексѣ эти слова идутъ подъ текстомъ изъ Геннадія; edit. col. 25 сообщаетъ ихъ подъ именемъ Ἀδήλου.

[19]) Передъ этимъ мѣстомъ на поляхъ ἡμέρα τρίτη. Καὶ εἶπεν ὁ θεὸς συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω. Edit. col. 26.

[20]) Edit. col. 26—27.

[21]) Edit. col. 27. Но то, что въ Серальскомъ кодексѣ помѣщено сплошь подъ именемъ Василія Великаго, въ изданномъ у Θеотоки раздѣлено на рубрики.

[22]) Edit. col. 27 подъ τοῦ αὐτοῦ.

[23]) Edit. col. 27, но подъ именемъ Ἀδήλου.

ὀνομάζει διαίρεσιν. Θεοδωρίτου[1]). Τί δήποτε τὰς οὐκ ἐδωδίμους — καὶ ὑγείας παρεκτικά. Θεοδωρίτου[2]) (или можетъ быть Прокопія). Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[3]). Ὁ νοῦς ἐστὶ τῶν εἰρημένων τοιοῦτος — δοκούσης. Τοῦ αὐτοῦ[4]). Βλαστησάτω ἡ γῆ — δύναμιν. Τοῦ αὐτοῦ[5]). Εἰς τὸ ἐξήνεγκεν ἡ γῆ. Ἡ γὰρ τότε φωνή — παρεχόμενος. Θεοδωρίτου[6]). Τῶν φωστήρων δημιουργηθέντων — καὶ τοὺς μικροὺς κατεσκεύασεν. Διοδώρου[7]). Εἰς τὸ αὐτό. Μηδεὶς δὲ ἀκούων — τὸ φῶς πέμποντες. Ἀπολιναρίου[8]). Εἰς τό· γενηθήτωσαν φωστῆρες. Τοῦ δὲ προγόνου (edit. πρωτογόνου) φωτός — τὸ φῶς ἐποίει. Τοῦ ἁγίου Βασιλείου[9])... Διδύμου[10]). Εἰς τὸ αὐτό. Ὅθεν καὶ οἱ φωστῆρες — τὴν ἡμέραν ὁ ἥλιος (cod. fol. 31 r.).

Исходъ.

Серальскій кодексъ fol. 155 v. начинается словами Ἀδήλου. Ὅτι τὸ πρῶτον — ἐπιγράψῃς τὸ πρόσταγμα. Затѣмъ прямо слѣдуетъ мѣсто *Ѳеодорита* πῶς νοητέον τό· χυδαῖοι. . . .

При сопоставленіи съ изданнымъ текстомъ Ѳеотоки (I, col. 553—554) легко видѣть, что послѣдній въ приготовленный имъ текстъ рукописи Гики вставилъ лишь 3 мѣста Прокопія и одно Епифанія, отмѣтивъ ихъ звѣздочками.

Левитъ.

Серальскій кодексъ fol. 265 v. Предисловій нѣтъ, начало: καὶ ἀνεκάλεσεν Μωυσῆς καὶ ἐλάλησε Κύριος αὐτῷ, т. е. библейскій текстъ Лев. глава I, 1. Какъ обычно, текстъ занимаетъ середину листа и длина строкъ не простирается во всю ширину листа. Свободное пространство сверху, снизу и по бокамъ замѣщено толкованіями и объясненіями изъ отцовъ церкви[11]). — Начинаются толкованія съ *Оригена*[12]). Λευιτικὸν ὠνόμασται ἐπειδὴ τὸ τῆς ἱερωσύνης — καιρωτέρου δηλωτική. Θεωδωρίτου[13]).

---

[1]) Edit. col. 28.

[2]) Въ кодексѣ это мѣсто читается fol. 30 r. въ самомъ концѣ и потому весьма попорчено отъ сырости. Конецъ мѣста читается fol. 30 v. ἐπὶ τὸ γένος τοῦ σκαῖρον. Но въ печатномъ текстѣ col. 28 это мѣсто обозначено заимствованнымъ изъ Прокопія и помѣчено звѣздочкой.

[3]) Edit. col. 28—29.

[4]) Edit. col. 29.

[5]) Edit. col. 29.

[6]) Edit. col. 29—30.

[7]) Edit. col. 34.

[8]) Edit. col. 30.

[9]) Въ кодексѣ это мѣсто попорчено отъ сырости. По всей вѣроятности оно читается у Ѳеотоки, col. 30, τότε μὲν γὰρ αὐτοῦ.

[10]) Edit. col. 30.

[11]) Rahmencatene, какъ называетъ этотъ родъ Октатевха *Lindl*, Die Oktateuchcatene, p. 18—20.

[12]) Изданный у Никифора Ѳеотоки текстъ I, col. 953. Мѣсто Оригена приведено въ качествѣ предисловія.

[13]) Мѣсто Ѳеодорита, занимающее въ Серальскомъ кодексѣ fol. 265 v., 266 и 267 r., у Ѳеотоки разбито на нѣсколько небольшихъ отрывковъ, идущихъ отъ col. 953 до 980—981, гдѣ приведенъ самый послѣдній, оканчивающійся словами θεραπεύει ζημίᾳ. Несомнѣнно, въ этомъ заключается одна изъ существенныхъ особенностей изданнаго у Ѳеотоки текста, которая частію можетъ объяснять формальныя отступленія между Серальскимъ кодексомъ и изданнымъ текстомъ.

Τίνος ἕνεκα τὰς θυσίας προσφέρεσθαι προσέταξεν ὁ Θεός; Πολλαχοῦ μὲν ἡμῖν εἴρηται περὶ τούτων — ἀλλὰ μικρὰ θεραπεύει ζημία. Ὠριγένους[1]). Τὸν περὶ θυσιῶν λόγον — ἐν τούτοις μαθήματα. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸ αὐτό[2]). Τετηρήκαμεν πολλαχοῦ τῶν γραφῶν — καὶ τοῦ μὴ θύειν δαίμοσιν. Ἀπολιναρίου[3]). Ὁ Θεὸς κατὰ τὸ ἥμερον ἐπελίξατο — ἀπόθεσιν.

Числа.

Серальскій кодексъ (fol. 316 r.), Смирнскій (fol. 145). Начало одинаково въ томъ и другомъ. Καὶ ἐλάλησε ὁ Κύριος πρὸς Μωυσῆν ἐν τῇ ἐρήμῳ τῇ Σινᾷ... Θεοδωρίτου[4]). Διατί προσέταξεν ἀριθμηθῆναι (Сер. ἐναριθμηθῆναι) τὸν λαὸν ὁ Θεός; ἵνα τῆς οἰκείας — καὶ ἐπλήθυνα αὐτόν. Ἀπολιναρίου[5]). Τὸ δὲ κατὰ συγγενείας — τῷ ὅλῳ τὸ μέρος. Εἰς τὸ αὐτὸ Βασιλείου[6]) ἐκ τοῦ εἰς τὸν Ἡσαΐαν. Τήρει, φησίν, ὅτι ἐν Ἀριθμοῖς — ἀξιούμενος. Κυρίλλου[7]). Ὅτι τὸ ἄρσεν — βίβλοις ἀπογραφή. Ἀπολιναρίου[8]). Ἀριθμοῦσι δὲ τοῖς περὶ Μωσέα — Θεοδωρίτου[9]). Πῶς ἦν ἡ τοῦ Ἰούδα φυλή — ἀνέτειλεν αὐτοῖς. Θεοδωρίτου[10]). Διατί ἐλάττων — προσήδρευον.

Второзаконіе.

Серальскій кодексъ (fol. 391 v.) въ серединѣ листа имѣетъ начало библейскаго текста: Οὗτοι οἱ λόγοι — ἕως Καδησβάρνη (десять строкъ). Все остальное пространство на листѣ занято мѣстами изъ отцовъ церкви. Начало. Εἰς τὴν ἐπιγραφήν[11]). Τὸ Δευτερονόμιον πέμπτον μέν ἐστι βιβλίον — πάντα τὰ Μωσαϊκά. Затѣмъ слѣдуетъ безъ всякаго оглавленія. Τὸ προοίμιον διδάσκει τὸν τόπον — ἐπισημαίνεται δὲ καὶ τὸν χρόνον[12]). Ὠριγένους[13]). Ἐπειδὴ ὁ μὲν Θεός — εἰρημένα. Θεοδωρίτου[14]). Διατί τὸ πέμπτον βιβλίον τοῦ νομοθέτου — ἱερουργίας καὶ τὰ τούτοις ὅμοια. Εἰς τὸ αὐτό τοῦ Πηλουσιώτου[15]) ἐπιστολή. Τί ἐστιν, ἔφη, τὸ περὶ τῶν οὐρανίων φωστήρων εἰρημένον ἀπένειμεν Κύριος ὁ Θεός σου πᾶσι τοῖς ἔθνεσιν, ἄκουε τοίνυν — ποιῆσαι τολμησάντων. Εἰρηναίου Λουγδώνων[16]). Ἄνωθεν τὸν νόμον — φωβηθῶσι τὸν

---

[1]) Edit. col. 953 мѣсто приведено въ качествѣ предисловія.
[2]) Edit. col. 956.
[3]) Edit. col. 957.
[4]) Edit. col. 1161—1162.
[5]) Edit. col. ibid.
[6]) Edit. col. 1163.
[7]) Edit. col. 1162—1163.
[8]) Edit. ibid.
[9]) Edit. col. 1164.
[10]) Edit. col. 1175.
[11]) Edit. col. 1421 Ἀδήλου, не въ началѣ книги.
[12]) Edit. ibid. подъ словами Διοδώρου.
[13]) Edit. col. 1423 (третья строка мѣста).
[14]) Edit. самое начало книги, вмѣсто ἐπιγραφή.
[15]) Въ изданномъ текстѣ у Θеотоки этого мѣста Исидора Пелусіота не оказалось.
[16]) Edit. col. 1421.

Θεόν. Διοδώρου[1]). Ἐπειδὴ ὁ μὲν Θεὸς τὴν δύναμιν — εἰρημένα. Κυρίλλου[2]). Ὅρος τὸ Χωρήβ. Ὠριγένους[3]). Οὐχ' ἁπλῶς.

Смирнскій кодексъ, fol. 219, въ концѣ этой книги имѣетъ Σευήρου Ἀντιοχείας[4]). Ἐκ τῶν κατὰ κωδικέλλων Ἀλεξάνδρου συγγραμμάτων. Γέγραπται ἐν μιᾷ τῶν καθολικῶν ἐπιστολῶν οὕτωσι — ὁ δὲ Μιχαὴλ ὁ Ἀρχάγγελος ὅτε τῷ διαβόλῳ διελέγετο διακρινόμενος περὶ τοῦ Μωϋσέως οὐκ ἐτόλμησε κρίσιν ἐπενεγκεῖν βλάσφημον[5]) — ἀποσκοποῦντες.

Іисусъ Навинъ.

Серальскій кодексъ (fol. 471 v.) начинаетъ книгу I. Навина словами: Καὶ ἐγένετο μετὰ τὴν τελευτὴν Μωϋσῆ — ἐγὼ δίδωμι αὐτοῖς (I, гл. 1—2). И затѣмъ, безъ оглавленія, приводитъ мѣсто: ὁ πάνσοφος ἡμᾶς ἐδίδαξε Παῦλος, ὡς τύπος ἦν ἡ παλαιὰ τῆς καινῆς — καὶ βιασταὶ ἁρπάζουσιν αὐτήν[6]). (fol. 472 r.). Θεοδωρίτου[7]) εἰς τὸ αὐτό. Καὶ πῶς ἁρμόττει — ἀκουσόμεθα καὶ σοῦ. Ἀνεπιγράφου[8]). Τετελεύτηκε Μωϋσῆς — καὶ τοὺς προφήτας. Ἰστέον ὅτι — μὴ ἀπειθήσαντας[9]). Ὠριγένους[10]). Τοῖς φυλάσσουσι τὸν νόμον — ὡς δηλοῖ τὰ ἑξῆς. Ἀνεπίγραφον[11]). Σημαίνει τὸν οὐρανὸν τὸν πάλαι ἄβατον — ὁ αληθινὸς Ἰησοῦς. Εἰς τὸ αὐτό[12]). Τί δήποτε ὑποσχόμενος ὁ Θεός — слѣдуетъ обширное извлеченіе, занимающее fol. 472—474 r. и оканчивающееся словами οἱ γὰρ ἐξ Ἰουδαίων πεπιστευκότες ἠγκήσαντο τῆς τῶν ἐθνῶν σωτηρίας (τοῖς ἔθνεσι τὴν σωτηρίαν προσήνεγκαν, ap. Theodor., col. 476) fol. 474 v Ὠριγένους[13]). Πόρνη πιστεύουσιν οἱ κατάσκοποι — τὸ ἱερατικὸν ἔνδυμα γίνεται Σευήρου Γαβαλῶν[14]). Εἰκὼν τῆς ἐκκλησίας — ἤγουν τοὺς ἀποστόλους. Ὠριγένους[15]). Ἰστέον ὅτι ὁ οἶκος αὐτῆς — διὰ τοῦ τείχους. Εἰς τὸ αὐτό[16]). Ὁ ἀπόστολος δεύτερον — χαλάσαντες ἐν σπυρίδι. Ὠριγένους[17]). Οὐχ ὅτι τριῶν ἡμερῶν —

---

[1]) Edit. col. 1423.
[2]) Edit. col. 1423.
[3]) Edit. col. 1424.
[4]) Edit. col. 1673.
[5]) Edit. βλασφημίας.
[6]) Въ изданномъ текстѣ Никифора Θеотоки т. II это мѣсто читается какъ текстъ *Θеодорита*, col. 1—2, какъ и слѣдовало, ср. *Migne*, Patr. gr. t. LXXX, col. 457.
[7]) Edit. vol. 11 col. 2 подъ оглавленіемъ τοῦ αὐτοῦ.
[8]) Ibid., col. 3.
[9]) Мѣсто Ἰστέον у Θеотоки col. 3 читается подъ именемъ Ἀδήλου.
[10]) Edit. col. 3.
[11]) Edit. col. 4. Ἀνεπιγράφου. Πᾶς ὁ τόπος σημαίνει . . . .
[12]) Edit. col. 4. Здѣсь встрѣчаемъ наиболѣе интересный случай отношенія Θеотоки къ тексту рукописи. Въ оригиналѣ (предполагаемъ, что рукописи, бывшія въ распоряженіи Θеотоки, близко стоятъ къ Серальскому кодексу) мѣсто Θеодорита приведено сплошь до вопроса 16 (*Migne*, Patr. gr., vol. LXXX, col. 476), у Θеотоки же оно раздѣлено на нѣсколько мелкихъ частей.
[13]) Edit. col. 9—10 три мѣста, col. 11 τοῖς ξύλοις. Въ оригиналѣ Серальскомъ всѣ эти мѣста въ одномъ кускѣ.
[14]) Edit. col. 9.
[15]) Edit col. 12.
[16]) Edit. col. 13 τοῦ αὐτοῦ.
[17]) Edit. col. 16 съ пропускомъ заключительныхъ словъ.

καὶ οὐχ εὗρον τὴν εἰς Χριστὸν ἄγουσαν ὁδόν. Ἰδοὺ σὺ[1]) ἐκ πάσης τῆς πόλεως ἐμερίσθης πρὸς σωτηρίαν — παρετιθέμεθά σοι. fol. 476 r. Ἀνεπίγραφος[2]). Σημαίνει ὁ τύπος — παιδαγωγηθέντες ὑπὸ τοῦ νόμου. Πρέποι[3]) ἂν τῇ ἀσθενείᾳ — καὶ ἄλλον τῆς καινῆς· Βαβαὶ[4]) τῶν τούτων — ἐβαπτίζετο ὑπὸ τοῦ Ἰωάννου. Ἀνεπίγραφος[5]). Τοῦτο δῆλον τὸ σημεῖον — καὶ ἀρχόντων. Ὠριγένους[6]). Σήμειωτέον ὅτι ἡ τετρὰς — κεῖται. Τὸ ηὔξησεν οὐ σωματικῶς — εἰς αἰῶνα αἰῶνος. Σευήρου Γαβαλῶν[7]). Ἅμα γὰρ ὁρῶσιν — τῇ διανοίᾳ. Θεοδωρίτου[8]). Πῶς νοητέον — εὑρίσκονται. Σευήρου Γαβαλῶν[9]). Διὰ τοῦτο μαχαίραις — περιτεμουμένους Θεοῦ. Ὠριγένους[10]) εἰς τὸ αὐτό. Ζητητέον — τῆς σαρκὸς ἡμῶν. Θεοδωρίτου[11]). Διατί μαχαίραις πετρινοῖς — μεμνήκασι. Γάλγαλα[12]) δὲ ὁ τόπος — ἀποτίθεται. Διοδώρου[13]). Γαλγὲλ τροχὸς ἑρμηνεύεται — περιτμηθέντος. Ἀνεπίγραφον[14]). Ἐὰν γὰρ μὴ πιστεύσω — λαβεῖν. Τὸ ἀφεῖλον[15]) — δύω σημείων Ἱεριχώ. Ἀδήλου[16]). Τὸ Γάλγαλα παρ' ὀλίγον — καὶ τὸν τόπον.

Книга Судей.

Серальскій кодексъ fol. 512 v. Начало Μηδεὶς[17]) τῶν κριτῶν βίβλον — πρὸς νουθεσίαν ἡμῶν. Εἰς τὸ αὐτὸ[18]). Κριταὶ κέκληνται — βλάβης ἐλευθεροῦν. Θεοδωρίτου[19]). Διατί κριταὶ τὸ βιβλίον ὠνόμασται — τὴν πρόρρησιν τέλος. Εἰς τὸ αὐτὸ ἀνεπιγράφου[20]). Τελευτήσαντος τοίνυν — μετὰ τὴν Ἰησοῦ τελευτήν. Εἰ κατ' ἐκεῖνον[21]) τὸν καιρόν. — Ἰεβοῦς ὠνομασμένη. Εἰς τὸ αὐτὸ[22]). Ὅτι ἐνδέχεται — (fol. 513 v.) ἰδίας προσηγορίας. Θεοδούλου.[23]) Ὅ εἶπεν Ἰησοῦς — τὰ ὄπισθεν. Τοῦ

---

[1]) Edit. col. 14 подъ именемъ Ἀδήλου. Между тѣмъ въ Серальскомъ это отнесено къ предыдущему (Оригенъ).

[2]) Edit. col. 17 подъ именемъ Ἀδήλου.

[3]) Edit. col. 19 подъ именемъ Ἀδήλου.

[4]) Ibid. col. 19, также подъ именемъ Ἀδήλου.

[5]) Edit. col. 20.

[6]) Edit. col. 24. Продолженіе того же мѣста „τὸ ηὔξησεν" у Θеотоки имѣется col. 25 подъ отдѣльнымъ заглавіемъ Ἀδήλου.

[7]) Edit. col. 26.

[8]) Edit. col. 27.

[9]) Edit. col. 27.

[10]) Edit. col. 28—29.

[11]) Edit. col. 28.

[12]) Edit. col. 31 подъ именемъ Θеодωρίτου.

[13]) Edit. col. 31. За этимъ мѣстомъ Серальскій кодексъ имѣетъ: ἐν ἄλλῃ ἐκδόσει ἀπὸ τοῦ ἀστερίσκου — εἶτα μ̄ ἔτη καὶ τὰ ἑξῆς, — все это у Θеотоки въ другой послѣдовательности приведено col. 30.

[14]) Edit. col. 30 Ἀνεπιγράφου.

[15]) Edit. col. 30 мѣсто это подъ отдѣльнымъ оглавленіемъ Ἀδήλου.

[16]) Edit. col. 31 подъ другимъ оглавленіемъ Ἀνεπιγράφου.

[17]) У Θеотоки col. 117 эти слова приведены подъ именемъ Ἀδήλου.

[18]) Edit. ibid. подъ именемъ Ἀδήλου.

[19]) Edit. ibid.

[20]) Edit. col. 119.

[21]) Edit. col. 121 подъ именемъ Θеодωρίτου.

[22]) Edit. col. 121 подъ именемъ Ἀδήλου.

[23]) Edit. col. 122.

αὐτοῦ[1]). Πόλιν δὲ γραμμάτων — ἐπιτηδείως ἐχόντων. Τὸ μὲν ἐπεστείλατο[2]). — προετρέψατο. Τί ἐστι δός[3]) μοι λύτρωσιν — ταπεινὰ δὲ τὰ ὕπτια. Εἰς τὸ αὐτό[4]). Καθὸ ἠλευθεροῦτο — ἐπωνόμασεν. — Въ серединѣ этого мѣста, послѣ словъ ἐπὶ τούτοις ἐδέχετο кодексъ имѣетъ прибавку противъ изданнаго у Ѳеотоки πενθεροῦ Μωϋσῆ λύτρωσιν ὕδατος εἶπεν. Ἵνα εἴπῃ κατὰ[5]) τὴν ἐπιθυμίαν — ἐχαρίσατο αὐτῇ. (fol. 514 r.) Πῶς ἐνταῦθα τοῦ νομοθέτου[6]) — ἔγγονοι τοῦ Ἰοθώρ εἰσι. Εἰς τὸ αὐτό[7]). Τῆς θείας γραφῆς μὴ ἐπισημηναμένης — παιδευθέντες. Πόλιν φοινίκων[8]) — τοὺς ἀδελφοὺς αὐτῶν. Ἀντὶ τοῦ οὐκ ἠβουλήθη[9]) — κατασχέσεως. Πῶς νοητέον[10]) — ἐλυμαίνετο πολιτείαν. Οὐκ ἐπὶ ἀδυναμίᾳ[11])—ἐπὶ ῥᾳθυμίᾳ. Τὰ μετὰ πολλούς[12]) — ἡ αὐτή ἐστι. — Θυγατέρας[13]) — ἡ κώμας. Τί δήποτε μὴ πάσας[14]) — εἰς τὸν ἀφιερωμένον νεὼν συναγείρεσθαι. (fol. 516 r.) Εἰς τὸ αὐτό[15]). Τὸ ἤρξατο κατοικεῖν — ὡς δηλοῖ τὰ ἑξῆς. Ἰδουμαῖνον[16]) — ὀνομάζει. Συνοχὰς καλεῖ[17]) — τιμωρίας. Ἀντὶ τοῦ θανάτου[18]) — γενήσονται. Κατὰ τὸ ἰδίωμα[19]) — ὁ τόπος ἐδέξατο. Ἀνεπίγραφος[20]). Ἐπανάληψίς ἐστιν ἐντεῦθεν — κατὰ τῶν ἐξ αὐτῶν·

Руѳь.

Серальскій кодексъ fol. 551 r. Десять строкъ библейскаго текста. Καὶ ἐγένετο ἐν ταῖς ἡμέραις . . . написаны по серединѣ листа, притомъ каждая строка въ длину идетъ лишь до половины, оставляя такимъ образомъ для комментаріевъ изъ отцовъ церкви все свободное мѣсто сверху, снизу и по бокамъ библейскаго текста.

Εἰς τὴν Ῥούθ[21]). Τί δήποτε τὸ κατὰ τὴν . . . — τῶν χηρῶν ἐπιμέλειαν. Εἰς τὸ αὐτό[22]). Ἡ Ῥοὺθ τύπον ἐπέχει τῆς ἐκκλησίας. Ὠριγένους[23]). Ῥοὺθ τύπον φέρει τῶν ἐθνῶν — καὶ ἀνυποτάκτοις. Κριτὴς κριτῶν[24]) λέγεται — ἔτη τετρακόσια δέκα.

---

[1]) Edit. ibid.
[2]) Edit. ib. fine, подъ именемъ Ἀδήλου.
[3]) Edit. col. 123, подъ словами Θεοδωρίτου.
[4]) Edit. col. 128, подъ именемъ Ἀδήλου.
[5]) Edit. ibid., подъ именемъ Ἀδήλου.
[6]) Edit. col. 124, подъ словами Θεοδωρίτου.
[7]) Edit. col. 128, подъ именемъ Ἀδήλου.
[8]) Edit. col. 124, подъ словами τοῦ αὐτοῦ.
[9]) Edit. col. 124 Ἀδήλου.
[10]) Edit. col. 125.
[11]) Edit. col. 125 Ἀδήλου. οὐκ ἠδυνήθησαν οὐκ ἐπὶ ἀδυναμίᾳ . . . .
[12]) Edit. ibid. Ἀδήλου.
[13]) Edit. col. 127.
[14]) Edit. col. 127—129.
[15]) Edit. col. 127 Ἀδήλου.
[16]) Edit. col. 130 Ἀδήλου.
[17]) Edit. col. 130 Ἀδήλου.
[18]) Edit. ibid. Ἀδήλου εἰς σκάνδαλον ἀντὶ τοῦ . . .
[19]) Edit. ibid. Ἀδήλου.
[20]) Edit. col. 131 Ἀνεπιγράφου. Καὶ ἐδούλευσε πᾶς ὁ λαός. Ἐπανάληψις . . . .
[21]) Въ изданномъ Ѳеотоки текстѣ, col. 257, книги Руѳь приведенное мѣсто читается подъ именемъ Ѳеодорита, какъ и должно быть.
[22]) Edit. этого мѣста нѣтъ.
[23]) Edit col. 260.
[24]) Edit. col. 259 Ἀδήλου. Притомъ у Ѳеотоки это мѣсто раздѣлено на два отрывка.

Fol. 559 r. Ἀνεπίγραφον[1]). Οὐχ ἁπλῶς οὐδὲ μάτην — τῶν Ἰουδαίων εὐσέβειαν. Τοῦ αὐτοῦ[2]). Τοῦτο σημαίνει — εἰς πλάνην. Εἰς τὸ αὐτό[3]). οὐ γὰρ ἀφίσταται ἡ ἐκκλησία τῆς γνησίας διδασκαλίας. Εἰς τὸ αὐτό[4]). Συνήφθησαν γὰρ — διὰ τοῦ ἀκρογωνιαίου λίθου. Εἰς τὸ αὐτό[5]). Κατὰ πάντα γὰρ — σωτηρίῳ πάθει. Ἐκεῖ ἀμφότερα[6]) — μυστήριον. Τὸ ὅμοιον ἐπὶ τῶν μάγων[7]) — τῶν Ἰουδαίων. Θαυμάζουσιν[8]) — ἔρημος. Ἐν τῷ Δευτερονομίῳ[9]) — δεκτὸς αὐτῷ ἐστί. Οἱ πρὸ τῆς παρουσίας Χριστοῦ[10]) — ἤνεγκε πολύν. Τοῦ Χρυσοστόμου[11]). Ὅρα γοῦν καὶ — ἐκ ταύτης ἐστὶν ὁ Δαβίδ. Εἰς τὸ αὐτὸ ἀνεπίγραφον[12]). Ἐγνωρίζετο γὰρ τῇ συναγωγῇ — τὸ περὶ αὐτοῦ μυστήριον. Εἰς τὸ αὐτὸ[13]). Οἱ δὲ θερίζοντες — τὰ δράγματα αὐτῆς. Εἰς τὸ αὐτὸ[14]) ἀνεπίγραφον. Περιέπεσε γὰρ — τοῖς θερίζουσι. Τοῦ αὐτοῦ[15]). Ἐρωτᾷ περὶ τῆς ἐκκλησίας — ἐπιγινώσκουσα. Ξένη γὰρ[16]) ἦν ὄντως — τῆς ζωῆς εἰδώλοις λατρεύουσα. Τουτέστι[17]) τὸν διάβολον — καὶ τὰ ἑξῆς. Παιδίσκας[18]) τοῦ νοητοῦ — συλλέγοντες. Ἀνεπίγραφον[19]). Ἐκ τῆς ἐκκλησίας — τὸν ἐπιγνόντα αὐτήν.

Согласно даннымъ самимъ Θеотоки объясненіямъ въ предисловіи къ изданію, намъ слѣдовало бы лишь внимательно отнестись къ мѣстамъ обозначеннымъ звѣздочками и кавычками, принять въ соображеніе подстрочныя примѣчанія, а затѣмъ все содержаніе изданнаго имъ текста представлять себѣ какъ наличность текста кодекса князя Гики. Такъ какъ провѣрка этого положенія не возможна за утратой упомянутаго кодекса, то мы, допустивъ на время предположеніе о близости между Серальскимъ кодексомъ и кодексомъ Гики, сдѣлали болѣе или менѣе обширныя сопоставленія текста Θеотоки и рукописнаго и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Изданный у Θеотоки текстъ, соотвѣтствуя по своему объему и содержанію тексту Серальскаго кодекса, представляетъ однако многія особенности по расчле-

---

[1]) Edit. col. 262 Ἀνεπιγράφου.
[2]) Edit. ibid. Ἀδήλου. Ἀπέστρεψεν εἰς τὸν λαὸν αὐτῆς. Τοῦτο σημαίνει . . . .
[3]) Edit. этого мѣста не находится.
[4]) Edit. col. 263 Ἀδήλου.
[5]) Edit. col. 263 Ἀδήλου.
[6]) Edit. ibid. Ἀδήλου.
[7]) Ibid. Ἀδήλου.
[8]) Ibid. Ἀδήλου col. 263—264.
[9]) Edit. col. 264 Ἀδήλου.
[10]) Ibid. Ἀδήλου.
[11]) Edit. col. 265.
[12]) Edit. col. 263 Ἀνεπιγράφου.
[13]) Edit. col. 264 Ἀδήλου.
[14]) Ibid. Ἀνεπιγράφου.
[15]) Edit. col. 265 Ἀδήλου. Ἐρωτᾶται . . .
[16]) Edit. col. 265 Ἀδήλου.
[17]) Edit. col. 266 Ἀδήλου. Καὶ πῶς κατέλιπας τὸν πατέρα σου, τουτέστι τὸν διάβολον.
[18]) Ibid. Ἀδήλου. Три мѣста col. 266—267 происходятъ изъ одного отрывка, сплошь помѣщеннаго въ Серальскомъ код. fol. 561 r.
[19]) Edit. col. 267 Ἀνεπιγράφου.

ненію и расположенію своему. У Ѳеотоки находимъ другой порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ мѣста, служащія къ объясненію библейскаго текста; кромѣ того Ѳеотоки часто разбиваетъ на маленькіе куски большія и сплошныя извлеченія изъ комментаторовъ на библію, находимыхъ въ рукописи. Независимо отъ того, вставляя среди своего текста новыя мѣста изъ писателей и раздробляя библейскій текстъ согласно имѣвшемуся въ его распоряженіи матеріалу, Ѳеотоки необходимо долженъ былъ представить въ своемъ изданіи больше, чѣмъ давалъ ему текстъ рукописи.

Къ вышеуказанному присоединились часто независимыя отъ воли издателя обстоятельства. Отмѣтивъ въ изданіи Ѳеотоки всѣ мѣста, которыя взяты изъ кодекса и совпадаютъ съ Серальскимъ, мы нашли, что иногда у Ѳеотоки не отмѣчены звѣздочкой такія мѣста, которыхъ въ кодексѣ не находится, и которыя, слѣдовательно, заимствованы имъ изъ печатныхъ изданій (напр. I, col. 5—6 и много другихъ мѣстъ изъ Хрисостома), и наоборотъ иногда отмѣчаются звѣздочкой мѣста, находимыя въ Серальскомъ кодексѣ (vol. I, col. 16 Προκοπίου; col. 29 Βασιλείου; II, col. 11 Оригена и др.). Думаемъ, что это невольныя и почти неизбѣжныя ошибки, если предположить, что изданіе дѣлалось въ Лейпцигѣ по копіи издателя, а не по кодексамъ, которыми едва ли онъ могъ тамъ располагать. Изъ вышесказаннаго можно заключать, что въ дальнѣйшемъ изученіи вопроса о греческихъ катенахъ Лейпцигское изданіе Ѳеотоки съ большими ограниченіями можетъ быть принимаемо въ смыслѣ выразителя опредѣленнаго типа рукописей.

Коллекціи Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Каталогъ моливдовуловъ.

Составилъ Е. А. Панченко[1]).

125 (123). 3,2 сант. Табл. I, фиг. 1. Интересный императорскій моливдовулъ, къ сожалѣнію плохой сохранности. Особенно пострадало изображеніе императора, опирающагося на labarum. Но на лѣвомъ полѣ мы читаемъ ІѠ и съ меньшею увѣренностью Δ Є С П О.

Обращаясь къ другой сторонѣ печати, имѣемъ рѣдкое изображеніе Христа Халкита (отъ имени дворца Халки). Слова О Х А Λ К Н Т Н С читаются вполнѣ ясно, менѣе сохранились вверху ІС ХС. Шлюмбергеру въ его Сигиллографіи не извѣстно другого изображенія Христа Халкита, кромѣ описаннаго у Dumont въ Bulletin de l'Ecole Française d'Athènes n. 3—4, p. 58 и въ Revue numismatique 1867, 157. См. Sigillographie p. 17: „une monnaie byzantine anonyme". Къ сожалѣнію, намъ не были доступны статьи Дюмона. Кромѣ того изображеніе Халкита найдено на моливдовулѣ, принадлежащемъ, повидимому, Михаилу Дукѣ Парапинаку (1071—78), *Schlumberger* въ Revue des études grecques 1900, p. 479. Изображеніе Христа Халкита намъ далѣе извѣстно по *Sabatier,* Monnaies Byz. pl. LXIV f. 10, и оно наблюдается на мѣдной монетѣ Іоанна III Дуки Ватаци (1222—1254). Нашъ моливдовулъ долженъ быть отнесенъ къ тому же Никейскому императору. О немъ см. Μηλιαράκης, Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας, ἐν Αθήναις 1898, p. 155—421. *Heisenberg,* въ Byz. Z. XIV 1905. Первый моливдовулъ Никейскихъ императоровъ изданъ изъ Аѳинскаго музея Шлюмбергеромъ (*Schlumberger*, Mélanges d'Archéologie, Paris, 1895, p. 238 s., cf. Κωνσταντόπουλος, Ἐφημ. Σβορώνου VI (1903), p. 74, и принадлежитъ Ѳеодору Ласкарю (1204—1221). На лицевой сторонѣ его имѣемъ фигуру св. Ѳеодора. Моливдовулъ безъ изображенія, изданный у *Schlumberger,* Sigillographie p. 459, нѣтъ основаній относить къ Іоанну Ватаци. Нашъ моливдовулъ былъ пріобрѣтенъ въ самой Никеѣ (Изникѣ) въ 1898 году[2]).

[1]) Продолженіе. См. Извѣстія т. VIII, вып. 3, стр. 199—246.

[2]) № 124 инв. — европейская пломба, изданная у *Rostovtsew et Prou,* Catalogue des plombs . . de la Bibliothèque Nationale. Paris 1900, pl. X, f. 6.

126 (125). 2 сант. Фигура св. Николая, на полѣ имя ὁ ἅγιος Νικόλ(αος). Табл. I, фиг. 2.

Rev. † $\overline{\text{KE}}$ $\overline{\text{P}}$ Θ
ΤΩCΩΔ Ʊ|
NIKOΔ| $\overline{\text{XT}}$
ΤΩΑNEΨ|
ΤΥΠΡΩΤ|
CΩM| T|

Ясно читается, буквами X вѣка: K(ύρι)ε, β(οή)(θει) τῷ σῷ δού(λῳ) Νικολ(άῳ χαρτουλαρίῳ) τῷ ἀνεψ(ιῷ) τοῦ πρώτ(ου) σώματ(ος?). Весьма интересна легенда. Мы не видимъ для нея иного смысла кромѣ слѣдующаго: Николаю хартуларію члену первой корпораціи (хартуларіевъ). Для этого придется придать слову ἀνεψιός техническій и доселѣ не наблюдавшійся смыслъ. О корпораціи *хартуларіевъ* у насъ тоже нѣтъ свѣдѣній. Въ извѣстномъ Λέοντος ἐπαρχικόν βιβλίον (ed. *Nicole*, Genève 1893) первой корпораціей являются табуларіи (нотаріусы). Ср. о нихъ еще Leonis nov. 115 (*Zachariæ* Jus Graeco-Romanum III, Lipsiae 1857, coll. II); nov. Constantini Monomachi περὶ τοῦ διδασκάλου τῶν νόμων: Iohannis Euchaitae quae supersunt, ed. *Lagarde* et *Bollig*, Gottingae 1882, p. 200; о праздникахъ нотаріусовъ и студентовъ: Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios, ed. *E. Kurtz*, Leipzig, 1903, № 32, p. 91—98. cf. *Du Cange*, Gloss. Græc. s. v. κυλίστρα.

127 (129). 2 сант. Табл. I, фиг. 3. Бюстъ Божіей Матери съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ, придерживаемомъ руками. Буквы $\overline{\text{M}}$ $\overline{\text{Θ}}$, кругомъ: † ΘKЄ RO . . TΩ CΩ Δ| Rev. Бюстъ св. Николая. Кругомъ идетъ продолженіе легенды первой стороны, IΩAN . . ΠPKIΩ(?) . . Фамильное имя патрикія Іоанна не было означено на печати. Недалеко отъ Лефке въ древней Виѳиніи, по рѣкѣ Гекъ-су, членамъ Института удалось открыть (въ 1903 г.) громадную гробницу какого-то патрикія Іоанна, также безъ означенія фамиліи.

128 (130). 3 сант. Разбита пополамъ, плохо сохранилась. Бюстъ Влахернской Божіей Матери съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ и съ воздѣтыми руками; слѣды буквъ $\overline{\text{ΘV}}$.

Rev. † . KЄ
BO . ΘЄI
MI . . ΛΠPO .
ΔP . KAIΛOΓA
PI . . TΩTON
. . OIKICT .
. . N

Мелкія и плохо сохранившіяся буквы X—XI в., можетъ быть, составляютъ важную легенду, но представляется не возможнымъ разобрать ее, кромѣ словъ Μι-

χαήλ, προ[έ]δρφ καὶ λογαριαστῷ (sic); чтеніе же τον (вм. τῶν), οἰκιστικον (вм. — ῶν) въ шестой строкѣ является лишь возможнымъ. Послѣднее слово должно было бы заполнить собою и седьмую строку.

129 (133). Табл. I, фиг. 4. Крестъ на ступеняхъ, кругомъ обычная надпись K(ύρι)ε, βοήθει τῷ σῷ δούλ(ῳ).

Rev. † Θ Є O
Δ O P O A M
A P T O Λ O
A M H N

IX—X в. Θεοδ(ώ)ρ(ῳ) ἁμαρτωλ(ῷ)· ἀμήν.

130 (134). 1,5 сант. Табл. I, фиг. 5. Фигура св. Николая, на полѣ имя ὁ Νικόλαος.

Rev. Λ O Γ Ȣ C
C Φ P A Γ I Z
S Γ P A Φ A C
I Є P A K H
O V

XII—XI в. Λόγους σφραγίζ(ω) καὶ γραφὰς Ἱερακήου. Имя Ἱεράκιος см. Socratis Hist. Eccl. IV, c. 12.

131 (135). Плохой сохранности. Голова Божіей Матери en face, изображеніе до плечъ, на полѣ $\overline{\text{MP}}$ $\overline{\text{ΘV}}$.

Rev. † Θ . . . .
C A M . . . I C T
Є П . C K O П
. T P A M .
. . N . .

XI—XII в. Въ четвертой строкѣ передъ T явны слѣды A. Поэтому имя епархіи можно возстановить: ATPAMVTTINȢ. Cf. Hieroclis Synecdemus ed. *Parthey*, Appendix 74.136 (Θῆβαι Ὑποπλάκιοι), недалеко отъ Пергама. Разрушенный Турками, Адрамиттій былъ возстановленъ полководцемъ Алексѣя Комнина, извѣстнымъ Евмаѳіемъ Филокалисомъ. Къ этому времени можетъ относиться и наша печать епископа неизвѣстнаго имени. Догадываться можно, что первыя три буквы второй строки представляли имя Σαμ(ου)ήλ, далѣе слѣдовало слово ἐλαχίστῳ. Cf. *Ramsay*, Hist. Geogr. of Asia Minor, index s. v. Adramyttion. Anna Comn. Alex. XIV, c. 1, p. 250 Bonn.

132 (136). 1,9 сант. Голова повидимому архангела Михаила, не Божіей Матери; слѣды крыла за плечами, но голова безъ убора. Двѣ буквы слѣва не разборчивы. На обратной сторонѣ буквами IX—X в.:

Θ К Є В, Θ,
. . О N С О N Δ
. ΜΙ Χ А Η Λ П .
В, Т Є Р О

Θ(εοτό)κε, β(οή)θ(ει) [τ]ὸν σὸν δ(οῦλον) [Μ]ιχαὴλ π[ρεσ]β(ύ)τερο[ν]. Примѣры винительнаго падежа послѣ βοήθει иногда встрѣчаются на моливдовулахъ. Послѣднія двѣ строки читаются съ трудомъ. Возможно чтеніе Р вмѣсто В, въ четвертой строкѣ, но наличность слова πρεσβυτέρῳ представляется несомнительной. Владѣлецъ печати, ближе не извѣстный пресвитеръ Михаилъ, ставитъ себя подъ защиту Божіей Матери, но на лицевой сторонѣ изобразилъ своего ангела Михаила.

133 (137). 1,4 сант. Бюстъ св. Георгія съ копьемъ, моложавое полное лицо, непокрытая голова, воинская хламида съ застежкой на правомъ плечѣ. На полѣ буквы имени: О ГЄ . . Г . О

Rev. † К Є В Θ
В А С І Λ Є І
Ѡ В Є С Т Н
Т Ѡ Z Ѡ N А
Р .

XII—XIII в. К(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) Βασιλείῳ βέστῃ τῷ Ζωναρ[ᾶ]. Печати βέστης, вестарховъ, веститовъ и пр. предполагаемъ разсмотрѣть въ особой статьѣ.

134 (138). 3 сант. Большая печать плохой сохранности. На лицевой сторонѣ представлена фигура стоящей Божіей Матери en face, рукъ не видно, на мѣстѣ груди печать продавлена. Буквы МР ΘV на поляхъ.

На оборотѣ крупными буквами XI в.:

. . . . Г І С
П Р Є Т Ѡ Р О С
Т Р І Ф Ѡ К' Ѹ
N І . О Λ А Ѹ

[Σφρα]γὶς πρ(αί)τ(ο)ρος Τριφωκ(ί)ου Νι[κ]ολάου. Въ третьей строкѣ, содержащей фамильное имя претора Николая, вмѣсто Т возможно читать и П, вмѣсто К возможно Х.

135 (139). 1,6 сант. Крайне трудно читается.

а)	† ΘЄIϢ	в)	ΠΡϢ
	CΦΡΑΓΙ		ΤΟΠΡΟЄ
	ΔΛΜΟΙΤϒ		ΔΡϒCVM
	. . IϢA		ΠΟΝϒΤϒ
	. .		ΒΑΡЄΟC

Буквы, приблизительно X вѣка, находятся въ состояніи разрушенія, тѣмъ не менѣе возможно почти полное опредѣленіе: θείω σφραγίδ(α) μοι τοῦ[το?] Ἰωά[ννη] πρωτοπροέδρου συμπόνου τοῦ Βαρέος, при чемъ на оборотѣ конструкція измѣняется и подразумѣвается слово σφραγίς.

Между словами πρωτοπροέδρου и συμπόνου нѣтъ союза καί. Тѣмъ не менѣе возможно, что одно изъ этихъ словъ не зависитъ отъ другого, они сопоставлены рядомъ, какъ титулъ и должность одного лица, Іоанна Вари, имѣвшаго титулъ протопроедра и занимавшаго должность симпона. Передъ нами одна изъ интересныхъ печатей чиновника судебныхъ, мало еще изученныхъ учрежденій. Мы уже имѣли выше (№ 5) моливдовулъ одного протопроедра. У *Schlumberger,* Sigillographie p. 571—575, изданъ цѣлый рядъ печатей проедровъ и протопроедровъ. Онъ отказывается дать какое либо объясненіе этимъ терминамъ. Изъ собраннаго матеріала видно, что званіе протопроедра было высокое, сопрягалось съ должностями доместика схолъ, квестора, дуки или претора Болгаріи, катепана различныхъ областей, ἀναγραφεύς Пелопонниса, ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν; изъ этого видно, что терминъ протопроедръ (и проедръ) означалъ не должность, но титулъ или чинъ, носители котораго занимали должности какъ въ центральной, такъ и въ провинціальной администраціи, ср. въ европейскихъ учрежденіяхъ: первый президентъ или „оберъ-президентъ" и т. п. Подобнымъ титуломъ является и κριτὴς τοῦ βήλου или ἱπποδρόμου, прилагавшійся къ высшимъ чиновникамъ и мѣстной администраціи: какъ въ этихъ случаяхъ, такъ, вѣроятно и относительно протопроедра должно принимать, что титулы первоначально судейскаго значенія сохранялись и при переходѣ на службу по общему управленію въ провинціяхъ или въ Константинополѣ. Какъ титулы κριτὴς τοῦ βήλου и ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου имѣли отношеніе къ извѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ, такъ и титулы проедра и протопроедра, вѣроятно, имѣютъ отношеніе къ сенату, преобразованному Юстиніаномъ. Одинъ изъ протопроедровъ на печатяхъ у Шлюмбергера занималъ должность квестора или высшаго судьи, на котораго перешли обязанности и прежняго quaestor S. Palatii, и учрежденнаго Юстиніаномъ квезитора. См. *Zachariæ von Lingenthal,* Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl. Berlin 1892, p. 367—370.

Что касается термина σύμπονος, то во-первыхъ, у Шлюмбергера (Sigillographie, 598) изданы два моливдовула, на которыхъ σύμπονος прилагается вмѣстѣ съ терминами πρωτοβέστης, πρωτοκουβουκλίσιος и πρωτονοτάριος — въ одномъ случаѣ,

и протонотарій (монастыря) Петрія и патрикій въ другомъ. Въ первомъ случаѣ σύμπονος является, повидимому, должностью, названной въ концѣ послѣ нѣсколькихъ титуловъ; во второмъ онъ можетъ означать должность. Вопросъ, означаетъ ли этотъ терминъ реальную должность, рѣшается другими источниками, именно De Cerimoniis и юридическими, данныя которыхъ наиболѣе полно собраны у *Zachariæ von Lingenthal,* Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl. Berlin 1892, стр. 366, прим. 1305. Изъ привлеченныхъ имъ мѣстъ (еще нужно добавить De Cerim. App. ad l. I, p. 461) выясняется, что σύμπονος былъ второю должностью въ вѣдомствѣ епарха, товарищемъ или совѣтникомъ епарха. См. особенно De Cerim. I c. 57, p. 237. Ecloge I—X librorum Basilicorum VII, 3 называетъ симпонами совѣтниковъ-юристовъ, назначавшихся къ высшимъ сановникамъ, не обладавшимъ достаточнымъ знаніемъ законовъ (памятникъ не изданъ, текстъ приведенъ у Цахаріэ).

136 (140). 2 сант. Табл. I, фиг. 6. Бюстъ Божіей Матери съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ. На полѣ буквы $\overline{\text{МР}}$ $\overline{\text{Θ}}$ . . Легенда обратной стороны сохранилась лишь отчасти:

. . . .
R' A'СПА
ПІТ Ȣ . .
ОТ . . ПІТ
. . СТ .

XII—XIII в. . . . β'(ασιλικῷ) (πρωτο)σπα[θ](αρίῳ) [ἐ]πὶ τοῦ . . . οτ(ίου?) [(καὶ) ἐ]πὶ τ(οῦ) [βε]στ[ιαρ](ίου?). Собственное имя не дошло; въ концѣ 3-ей строки замѣтны слѣды κ или β, далѣе была круглая буква вродѣ ο.

Первое званіе владѣльца печати можетъ быть возстановлено пока лишь предположительно. Ясно читается послѣ ο буква τ, такъ что нельзя допустить ciborium (κιβώριον или κιβούριον), о которомъ много данныхъ собрано *Дюканжемъ* въ Constant. Christ. l. III, c. 57 sqq.; и терминъ этотъ относится къ церковнымъ древностямъ. Слѣдуетъ, повидимому, возстановлять: ἐπὶ τοῦ κιβοτίου. Другихъ текстовъ для такого чтенія указать пока не можемъ; но поставленный рядомъ съ ἐπὶ τοῦ βεστιαρίου неизвѣстный намъ терминъ можетъ быть легко допущенъ и объясненъ въ смыслѣ хранителя частной императорской казны (ср. нѣм. Schatulle).

137 (141). 1,2 сант. Бюстъ св. Георгія съ копьемъ, слѣды его имени на полѣ. Голова молодая, непокрытая, одѣтъ въ хламиду съ застежкой у праваго плеча. На оборотѣ довольно обычная легенда:

† Ȣ
СФРАГ
ЄІМІТНN
. . Ф, ВΛЄ
. . . ОЄІ

Οὗ σφραγ(ίς) εἰμι, τὴν [γρα]φ(ὴν) βλέ[π(ων) ν]ὸει. Ср. *Schlumberger*, Sigillographie, 60 sq.

138 (142). 2,3 сант. Бюстъ св. Іоанна Предтечи. Табл. I, фиг. 7. Согнута и придавлена.

Rev. Ϥ Ѡ N C . . .
. Π I T I C . . .
. . Π Є Z . . . .
. Є Π T . . .
. . .

Въ послѣдней строкѣ можетъ быть V K. Можно возстановить лишь Κωνσταντίνῳ ἐπὶ τῆς βασιλικῆς τραπέζης. *Schlumberger,* Sigillographie, 599—600. Можетъ быть, вторымъ званіемъ на нашей печати было ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν.

139 (143). 2,7 сант. XI—XII в.

a) † K Є R O
H Θ Є I T Ѡ
C Ѡ Δ ȣ
— Λ —

b) A V̄ Ξ Є̄ N
T I A P Γ V
P O Π P A
— T —

XII—XIII в. K(ύρι)ε, βοήθει τῷ σῷ δούλ(ῳ) Αὐξεντί(ῳ?) ἀργυροπράτ(ῃ). О коллегіи серебренниковъ въ Византіи см. *Nicole,* Livre du préfet, Genève 1893, c. 2: περὶ ἀργυροπρατῶν; кромѣ того, отрывки, скомпилированные изъ новеллъ Юстиніана 136, 99 и эдикта 9, изданные у *G. Heimbach,* Anecdota, Lipsiæ 1838, p. 263—265.

140 (144). 2,5 сант. Табл. I, фиг. 8. Бюстъ святителя съ бородой, руки на груди — лѣвая повидимому поддерживаетъ книгу, правая благословляетъ. Слѣды имени ὁ Νικόλαος (?) на поляхъ.

Rev. † K̄ Є R Θ
Γ Є Ѡ P Γ I /
X ȣ . .
— Ѡ —

XII—XIII в. K(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) Γεωργί(ῳ τῷ) Χού[μν](ῳ). Печати двухъ другихъ членовъ извѣстнаго рода Хумновъ изданы у *Schlumberger,* Sigillographie, 636—637.

141 (145). 1,8 сант. Табл. I, фиг. 9. Бюстъ Божіей Матери, правая рука на груди раскрыта ладонью кверху.

Rev. K̄ Є R Θ
. Є Ѡ N T
C Π A Θ .

X или XI в. K(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) [Λ]έ(ο)ντ(ι) σπαθ[αρ](ίῳ).

142 (146). 2,2 сант. IX—X в.

a)	b)
† ГН .	ЄѠN
ХАРСІ .	ЄСТАІ
NЧІѲVNЄ.	НССVМВО
ТЄТАГМ	. NФЄРЄІ
— N. —	ТОΔЄ

Прежде всего обращаетъ вниманіе собственное имя Χαρσιανοῦ, области съ главнымъ городомъ или Харсіаномъ, или Кесареей. По мнѣнію Шлюмбергера, она была самостоятельной ѳемой короткое время съ Льва VI Философа и первые годы правленія Константина VII Порфиророднаго, см. *Schlumberger,* 284 s.; *Rambaud,* L'Empire Grec, 174, 177; *Ramsay,* Historical Geography of Asia Minor, 248—250. Но изъ текстовъ: De admin. p. 225—226, De them. p. 20, De cerim. 696, 713, 727, не видно, чтобы до Льва Харсіанъ не былъ самостоятельной ѳемой; вѣроятнѣе обратное мнѣніе. Текстъ изъ житія св. Евдокима (изд. *Х. М. Лопаревымъ,* Пам. древн. письм. XCVI, Спб. 1893), стр. 7: στρατοπεδαρχεῖν μέρους τῶν Καππαδοκῶν χειροτονηθεὶς καὶ περὶ τὸ καλούμενον Χαρσιανὸν διατρίβων, говоритъ скорѣе за то, что при Ѳеофилѣ Харсіанъ былъ еще турмой. Ср. *А. А. Васильевъ,* Византія и Арабы за время Аморейской династіи, Спб. 1900, 88. Печать ἀναγραφεύς ѳемы Харсіана издана Константопуломъ въ Σβορώνου Διεθνῆς ἐφημ. V (1902), p. 219. Нашъ моливдовулъ подходилъ бы и къ X вѣку, хотя мы отнесли бы его скорѣе къ IX в. по характеру буквъ; въ немъ нѣтъ никакихъ указаній на ѳемное устройство.

Первое слово послѣ креста безспорно γῆ или γῆς, соединяющееся грамматически съ слѣдующимъ Χαρσιανοῦ. Далѣе сказуемое ἰθύνει, требующее прямого дополненія. Послѣднее слово на первой сторонѣ можно было бы прочесть какъ τεταγμένος или τεταγμένον, такъ какъ послѣ ν слѣды круглой буквы О. Если примемъ чтеніе τεταγμένον, тогда подлежащаго нужно было бы искать въ первомъ словѣ легенды: γῆ Χαρσιανοῦ ἰθύνει τεταγμένον. Если же предпочтемъ τεταγμένος, то слово γῆ придется поставить въ иномъ падежѣ: γῆς или γῆν Χαρσιανοῦ ἰθύνει τεταγμένος, — второе чтеніе не даетъ смысла, при первомъ γῆς Χαρσιανοῦ зависѣло бы отъ τεταγμένος: „отряженный или назначенный земли Харсіана направляетъ,“ и придется продолжать фразу уже на оборотѣ печати, отыскивая тамъ и существительное для τεταγμένος, и прямое дополненіе. Читая первое слово обратной стороны какъ Λέων, мы получили бы искомое имя τεταγμένος Λέων, но дополненія нѣтъ: слѣдуютъ буквы εσται, которыя мы не догадываемся прочесть иначе, какъ ἔσται. Послѣднія слова болѣе ясны: ἧς или τῆς σύμβολον φέρει τόδε, „знакъ которой имѣется на семъ“. Единственное чтеніе всей печати, которое мы могли бы пока предложить, таково: γῆς Χαρσιανοῦ ἰθύνει τεταγμένος· Λέων ἔσται· τῆς σύμβολον φέρει τόδε, но, конечно, мы охотно предпочли бы лучшее чтеніе.

143 (147). 2,5 сант. Фрагментъ плохой сохранности. На одной сторонѣ слѣды креста на ступеняхъ съ орнаментомъ въ видѣ пальмовой вѣтви и съ обычной

надписью вокругъ его: κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На обратной сторонѣ фрагмента читаются буквы:

† I Ω A N .
. B K A N
Δ . Δ I .
H T . .
. . . .

Буквы X вѣка. † Ἰωάν[νη] β(ασιλικῷ) καν[δι]δ(άτῳ) (καὶ) δι[οικ]ητ(ῇ) . . . . . Читая въ 3 строкѣ между двумя дельтами знакъ союза καί, получаемъ въ центрѣ легенды почти съ полной увѣренностью два термина: κανδιδ(άτῳ) καὶ διοικητ(ῇ). Благодаря этому можно высчитать число буквъ на недошедшей правой сторонѣ легенды фрагмента: по двѣ въ 2 и 3 строкахъ, и одну должно предполагать въ 4 строкѣ, гдѣ находилась часть имени области, гдѣ Іоаннъ былъ διοικητής. Возстановить это имя не представляется возможнымъ, хотя въ послѣдней строкѣ можно было бы предположить: . ντ.

144 (148). 2,6 сант. Фрагментъ. Слѣды крестообразной монограммы κύριε βοήθει, на поляхъ между концами креста остатки словъ τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ различить можно лишь нѣсколько буквъ, такъ какъ металлъ печати распадается цѣлыми кусками; тѣмъ не менѣе возможно установить, что печать принадлежала неизвѣстному по имени стратигу (ѳемы) Воспора, IX или начала X вѣка:

Δ A T .
P A T . .
. O C Γ .

Крупныя продолговатыя буквы IX, даже конца VIII вѣка: . . . . κανδι]δάτ[ῳ καὶ στ]ρατ(ηγῷ Β]οσπ[όρου]. Фрагментъ такъ незначителенъ, что можетъ быть дополненъ лишь предположительно. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ значительный историческій интересъ при сопоставленіи съ моливдовуломъ Воспорскаго стратига, изданнымъ Шлюмбергеромъ (Mélanges d' archéologie Byzantine, p. 206-7). Вторую и третью строки нашего фрагмента вполнѣ возможно возстановить какъ στρατηγῷ Βοσπόρου, судя по очертаніямъ уцѣлѣвшей части. Въ тоже время другого возможнаго варіанта для истолкованія сохранившихся буквъ намъ не представляется. Моливдовулъ, изданный Шлюмбергеромъ, относится по характеру буквъ приблизительно къ XI вѣку, нашъ же фрагментъ не можетъ быть датированъ позднѣе IX-го столѣтія. Ѳема Воспоръ не упоминается De thematibus. Докторъ Мордтманнъ высказалъ предположеніе, что можетъ разумѣться Воспоръ Крымскій; въ такомъ случаѣ стратигъ Воспора относился бы къ Херсонской ѳемѣ (*Schlumberger,* o. c., 207).

145 (149). 1,4 сант. Бюстъ св. Георгія, съ копьемъ и щитомъ, въ одеждѣ воина, моложавое лицо и непокрытая голова, обрамленная большими кудрями. На полѣ слѣва и справа буквы имени ὁ Γεώργιος.

На другой сторонѣ мелкими буквами XI вѣка:

† ΘЄΟ
ΦΑΝΗΒΟ
ΗΘ, ΤΩϹΩ
ΟΙΚЄΤ,

Θεοφάν(ει) βοήθ(ει) τῷ σῷ οἰκέτ(ῃ).

146 (150). 2 сапт. Плохой сохранности, въ состояніи разрушенія, потому не воспроизводится несмотря на свой интересъ. На лицевой сторонѣ наблюдаемъ слѣды композиціи Сошествія во адъ и воскрешенія мертвыхъ (Ἀνάστασις, Descensus ad inferos). Эта композиція, основанная на легендѣ, развитой наиболѣе во 2-ой книгѣ апокрифическаго Евангелія Никодима (*Tischendorf,* Evangelia apocrypha, Lipsiae 1876, Proleg. p. LXVII—LXX, греческій текстъ p. 323-332), появляется на миніатюрахъ (преимущественно лицевыхъ псалтирей), на мозаикахъ и эмаляхъ съ IX вѣка (можетъ-быть и ранѣе, см. *Н. В. Покровскій,* Евангеліе, 398). Богатый матеріалъ по исторіи композиціи Ἀνάστασις собранъ у *Н. В. Покровскаго,* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи (Труды VIII Арх. съѣзда, т. I), Спб. 1892, 398-425; для разъясненія фазисовъ въ развитіи композиціи цѣнны изслѣдованія Милье и Диля (*G. Millet,* Mosaiques de Daphni, 2: Monuments Piot II, Paris 1895, p. 204-214, ср. его же Monastère de Daphni, P. 1899, pl. XVII, p. 151 и др.; *Ch. Diehl,* Mosaïques byzantines, Mon. Piot, III, 1896, p. 232-236, плохое воспроизведеніе у *Schultz and Barnsley,* Monastery of St. Luc, London 1901, p. 48). Въ исторіи композиціи различаются два существенные фазиса: съ XI вѣка постепенно исчезаетъ полуязыческая фигура попираемаго Христомъ Ада, замѣняясь зіяющимъ отверстіемъ; и по сторонамъ Христа необходимыми фигурами являются четыре: Адамъ съ Евой и два ветхозавѣтныхъ царя. Древнѣйшіе образцы для того и другого фазиса были изданы *Н. П. Кондаковымъ* (рисунокъ изъ Хлудовской Псалтири IX в., Тр. Моск. Археол. Общ. VII, Москва 1878, табл. X ф. 3; и эмалевый образокъ изъ складня въ монастырѣ Шемокмеди въ Гуріи, конца X в., — Эмали Звенигородскаго, Спб. 1892, 148-150). Композиціи XI и слѣд. вѣковъ представляютъ много варіантовъ по сложности и по расположенію фигуръ, но основной типъ — Христа съ 4-мя боковыми, меньшаго размѣра, фигурами — въ общемъ соблюдается, и наиболѣе типическими являются воспроизведенія на мозаикѣ монастыря Св. Луки въ Греціи, XI в., фреска Кіево-Софійскаго собора того же времени (Древн. Росс. Госуд., Кіево-Соф. Соборъ, табл. 39, фиг. 26) и эмалевый образокъ изъ оклада Евангелія въ Сіенѣ, въ Biblioteca comunale (фотографія Alinari P. I, № 8945, изданъ у *Labarte,* Histoire des arts industriels, pl. CI, *Schlumberger*, Nicéphore Phocas, p. 23). *Н. П. Кондаковъ* (Эмали Звенигородскаго, 189-191) полагаетъ, что весь окладъ этотъ сборный, составленъ изъ эмалей различнаго времени, но и онъ допускаетъ, что часть ихъ восходитъ къ XI вѣку.

Намъ нужно отмѣтить, что композиція Воскресенія Христова на нашемъ моливдовулѣ (равно какъ на другомъ, № 892 нашей коллекціи, также плохо сохранившемся,) отвѣчаетъ почти вполнѣ типу Сіенской эмали. Фигуры Адама и Евы расположены на лѣвой, фигуры Давида (его спутника Соломона не замѣтно на одной и навѣрное не было на второй печати) расположены направо отъ центральной фигуры Христа, держащаго крестъ въ поднятой лѣвой рукѣ и подающаго правую преклоненному Адаму. Низъ первой печати совершенно испорченъ, на второй есть слѣды гробовъ подъ боковыми фигурами, а также зіяющаго ада подъ ногами Христа. Слѣдуетъ сопоставить нашъ моливдовулъ съ бронзовой медалью, изданной Шлюмбергеромъ (*Schlumberger*, Mélanges d' Archéologie Byzantine, P. 1895, p. 29) и относимой издателемъ ко времени Комниновъ. Тамъ фигуры преклоненнаго Адама и Евы расположены справа отъ центральной болѣе крупной фигуры Христа, подающаго Адаму руку и держащаго крестъ въ другой рукѣ; слѣва повидимому фигура Давида, стоящаго на гробѣ. На другой сторонѣ медали представлено Распятіе. Та же композиція, но съ фигурой Адама слѣва отъ Христа и съ тремя фигурами справа, наблюдается на изданномъ Шлюмбергеромъ одновременно свинцовомъ амулетѣ грубой работы и съ изображеніемъ креста особой формы на оборотѣ (*Schlumberger*, o. c., p. 30).

Разбираемый моливдовулъ можетъ относиться къ XI вѣку, судя по остаткамъ буквъ на обратной сторонѣ. Легенда изъ пяти строкъ возстановлена быть не можетъ. На лицевой сторонѣ также замѣтны слѣды буквъ. Возможно, что тамъ стояла та же надпись, какъ на Сіенскомъ образкѣ: ἡ τοῦ Χριστοῦ ἀνάστασις, или ἡ ἀνάστασις, какъ на медаляхъ, изданныхъ Шлюмбергеромъ.

147. (151). Фрагментъ; 2,5 сант. На лицевой сторонѣ слѣды обычной крестообразной монограммы, на другой различается: [Νικο]λά[ῳ σ]παθ[αρί]ῳ τ[ῷ . .

148 (152). Фрагментъ моливдовула, имѣвшаго около 2,5 сант. въ поперечникѣ. На лицевой сторонѣ фигуры святыхъ Θеодоровъ, Стратилата и Тирона, опирающихся одинъ на щитъ, другой на мечъ. Слѣды имени ὁ Θεόδωρος на лѣвомъ полѣ. На оборотѣ фрагментъ легенды:

J Δ Ϣ
Λ I Λ T I
O Є Δ P Ϣ
Є П I T Ϣ
· C K O

гдѣ возможно возстановить въ первой строкѣ имя Θεοδώρῳ, въ третьей слово προέδρῳ; для 2-ой и 5-ой строкъ нельзя быть увѣреннымъ ни въ одной буквѣ (XI—XII в.).

149 (153). Фрагментъ моливдовула въ 2,3 сант. IX—X в. Лицевая сторона сохранила лишь слабые слѣды креста; на оборотѣ фрагмента читаемъ:

ΑΝΟΥ
Α'ΣΠΑΘ
UΚ.ΞΕΝ
ΟΧΩΝΙ
ΑΙΑ·

[Μ]ανου[ήλ β(ασιλικῷ)] (πρωτο)σπαθ[αρίῳ] κ(αὶ) ξεν[οδ]όχῳ Νι[κ]αία[ς]. Тому же самому Мануилу, царскому протоспаѳарію и ксенодоху Никеи, принадлежитъ полной сохранности моливдовулъ изъ коллекціи Sorlin Dorigny, изданный Шлюмбергеромъ (Sigillographie, p. 381 и Mélanges, p. 300—301). Тамъ наблюдается на лицевой сторонѣ тотъ же крестъ изъ широкихъ поперечинъ, котораго слѣды слабо различаются на нашемъ фрагментѣ. Легенда обратной стороны, сохранившаяся полностью, содержитъ третье званіе Мануила, ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν. Шлюмбергеръ относитъ изданную имъ печать къ X или XI вѣкамъ; нашъ фрагментъ можно было бы датировать столѣтіемъ ранѣе.

150 (154). 1,9 сант. Плохой сохранности. Бюстъ Божьей Матери (съ Младенцемъ на рукахъ слѣва?); на обратной сторонѣ легенда изъ 5 строкъ, гдѣ читается лишь первая строка ΘΚЄΒΘ.

151 (155). 2,2 сант. Фрагментъ. IX—X в. Бюстъ бородатаго святого въ воинскомъ плащѣ и съ копьемъ слѣва. На оборотѣ:

ΠΙΟC
CΠΑΘ
ΡΗΟC

[Προκό?]πιος σπαθ[ά]ρηος.

152 (156). 2,3 сант. Фрагментъ. Бюстъ св. Василія Великаго въ святительской одеждѣ съ книгою, буквы имени [Βα]σιλ| На оборотѣ:

†Ο
CΦΡΑ
ЄΙΜΙ
ΓΡΑΦ
CΗΜ
Ν

† Ο[ὑ] σφρα[γίς] εἰμι, [ἡ] γραφ[ὴ] σημ[αί]ν(ει).

153 (157). 2,4 сант. VII—VIII в. Двѣ монограммы: на одной сторонѣ обычная крестообразная для κύριε βοήθει, на другой нѣсколько необычная: на верху δ, посреди N и H съ обѣихъ сторонъ креста, поставленнаго внутрь большой Ω, опирающейся въ свою очередь на вписанную между двумя половинками букву, вродѣ V. Можетъ быть, слѣдуетъ читать, Ἰωάννου (вм. Ἰωάννη).

154 (158). 2 сант. IX—X в. На лицевой сторонѣ изображено въ формѣ крестообразной монограммы имя Μιχαήλ (наверху μ, въ центрѣ χ, справа α, внизу λ, слѣва, должно быть, было η). Кругомъ, между двумя ободками изъ жемчужника шла надпись: † σφρ(α)γὶς Μιχ]αήλ]. На обратной сторонѣ легенда изъ четырехъ строкъ, сохранившаяся какъ нельзя болѣе плохо; лишь можно разобрать:

† K Є B Θ
T Ѡ C Ѡ Δ ı
. I . . .
. . T P I ′

† K(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) τῷ σῷ δ(ούλῳ) [M]ι[χαήλ? πα]τρι[κίῳ]. Возможно даже вмѣсто πατρικίῳ чтеніе στρατηγῷ.

155 (159). 1,9 сант. Изображеніе птицы (страуса?), держащаго въ клювѣ вѣтку или цвѣтокъ, на головѣ два пера, хвостъ загибается кверху и оканчивается, можетъ быть, змѣиной головою. Не воспроизводится фототипически по причинѣ плохой сохранности. Кругомъ шла надпись, отъ которой уцѣлѣло † KЄ. На оборотѣ слѣды нѣсколькихъ буквъ.

156 (160). 2,5 сант. Крестообразная монограмма для κύριε βοήθει, между ея сторонами слова τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ буквами VII—VIII в. легенда:

† B A P
Δ A N H Π A
T P I K I Ѡ
C T P A T ⊦

Βαρδάνῃ πατρικίῳ στρατ(ηγῷ). Распространенное армянское имя Варданъ встрѣчается и какъ личное, и какъ фамильное (см. Sigillographie, p. 712). Выше подъ № 88 издана печать Вардана ипата, также VII или VIII вѣка.

157 (161). 3,8×3,5 сант. Табл. I, фиг. 10 (лицевая сторона). Большой моливдовулъ, но весьма плохой сохранности, будучи сплюснутъ. Фигура Богородицы на лицевой сторонѣ подходитъ къ типу Киріотиссы (ср. *Schlumberger,* Sigillographie, p. 39); слѣды названія замѣтны по сторонамъ изображенія, но совершенно не разборчивы. На оборотѣ легенда въ 9 строкъ; къ сожалѣнію, только начиная съ 5 строки, намъ удалось прочесть, и то предположительно, слѣдующія буквы:

. . . . . C Φ P A
. . . . . Γ Є . .
. P Γ . . O C T P
. T . Γ Ѡ Є V
. O . . C: —

XII—XIII в. Легенда оканчивалась, повидимому, словами στρατηγῷ Εὐβοίας но такой отдѣльной ѳемы въ перечнѣ Константина Багрянороднаго не показано,

и въ сигиллографіи не извѣстно. Евбея входила въ составъ ѳемы Еллады. Въ виду плохого состоянія нашего моливдовула, мы не рѣшились бы основывать на немъ предположеніе, что Евбея составляла нѣкоторое время отдѣльную ѳему.

158 (162). 2,5×2,2 сант. Бюстъ св. Николая, сохранился плохо. Слѣды имени Николая на поляхъ. На оборотѣ надпись:

К Є В О
Θ | Λ Є О N .
К О V В О V
К Λ І С

Буквы XI или X вѣка. К(ύρι)ε, βο(ή)θ(ει) Λέον[τ](ι) κουβουκλισ(ίφ). О кувуклисіяхъ ср. *Schlumberger,* Sigillographie p. 386 s.

159 (163). 1,4×1,1 сант. Тессера императоровъ Комниновъ обычнаго типа.

160 (164). 1,8 сант. Крестъ съ орнаментомъ изъ пальмовыхъ вѣтвей, кругомъ рядъ точекъ. Крестъ представленъ широкій, съ бордюромъ, обрамляющимъ четыре стороны. Слѣдовъ ступеней, равно какъ малой поперечины на верху, не замѣтно. Кругомъ читается надпись: † κ(ύρι)ε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ.

На оборотѣ имѣемъ:

† І О V Λ
. . N Ѡ В А
С І Λ . К Ѡ
К Λ Н Р І К,

Ἰουλ[ια]νῷ βασιλ[ι]κῷ κληρικ(ῷ). VIII—IX вѣка.

161 (165). 1,7 сант. XII—XIII в. Безъименная легенда:

— . —

a)	† Г Р А	b)	† С А
	Ф Н Т О N		Ф Ѡ С П .
	Г Р А Ф Є		. . С Т V
	—А—		— Т Н —

Γραφὴ τὸν γραφέα σαφῶς π[αρα]στ(ίζει). Въ другихъ случаяхъ глаголомъ является μηνύει, σημαίνει и др. Возможно, что вмѣсто παραστίζω (означать знакомъ) мы имѣемъ на нашемъ моливдовулѣ малоизвѣстный варіантъ того же глагола вродѣ παραστίττω.

162 (166). 1,6 сант. Фрагментъ. Табл. I, фиг. 11. Изображеніе Іоанна Крестителя съ длиннымъ крестомъ, имѣющимъ по серединѣ, можетъ быть, медальонъ съ изображеніемъ Христа. На оборотѣ фрагмента читаемъ буквы XII—XIII вѣка:

† СКЄІ . .
ΟΔΡΟ . .
ΙΩ Α . . . .
ΤΟ . . . .
ΡΙ . . .

Σκέ[ποις], Πρόδρο[με], Ἰω(άννην) Ā..... Если за Ā стоятъ буквы ЄΔ, какъ возможно допустить, наблюдая фрагментъ, то Іоанна слѣдуетъ считать проедромъ, съ несохранившимся фамильнымъ именемъ: Ἰω(άννην) (πρό)εδ[ρον] τὸ[ν... ΡΙ..

163—166 (167—170). Четыре фрагмента. Третій изъ нихъ (2,8 сант., буквы до 0,4 сант.), котораго середина вырѣзана острымъ орудіемъ, имѣетъ съ одной стороны крестообразную монограмму для κύριε βοήθει и слова τῷ σῷ δούλῳ, на оборотѣ уцѣлѣли буквы [πα]τρηκήω α'σ . . . . . и въ послѣдней строкѣ можно угадать конецъ слова τουρμάρχῳ. Принадлежитъ онъ къ IX или даже къ VIII вѣку. Четвертый фрагментъ имѣетъ на лицевой сторонѣ плохо сохранившееся изображеніе Богородицы на престолѣ, буквы ΘV на полѣ еще видны. На оборотѣ читаемъ † Ἰω(άννου) σφραγ . . μα γ . . ε(?)ωπ(?) . . η(?) . . . .

167 (171). 2,4 сант., разрушается. VI—VII в.

a) † . ЄО	b) † ΔΟ .
Δ . ΡΟV	ΛΟVΤΗ
ΚΟVΒΙΚΟ	СΘЄΟΤ
. Λ . .	. . .

[Θ]εοδ[ώ]ρου κουβικο[υ]λαρ(ίου) δο[ύ]λου τῆς Θεοτ[όκου].

168 (172). 2,3 сант. Сильно пострадала отъ огня. На лицевой сторонѣ слѣды поясного изображенія Богородицы съ воздѣтыми руками и безъ Младенца на груди. На оборотѣ легенда въ 5 строкъ.

СΦΡΑΓΙ,
. ЄΒЄΛΙΟΝ
ΟΔΙ . VΤ

Въ четвертой строкѣ было шесть буквъ, въ пятой — пять. Въ чтеніи ни одной изъ нихъ нельзя быть увѣреннымъ.

169 (173). 1,8 сант. Фрагментъ. Бюстъ Божіей Матери съ воздѣтыми руками и безъ Младенца. Справа на полѣ буква Θ̄. На оборотѣ:

. K . .
AΦΘOP,I .
. ONVK
. HN

[Σ]κ[έπ(οις)], ἄφθορ(ε), Ἰ[ω(άννην) σ]ὸν (οἰ)κέ[τ]ην. X—XI в.

170 (174). 2,4 сант. Фрагментъ плохой сохранности, оба бока сплюснуты совершенно. На одной сторонѣ крестообразная монограмма для κύριε βοήθει, между сторонами креста слова τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ была легенда изъ четырехъ строкъ, отъ которыхъ уцѣлѣло:

†AB€I .
IOB̄C .
AΘ̄KA .
. N . T,

Ἀβε[ρκ?]ί(φ) β(ασιλικῷ) σ[π]αθ(αρο)κα[(ν)δ(ι)δ(άτῳ καὶ)] ν[ο]τ(αρίῳ, Первая буква четвертой строки была круглая, не А. Терминъ *нотарій* въ примѣненіи къ военному чину, какимъ былъ нашъ спаѳарій Аверкій, вызываетъ нѣкоторыя затрудненія. Протонотаріи существовали во флотѣ, ср. *Schlumberger,* Sigillographie, 344—45; болѣе подходитъ сюда протонотарій ѳемы, интендантъ или квартирмистръ, состоявшій именно въ чинѣ спаѳарія. См. *Ѳ. И. Успенскій,* Военное устройство, въ Извѣстіяхъ Института, VI, стр. 188—189. Тому факту, что нашъ моливдовулъ обозначаетъ не протонотарія, но (царскаго) нотарія, отвѣчаетъ болѣе древнее его происхожденіе, судя по характеру буквъ не позднѣйшее VIII вѣка, когда ѳемная организація только развивалась. Къ сожалѣнію, плохая сохранность нашего фрагмента ослабляетъ его научную важность.

171 (175). 2,1 сант. Табл. I, фиг. 12. Божія Матерь съ Младенцемъ справа на рукахъ, Одигитрія или Кипрская (см. *Я. И. Смирновъ,* Христіанскія мозаики Кипра, въ Визант. Врем. т. IV (1897), табл. I и рис. на стр. 21). На оборотѣ читаемъ:

ΘK€BΘ
TΩC . .
. €ΩP Γ,
. Π,KOΠ,
AIΠ€I

Θ(εοτό)κε, β(οή)θ(ει) τῷ σ[ῷ δ(ούλῳ) Γ]εωργ(ίῳ) [ἐ]π(ισ)κόπ(ῳ) Αἰπεί(ας9 Епископія Эпіи извѣстна мало. Ср. Hieroclis Synecdemus ed. Parthey, App. v. 64 (Const. Porph. ed. Bonn. III 282): Αἴπεια ἡ νῦν Κορώνη. Hier. ed. Parth. App. v. 10: Ἔπεια ἡ νῦν Κορώνη; ibid. App. v. 92: Ἀπία ἡ νῦν Κορώνη. Коронская епископія является уже въ Notitia 901—907 г. г., изданной Гельцеромъ, *H. Gelzer,* Ungedruckte . . . Texte der Notitia episcopatuum, München 1900, S. 556, cf. 566. Моливдовулы епископовъ Короны, начиная съ X в., изъ нихъ одинъ съ такимъ же типомъ изображенія Богородицы съ Младенцемъ, см. у Шлюмбергера, Sigillographie, p. 184—5. Городъ Апія или Эпія извѣстенъ еще на Кипрѣ, въ Элидѣ возлѣ Олимпа и во Фригіи.

172 (176). 1,3 сант. XII—XIII в.

а) † ΕΠΙ ΤΟΥ
ΓΡΑΦΗ ΓΕΓΡΑ
ΓΝΩΡΙΣ ΦΟΤ,
ΜΑ

Ἐπιγραφὴ γνώρισμα τοῦ γεγραφότ(ος).

173 (177). 2,2 × 1,9 сант. Табл. I, фиг. 14. Левъ съ головой, обращенной назадъ и съ хвостомъ, поднятымъ кверху. Кругомъ (начиная сверху направо) остатки надписи: † κ(ύρι)ε, βοήθ[ει τῷ σῷ δούλῳ]. На оборотѣ:

† ΜΗΧ
ΑΗΛΒ,ΣΠ
Θ,ΣΕΠΗΤ
ΑΡΒΑΡ
ΩΝ †

† Μ(ι)χαήλ β(ασιλικῷ) σπ[α]θ(αρίῳ καὶ) ἐπ(ὶ) τ(ῶν) [β]αρβάρων †. Почти тожественная печать Михаила, царскаго спаѳарія, завѣдующаго варварами, но худшей сохранности, издана у *Schlumberger,* Sigillographie, p. 450. Разница, судя по рисунку, лишь въ томъ, что X въ словѣ Μηχαήλ въ экземплярѣ Шлюмбергера находилось на первой строкѣ, а не на второй. О должности завѣдующаго варварами ср. соображенія *Sorlin Daurigny* въ Сигиллографіи Шлюмбергера, стр. 447.

174 (178). 2,7 — 2,5 сант. Края поломаны. Табл. I, фиг. 15. Богиня побѣды, съ вѣнкомъ въ рукѣ. На полѣ по обѣимъ сторонамъ: NI и KH. На оборотѣ монограмма, воспроизведенная на фототипіи, означающая Θεοδώρου. Печать не позже VI вѣка. Ср. подобныя изображенія Ники на свинцовыхъ тессерахъ у М. И. Ростовцева, *Rostowzew,* Tesserae plumbeae urbis Romae et suburbi, Petropoli 1903, tab. VII 19—21, 33, 40 и др. и index s v. Victoria volans. Объ

изображеніяхъ Ники см. *Gang. Kieseritzky,* Nike in der Vasenmalerei, Dorpat 1876, особенно стр. 8—11; и литературу, приведенную въ статьѣ *Б. В. Фармаковскаго,* Живопись въ Пальмирѣ (Извѣстія Института т. VIII), стр. 184—185.

175 (179). 2,4 сант. Края поломаны. Табл. II, фиг. 1. Фигура Богородицы безъ Младенца, обращенная вправо. Одна рука простерта внизъ, другая вверхъ; Богородица представлена въ молитвенномъ положеніи, смотрящей, повидимому, на голубя, котораго возможно, кажется, различить передъ лицомъ Богоматери. На полѣ, по сторонамъ фигуры, буквы MP и ΘV; кромѣ того внизу, справа отъ фигуры, возможно, повидимому, различить буквы Н (или І) ГРЄ; не должно ли предполагать слова ἡ πρεσβεία или ἡ πρεσβυτέρα, какъ не извѣстную еще икону? Повидимому, и на лѣвомъ полѣ внизу были буквы. На оборотѣ читаемъ:

С
Т Ȣ Т .
РАІ·ТОР
(ФРАГІС .
. САЛКН
Ȣ

XII—XIII в. . . τοῦτ(ο) [π]ραίτορ(ος) σφράγισ[μα Ἰ]σα(α)κ(ί)ου. Судя по остаткамъ отъ верхней строки, можно предполагать ІѠ, но тогда послѣднее слово, въ которомъ съ большою вѣроятностью возстановляемъ Ἰσαακίου, пришлось бы считать фамильнымъ именемъ; лучше предполагать глаголъ вродѣ γίνου.

176 (180). 2 сант. X в. Крестъ на четырехъ ступеняхъ съ двумя поперечинами и съ орнаментомъ изъ двухъ линій. Кругомъ надпись: † κ(ύρι)ε, βοήθει τῷ σῷ δούλ(ῳ).

На оборотѣ:

† ХРІ
СТОФОРО
В, А, СІІАѲ, Р,
S СТРАТІГ,
Т . NѲРА
. . СІѠ,

Χριστοφόρ(ῳ) β(ασιλικῷ) (πρωτο)σπαθ(α)ρ(ίῳ καὶ) στρατ(η)γ(ῷ) τ[ῶ]ν Θρᾳ[κη]σίω(ν). Моливдовулы чиновъ бывшей малоазіатской ѳемы Ѳракисійской см. въ Сигиллографіи Шлюмбергера, p. 252 sqq.

177 (181) 2,6 × 2,1 сант. Табл. I, фиг. 13. Не позже VI вѣка. Древній типъ поясного изображенія Божьей Матери съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ. Два креста на полѣ. На оборотѣ совершенно не ясные слѣды какой-то монограммы.

178 (182). 1,7 сант. Очень мелкія буквы XI или X в.

a)	† K Є B̅ Θ̅ ı	b)	T O N
	T Ѡ C Ѡ Δ		X Λ C A
	Γ P I Γ O		N A Δ ı
	P I O N		

K(ύρι)ε, β(οή)θει τῷ σῷ δ(ούλῳ) Γρ(η)γόριον (sic) τὸν Χασανάδ(ην)?).

179 (183). 2,8 сант. X—XI в.

a)	† N I K O	b)	K P I
	Λ ı C Π A Θ A		C Π Є Λ O
	K A N . . .		N N H C ȣ
	H K . H		A I Є Λ Λ A
	I C		Δ O C

Νικόλ(αος) σπαθα[ρο]καν[δ(ι)δάτ(ος) ἀσ]ηκ[ρ]ή[τ]ις κρ[τή]ς Πελο[πο]ννήσου [κ]αὶ Ἑλλάδος. Среди изданныхъ Мордманномъ и Шлюмбергеромъ печатей судей ѳемы Пелопонниса и Еллады, Sigill. p. 188—192, имя Николая не встрѣчается.

180 (184). 1,5 сант. Мелкія буквы XI—XII в.

a)	. . P A	b)	M A Γ I C
	I C Λ Є		T P ȣ T O V
	. N T O C		Γ ȣ Δ Є Λ ı

[Σφ]ρα[γ]ὶς Λέ[ο]ντος μαγίστρου τοῦ Γουδέλ(η). Можетъ быть, печать принадлежала тому ближе неизвѣстному Гудели, который былъ ослѣпленъ Константиномъ VIII вскорѣ по смерти Василія Болгаробойцы. Cedrenus II, p. 483 Bonn. Печати Михаила и новелиссима Льва Гудели, относящіяся также къ XI—XII в., изданы Шлюмбергеромъ, Sigillographie, p. 667 и 549; возможно, конечно, отожествлять одного изъ двухъ послѣднихъ Гудели съ упомянутымъ противникомъ Константина VIII. Γουδέλης ὁ Τύραννος въ документѣ 1298 года: Codex Lemviotissæ № 158 (Miklosich-Müller, Acta IV, 285—287).

181 (185). 1,8 сант. Табл. II, фиг. 2. Плохой сохранности изображеніе, повидимому, арх. Михаила съ его аттрибутами князя небесныхъ силъ. На оборотѣ плохой сохранности легенда изъ четырехъ строкъ буквами приблизительно XII вѣка:

. . . . .
. O N M . Π Є
\ ȣ K A T Ѡ N
Π P A C I A N Ȣ

—•—

. . . . [Λ]ουκᾶ τῶν Πρασιανοῦ. Слово τῶν должно соотвѣтствовать слову γραμμάτων, λόγων etc. Общее значеніе легенды: печать словъ или письменъ Луки Прасіана.

182 (186). 1,8 сант. Табл. II, фиг. 3. Бюстъ (Влахернской) Божіей Матери съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на груди въ медаліонѣ. На поляхъ по сторонамъ буквы $\overline{\text{M}}$ $\overline{\text{Θ}}$. На оборотѣ:

† $\overline{\text{K}}$ Є $\overline{\text{B}}$ Θ
Τ Ω C Ω Δ′
Θ Ε Ο Δ ′.Ρ
Λ Ε Δ Ρ Ο
Τ Ω Ι Α Τ
. .

Κ(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) τῷ σῷ δ(ούλῳ) Θεοδ(ώ)ρ(ῳ) (προ)έδρ(ῳ) τῷ Ἰατ[ρῷ?]. XI—XII в. Судя по присутствію члена τῷ, должно считать послѣднее слово фамильнымъ именемъ, а не обозначеніемъ профессіи. Ср. фамилію Μουσικός у *Schlumberger*, Sigillographie, 682. Ср. выше № 319: Αὐξεντίῳ ἀργυροπράτῃ, безъ τῷ.

183 (187). 1,6 сант. Табл. II, фиг. 4. Бюстъ Богородицы съ медальономъ Христа на груди; медальонъ, кажется, придерживается руками. На полѣ буквы $\overline{\text{MP}}$ и $\overline{\text{ΘV}}$. Нимбъ и ободокъ медальона и всей печати сработаны изъ grénètis. На оборотѣ буквами XI—XII в.

— A —
. Π Ι Ν Ο
. . C Π, Θ, Κ Ο
V B S T P
A Π Є

Ἀ[λ?]πίν(ῳ или ου?) [β(ασιλικῷ)] σπ(α)θ(αρίῳ) κουβ(ικουλαρίῳ καὶ) τραπε-[ζ](ίτῃ?). Вмѣсто Ἀ[λ]πίνῳ нужно читать, вѣроятно, Ἀλβίνῳ. Званіе *трапезита* (если такъ слѣдуетъ возстановлять послѣднее слово легенды) представляется весьма рѣдкимъ. Дюканжъ (glossar. s. v.) приводитъ тексты о званіи трапезитовъ, дававшемся воинамъ за заслуги. Однако, судя по сосѣднему званію кубикуларія, и трапезита слѣдуетъ скорѣе считать придворной должностью, имѣющей отношеніе къ царскому столу. Впрочемъ, русское званіе *стольникъ* давалось военнымъ людямъ, не обозначая опредѣленную должность. Гораздо чаще встрѣчается званіе ὁ ἐπὶ τῆς (βασιλικῆς) τραπέζης.

184 (188). 1,4 сант. Плохой сохранности. Бюстъ св. Николая, на поляхъ слѣды его имени. На оборотѣ можно разобрать:

† С Ф Р А
Г І С N І К,
Л А Ѡ Т Ѡ
, К А М Ѡ

Σφραγὶς Νικ(ο)λάῳ (sic) τῷ [Ἀ?]κά(μ?)φ. XI—XII в. Фамильное имя не разборчиво, можетъ быть Κακῷ.

185 (189). 1,7 сант. Тессера Комниновъ: Алексѣй съ женой на одной сторонѣ; фигура съ нимбомъ (Христосъ?) и Калоіоаннъ — съ другой. Слѣды имени Ἀλέξ(ιος) на первой сторонѣ и слово δεσπότ(ης) на другой. Ср. объ этихъ памятникахъ *Sorlin-Daurigny* въ Revue Archéologique 1877, I, p. 89 sqq. *Mordtmann,* Conférence sur les sceaux et plombs byzantins, Constantinople 1873 (отд. отт. изъ Περιοδικὸν τοῦ Ἑλληνικοῦ Φιλολ. Συλλόγου, VII), стр. 13—14. О тессерахъ благотворительныхъ вообще см. *Schlumberger,* Monuments numismatiques et sphragistiques, Revue Archéologique 1880, II 193—212, pl. XIV; ср. эпиграмму Христофора Митилинскаго о трапезахъ бѣдныхъ въ храмовой праздникъ церкви Апостоловъ (Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios, ed. *E. Kurtz*, Leipzig 1903, № 128, p. 88); или при царскихъ монастыряхъ (см. *А. А. Дмитріевскій,* Τυπικά, Кіевъ, стр. 661,662 и др.).

186 (190). 1,5 сант. Бюстъ Богородицы съ воздѣтыми руками безъ Младенца, плохой сохранности. На оборотѣ мелкими буквами XI—XII в.

Θ К Є В Θ
К V Р І А К,
П Р О Т, С П А
Θ А Р І Ѡ Т .
М . . Х, . .
. . .

Θ(εοτό)κε, β(οή)θ(ει) Κυριακ(ῷ) πρ(ω)τ(ο)σπαθαρίῳ τ[ȣρ]μ[άρ]χ(ῳ).... Въ концѣ стояло не фамильное имя, такъ какъ первая буква изъ отмѣченныхъ точками ни въ какомъ случаѣ не Т, судя по ея остаткамъ. Слѣдуетъ предполагать названіе турмы (части ѳемы), во главѣ которой былъ поставленъ Киріакъ.

187 (191). Фрагментъ свинцоваго амулета діам. 4,5 сант., съ ушкомъ для ношенія. Табл. II, фиг. 5. Подобный амулетъ изданъ *Schlumberger,* Mélanges d'archéologie byzantine, p. 123—124. На одной сторонѣ мы видимъ царя Соломона на лошади, попирающаго, судя по экземпляру у Шлюмбергера, распростертую женскую фигуру, символизирующую болѣзнь или злосчастье, отъ котораго амулетъ долженъ былъ охранять своего владѣльца. На оборотѣ представлена въ центрѣ жен-

ская голова, съ украшеніемъ сверху въ видѣ трехъ лучей или спицъ, по обѣ стороны выходятъ по двѣ конскихъ головы; подъ головой должна была быть фигура лошади.

Мы воспроизводимъ нашъ фрагментъ фототипически для сравненія съ полнымъ экземпляромъ, изданнымъ у Шлюмбергера. Это сравненіе можетъ быть полезно особенно для возстановленія легенды по краямъ амулета съ обѣихъ сторонъ, смыслъ которой остается для насъ неразъясненнымъ. Буквы, уцѣлѣвшія на издаваемомъ фрагментѣ, достаточно ясно воспроизведены фотографіей. За всѣмъ тѣмъ мы не считаемъ нужнымъ останавливаться болѣе на этомъ амулетѣ, не относящемся собственно къ моливдовуламъ.

188 (192). 3,4 сант. Плохой сохранности. На одной сторонѣ монограмма для имени Πέτρου, на другой для титула ὑπάτου. VI или VII вѣка.

189 (193). 1,8 сант. Табл. II, фиг. 6. Орелъ съ распростертыми крыльями, звѣзда на полѣ слѣва и на оборотѣ монограмма для имени Ἰωάννου. V—VI в.

190 (194). 2 сант. XII—XI в.

a) † O V
C Φ P A Γ
I M

b) T H N
Γ P A Φ H.
N Ω C
Λ Є Γ

Οὗ σφραγ[ίς ε]ἰμ[ι], τὴν γραφὴ[ν γ]νώσ[εως β]λέ[πων].

191 (195). 2,1 сант. Слѣды креста на ступеняхъ и надписи кругомъ; на оборотѣ же легенда:

† Δ A M
N O V B.
Θ A P O
N Δ H Δ
T O V

Δαμ[ια]νοῦ β(ασιλικοῦ) [σπα]θαρο[κα]νδ(ι)δ[ά]του. IX—X в.

192 (196). 2,7 сант. Табл. II, фиг. 7. Бюстъ, повидимому, св. Николая со слѣдами его имени на полѣ. Кругомъ слѣды надписи κ(ύρι)ε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ трудно читающаяся легенда буквами X—XI в.

† I Ω C Π A
Θ K A N Δ Δ T A
O . . . . C Δ Є P
Z I N I . P T ⌒
. T U . T .
. . . N

Ἰω(άννη) σπαθ(αρο)κανδ(ι)δ(ά)τ(ῳ . . . . Буквы, отмѣченныя точками, прочтены быть никоимъ образомъ не могутъ. Интересъ заключается главнымъ образомъ въ ясно различаемыхъ буквахъ ΔЄPZINI, которыя трудно было бы объяснить иначе, какъ слѣдами географическаго термина.

193 (197). 2,5 сант. Двѣ монограммы: a) для κύριε βοήθει и b) для словъ Πέτρῳ ἀπὸ ὑπάτων. VII—VIII в.

194 (198). 2,8 × 3,1 сант., толщиной до 1 сант. Въ состояніи разрушенія. Съ одной стороны слѣды креста (равносторонняго безъ ступеней) и надписи кругомъ которую не возможно разобрать. Съ другой стороны буквами VII—VIII вѣка:

†
ВАСІЛ
ІОҮКО
МІТОС
∾ † ∾

Βασιλ(ε)ίου κόμιτος. *Schlumberger,* Sigillographie p. 330, издалъ подобную, но не тожественную печать комита Василія: на его экземплярѣ лицевая сторона имѣетъ крестообразную монограмму обычной формы для словъ κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ; слово κόμιτος тамъ начертано черезъ ω. Та печать относится Шлумбергеромъ къ VIII или IX в. Ср. К. М. Κωνσταντάπουλος въ Journal intern. de numismatique, dir. par Svoronos, VI (1903), p. 51.

195 (199). 1,5 сант. VI—VII в. Бюстъ Богородицы древнѣйшаго типа, съ крестомъ на полѣ; (правая сторона печати не получилась при тисненіи). На оборотѣ монограмма имени Ματθαίῳ.

196 (200). 2,1 сант. Бюстъ св. Николая, плохой сохранности. На оборотѣ.

† КЄ
. ОНѲЄІ
ТѠСѠΔ .
. ІКОΛΑ
–Ѡ –

XII—XIII в. Κ(ύρι)ε, [β]οήθει τῷ σῷ δ(ού)[λ](ῳ) [Ν]ικολάῳ.

197 (201). 2 сант. Табл. II, фиг. 8. Фигура св. Георгія въ воинской одеждѣ (въ кольчугѣ?), слѣды плаща (σαγίον) за плечами. Правая рука опирается на копье, лѣвая на мечъ. Слѣва на полѣ: ὁ Γεώργι[ος], справа на полѣ же, повидимому, слѣды мѣстнаго прозвища Георгія, не могущаго быть возстановленнымъ. На оборотѣ:

† K Є B Θ
C Ѡ Δ O V Λ
B A C I Λ H, T,
K O M N H
— N Ѡ —

K(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) σῷ δούλ(ῳ) Βασιλ(είῳ) τ(ῷ) [Κομνηνῷ?]. Послѣднее слово ставимъ въ скобкахъ, такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ ни въ одной буквѣ, кромѣ послѣдней. Слово δούλ(ῳ) искажено проходящимъ подъ нимъ сквозь металлъ шнуркомъ печати.

198 (202). 2,3 сант. Слѣды обычной крестообразной монограммы; на оборотѣ:

. . A T .
B A C I Λ I K,
. Π A Θ A P,

Судя по остаткамъ первыхъ двухъ буквъ первой строки, слѣдуетъ возстановить: [Ὑπ]ατ(ίῳ) βασιλικ(ῷ) [σ]παθαρ(ίῳ). VIII—IX в., но буква β закрыта снизу,

199 (203). 2,4 сант. VIII—IX в. Крестообразная монограмма. На оборотѣ:

. . . Π A T
. . A! C Π A! S
. . T Ȣ Λ, T, B S
Є C T I A P,

(Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ) [Κων?(σταντίνῳ)] πατ[ρικ(ίῳ)] (πρωτο)σπα(θαρίῳ καὶ) [χαρ]τουλ(αρίῳ) τ(οῦ) β(ασιλικοῦ) [β]εστιαρ(ίου).

200 (204). 2,2 сант. Крестообразная монограмма для κύριε βοήθει. На оборотѣ:

Λ Є O N
T I V I Ѡ
Π P A N Δ
Є O V

Λέοντι υἱῷ Πρανδέου. Архаическія буквы, омикронъ вдвое меньше прочихъ. V—VII в. Имя Прандей совершенно, повидимому, не извѣстно.

201 (205). 2,2 сант. Крестообразная монограмма для словъ κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ; на оборотѣ:

К Ѡ N С
N T I N O .
П А Т . .
К δ| .

Имя Κωνσταντίνο(υ) ясно; но далѣе стояло или ὑπάτου, или πατ(ρικίου), послѣ τ стояла буква, похожая на κ. Послѣ нея было 1 или 2 буквы, послѣ κδ виденъ край буквы вродѣ υ или ω. Можетъ быть имя вродѣ Κουρκούας. IX—X в.

202 (206). 2,2 сант. Разрушается, съ 2-хъ сторонъ края срѣзаны. Крестообразная монограмма. На оборотѣ буквами IX—X в.:

† Δ А .
I А N Ѡ В
С П А Θ| .
. Р| Т . .
. . .

† Δα[μ]ιανῷ β(ασιλικῷ) σπαθ(αρίῳ). Далѣе стояло, можетъ быть, слово χαρτουλαρίῳ.

203 (207). 1,8 сант. X—XI в. Крестъ съ двумя поперечинами безъ ступеней и орнамента, въ кругѣ; по краямъ печати между двумя концентрическими кругами идетъ надпись κύριε βοήθει τῷ σῷ δ(ούλῳ), сохранившаяся ясно. На оборотѣ въ среднемъ кругѣ изображеніе птицы съ хвостомъ, завивающимся кверху (страуса?) изъ надписи кругомъ изображенія возможно разобрать лишь первую букву К, третью Δ, и послѣднія НN, заключаемыя крестомъ.

204 (208). 2,1 сант. Плохой сохранности. Птица грифонъ, табл. VIII фиг. 9. На оборотѣ надпись въ 5 строкъ возстановлена, хотя бы отчасти, быть не можетъ.

205 (209). 2,5 сант. IX—X. Крестообразная монограмма со словами τῷ σῷ δούλῳ, на оборотѣ:

. С Т Е
Ф А N Ѡ ,
V П А .
Ѡ

Στεφάνῳ ὑπά[τ]ῳ.

206 (210). 2×2,3 сант. Табл. II, фиг. 10. Изображеніе бѣгущаго звѣря, повидимому тигра, надъ нимъ хищная птица, орелъ или соколъ, собирающаяся броситься на добычу. На оборотѣ монограмма

207 (211). 1,7 сант. Фрагментъ, въ состояніи разрушенія. Съ одной стороны возможно разобрать σφραγ(ὶς) γραμμάτων.

208 (212). 2 сант. X—XI в.

ΚΕΒΟ	ΣΠΛ.
.ΕΙΤΩΣΩ	ΚΥΒΙΚ.
ΔΥΛΩΜΙ	ΛΑΡΙΣΑ.
ΧΑΗΛ	ΚΡΙΤΙΣ

Κ(ύρι)ε, βο[ήθ]ει τῷ σῷ δούλῳ Μιχαὴλ σπα[θ(αρίῳ)] κουβικ[ου]λαρ(ίῳ) (καὶ) ἀ[ση]κρίτις. Второе слово могло быть написано βοήθι. Надъ буквами σπα усматриваются слѣды креста или буквы (β′ или α′). Шлюмбергеръ, Sigillographie p. 486-8, предлагаетъ въ двухъ случаяхъ, гдѣ сокращеніе σπαθι предшествуетъ термину κουβικουλάριος, читать одно слово σπαθαροκουβικουλάριος; намъ пока не ясно, почему необходимо такое соединеніе двухъ титуловъ въ одинъ. Ср. печать Михаила царскаго спаѳарія и асикрита, X вѣка, у Шлюмбергера, Sigillographie, p. 445.

209 (213). 2,8×2,6 сант. Плохой сохранности, на оборотѣ верхній слой металла мѣстами отвалился. Богородица (Влахернская), бюстъ съ воздѣтыми руками. На другой сторонѣ возможно прочесть:

† . . . ΒΟΗ
ΘΕ . . . . . Δι
ΛΕΟ . . . Μ .
ΓΙΣΤ.ΩΣ . .
Τ . . . . . Ο . .
Ν .

† [Θ(εοτό)κε], βοήθε[ι τῷ σῷ] δ(ούλῳ) Λέο[ντι] μ[α]γίστ[ρ]ῳ (καὶ) . . . . . Печать Льва магистра, X или XI вѣка.

210 (214). Фрагментъ, ок. 2 сант. Табл. II, фиг. 11. Фигура Богородицы, обращенная вправо, держитъ въ обѣихъ рукахъ медальонъ съ изображеніемъ

Младенца. На правомъ полѣ сохранилась часть надписи, проходившей кругомъ изображенія, именно ΔΟVΛΙCOV. На оборотѣ двѣ святыя, можетъ быть Благовѣщеніе. Печать принадлежала, повидимому, женщинѣ и надпись должна была примѣрно гласить: Θεοτόκε, βοήθει τῇ δούλῃ σου . . . . X—XII в.

211 (215). 2,2 сант. Табл. II, фиг. 12. Крестообразная монограмма со словами τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ:

† ΓΡΗ
. ΟΡΙϢ
ΑΡΧΟ . .
Κ . ΛΟΝ .
. .

IX—X в. Γρη[γ]ορίῳ ἄρχο[ντι] Κ[ο]λ(ω)ν[είας]. Печать архонта ѳемы Колоніи, основанной ранѣе 860 г. О положеніи ея см. *Ramsay,* Historical Geography of Asia Minor, p. 317, 267 и др. *Constant. Porphyr.,* De thematibus, p. 31. Шлюмбергеру во время составленія его Сигиллографіи не было извѣстно ни одного молиндовула должностныхъ лицъ ѳемы Колоніи.

212 (216). 2,4 × 2,7 сант. Табл. II, фиг. 13. IX—X в. Крестообразная монограмма со словами τῷ σῷ δούλῳ. На другой сторонѣ легенда:

ΚϢΝCΤ
ΑΝΤ, Β' CΠΑ
ΚΛΗCOVP, C
ЄΛЄVΚ,

Κωνσταντ(ίνῳ) β(ασιλικῷ) σπα[θ](αρίῳ καὶ) κλησουρ(άρχῃ) Σελευκ(είας). Печать принадлежитъ Константину, царскому спаѳарію и клисурарху Селевкіи. Это первая извѣстная печать клисурарха Селевкіи. Горные проходы черезъ хребетъ Тавра изъ Малой Азіи въ Сирію, извѣстные по битвамъ Александра Великаго, являлись весьма важными пунктами въ системѣ обороны Имперіи противъ Сарацинъ. Они носили еще при Никифорѣ Фокѣ спеціальное наименованіе Селевкійскихъ клисуръ, въ отличіе отъ территоріи сосѣдней ѳемы Анатоликовъ. См. Niceph. Phocae, De velitatione bellica, ed. Bonn., ad calcem Leonis Diaconi, p. 250: при отраженіи Сарацинъ совѣтуется занять клисуры и дороги, черезъ которыя они должны будутъ отступать, „ἀπό τε τῶν ἐν Σελευκείᾳ κλεισουρῶν καὶ τοῦ τῶν Ἀνατολικῶν θέματος„. Авторъ трактата, приписаннаго Никифору Фокѣ, не называетъ клисуры Селевкіи особой ѳемой, быть можетъ пользуясь этимъ терминомъ въ чисто топографическомъ значеніи, и не придавая ему смысла термина административнаго. Въ сочиненіи De thematibus Селевкія является уже цѣлой ѳемою, хотя послѣдняго разряда:

стратигъ ея получалъ всего 5 фунтовъ золота жалованья и доставлялъ въ царскій обозъ лишь одного мула. „Селевкія прежде не была ѳемою и не имѣла во главѣ стратига, но была какой-то клисурой и заставой противъ набѣговъ Сарацинъ, подступавшихъ изъ Тарса, такъ какъ мѣсто было трудно проходимое. Государь же Романъ (Лакапинъ), доблестный царь, сдѣлалъ Селевкію ѳемою (στρατηγίδα), какъ бы расширивъ и увеличивъ Римскую державу“ (De themat., p. 35—36). Такимъ образомъ округъ Селевкіи былъ организованъ изъ клисуры въ ѳему, со стратигомъ во главѣ, при императорѣ Романѣ Лакапинѣ въ первой половинѣ X в. Нашъ моливдовулъ, принадлежащій клисурарху Селевкіи, долженъ относиться къ тому времени, когда область эта была еще клисурой.

Въ своей Сигиллографіи Шлюмбергеръ приводитъ свѣдѣнія лишь о четырехъ моливдовулахъ, относящихся къ должностнымъ лицамъ округа Селевкіи, указывая на чрезвычайную рѣдкость таковыхъ: 1) печать Петра Сервліи, судьи (гражданскаго губернатора) Селевкіи; 2) и 3) два принадлежащіе гр. Строганову и маркизу Вогюэ моливдовула коммеркіаріевъ Селевкіи, изъ нихъ одинъ изданъ имъ и отнесенъ къ X—XI в.; наконецъ 4) печать протоспаѳарія Димитрія, епископтита Селевкіи, также X—XI в. *Schlumberger*, Sigillographie, p. 270—271. Изъ этихъ моливдовуловъ первый могъ бы, по мнѣнію Шлюмбергера, относиться къ тому времени, когда Селевкія была еще клисурой; но чтобы опредѣленно высказаться по этому предмету, нѣтъ повидимому достаточныхъ данныхъ (ср. *Schlumberger*, 271). Издаваемый моливдовулъ впервые представляетъ на археологическомъ памятникѣ терминъ клисурарха Селевкіи, притомъ съ чиномъ царскаго спаѳарія; тогда какъ упомянутый выше (на моливдовулѣ изданномъ у Шлюмбергера) епископтитъ Селевкіи X—XI в. носитъ званіе протоспаѳарія. По характеру буквъ моливдовулъ Института можетъ относиться къ IX или X вѣку, ко времени не за долго до преобразованія Селевкіи въ ѳему.

213 (217). Экземпляръ неправильной формы около 2,5 сант. въ діаметрѣ, очень плохой сохранности, даже въ состояніи разрушенія. Табл. II, фиг. 14. Вслѣдствіе полной для насъ непонятности памятника ограничиваемся его фототипическимъ воспроизведеніемъ.

214 (218). 2,2 сант. IX—X в.

a)	ΘΕΟ	b)	Τ Ο .
	ΤΟΚΕ.Β		ΟΥΛΟ .
	ΟΗΘΗ		ΟΥΘΕΟΔ
			ΙΚΙΟΥ

Θεοτόκε, βοήθ(ει)· το[ῦ] [δ]ούλο[υ σ]οῦ Θεοδικίου (sic). Имя Θεοδίκιος совершенно не извѣстно святцамъ; Θεοδήγιος упоминается у Генесія p. 98,9 (указано у *Pape*

Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen s. v.). Извѣстенъ митрополитъ аѳинскій этого имени, умеръ въ 1007 г., его моливдовулъ изданъ Шлюмбергеромъ, Sigillographie, p. 173. St. Theodisius встрѣчается въ Acta Sanctorum подъ 16 Іюля.

215 (219). 2,5 сант. X—XI в. Крестообразная монограмма со словами τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ:

. I K H .
)P O Π A .
P I K H Ω
(†)

N]ικη[φό]ρ(ῳ) πα[τ]ρικ(ί)ῳ.

216 (220). 3 сант. Табл. III, фиг. 1. Обратная сторона, какъ видно на изображеніи, сильно попорчена.

a)
† K Є B O H
Θ Є I I Ω Π P̄ I
V Π A T Ω K P I
T H Є Π I T O V
I Π Π O Δ P O
⌣ M Ʊ -

b)
. . . .
. . . . .
. T H C M Є
C O Π O T A M I
. . . . A Γ M
T . . Ω C Π A
. Ω Λ Γ
—

K(ύρι)ε, βοήθει Ἰω(άννῃ) π(ατ)ρι(κίῳ) ὑπάτῳ κριτῇ ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου . . . . . τῆς Μεσοποταμί[ας . τ]άγμ(α)τ . τ]ωσπα . . ωλγ.

Итакъ моливдовулъ принадлежитъ патрикію Іоанну. Фамилію его нужно искать въ послѣднихъ буквахъ легенды обратной стороны, вѣроятно послѣ ω на предпослѣдней строкѣ: τ]ῷ Σπα[δ?]ω[αρ(ί)τ?(ῃ)]. Фамилію эту возстановить съ достовѣрностью нельзя, буквы, помѣщенныя нами въ скобкахъ, лишь наши предположенія, наиболѣе вѣроятныя, судя по сохранившимся слѣдамъ. Фамилія патрикіевъ, которая подходила бы къ этимъ буквамъ, намъ не извѣстна; но весьма вѣроятно, что она была армянская. Другія званія патрикія Іоанна гражданскія и не особенно высокія: ипатъ и судья ипподрома. Можно думать, что знатный собственникъ этого прекраснаго моливдовула былъ лицомъ еще не старымъ, ушедшимъ еще далеко на служебномъ поприщѣ. Слѣдуетъ поэтому предполагать, что и послѣдующее его званіе, обозначенное уже на оборотѣ печати, также было гражданскимъ и не первостепеннымъ, нельзя предполагать ни стратига, ни епископтита, которые должны были быть протоспаѳаріями, рѣдко спаѳаріями (ср. выше № 212, епископтитъ Селевкіи у *Schlumberger,* 271). Впрочемъ относительно епископтита у насъ не-

достаточно данныхъ, чтобы судить, долженъ ли былъ онъ быть въ рангѣ протоспаѳарія. Намъ съ достовѣрностью не извѣстно, какую должность въ ѳемѣ Месопотамской занималъ Іоаннъ патрикій. Возможно, что онъ былъ судьей, протонотаріемъ, ексакторомъ или даже епископтитомъ. Это ослабляетъ цѣнность издаваемаго моливдовула. Археологическихъ данныхъ о ѳемѣ Месопотаміи сохранилось мало. Въ Сигиллографіи Шлюмбергера издано три моливдовула: 1) Льва анѳипата, патрикія и стратига М., X в. (изъ колекціи Вогюэ); 2) Льва же асикрита и протонотарія М., также X вѣка; и 3) неизвѣстнаго по имени асикрита (Шлюмбергеръ читаетъ судьи, κριτής) протоспаѳарія и стратига, XI в. *Schlumberger*, Sigillographie, 287—288. Ѳема Месопотамія была организована лишь императоромъ Львомъ Философомъ изъ земель мѣстныхъ князей, сыновей Мануила Текскаго, съ присоединеніемъ сосѣднихъ турмъ отъ ѳемъ Колоніи, Халдіи и двухъ клисуръ. De adm. imper. p. 226—227; cf. De themat., p. 30—31. Моливдовулъ Института относится скорѣе къ X, чѣмъ къ XI вѣку.

217 (221). 2×2, 5 сант. Бюстъ св. Николая, на другой сторонѣ бюстъ св. Георгія. На обѣихъ сторонахъ слѣды именъ этихъ святыхъ.

218 (222). 1,5 сант. Табл. III, фиг. 2. Бюстъ св. Николая; фигура, повидимому, архангела Михаила, князя небесныхъ силъ, со скипетромъ и державою.

219 (223). 2 сант. Плохой сохранности. Фигура святого воина, безбородаго, вѣроятно Георгія, опирающагося на копье (правая сторона стерта), съ плащемъ за плечами. На оборотѣ слѣды легенды изъ четырехъ строкъ, разобрать возможно лишь первое слово σφραγίς, на четвертой строкѣ возможно слово πέλω.

220 (225)[1]. 1,7 сант. Бюстъ святого Григорія, судя по остаткамъ имени на полѣ, съ крестомъ и книгою въ рукахъ. На оборотѣ:

ΟΜϢΝV
ΜΟΝCΟΙ
CϢZЄKAI
. . . . . .

X—XI в. Ὁμώνυμόν σοι σῶζε (καὶ φύλαττε или σκέπε).

221 (226). 3 сант. Плохой сохранности, въ большей части поверхность приплюснута. Бюстъ, кажется, арх. Михаила; лицо безбородое, слѣва слѣды скипетра, прочіе признаки утрачены. На оборотѣ уцѣлѣло лишь:

[1]) Инв. № 224 греческая (временъ возстанія?) марка, 1,8 с. діам., съ цифрой 5 кругомъ 13 точекъ; на оборотѣ въ серединѣ круга знаки LUI или LLV; кругомъ греческая надпись KOTTICTATΣIAPXΩN.

†
. . PAΓII .
. . . KHTI . . .
. . . . PACIC . . .

И еще внизу было 3 строки. X—XI в.

222 (227). 2×2,3 сант. Бюстъ св. Стефана. Табл. III, фиг. 3. Слѣды его имени на полѣ по сторонамъ изображенія. На оборотѣ:

†
CTEΦAN
B̄NOTAPI
UTOUCΠA
. . . .

Στεφάν(ου) β(ασιλικοῦ) νοταρί[ο]υ τοῦ Σπα . . . . XI в. Фамилія не дошла.

223 (228). Фигура Богородицы безъ Младенца, обращенная вправо, руки сложены на молитву. Табл. III, фиг. 4. Такъ почти изображалась Богородица Ἁγιοσορίτισσα (Халкопратійская); на экземплярѣ, изданномъ въ Сигиллографіи Шлюмбергера (p. 38, note 6), фигура обращена влѣво. На оборотѣ легенда изъ 6-ти строкъ повреждена въ такой степени, что нельзя быть увѣреннымъ ни въ одной буквѣ.

224 (229). 2,2 сант. Бюстъ Богородицы съ воздѣтыми руками, безъ Младенца. Кругомъ надпись: [Θ(εοτό)κε], βοήθει τῷ σῷ [δούλ(ῳ)]. На оборотѣ бюстъ Іоанна Предтечи; кругомъ буквы: [Ἰω(άννη)?] πρ(ω)τοσπαθαρίῳ . . .]. Плохой сохранности, вѣка XII—XIII.

225 (230). 2,2 сант. Табл. III, фиг. 5. Бюстъ Богородицы (Влахернской) съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ. На полѣ буквы: $\overline{\text{MP}}$ $\overline{\text{ΘV}}$. Кругомъ изображенія: [Θ(εοτό)κε, βοή]θει τῷ σῷ δούλ(ῳ) [Μι]χαήλ.

На оборотѣ же бюстъ архангела Михаила, князя небесныхъ силъ, со скипетромъ и державою. На полѣ въ уровнѣ головы слѣды, кажется, Γ и Λ; въ уровнѣ плечъ — слѣды буквъ M и X. Кругомъ, справа на лѣво: . . . . τῷ [κ]ρ[ιτ]ῇ τοῦ βήλου: Моливдовулъ можетъ относиться къ X вѣку.

227 (232). 1,8 сант. Бюстъ Богородицы съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ. На полѣ два креста. На оборотѣ монограмма имени Ἀθανασίου. VI в. или даже ранѣе.

228 (233). 1,8 сант. Бюстъ св. Θеодора. На полѣ буквы его имени. На оборотѣ:

СФРАГІ
КѾNTЧ
ХАNТА

XII—XIII в. Σφραγ(ὶς) Κων(σταντίνου) τοῦ Χαντᾶ.

229 (234). Фрагментъ. 2,5 сант. Табл. III, фиг. 6. На одной сторонѣ слѣды бюста Богородицы съ воздѣтыми руками, но весьма неясные; на оборотѣ же, буквами VIII—IX в., легенда:

† МАN . .
ТОVΔȣΛ
ТНСѲЄ
. Т . Кȣ

Μαν[ουήλ] τοῦ δούλ[ου] τῆς Θε[ο]τ[ό]κου.

230 (235). 2,5 сант. Лѣвый и правый край съ обѣихъ сторонъ сплюснуты. Фигура святого воина, опирающагося на копье и щитъ. На оборотѣ изъ легенды въ 6 строкъ уцѣлѣло:

СФРА
АСПАѲ
ЄДР
. . . .
. АТ .
. СХ

Σφρα[γὶς . . . . . (πρωτο)σπαθ(αρίου προ)]έδρ[ου . . . . XI—XII в.

231 (236). 2,2 сант. Крестообразная монограмма для словъ κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ:

ІѾVП
ОГОѲ . І
. ТР . ТІО
. ІК .

VIII—IX в. Ἰω(άννῃ) ὑπ(άτῳ) [λ]ογο[θέτ(ῃ) σ]τρ[α]τι(ω)[τ]ικ[οῦ]. Возможно, что передъ στρατιωτικοῦ стояло τ(οῦ); возможно также, что послѣднее слово стояло въ дательномъ падежѣ: τῷ στρατιωτικῷ. Ср. моливдовулы двухъ στρατιωτικὸς λογοθέτης у *Schlumberger,* Sigillographie, p. 352 s. Ср. *Du Cange* s. v. λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ и στρατιωτικός. Εὐσταθίου στρατ(ιωτικοῦ) λογοθέτου. *Schlumberger,* Mélanges, p. 242, VII в. Званіе Евстаѳія написано еще латинскими буквами.

О появленіи и дѣятельности военныхъ логоѳетовъ, контролеровъ по содержанію арміи и о discussores annonae, по источникамъ VI вѣка, см. наши замѣчанія въ статьѣ „О Тайной Исторіи Прокопія", въ Визант. Временникѣ т. III (1896), на стр. 464—475. Судьбы этого учрежденія въ позднѣйшее время не были еще предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Во времена Константина Багрянороднаго военный логоѳетъ, ὁ ἀνθύπατος πατρίκιος καὶ λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ, является важнымъ саномъ, упоминается въ табели о рангахъ между квесторомъ и друнгаріемъ виглы. De Caerimoniis, p. 728; ср. изданный Ѳ. И. Успенскимъ Τακτικόν изъ ркп. Іерусал. Библ. № 39, Извѣстія, III, стр. 115. Еще ср. подписи военнаго логоѳета и его чиновниковъ на Патмосскомъ актѣ 1088 г., *Miklosich-Müller,* VI p. 55. Во времена Кодина военный логоѳетъ сталъ простымъ званіемъ: οὐδεμίαν ὑπηρεσίαν ἔχει. Codin. Curop. De offic. palatii, p. 40 Bonn., cf. ibid. p. 11.

232 (237). 2 сант. Табл. III, фиг. 7. Два бюста святыхъ воиновъ, Ѳеодора и, кажется, Димитрія, судя по слѣдамъ ихъ именъ на поляхъ.

233 (238). 2 сант. Табл. III, фиг. 8. Бюстъ св. Николая. На оборотѣ:

† К Є В .
Т Ѡ С Ѡ Δ
І А К О В
С П А Ѳ.

К(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) τῷ σῷ δ(ούλῳ) Ἰακ(ὼ)β [β(ασιλικῷ)?] σπαθ[αρ(ίῳ)]. X—XI в.

234 (239). 1,5 сант. Обыкновенная тессера (марка для бѣдныхъ?) времени Алексѣя Комнина, съ четырьмя фигурами, Алексѣя съ супругой Ириной на одной сторонѣ, сына ихъ Калоіоанна и фигуры съ нимбомъ — съ другой. Ср. объ этихъ тессерахъ особенно *Mordtmann,* Conférence sur les sceaux et plombs byzantins (Constantinople 1873), p. 13—14, гдѣ впервые разъясненъ съ правдоподобностью, смыслъ этихъ тессеръ, *Sorlin Dorigny,* въ Revue Archéologique 1877, I p. 89 ss., *Schlumberger,* Sigillographie p. 79 и Mélanges, p. 287—289, и выше N. 185.

235 (240). 2 сант. Табл. III, фиг. 9. Изображеніе архангела Михаила, со скипетромъ и державою, во весь ростъ. На другой сторонѣ бюстъ Богородицы съ воздѣтыми руками, плохой сохранности. На полѣ кругомъ неразборчивые слѣды надписи.

236 (241). 2,7 сант., края сбиты, такъ что печать получилась неправильной, почти четырехъугольной формы. Посреди печати крестъ съ монограммой, повидимому, имени Πέτρῳ; кругомъ идетъ надпись: κ(ύ)ριε, βοήθ(ει) σῷ δούλ(ῳ). На оборотѣ крестъ бо́льшей величины, равносторонній, нижній край опирается на Ѡ,

лѣвый начинается съ N, на лѣвомъ полѣ внизу слѣды V или Ѡ. Прочіе слѣды монограммы и надписи кругомъ возстановлены быть не могутъ. VI—VII в.

237 (242). 2 сант. Табл. III, фиг. 10. Бюстъ св. Димитрія съ копьемъ и щитомъ, въ σαγίον, на поляхъ буквы имени. На оборотѣ:

† К҃Є В҃О
НѲЄІ . .
МНТРІА
NѠА҃КЄN
ТАРХѠ

X—XI в. К(ύρι)ε, βοήθει [Δη]μητριανῷ (πρωτο)κεντάρχῳ. Имя Димитріанъ встрѣчается на одной фригійской монетѣ, *Mionnet* IV 269 (указано у *Pape-Benseler,* Wörterb. d. gr. Eigennamen), и риторъ Димитріанъ упоминается у Филострата, Βίοι σοφιστῶν, II c. 33 (II p. 125 ed. Kayser). Св. мученикъ Димитріонъ чтился 8 мая, см. *Сергій,* Полный Мѣсяцесловъ Востока, изд. 2-ое, II, стр. 133.

Тогда какъ кентархи были нисшимъ офицерскимъ чиномъ (ср. текстъ, изданный изъ cod. Mosqu. Synod. № 260 *Ѳ. И. Успенскимъ,* Военное устройство, Извѣстія, VI, стр. 167: οἱ κένταρχοι ἐφεξῆς δὲ οἱ δέκαρχοι, ἤγουν οἱ πρῶτοι τῶν λεγομένων ἀκιῶν), протокентархи причислены были въ новеллѣ Василія Болгаробойцы къ классу властелей. Basil. Porph. nov. ne locum habeat præscriptio XL annorum, c. 1 (*Zachariæ,* Jus Gr.-R. III, coll III, nov. 29), p. 311. Моливдовулы протокентарховъ рѣдки; у *Schlumberger,* Sigillographie p. 357 и 166, издано два таковыхъ; у Κωνσταντόπουλος, въ Ἐφημ. Σδορώνου VI (1903), p. 51, изданъ третій.

238 (243). 2,5 сант. Табл. III, фиг. 11. Богородица во весь ростъ съ воздѣтыми руками, безъ Младенца. На полѣ буквы МР ѲҮ. На оборотѣ фигура Христа съ руками на груди, быть можетъ, одной изъ нихъ держащей Евангеліе и другой благословляющей. На полѣ буквы ІС ХС. Не ясно, кому могла принадлежать эта печать: императору или высшему духовному сановнику. Вѣкъ XI—XII.

239 (244). 3,1 сант. Табл III, фиг. 12. Фигура Богородицы (Одигитріи?) съ Младенцемъ на правой отъ зрителя рукѣ. На полѣ двѣ монограммы: Θεοτόκε и βοήθει.

На оборотѣ крестъ на ступеняхъ и кругомъ надпись, отъ которой сохранились лишь первыя и послѣднія буквы: МІХАІ . . . . . М]ЄОN. Дополняя послѣднее слово, гдѣ передъ Є можно еще различить слѣды М, какъ РѠМЄОN —, мы должны заключить, что моливдовулъ принадлежалъ императору, и судя по первымъ буквамъ, Михаилу. Привлекая для сравненія монеты императоровъ этого имени, останавливаемся на Михаилѣ II и Михаилѣ III, такъ какъ въ ихъ время, а не

при позднѣйшихъ Михаилахъ, встрѣчается крестъ на оборотѣ императорскихъ монетъ, и буква М сохраняла еще латинскую форму. Однако изданный у Сабатье матеріалъ не представляетъ намъ примѣра подобнаго изображенія Богородицы. Таковое наблюдаемъ на золотой монетѣ Романа Діогена (*Sabatier,* pl. L, fig. 15). Ближе къ этому времени стоитъ Михаилъ VII Дука. И на его монетахъ иногда (*Sabatier,* pl. LI, fig. 4) находимъ архаическое М, однако креста на императорскихъ монетахъ почти не находимъ. Ср. однако *Sabatier,* LII, 18, 22; LI, 11; L, 9 (= *Sabatier,* Coll. de 5000 méd. II, pl. XIX, fig. 22, Михаила и Маріи). Въ виду этого, не рѣшаясь отнести съ увѣренностью издаваемый моливдовулъ ни къ Михаилу III (856—866), ни къ Михаилу VII Дукѣ (1071—78), не можемъ не указать на важное значеніе, какое онъ можетъ имѣть и для нумизматики обоихъ Михаиловъ.

240 (245). 2,5 сант. Табл. IV, фиг. 1. Латинскій моливдовулъ.

† D Є	† · n ·
m Є T	G . S T R
R I I	O m I L I T
	u m

Demetrii [ma]g[i]stro (sic) militum.

Выше (№ 37 настоящаго каталога) мы имѣли одного магистра безъ опредѣленія militum, но вѣроятно бывшаго въ то же время и префектомъ преторія, какъ бывало во времена Юстиніана, ср. *Diehl,* L' Afrique Byzantine, p. 122. Важная должность magister militum, въ греческихъ источникахъ στρατηγός, была учреждена Θеодосіемъ Великимъ, замѣнившимъ двухъ общеимперскихъ magister peditum и magister equitum пятью для Востока magistri militum, изъ коихъ два при императорѣ, in praesenti. Постановленія императорскаго законодательства относительно магистровъ собраны въ paratitlon Готофреда къ VII книгѣ Codex Theodosianus; чины управленія магистровъ обозначены въ Notitia dignitatum Orientis, cap. 5—9. Ср. *Mommsen,* въ Hermes XXIV (1889), 260 sqq.; *Hirschfeld,* въ Sitz.-Ber. Berlin. Ak. 1901, 603. Въ эпоху Юстиніана источники, особенно Прокопій, много говорятъ о стратигахъ: Велисаріи, Германѣ, Соломонѣ, Іоаннѣ и другихъ. Въ исторіи Готскихъ войнъ Прокопія упомянутъ и магистръ Димитрій. Въ 542 г. въ виду блестящихъ успѣховъ новаго Готскаго короля Тотилы, осаждавшаго Неаполь, Юстиніанъ послалъ стратигомъ (magister militum) Димитрія, бывшаго при Велисаріи начальникомъ пѣхотнаго полка. Думая устрашить Готовъ размѣрами своего флота, Димитрій присоединилъ къ нему большое число кораблей съ хлѣбомъ; но не рѣшился плыть прямо къ Неаполю, который могъ бы освободить, а направился къ гаванямъ Рима и сталъ безуспѣшно собирать тамъ войско. Одинъ изъ высшихъ морскихъ начальниковъ въ Неаполѣ, тоже Димитрій по имени,

успѣлъ пробраться къ стратигу Димитрію и уговорилъ его плыть на Неаполь; по дорогѣ Византійскій флотъ былъ уничтоженъ Тотилой и самъ нашъ магистръ Димитрій едва спасся на лодкѣ. Procop. de bello Goth. III c. 6, p. 303—304 Bonn.; о прежней службѣ Димитрія начальникомъ полка ibid. II c. 23, p. 238; I c. 5, p. 26. Ничто не препятствуетъ отожествить этого стратига Димитрія съ собственникомъ издаваемой печати.

241 (246). 2,5 сант. Табл. IV, фиг. 2. Изображеніе св. Димитрія, опирающагося на копье и, вѣроятно, на щитъ. На полѣ буквы его имени ὁ Δημήτρ(ιος). На оборотѣ легенда изъ семи строкъ, буквами XI—XII вѣка:

† К Є В Θ,
N І К Н Ф О Р Ѡ
. . . . Δ Р Ѡ В Є
. . . . . ЧУ К І
. П Р А І Т. Р, Т У
А І Г А І У Т Ѡ
В А Т А Т. І

К(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) Νικηφόρῳ [(πρωτο)προέ]δρῳ βε[στάρχ(ῃ) μ(ε)γ(άλῳ) δ]ουκὶ [καὶ] πραίτ[ω]ρ(ι) τοῦ Αἰγαίου τῷ Βατάτ(ζῃ).

При разборѣ легенды обращаемся прежде всего во второй и послѣдней строкамъ, содержащимъ имя и фамилію владѣльца печати, Никифора Ватаци. Слово Ватаци написано безъ ζ или σ, со знакомъ вродѣ запятой (быть можетъ, происшедшимъ на печати случайно), между Т и N. Начертаніе Βατάτη наблюдается на моливдовулѣ Врієнія Ватаци, *Schlumberger*, Sigillographie, p. 712. Переходя къ должностямъ и званіямъ Никифора Ватаци, различаемъ на печати съ достовѣрностью термины δουκὶ (καὶ) πραίτωρι τοῦ Αἰγαίου (πελάγους).

Званіе претора Эгейскаго моря или претора ѳемы Эгейскаго моря впервые наблюдается на издаваемомъ моливдовулѣ. Можетъ быть, оно и встрѣчается въ какомъ либо не столь извѣстномъ литературномъ источникѣ, но изслѣдователями Византійскихъ древностей, поскольку намъ извѣстно, не привлеченномъ. Раздѣленіе военной и гражданской властей или, точнѣе говоря, появленіе гражданскихъ преторовъ на мѣстѣ прежнихъ стратиговъ ѳемъ (не мѣшавшее, конечно, возложенію на извѣстнаго претора и военнаго начальства), наблюдается во многихъ провинціяхъ XII вѣка. Не выяснено спеціальнымъ изслѣдованіемъ, являлось ли назначеніе преторовъ въ извѣстныя провинціи послѣдствіемъ общей коренной реформы провинціальной администраціи, которую возможно было бы пріурочить ко времени императоровъ изъ дома Дукъ. Преторы для соединенныхъ областей Эллады и Пелопонниса въ XIII вѣкѣ извѣстны исторіи прежде всего изъ сочиненій Аѳинскаго митрополита М. Акомината, гдѣ весьма много данныхъ о преторахъ Эллады

и Пелопонниса и ихъ челяди въ XII—XIII столѣтіяхъ. См. Σπ. Λάμπρος, Μ. Ακομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, II, ἐν Ἀθήναις 1880, index s. v. πραίτωρ и πραιτωρικός; въ указателѣ пропущена ссылка на I 157, sqq. — на рѣчь, изданную дважды Ламбросомъ и одновременно съ рукописи переведенную и изслѣдованную Ѳ. И. Успенскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1879, ч. 201, стр. 367 сл.), προσφώνημα εἰς τὸν πραίτωρα.. Δριμύν. Моливдовулы преторовъ и протопреторовъ соединенныхъ ѳемъ Эллады и Пелопонниса собраны и разсмотрѣны у Шлюмбергера, Sigillographie, p. 188—190, Mélanges, 199—200 и 224—225; Κωνσταντόπουλος въ Ἐφημ. Σβορώνου V (1902), p. 200. Представляемыя моливдовулами данныя о преторахъ Эллады и Пелопонниса отчасти были оцѣнены Сп. Ламбросомъ въ сочиненіи: Αἱ Ἀθῆναι περὶ τὰ τέλη τοῦ XII-του αἰῶνος, ἐν Ἀθήναις 1878, 23—26. Ламбросу не было ясно, когда появился преторъ соединенныхъ ѳемъ Эллады и Пелопонниса, какъ высшій гражданскій начальникъ надъ обѣими ѳемами, смѣнившій стратиговъ или военныхъ губернаторовъ той и другой ѳемы отдѣльно; и не было ему ясно, возможно ли отожествлять претора съ судьею (гражданскимъ губернаторомъ, κριτής) соединенныхъ этихъ областей. Но онъ уже могъ замѣтить, что наиболѣе раннія извѣстія о преторахъ Эллады и Пелопонниса относятся къ XI вѣку. И въ описаніи ѳемъ при Константинѣ Багрянородномъ, и на моливдовулахъ стратиговъ отдѣльныхъ ѳемъ Эллады и Пелопонниса, которыхъ цѣлый рядъ въ Аѳинской коллекціи (Κωνσταντόπουλος въ Ἐφημ. Σβορώνου V 162—163 и 194) и которые всѣ относятся г. Константопуломъ не позже какъ къ XI вѣку, мы не видимъ извѣстій о новой гражданской власти. Мордтманнъ (въ статьѣ Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse въ Revue Archéologique 1877) указалъ на возможность пріурочить ко времени императоровъ Дукъ, т. е. къ XI вѣку, крупную административную реформу — раздѣленіе военной и гражданской власти, съ присвоеніемъ первой также функцій взысканія податей, шедшихъ преимущественно на армію или флотъ, и съ присвоеніемъ гражданской власти преимущественно судебнаго характера. См. схолію (XI—XII вѣка?) къ Basil. LX 35, 14 (ср *Zachariæ*, Geschichte d. gr.-roem. Rechts, 3-te Aufl., p. XIV Anm): ἑκάστης γὰρ ἐπαρχίας δύο ἄρχοντες προΐστανται, ὁ μὲν πολιτικός, ὁ δὲ στρατιωτικός· ἐπὶ μὲν τῷ ἀπαιτῆσαι τὰ δημόσια τέλη, ὁ στρατιωτικός· ἐπὶ δὲ τῷ δικάζειν τὰς ἀναφυομένας δίκας, ὁ πολιτικός. На основаніи этого административнаго принципа должно предполагать, что гражданская власть претора была по преимуществу судебною, и дѣйствительно, незадолго до XI вѣка въ каждой ѳемѣ былъ высшій судья со званіемъ претора. Въ Тактикѣ Льва const. IV, 31 (Migne CVII, col. 705) читаемъ о главныхъ чинахъ ѳемы послѣ стратига, посылающихъ свои донесенія императору: προσέτι δὲ καὶ ὁ πραίτωρ, ἤγουν ὁ τοῦ θέματος δικαστής... ὁ δὲ τὰς δίκας τῶν δικαζομένων διαλύει (въ изданіи *Меурсія* знаки препинанія слѣдуетъ измѣнить, относя послѣдующее οὗς ко всѣмъ тремъ чинамъ ѳемы, протонотарію, хартуларію и претору). Въ виду этого обстоятельства, реформа Дукъ могла состоять лишь въ томъ, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ перестали назначать стра-

тиговъ, и тогда среди первыхъ чиновниковъ ѳемы получилъ наибольшее значеніе судья-преторъ.

Слѣдуетъ различать печати особыхъ *судей флота,* κριτὴς τοῦ στόλου, *Schlumberger,* Sigillographie, p. 344—345; особенно изданную *Мордтманномъ,* Revue arch. 1877, II, 58, печать Павла κρίνοντος τὸν Αἰγαῖον πλόον. Мордтманнъ указалъ, что должно строго отличать судей ѳемы отъ судей расположенныхъ въ ѳемѣ арміи или флота. Такой важный вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, но для того все еще мало собрано данныхъ. Общаго указа, вводившаго претуру, или ряда однородныхъ и одновременныхъ распоряженій, подобныхъ новелламъ Юстиніана въ 535—6 гг. о провинціальной администраціи, не извѣстно намъ, а между тѣмъ существуютъ данныя, позволяющія расширить примѣненіе реформы далеко за предѣлы Эллады и Пелопонниса. Еще Дюканжъ привлекъ заглавіе одного изъ писемъ Пселла: πραίτωρι τῶν Θρακησίων τῷ Ξηρῷ, см. Σάθας, Μεσαιωνικὴ βιβλιοθ. V p. 282, cf. ibid. p. 344: τῷ πραίτωρι Πελοποννήσου καὶ Ἑλλάδος τῷ Νικηφορίτζῃ. Далѣе извѣстенъ моливдовулъ XI в. Іоанна Тріаконтафилла, протопроедра и претора Болгаріи: *Schlumberger,* Sigillographie, p. 241. На другомъ моливдовулѣ (ibid.) тотъ же Іоаннъ называется попечителемъ или намѣстникомъ (προνοητής) Болгаріи.

Терминъ преторъ ѳемы Эгейскаго моря впервые, насколько извѣстно намъ, наблюдается на издаваемомъ моливдовулѣ. Его значеніе разъясняется болѣе черезъ сопоставленіе съ предшествующимъ на нашей печати δουκί, который слѣдуетъ дополнить μεγάλῳ. Μέγας δούξ означаетъ главнаго начальника флота, расположеннаго преимущественно въ Эгейскомъ морѣ, въ гаваняхъ острововъ, Троады и Геллеспонта, входившихъ въ составъ провинціи (впослѣдствіи ѳемы) Эгейскаго моря, ведущей начало еще со временъ Юстиніана. Въ такомъ случаѣ въ рукахъ собственника моливдовула Никифора Ватаци сосредоточена была военная власть — адмирала флота — съ гражданскою претора ѳемы Эгейскаго моря, засвидѣтельствованной намъ впервые. Возможно, что она была и учреждена для этого Ватаци. Званіе μέγας δούξ въ XI—XII в. соединялось со званіемъ претора сосѣднихъ соединенныхъ ѳемъ Эллады и Пелопонниса, какъ это неоднократно засвидѣтельствовано драгоцѣнными данными моливдовуловъ. Извѣстенъ изданный Мордтманномъ и Шлюмбергеромъ моливдовулъ Евмаѳія, полководца императора Алексѣя Комнина: тамъ Евмаѳій обозначенъ и великимъ дукой, и преторомъ Эллады и Пелопонниса. Существуетъ въ Патмосскомъ архивѣ актъ 1092 г., подписанный Евмаѳіемъ съ тѣми же титулами. (Изданъ въ Πανδώρα 1861 г., у Миклошича почему-то его нѣтъ). См. указанную выше статью Мордтманна, и также Шлюмбергера, Sigillographie, 188—9. Послѣдній авторъ высказалъ (p. 189), что власть надъ флотомъ никогда не отдѣлялась отъ управленія ѳемою Эгейскаго моря, и часто сопрягалась съ претурой Эллады и Пелопонниса. Онъ при этомъ ссылается на примѣръ Евмаѳія. Нашъ моливдовулъ не опровергаетъ высказаннаго Шлюмбергеромъ взгляда, однако представляетъ примѣръ, когда команда надъ флотомъ была отдѣлена отъ управленія

Элладой, была соединена, какъ всегда, съ управленіемъ Эгейской ѳемой; но для послѣдней была создана, тогда-же или раньше, параллельная должность гражданскаго претора. Другія должности ѳемы Эгейской не имѣли общаго съ ѳемой Эллады: ср. печать друнгарія Эгейскаго моря Никиты, извѣстнаго по походу 966 г. въ Сицилію, изданную Μηλιαράκης, въ Σβορώνου Ἐφημερίς, I (1898), p. 443—450.

Что касается двухъ первыхъ титуловъ собственника издаваемаго моливдовула, то принимая во вниманіе высокій санъ его, великаго дуки и претора, мы считаемъ должнымъ возстановить уцѣлѣвшіе лишь отчасти слова какъ πρωτοπροέδρῳ (καὶ) βεστάρχῃ. Простой πρόεδρος и βέστης или βεστίτωρ представляются намъ несовмѣстными со званіемъ (великаго дуки и) претора. Такъ преторъ Болгаріи Тріаконтафиллъ былъ протопроедромъ, другой προνοητής Болгаріи XI в. носилъ званіе вестарха. См. *Schlumberger,* o. c, p. 241, 240.

Такимъ образомъ полная легенда нашего моливдовула была бы κύριε, βοήθει Νικηφόρῳ πρωτοπροέδρῳ βεστάρχῃ μεγάλῳ δουκὶ καὶ πραίτωρι τοῦ Αἰγαίου τῷ Βατάτζῃ. Никифоръ Ватаци, судя по этимъ даннымъ лицо значительное, не встрѣтился намъ въ источникахъ XII—XIII в. Изданную у *Schlumberger,* Mélanges, p. 211—212, печать главнаго ловчаго (πρωτοκυνηγός) Іоанна Ватаци слѣдуетъ сопоставить съ *Cantacuz.* Hist. II c. 76, p. 475 Bonn. и отнести не къ XII, а къ XIV вѣку.

242 (247). 2,1 сант. Часть отломана. Грубой работы изображеніе Богородицы, сидящей на престолѣ съ Младенцемъ на колѣняхъ На полѣ два креста. На оборотѣ монограмма имени Ἰωάννου.

243 (248). 1,7 сант. Табл. IV, фиг. 3. Два святыхъ воина съ копьями; на оборотѣ Богоматерь съ воздѣтыми руками безъ Младенца, кругомъ надпись: Θ(εοτό)κε, β(οή)θ(ει) Βασιλ(είῳ) τ(ῷ) Μουσαραφα? X—XI в.

244 (249). 3,3 сант. Вырѣзанъ сегментъ острымъ орудіемъ. Монограмма, отъ которой уцѣлѣло внизу λ, справа τ(?)κ, на верху, кажется ω; на оборотѣ ι, поставленная на большое ω — Ἰωάνν(ου?). VIII—IX в.

245 (250). 2,1 сант. Монограмма словъ κύριε βοήθει; на оборотѣ Ἐπιφ[α]ν(είῳ) διοικητῇ. IX—X в.

246 (251). 1,6×1,9 сант. Табл. IV, фиг. 4. Бюстъ св. мученика Виктора, съ крестомъ; на полѣ буквы его имени. На оборотѣ бюстъ св. мученика Адріана (?), также съ длиннымъ крестомъ, на полѣ буквы его имени.

247 (252). Фрагментъ прекраснаго моливдовула IX—X в., 2,5 сант. На лицевой сторонѣ уцѣлѣла голова Іоанна Предтечи, худощавое, строгое лицо; слѣва видѣнъ конецъ длиннаго креста, справа на полѣ буквы Δ Р М. На оборотѣ легенды въ 7 строкъ уцѣлѣло:

† К Є Р Θ
Ѡ А С П А Θ
К Р І Т, Є П І Т,
І П П О Δ Р . .

К(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) [Ἰ]ω(άννῃ πρωτο)σπαθ(αρίῳ) κριτ(ῇ) ἐπὶ τ(οῦ) ἱπποδρ[όμου] Фамильное имя Іоанна, носившаго званія протоспаѳарія и судьи ипподрома, не дошло до насъ, равно какъ и обозначеніе занимавшейся имъ должности.

248 (253). 2,5 сант. Табл. IV, фиг. 5. Фигуры архангела Михаила съ одной стороны и святого Димитрія съ другой, хорошей работы и сохранности, X—XI в. На поляхъ буквы МН съ правой стороны изображенія, и буквы ХА[НΛ] — съ лѣвой; на оборотѣ: ὁ Δημήτρ[ιος].

Изображенія очень ясны и типичны. Михаилъ представленъ въ короткой одеждѣ воина, перетянутой поясомъ, съ плечъ спускается военный плащъ (сагій), окаймленный полосою съ рядомъ драгоцѣнныхъ камней (или, можетъ быть, мѣховою выпушкою). Въ рукахъ скипетръ съ крестомъ на верху и держава, повидимому, безъ креста. Св. Димитрій представленъ съ недлинной бородою въ короткой одеждѣ воина, стянутой поясомъ, съ плащемъ за плечами безъ той каймы, которую наблюдаемъ на изображеніи Михаила; въ рукахъ копье и щитъ, на которые св. Димитрій опирается. Въ общемъ, кромѣ инсигній и крыльевъ архангела, изображенія обѣихъ сторонъ схожи между собою.

249 (254). 2,4 сант. Табл. IV, фиг. 6. Святой воинъ, бородатый, въ кольчугѣ стянутой у пояса, стоитъ, опираясь на щитъ и держа въ правой рукѣ своей крестъ. Кромѣ того на полѣ подъ крестомъ изображено короткое копье или стрѣла остріемъ внизъ, и съ другой стороны фигуры симметрично второй такой же дротикъ или стрѣла остріемъ вверхъ. Слѣдовъ имени нѣтъ. На оборотѣ монограмма, повидимому имени Θεοδώρου; но нельзя не указать, что нижняя Δ не ясна, скорѣе похожа на Λ, и слѣдовъ Ѡ въ монограммѣ не наблюдается. VIII—IX в.

250 (255). 1,9 сант. Табл. IV, фиг. 7. Хорошо сохранившаяся тессера Алексѣя Комнина съ семействомъ. На одной сторонѣ Алексѣй Комнинъ съ супругой Ириной, между ними высокій крестъ; на оборотѣ Іисусъ Христосъ съ Калоянномъ, между ними царскій стягъ, labarum. Буквы надписи виднѣе на второй сторонѣ: ІС ХС и ІѠ ΔЄСПОТ,; тогда какъ на первой сторонѣ только сравненіе съ подобными тессерами оправдывало бы возстановленіе слова Εἰρήνη.

251 (256). 1,6 сант. Бюстъ Богородицы Влахернской съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ, посредственной сохранности. На полѣ буквы МР и ΘV. На оборотѣ анонимная легенда мелкими буквами XI—XII в

†
ȣ С Ф Р А Г
Є І М І Т Н N
Г Р А Ф Н N
О Р Ѡ N
N О Є І

Οὗ σφραγ(ίς) εἰμι, τὴν γραφὴν·ὁρῶν νόει.

252 (257) 1,8 сант. Бюстъ Богородицы Влахернской съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ; слѣды буквъ на полѣ.

Обратная сторона имѣетъ:

Θ К Е В О
. Θ Е І Θ Е
. . С І Ѡ .
. . . Λ

Θ(εοτό)κε, βο[ή]θει Θε[οδο]σίῳ . . . . . XII—XIII в.

253 (258) 1,8 сант. Табл. IV, фиг. 8. Фигуры святыхъ Космы и Даміана, обращенныхъ другъ къ другу и поддерживающихъ, кажется, Младенца. На полѣ буквы именъ ихъ: [ὁ] Κοσμᾶ[ς] и ὁ Δαμια[νός]. На оборотѣ фигура св. Николая съ благословляющей рукою и Евангеліемъ на груди. По сторонамъ фигуры Николая сверху его имя ὁ Νικόλ̣αος, причемъ вмѣсто αο начертано οα. Внизу же изображенія Николая, также по обѣимъ его сторонамъ, читаемъ легенду:

† К Є	$\overline{\text{МХ}}$
В . Н	Z Ѡ.
Θ Є І	Г Р А
Т Ѡ	Φ

X—XI в. К(ύρι)ε, β[ο]ήθει τῷ М(ι)χ(αήλ) Z[ω]γράφ(ῳ). Было ли послѣднее слово фамильнымъ именемъ собственника печати, или указывало на его профессію художника-живописца, не ясно; но постановка слова τῷ передъ личнымъ именемъ, а не передъ ζωγράφῳ, говоритъ за второе предположеніе.

254 (259). 1,6 сант. Табл. IV, фиг. 9. Двѣ фигуры съ нимбами, правая навѣрное женская, лѣвая — вѣроятно; правая простерла руку къ головѣ лѣвой фигуры. Можетъ быть, композиція представляетъ Благовѣщеніе. Слѣды буквъ не разборчивы. Крыльевъ у правой фигуры не замѣтно.

На оборотѣ читаемъ легенду:

ΓΡΑΦΑ
C.PAΓI.
S.OΓY.
T·IVCΓ.
.CI.

Γραφὰ(ς) σ[φ]ραγί[ζ(ω)] (καὶ) [λ]όγου[ς] τ(οῦ?)ς Γ[ενε?]σί(ου). XII—XIII в.

255 (260). 1,7 сант. Фрагментъ. Бюстъ Богородицы безъ Младенца, съ руками, расположенными молитвенно (ладонями кверху) на груди. На полѣ буквы MP ΘY. На оборотѣ легенда:

† Ȣ
ΓICЄ
THNΓ.AΦ
BΛЄΠΩN
NOЄI

Οὐ [σφρα]γίς ε[ἰμι], τὴν γ[ρ]αφ(ὴν) βλέπων νόει. Ср. выше № 251.

256 (261). 2,1 сант. Края сбиты. Крестообразная монограмма словъ κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ болѣе крупными буквами:

ΛЄΩ
THA
MHN

Λέωντη (вм. Λέοντι)· ἀμήν. Не позже IX в.

257 (262). 1,9 сант. Плохой сохранности. Бюстъ св. Николая, справа и слѣва буквы имени ὁ Νικόλαος. На оборотѣ бюстъ, повидимому (слѣды имени совершенно не ясны), Іоанна Предтечи: бородатая голова, слѣды длиннаго креста слѣва. XI—XII в.

258 (263). 1,7 сант. Древнѣйшаго типа и грубой работы бюстъ Богородицы съ Младенцемъ на груди ея въ большомъ медальонѣ. На полѣ два креста. На оборотѣ монограмма имени владѣльца Ἰωάννου.

259 (264). 1,5 сант. Бюстъ св. Николая, плохой сохранности. На полѣ буквы его имени. На оборотѣ возможно различить:

† ІЄВАР
ХАСКЄП.
ΝΙΚΗΤΑ
ΤΩΝΑ..
ΡΑ

Ἱεράρχα, σκέπ[οις] Νικήτᾳ τῷ Να . . ρα . . Собственное имя возстановлено быть не можетъ. XII—XIII в.

260 (265). 1,5 сант. Плохой сохранности бюстъ великомученика Пантелеимона: ясны весьма мелкія буквы: ὁ Παντε . . . . Лицо моложавое, длинные волоса, положеніе рукъ на груди не видно. Обратная сторона сохранила слѣдующія буквы изъ легенды въ 6 строкъ, начиная съ 3-ей строки:

. . . . Т
ΔΥΛΩS
ВІКΛН
РІКО

Печать X—XI в. принадлежала неизвѣстному (можетъ быть, соименному Пантелеимону) царскому клирику.

261 (266). 2,4 сант. Съ одной стороны имѣемъ:

ΘЄО
ΔОСІ
ОV

съ другой:

АПО
VПАТ
ΩΝ

Буквы VI или VII вѣка, величиною въ 0,2 сант. Θεοδοσίου ἀπὸ ὑπάτων.

262 (267). 1,8 сант. Крестъ на ступеняхъ, кругомъ слѣды обычной легенды; на оборотѣ имѣемъ

† АΝΔР
ЄАВІПНС
ТНКΩ

Ἀνδρέᾳ β(ασιλικῷ) π(ι)στ(ι)κῷ. Издана съ комментаріемъ въ Извѣстіяхъ Института т. VII, стр. 40 слл., табл. XV, въ статьѣ „Βασιλικὸς πιστικός“.

263 (268). 2,8 сант. Двѣ монограммы: для словъ Πέτρῳ (sic) и σπαθαρίῳ.

264 (269). 2 сант. X в. Съ одного края печать смята.

a)	ΚЄВО	b)	ТѠVѠ
	.ЄІТѠ		АРΔ,Ā
	.ΔΥΛ.		ПАΘ.А.
	.КЛН		VПА.
	.		.

К(ύρι)ε, βο[ή]θει τῷ [σῷ] δούλ[ῳ] Κλή[μ(εντι)] τῷ υ(ἱ)ῷ [Β]άρδα (πρωτο)σπαθ(αρίου) ἀ[νθ]υπά[του?].. Квалификація собственника по отцу изрѣдка встрѣчается на моливдовулахъ.

265 (270). 2,4 сант. Крупными буквами VI—VII вѣка:

† СТ	† ЄП
ЄФА	ІСКО
NOV	ПOV

Στεφάνου ἐπισκόπου.

266 (271). 2,8 сант. Крестообразная монограмма словъ κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ.

† NIK
НФОРѠВ,
СП'SХАР
Т ς СІК,А
МН.

Νικηφόρῳ β(ασιλικῷ) σπ(αθαρίῳ καὶ) χαρτ(ουλαρίῳ) Σικ(ελίας)· ἀμή[ν]. VIII-IX в. Печать того же времени Никифора протонотарія Сицилійской ѳемы см. у *Schlumberger,* Sigillographie, p. 215. Главнымъ текстомъ для опредѣленія обѣихъ должностей является привлеченное еще Дюканжемъ Tactica Leonis, const. IV, c. 31: ὁ γὰρ πρωτονοτάριος τοῦ θέματος καὶ ὁ χαρτουλάριος ... ὁ μὲν τῆς πολιτικῆς ἐστι διοικήσεως ὁ ἄρχων, ὁ δὲ πρὸς τὴν τοῦ στρατηγοῦ καταγραφήν τε καὶ ἀναζήτησιν. Протонотарій является управляющимъ земскими (хозяйственными) дѣлами ѳемы, а хартуларій начальникомъ канцеляріи губернатора — стратига. О хартуларіи какъ строевомъ офицерѣ, занимавшемъ въ лагерѣ центръ лѣваго крыла тагмы схолъ, ср. Περὶ καταστάσεως ἀπλήκτου, Incerti .. liber de re militari, ed. *R. Vári,* Lipsiæ 1901, p. 6.

267 (272). 1,3 сант. Бюстъ св. Ѳеодора очень малыхъ размѣровъ и посредственной сохранности, съ копьемъ и щитомъ. Справа видны буквы ΔѠ. На оборотѣ легенда:

Γ Ρ Α Φ,
C Φ Ρ Α Γ Ι
S Λ O Γ Ȣ C
Θ Є O Δ O

Γραφὰς σφραγί[ζ](ω καὶ) λόγους Θεοδ(ώ)[ρ](ου). XII—XIII в.

268 (273). 1,7 сант. Плохой сохранности. Бюстъ, можетъ быть, св. Алексія; на оборотѣ можно различить:

C Φ P .
. Ȣ A
Λ E Ξ I
O V

Σφρ[αγ(ῖς) το]ῦ Ἀλεξίου. IX—X в.

269 (274). 2,1 сант. Плохой сохранности. Крестъ на ступеняхъ со слѣдами обычной надписи кругомъ; на оборотѣ возможно еще прочесть:

† Γ Є Ѡ P
Γ I Ѡ B, A, C
Θ A P, S B, C
A K Є Λ A .
. .

IX—X в. Γεωργίῳ β(ασιλικῷ πρωτο)σ[πα]θαρ(ίῳ καὶ) β(ασιλικῷ) σακε(λλ)α[ρ(ίῳ)]. Въ послѣднемъ словѣ одно Λ. Моливдовулы царскихъ сакелларіевъ, или хранителей царской казны (σακέλλα, ср. древнерусское калита), носившихъ званіе протоспаѳарія, см у *Schlumberger,* Sigillographie, p. 580—581; особенно похожъ фрагментъ, изданный у него подъ № 4.

270 (275). 1,7 сант. Плохой сохранности. Бюстъ Богородицы съ воздѣтыми руками безъ Младенца. Обратная сторона сохранила еще:

Θ K Є
B Θ Γ Є Ѡ P
Γ, T Ѡ . .
T Ȣ Λ Ȣ Φ

XI—XII в. Θ(εοτό)κε, β(οή)θ(ει) Γεωργ(ίῳ) τῷ . . τουλουφ(ῳ?).

271 (276). 2 сант. Крестъ на ступеняхъ съ обычной надписью кругомъ: κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ весьма интересная легенда, къ несчастью плохо сохранившаяся, и въ чтеніи нашемъ мы не вполнѣ увѣрены:

† C T Є Φ
A N Ѡ B| A| C П
A P| S Δ O M| T| I
K| T| B A C I Λ
A K O .

IX—X в. Στεφάνῳ β(ασιλικῷ πρωτο)σπ[αθ]αρ(ίῳ καὶ) δομ[εστίκῳ?] τ(ῶν) βασιλ[ι]ακ(ῶ)ν]. Насъ затрудняетъ, почему въ словѣ δομεστίκῳ на печати пропущена сигма (лигатуру σ и τ трудно предположить) и также несомнѣнное α въ словѣ βασιλι(α)κῶν передъ κ. Если же допустить сокращеніе въ словѣ δομεστίκῳ и читать послѣдній терминъ βασιλιάκων (ср. Ἀρμενιάκων) вмѣсто βασιλικῶν, то передъ нами доселѣ не наблюдавшееся въ сигиллографіи званіе доместика корпуса (τάξις) „царскихъ людей". Βασιλικοί, исполнявшіе обязанности царскихъ посланцевъ, извѣстны изъ трудовъ, носящихъ имя Константина Багрянороднаго. См. въ De administrando imperio главу 7 „Περὶ τῶν ἀποστελλομένων βασιλικῶν ἀπὸ Χερσῶνος ἐν Πατζινακίᾳ". И доместикъ этихъ „царскихъ людей", образовывавшихъ отдѣльную τάξις, извѣстенъ намъ изъ первой главы De Cerimoniis: οἱ δὲ ἐξερχόμενοι (т. е. цари передъ параднымъ выходомъ въ Св. Софію) ὁρίζουσι πᾶσιν τοῖς τοῦ κουβουκλείου, ὁμοίως δὲ καὶ τῷ κατεπάνω καὶ τῷ δομεστίκῳ τῶν βασιλικῶν, σὺν τοῖς δὲ καὶ τοῖς δυσὶ δημάρχοις· ἀποστέλλουσι δὲ καὶ μανδάτα τῷ τε δομεστίκῳ τῶν νουμέρων καὶ τῷ κόμητι τῶν τειχέων καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν πάσαις ταῖς τάξεσι καὶ πᾶσι τοῖς σεκρέτοις καταμηνύουσι περὶ τῆς τοιαύτης προελεύσεως, ἵνα ἑκάστη τάξις καὶ ἕκαστον σεκρέτον κατὰ τὴν ἰδίαν τάξιν καὶ κατὰ τὸν ἴδιον τοῦ σεκρέτου τύπον τὰ αὐτοῖς ἁρμόζοντα προευτρεπίσωσι. Изъ этой выписки ясно, что βασιλικοί образовывали особую τάξις (къ σεκρέτα ихъ нельзя причислить) со своимъ уставомъ, и во главѣ ихъ стояли катепанъ и доместикъ, занимавшіе мѣсто среди начальниковъ отдѣльныхъ частей въ столицѣ, τάξεις и σεκρέτα. О доместикахъ, какъ начальникахъ столичныхъ полковъ (τάγματα) и въ тоже время начальникахъ городского ополченія, см. изслѣдованіе *Θ. И. Успенскаго* „Военное устройство Византійской имперіи", § 4 (Извѣстія Института, VI 176 слл.).

272 (277). 2,7 сант. Фрагментъ. Крестообразная монограмма для словъ κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ крупными буквами VIII—IX вѣка:

Є O N T
A P T Ȣ
P| T Ȣ
. I M|

Λ]έοντ[ι χ]αρτου[λα]ρ(ίῳ) τοῦ [β(ασιλικοῦ) πλω]ίμ(ου). Хартуларій флота или начальникъ канцеляріи управленія флотомъ встрѣчается намъ на печати впервые.

273 (278). 1,5 сант. Плохой сохранности бюстъ св. Николая со слѣдами его имени на полѣ; обратная сторона имѣетъ:

† СКЄ
ПОІСМЄ
ΝΙΚΟΛΑЄ
ΤΟΝ C̄ΟΙ
ΚЄΤ,

XII—XIII в. Σκέποις με, Νικόλαε, τὸν σ(ὸν) οἰκέτ(ην).

274 (279). 2,8 сант. Крестообразная монограмма со словами: τῷ δούλῳ σοῦ; на оборотѣ монограмма слова Γρηγορίῳ, со словомъ ὑπάτῳ между концами монограммы. VII—VIII в.

275 (280). 2,4 сант. Табл. IV, фиг. 10. Плохой сохранности крестъ на ступеняхъ, кругомъ читаются буквы: κ(ύρι)ε, βο(ή)θ(ει) [τῷ σῷ] δούλῳ. Обратная сторона содержитъ весьма любопытную легенду изъ 7 строкъ (верхняя не вышла при печатаніи или сбита впослѣдствіи):

. . . . .
. В / КОVВ .
. . VΛ, SΞЄNΟΔ .
Х, АКРОП, SХРІ
СОП, SКОVРА
ТОР, ТОVМАГ
НСТРОV

. . . В(ασιλικῷ) κουβ[ικο]υλ(αρίῳ καὶ) ξενοδ[ό]χ(ῳ) Ἀκροπ(όλεως καὶ) Χρ(υ)σοπ(όλεως καὶ) κουράτορ(ι) τοῦ Μαγ(ί)στρου. Издаваемый моливдовулъ долженъ имѣть большой интересъ для исторіи номенклатуры благотворительныхъ учрежденій Константинополя, представляя вполнѣ новыя данныя по этому вопросу. Собственное имя владѣльца печати, начертанное на недошедшей верхней строкѣ, утрачено безслѣдно. Въ терминахъ усвоенныхъ ему должностей или званій, наоборотъ, возможно лишь малое сомнѣніе. Характеръ буквъ и креста на лицевой сторонѣ позволяютъ отнести моливдовулъ къ IX или X вѣку. Два первые термина, царскій кувикуларій и ксенодохъ, встрѣчаются рядомъ, напримѣръ, на относимой къ VIII—IX вѣку печати Епифанія царскаго кувикуларія (спальника) и ксенодоха (страннопріимника) τοῦ Λουπαδίου, т. е. города Лопадія въ Виѳиніи (ѳема Оптиматовъ), у *Schlumberger,* Sigillographie, p. 381. Вслѣдъ за вторымъ терминомъ мы должны искать на печати обозначеніе круга или учрежденія, во главѣ котораго находился нашъ ксенодохъ. Ср. ὁ ξενοδόχος Σαγγάρου,

ξενοδόχος Πυλῶν, ξενοδόχος Νικομηδείας, *De cerim.*, p. 720; только что упомянутъ моливдовулъ (X—XI в.) ксенодоха Лопадія и другой ксенодоха Никеи (*Schlumberger,* ibid., и нашъ фрагментъ, издаваемый выше подъ № 149), носившаго высокое званіе ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, сообразно съ большимъ значеніемъ города Никеи. Вопросъ о должностяхъ и учрежденіяхъ ксенодоховъ, орфанотрофовъ и другихъ тому подобныхъ еще мало разработанъ въ наукѣ. Перечень должностныхъ лицъ благотворительныхъ вѣдомствъ, имѣвшихъ отношеніе къ обложенію недвижимостей, вѣдомствамъ этимъ не принадлежавшихъ и находившихся далеко за предѣлами Константинополя и его окрестностей, см. напр. въ типикѣ М. Атталіаты: *Miklosich-Müller,* Acta V, p. 144; въ Патмосскихъ актахъ *ibid.* VI, p. 28, 48 и др. Наиболѣе ясное представленіе объ устройствѣ и хозяйствѣ богато обезпеченной больницы и богадѣльни даетъ весьма подробный типикъ Пантократорскаго монастыря въ Константинополѣ, воздвигнутаго императоромъ Іоанномъ Комнинымъ. Изданъ онъ и использованъ *А. А. Дмитріевскимъ,* Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ Православнаго Востока, т. I, Кіевъ 1895, 682—696 и LXXX—XCIII.

Благотворительными учрежденіями изобиловала столица Византійской имперіи. Свѣдѣнія о нихъ собраны прежде всего *Дюканжемъ,* Constantinopolis Christiana, l. IV, c. 9; затѣмъ представляемый моливдовулами цѣнный матеріалъ по этому вопросу привлеченъ и разработанъ *Мордтманномъ* въ статьѣ, помѣщенной въ Сигиллографіи Шлюмбергера, p. 145—158, и самимъ *Шлюмбергеромъ* въ Revue Archéologique 1880 и въ Sigillographie, p. 377—381. — Въ *De Cerimoniis* I c. 32, p. 173, при описаніи церемоніи въ Вербное Воскресенье, въ числѣ подносящихъ царю кресты, вслѣдъ за ризничимъ Влахернской церкви и за хартуларіемъ τῆς ἁγίας σοροῦ, упомянуты: ксенодохъ страннопріимницы Θεοφίλα ((τῶν Θεοφίλου), Сампсона, Евбула, Ирины, Нарзеса, при храмѣ св. Ирины (τῶν τῆς ἁγίας Εἰρήνης). Конечно, это были представители лишь главнѣйшихъ благотворительнихъ учрежденій столицы. Дюканжу извѣстно, кромѣ этихъ шести, еще до 30 страннопріимницъ, богадѣленъ и больницъ въ Константинополѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ. Между ними мы не находимъ извѣстій о страннопріимницахъ Акропольской и Хрисопольской (при загородномъ Скутарійскомъ дворцѣ, упоминаемомъ Никитой Акоминатомъ p. 280, ср. *Du Cange,* Constant. Christ. IV, 13, 9). Что касается Акрополя, то въ этомъ кварталѣ находились благотворительныя учрежденія около церкви Петра и Павла, рядомъ со св. Ириною, приблизительно въ мѣстности Оттоманскаго Музея. Ср. *Mordtmann,* Esquisse topographique de Constantinople, Lille 1892, p. 50. Анна Комнина въ Алексіадѣ, кн. XV, гл. 7, описываетъ цѣлый городокъ благотворительныхъ учрежденій, воздвигнутый Алексѣемъ Комнинымъ при храмѣ св. Павла въ Акрополѣ. Этотъ городокъ получилъ общее названіе Сиропитательницы, ὀρφανοτροφεῖον, хотя по интереснымъ подробностямъ, даннымъ Анной, — ихъ нужно сопоставить съ Пантократорскимъ типикомъ, изданнымъ А. А. Дмитріевскимъ, —

очевидно, что въ числѣ этихъ учрежденій были и богадѣльни, и страннопріимницы. Оффиціальнымъ именемъ этихъ учрежденій въ XIII в. было, повидимому, τὸ μέγα ὀρφανοτροφεῖον. Печать хартуларія его, епископа Іонопольскаго, издана Мордтманномъ, у Шлюмбергера, Sigillographie, p. 155. Мы однако имѣемъ дѣло не съ орфанотрофомъ, но съ ксенодохомъ Акрополя. Возможно, что печать наша принадлежитъ начальнику одной опредѣленной категоріи благотворительныхъ учрежденій Акрополя и Хрисополя. Она можетъ относиться по характеру буквъ и изображенія къ эпохѣ Алексѣя Комнина, при которомъ упоминается и Скутарійскій дворецъ, ср. *Du Cange* Const. Chr. IV, 13, 9). Въ такомъ случаѣ можно предполагать, что при Комнинахъ учрежденія благотворительности, созданныя императорами, были раздѣлены на группы или округа въ отношеніи управленія; примѣромъ являются страннопріимницы Акрополя и Хрисополя, подчиненныя одному ксенодоху, носившему придворное званіе кувикуларія. Остается послѣднее званіе или, вѣрнѣе, должность владѣльца издаваемаго моливдовула: κουράτωρ τοῦ (τῶν?) Μαγίστρου. Кураторами назывались управляющіе прежде всего императорскими недвижимостями: κουράτωρ τῶν Μαγγάνων (печати издалъ Мордтманнъ, у Шлумбергера, Sigill. p. 151). Ср. De Cerimoniis II c. 52: великому куратору подчинены между прочими, κουράτωρες τῶν παλατίων, κουράτωρες τῶν κτημάτων, „старшій“ дворца Елевѳеріева, ксенодохи учрежденій въ Никомидіи, Пилахъ, на Сангаріи (?); куратору дворца Манганскаго подчинены такіе же чиновники, какъ и великому куратору, кромѣ ксенодоховъ; въ числѣ подчиненныхъ орфанотрофу названы кураторы. Ср. еще *Schlumberger*, Sigillographie, 488—489. Если терминъ кураторъ болѣе или менѣе намъ ясенъ, то учрежденіе или дворцовая недвижимость, обозначенная именемъ какого-то Магистра, доселѣ не извѣстна ни сигиллографіи, ни топографіи Константинополя и представляетъ безспорно новый интересный фактъ.

276 (281). Фрагментъ. 3 сант. Монограммы κύριε βοήθει и на оборотѣ Ἰωάννου. XI—XII в.

277 (282). 2,3 сант. Въ разрушеніи. Слѣды креста на ступеняхъ съ орнаментомъ и съ надписью кругомъ: κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ; на оборотѣ еще можно различать:

† A N A C
T A C I Ѡ .
C Π A Θ S C
I H K Δ .
\ O Γ O

Ἀναστασίῳ [β(ασιλικῷ) или (πρωτο)]σπαθ(αρίῳ) (καὶ) . . . . . λογο[θέτῃ?]. XI—XII в. Послѣднія двѣ строки неудалось возстановить.

278 (283). 1,5 сант. Фигура Богородицы съ воздѣтыми руками, en face и и безъ Младенца (какъ Богородица трапезундская Θεοσκέπαστος, ср. Sigill. p. 292, или какъ περίδοξος Аѳинская, ibid. p. 39). Есть слѣды слова Θεοτόκος слѣва, и изъ эпитета справа уцѣлѣло . . КЕ, ниже край печати отбитъ.

На оборотѣ можно едва разобрать:

. . О .
. . К Є Т . .
С К Є П О І С
. Є Т О N Ѻ
. О . Λ О Г

[Σ]ὸ[ν οἱ]κέτ[ῃν] σκέποις [μ]ε, τὸν Νη . ο . λογ(ον). XII—XIII в. Можетъ быть, въ 4 строкѣ слѣдуетъ читать Μη[χ(αήλ)]. Фамильное имя пока возстановлено быть не можетъ.

289 (285). 2,4 сант. Разрушается. X—XI в.

a)	† Θ̄ К̄ Є R .	b)	Х А Р Т Ꙋ
	Н Θ Є І Т Ѡ		. І S Є К П Р
	С Ѡ Δ̄ N І .		. Ѡ П Т Ѡ N
	Ꙋ Λ І Т І		. С . А В Λ

Θ(εοτό)κε, β[ο]ήθει τῷ σῷ δ(ούλῳ) Νι[κ?]ουλ[τζ(ῃ)?] χαρτου[λαρ](ίῳ καὶ) ἐκ πρ(ο)[σ]ώπ(ου) τῶν [β(ασιλικῶν) σ[τ]άβλ(ων). Еще одно доселѣ, кажется, не наблюдавшееся званіе. Ὁ ἐκ προσώπου означаетъ вообще уполномоченнаго или представителя; если же при этомъ терминѣ прибавлено названіе ѳемы, то онъ обозначаетъ агента начальника ѳемы, уполномоченнаго при императорскомъ дворѣ. См. *Schlumberger,* Sigillographie, p. 576. Императорскіе στάβλοι, σταῦλα (stabula) или конскіе заводы извѣстны въ Малой Азіи, возлѣ Малагины, по рѣкѣ Меандру и др. Печать хартуларія ставла ѳемы τῶν Ἀνατολικῶν см. у Шлюмбергера, Sigillographie, p. 267. Въ De Cerim. II c. 52, p. 729, въ перечнѣ чиновъ читаемъ: ὁ ἀνθύπατος πατρίκιος καὶ κόμης τοῦ στάβλου, ὁ ἀνθύπατος πατρίκιος καὶ ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων; ibid. p. 732: οἱ πρωτοσπαθάριοι ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων κατὰ τὸ ἴδιον τοῦ ἑκάστου θέμα, ὁ πρωτοσπαθάριος καὶ κόμης τοῦ στάβλου . . . οἱ πρωτοσπαθάριοι καὶ ἄρχοντες τῶν στάβλων; p. 737: ὁ χαρτουλάριος τοῦ στάβλου ὁμοίως· ὁ ἐπίκτης τοῦ στάβλου ὁμοίως. Передъ нами высшіе и низшіе чины царскихъ στάβλοι; два высшіе — или одинъ высшій — κόμης τοῦ στάβλου въ рангѣ патрикія и рангѣ протоспаѳарія обозначенъ рядомъ съ οἱ ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων. Вѣроятно, это не случайность. Той же должности, которую представляетъ издаваемый моливдовулъ, хартуларія и ἐκ προσώπου τῶν (βασιλικῶν) στάβλων, мы не находимъ въ перечнѣ составленномъ при Львѣ Философѣ атриклиномъ (не слѣдуетъ ли читать прототриклинъ?) Фило-

ѳеемъ (De Cerim. p. 702 sqq.), ни въ родственномъ ему перечнѣ чиновъ, изданномъ изъ рукописнаго сборника Іерусалимской библіотеки *Ѳ. И. Успенскимъ,* въ статьѣ „Византійская табель о рангахъ", (Извѣстія Института, III, 1898, стр. 98—137).

280 (288). 1,8 сант. Фрагментъ. Бюстъ Богородицы en face безъ Младенца, одна рука справа на груди, другая рука на фрагментѣ не уцѣлѣла. На полѣ буквы $\overline{\text{МР}}$ [$\overline{\text{ѲV}}$]. На оборотѣ:

† ЄІНС
ОНѲОС
. ІѠГ
ІГІ

XI—XII в. Εἴης [β]οηθὸς [δ(ούλῳ) σ]ῷ Γ[εωρ]γί(ῳ).

281 (289). 1,8 сант. Бюстъ Богородицы съ воздѣтыми руками безъ Младенца. Слѣды буквы Ѳ. На оборотѣ легенда (1 строка сбита):

. ѠСѠΔ
$\overline{\text{Ѡ}}$ВЄСТА
. ТОСЄВА
. ѠТА

XII—XIII. в. [Ѳ(εοτό)κε, β(οή)θ(ει) τ]ῷ σῷ δ(ού)[λ](ῳ) [Γ]ω(άννῃ) βεστά[ρχ(ῃ) (καὶ) $\overline{\text{α}}$?]τοσεβα[στ?]ωτά[τ(ῳ)]. Можетъ быть, далѣе была еще строка и нѣтъ надобности принимать превосходную степень.

282 (290). 1,7 сант. Табл. IV, фиг. 11. Крестъ на ступеняхъ съ орнаментомъ изъ пальмовыхъ вѣтвей, кругомъ обычная надпись κ(ύρι)ε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ. На оборотѣ:

† ВАСІ
Λ, МОNКꙋВꙋ
КЛІСІѠТ,
ГОVРN,

X—XI в. Βασιλ(είῳ) μον(αχῷ), κουβουκλισίῳ τῷ Γουρν(ῷ?). Впрочемъ, предлагаемое чтеніе 3 и 4 строкъ лишь предположительное.

283 (294). 1,7 сант. Бюстъ Богородицы (Влахернской) съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ. На полѣ буквы $\overline{\text{М}}$ [$\overline{\text{Ѳ}}$]. На оборотѣ безъименная легенда:

ТІNОС
ФРАГІСА
ТАІТН
АФН

XII—XIII в. Τίνος σφραγίς, λ[έγε?]ται τῇ [γρ]αφῇ.

284 (295). 2 сант. Только часть печати получилась при самомъ тисненіи. Крестъ оа 2-хъ ступеняхъ съ орнаментомъ изъ пальмовыхъ вѣтвей. Кругомъ надпись, сохранились буквы: . Є.... ѠΔО. На оборотѣ читается:

. .
N H O .
П А Θ А .
О К А ΔΔ

[Σισιν ?]ν(ίφ) [σ]παθα[ρ]οκα(ν)δ(ι)δ(άτφ).

285 (296). 1,2 сант. XII—XIII в.

a) †
Г Р А
Ф Н

b) М Н
N V
Є I

Γραφὴ μηνύει (собственника).

286 (297). 2,5 сант. VI—VII в. Плохой сохранности.

a) †
Г Р Н
Г О Р I
О V †

b) А П О
V П А
Т Ѡ N

Γρηγορίου ἀπὸ ὑπάτων. Одна изъ многочисленныхъ печатей ἀπὸ ὑπάτων Cf *Schlumberger,* Sigillographie, p. 481.[1])

287 (299). 2 сант. Бюстъ Богородицы съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ, рукъ не видно. Древнѣйшій типъ грубой работы, на поляхъ кресты. VI, даже V вѣка. На оборотѣ монограмма: Σεργίου:

V
Г
С—О—Р
|
Є

[1]) № 298 инвентаря — свинцовый талисманъ плохой сохранности. Съ одной стороны слѣды изображенія какого-то животнаго со многими щупальцами; на оборотѣ розетка. На первой сторонѣ сбоку по краю видны буквы А Р В. Вѣроятно нужно дополнять Ἀβρασάξ, магическое слово, обычное на геммахъ. О вѣроятномъ значеніи слова ср. *Kraus,* въ его Real-Encyklop. d. christl. Alterthümer I 6—10; *Я. И. Смирновъ,* Ἅγιον ὄνομα Ἀβραξάς τξέ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 337 (1901), отд. класс. фил., 56 сл.

288 (300). 2 сант. Бюстъ Богородицы (Влахернской) съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на груди въ медальонѣ. На полѣ: М и Θ.

Обратная сторона имѣетъ:

ΘΚЄВ, Θ,
ΛЄΟΝΤΗ
ΒЄСТІТО
СКЄВΛІ
NO

XI—XIII в. Θ(εοτό)κε, β(ογή)θ(ει) Λέοντ(ι) βέστ(ῃ) τ(ῷ) Σκεβλιν(ῷ). Изъ аѳинской коллекціи издана *Schlumberger,* Sigillographie, p. 699.

289 (301). 1,8 сант. Плохой сохранности. Бюстъ Богородицы съ воздѣтыми руками и съ Младенцемъ на рукахъ. На оборотѣ:

СОNОІ
КЄТ, АГNН
. ЄПАРѲЄ
. ЄСКЄ
П,

XII—XIII в. Σὸν οἰκέτ(ην) ἁγνή [μ]ε πάρθε[ν]ε σκέπ(οις).

290 (302). 2,1 сант. Плохой сохранности. Богородица на тронѣ съ Младенцемъ на колѣняхъ. Кругомъ шла надпись, отъ которой уцѣлѣло слѣва снизу наверхъ: VРІТН. Обратная сторона имѣетъ:

ΘΚЄВ.
ІѠМОТО
МАΔОV
РІТН

Θ(εοτό)κε, β(ογή)[θ](ει) Ἰω(άννῃ) μο(ναχῷ) τ(ῷ) Μαδουρίτῃ. Madaura, въ сѣверной Африкѣ, упоминается Августиномъ въ Исповѣди.

291 (303). 2,6 сант. Плохой сохранности. Бюстъ Богородицы съ большихъ размѣровъ Младенцемъ справа на рукѣ, лѣвая рука прижата къ груди (Одигитрія). Слѣды буквъ: МР ΘΥ, кругомъ же: АГН . . . Обратная сторона сохранила слѣды круговой надписи за ободомъ, гдѣ можно разобрать еще слѣды δούλῃ σ(ῇ), и внутри обода легенду:

† ЄVΔO
ΚΙΑΝΠΑ
ΝΑΓΝЄСΗ
ΔOVΛΗN
СКЄП.

XII—XIII в. Εὐδοκίαν, [Π]άναγνε, σὴν δούλην σκέπ(οις).

292 (304). 2,8 сант. Плохой сохранности. Слѣды крестовидной монограммы для словъ κύριε βοήθει, со словами τῷ σῷ δούλῳ между концами монограммы. На оборотѣ:

— † —
ΒΑСΙΛΗΩ
ΤΩΝΔЄΗС
ЄΩΚЄΦ . .

Βασιλ(εί)ῳ τῶν δεήσεω(ν) κεφ[αλῇ?]. Странная перифраза для τῷ ἐπὶ τῶν δεήσεων. Крупныя буквы IX, или даже VIII вѣка.

293 (305). 2 сант. Бюстъ святого, длинныя волоса, лицо круглое, безбородое, признаки мученика: крестъ и, кажется, евангеліе на груди поверхъ хламиды. Отъ имени на полѣ печати уцѣлѣли буквы О слѣва и АΘ.Λ справа; можетъ быть, слѣдуетъ возстановлять: ὁ ἅγιος Ἀθανάσιος. На оборотѣ легенда такого рода:

СТ
Р . К Ω N
В N О Т А
Р Т Θ V К
К О V —

X—XI в. Στ . . κ,ων β(ασιλικὸς) νοτάρ(ιος) τοῦ (οἰ)[κ(ει)α]κοῦ. Собственное имя представляетъ затрудненія: на первой строкѣ буквы СТ стоятъ между двумя пунктами, другихъ буквъ не было; на второй строкѣ между слѣдами невполнѣ сохранившейся первой буквы вродѣ Р и между К пустое мѣсто, на которомъ должно предполагать букву, вѣроятно гласную; послѣ К знакъ сокращенія, послѣ V его нѣтъ. Такимъ образомъ, если мы не ошибаемся, остается возстановлять: Στρακίων, Στρεκίων и т. п. Званіе онъ носилъ просто царскаго нотарія управленія (секрета) τοῦ οἰκειακοῦ. Ср. эти титулы напр. въ документѣ Патмосскаго монастыря, Miklosich-Mueller, Acta, VI p. 54.

294 (306). 3 сант. Плохой сохранности. Слѣды крестообразной монограммы для обращенія κύριε βοήθει, съ словами τῷ [δού]λῳ σοῦ между сторонами креста. На оборотной сторонѣ возможно разобрать еще:

† Λ Є O
N T . V П
A T Ѡ ′ \
. . A V .
. .

VI—VII в. Λέοντ[ι] ὑπάτῳ υἱ[ῷ Π?]αύ[λου?].

295 (307). 1,5 сант. Плохой сохранности. Бюстъ Богородицы съ Младенцемъ на груди (не въ медальонѣ), рукъ не видно. На полѣ [М̄]Θ̄. На оборотѣ:

C K Є П
N Ꙋ H Λ
B I K .
.

XII—XIII в. Σκέπ(οις) [Μα]νουήλ [κου]βικ[ουλάρ(ιον)].

296 (308). 1,2 сант. Слѣды бюста арх. Михаила. На оборотѣ:

† K Є B Θ
. . N T Ѡ
. A P X A .
. T .

XII—XIII в. K(ύρι) β(οή)θ(ει) [Κω]ν(σταντίνῳ) τῷ [Τ]αρχα[νειώ]τ(ῃ). Ср. моливдовулы нѣсколькихъ лицъ изъ извѣстной фамиліи Тарханіотовъ у *Schlumberger,* Sigillographie, p. 705—6.

297 (309). Фрагментъ императорскаго моливдовула въ 2,9 сант. Съ одной стороны сохранился лѣвый край креста съ вертикальной поперечиной на концѣ, по ободку неразборчивые слѣды буквъ. Обратная сторона фрагмента содержитъ латинскія буквы:

S
T I n
o n p
b A S
o m

[Con]s[tan]tin[os (ke) Le]on p[istoi] bas[ilis R]om(eon). Константина V иконоборца (Копронима) съ сыномъ Львомъ IV (Хазаромъ), коронованнымъ въ 751 г. такъ что моливдовулъ относится къ 751—775 г. г. Ср. *Sabatier,* Monnaies byzantines, II, pl. XL, f. 25; t. I, p. 59.

298 (310). 1,5 сант. Бюстъ св. Іоанна Златоуста плохой сохранности. Въ рукахъ, сложенныхъ на груди, крестъ, можетъ быть, еще Евангеліе. На полѣ буквы ὁ Ἰω(άννης) и ὁ χ̅ (χρυσοστόμος). На оборотѣ можно разобрать:

СО.
ОМѠNV
MVKTIT,
ВОНѲ|ΔV
.ЄMOI

XII—XIII в. Σο[ῦ?] ὁμωνύμ(ῳ) κτ(ῄ)τ(ῇ) βοήθ(ει) δ(ου)[λῳ] ἐμοί. Чтеніе это только предположительное, благодаря разрушенному состоянію большинства буквъ.

299 (311). 1,5 сант. Плохой сохранности.

a) ГРАФ.
СФРАГІ
ZѠ

b) КѠN
.А...
NꙮTꙮ
ΔꙮКІ

XI—XII в. Γραφ[ὰς] σφραγίζω Κων[στ]α[ντί]νου τοῦ Δούκ(α). Печать можетъ принадлежать проедру Константину Дукѣ, племяннику императора Константина Дуки, совершившему удачный походъ противъ войскъ бывшаго императора Романа Діогена, освобожденнаго Турками и выступившаго претендентомъ противъ Михаила VII Дуки (1071—78); ему писалъ Ѳеофилактъ Болгарскій. Zonar. XVIII c. 15, p. 217 Dind.; Nic. Bryenn. I c. 21, 23. Theoph. Bulg. ep. 63, 64 (Migne, Patr. Gr. CXXVI, col. 480—481). Cf. *Du Cange,* Famil. Byzant., p. 165. Можно предполагать и другого Дуку, упоминающагося подъ 1179 г. мужа племянницы Мануила Комнина. Nic. Chon., s. Man., VI, c. 7; Cinn. VI, c. 6, p. 268 Bonn. Cf. *Du Cange,* o. c., p. 166.

300 (312). 1,6 сант. Крайне испорченная композиція Благовѣщенія: слѣды обращенныхъ другъ къ другу двухъ фигуръ. На оборотѣ можно разобрать:

† ГРА
ФАССФ..
ГІZѠКА.
ΛОГꙮС
.Г.

XI—XII в. Γραφὰς σφ[ρα]γίζω κα[ὶ] λόγους [ἐ]γ[ώ].

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отчетъ

о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1902 годъ.

Въ отчетномъ году сдѣланъ былъ новый шагъ къ расширенію личнаго состава Института. Св. Синодъ разрѣшилъ духовнымъ академіямъ по очереди командировать въ Константинополь одного профессорскаго стипендіата для занятій церковной исторіей и археологіей подъ руководствомъ Института.

По ходатайству Сербскаго Правительства Министромъ Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ число членовъ Института д-ръ Вукчевичъ.

Научная дѣятельность Института выражалась въ устройствѣ засѣданій; въ экскурсіяхъ для изученія византійскихъ памятниковъ; въ археологическомъ изслѣдованіи Константинополя и его окрестностей; въ изученіи рукописей Серальской библіотеки; въ работахъ въ мечети Кахріэ; въ изданіи ученыхъ трудовъ и въ обработкѣ матеріаловъ, полученныхъ прежними раскопками и экскурсіями; наконецъ, въ изслѣдованіи и пополненіи коллекцій Института.

I.

Въ отчетномъ году состоялось два засѣданія, изъ коихъ одно торжественное въ годовщину основанія Института 26 февраля.

Въ торжественномъ засѣданіи послѣ слова Почетнаго Предсѣдателя, кратко характеризовавшаго научную дѣятельность Института въ 1902 г., было сдѣлано два сообщенія: 1) членомъ института о. Паргуаромъ (J. Pargoire) „О Византійскихъ подгородныхъ дачахъ, преимущественно императорскихъ“ — на французскомъ языкѣ; 2) ученымъ секретаремъ Р. Х. Леперомъ „Къ изученію топографіи Константинополя“. Въ заключеніе отчетъ о дѣятельности Института въ 1901 г. былъ доложенъ и. д. ученаго секретаря Б. А. Панченко (напечатанъ въ VII томѣ Извѣстій, стр. 213—244).

Сообщеніе о. Паргуара состояло въ слѣдующемъ. Обычай проводить часть года внѣ городскихъ стѣнъ былъ неизвѣстенъ горожанамъ греческихъ колоній

Византіи и Халкидона и развился съ основаніемъ императорской столицы, благодаря вліянію христіанства, отклонявшаго отъ языческихъ зрѣлищъ и утѣхъ городской жизни, и еще болѣе того подъ вліяніемъ переселенія въ Константинополь знатныхъ римскихъ фамилій, привыкшихъ у себя, въ окрестностяхъ Рима, къ жизни въ богатыхъ виллахъ. Съ основаніемъ императорской столицы берега Босфора и Мраморнаго моря быстро покрываются загородными усадьбами. О. Паргуаръ остановился болѣе подробно на императорскихъ загородныхъ дворцахъ. Болѣе извѣстными являются: Влахернскій дворецъ, св. Мамантъ, гдѣ былъ русскій гостиный дворъ, и Евдомъ за городскими стѣнами; затѣмъ Іерія, Руфиніаны, Вріантъ и другіе по азіатскому берегу Мраморнаго моря. Берега Босфора были покрыты усадьбами частныхъ лицъ, императорскихъ дворцовъ здѣсь почти не извѣстно. Принцевы острова, если и видѣли членовъ императорскихъ династій, то почти исключительно въ качествѣ изгнанниковъ и насильно постриженныхъ. Императорскія резиденціи въ окрестностяхъ Константинополя славились своею роскошью и немедленно возобновлялись послѣ каждаго варварскаго нашествія, каковыхъ было не мало. Среди угодій, которыми онѣ были окружены, замѣчательны рощи и лѣса для охоты, простиравшіеся далеко вглубь Виѳинскихъ горъ. Непоправимый ударъ былъ нанесенъ Византійскимъ предмѣстьямъ западными крестоносцами. Послѣ нихъ если и были за городомъ резиденціи Палеологовъ, то отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Сообщеніе Р. Х. Лепера имѣло своимъ предметомъ расположеніе нѣкоторыхъ главныхъ сооруженій центральной части города. Докладчикъ началъ съ попытки точнѣе опредѣлить положеніе площади Августея. Обычно Августей помѣщается къ югу отъ св. Софіи, и въ юго-западномъ углу его термы Зевксиппа, но такое помѣщеніе противорѣчитъ даннымъ, имѣющимся въ Notitia urbis Constantinopolitanæ (V-го вѣка). Еще болѣе противорѣчитъ ему размѣщеніе зданій на Августеѣ, данное Унгеромъ и одобряемое Стржиговскимъ и акад. Кондаковымъ. По описанію регіоновъ термы Зевксиппа, св. Софіи, св. Ирина и древній акрополь лежали во второмъ регіонѣ; императорскій дворецъ въ первомъ; ипподромъ и вся мѣстность къ югу и западу отъ него въ третьемъ, а Августей и Золотой Миллій въ четвертомъ. Чтобы провести границы сходившихся здѣсь четырехъ регіоновъ, нужно зданія св. Софіи, сената и термъ Зевксиппа помѣстить на одной сторонѣ Августея, именно восточной, причемъ Зевксиппъ находился на южномъ концѣ ея близь ипподрома, а никакъ не къ сѣверу отъ Августея. Такимъ образомъ Августей долженъ былъ приходиться не къ югу, а къ западу или юго-западу отъ св. Софіи. Зданіе сената, послѣ V в. не упоминаемое, вѣроятно, было присоединено со временемъ къ зданію дворца, которое съ теченіемъ вѣковъ все расширялось; здѣсь, вѣроятно, помѣщались впослѣдствіи Магнавра и Консисторія. Между Зевксиппомъ и Сенатомъ лежало зданіе, служившее входомъ во дворецъ, — Халка, состоявшее изъ двора, окруженнаго портиками и помѣщеніями для императорской гвардіи, нумерами и экску-

віями. Представляя отдѣльное зданіе, Халка не подходитъ подъ понятіе palatium въ Notitia XIV regionum. Собственно дворцовыя части, Дафна, Хрисотриклинъ и другія, должны были лежать вдоль восточной стороны Халки, Зевксиппа и ипподрома. Передвинувъ Августей значительно къ западу, можно помѣстить зданія дворца въ верхней части холма, не распространяя ихъ по всему восточному склону до самаго берега моря. На самомъ дѣлѣ въ первомъ регіонѣ, занимавшемъ эту мѣстность, по крайней мѣрѣ въ V вѣкѣ, кромѣ императорскаго дворца находились еще дворцы другихъ членовъ императорскаго семейства, 29 кварталовъ, 118 домовъ, 2 длинныхъ портика и другія общественныя и частныя зданія.

Докладчику представляется возможнымъ опредѣлить восточную границу императорскаго дворца. Къ востоку отъ св. Софіи еще виднѣются девять пилястровъ отъ древнихъ аркадъ съ восточной стороны улицы. Къ востоку отъ мечети Ахмедіэ (гдѣ долженъ былъ находился дворецъ Дафна) также замѣтны въ одномъ переулкѣ остатки древнихъ аркадъ уже съ обѣихъ сторонъ улицы на протяженіи около 200 метровъ. Какъ тѣ, такъ и другіе остатки вполнѣ могутъ быть отнесены къ портику Евбула; этотъ портикъ долженъ былъ начинаться отъ восточной стороны Дафны и, огибая южный край ипподрома, шелъ параллельно берегу Мраморнаго моря къ церкви Богоматери съ жезломъ. Остановившись на устройствѣ аркадъ вообще, г. Леперъ высказалъ предположеніе, что впослѣдствіи колонны аркадъ, которыхъ Notitia urbis Constantinopolitanæ насчитываетъ 52, причемъ нѣкоторыя должны были быть длиною въ нѣсколько верстъ, были употреблены на постройки южной стѣны и цистернъ.

Переходя далѣе къ мѣстности древняго Капитолія, докладчикъ указалъ на остатки большой древней постройки, за каковыя по его мнѣнію нужно признать высокія стѣны, поддерживающія три возведенныя въ одинъ рядъ террассы, на которыхъ теперь стоятъ благотворительныя учрежденія мечети Сулейманіе къ сѣверу отъ мечети. Средняя террасса имѣетъ форму правильнаго, обѣ боковыя — одинаковыхъ неправильныхъ четыреугольниковъ. Западная отдѣлена отъ средней открытымъ прямымъ проходомъ, проходъ же между средней и восточной запертъ, повидимому, древними же воротами. Главная, сѣверная стѣна выведена у всѣхъ трехъ террассъ въ одну линію въ общей сложности на протяженіи около 200 метровъ. Она возвышается на двухъ ступеняхъ и раздѣлена слегка выступающими контрфорсами, которыхъ у обѣихъ боковыхъ террассъ по 11-ти, у средней 10. Стѣны восточной и средней террассъ глухія; только по обѣ стороны воротъ съ каждой стороны имѣется по одному окну. Въ западной же террассѣ между каждыми двумя контрфорсами устроены помѣщенія въ два этажа, причемъ въ нижнемъ имѣется дверь и узкое слуховое окно, въ верхнемъ же по два большихъ окна. Притолка двери образована однимъ большимъ камнемъ, надъ которымъ выведена совсѣмъ плоская арка, пролеты же оконъ крыты полукруглыми каменными арками. По умѣлой кладкѣ, тщательной обработкѣ поверхности камня, отчетливости простыхъ архитектурныхъ

линій, эта стѣна скорѣе всего должна быть отнесена къ первымъ вѣкамъ Константинополя, можетъ быть къ эпохѣ основанія его. Она можетъ быть сопоставлена въ Константинополѣ только съ водопроводомъ Валента и еще болѣе съ могучими каменными сооруженіями Сиріи и Малой Азіи римскаго времени.

Второе засѣданіе 14-го ноября открылось слѣдующею рѣчью директора Института:

„Прежде чѣмъ приступить къ выполненію программы нынѣшняго засѣданія, позволяю себѣ обратиться съ нѣсколькими словами привѣтствія къ присутствующему здѣсь почетному члену Института графинѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Уваровой.

Графиня! Ваше посѣщеніе Константинополя я разсматриваю какъ исполненіе давнишняго обѣщанія. Мнѣ было бы пріятно думать, что между прочимъ и интересъ къ Институту былъ однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ Васъ на это путешествіе. И какъ предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, и какъ предсѣдатель Археологическихъ Съѣздовъ, Вы всегда интересовались судьбами перваго за границей русскаго ученаго учрежденія и неоднократно возбуждали ходатайства отъ имени Археологическаго Общества въ пользу Института. Со своей стороны Институтъ, съ перваго же года существованія своего имѣя Васъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, всегда питалъ къ Вамъ чувства высокаго почтенія и признательности.

Институтъ съ особеннымъ удовольствіемъ считаетъ умѣстнымъ вспомнить въ настоящее время о Вашихъ отмѣнныхъ заслугахъ археологической наукѣ, интересы которой Институту весьма дороги.

Исторія русскаго просвѣщенія отмѣтитъ фактъ весьма большой важности — пробужденіе археологическихъ занятій въ Россіи благодаря заботамъ и стараніямъ графа Уварова и его супруги. Я имѣю въ виду главнѣйше археологическіе съѣзды, которые обладаютъ свойствомъ шевелить чувство уваженія и почитанія къ древности. Я имѣю въ виду также то, чего Вы достигли для воспитанія въ Россіи пониманія древности. И властнымъ словомъ, и настойчивымъ ходатайствомъ, и личными связями въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Вы достигаете того, что скромный голосъ науки выслушивается и ея потребности принимаются во вниманіе.

Привѣтствуя Васъ, графиня, позволяю выразить надежду, что Вы не послѣдній разъ посѣщаете Константинополь, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать пожеланіе, чтобы Ваша полезная дѣятельность продолжалась на многія лѣта.“

Затѣмъ были сдѣланы сообщенія: 1) директоромъ Института „О греческихъ рукописяхъ Серальской библіотеки въ Константинополѣ“, 2)членомъ Института Ѳ. И. Шмитомъ „Къ исторіи монастыря Хоры по лѣтописнымъ даннымъ,“ и 3) ученымъ секретаремъ Р. Х. Леперомъ „О медальонѣ съ изображеніемъ Сапфо.“

Рефератъ директора Института о Серальской библіотекѣ состоялъ въ слѣдующемъ. За описаніемъ общаго состоянія библіотеки слѣдовала характеристика кодекса № 8, который заключаетъ въ себѣ толкованія на первыя книги Библіи

(Октатевхъ). Это прекрасный экземпляръ Восьмикнижія, снабженный громаднымъ количествомъ миніатюръ (свыше 300). Цѣнность этой рукописи видна изъ того, что во всѣхъ европейскихъ книгохранилищахъ имѣется таковыхъ только 4 экземпляра, да и то неполныхъ. Громадный интересъ, соединенный съ этимъ кодексомъ, усматривается и изъ того, что онъ происходитъ изъ царской библіотеки, и что введеніе къ нему принадлежитъ Исааку, сыну царя Алексѣя Комнина. Подробное изслѣдованіе будетъ помѣщено въ Извѣстіяхъ Института.

Ѳ. И. Шмитъ далъ краткій очеркъ исторіи монастыря Хоры. Нѣкоторые литературные памятники, на которыхъ основанъ этотъ очеркъ, не изданы или мало извѣстны. Сюда относятся, во-первыхъ, Дѣянія св. Вавилы Никомидійскаго, подлинность которыхъ оспаривается Болландистами. Можно однако доказать, что св. Вавила, котораго нужно отличать отъ одноименнаго ему патріарха Антіохійскаго, почитался въ Хорѣ до X вѣка. Во-вторыхъ, новыми источниками являются житіе св. Ѳеодора, на значеніе котораго впервые указалъ греческій ученый Мануилъ Гедеонъ, и житіе св. Михаила Синкелла, изданное имъ же, но въ краткомъ пересказѣ. Полныя житія списаны г. Шмитомъ на Аѳонѣ Слѣдуетъ, въ 3-хъ, сообщеніе Никифора Григоры о построеніи церкви Хоры матерью императора Алексѣя Комнина и объ украшеніи ея Ѳеодоромъ Метохитомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и собственныя стихотворенія послѣдняго; наконецъ, извѣстіе Клавиго объ иконѣ Божіей Матери Одигитріи въ церкви Хоры.

Сообщеніе Р. Х. Лепера касалось трехъ тожественныхъ круглыхъ отпечатковъ на глинѣ, пріобрѣтенныхъ Институтомъ.

Въ заключеніе были объявлены избранія въ почетные члены Института: епископа Арсенія, ректора Московской Духовной Академіи, и Н. Ѳ. Каптерева, заслуженнаго профессора той же Академіи; въ члены-сотрудники: г. Поньона (Henri Pognon), консула Франціи въ Алеппо, и г. Годэна (Paul Gaudin), директора желѣзнодорожной линіи Смирна-Кассаба.

II.

Экскурсій было предпринято, директоромъ Института, двѣ: въ Сѣверную Италію и въ Смирну съ окрестностями. Поѣздка въ Сѣверную Италію имѣла цѣлью ознакомленіе съ христіанскими памятниками Равенны и сопровождалась слѣдующими результатами.

Выяснено значеніе загадочныхъ мозаикъ въ церкви св. евангелиста Іоанна. На основаніи изслѣдованія объ этихъ мозаикахъ, принадлежащаго директору Института и помѣщеннаго въ VIII томѣ Извѣстій, оказывается, что мозаики представляютъ собой единственный въ своемъ родѣ памятникъ, именно иллюстрацію событій IV крестоваго похода, окончившагося завоеваніемъ латинянами Константинополя въ 1204 году. Далѣе изученъ любопытный памятникъ въ національномъ музеѣ Равенны. Это весьма рѣдкая артоносица византійскаго происхожденія съ

рельефными изображеніями и надписями. Изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ также напечатано въ VIII томѣ Извѣстій.

Въ Равеннѣ же обращено вниманіе на памятникъ чрезвычайно интересный для сравненія съ такъ называемыми ѳракійскими всадниками. Это камень съ рельефнымъ изображеніемъ всадника, подъ ногами коего левъ, пронзенный стрѣлой. Равеннскій памятникъ напрашивается на сравненіе съ извѣстнымъ изображеніемъ болгарскаго царя Крума на скалѣ возлѣ деревни Мадара.

Поѣздка въ Смирну предпринята была съ цѣлью ознакомленія съ рѣдкой рукописью, хранящейся въ греческой евангелической школѣ, именно съ Восьмикнижіемъ, обильно украшеннымъ миніатюрами. Эта рукопись оказалась стоящею въ весьма близкомъ сродствѣ съ подобнымъ же памятникомъ Серальской библіотеки въ Константинополѣ (n⁰ 8), такъ что изученіе той и другой рукописи приводитъ къ необходимому выводу, что онѣ происходятъ отъ одного и тогоже оригинальнаго кодекса. Начало рукописи попорчено, но изъ сохранившагося перваго листа видно, что Восьмикнижіе начиналось знаменитымъ письмомъ Аристея къ Филократу. Подробности изученія Серальской и Смирнской рукописи Восьмикнижія будутъ сообщены въ приготовляемомъ къ печати изслѣдованіи.

Окрестности Смирны съ недавняго времени стали привлекать къ себѣ вниманіе раскопками, производимымъ въ этой части Малой Азіи германскимъ и австрійскимъ правительствами. Институтъ въ особенности интересовали остатки христіанскихъ памятниковъ, открытыхъ въ Ефесѣ, Милетѣ, Магнезіи и др. городахъ. Нижеслѣдующія замѣтки, сдѣланныя надъ нѣкоторыми вновь открытыми изъ подъ земли церковными памятниками, позволяютъ думать, что интересы христіанской археологіи значительно затронуты этими раскопками.

При осмотрѣ Ефеса было обращено вниманіе на капители съ крестомъ, ангеломъ и орломъ. Привлекаетъ къ себѣ вниманіе также человѣкообразный и звѣриный орнаментъ капителей, имѣющій аналогію въ соборѣ Parenzo. Въ Пріенѣ около театра находятся остатки стѣнъ византійской церкви, въ которой между прочимъ имѣются куски алтарной преграды съ надписью Ἰουλιανὸς ἐπαρχικὸς ὑπέρ . . . , а также и плита съ павлинами, стоящими по обѣ стороны креста. Неподалеку наблюдается полуразрушенная мраморная каѳедра съ орнаментомъ изъ виноградной лозы и фрагментъ крещальни. По всѣмъ признакамъ эти памятники принадлежатъ къ V—VI вѣку. Въ Милетѣ остатками христіанской скульптуры являются капитель съ головою быка и орломъ, также нѣсколько базъ съ крестами и фрагменты мраморныхъ плитъ съ орнаментомъ, состоящимъ изъ разцвѣтшаго креста. На обломкѣ огромнаго карниза читается надпись Παναγίας Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας εἰς τὰ Κύρρου . . , едва ли не первый монументальный памятникъ, на которомъ находимъ выраженіе „παναγία Θεοτόκος“. Другая надпись въ нѣсколько столбцовъ находится на главномъ порталѣ при входѣ въ городъ. Надпись не могла быть прочитана вся: каждый столбецъ начинается загадочнымъ

сочетаніемъ нѣсколькихъ гласныхъ; заканчивается надпись словами: ἀρχάγγελοι, φυλάξετε τὴν πόλιν Μιλησσίων καὶ πάντας κατοικοῦντας ἐν αὐτῇ . . — „архангелы, охраните городъ Милетцевъ и всѣхъ живущихъ въ немъ.“ Въ Магнезіи при Сипилѣ мечеть Улу-джами несомнѣнно построена на мѣстѣ древней христіанской церкви. Сохранились остатки древнихъ стѣнъ, часть церковнаго двора съ нѣсколькими византійскими колоннами. На карнизѣ надъ входомъ въ древнюю церковь читаются остатки надписи, изъ которой видно, что церковь была посвящена архангелу Михаилу и построена въ 6475 г. отъ сотворенія міра, индиктіона 9-го, т. е. въ 966—7 годахъ; прочитать можно слѣдующія слова: τὸν ναὸν ἱεράρχ . . . ἔτους ϛυοε' ἰνδ. θ'. На другой сторонѣ отъ входа тоже на карнизѣ прочитано Μιχαήλ. Въ Іераполѣ однимъ изъ величественныхъ памятниковъ является древній храмъ въ три нефа и едва-ли не съ купольнымъ сводомъ; съ каждой изъ двухъ сторонъ его по 6 пилястровъ; апсида составляетъ совершенно особую пристройку квадратной формы; она приставлена къ восточной стѣнѣ, не будучи соединена съ нею непосредственно, какъ это наблюдается и въ древнихъ сирійскихъ церквахъ. Сохранилось нѣсколько древнихъ колоннъ и кусковъ архитрава съ высѣченными крестами. Въ нарѳикѣ у входа читается надпись, свидѣтельствующая о томъ, что церковь сооружена при патріархѣ Геннадіи, слѣдовательно въ промежутокъ отъ 458 по 471 годъ: † Ἐπὶ τοῦ ἁγιω(τάτου) καὶ θειο(τάτου) ἀρχιεπισκόπου ἡμῶν καὶ πατριάρχου κῦρ Γενναδίου [εὐ]λα(βέστατος) πρεσ(βύτερος) Κυριακὸς . . . . τὸν οὐκ . . . . ἐκγόνων [Ἄν]νας κ(αὶ) Κυριακ(ῆς) [καρπο]φορησ(άντων) κτίσμα τῆς ἐκκλη(σίας) Χρ(ιστοῦ) ἰνδ(ικτιῶνος) ἡ †. На древнемъ кладбищѣ сохранились остатки другого церковнаго зданія, арка и нѣсколько крестовъ надъ входными дверьми.

Въ Смирнѣ директоръ Института имѣлъ случай познакомиться съ коллекціей древностей, собранныхъ г. Годэномъ. Особенно богатъ отдѣлъ вазъ и другихъ издѣлій изъ глины, также коллекція арабскихъ и сельджукскихъ монетъ съ христіанскими эмблемами, а иногда и съ христіанской легендой; далѣе обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько свинцовыхъ тессеръ съ разнообразными изображеніями на одной сторонѣ и надписями на другой, относящихся къ эпохѣ переходной къ византинизму; наконецъ, обильная коллекція христіанскихъ предметовъ, въ особенности ампуллъ.

III.

Въ отчетномъ году продолжалось изученіе памятниковъ и топографіи Константинополя ученымъ секретаремъ Р. Х. Леперомъ. Преимущественно было обращено вниманіе на древнія церкви, обращенныя въ мечети, и на цистерны. При этомъ было замѣчено, что въ пустырѣ, прилегающемъ съ юга къ Эски-Иммаретъ-джами, древней церкви монастыря Пантепопта, хищнически разрываются и ломаются древнія стѣны, среди которыхъ было обнаружено также множество мраморныхъ обломковъ византійской эпохи. Относительно обширной древней церкви

Пантократора (Зейрекъ-килиссе-джами) сдѣлано нѣсколько наблюденій, дающихъ возможность лучше объяснить эту оригинальную постройку, состоящую изъ 3-хъ самостоятельныхъ частей, соединенныхъ между собою арками. При изученіи цистернъ оказалось возможнымъ сдѣлать нѣсколько существенныхъ поправокъ къ капитальной работѣ Стржиговскаго, изучавшаго въ 1893 г. цистерны Константинополя. Одну изъ наиболѣе раннихъ цистернъ, именно цистерну Аэція, сооруженную въ IV в. при имп. Валентѣ, ученые искали до сихъ поръ въ сѣверо-западной части города около нынѣшняго Текфуръ-Сарая. Тамъ дѣйствительно былъ монастырь Аэція. Но по указанію изданнаго недавно проф Дмитріевскимъ Типика Великой Константинопольской церкви, IX—X в, и Сирмондова Синаксаря, въ которыхъ подъ 29 Ноября упоминается освященіе церкви свв. Сергія и Вакха πλησίον τῆς Ἀετίου (не ἀετοῦ) κινστέρνης, цистерна Аэція должна была находиться близь церкви св. Сергія и Вакха. Весьма вѣроятно, что она именно заключена подъ возвышеннымъ незастроеннымъ пространствомъ къ востоку отъ Кучукъ-айя-Софія, которое покоится на сводахъ, скрытыхъ подъ землею и нѣсколько видимыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пространство это прорѣзывается желѣзной дорогой. Сѣверная и восточная части этого пространства уходятъ подъ почву нынѣшнихъ построекъ; съ запада вплотную примыкаютъ дома; въ южной сторонѣ цистерны, облицованной каменной кладкой въ перевязь, какъ въ водопроводѣ Валента, примыкаютъ древнія аркады, своды которыхъ, сложенные изъ кирпича, лежатъ на каменныхъ четыреугольныхъ столбахъ. Эти аркады находились, повидимому, снаружи городской стѣны, принадлежа къ небольшой гавани, и южная стѣна цистерны должна была служить также городской стѣной. Съ западной стороны указываютъ заложенный теперь входъ въ подземелье, въ которомъ по разсказамъ мѣстныхъ жителей лѣтъ 25 тому назадъ видно было множество колоннъ.

Обнаружены далѣе неизвѣстные до сихъ поръ слѣды Cisterna maxima, находившейся подъ форумомъ Константина близь порфировой колонны. Они замѣтны подъ нынѣшними банями къ востоку отъ колонны.

Въ самой большой изъ Константинопольскихъ цистернъ, т. н. Ере-Батанъ Серай, отожествляемой съ построенной Юстиніаномъ цистерной подъ дворомъ Базилики (Высшей школы), можно было сдѣлать наблюденія, не согласныя съ предположеніями Стржиговскаго, на которыхъ онъ основывается при опредѣленіи времени цистернъ, именно будто колонны цистернъ дѣлались спеціально для нихъ. Эта цистерна имѣетъ не менѣе 400 колоннъ, и насколько видно отъ входа, большинство изъ нихъ съ пышными коринѳскими капителями, на которыхъ лежатъ четыреугольныя византійскія подушки (кэмпферы). Но отъ входа же видно, что три колонны вовсе безъ капителей. Такъ какъ и колонны, на которыхъ нѣтъ капителей, длиннѣе прочихъ, то намъ представляется очевиднымъ, что какъ колонны, такъ и капители не дѣлались спеціально для цистерны, а взяты были изъ другихъ построекъ. Также и въ цистернѣ у мечети Султана Селима, относимой Стржигов-

скимъ также къ V в., 27 колоннъ имѣютъ обыкновенныя коринѳскія капители, 28-ая же (во второмъ ряду) капитель съ развѣвающимся аканѳомъ. Трудно допустить и a priori, чтобы для темныхъ подземныхъ помѣщеній дѣлались спеціально изящныя капители. Но если такъ, то попытка Стржиговскаго распредѣлить цистерны Константинополя по эпохамъ на основаніи изученія капителей падаетъ. Зданіями, изъ которыхъ брались колонны для цистернъ, скорѣе всего могли быть портики, украшавшіе улицы Константинополя въ V-омъ вѣкѣ и мало по малу разрушавшіеся. Такъ во время пожара 532 года въ одномъ только портикѣ упало 91 колонны.

Въ теченіе лѣта было произведено Р. Х. Леперомъ археологическое обслѣдованіи части Малоазійскаго берега, противолежащаго Принцевымъ островамъ, съ прилегающими къ нему склонами горъ. Между Карталомъ и Маль-тепе близь мѣстности, сохранявшей еще въ времена Жиля древнее названіе Bryas, около теперешней горы Дракосъ, сохранились два подземелья и въ огородахъ куски разрушенныхъ византійскихъ стѣнъ. По всей вѣроятности это часть тѣхъ именно древнихъ остатковъ, которые мѣстные греческіе изслѣдователи приписываютъ бывшему въ Вріантѣ дворцу имп. Ѳеофила, построенному имъ въ арабскомъ стилѣ по образу Багдадскаго.

На склонѣ холма противъ горы Δράκος слѣды древняго поселенія. Здѣсь, по свидѣтельству крестьянъ, кромѣ другихъ кусковъ мрамора выкопаны были въ прежніе годы три большихъ коринѳскихъ капители римской эпохи, находящіяся теперь въ Мальтепе. Само Мальтепе, расположенное на самомъ берегу моря, находится на мѣстѣ древнихъ развалинъ. При постройкахъ этого года послѣ пожара найдено много мраморныхъ архитектурныхъ частей, большинство которыхъ уничтожено, между прочимъ двѣ интересныхъ базы колоннъ. Далѣе къ западу на половинѣ дороги между Мальтепе и Бостанджикомъ въ устьѣ долины у самаго моря обнаружены также остатки древнихъ зданій, при чемъ одно съ большой апсидой, другое съ тремя апсидами, можетъ быть церковь. Рядомъ открыты были могилы, судя по находкамъ, языческаго времени. Нѣсколько выше въ той же долинѣ находится полуразрушенный мостъ византійской постройки съ тремя пролетами. Западнѣе, недалеко отъ линіи желѣзной дороги, давно извѣстно обширное подземелье, доступное теперь приблизительно въ $^1/_6$ части своего пространства. Въ древности оно несомнѣнно представляло крытую сводами цистерну, но служило въ тоже время основаніемъ для какого-то большого зданія. Обычно это зданіе считаютъ монастыремъ. Но планъ подземелья никоимъ образомъ не подходитъ къ монастырской постройкѣ; скорѣе слѣдуетъ предполагать, что тутъ находился дворецъ въ мѣстности Σάτυρος, упоминаемый у Константина Багрянороднаго. Въ Бостанджикѣ у самой почти станціи вырыто нѣсколько совсѣмъ новыхъ мраморныхъ колоннъ и базъ. На склонѣ горъ къ сѣверу отсюда сохранилось нѣсколько агіасмъ, отмѣчающихъ мѣсто бывшихъ здѣсь очевидно въ большомъ количествѣ древнихъ монастырей. Къ сѣверу отъ Мальтепе агіасма св. Троицы, въ двери которой

вдѣланы куски колоннъ изъ прекраснаго розоваго мрамора. Слѣдующая гора къ западу составляетъ южный отрогъ Каишъ-дага, горы св. Авксентія. На самой вершинѣ горы св. Авксентія наблюдаются развалины церкви, въ которыхъ находятъ кусочки мозаикъ: это очевидно остатки монастыря св. Авксентія, построеннаго на мѣстѣ кельи, въ которой спасался въ V в. этотъ святой. На южномъ склонѣ горы сохранились развалины двухъ церквей, окруженныя большой толстой стѣной, сложенной въ сухую изъ необдѣланныхъ камней. Это несомнѣнно развалины женскаго монастыря Трихинарій, построеннаго самимъ Авксентіемъ.

Южный отрогъ этой горы представляетъ отдѣльную вершину Баши-буюкъ, это по всей вѣроятности древняя Оксія; на южномъ склонѣ ея при постройкѣ дома новымъ владѣльцемъ мѣстности Сурьей-пашей обнаружено было много архитектурныхъ частей церкви и нѣсколько могилъ. Съ любезнаго разрѣшенія владѣльца Институтомъ произведены были на мѣстѣ дальнѣйшія раскопки съ цѣлью найти самую церковь. Церковь оказалась сильно разрушенной. Стѣны ея сохранились въ нѣкоторыхъ только частяхъ до $1\frac{1}{2}$ метра высоты. Удалось однако опредѣлить весь планъ ея и собрать большое количество интересныхъ архитектурныхъ частей. Церковь должна была быть очень богатою, такъ какъ найдены были кусокъ колонны изъ зеленаго мрамора, дверные наличники изъ розоваго мрамора, части разноцвѣтнаго мраморнаго пола и мраморной облицовки стѣнъ, наконецъ кусочки мозаики.

Найдены были и два къ сожалѣнію незначительныхъ куска древнихъ языческихъ надписей и части языческаго храма, который долженъ былъ быть по близости. Кромѣ того имѣется цѣлый рядъ стѣнъ, свидѣтельствующихъ, что здѣсь былъ большой монастырь. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что это монастырь Архангела Михаила, построенный вѣроятно еще патріархомъ св. Игнатіемъ въ IX в. и въ всякомъ случаѣ возобновленый въ XIII в. дѣдомъ императора Михаила Палеолога великимъ дукой Алексѣемъ и женою его Ириной Комниной.

На желѣзнодорожной станціи Хайдаръ-паша обнаружены были фундаменты древней постройки, къ сожалѣнію въ значительной степени уничтоженныя уже къ тому времени, когда они были замѣчены членами Института. Съ любезнаго разрѣшенія администраціи желѣзной дороги и порта, предоставившей въ распоряженіе Института свои планы и рабочихъ для разрѣшенія остававшейся нераскопанной части фундаментовъ, составленъ подробный планъ бывшихъ здѣсь построекъ. Изъ плана слѣдуетъ, что здѣсь находилась большая византійская церковь, построенная вѣроятно на развалинахъ древняго языческаго храма. Сфотографировано и довольно много архитектурныхъ остатковъ. Кромѣ того на станціи оказалось нѣсколько привезенныхъ съ линіи греческихъ надписей съ посвященіемъ богу Рѣки (Ποταμῷ) и двѣ большихъ плиты изъ дикаго камня съ интересными рельефами въ восточно-христіанскомъ стилѣ.

Предварительныя свѣдѣнія о результатахъ разысканій, предпринятыхъ директоромъ Института въ рукописномъ собраніи Стараго Сераля въ Константинополѣ, изложены выше, въ отдѣлѣ о засѣданіяхъ Института.

Въ Кахріэ-джами продолжались работы членомъ Института, художникомъ Н. К. Клуге. Въ отчетномъ году имъ снятъ самый детальный, на основаніи возможно точныхъ измѣреній, планъ Кахріэ и выполнены чертежи поперечнаго и продольнаго разрѣзовъ мечети. При этомъ обнаружилась полная несимметричность постройки; ясно выдѣляются части церкви, построенныя позднѣе. Внутри Кахріэ сфотографированы на пантохроматическихъ пластинкахъ всѣ мозаики, числомъ около 70; работа была сопряжена съ большими техническими трудностями. При очисткѣ мозаикъ на большой композиціи Деисуса открыта надпись; въ барабанѣ юго-восточнаго купола обнаружены неизвѣстныя до сихъ поръ фрески и очищена нижняя половина фигуры въ три четверти человѣческаго роста. Въ ближайшихъ окрестностяхъ мечети Кахріэ найдены въ разныхъ мѣстахъ остатки древнихъ построекъ, которыя повидимому составляли часть монастыря Хоры, для котораго нынѣшняя Кахріэ являлась соборнымъ храмомъ.

Членъ Института Ѳ. И. Шмитъ продолжалъ разысканія въ области исторіи Кахріэ-джами, результаты которыхъ были имъ изложены въ статьѣ „Мозаики и фрески Кахріэ-джами", напечатанной въ VIII томѣ Извѣстій Институтъ командировалъ Ѳ. И. Шмита на Аѳонъ, гдѣ имъ было списано два документа по исторіи Хоры и произведено нѣсколько работъ въ области агіографіи.

IV.

Дѣятельность Института по научной обработкѣ добытыхъ матеріаловъ и изданію трудовъ его членовъ выразилась въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ, помѣщенныхъ въ вышедшихъ за отчетный годъ выпускахъ Извѣстій.

Въ 2—3 вып. VII тома: изслѣдованіе директора Института „Археологическіе памятники Сиріи", съ 47 таблицами. Тамъ же напечатанъ Отчетъ за 1900 г.

Въ 1—2 вып. VIII тома помѣщены статьи: L. Petit, „Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzès métropolitain de Trébizonde", Б. А. Панченко, „Памятникъ Славянъ въ Виѳиніи VII вѣка" (съ 1 табл.); Ѳ. И. Успенскій, „Фрагменты мозаичной росписи въ церкви св. евангелиста Іоанна въ Равеннѣ"; А. А. Павловскій и Н. К. Клуге, „Мадеба" (съ 16 табл.); Г. П. Беглери, „Святая Софія"; Ѳ. И. Шмитъ, „Мозаики и фрески Кахріэ-джами" (съ 3 табл.); Р. Х. Леперъ, „Греческая надпись изъ Инеболи" (съ 1 рис.).

Вышедшіе въ отчетномъ году выпуски Извѣстій сопровождались весьма значительнымъ числомъ художественныхъ приложеній, исполненныхъ цинкографіей, фототипіей, фотогравюрой и хромолитографіей. Въ виду значительнаго увеличенія рисунковъ, плановъ и таблицъ форматъ Извѣстій, начиная съ VIII тома, оказалось необходимымъ измѣнить, придавъ имъ видъ большинства археологическихъ журналовъ съ таблицами при текстѣ.

V.

Коллекціи Института были значительно пополнены какъ покупкою, такъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и пожертвованіями нѣкоторыхъ членовъ Института и лицъ, сочувствующихъ его задачамъ. Институтъ считаетъ своимъ долгомъ высказать жертвователямъ глубокую благодарность.

Восемь надписей изъ Самсуна было доставлено Россійскимъ вице-консуломъ въ этомъ городѣ В. Ѳ. Калемъ, одна изъ нихъ въ оригиналѣ, прочія въ хорошихъ эстампажахъ. Одна изъ надписей — обломокъ посвятительной I—II в. по Р. Х., остальныя — надгробныя разныхъ эпохъ. Надписи эти тѣмъ болѣе интересны, что до сихъ поръ изъ Самсуна, древняго Амиса, были извѣстны всего двѣ незначительныя греческія надписи. Доставленные Институту памятники даютъ интересныя данныя для изученія населенія края, именъ, равно какъ титуловъ должностныхъ лицъ въ Самсунѣ въ римскую императорскую эпоху и названіе одной филы по имени Августа. Одна надпись стихотворная; интересны рельефы на трехъ надгробныхъ памятникахъ. Изданы въ Извѣстіяхъ Института, т. IX, стр. 249 сл.

При разборѣ остававшихся неизданными надписей изъ музея Института обнаруженъ фрагментъ греческаго декрета изъ Никомидіи, въ которомъ упомянутъ законъ Гнея Лентула, консула 72 г. до Р. Х., подтвердившій распоряженія Помпея послѣ завоеванія владѣній царя Митридата. Одна изъ надписей, пожертвованная Институту бывшимъ его Почетнымъ Предсѣдателемъ А. И. Нелидовымъ, носитъ на себѣ рельефное изображеніе божества Рѣки и посвящена была двумя братьями изъ Атталіи (Мизійской, такъ какъ изъ этой мѣстности извѣстно нѣсколько посвященій богу Рѣки).

По случайному стеченію обстоятельствъ изъ той же почти мѣстности, именно изъ окрестностей Gelembo (др. Germe) поступило другое пожертвованіе, сдѣланное г. Годэномъ (P. Gaudin), директоромъ желѣзной дороги въ Смирнѣ. Даръ этотъ состоитъ изъ 17 глиняныхъ сосудовъ и 4-хъ глиняныхъ же веретенныхъ колецъ. Сосуды и кольца обнаруживаютъ первобытную технику, не знавшую ни гончарнаго колеса, ни обжигательной печи. Характерны украшенія въ видѣ круглыхъ бугорковъ; узоры простые линейные, отчасти выцарапанные, отчасти наведенные буроватой краской. По техникѣ, формамъ и узорамъ сосуды эти представляютъ аналогію съ глиняными произведеніями, найденными на мѣстѣ древней Трои, въ поселеніяхъ, существовавшихъ до Трои микенской эпохи. Подобные сосуды найдены, насколько извѣстно, лишь въ м. Bösöjük, во Фригіи, къ сѣверу отъ нын. Эскишеира. Они свидѣтельствуютъ о томъ, насколько населеніе до-микенской Трои было однородно съ населеніемъ внутреннихъ мѣстностей Мизіи и западной Фригіи. Конечно, нельзя было бы утверждать, что Безеюкскіе сосуды одновременны со сходными Троянскими: первобытная техника должна была внутри материка держаться дольше, чѣмъ въ Троѣ, на мѣстѣ которой въ VIII в. появились греческіе поселенцы.

Изъ другихъ пріобрѣтеній Института интересны 3 летающихъ амура изъ терракотты, со слѣдами окраски и позолоты, происходящіе изъ Самсуна и принадлежащіе, вѣроятно, римской эпохѣ; оттуда же привезены 3 сосуда со слѣдами красной и голубой краски и позолоты; терракоттовая женская головка греческой работы; три глиняныхъ одинаковыхъ отпечатка, оказавшіеся, какъ выяснилъ г. Своросъ въ статьѣ, помѣщенной въ VIII т. Извѣстій, неизвѣстнаго назначенія печатями греческаго города Кіоса на Мраморномъ морѣ.

Изъ византійскихъ древностей наиболѣе цѣнны бронзовая прекрасной сохранности чаша (37 см. въ діаметрѣ) для святой воды, съ двумя подвижными ручками снаружи, внутри чаши выгравированы по четыре креста съ кружками на всѣхъ восьми углахъ; на днѣ изображеніе голубя; по краю идетъ стихотворная надпись, гласящая: Τριάδος ἡ φανέρωσις ἐν Ἰορδάνῃ γέγονε· σταυρὸς (ὑ)ψοῦται σήμερον καὶ κόσμος ἁγιάζεται· ὕπαγε νίψου εἰς τὴν κολυμβήθραν τοῦ Σιλ(ω)άμ.

Изъ другихъ пожертвованій наиболѣе цѣнныя сдѣланы гг. Мавроммати въ Мерсинѣ и Гулино въ Родосѣ. Всего поступило въ музей за отчетный годъ, кромѣ моливдовуловъ, монетъ и рукописей — 130 предметовъ.

Монетъ пріобрѣтено покупкою 5 золотыхъ, 19 серебряныхъ, 47 мѣдныхъ; пожертвовано 14 серебряныхъ и 50 мѣдныхъ. Болѣе интересны изъ нихъ золотые солиды императоровъ Констанція, Валента и Іовіана, полученныя изъ Аравіи; золотая монета Константа и сына его Константина Погоната, серебряная сербская монета XIII—XIV в., даръ г-жи Брандтъ.

Моливдовуловъ пріобрѣтено покупкою 241. Между ними представляютъ интересъ не встрѣчавшаяся до сихъ поръ свинцовая печать Юстиніана Великаго съ его изображеніемъ въ діадемѣ, какъ наблюдается на монетахъ. Не менѣе замѣчателенъ моливдовулъ послѣдняго греческаго императора, Давида Комнина, правившаго въ Трапезундѣ. Фрагментъ этого памятника былъ уже изданъ, но легенда не могла быть прочтена вѣрно. Членъ Института Г. П. Беглери пріобрѣлъ въ Смирнѣ полный экземпляръ и пожертвовалъ его Институту, помѣстивъ его фототипію и свою о немъ замѣтку въ VIII томѣ Извѣстій. Вся коллекція моливдовуловъ, собранная Институтомъ преимущественно путемъ покупокъ въ Константинополѣ, превысила въ отчетномъ году двѣ съ половиной тысячи пьесъ, изъ коихъ большинство оказывается не изданными. Подробное описаніе коллекціи съ фототипическимъ воспроизведеніемъ экземпляровъ, представляющихъ болѣе значительный интересъ для археологіи и исторіи, начато печатаніемъ въ Извѣстіяхъ и выйдетъ отдѣльно, обѣщая представить для изученія Византіи обильный новый матеріалъ. Составляющій украшеніе коллекціи моливдовулъ Славянъ въ Виѳиніи въ отчетномъ году былъ изданъ и изслѣдованъ въ спеціальной статьѣ и. д. ученаго секретаря Б. А. Панченко.

Коллекція рукописей умножилась пріобрѣтеніемъ пергаменнаго свитка (кондакія) XI—XII в., съ молитвами въ праздникъ св. Троицы; большой пергаменной

рукописи прекраснаго письма X—XI в., содержащей бесѣды I. Златоуста; пергаменной рукописи XI—XII в., содержащей евангельскія чтенія на весь годъ, съ интересными данными для греческаго мѣсяцеслова; бумажной рукописи XVI—XVII в. съ музыкальными нотами, литургическаго содержанія. Рукописная коллекція Института дошла въ отчетномъ году до 116 греческихъ рукописей или фрагментовъ, 30 славянскихъ и 5 восточныхъ. Кромѣ того, пріобрѣтено 5 румынскихъ документовъ XVII и XVIII вв., относящихся къ владѣніямъ румынскихъ монастырей. Всего въ отчетномъ году Институтъ собралъ 10 румынскихъ и 3 греческихъ подлинныхъ документовъ или грамотъ.

Въ библіотеку Института поступило покупкой, въ обмѣнъ и пожертвованіемъ книгъ, брошюръ и плановъ 647 томовъ при 291 новыхъ названіяхъ. Всего съ прежними состояло 5836 названій въ 14,373 томахъ.

Наиболѣе цѣнными пріобрѣтеніями библіотеки являются слѣдующія изданія:

Mai, Nova Bibliotheca Patrum; Salazaro, Studi sui monumenti della Italia meridionale; Ephraemi Syri Sermones; Beylié, L'Habitation Byzantine; Gravina, Il duomo di Monreale; Furtwaengler, Die Sammlung Sabouroff; Sabatier, Iconographie de 5000 médailles; Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, полная серія; Boehmer, Regesta Imperii; Hartwig, Griechische Meisterschalen der Blüthezeit; Neumann, Dom von Parenzo; Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae; часть серій Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, Mémoires de l'Académié des Inscriptions; Pollak, Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze S. E. A. I. v. Nelidow.

Институтъ считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность слѣдующимъ лицамъ, пополнившимъ своими пожертвованіями библіотеку Института:

Андрееву, И. Д.; Беглери, Г. П.; Beylié, L.; Brandenburg, E.; Buchholtz, A.; Васильеву, А. А.; Vukčević, M.; Голубинскому, Е. Е.; Delehaye, J.; Державину, Н. С.; Дмитріевскому, А. А.; Зиновьеву, И. А.; Jireček, C.; г. Iovanović; Kinch, K. F.; Michel, K.; Milani, L.; Минорскому, В. Ѳ.; Начову, Н. А.; Нелидову, А. И.: Остроумову, Н. П.; Palmieri, A.; Попруженко, М. Ю.; Регелю, В. Э.; Рѣдину, Е. К.; Смирнову, А. И.; Смирнову, Я. И.; Соколову, И. И.; Фармаковскому, Б. В.

Отчетъ

о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1903 годъ.

Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ Высочайше повелѣть соизволилъ отпустить изъ 12-милліоннаго фонда на непредусмотрѣнныя смѣтами надобности, на научныя изданія Института, 5000 р. въ 1903 г. и равную сумму отпустить въ 1904 г. изъ того же источника.

Члену Института Ѳ. И. Шмиту была продолжена командировка на третій годъ. Вновь былъ командированъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода, для занятій въ Институтѣ, профессорскій стипендіатъ СПБ. Духовной Академіи И. А. Карабиновъ.

Дѣятельность Института въ 1903 году выражалась: въ устройствѣ засѣданій и въ чтеній лекцій; въ изданіи научныхъ трудовъ; въ изслѣдованіи мѣстныхъ древностей и рукописей въ Сералѣ; въ экскурсіяхъ съ научной цѣлью; въ пополненіи и описаніи коллекцій Института — музея, рукописнаго собранія и библіотеки.

I.

Въ текущемъ году состоялось три засѣданія Института, изъ коихъ одно торжественное. Въ торжественномъ засѣданіи 9 марта сдѣлано было два сообщенія, членомъ Института о. Паргуаромъ (J. Pargoire) и и. д. ученаго секретаря Б. А. Панченко.

Сообщеніе о. Паргуара было посвящено топографіи византійскаго Константинополя. Предметомъ его было именно разъясненіе вопроса о положеніи дворца св. Маманта, возлѣ котораго, какъ извѣстно, находилось подворье русскихъ купцовъ. Въ противоположность установившемуся воззрѣнію, по которому дворецъ въ кварталѣ св. Маманта лежалъ за стѣнами Стамбула по дорогѣ въ С. Стефано или же въ глубинѣ Золотого Рога въ нынѣшнемъ Эйюбѣ, о. Паргуаръ доказывалъ обстоятельнымъ сопоставленіемъ историческихъ данныхъ, что мѣстностью дворца Маманта является нынѣшній Бешикъ-ташъ. Сообщеніе о. Паргуара въ дополненномъ видѣ напечатано въ IX томѣ Извѣстій Института.

Второе сообщеніе, принадлежащее Б. А. Панченко, было озаглавлено: „Крестьянскій Законъ, приписанный императорамъ иконоборцамъ". Было указано на судьбу вопроса объ общинномъ землевладѣніи на Западѣ и въ Византіи, въ частности на теорію славянской общины въ Византіи; затѣмъ были сообщены новые выводы, къ которымъ докладчикъ пришелъ при изученіи Крестьянскаго Закона.

Послѣ чтенія выдержки изъ отчета Института за 1902 г. ученымъ секретаремъ Р. Х. Леперомъ состоялось избраніе въ члены Института слѣдующихъ лицъ: въ почетные члены — епископа Сергія, Ректора С. Петербургской Духовной Академіи; Константина Иречка (C. Jireček), профессора и академика въ Вѣнѣ; Генриха Гельцера (H. Gelzer), профессора университета въ Іенѣ; П. Каввадіаса (Π. Καββαδίας), главнаго эфора древностей въ Греціи, и І. Н. Свороноса (Ἰ. Ν. Σβορῶνος), директора Нумизматическаго музея въ Аѳинахъ. Въ члены Института были избраны Б. В. Фармаковскій, членъ Императорской Археологической Коммиссіи; Н. Я. Марръ, ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго Университета; М. И. Ростовцевъ, докторъ классической филологіи (послѣдній изъ членовъ-сотрудниковъ). Въ члены-сотрудники Института были избраны Н. П. Остроумовъ, директоръ Ташкентской учительской семинаріи; Н. С. Державинъ, преподаватель мужской гимназіи въ Батумѣ; гг. Адольфъ Вильгельмъ (A. Wilhelm) и Рудольфъ Гебердей (R. Heberdey), секретари Австрійскаго Археологическаго Института, и Теодоръ Вигандъ (Th. Wiegand), директоръ при Берлинскихъ Королевскихъ Музеяхъ.

20 апрѣля состоялось засѣданіе, на которомъ П. Б. Мансуровъ сдѣлалъ сообщеніе о Патріаршей богословской школѣ на о. Халки.

Третье засѣданіе Института было осенью, 16 ноября. Предметомъ занятій было, во-первыхъ, сообщеніе директора Института „О вновь открытыхъ на о. Критѣ археологическихъ памятникахъ".

Систематическія раскопки на островѣ Критѣ были начаты въ 1900 году. Уже въ началѣ слѣдующаго года стали появляться извѣстія о чрезвычайно важныхъ и любопытныхъ находкахъ, — говорили не только объ открытіи дворца миѳическаго царя Крита, мудраго Миноса, но еще и о томъ, что при расчисткѣ этого дворца найдены письменные памятники, именно покрытыя письменами глиняныя дощечки. Если вспомнимъ, что время царя Миноса даже отъ Троянской войны отдѣляется громаднымъ періодомъ, и если примемъ въ соображеніе, что появленіе письма обыкновенно относятъ лишь къ VIII в. до нашей эры, то можно понять, съ одной стороны, высокій интересъ, съ другой же, и нѣкоторое недовѣріе по поводу слуховъ о сдѣланныхъ на Критѣ открытіяхъ.

Но вскорѣ затѣмъ появились отчеты о раскопкахъ въ спеціальныхъ журналахъ, въ которыхъ обстоятельно и убѣдительно доказывалось, что вновь найденныя на Критѣ древности относятся къ гораздо болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ открытыя Шлиманомъ. Хотя справедливость этой мысли не подлежитъ сомнѣнію, но вѣрно

также и то, что критскія древности, т. е. предметы домашняго употребленія и произведенія искусства, открытые здѣсь новѣйшими раскопками, весьма близки къ тѣмъ, что были открыты въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Шлиманомъ и слывутъ въ археологіи подъ названіемъ *микенскихъ* древностей. Такимъ образомъ, критскими находками разъясняется вопросъ о такъ называемомъ микенскомъ періодѣ искусства или, въ болѣе широкомъ смыслѣ, о томъ періодѣ человѣческой культуры, который характеризуется предметами промышленности и торговли въ бассейнѣ Средиземнаго моря въ доисторическія времена (эпоха отъ 2000 до 1200 гг. до Р. Х.).

Нельзя сказать, чтобы открытія англичанина Иванса (Evans) въ Кноссѣ, близь Кандіи, были столь же неожиданными, какъ открытія Шлимана на мѣстѣ древней Трои. Послѣдній руководился болѣе инстинктомъ и чутьемъ, первый же имѣлъ болѣе или менѣе опредѣленныя указанія, что близь Кандіи подъ верхнимъ слоемъ земли находятся развалины древнихъ построекъ и что на этомъ мѣстѣ попадались разныя находки. Но то, что онъ обнаружилъ раскопками въ первый же годъ, далеко превзошло всѣ ожиданія и побудило счастливаго археолога продолжать работы на томъ же мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Предполагая въ дальнѣйшемъ вести рѣчь о критскихъ древностяхъ вообще, мы должны замѣтить, что одновременно съ Ивансомъ въ разныхъ мѣстахъ Крита произведены были раскопки итальянцами и американцами. Итальянская коммиссія производила раскопки въ Фестѣ и его окрестностяхъ; двѣ американскія миссъ раскопали мѣстечко Кавуси.

Такъ какъ всѣ найденные предметы по основнымъ законамъ о древностяхъ, дѣйствующимъ на Критѣ, удерживаются въ странѣ и не продаются и не вывозятся за границу, то въ находящемся въ Кандіи музеѣ можно съ большимъ удобствомъ осматривать и изучать все разнообразіе археологическихъ предметовъ, найденныхъ и открытыхъ раскопками въ разныхъ частяхъ Крита. Исключеніе составляетъ архитектура зданій, планъ и расположеніе построекъ, — это нужно осмотрѣть на мѣстѣ. Для Кносса это не представляетъ затрудненій, ибо онъ находится въ часовомъ разстояніи отъ Кандіи, и туда можно ѣхать въ экипажѣ. Не то развалины Феста, Гортины, въ мѣстности Ἁγία Τριάδα и другихъ. Онѣ находятся въ разстояніи 8 или 10 часовъ пути отъ Кандіи. Единственное средство передвиженія по горнымъ мѣстамъ Крита, при отсутствіи путей сообщенія, это путешествіе верхомъ. Кромѣ того, путешественникъ долженъ быть готовъ ко всѣмъ лишеніямъ и неудобствамъ на ночлегахъ, иначе предпочтительнѣй ограничиться осмотромъ Кносса и не рисковать поѣздкой внутрь страны.

Вслѣдствіе указанной выше организаціи музея и въ виду состоянія раскопанныхъ памятниковъ, нельзя сказать, чтобы посѣщеніе мѣстъ раскопокъ было особенно поучительно. Эти памятники не могутъ поразить ни величиной и оригинальностью, ни своимъ стилемъ, такъ какъ вообще сохранились лишь осно-

ванія зданій и рѣдко-рѣдко два-три ряда кладки изъ камней. Древнія постройки въ большинствѣ были въ одинъ этажъ; если были вторые этажи, то всегда изъ дерева и потому не могли сохраниться. Въ высшей степени трудно по сохранившимся остаткамъ составить себѣ опредѣленное представленіе о планѣ зданій.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ ограничиться краткими замѣчаніями. Самое громадное изъ открытыхъ зданій есть дворецъ въ Кноссѣ и прилегающія къ нему постройки. Въ высшей степени любопытно, что эта царская резиденція построена не на холмѣ, какъ большинство древнихъ акрополей, и не окружена стѣнами, а расположена въ равнинной и нѣсколько покатой мѣстности и не имѣетъ вида на море. Вся раскопанная по настоящее время довольно обширная площадь, на которую бросить общій взглядъ позволяетъ спеціально для того построенная башня, въ сущности не даетъ еще понятія о древнемъ Кноссѣ, а лишь о царскихъ помѣщеніяхъ. Самый городъ или, во всякомъ случаѣ, множество зданій кругомъ дворца еще не открыто, не найдено пока и мѣсто погребенія (некрополь), изъ чего можно заключить, что предстоитъ еще въ будущемъ много труда, а можетъ-быть, и неожиданныхъ открытій. Всматриваясь въ расположеніе различныхъ частей дворца и слѣдя за направленіемъ фундамента стѣнъ, можно замѣтить, что подъ нимъ находятся болѣе древнія постройки, которыя, въ свою очередь, лежатъ на слоѣ культуры *каменнаго вѣка* (неолитическій періодъ).

Объ общемъ планѣ дворцовыхъ построекъ, которыя состоятъ изъ огромнаго количества маленькихъ комнатъ, можно сказать слѣдующее. Нужно различать парадныя комнаты и залы, имѣвшія общественное назначеніе; затѣмъ жилыя помѣщенія для мужчинъ и, наконецъ, женскія помѣщенія. Портики и террасы украшали парадную часть дворца и женское отдѣленіе, расположенное на сѣверъ, гдѣ было больше прохлады. Весьма любопытны помѣщенія, предназначенныя для кладовыхъ, гдѣ хранились, между прочимъ, и драгоцѣнности, и гдѣ найдено множество глиняныхъ сосудовъ (πίθοι), предназначенныхъ для храненія хлѣба, масла, вина и другихъ хозяйственныхъ предметовъ. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ открыты спеціальныя залы: двойного топора, тронная и ванная. Зала съ изображеніемъ въ ней двойного топора имѣетъ весьма большой интересъ. Если двойной топоръ имѣлъ въ Критѣ религіозное значеніе и обозначалъ религіозный символъ, то весьма вѣроятно, что сказаніе о *лабиринтѣ* найдетъ себѣ простое объясненіе въ томъ, что двойная сѣкира по-гречески называется λάβρυς, т.-е. что лабиринтъ значитъ зданіе двойной сѣкиры или топора.

Переходимъ къ ознакомленію съ музеемъ, въ которомъ выставлены, какъ сказано выше, всѣ предметы, найденные и открытые раскопками въ разныхъ частяхъ Крита. Собранные въ музеѣ предметы имѣютъ ту существенную особенность, что составляютъ значительный и довольно разнообразный матеріалъ для характеристики одной и той же культуры и приблизительно одного и того же хронологическаго періода.

Въ наукѣ принято обозначать наименованіемъ *микенскаго искусства* произведенія той техники и промышленности, образцы которой находятся, между прочимъ, въ витринахъ и на стѣнахъ кандійскаго музея. Имя „микенское искусство" въ данномъ случаѣ не обозначаетъ происхожденія его изъ Микенъ: напротивъ, однородные и относящіеся къ тому же наименованію предметы находимы были на о-вѣ Ѳерѣ (Санторинъ), въ Троѣ, въ Тиринѳѣ, въ Микенахъ и въ другихъ мѣстахъ, и притомъ какъ въ Греціи, такъ и на островахъ. Такимъ образомъ, наименованіе скорѣй указываетъ на типъ предметовъ, найденныхъ въ наибольшемъ количествѣ въ Микенахъ Шлиманомъ, и на опредѣленную стадію культурнаго развитія человѣчества, чѣмъ на мѣсто происхожденія подразумѣваемыхъ предметовъ. Критскіе предметы, относясь къ типу микенскихъ памятниковъ, могутъ быть объясняемы параллельными произведеніями, собранными въ національномъ музеѣ въ Аѳинахъ (отдѣлъ шлимановскихъ витринъ), и, въ свою очередь, сами объясняютъ и дополняютъ многое въ памятникахъ, открытыхъ Шлиманомъ. Итакъ, Критъ входитъ въ разрядъ областей съ господствующимъ микенскимъ типомъ искусства, хотя этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы микенское искусство могло когда-нибудь перемѣнить свое имя въ пользу Крита. — Прежде всего въ музеѣ обращаютъ на себя вниманіе произведенія *живописи*. Не потому этимъ памятникамъ слѣдуетъ дать первое мѣсто, чтобы ихъ было много, или чтобы они господствовали надъ другими, а скорѣй по ихъ внутреннему значенію и качественности, по краскамъ и композиціи и по выраженной въ нихъ идеѣ. Живопись покрывала сплошь цѣлыя стѣны въ нѣкоторыхъ комнатахъ дворца и, судя по сохранившимся остаткамъ, представляла разнообразные сюжеты. Живопись, кромѣ того, примѣнялась къ росписи саркофаговъ, къ украшенію глиняныхъ сосудовъ и вазъ. Живопись на стѣнахъ парадныхъ залъ и жилыхъ помѣщеній разрушалась постепенно вмѣстѣ съ паденіемъ стѣнъ и представляла уже небольшіе остатки, когда открыта была раскопками. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ сохранившихся изображеній погибли при снятіи ихъ со стѣнъ вмѣстѣ съ штукатуркой, о чемъ свидѣтельствуютъ кучи штукатурки съ кусками, покрытыми краской, у стѣнъ и въ углахъ нѣкоторыхъ комнатъ. Большую привлекательность имѣетъ изученіе критской живописи въ связи съ рельефами на камняхъ, съ рисунками на вазахъ и, наконецъ, съ произведеніями художественной промышленности изъ металла: кольцами, бусами, ожерельями, оружіемъ, кубками и т. п. Тѣ и другія взаимно пополняютъ и объясняютъ себя, показывая во многихъ случаяхъ единство сюжетовъ и общность художественныхъ пріемовъ.

Большія композиціи чаще всего представляли религіозныя сцены: процессіи, жертвоприношенія; но, несомнѣнно, сюжеты брались и изъ частной жизни; такъ, есть композиціи охоты, встрѣчаются картинки изъ природы: пейзажи, растенія и животныя, особенно часто рыбы; осьминогъ далъ матеріалъ для различныхъ варіацій орнамента.

Самый выразительный примѣръ рисунка на стѣнѣ представляетъ фрагментъ (очевидно изъ большой религіозной композиціи) юноши, несущаго сосудъ для вина:

это во всѣхъ отношеніяхъ лучшій остатокъ фресковой живописи. Основной тонъ рисунка — коричневая краска, которою сдѣланы лицо, бюстъ и руки: это общее правило въ рисункѣ микенскаго періода, что мужская фигура изображается коричневымъ цвѣтомъ, женская сѣрымъ и бѣлымъ. Головной уборъ обозначенъ темнымъ цвѣтомъ, волосы спускаются на плечи длинными прядями, причесаны тщательно въ кольца и букли; прическа лучше, впрочемъ, можетъ быть наблюдаема на женскихъ фигурахъ. Поясница и бедра покрыты узкой одеждой, которая стянута поясомъ, украшеннымъ золотымъ шитьемъ. Одежда цвѣтная съ рисункомъ. Ноги, какъ можно судить по другимъ лучше сохранившимся рисункамъ, безъ обуви. О любви къ украшеніямъ свидѣтельствуетъ то, что на занимающемъ насъ рисункѣ мы видимъ цѣпь на шеѣ, серьги, браслеты на рукахъ и на ногахъ и, кромѣ того, двойные браслеты на рукѣ выше локтя. Ваза не имѣетъ ножекъ, она очевидно употреблялась въ процессіяхъ: правой рукой юноша придерживаетъ вазу за ручку, лѣвой обхватилъ ее снизу.

Лучшимъ по композиціи и сохранности памятникомъ слѣдуетъ признать найденный въ предшествовавшемъ году саркофагъ или ящикъ, въ который трупъ клали съ согнутыми ногами и въ полулежачемъ положеніи. Онъ сдѣланъ изъ камня и покрытъ снаружи штукатуркой, по которой имѣется роспись красками. Лицевая сторона представляетъ религіозную сцену. Съ одной стороны видимъ женщину въ парадной одеждѣ, за ней двое слугъ несутъ корзину. Далѣе нѣсколько мужскихъ фигуръ съ жертвенными животными направляются къ алтарю, возлѣ котораго стоитъ жрецъ. Весьма любопытно отмѣтить, что платье на нѣкоторыхъ мужскихъ фигурахъ состоитъ изъ короткой и тѣсно облегающей бюстъ одежды и изъ широкихъ штановъ, падающихъ отъ пояса внизъ большими складками съ клиномъ на концѣ, — эта одежда и нынѣ употребляется на о-вѣ Критѣ. Противоположная сторона также занята религіозной композиціей. Здѣсь любопытно изображеніе жрицы передъ жертвенникомъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе костюмъ, который состоитъ изъ плотно облегающаго тѣло корсажа и изъ платья, спускающагося отъ пояса широкими воланами, книзу расширяющимися (на подобіе кринолина). Это, очевидно, парадный женскій костюмъ, который можно наблюдать на рѣзныхъ камняхъ и на другихъ предметахъ микенскаго періода. Картина представляетъ сложную композицію жертвоприношенія. Передъ жрицей плоды, далѣе убитое животное, изъ котораго стекаетъ кровь въ сосудъ. Бордюръ картины въ орнаментѣ. Самый обычный орнаментъ на глиняныхъ сосудахъ, вазахъ и на рисункахъ: птицы, грифоны, часто также двойная сѣкира и священные рога.

Между композиціями бытового содержанія обратимъ вниманіе на прекрасную и сложную картину съ разъяреннымъ быкомъ. Это мотивъ весьма распространенный въ памятникахъ микенскаго періода, онъ встрѣчается на золотомъ кубкѣ изъ Ваѳи, онъ найденъ также на фрескахъ Тиринѳа. Трудно однако утверждать, что во всѣхъ случаяхъ изображена та же сцена, что на кубкѣ изъ Ваѳи (гдѣ пытаются, между

прочимъ, усматривать охоту на дикаго быка). Въ серединѣ картины быкъ въ сильномъ порывѣ устремляется противъ своего врага, который однако успѣваетъ схватиться за его рога. На аренѣ еще двѣ фигуры — мужская и женская. Мужчина представленъ въ моментъ, когда онъ дѣлаетъ скачекъ на спину быка; фигура полна экспрессіи и движенія. Женская фигура тоже, повидимому, приготовляется къ прыжку. Композиція можетъ быть разсматриваема какъ эпизодъ состязанія въ циркѣ, родъ испанскаго тороса. Въ частности должно обратить вниманіе на убранство и головной уборъ женщины.

Нѣсколько фрагментовъ пластики могутъ быть поставлены рядомъ съ произведеніями живописи. Въ нихъ также видимъ искусство, далеко ушедшее впередъ въ смыслѣ изученія природы и наблюдательности. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на прекрасный рельефъ, представляющій бюстъ воина. Тѣло не покрыто одеждой, мускулы на груди такъ отчетливо выработаны, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что мастеръ изучилъ строеніе живого тѣла. Приподнятая правая рука обнаруживаетъ такую степень напряженности, что можно думать здѣсь о рукѣ атлета. Очень также любопытна цѣпь на шеѣ, состоящая изъ металлическихъ пластинокъ. При нѣкоторомъ вниманіи можно замѣтить, что въ основаніи ея лежитъ лилія. Въ витринахъ музея такія цѣпи находятся и въ натуральномъ видѣ. Наблюденіе природы замѣтно также на небольшомъ фрагментѣ рельефа, изображающемъ лѣвую руку съ вазой. Мускулатура руки, сжатая кисть для поддержанія вазы легко показываютъ, что мастеръ наблюдалъ этотъ моментъ и передалъ его въ своемъ произведеніи[1]). Нѣкоторыя надгробныя доски (стилы) съ рельефомъ напоминаютъ произведенія греческой пластики лучшей эпохи и заставляютъ сильно призадуматься надъ вопросомъ — почему же искусство, такъ хорошо уже направленное въ критскихъ памятникахъ, остановилось въ своемъ развитіи до V столѣтія? Для изученія искусства микенскаго періода обильный матеріалъ въ музеѣ представляютъ большіе кувшины (πίθοι), которыми наполнено нѣсколько комнатъ въ кносскомъ дворцѣ, и которые часто сплошь покрыты рельефными фигурами и орнаментомъ.

При всемъ глубокомъ интересѣ, который возбуждается открытыми на Критѣ памятниками искусства, нельзя все же не сказать, что здѣсь не новая культура открывается передъ нами, а лишь разъясняется и расширяется новыми видами и образцами культура микенскаго искусства, впервые открытая Шлиманомъ. Критскіе памятники отодвигаютъ назадъ, почти на тысячу лѣтъ, господство такъ называемаго микенскаго искусства и вновь подтверждаютъ то наблюденіе, что въ образованіи той стадіи культуры, которая слыветъ подъ именемъ микенской, участвовали и Египетъ, и Малая Азія, Греція и острова Средиземнаго моря.

Есть два ряда наблюденій надъ собранными въ музеѣ памятниками, которыя выходятъ изъ рамокъ искусства въ тѣсномъ смыслѣ. Позволю себѣ кратко обозна-

[1]) The Annual of the British School at Athens, N. VI (1899—1900), fig. 10; N. VII (1900—1901), fig. 29.

чить существо дѣла. Раскопками въ Критѣ обнаружены, во-первыхъ, письменные знаки на камняхъ и нѣкоторыхъ предметахъ и глиняныя таблички, покрытыя неизвѣстнымъ и доселѣ еще не раскрытымъ письмомъ. Оба упомянутые вида памятниковъ доказываютъ, повидимому, употребленіе письма за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Знаки или письмена на строительномъ матеріалѣ, сдѣланные мастерами или каменотесами, суть собственно помѣты о принадлежности камня такому-то хозяину или мастеру. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобные знаки, какъ бирки или счетные знаки въ домашнемъ обиходѣ, какъ знаки собственности у первобытныхъ народовъ, наконецъ, какъ календарные знаки, были въ употребленіи ранѣе изобрѣтенія письма, хотя и сами по себѣ служили тоже для той же цѣли, что письмо. Весьма вѣроятно, что изученіе подобныхъ знаковъ можетъ дать почву для разрѣшенія сложныхъ и весьма деликатныхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ происхожденіемъ азбуки европейскихъ языковъ и въ частности съ элементами образованія славянской азбуки.

Знаки на камняхъ, какъ научный матеріалъ для широкихъ выводовъ, можно сказать, недавно лишь начали входить въ обращеніе. Они далеко еще не собраны въ такомъ количествѣ, чтобы наступила пора систематизировать ихъ и дѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы. Позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько соображеній по поводу этого археологическаго матеріала. Прежде всего нельзя не указать на изумительную устойчивость и послѣдовательность, съ которою употребляются эти знаки на пространствѣ не одного тысячелѣтія и притомъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Прежде чѣмъ ознакомиться съ открытыми въ Критѣ знаками на камняхъ, имѣлся въ распоряженіи довольно значительный подобный же матеріалъ, полученный при раскопкахъ Института въ Болгаріи, гдѣ былъ раскопанъ дворецъ VIII вѣка. Большинство каменотесныхъ знаковъ дворца болгарскихъ князей совпадаетъ съ таковыми же знаками на камняхъ дворца Миноса въ Кноссѣ; — такимъ образомъ, на разстояніи двухъ тысячъ слишкомъ лѣтъ каменотесы дѣлаютъ одинаковые знаки на камнѣ. Далѣе оказывается, что каменотесные знаки далеко не стоятъ одиноко; не меньшею древностью отличаются знаки собственности, называемые иначе „юридическими знаками", которыми народы, не знающіе употребленія письма, обозначаютъ принадлежность вещи тому или другому собственнику или которые выжигаютъ на тѣлѣ домашнихъ животныхъ. Судя по немногимъ доселѣ опубликованнымъ образцамъ такихъ знаковъ, они совпадаютъ съ каменотесными знаками и, во всякомъ случаѣ, должны быть изучаемы параллельно одни съ другими. Наконецъ, сюда же могутъ быть привлечены календарные знаки, древнѣйшіе виды которыхъ происходятъ изъ той же системы знаковъ, какъ каменотесные.

Имѣя въ виду широкое распространеніе, можно сказать всеобщность, занимающихъ насъ знаковъ, нельзя не приходить къ мысли о томъ, что они, какъ единственные письменные знаки, предшествовавшіе у всѣхъ народовъ изобрѣтенію письма, должны были такъ или иначе вліять на образованіе алфавита.

Въ числѣ особенностей памятниковъ микенскаго искусства, собранныхъ въ музеѣ Кандіи, нельзя не обратить вниманія на *знакъ креста*, встрѣчающійся то отдѣльно и самостоятельно, то въ различныхъ сочетаніяхъ и комбинаціяхъ. Правда, вопросъ о фигурѣ креста на археологическихъ памятникахъ до-христіанской эпохи — вопросъ далеко не новый и частью даже рѣшенный, но его нельзя считать излишнимъ и въ настоящее время, такъ какъ постоянно входитъ въ обращеніе новый матеріалъ, который и самъ по себѣ можетъ нуждаться въ объясненіи и, въ свою очередь, привноситъ новыя данныя въ кругъ общаго вопроса объ изображеніи креста. Въ особенности со времени раскопокъ Шлимана предметная археологія дала въ этомъ отношеніи много новыхъ данныхъ.

Давно уже высказанъ былъ взглядъ, что фигура креста на памятникахъ до-христіанской эпохи, входящая въ разныя сочетанія съ прямыми и закругленными линіями, должна быть разсматриваема какъ одинъ изъ самыхъ элементарныхъ видовъ геометрическаго орнамента[1]). Несомнѣнно, съ этой точки зрѣнія достаточно объясняются кресты на краяхъ одежды (на фрескахъ въ Кноссѣ), орнаментъ которой состоитъ изъ крестовъ, включенныхъ въ кругъ. Нельзя также объяснять иначе тѣ украшенія, имѣющія форму креста, которыя весьма обычны на глиняныхъ сосудахъ, на саркофагахъ и другихъ издѣліяхъ, требующихъ орнамента. Точно также сюда должны быть относимы знаки креста на днѣ сосудовъ, на каменныхъ квадратныхъ плитахъ или вообще на камняхъ — для показанія принадлежности извѣстному мастеру или хозяину.

Но, независимо отъ множества вышеозначенныхъ знаковъ креста, встрѣтились такіе предметы и изображенія, въ которыхъ знакъ креста долженъ означать символъ или идею и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть понятъ съ точки зрѣнія геометрическаго орнамента. Въ особенности было обращено вниманіе на два такихъ предмета. Въ одной витринѣ, заключающей въ себѣ небольшіе цѣнные предметы, находится крестикъ изъ порцелана. Онъ найденъ при раскопкахъ въ Кноссѣ и представляетъ любопытный образецъ креста еще и въ томъ отношеніи, что на крестообразной фигурѣ изъ порцелана начерченъ отдѣльный крестъ. Еще болѣе любопытный предметъ слѣдуетъ отмѣтить между находками въ мѣстности Святая Троица (Ἁγία Τριάδα). Тамъ найдена головка агнца изъ терракотты. Головка тщательной отдѣлки, на ней по фону цвѣта глины темной краской означены линіи глазъ и рта, а между глазъ на лбу *совершенно ясно отмѣченъ знакъ креста*. Въ христіанскомъ искуствѣ изображеніе агнца съ крестомъ надъ спиной или надъ головой — весьма распространенный мотивъ, символизующій Христа, который называется агнцемъ, вземлющимъ грѣхи міра.

Таково въ краткихъ чертахъ впечатлѣніе, вынесенное изъ посѣщенія мѣстъ послѣднихъ раскопокъ, сдѣланныхъ на Критѣ.

Затѣмъ Н. К. Клуге демонстрировалъ составленный имъ подробный планъ мечети Кахріэ, основанный на тщательномъ изученіи памятника.

---

[1]) Литература у *Kraus*, Real-Encykl. II, 224.

Въ томъ же засѣданіи были избраны въ члены Института художникъ Н. К. Клуге и преподаватель мужской гимназіи въ Варнѣ Карлъ Шкорпилъ.

Въ концѣ отчетнаго года директоръ возобновилъ чтеніе лекцій по исторіи Византіи. Ко времени составленія отчета было прочтено 11 лекцій и изложеніе событій было доведено до времени Комниновъ. Имъ же было сдѣлано въ американскомъ литературномъ обществѣ сообщеніе о древностяхъ Крита

II.

7 августа въ Константинополь прибыла большая группа экскурсантовъ, состоявшая изъ 135 студентовъ Императорскаго Московскаго Университета, въ сопровожденіи шести професоровъ во главѣ съ профессоромъ кн. С. Н. Трубецкимъ. Институтъ принималъ участниковъ этой экскурсіи, направлявшихся въ Грецію, и знакомилъ ихъ съ древностями Константинополя и съ главными результатами своей дѣятельности. Секретарь Института Р. Х. Леперъ сопровождалъ экскурсію въ Аѳины. На возвратномъ пути путешественники пробыли въ Константинополѣ одинъ день, который былъ употребленъ на осмотръ музея Института, мечети Кахріэ и городскихъ стѣнъ.

III.

Въ отчетномъ году вышли въ свѣтъ 2—3 выпуски VIII тома Извѣстій Института, содержащіе слѣдующія статьи: L. Petit, Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde; Б. В. Фармаковскій, „Живопись въ Пальмирѣ“ (съ табл. XXI—XXVII); Б. А. Панченко, „Каталогъ моливдовуловъ коллекціи Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“ (табл. XXVIII—XXXIII); Г. П. Беглери, „Печать Трапезунтскаго имератора Давида“ (табл. XXXIV); Ѳ. И. Шмитъ, „Каталогъ житійныхъ рукописей Ватопедскаго монастыря на Аѳонѣ“; Ἰ. Ν. Σβορῶνος, Ἀρχαῖα ἐκμαγεῖα νομισμάτων Κίου τῆς ἐν Βιθυνίᾳ“; П. К. Коковцовъ, „Новыя арамейскія надписи изъ Пальмиры“ (табл. XXXVI); Отчетъ о дѣятельности Института за 1901 годъ.

И. д. ученаго секретаря Б. А. Панченко закончилъ въ отчетномъ году диссертацію подъ заглавіемъ: „Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій Законъ и монастырскіе документы“. Въ ней онъ ставитъ себѣ задачей доказать, что исторія крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи должна быть построена на началѣ личной и наслѣдственной собственности, а не на основѣ общиннаго, при томъ славянскаго, владѣнія, какъ полагали до сихъ поръ. Въ первой части изслѣдованія, надъ которымъ авторъ работалъ нѣсколько лѣтъ, разбирается Крестьянскій Законъ, при чемъ на основаніи изданныхъ древнѣйшихъ текстовъ памятника, московскихъ и миланскихъ, доказывается, что онъ не составляетъ часть законодательства императоровъ иконоборцевъ, какъ было принято, но является записью обычнаго права; Законъ посвященъ охранѣ личной крестьянской

собственности и не содержитъ указаній на права общины на крестьянскую собственную землю. Во второй части подвергнуты обзору изданные греческіе документы изъ монастырскихъ архивовъ, и нѣсколько славянскихъ, съ цѣлью показать, что во всѣ вѣка существованія Византіи, особенно въ XII—XIII, та же личная и наслѣдственная собственность крестьянъ, въ громадной массѣ крѣпостныхъ, является общей основой аграрнаго строя. Диссертація г. Панченко, выпущенная также отдѣльно, напечатана въ 1—2 вып. IX тома Извѣстій, отданныхъ въ печать въ отчетномъ году.

IV.

Императорское Посольство по просьбѣ Института исходатайствовало для него разрѣшеніе у турецкаго правительства фотографировать миніатюры съ замѣчательной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Сераля. Въ теченіи осени истекшаго года Институтъ поручилъ художнику Н. К. Клуге заняться фотографированіемъ наиболѣе цѣнныхъ и лучше сохранившихся миніатюръ, каковыхъ снимковъ и сдѣлано болѣе 120. При изученіи миніатюръ встрѣтилась необходимость провѣрить сдѣланныя надъ изучаемой рукописью наблюденія по сходственнымъ рукописямъ, хранящимся въ Ватиканѣ. При сравненіи выяснилось одно не подлежащее сомнѣнію обстоятельство, что взаимное отношеніе серальской и ватиканской иллюстрированной Библіи есть отношеніе копіи къ оригиналу. Такъ какъ представляемый громаднымъ числомъ рукописей матеріалъ вообще мало еще изученъ, то на первыхъ же порахъ при изученіи рукописи представилась масса любопытныхъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя миніатюры далеко не объясняются библейскимъ текстомъ, а требуютъ для своего объясненія знакомства съ обширной литературой апокрифовъ. Точно также встрѣтилось нѣсколько картинокъ чрезвычайно любопытныхъ въ смыслѣ бытовой обстановки, равно какъ для характеристики современныхъ составленію рукописи народностей, извѣстныхъ исторіи Византіи въ періодъ написанія рукописи (XI—XII в.). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ найдены весьма любопытныя реминисценціи классическаго искусства. Весь этотъ матеріалъ приведенъ въ систему и готовится къ изданію.

Въ отчетномъ году продолжалось изученіе топографіи и памятниковъ Константинополя и окрестностей. Институтъ обслѣдовалъ остатки византійскихъ построекъ въ предмѣстьи города Макрикеѣ, гдѣ можно предполагать дворецъ Евдомъ и сохранились руины церкви Іоанна Крестителя. Ученымъ секретаремъ Р. Х. Лепсромъ былъ произведенъ рядъ экскурсій въ окрестностяхъ Картала, Пендика и Тузлы по азіатскому берегу Мраморнаго моря, при чемъ отмѣчены остатки древнихъ строеній и собрано нѣсколько надписей. Во время пребыванія въ Аѳинахъ г. Леперъ изучалъ мѣстныя церкви и музей христіанскихъ древностей и предпринялъ экскурсію на о. Эгину, гдѣ между прочимъ обслѣдовалъ остатки средневековаго города въ мѣстности Παλαιοχώρα, на крутой горѣ, со множествомъ церквей. Въ мечети Кахріэ-Джами художникомъ Н. К. Клуге производились фотографическія работы.

V.

Въ сентябрѣ 1903 г. директоромъ Института совершена была археологическая экскурсія на о. Критъ. Изложеніе сдѣланныхъ наблюденій представлено выше, въ отдѣлѣ о засѣданіяхъ.

Въ апрѣлѣ отчетнаго года была предпринята Б. А. Панченко и Н. К. Клуге поѣздка въ Малую Азію. Ея цѣлью было обслѣдованіе древностей по среднему теченію р. Сангарія и по византійской военной дорогѣ изъ Никеи въ Дорилей (нынѣшній Ески-Шеиръ). Требовалось опредѣлить мѣсто, гдѣ означенная, весьма въ исторіи важная, дорога переходила черезъ Сангарій, выяснить далѣе положеніе нѣсколькихъ пунктовъ, станцій на этой дорогѣ, упоминающихся историками при описаніи походовъ, византійскихъ и крестовыхъ. Въ частности было желательно провѣрить предположеніе новѣйшаго нѣмецкаго путешественника Диста о мѣстѣ развалинъ постояннаго византійскаго лагеря и административнаго центра *Малагины*. (*v. Diest,* Von Tilsit nach Angora, *Petermanns Mitteilungen,* Ergänzungsheft 125, Gotha 1899, S. 19 ff.). Съ одной стороны участникамъ поѣздки представлялась, такимъ образомъ, опредѣленная историко-топографическая задача, съ другой же стороны необходимо было освѣтить путемъ хотя бы кратковременнаго объѣзда мѣстность, до сихъ поръ представлявшую собою бѣлое пятно на археологической картѣ Малой Азіи. Какъ ни странно, несмотря на всю доступность мѣстности изъ Константинополя по желѣзной дорогѣ, всѣ западные путешественники, искавшіе преимущественно большихъ классическихъ руинъ и не знавшіе достаточно важность этой мѣстности для византійской исторіи, оставляли ее въ сторонѣ. Прежде всего они искали надписей, и болѣе другихъ прибавили новаго эпиграфическаго матеріала изъ Виѳиніи Мордтманнъ, А. Керте и особенно Г. Мендель (*G. Mendel,* Inscriptions de Bithynie, въ Bulletin de Correspondance Hellénique XXIV 1900, 361—426, XXV 1901, 5—92; у него же XXIV 361 s. приведена прежняя литература предмета). Мендель былъ и въ Лефке, но окрестности оставилъ безъ вниманія. Что касается топографіи области по среднему Сангарію, то наиболѣе сдѣлали изслѣдованій на мѣстѣ прусскіе офицеры Дистъ и Антонъ; но ихъ поѣздки, задуманныя смѣло и оригинально, носятъ характеръ рекогносцировокъ. Составленная Дистомъ карта (1 : 500000, Berlin 1902) лишь наноситъ на большую, въ деталяхъ весьма несовершенную, карту Г. Киперта выполненные Дистомъ маршруты. Оффиціальная (неизданная) турецкая карта въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеннѣе, какъ можно было убѣдиться по опыту. Историческая топографія бассейна Сангарія до того мало разработана, что еще недавно первый знатокъ предмета Рамзай отстаивалъ мнѣніе, будто главный притокъ Сангарія Gallus впадалъ съ запада, а не изъ Галатіи.

Главная задача поѣздки членовъ Института — провѣрка гипотезы Диста о положеніи г. Малагины — была достигнута почти немедленно по прибытіи въ Лефке, хотя результатъ получился, къ сожалѣнію, отрицательный: Малагины не могло быть въ Гюль-Виранѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее предполагалъ Дистъ. Крайняя

пересѣченность мѣстности, представляющей оврагъ, отсутствіе остатковъ византійской эпохи заставляютъ искать Малагину въ другомъ мѣстѣ. За то былъ опредѣленъ другой пунктъ не меньшей важности: именно то мѣсто, гдѣ византійская военная дорога переходила черезъ Сангарій. Слѣды византійскихъ узкихъ, неправильно вымощенныхъ дорогъ съ нѣсколькихъ сторонъ, отъ Везиръ-Хана и отъ (Биледжика др. Ἀγγελοκώμη?) подходятъ къ ущелью у деревни Енидже, гдѣ среди отвѣсныхъ скалъ Сангарій пробиваетъ себѣ путь; открылись значительно хорошо сохранившіеся береговые устои византійскаго моста. Развалины эти были извѣстны и прежде, но никто не поставилъ ихъ опредѣленно въ связь съ великимъ путемъ изъ Византіи вглубь М. Азіи и не опредѣлилъ ихъ византійскаго характера. Между тѣмъ мостъ этотъ представляетъ большія отличія отъ другого, завѣдомо римскаго, котораго развалины наблюдаются въ получасѣ ходьбы ниже отъ Лефке. Сохранившаяся на береговомъ устоѣ облицовка слишкомъ нова, чтобы быть римской, мѣстами не тронута временемъ. Сохранились оба береговыхъ устоя, на лѣвомъ берегу набережная для защиты моста отъ разрушенія рѣкою; срединныя арки совершенно смыты, изъ воды не выдается ни одного изъ камней, которые видѣлъ еще Дистъ. Ширина устоя на правомъ берегу 5,75 м. съ края, выше — 7 м.; стѣнки 0,70 м. Высота семи рядовъ тесаныхъ камней надъ землею 2 м. Устой въ разрѣзѣ образуетъ ломаную линію, первое колѣно въ 5 шаговъ, второе 7 и верхнее 23 шага. Камни положены на цементѣ и внутреннія стѣнки переложены кирпичемъ. Мостъ черезъ Сангарій на византійской дорогѣ недалеко отъ Лефке именуется у Анны Комниной лежащимъ у мѣстечка Пиѳикасъ (κατὰ τὸν Πιθηκᾶν, Anna XV c. 3, p. 322 Bonn.), и не трудно найти и самый Пиѳикасъ. Въ 200 метрахъ ниже отъ моста лежитъ по восточному берегу д. Енидже, явно не только на классическихъ, но и на византійскихъ развалинахъ. Замѣтны аркады византійской постройки, видныя изъ подъ земли; на кладбищѣ и въ самой деревнѣ наблюдаются витыя колонки, надписи (уже изданныя). Пиѳикасъ былъ укрѣпленъ Мануиломъ Комниномъ (ср. *Ramsay,* Historical Geography of Asia Minor, London 1890, 201). Укрѣпленія эти могли быть расположены на окрестныхъ холмахъ, черезъ которые пролегаетъ нынѣ еще сохранившаяся византійская дорога черезъ Сейюдъ (виз. Σερβοχωρία) на Ескишеиръ (Дорилей). За этими буграми разстилается громадная, гладкая равнина, которая была бы превосходнымъ мѣстомъ для Малагины, какъ центральнаго лагеря (ἄπληκτον). Если же предполагать Малагину къ западу отъ Сангарія, то она должна лежать около нынѣшней станціи Везиръ-Хана, расположеннаго на византійскихъ развалинахъ.

Таковъ былъ главный историко-топографическій интересъ кратковременной поѣздки членовъ Института. Попутно въ горныхъ селахъ, прилегающихъ къ Лефке и Везиръ-Хану, былъ обнаруженъ обильный и доселѣ неизвѣстный археологическій матеріалъ. Подымаясь по долинѣ р. Карасу, по направленію къ Енишеиру, обнаруженъ рядъ памятниковъ греко-римскихъ, отчасти христіанскаго вре-

мени. Этотъ матеріалъ, состоящій изъ архитектурныхъ фрагментовъ, гробницъ и надписей, предполагается къ изданію послѣ провѣрки его съ помощью фотографіи и кальки. Въ деревнѣ Беленъ-Аланъ зарисованы саркофаги и триглифы дорическаго стиля; на горномъ склонѣ надъ р. Карасу сложенный изъ громадныхъ тесаныхъ камней погребальный памятникъ патрикія Іоанна съ надписью и рельефнымъ портретомъ, а также, вѣроятно, и его жены. Крипта этой гробницы, повидимому, еще не тронута. Это былъ, вѣроятно, крупный собственникъ, котораго усадьба могла лежать на мѣстѣ обширныхъ развалинъ по сосѣдству. Лежащая среди плодородныхъ полей деревня Елесче расположена несомнѣнно на мѣстѣ богатаго храма христіанскаго и ранѣе языческаго, судя по обилію христіанскихъ фрагментовъ (алтарныя преграды, орнаменты и пр.) и по языческимъ посвятительнымъ надписямъ (въ одномъ только дворѣ Кесисъ-Измаила ихъ три, одна изъ нихъ посвящена ΔΙΙ ΣΩΖΟΝΤΙ). Изъ Елесче происходятъ древности во многихъ деревняхъ кругомъ. Въ урочищѣ Гюведже-дере и по близости отъ деревни Балджикъ-Гиссаръ обнаружены фундаменты значительныхъ четыреугольныхъ зданій, проектированныхъ на востокъ; послѣднее было съ атріумомъ и портикомъ. Кромѣ архитектурныхъ остатковъ, громадныхъ блоковъ, рельефовъ и одной надписи, въ д. Балджикъ-Гиссаръ на старомъ кладбищѣ было указано скульптурное изображеніе льва, подобное находящемуся въ Ангорѣ, въ Арсланъ-хане (у *Perrot, Guillaume et Delbet,* Galatie et Bithynie, II pl. 11) и въ Афродисіадѣ, на раскопкахъ г. *Годэна,* выкопанное жителями и оставленное на мѣстѣ. Тамъ же стоятъ колонки, видимо in situ. Совершенно неизвѣстнымъ оставалась крупная площадь развалинъ у д. Сармуджикъ, простирающаяся на протяженіи $1^1/_2$ километровъ. Въ самой деревнѣ фонтанъ сложенъ изъ древнихъ камней, надписями внутрь трубы; на одной изъ нихъ читается посвященіе Зевсу Агаѳію. Возлѣ на террасѣ архитравъ изъ усыпальницы, длиною въ 1,50 м., съ надписью Поліона сына Пасикрата. Но далѣе найдены несомнѣнно христіанскія древности: у воротъ въ сосѣднемъ переулкѣ врыты двѣ капители византійскихъ колоннъ съ крестами. На кладбищѣ за деревней стоитъ фигурный столбикъ въ формѣ античнаго храма. Въ самомъ концѣ кладбища на мусульманской могилѣ стоитъ богатая византійская капитель съ аканѳомъ; затѣмъ кусокъ богатаго карниза съ орнаментомъ изъ листьевъ аканѳа, изъ плетушки въ видѣ восьмерки и изъ виноградныхъ кистей; столбъ, обработанный въ видѣ полуколонокъ съ обѣихъ сторонъ, и часть дверного византійскаго карниза. Внизу кладбища нѣсколько колоннъ. Въ Елесче и въ Сармуджикѣ были безспорно богатыя византійскія церкви; возлѣ самой Лефке извѣстны руины одной церкви и мѣстоположеніе цѣлаго монастыря.

Членъ-стипендіатъ Института Ѳ. И. Шмитъ, работавшій надъ изслѣдованіемъ о Кахріе-джами, былъ командированъ Институтомъ на второе полугодіе 1903 г. въ Грецію и Италію. По пути онъ изучалъ византійскіе архитектурные памятники въ Салоникахъ; въ Аѳинахъ и Пелопоннисѣ — памятники классическаго и христіанскаго исскуства. Изъ Греціи г. Шмитъ отправился въ Бари, Сицилію для

ознакомленія съ византійскими древностями, и прибылъ въ Римъ, гдѣ занимался преимущественно рукописями въ Ватиканской библіотекѣ.

Командированный С. Петербургской Духовной Академіей профессорскій стипендіатъ И. А. Карабиновъ сначала занимался рукописями въ библіотекѣ Іерусалимскаго подворья въ Фанарѣ; затѣмъ, для собиранія рукописнаго матеріала, нужнаго для подготовляемаго имъ изслѣдованія по исторіи православной литургики, г. Карабиновъ отправился на Синай, въ Іерусалимъ и на Аѳонъ.

VI.

Въ отчетномъ году закончено устройство музея въ зданіи Императорскаго Посольства, куда перенесена большая часть собранныхъ Институтомъ древностей, какъ въ виду недостатка мѣста въ зданіи Института, такъ и ради большей безопасности. Въ новомъ помѣщеніи предметы расположены въ систематическомъ порядкѣ и приступлено къ выработкѣ предметныхъ каталоговъ.

Изъ новыхъ поступленій особеннаго интереса заслуживаютъ нѣсколько предметовъ, присланныхъ вице-консуломъ въ Самсунѣ В. Ѳ. Калемъ. Это 1) два небольшихъ рельефа (26 и 23 см. вышиною) съ восьмигранныхъ столбиковъ, находившихся вѣроятно по обѣ стороны царскихъ вратъ: одинъ изъ рельефовъ изображаетъ Благовѣщеніе, другой двухъ святыхъ; 2) обломокъ рельефа надъ аркою царскихъ вратъ, изображавшаго входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Рельефы сдѣланы изъ мягкаго известняка и по стилю и техникѣ должны быть отнесены къ ранней эпохѣ Византійскаго искусства. Найдены они въ мѣстности Вона, близь Орду на южномъ берегу Чернаго моря.

Оттуда же, повидимому, три креста приблизительно одинаковой формы, величиною 18,5 до 30 сантим., служившіе для насажденія на древко. Концы крестовъ расширяются отъ середины и украшены на обоихъ углахъ кружками или шариками или оливкообразными утолщеніями. Одинъ изъ крестовъ, бронзовый съ прекрасной патиной, покрытъ по обѣимъ сторонамъ посвятительной надписью тщательными крупными буквами: ὑπὲρ εὐχῆς κ(αὶ) σωτηρίας Βασιλίου κ(αὶ) τῆς συμβίου αὐτοῦ Μαρίας κ(αὶ) τῶν τέκνων αὐτῶν· αμήν. Кресты подобной формы встрѣчаются рѣдко и притомъ на памятникахъ довольно ранней эпохи, такъ на блюдѣ гр. Строгонова съ острова Березоваго не позже VII в., на Кипрскомъ блюдѣ въ Британскомъ музеѣ, относимомъ къ VI в.

Членомъ Института г. Годэномъ въ Смирнѣ пожертвовано 30 разнообразныхъ мелкихъ предметовъ христіанской промышленности отчасти довольно ранней эпохи, приблизительно IV—VI в., между ними интересна одна изъ 14-ти глиняныхъ ампуллъ для освященнаго елея: на одной изъ ея сторонъ изображены подъ аркой полуоткрытыя двери, очевидно въ алтарь, и между ними человѣческая фигура. Интересны далѣе два бронзовыхъ амулета: на одномъ изъ нихъ надписи по краю съ одной стороны σφραγὶς Σολομ(ῶ)νος βοήθ(ει) τοῦ φοροῦντι, съ другой

вокругъ изображенія ангела и злого духа: φεῦγε ἐμὶ [ε]ἰκ[ὼ]ν ἰδίου κ' (ε)ἶσ(αι) ὁ ἄ(γ)γελος ἀρᾶ[ς]. На другомъ амулетѣ, въ срединѣ 5 змѣй, хвосты ихъ сходятся въ центрѣ, гдѣ изображено человѣческое лицо, кругомъ надпись † ἅγιος ἅγιος ἅγιος κύρ(ι)ος Σαβαὼθ ΠΛΗC; на другой сторонѣ непонятная надпись.

Изъ покупокъ интересны пара большихъ серебряныхъ кольцеобразныхъ серегъ тонкой изящной работы съ крестикомъ въ узорѣ, по формѣ и по узорамъ подобныя серьгамъ, принадлежащимъ къ Эсквилинскому кладу изъ Рима IV—V в. (*Dalton*, Catalogue of early christ. antiqu. of the British Museum, 1901, nn° 236, 237; форма креста и узоровъ также можетъ быть отнесена приблизительно къ этому времени (ср. *Riegl*, Die spätrömische Kunstindustrie Taf. XVIII, 5; p. 158, Fig. 69).

Далѣе пріобрѣтенъ найденный въ развалинахъ древняго Евдома близь Константинополя стеклянный сосудъ, вѣроятно для освященной воды, съ нѣсколько загадочною надписью Νεροδότιν. По обѣ стороны надписи два креста такой формы, которая на монетахъ, напримѣръ, встрѣчается отъ Θеодосія II въ V в. до Константина Порфиророднаго въ X в. Изъ той же мѣстности серебряное кольцо съ выгравированной надписью МНСПОҮΔЕС, очевидно въ значеніи μὴ σπουδαῖς, „безъ поспѣшности"; на красноватомъ камнѣ, надпись εὐτύχ(ει).

Пріобрѣтенъ образъ Богоматери съ Младенцемъ, исполненный рельефно изъ гипса: только лица и ладони рукъ исполнены живописью на гладкой поверхности. Затѣмъ можно упомянуть о средневѣковой монастырской кружкѣ съ выгравированными на ней монограммами Jesus (IHS) и Maria и изображеніемъ творенія Евы изъ ребра Адама такой композиціи, которая встрѣчается довольно часто на миніатюрахъ и рельефахъ изъ слоновой кости съ XII—XIII в., а также въ мозаикахъ XII в. Палатинской капеллы и собора Monreale въ Палермо. Изъ 16 разнообразныхъ вѣсовыхъ знаковъ отмѣтимъ 4 свинцовыхъ, пріобрѣтенныхъ изъ разныхъ рукъ: одинъ изъ Керасунта съ надписью οὐνκία на одной сторонѣ и А на другой, вѣсомъ 27 граммовъ, другой подобный же испорченный, вѣсомъ 23 грамма; третій подобный же съ надписью οὐνκίαι на одной сторонѣ, δύο на другой, вѣсомъ 54 грамма; четвертый въ формѣ пращной пули, вѣсомъ 31 граммъ, съ надписью μία на одной сторонѣ и загадочными АЕ на другой.

Изъ древностей классической эпохи особенно интересенъ присланный изъ Митровицы черезъ посредство Императорскаго Посольства рельефъ вѣроятно римскаго времени изъ грубаго известняка. На немъ изображено женское божество съ тремя головами съ головнымъ уборомъ въ формѣ корзинокъ (κάλαθος) и двумя руоами съ бичемъ въ правой поднятой рукѣ и цѣпью въ лѣвой. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ богини Гекаты или отождествляемой съ нею мѣстной богини, изображенія которой дошли до насъ въ достаточномъ количествѣ изъ областей по нижнему Дунаю, древнихъ Мизіи и Дакіи (см. статью Петерсена въ Archæol.-Epigr. Mitth. aus Oesterr.-Ung. B. V, p. 77). Но обычно эта трехликая богиня имѣетъ 6 рукъ и въ нихъ факелы и кинжалы, и только между прочимъ

бичъ или веревку (Clarac, IV, 564 B.), которая на нашемъ рельефѣ, очевидно, замѣнена цѣпью. Въ надписи, читающейся надъ рельефомъ NVMPAERAP.S., богиня, повидимому, названа была нимфой Послѣднія буквы можно толковать: p(ro) s(alute); загадочнымъ остается RA. Связь между трехликой богиней и женскими божествами, являющимися въ тройномъ числѣ, какъ харитами, мойрами или парками, установлена непровержимо Петерсеномъ. Съ другой стороны въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи довольно много найдено рельефовъ и надписей, посвященныхъ тремъ нимфамъ и даже цѣлое святилище трехъ нимфъ. Эти три нимфы могутъ быть тождественными съ нашей трехликой нимфой.

Далѣе пріобрѣтена большая мраморная голова изъ окрестностей Ефеса, повидимому бога Асклипія. Изъ древнегреческихъ сосудовъ можно отмѣтить одинъ небольшой чернолаковый съ изображеніемъ женской головки архаическаго стиля; три съ о. Эгины, причемъ одинъ образчикъ спеціально эгинскихъ сосудовъ; наконецъ, одинъ стеклянный ритонъ (подражаніе рогу), нижній конецъ котораго отдѣланъ въ видѣ передней части туши свиньи или курдюка, наполненнаго виномъ.

Всего поступило въ музей, за исключеніемъ монетъ, моливдовуловъ и рукописей, 40 предметовъ покупкою и 51 пожертвованіемъ.

Изъ накопившихся мало по малу коллекцій монетъ уже въ предшествующемъ отчетномъ году были отобраны, по большей части опредѣлены и размѣщены въ систематическомъ порядкѣ всѣ монеты византійскія, начиная съ имп. Аркадія (395—408 г.). Въ этомъ отчетномъ году приступлено было къ разбору и опредѣленію монетъ греческихъ городовъ и римскихъ императоровъ. При этомъ было обращено вниманіе болѣе на монеты городовъ побережья Чернаго и Мраморнаго морей, внутреннихъ частей Малой Азіи, Ѳракіи, Македоніи и Мизіи (нынѣшней Болгаріи и Сербіи). Отъ нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ Амиса (нынѣшняго Самсуна), Фарнакіи, столицы Понтійскихъ царей, Синопа, особенно же Кесаріи Каппадокійской и Антіохіи въ Сиріи получились довольно значительныя серіи главнымъ образомъ мѣдныхъ монетъ.

Изъ новыхъ пріобрѣтеній слѣдуетъ прежде всего отмѣтить пожертвованную бывшимъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ А. Е. Лаговскимъ коллекцію монетъ римскихъ императоровъ и нѣкоторыхъ греческихъ городовъ эпохи римской имперіи. Она состоитъ изъ 14 серебр. и 35 мѣдн. греческихъ, 237 серебр. и 148 мѣдн. римскихъ, всего изъ 444 монетъ. Монеты эти были разобраны и опредѣлены; онѣ могутъ составить какъ-бы основу институтской коллекціи императорскихъ римскихъ монетъ. Коллекція заключаетъ всего 19 дублетовъ, нѣсколько довольно рѣдкихъ монетъ, такъ одну посвященную имп. Августу при имп. Адріанѣ (Cohen² I, p. 147, n° 576) и одну имп. Песценнія Нигра (Cohen² III, p. 409, n° 43), оцѣниваемыя въ 400 и 200 фр. Изъ числа императорскихъ монетъ десяти не имѣется въ самомъ полномъ описаніи императорскихъ монетъ Cohen и въ дополненіи къ нему A. Belfort, 1884; 18 другихъ представляютъ

болѣе или менѣе интересные варіанты къ извѣстнымъ уже. Труднѣе опредѣлить степень извѣстности монетъ греческихъ, для которыхъ не существуетъ столь подробнаго новаго описанія. Но одна изъ нихъ, повидимому, уника: это серебряная монета въ $^1/_2$ динара города Селевкіи въ Сиріи съ изображеніемъ Марціаны, сестры имп. Траяна: монеты съ ея изображеніемъ вообще очень рѣдки, а изъ Селевкіи нѣтъ вовсе; кромѣ того серебряныхъ монетъ Селевкіи позднѣе Домиціана, насколько извѣстно, также не имѣется.

Кромѣ того вновь пріобрѣтено пожертвованіемъ 6 сер. и 25 мѣдн. монетъ и покупкою 2 золотыхъ, 31 серебр. и 413 мѣдн., изъ нихъ 16 сер. и 39 мѣдн. греческихъ, 8 сер. и 339 мѣдн. пароянскихъ, 10 сер. и 17 мѣдн. римскихъ, 2 зол., 2 сер. и 36 мѣдн. византійскихъ, 7 мѣдн. сельджукскихъ и 1 сер. русская.

Коллекція византійскихъ свинцовыхъ печатей (моливдовуловъ) значительно обогатилась въ отчетномъ году. Пожертвованіемъ поступило 124 моливдовула, изъ коихъ 117 было принесено въ даръ Институту его новымъ членомъ, г. Годэномъ (Paul Gaudin) въ Смирнѣ, директоромъ желѣзнодорожной линіи Смирна-Кассаба. Пріобрѣтено покупкою въ Константинополѣ въ отчетномъ году всего 454 моливдовула, въ томъ числѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ. Назовемъ печать императора Константа съ тремя соправителями, весьма интересную съ иконографической точки зрѣнія; затѣмъ двѣ латинскихъ, относящихся ко временамъ франкскихъ феодальныхъ государствъ на Востокѣ; медаль папы Мартина, пострадавшаго отъ иконоборцевъ, и наконецъ моливдовулъ знаменитаго патріарха Фотія. Всего поступило пожертвованіемъ и покупкою 578 пьесъ. Съ пріобрѣтеніями отчетнаго года коллекція моливдовуловъ, собранная Институтомъ, превысила числомъ три тысячи цѣльныхъ экземпляровъ и фрагментовъ. Въ отчетномъ году вышло начало подробнаго ихъ описанія въ инвентарномъ порядкѣ, съ фототипическимъ воспроизведеніемъ болѣе замѣчательныхъ съ археологической или исторической точки зрѣнія. Каталогъ выйдетъ также отдѣльнымъ изданіемъ, и будетъ снабженъ нѣсколькими указателями.

Въ собраніе рукописей поступили пожертвованіемъ отъ іеромонаха Пантелеимона два кодекса: 1) бумажный XVII или XVIII вѣка, въ большую четверку, содержащій Ѳукидида Исторію Пелопоннесскихъ войнъ съ особенностями въ предисловіяхъ и съ глоссами; впереди помѣщено грамматика Афѳонія похвальное слово Ѳукидиду, извлеченное изъ руководства риторики, принадлежащаго Афѳонію; 2) пожертвована іером. Пантелеимономъ армянская рукопись на бомбицинѣ литургическаго содержанія.

Лицамъ своими пожертвованіями содѣйствовавшимъ увеличенію коллекцій Института, именно гг. Годену, В. Ѳ. Калю, В. К. Караконовскому, А. Е. Лаговскому, Мавроммати, о. Пантелеймону, Э. Саркису, Институтъ выражаетъ благодарность.

Куплено въ 1903 г. всего 8 рукописей. Въ числѣ ихъ находится замѣчательный сборникъ, бумажный XVII в., принадлежавшій въ 1678 г. Павлу Вла-

старю изъ Лесбоса, какъ видно изъ записи на первомъ листѣ, и состоящій изъ нѣсколькихъ статей. Первыя пять представляютъ руководства по риторикѣ, въ частности по искуству писать письма и посланія; далѣе слѣдуютъ избранныя письма различныхъ авторовъ: Григорія Богослова, ритора Ливанія, Іосифа Вріеннія и Георгія Лекапина, выдержки изъ писемъ Фотія. Письма Георгія Лекапина являются не извѣстными и подготовляются къ изданію. Содержаніе ихъ преимущественно риторическое. Дальнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ коллекціи рукописей въ отчетномъ году является списокъ XVII или XVI в., на бомбицинѣ, Бесѣдъ на евангельскіе тексты, принадлежащихъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Θеофану, епископу Россано, писавшему въ XII в. Къ сожалѣнію, списокъ Института утратилъ первые листы; тѣмъ не менѣе и онъ можетъ имѣть значеніе для изслѣдованія все еще не разъясненнаго вопроса объ этомъ сборникѣ поученій, самомъ обширномъ изъ всѣхъ византійскихъ и имѣющемъ литературныя достоинства.

Далѣе пріобрѣтенъ бумажный сборникъ XVIII вѣка, въ восьмерку, состоящій изъ слѣдующихъ статей съ подстрочными глоссами: Агапита діакона Ἔκθεσις κεφαλαίων παραινετικῶν . . . πρὸς Ἰουστινιανὸν βασιλέα; алфавитный сборникъ изреченій въ одномъ стихѣ каждое (γνῶμαι μονόστιχοι) Хрисолура; Игнатія, ризничаго Великой Церкви, алфавитное нравоученіе молодежи; „Малое сокращеніе добронравія“ (ἐπιτομὴ μικρὰ χρηστοηθείας); Василія Великаго слово „Внемли себѣ“ (πρόσεχε σεαυτῷ) и „На гнѣвающихся“; Изреченія Діогена, киническаго философа; Плутарха, Περὶ πολυπραγμοσύνης; Исократа, Увѣщаніе къ Демонику; Евгенія Булгариса, „Побѣдная пѣснь по поводу мира, дарованнаго славной и великой самодержицей всея Руси Екатериной II Отоманамъ послѣ многихъ и великихъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ“— списокъ содержитъ не безъинтересныя подстрочныя примѣчанія современника содержанія географическаго и историческаго; изреченія различныхъ древнихъ мудрецовъ; письма различныхъ учителей и поэтовъ, Іоанна Златоуста и Исидора Пелусіота. Пріобрѣтенъ Апостолъ, бумажная рукопись въ четверку безъ начала и конца; въ недѣлю Православія вставлено чтеніе изъ Синодика. Интересенъ бумажный XVI—XVII в. списокъ этимологическаго словаря, не тожественнаго съ Etymologicum Magnum, но подобнаго ему характера, можетъ быть Gudianum или Florentianum, безъ начала и конца; списокъ принадлежалъ ранѣе какому-то Пердикари; толкованія словъ не только этимологическія или риторическія, но и реальныя — географическія и историческія; въ концѣ словаря имѣются приложенія.

Затѣмъ были пріобрѣтены два списка Законника Мануила Малаксы, извѣстнаго въ очень большомъ количествѣ рукописей и составленнаго въ 1561 г. Одинъ изъ купленныхъ Институтомъ списковъ исполненъ не позже XVII вѣка, писанъ на бомбицинѣ четкимъ крупнымъ почеркомъ; но первые листки, содержавшіе заглавіе и введеніе, вырѣзаны. На первой бѣлой страницѣ сохранилось нѣсколько хронологическихъ замѣтокъ 1741—63 г.г., сдѣланныхъ однимъ изъ владѣльцевъ рукописи. Другой списокъ позднѣйшаго времени, XVIII вѣка, поспѣшнаго и крайне

мелкаго письма и безъ конца. Но переписчикъ имѣлъ передъ собою хорошій текстъ Законника, съ предисловіемъ самого Малаксы и съ подробнымъ обозначеніемъ источниковъ каждой статьи. Наконецъ, куплено прекрасное греческое евангеліе апракосъ, пергаменное, въ два столбца, но безъ послѣднихъ листковъ.

Съ пріобрѣтеніями отчетнаго года принадлежащая Институту коллекція рукописей доведена до 125 греческихъ, 30 славянскихъ и 6 восточныхъ кодексовъ.

Въ *библіотеку* Института за отчетный годъ поступило покупкою, въ обмѣнъ и пожертвованіемъ всего 756 томовъ и брошюръ при 265 новыхъ названіяхъ. Съ пріобрѣтеніями отчетнаго года инвентарь библіотеки Института доведенъ до 6101 названія въ 15.129 томахъ.

Наиболѣе цѣнными пріобрѣтеніями библіотеки въ 1903 г. являются слѣдующія изданія: Ordnance Survey of Jerusalem, by Wilson and James; Collignon et Pontremoli, Restauration et description de Pergame; Waldstein, The Argive Heraeon; Oberhummer, Konstantinopel unter Suleiman; Tchichatcheff, Asie Mineure; Kanzler, Gli avori della biblioteca Vaticana; Bullettino della commissione archeologica municipale, вся серія; Theologische Studien und Kritiken, вся серія; Cohen, Description des monnaies frappées sous l'Empire romain; Errard, Parenzo; Hiller von Gärtringen, Die Insel Thera.

Пожертвованія книгами поступили отъ слѣдующихъ лицъ:

Архіепископа Смирнскаго Василія, Бриллiантова А. И., Будиловича А. С., Бузескула В. П., Wiegand Th., Wilhelm A., Wulff O., Димитријевић Ст. М., Дмитріевскаго А. А., Ефременкова В., Каракановскаго В. К, Коковцева П. К., Копаси А. Е., Лаговскаго А. Е., Лопарева Х. М., Марра Н. Я, Милетича Л., Мсеріанца Л. З., Pognon H., Попруженко М. Ю., Ростовцева М. И., Рѣдина Е. К., Tacchella D. E., Фармаковскаго Б. В., Флоринскаго Т. Д., Шляпкина И. А., Щепотьева В. П.

Къ числу учрежденій и редакцій, состоящихъ въ обмѣнѣ изданіями съ Институтомъ, въ отчетномъ году присоединились: Церковно-Археологическій отдѣлъ при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ и редакція журнала „Българска Сбирка“ въ Софіи. Институтъ также выразилъ согласіе безплатно высылать свое періодическое изданіе въ Синодальную, бывшую Патріаршую, Библіотеку въ Москвѣ.

ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

IX.

СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1904.

Оглавленіе.

В. А. Пашченко, Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій Законъ и монастырскіе документы . . . . . 1—234
Р. Х. Леперъ, Нѣсколько греческихъ и римскихъ надписей . . . . . 235—260
J. Pargoire, Les Saint-Mamas de Constantinople . . . . . 261—316
Ѳ. И. Успенскій, Никифоръ Ѳеотоки и Лейпцигское изданіе толкованій на Восьмикнижіе . . . 317—341
В. А. Пашченко, Каталогъ молибдовуловъ коллекціи Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Продолженіе (съ табл. I—IV) . . . . . 342—396
Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1902 годъ 397—410
Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1903 годъ 411—430

PHOT. M. FRANKENSTEIN, VIENNE.

Табл. I. Моливдовулы коллекціи Института.

PHOT. M. FRANKENSTEIN, VIENNE.

Табл. II. Моливдовулы коллекціи Института.

PHOT. M. FRANKENSTEIN, VIENNE.

Табл. III. Моливдовулы коллекціи Института.

PHOT. M. FRANKENSTEIN, VIENNE.

Табл. IV. Моливдовулы коллекціи Института.